А.В. Дулов

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

Национальный центр законодательства и правовой информации
Республики Беларусь

Общественное объединение «Белорусский республиканский союз юристов»

Государственное учреждение «Национальная библиотека Беларуси»

Общество с ограниченной ответственностью «ЮрСпектр»

НАСЛЕДИЕ ПРАВА

А.В. Дулов

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

Минск
«ЮрСпектр»
2024

УДК 34(476)(081)
ББК 67(4Беи)я44
Д81

Серия основана в 2012 году

Члены научного совета проекта «Наследие права»:
директор Национального центра защиты персональных данных Республики Беларусь *А.А. Гаев*; советник Правового департамента Евразийской экономической комиссии *В.А. Дорошкевич*; судья Суда Евразийского экономического союза, заслуж. юрист Республики Беларусь *А.А. Забара*; зам. Председателя Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь *В.Д. Ипатов*; проф., д-р юрид. наук, заслуж. юрист Республики Беларусь, науч. консультант кафедры хозяйственного права БГУ *В.С. Каменков*; Министр юстиции Республики Беларусь *Е.И. Коваленко*; Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Беларусь в Республике Армения *А.В. Конюк; О.Э. Кравцов*; директор Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь *А.Ф. Мательский*; проф., д-р юрид. наук, судья Конституционного Суда Республики Беларусь *Л.М. Рябцев*; начальник Департамента правового обеспечения Постоянного Комитета Союзного государства *О.Л. Слижевский*; генеральный директор ООО «ЮрСпектр» *О.В. Сломенец*; проф., д-р юрид. наук, заслуж. юрист Республики Беларусь, проф. кафедры государственно-правовых дисциплин БГЭУ *В.М. Хомич*.

Координатор проекта: заместитель генерального директора по связям с общественностью ООО «ЮрСпектр» *Д.В. Римша*.

Дулов, А. В.

Д81 Избранные труды / А. В. Дулов. – Минск : ЮрСпектр, 2024. – 520 с. – (Наследие права).

ISBN 978-985-90561-5-4

В книге представлены наиболее значимые труды известного белорусского ученого-правоведа, криминалиста, заслуженного деятеля науки Республики Беларусь, доктора юридических наук, профессора Андрея Васильевича Дулова (1924–2018). Избранные произведения посвящены развитию теоретических и методологических основ криминалистики и судебной экспертизы, научно-правовым проблемам взаимодействия морали и права в социальном государстве.

Издание предназначено для ученых-правоведов, работников законотворческих и правоохранительных органов, сотрудников судебной системы, практикующих юристов, адвокатов, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов юридических специальностей учреждений высшего образования.

ДК 34(476)(081)
ББК 67(4Беи)я44

ISBN 978-985-90561-5-4

© Дулов В.А., 2024
© Оформление. ООО «ЮрСпектр», 2024

Содержание

От организаторов проекта

В.В. МИЦКЕВИЧ 9

А.Ф. МАТЕЛЬСКИЙ 11

В.Ф. ГИГИН 13

Об авторе

Андрей Васильевич Дулов:
научное творчество как образ жизни 15

О новаторе, патриоте, мыслителе 23

**РАЗДЕЛ I. О СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ.
ИЗ ПРОШЛОГО В БУДУЩЕЕ 25**

Вопросы теории судебной экспертизы
в советском уголовном процессе 26

Сущность судебной экспертизы 26

О методе судебной экспертизы 43

Принципы проведения судебной экспертизы 51

Пределы использования судебной экспертизы 74

Судебная экспертиза и другие виды доказательств 95

Сведущие лица в советском уголовном процессе 112

Пределы компетенции эксперта 136

Пути ликвидации нарушений
компетенции экспертов 163

Об оценке заключения эксперта 179

Роль уголовно-процессуальной науки
в развитии судебной экспертизы 190
Литература 194

**РАЗДЕЛ II. ДУХОВНОСТЬ И НРАВСТВЕННОСТЬ
НА СТРАЖЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ 203**

О проблемах подготовки юридических кадров
в Республике Беларусь 204

Судовая або прававая (юрыдычная) псіхалогія 211

Павага да права, да закону павінна стаць асабістым
перакананнем кожнага вучня 216

І абавязвае, і выхоўвае 223

Правовая норма и нравственность 227

Нам не надо доказывать право на Победу 233

Нравственные основы культуры судебной деятельности 238

**РАЗДЕЛ III. КРИМИНАЛИСТИКА:
ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ И ОБРАТНО 245**

Основы расследования преступлений,
совершенных должностными лицами 246

Глава I. Основы разработки методики
расследования преступлений,
совершенных должностными лицами 246
§ 1. Предмет методики расследования 246
§ 2. Цели методики расследования 252
§ 3. Принципы построения методики расследования 258

Глава II. Содержание методики расследования преступлений,
совершенных должностными лицами 265
§ 1. Общая структура методики расследования 265
§ 2. Теоретическая часть методики расследования 269
§ 3. Прогностическая часть методики расследования 279
§ 4. Прикладная часть методики расследования 284

Глава III. Особенности элементов структуры преступлений,
совершенных должностными лицами 294
§ 1. Общие особенности преступлений,
совершенных должностными лицами 294
§ 2. Криминалистический подход
к исследованию деятельности должностного лица 299
§ 3. Функции должностного лица 302

§ 4. Управленческие решения 308
Глава IV. Методы расследования преступлений, совершенных должностными лицами 314
§ 1. Понятие и содержание методов расследования 314
§ 2. Метод криминалистического матрицирования 322
§ 3. Метод криминалистического анализа функций деятельности должностного лица 325
§ 4. Метод криминалистического анализа управленческого решения 331
Глава V. Проведение тактических операций при расследовании преступлений, совершенных должностными лицами 338
§ 1. Значение и система тактических операций 338
§ 2. Тактические операции группы «сбор информации» 344
§ 3. Основные разновидности тактической операции «сбор информации» 352
§ 4. Тактические операции группы «фиксация» 358
Глава VI. Профилактическая деятельность следователя при расследовании преступлений, совершенных должностными лицами 364
§ 1. Цели и принципы профилактической деятельности следователя 364
§ 2. Основные этапы профилактической деятельности следователя 369
§ 3. Выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступлений должностными лицами 371
§ 4. Основные профилактические мероприятия, осуществляемые следователем 376
Поисковый метод перебора вариантов при расследовании преступлений 383
Принципы построения науки криминалистики 385
Метод криминалистического анализа 398
Актуальные проблемы развития криминалистической науки 409
Основы формирования криминалистической теории доказывания 416
Введение 416
1.1. Закономерность и необходимость создания криминалистической теории доказывания 427

1.4. Криминалистическое доказывание в общем процессе уголовно-процессуального познания 444
2.1. Доказывание – самостоятельная цель криминалистики 459
2.2. Предмет теории криминалистического доказывания 470
3.3. Доказывание факта совершения преступления 491
Заключение 496

Методологические теории криминалистики 497

Взаимосвязи уголовного права и криминалистики 506

Основы формирования общей теории борьбы с преступностью 509

Библиографический список трудов А.В. Дулова, опубликованных в настоящем издании 518

От организаторов проекта

Валерий Вацлавович МИЦКЕВИЧ

Председатель общественного объединения «Белорусский республиканский союз юристов», начальник Секретариата Всебелорусского народного собрания

Уважаемый читатель!

С большой радостью представляю вам сборник трудов известного советского и белорусского ученого, специалиста в области теории криминалистики, судебной экспертизы, юридической психологии, юридической этики, доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Республики Беларусь, чьи исследования и труды имеют огромное значение для развития правовой науки и практики, – Дулова Андрея Васильевича.

Жизненный путь этого известного ученого был полон трудностей и испытаний. В 1941 г. Андрей Васильевич добровольно отправился на фронт, чтобы защищать блокадный Ленинград. Пройдя через суровые испытания войны, тяжелое ранение, последующую демобилизацию, он нашел в себе силы и благодаря своим целеустремленности и упорству окончил юридическую школу в эвакуации. После чего вся профессиональная жизнь Андрея Васильевича неразрывно связана с нашей страной и белорусской юридической наукой.

Андрей Васильевич заложил прочный фундамент для развития целого ряда новаторских направлений в современной криминалистической науке. Он разработал теорию тактических операций, применяемых при расследовании преступлений, создал системный подход к методам расследования, а также сформулировал учение о криминальных

стратегиях. Результаты его деятельности нашли свое отражение в учебном пособии «Криминалистика». Кроме того, Андрей Васильевич является автором многочисленных научных работ, которые даже спустя многие годы сохраняют свою актуальность и исключительную практическую значимость.

Занимаясь вопросами судебной психологии, Андрей Васильевич много внимания уделял проблемам разработки нравственных целей, принципов, средств осуществления расследования.

Труды Андрея Васильевича внесли значительный вклад в развитие теории и практики криминалистики. Его идеи до сих пор используются в работе следователей, криминалистов и экспертов. Труды нашего белорусского ученого смело отвечают на вызовы, стоящие перед современной наукой.

Уверен, что эта книга станет вашим незаменимым помощником в навигации по криминалистической науке. Пусть ее страницы послужат источником знаний и практических советов, которые помогут вам эффективно решать возникающие вопросы.

Андрей Францевич МАТЕЛЬСКИЙ

Директор Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь

Уважаемый читатель!

Доктор юридических наук, профессор Андрей Васильевич Дулов известен как патриарх советской и белорусской юридической мысли, ученый-криминалист, судебный психолог, талантливый педагог, организатор и руководитель. Научные труды А.В. Дулова заложили прочный фундамент в развитие белорусской криминалистической школы, а его идеи и разработки до настоящего времени успешно применяются учеными в Беларуси и за рубежом, подтверждая тем самым их непреходящую ценность и актуальность.

Многогранная и многолетняя деятельность Андрея Васильевича не раз была по достоинству отмечена государством и юридическим сообществом. В числе его заслуг и наград – звания «Заслуженный деятель науки Республики Беларусь», «Заслуженный работник БГУ», он является лауреатом премии имени В.И. Пичеты, лауреатом высшей юридической премии «Фемида».

Важно упомянуть и о военном подвиге А.В. Дулова. Когда началась Великая Отечественная война, ему было 17 лет. Однако юный возраст не помешал проявить молодому человеку мужество и отправиться добровольцем на передовую. В первый год войны он перенес тяжелое ранение и ампутацию руки, что не позволило Андрею Васильевичу вернуться

на фронт. За отвагу, проявленную в боевых действиях, он был удостоен высоких государственных наград – ордена Отечественной войны I и II степени, множества медалей.

После войны жизнь А.В. Дулова была всецело посвящена борьбе с преступностью, которую он начал в должности народного следователя прокуратуры Ленинского района г. Ленинграда, очень быстро войдя в ряды лучших следователей Советского Союза. Уже тогда проявился потенциал Андрея Васильевича как ученого: он писал статьи о роли судебных экспертиз в уголовном процессе, обобщал личный опыт расследования дел различных категорий. Вскоре он уже совмещал службу в правоохранительных органах, преподавание и учебу в аспирантуре. Переломным моментом профессионального пути А.В. Дулова стала защита в 1955 г. диссертации по теме «Экспертиза на предварительном следствии» на соискание ученой степени кандидата юридических наук, после чего ему предложили занять должность доцента кафедры уголовного права и процесса Белорусского государственного университета.

В БГУ А.В. Дуловым была создана кафедра криминалистики. Андрей Васильевич являлся не только формальным руководителем, но и подлинным идейным вдохновителем своего детища. Ученому удалось сформировать сильный и сплоченный научно-педагогический состав кафедры, организовать эффективную работу и обеспечить высокий уровень научно-технического оснащения криминалистической лаборатории.

Творческое наследие А.В. Дулова составляет более 600 научных работ, в том числе монографий, учебных пособий, научных статей, учебно-методических разработок. Много труда и творческой энергии он вложил в подготовку научных кадров высшей квалификации. Под его руководством защищено более 50 кандидатских и не менее 10 докторских диссертаций.

Андрей Васильевич Дулов являет собой ярчайший пример ученого и патриота, чье наследие продолжает жить и вдохновлять. Данное издание – это еще одна возможность сохранить и передать знания и идеи, не теряющие своей актуальности для молодого поколения юристов, и дать возможность вновь соприкоснуться с трудами ученого всем тем, кто бережно хранит память о своем учителе, друге и коллеге.

Вадим Францевич ГИГИН

Доцент, кандидат исторических наук, генеральный директор Национальной библиотеки Беларуси

Следователь и ученый-криминалист Андрей Васильевич Дулов (1924–2018) – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Беларусь, автор более 600 публикаций.

Будущий ученый родился в Ленинграде. Уже в пятнадцатилетнем возрасте работал на телефонном заводе «Красная Заря». С началом Великой Отечественной войны пошел добровольцем на фронт. В одном из боев был тяжело ранен, в результате ранения потерял руку. Был награжден орденом Отечественной войны I и II степени.

После войны до 1951 г. служил следователем Ленинского района г. Ленинграда. За профессиональные успехи и достижения был награжден Почетной грамотой Генерального прокурора СССР. Затем поступил в аспирантуру и по результатам обучения защитил кандидатскую диссертацию по развитию теории судебной экспертизы в следственном действии, что стало в дальнейшем его главным научным интересом. Потом А.В. Дулов обучался в докторантуре, и в 1965 г. ему была присвоена ученая степень доктора юридических наук. В 1966 г. он получил звание профессора юриспруденции.

С 1958 г. А.В. Дулов преподавал в Белорусском государственном университете, где в 1972 г. по его инициативе была создана кафедра криминалистики.

А.В. Дулов является создателем научной школы отечественной криминалистики – науки, направленной на изучение средств, приемов и механизмов подготовки, совершения, расследования, раскрытия и предупреждения преступления как противоправного деяния.

Под его руководством впервые на юридическом факультете Белорусского государственного университета читался курс судебной психологии – дисциплины, в рамках которой изучаются психологические закономерности участников судебного процесса.

Под руководством А.В. Дулова более 50 соискателей защитили кандидатские диссертации, четверо из них стали докторами наук. Научные труды А.В. Дулова и в настоящее время не теряют актуальность и практическую значимость. Ими по сей день активно пользуются не только ученые, но и практикующие следователи, работники правоохранительных органов.

А.В. Дулов оставил в истории страны память о себе как об истинном патриоте Отечества на военной и научной ниве, который в годы Великой Отечественной войны, рискуя жизнью, защищал Родину от врага, а затем, несмотря на тяжелое ранение, нашел свое призвание в качестве ученого, развивая и внося новое в основы теории криминалистики и судебной экспертизы, чему и посвятил свою жизнь.

Андрей Васильевич Дулов: научное творчество как образ жизни

А.В. Дулов

Андрей Васильевич Дулов – выдающийся отечественный ученый-правовед. Доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Беларусь, заслуженный работник БГУ, лауреат премии имени В.И. Пичеты, лауреат высшей юридической премии «Фемида», участник Великой Отечественной войны, кавалер орденов и других боевых наград.

За свою долгую профессиональную деятельность Андрей Васильевич неоднократно удостаивался поощрений, среди которых были награды СССР и Республики Беларусь, Правительства Республики Беларусь, государственных органов и общественных объединений, медаль Российского отделения ЮНЕСКО «За заслуги в развитии криминалистики» и многие другие.

Вклад профессора А.В. Дулова в развитие белорусской юридической науки огромен. Его профессиональное наследие составляют более 600 публикаций: монографий, пособий, методических материалов, статей и текстов докладов на различных научных мероприятиях. Его труды по криминалистике и судебной экспертизе, юридической этике и психологии не теряют своей актуальности и сегодня. Множество научных работ как на постсоветском пространстве, так и за его пределами содержат ссылки на научные идеи и разработки профессора А.В. Дулова.

Вопросы, связанные с методологическими проблемами криминалистики и судебной экспертизы, профессиональными аспектами юридической этики и психологии, криминалистической методики расследования преступлений и их криминалистической профилактики, фундаментальные положения криминалистической теории доказывания и многие другие частно-научные аспекты входили в круг научных интересов и достижений Андрея Васильевича. Ему удалось не только сформулировать и разработать их, но еще и увлечь ими многих своих последователей-учеников. Под руководством Андрея Васильевича было защищено более 50 кандидатских диссертаций, не менее десятка его учеников стали докторами юридических наук. Он являлся оппонентом более чем по 100 диссертационным исследованиям.

Ясный ум, научная прозорливость и бесконечный энтузиазм в исследовательской деятельности всегда были отличительными чертами профессора А.В. Дулова. Кто хоть раз слушал его лекции или выступления на конференциях, увлекались его новаторскими идеями и заряжались жизненной энергией, которыми Андрей Васильевич до последнего своего дня щедро делился с окружающими.

Вместе с тем жизнь самого профессора складывалась очень непросто. На его долю выпало множество страданий и жизненных перипетий, которые могли сломать обычного человека, но в итоге сделали его лишь сильнее.

Андрей Васильевич Дулов родился 21 октября 1924 г. в Ленинграде. Будучи старшим сыном в семье, не получив полного среднего образования, в 15 лет он начал работать электромонтером. И неизвестно, как сложилась бы его дальнейшая судьба, если бы в его жизнь, как и в жизнь миллионов его соотечественников, не вмешалась страшная трагедия – Великая Отечественная война. По зову сердца, будучи искренним патриотом своей Родины, в июле 1941 г. А. Дулов уходит добровольцем на фронт.

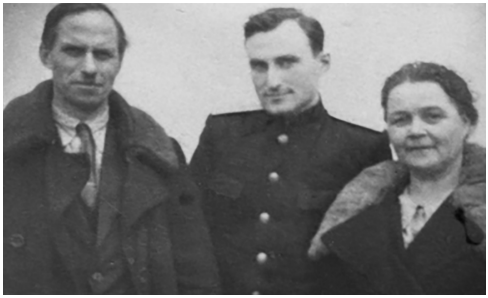
Далее следовали участие в обороне Ленинграда, отмеченное орденом Отечественной войны I и II степени и многочисленными медалями; тяжелое ранение и демобилизация из Красной армии, долгое восстановление здоровья в Ярославле. Проходя медицинскую реабилитацию, А. Дулов задумывается о своем будущем, видит и оценивает сложности, с которыми сталкиваются обычные люди за линией фронта, в тылу, понимает, что они ведут свою войну – уже с нарушениями правопорядка и законности. А.В. Дулов под влиянием сложившихся обстоятельств и сформировавшихся собственных интересов принимает решение продолжить свое обучение и в Ярославле получает среднее специальное юридическое образование.

И уже в 1944 г. молодой юрист вернулся в освобожденный Ленинград, чтобы начать работать следователем прокуратуры. Всего через два

А.В. Дулов – старший следователь прокуратуры г. Ленинграда. 1950

года он уже занимает должность старшего следователя прокуратуры г. Ленинграда, становится участником совещания лучших следователей Советского Союза, получает высокую ведомственную награду – Почетную грамоту Генерального прокурора СССР.

В скором времени А.В. Дулов начинает работать в следственной группе Генеральной прокуратуры СССР и опять задумывается о продолжении образования. Одновременно со службой в прокуратуре Андрей Васильевич обучается во Всесоюзном юридическом заочном институте, проявляя и демонстрируя не только ученическое усердие, но и исследовательские способности. Склонность к научным изысканиям воплощается в первых статьях А.В. Дулова, опубликованных в сборнике «Следственная практика». Обобщение личного опыта расследования различных уголовных дел находит свое отражение в научных публикациях и выступлениях на конференциях. Особое внимание Андрей Васильевич уделяет роли и значимости использования специальных знаний в уголовном преследовании, практическим аспектам применения судебных экспертиз в уголовном процессе.



А.В. Дулов с родителями

Эти научные разработки сформировали основу диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук, которую А.В. Дулов успешно защищает в 1955 г. в Ленинградском государственном университете. Здесь же он делает первые шаги в своей научно-преподавательской работе, ставшей его судьбой.

В 1958 г. молодой ученый принимает окончательное решение посвятить себя научно-педагогической деятельности в сфере юриспруденции. Множится круг его научных интересов. Широкий спектр проблем из области правового воспитания, криминалистики, уголовного процесса и судебной экспертизы становится предметом его научных изысканий. Андрей Васильевич переезжает в Минск и становится доцентом кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Белорусского государственного университета. С этого времени вся его личная

А.В. Дулов в кругу коллег на юридическом факультете БГУ

и профессиональная жизнь неразрывно связана с белорусским государством и университетом.

Многоаспектность научных проблем и вопросов, разрешаемых А.В. Дуловым, оказывается прочно связанной с развитием криминалистической науки и юридического образования. Андрей Васильевич ставит перед собой претенциозные цели – обучить и воспитать новое поколение правоведов, ученых и практиков, способных вдумчиво и всесторонне анализировать любую юридическую ситуацию.

Проявляя настойчивость и бесконечный энтузиазм, А.В. Дулов создает новые направления в криминалистике, развивает передовые теории и концепции, заслуженно приобретая научный авторитет и всеобщее признание в качестве новатора в области криминалистики и судебной экспертизы.

В возрасте 41 года он защищает диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук. В основе научной работы лежали четыре крупных монографических исследования в период 1950–1960-х гг. и более 70 авторских статей. Таким образом, были сформированы предпосылки создания общей теории и методологии криминалистики, ставших в последующем фундаментом научной школы профессора А.В. Дулова. Отмечая особенности применения в криминалистических целях различных методов изучения закономерностей следообразования, Андрей Васильевич научно обосновывает ряд теоретических положений криминалистики в качестве самостоятельной научной дисциплины; говорит и пишет о принципах построения методик расследования, в которых должна реализовываться прикладная функция науки; и еще многие

А.В. Дулов проводит лабораторное занятие по криминалистике

А.В. Дулов читает лекцию на юридическом факультете БГУ

научно-теоретические построения и практические вопросы интересуют ученого.

Уже тогда он становится генератором идей, вдохновителем для многих своих университетских коллег, подлинным наставником для студентов и учеников. При этом А.В. Дулов проявляет себя не только как успешный криминалист-ученый, но и как талантливый организатор. Именно благодаря его настойчивости и научной инициативе в 1972 г. на юридическом факультете Белорусского государственного университета была создана кафедра криминалистики, которой профессор А.В. Дулов умело руководил на протяжении 18 лет. Сочетание научных традиций и исследовательского опыта с новаторскими идеями стало основной особенностью работы кафедры, где рядом с опытными оперативниками и следователями, перешедшими на преподавательскую работу, трудились молодые специалисты, развивающие идеи и актуальные направления криминалистической науки. На кафедре под руководством и при непосредственном участии профессора А.В. Дулова стали динамично развиваться различные направления криминалистики.

Особое внимание следует обратить на развитие профессором А.В. Дуловым системно-структурного и деятельностного подходов

А.В. Дулов с сотрудниками кафедры криминалистики БГУ. 1985

при осуществлении научных исследований в области борьбы с преступностью в целом и криминалистики в частности. Эти подходы были использованы при разработке новых учебных дисциплин, одной из которых стала судебная психология.

А.В. Дулов проводит заседание кафедры криминалистики. 1974

Впервые в СССР на юридическом факультете Белорусского государственного университета по инициативе Андрея Васильевича была введена учебная дисциплина «Судебная психология», сразу получившая огромную по интересу и масштабу обратную связь как от студентов и ученых, так и от практикующих работников. Живой интерес к проблемам психологической стороны правоотношений и практическую значимость дисциплины отметили сразу. Изданное дважды (в 1970 и 1975 гг.) учебное пособие «Судебная психология» получило массу положительных отзывов, и только в зарубежных странах на него было опубликовано 16 рецензий.

Использование системно-структурного и деятельностного подходов позволило по-новому посмотреть на теорию криминалистического изучения преступления. Андрей Васильевич сосредоточился на том, что до него никто не делал. Он отметил, что из большого числа закономерностей, которые должна изучать криминалистика, выпадает важнейшее звено – само преступление. Так родилась идея о необходимости исследования в криминалистике материальной структуры преступления, которая в процессе научной разработки чаще стала называться криминалистической структурой преступления. Целесообразность ее конструирования многократно подтверждалась практикой расследования различных категорий дел. И сегодня можно сказать: материальная структура преступления являлась прообразом информационно-теоретических моделей преступной деятельности. Андрей Васильевич большое внимание уделял изучению метода моделирования применительно к различным криминалистическим научно-практическим проблемам.

Еще одним направлением в криминалистике, созданным на основе применения системного подхода, является вывод о том, что следственные действия недостаточно изучать вне системных связей. Будучи средствами тактических задач расследования, они должны применяться в определенных комплексах. Обоснование наличия самостоятельного тактического средства расследования преступлений в виде тактических операций внесло существенный вклад в процесс совершенствования

расследования преступлений. Это можно назвать еще одним достижением научной школы под руководством А.В. Дулова.

А.В. Дулов принимает участие в международной конференции. 2014

Именно А.В. Дуловым неоднократно подчеркивался факт наличия криминалистической составляющей в деятельности многих государственных структур и институтов, непосредственно не занимающихся расследованием преступлений. Практически все государственные органы в той или иной мере выявляют нарушения нормативных правовых актов, среди которых могут быть обнаружены и деяния с явными признаками преступлений. В связи с чем должностные лица должны обладать знаниями о системе признаков преступлений, совершаемых в сфере их деятельности, уметь делать выводы о закономерностях проявления таких признаков, давать им оценку и обеспечивать сохранность будущих доказательств, в определенной мере – знать и применять научно обоснованные положения криминалистической тактики. Криминалистическая наука, как писал и говорил профессор А.В. Дулов, позволяет успешно справляться с этим рядом задач.

Такое расширение границ при изучении криминалистической деятельности позволило на более прочной научной основе подойти к решению многих проблем криминалистики. Стало возможным шире рассмотреть проблему криминалистической профилактики. Этот тезис был последовательно развит А.В. Дуловым и его учениками в своих работах. Предметом самостоятельных диссертационных исследований, осуществленных под руководством профессора А.В. Дулова, были методы психологического анализа, системный анализ в криминалистической деятельности, метод экономического анализа, метод бухгалтерского анализа, метод матрицирования, метод ретроспекции, метод рефлексии, метод анализа генезисного развития преступления и др.

Одним из первых профессор А.В. Дулов, оценив современные тенденции развития общества и государства, отметил ценность и значимость особой категории следов преступной деятельности – социальных отражений. Изменения, вносимые преступлением в ряд социальных процессов и деятельность социальных институтов, в одних случаях могут выступать в качестве одного из показателей ущерба, нанесенного

преступлением, в других случаях – являться индикаторами социальной деятельности, указывающими на ее недостатки и недоработки.

Глубокое изучение общих тенденций развития и частных направлений науки позволило выявить еще один новый элемент в структуре научного знания и использовать его для развития криминалистики. А.В. Дулов увлеченно говорил и о понятии «стратегия криминалистики». Следует отметить, что долгое время в криминалистике доминировала четырехзвенная система науки: теоретические основы криминалистики; криминалистическая техника; тактика; методика расследования отдельных видов преступлений. Профессор А.В. Дулов обогатил ее новым разделом – криминалистическая стратегия.

Перечисленные научные идеи и разработки профессора Андрея Васильевича Дулова представляют далеко не полный список его исследовательских достижений. Каждая опубликованная работа А.В. Дулова, будучи, по сути, научным прорывом в свое время, и по сей день дает возможность развить новые концептуальные положения в сфере криминалистики, судебной психологии и судебной экспертизы. Можно с уверенностью сказать, что изучение научного наследия Андрея Васильевича Дулова позволит не только взглянуть на научные проблемы в ретроспективе, но и обеспечит их решение в теоретическом и практическом плане в будущем.

Андрей Викторович ШИДЛОВСКИЙ,
декан юридического факультета БГУ,
кандидат юридических наук, доцент

Вячеслав Борисович ШАБАНОВ,
заведующий кафедрой криминалистики
юридического факультета БГУ,
доктор юридических наук, профессор

Григорий Александрович ШУМАК,
кандидат юридических наук, доцент

Игорь Романович ВЕРЕНЧИКОВ,
профессор кафедры криминалистики
юридического факультета БГУ,
кандидат юридических наук, доцент

Ирена Александровна ЛАПИНА,
доцент кафедры криминалистики
юридического факультета БГУ,
кандидат юридических наук, доцент

О новаторе, патриоте, мыслителе

История белорусской юриспруденции богата на выдающиеся личности. Именно таким был Андрей Васильевич Дулов – заслуженный деятель науки Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор, основатель кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, лауреат премии имени В.И. Пичеты, лауреат высшей премии «Фемида», обладатель наград Правительства Республики Беларусь, Следственного комитета, государственных органов и общественных объединений, медали Российского отделения ЮНЕСКО «За заслуги в развитии криминалистики».

Андрей Васильевич был настоящим патриотом, человеком с неиссякаемой энергией, который прошел яркий жизненный путь. Уже с 15 лет он работал электромонтером на ленинградском заводе «Красная Заря». В 1941 г. 17-летним добровольцем ушел на фронт, защищал блокадный Ленинград, награжден боевыми орденами и медалями. После тяжелого ранения (он потерял руку) был демобилизован и в эвакуации окончил юридическую школу. Андрей Васильевич был одним из самых молодых и подающих надежды следователей прокуратуры в г. Ленинграде. В 1958 г. А.В. Дулов переехал в г. Минск, где, будучи уже кандидатом юридических наук, стал доцентом юридического факультета Белорусского государственного университета. Научные исследования в области криминалистики и судебной экспертизы оставались приоритетными, как и преподавательская деятельность, и после защиты докторской диссертации (1965) явились источником формирования общей теории и методологии криминалистики, основой создания белорусской научной криминалистической школы. Андрей Васильевич разработал новый подход к методике расследования преступления. В сфере научных интересов профессора также находились проблематика этики в праве,

вопросы теории и практики организации судебно-экспертной деятельности. Он известен и как основатель научного направления «Судебная психология».

Андрей Васильевич по праву считается новатором, реформатором криминалистической науки, является автором более 500 научных работ.

Неоценим вклад А.В. Дулова в создание (1972) и становление кафедры криминалистики Белорусского государственного университета. Вклад ученого в науку не ограничивался собственными научными исследованиями. Андрей Васильевич щедро делился своими идеями и проектами со студентами, аспирантами и коллегами-учеными. Умение вести научную дискуссию, убеждать и заинтересовывать научными знаниями – одна из ярких черт профессора, и по сей день вспоминаемая его многочисленными учениками, слушателями и оппонентами. При этом он тонко чувствовал настроение аудитории, умел и похвалить, и корректно пожурить своих оппонентов.

Редкое заседание кафедры или выступление на конференции обходилось без представления новых научно-теоретических криминалистических схем, моделей, тут же изображаемых мелом на доске. Даже обычная беседа Андрея Васильевича с коллегой или студентом могла превратиться в увлекательный научно-практический семинар.

Сборник предоставляет читателю возможность познакомиться с биографией Андрея Васильевича Дулова, разнообразием и глубиной его научных трудов, дает уникальную возможность оценить новаторство и широту авторской мысли.

Уверены, что знакомство с этой книгой станет источником вдохновения для публикаций ученых и студентов, что, в свою очередь, будет способствовать совершенствованию и развитию права.

Игорь Анатольевич МОРОЗ,
директор государственного учреждения
«Научно-практический центр проблем укрепления законности
и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»

Дарья Олеговна СИДОРЕНКО,
главный специалист
государственного учреждения «Научно-практический центр
проблем укрепления законности и правопорядка
Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»

Раздел I
О судебной экспертизе. Из прошлого в будущее

Вопросы теории судебной экспертизы в советском уголовном процессе

Публикуется по книге: Дулов, А. В. Вопросы теории судебной экспертизы в советском уголовном процессе / А. В. Дулов. – Минск : Изд-во Белорус. гос. ун-та, 1959. – 187 с.

Сущность судебной экспертизы

Процесс обнаружения истины по каждому конкретному уголовному делу состоит в собирании фактов, их анализе, логическом осмысливании, оценке, что в конечном итоге дает возможность делать выводы по делу в целом.

Оценивая факты – доказательства по делу, изолированно и в совокупности, следователь и суд производят такую же логическую работу, которую производит любой человек, сталкиваясь с каким-либо фактом в обыденной жизни. При оценке фактов человек использует свой жизненный опыт, знания, определенные установившиеся положения и таким образом выводит суждения об истинности или ложности, о природе факта, отношении его к другим фактам, явлениям, событиям.

В определенных случаях используются презумпции, которые есть результат обобщенных знаний, повторяющихся наблюдений, передаваемых поколениями, и являются коллективным, традиционным опытом.

Когда «...действует какая-либо презумпция, будь то в праве, науке или в обыденной жизни, исследователь отправляется от какого-то

заранее данного или принятого им обобщения как от положения, предполагаемого установленным и не нуждающимся в доказательствах»[1].

В некоторых случаях в процессе исследования уже установленных фактов используется личный обобщенный опыт исследователя, и тогда при оценке определенных новых фактов он будет пользоваться своим прошлым опытом.

Чаще всего для получения суждения пользуются фактами, группами фактов, которые в совокупности дают возможность вывести суждение о другом определенном факте или явлении. Это особенно относится к исследованию доказательств по уголовным делам, где факты оцениваются при помощи других, уже имеющихся в деле, или при помощи тех, которые еще необходимо собрать для того, чтобы оценить ранее установленный факт.

Например, вызванный для допроса гражданин утверждает, что он принимал участие в составлении технической документации по трудовому соглашению в составе бригады. За эту работу им была получена сумма денег, значащаяся в платежных документах. Следователем же собраны доказательства, что данная документация похищена из другого проектного учреждения. Это подтверждено документами и признаниями других свидетелей. Имея такие факты, следователь сделает вывод, оценит показания гражданина.

В другом случае гражданин, привлеченный в качестве обвиняемого в убийстве, при допросе сообщает, что в день убийства он находился в командировке. Следственные действия, направленные на проверку факта действительного пребывания обвиняемого в другом городе, дадут следователю возможность вывести суждение о сообщенном обвиняемым факте.

В процессе исследовательской работы по восстановлению действительной картины события преступления действия следователя и суда не ограничиваются построением и разрешением логических силлогизмов. Процесс познания истины по уголовным делам значительно сложнее и включает в себя все методы диалектического познания. В то же время в процессе исследовательской работы по познанию истины следователь и суд не могут самостоятельно вскрыть все стороны проявления сущности исследуемых явлений и предметов, все причины явлений и их взаимосвязи. Для этого в ряде случаев необходимы познания в определенной области науки, применение различной аппаратуры и специальных методов исследования, которыми располагают современная наука и техника.

В таких случаях прибегают к помощи специалистов.

---

[1] В.И. Каминская. Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе. М., 1948, стр. 7.

Установление подлинной (а не только видимой для не обладающего специальными познаниями человека) сущности факта или явления со стороны специалиста становится возможным только в силу знания им приемов и методов своей отрасли науки, применения новейших средств исследования.

Научные знания дают возможность привлекаемому судом специалисту не только вскрыть дополнительные стороны проявления сущности рассматриваемых судом предметов и явлений, но и установить взаимосвязь между различными явлениями, установить причины и следствия их. Все это намного расширяет фактический материал, которым располагает суд, и облегчает ему установление объективной истины по уголовному делу.

Деятельность специалистов различных отраслей науки, протекающая в определенных процессуальных границах, по исследованию конкретных обстоятельств уголовного дела с целью получения от них заключения, содержащего новые доказательственные факты, расширяющие познания следствия и суда об этих обстоятельствах, и является в советском уголовном процессе судебной экспертизой.

Специфическая особенность судебной экспертизы в советском уголовном процессе – строго научный характер положений, используемых экспертами. Знания эксперта дают ему возможность не только вскрыть сущность данного явления или вещи на основании имеющихся у него профессиональных навыков, но и вскрыть все причины, закономерности данного явления. Одних профессиональных навыков для выполнения задач судебной экспертизы недостаточно. Профессиональный опыт и навыки во многих случаях не дают знаний о причинах и взаимосвязях явлений, которые необходимы для проведения судебной экспертизы.

Поэтому совершенно правильными являются предложения о формулировании судебной экспертизы в УПК с указанием на привлечение в качестве судебных экспертов только лиц, имеющих знания какой-либо науки, исключив опытность в ремесле или искусстве[1].

Рассматривая сущность судебной экспертизы, прежде всего следует указать, что она, как процесс познания, не остается неизменной, что она все время диалектически видоизменяется, развивается, углубляется.

Постоянное изменение сущности судебной экспертизы происходит с двух сторон. С одной стороны, поскольку она есть научное исследование в определенной отрасли знаний, – от постоянного развития уровня знаний данной науки и общих методов познания. С другой стороны, постоянное изменение сущности судебной экспертизы обусловливается изменением форм уголовного процесса, роли судебной экспертизы

[1] Именно так и формулируют проекты УПК Грузинской, Белорусской, Украинской и других союзных республик 1958, 1959 гг.

в этом процессе, норм, регулирующих ее деятельность, что в конечном итоге зависит от экономической жизни общества. Отсюда коренное отличие сущности судебной экспертизы в советском уголовном процессе от сущности экспертизы в буржуазном уголовном процессе.

Сущность судебной экспертизы в советском уголовном процессе коренным образом отличается от судебной экспертизы в буржуазном уголовном процессе по классовой направленности, что определяет их различные цели и задачи. Такое отличие в сущностях судебной экспертизы, в частности, находит выражение в нормативной регламентации деятельности специалистов, привлекаемых для проведения судебной экспертизы, что призвано облегчить выполнение служебной роли судебной экспертизы по отношению к классовой сущности уголовного процесса.

Если в советском уголовном процессе нормы, регламентирующие деятельность экспертов, способствуют получению от них объективного заключения, то в буржуазном уголовном процессе (вне зависимости от теоретического рассмотрения экспертизы как самостоятельного доказательства или как разновидности свидетельских показаний) эти нормы служат целью облегчить использование судебной экспертизы в интересах господствующего класса буржуазии. Право приглашения экспертов сторонами, состязательная, контрольная экспертизы – все эти и им подобные конструкции призваны оказать помощь только тому, у кого есть деньги.

Качественное отличие сущности и содержания советской судебной экспертизы от буржуазной предопределяет и пользование отличными методами исследования, познания истины при проведении научных судебных экспертиз. Только судебной экспертизе социалистического государства присуще последовательное применение метода марксистской философской диалектики в процессе познания истины, являющееся единственно верным путем ее отыскания.

Именно поэтому нельзя механически переносить определение сущности судебной экспертизы буржуазного уголовного процесса (как, собственно, и всех других понятий и институтов буржуазного права) на определение сущности судебной экспертизы в советском уголовном процессе.

Судебная экспертиза как процесс научного исследования, целью которого является установление объективной истины, имеет те же составные элементы, что и любой процесс научного познания: 1) наличие определенной группы фактов, 2) исследование этих фактов, 3) получение результата, вывода, которым разрешается поставленная задача в деле установления определенной объективной истины.

В результате исследования фактов, материалов уголовного дела специалист сообщает следствию или суду свое заключение, которое и является источником возникновения новых доказательственных фактов по делу.

Ст. 58 действующего УПК РСФСР и аналогичные статьи УПК других союзных республик под доказательствами понимают и доказательственные факты, и средства, источники доказывания. В этом отношении более четким и правильным является изложение этого положения в ст. 16 «Основ уголовного судопроизводства» 1958 г., которая гласит: «Доказательствами по уголовному делу являются любые фактические данные, на основе которых в определенном законом порядке органы дознания, следствия и суд устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела. Эти данные устанавливаются показаниями свидетеля, показаниями потерпевшего, показаниями подозреваемого, показаниями обвиняемого, заключением эксперта, вещественными доказательствами, протоколами следственных и судебных действий и иными документами».

В соответствии с этим всегда четко следует различать, что заключение эксперта является источником установления доказательственных фактов и в то же время содержит новые доказательственные факты.

Деятельность специалиста по исследованию фактов уголовного дела, требующих специальных познаний, и дача им заключения, в котором сообщаются новые установленные факты, и называется в советском уголовном процессе экспертизой, а специалист, производящий исследование и дающий заключение, – экспертом.

Такое понимание терминов «экспертиза» и «эксперт» в уголовном процессе полностью соответствует филологическому пониманию этих терминов. Так, в Толковом словаре русского языка под словом «эксперт» понимается «сведущее лицо, специалист, привлекаемый для того, чтобы *высказать свое мнение, дать заключение* (подчеркнуто нами. – *А. Д.*) по поводу какого-н. дела, вопроса», а под экспертизой – «рассмотрение какого-н. дела, вопроса экспертами *для дачи заключения*»[1] (подчеркнуто нами. – *А. Д.*). В словаре русского языка под редакцией акад. С.П. Обнорского под словом «эксперт» понимается «специалист, *дающий заключение* (подчеркнуто нами. – *А. Д.*) при рассмотрении какого-н. вопроса», а экспертиза – как «рассмотрение какого-н. вопроса экспертами *для дачи заключения*»[2] (подчеркнуто нами. – *А. Д.*).

Таким образом, целью привлечения специалиста-эксперта является получение от него заключения, содержащего ранее неизвестные сведения и факты, а в качестве средств для достижения этой цели используются

---

[1] Толковый словарь русского языка под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М., 1940, т. IV, стр. 1406.

[2] Словарь русского языка под ред. акад. С.П. Обнорского. М., 1952, стр. 858.

имеющиеся у него знания, методы и средства определенной науки и производимые им исследования фактических обстоятельств по делу[1].

Заключения экспертов носят характер объективной истины, верно отражающей определенные обстоятельства данного дела на основании научного анализа определенной группы фактов. «Заключения экспертов» – категория объективная, поскольку они верно отражают действительность и основаны на твердо установленных закономерностях в определенной науке, а не субъективная, так как в последнем случае мы неминуемо пришли бы к выводу, что научные знания не дают возможности установить объективную истину, а это в корне противоречит марксистско-ленинской философии.

То обстоятельство, что заключение эксперта подлежит оценке со стороны следствия и суда, нисколько не может изменить сущности заключения эксперта как определенной объективной истины. Свою объективную истинность заключение эксперта приобретает от истинности тех научных познаний, методов, средств, на которых оно основано, а не от «утверждения» этого заключения «истинным» со стороны органов следствия или суда.

Проверка заключения эксперта со стороны органов следствия и суда, правила выбора эксперта, наделение эксперта и ряда других субъектов уголовного процесса определенными правами и обязанностями при проведении экспертизы, особый порядок собирания и исследования материалов необходимы для того, чтобы предельно исключить элементы субъективного в том заключении, которое будет положено судом в обоснование приговора.

Объективный характер выводов эксперта подчеркивается даже самим термином «*заключение*», в то время как сторонники иного понимания сущности деятельности эксперта и его выводов пользуются термином «*мнение*», действительно отражающим чисто субъективный характер определенных высказываний[2]. Поэтому нельзя признать правильным, когда в нашей литературе наряду с термином «заключение» применяют и термин «мнение», ибо за этим, казалось бы, терминологическим различием скрывается различное понимание сущности судебной экспертизы.

В этом можно убедиться на примере книги Р.Д. Рахунова «Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе». И в первом, и во втором издании этой книги наряду с термином «заключение»

---

[1] Понимание цели судебной экспертизы как получения заключения от эксперта, а самой экспертизы как процесса исследования проводится почти всеми советскими процессуалистами и криминалистами, разбиравшими в своих работах вопросы судебной экспертизы. См. работы А.Я. Вышинского, М.С. Строговича, А.И. Винберга, Р.Д. Рахунова и др.

[2] Поэтому в дореволюционной литературе и законодательстве пользовались термином «мнение эксперта», отражающим субъективистские тенденции уголовного процесса царской России.

встречается и термин «мнение». Употребление различных терминов автором не является чистой случайностью, а до какой-то степени отражает и понимание им сущности экспертизы. В этом нас убеждает фраза, взятая из книги Р.Д. Рахунова: «Эксперт в своих выводах всегда излагает составившееся у него в результате произведенного исследования *субъективное суждение*»[1] (подчеркнуто нами. – *А. Д.*). Нет, он излагает не субъективное суждение, а *объективное заключение*, основанное на знании закономерностей определенной науки. Именно поэтому правосудие и прибегает к помощи науки в виде судебной экспертизы, чтобы вскрыть объективные, действительно существующие, причины и следствия, действительно существующую сущность, в тех случаях, когда для этого нужны специальные познания. Суду нужны не субъективные мнения, а объективные заключения, и только получение таких заключений и составляет цель назначения судебной экспертизы.

Право на изложение «мнений» экспертом отстаивают те, кто пытается, вопреки истине, доказать, что эксперт (речь идет о некоторых судебных медиках) должен делать вывод не только из обстоятельств, для познания которых необходимы знания данной науки, но и из всех других обстоятельств уголовного дела. В подобных случаях эксперт действительно будет давать только «мнение» – свое субъективное воззрение на обстоятельства данного дела. Это противоречит цели назначения судебной экспертизы в советском уголовном процессе – получению объективного научно обоснованного заключения эксперта. В работах некоторых советских процессуалистов цель производства судебной экспертизы – получение от эксперта заключения – или вовсе отрицается, или высказывается в таких формулировках, которые предполагают возможность различного понимания сущности деятельности экспертов. В работах отдельных авторов даже нечетко формулируется само понимание цели деятельности эксперта как дачи заключения. Так, в книге проф. М.М. Гродзинского читаем: «...задача эксперта заключается в том, чтобы исследовать при помощи специальных знаний соответствующие материалы дела и сообщить следственным органам и суду свои таким путем *полученные сведения* (подчеркнуто нами. – *А. Д.*) об определенных фактах, имеющих значение для дела»[2].

Приведенная выше формулировка, сообщая, что эксперт должен исследовать материалы дела при помощи специальных знаний, в то же время не уточняет, какие сведения он должен сообщить следствию и суду в результате произведенных им исследований: должно ли это быть

---

[1] Р.Д. Рахунов. Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе. М., 1950, стр. 15.

[2] М. Гродзинский. Кассационное и надзорное производство в советском уголовном процессе. М., 1953, стр. 207.

простое описание наблюдаемых фактов, или эти сведения должны представлять из себя заключение эксперта как вывод, основанный на исследовании материалов дела и знании закономерностей определенной науки. Такое расплывчатое формулирование задачи деятельности эксперта привело проф. М.М. Гродзинского к крайне широкому пониманию сущности судебной экспертизы.

Под экспертизой в настоящее время он понимает *любое* участие специалиста в *любом* следственном действии[1], отрицая, таким образом, что в процессе судебной экспертизы обязательно должно быть проведено исследование и что целью производства судебной экспертизы является получение *заключения*. Следовательно, проф. М.М. Гродзинский отрицает судебную экспертизу как самостоятельный процесс познания определенных фактов средствами и методами конкретной науки. При таком понимании судебной экспертизы сущность ее входит в прямое противоречие с основными положениями советского доказательственного права. В ст. 16 «Основ уголовного судопроизводства» 1958 г. прямо говорится о *заключениях* экспертов.

В работе акад. А.Я. Вышинского также имеются формулировки, содержание которых представляется спорным. Он пишет: «...лицо, вызванное к следствию или в суд в качестве эксперта, обязано явиться и участвовать в процессе, давая в *соответствующих случаях* (подчеркнуто нами. – *А. Д.*) заключения по предъявленным экспертизе вопросам»[2].

Эта формулировка дает основание полагать, что может существовать какая-то деятельность эксперта и без дачи заключения органам следствия или суду. В действительности же получение заключения от эксперта является единственной целью назначения экспертизы в советском уголовном процессе.

Отрицание цели назначения судебной экспертизы, как получение заключения от эксперта, имеет место и в понимании сущности судебной экспертизы проф. М.А. Чельцовым, который считает, «...что особенностью заключения эксперта, отличающей его от всех других источников доказательств, является *представление экспертом суду* (или органам следствия) *опытного положения из области специальных знаний эксперта, под которое он подводит исследуемые им факты дела»*[3].

Развивая свою мысль, проф. Чельцов далее пишет: *«Сообщение следователю или суду опытного положения, под которое должен быть*

---

[1] М.М. Гродзинский, Сущность и формы экспертизы в советском уголовном процессе. Ученые записки Харьковского юридического института, вып. VI, 1955, стр. 65.

[2] Акад. А.Я. Вышинский. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1950, стр. 276.

[3] М.А. Чельцов. Советский уголовный процесс. М., 1951, стр. 173.

подведен определенный факт дела, и является специфической чертой заключения экспертов.

Вся деятельность эксперта может быть исчерпана этим сообщением (подчеркнуто нами. – *А. Д.*).

Но в действительности эксперт обычно не ограничивается передачей опытного положения. Выдвинув его как большую посылку силлогизма, он подставляет под нее определенные факты дела и в своем *заключении* дает суду *частное* суждение»[1].

Следовательно, проф. М.А. Чельцов считает, что решающим признаком отличия заключения эксперта от других источников доказательств является сообщение им суду опытного положения и, более того, что вся деятельность эксперта может ограничиться этим сообщением.

Эти же взгляды он развивал и в своей работе, написанной в соавторстве с Н.В. Чельцовой[2]. «...Общим в деятельности всех экспертов, – пишут они, – всегда должно быть одно: указание следователю и суду тех опытных положений из области специальных знаний, под которые эксперт считает правильным подвести определенные факты дела, и установление таким путем нового факта (доказательства)». И дальше, что «...теоретически в деятельности эксперта не является обязательным *самый* вывод, т.е. *подведение* фактов дела под выдвинутое экспертом *опытное положение*»[3].

Понимание юридической природы экспертизы проф. М.А. Чельцов, по его собственному признанию, воспринял от дореволюционного процессуалиста В.Д. Спасовича, который впервые обосновал эту теорию экспертизы в своих лекциях, а затем развил это в ряде своих судебных речей[4]. Позднее взгляды Спасовича были отражены в немецкой литературе проф. Ф. Штейном, а в русской – А. Завадским[5].

Они считали, что для решения специального вопроса суд должен построить силлогизм, где большой посылкой будет положение науки, сообщенное специалистом-экспертом, меньшей же посылкой будут являться фактические обстоятельства данного дела, которые необходимо подвести под большую посылку. Когда имеются обе посылки, то заключение

---

1 М.А. Чельцов. Советский уголовный процесс. М., 1951, стр. 175.

2 М.А. Чельцов, Н.В. Чельцова. Проведение экспертизы в советском уголовном процессе. М., 1954.

3 Там же, стр. 22–23. Вместе с тем в этой работе имеется совершенно правильное, с нашей точки зрения, утверждение о том, что «...постоянным, неизменным, характерным для экспертизы признаком является дача экспертом заключения, в котором он объясняет отдельные обстоятельства дела на основе своих специальных знаний» (стр. 43). Таким образом, в этой работе в одном случае основным признаком экспертизы считается сообщение экспертом опытных положений, а в другом – дача им заключения.

4 В.Д. Спасович. Соч., т. III, СПб.,1890; т. V, СПб.,1893.

5 А. Завадский. Что дает суду эксперт по воззрению проф. Штейна. Протоколы юридического об-ва при Казанском университете, Казань, 1900.

выводит сам суд. Отсюда делался вывод, что экспертиза сводится только к сообщению специалистом опытного положения; в науке, в сообщении суду для его исследовательской работы большой посылки силлогизма.

Окончательный вывод из этой теории экспертизы А. Завадский формулировал следующим образом: «...Экспертиза выделяется из ряда других доказательств тем, что здесь лицо сообщает суду о существовании какого-либо опытного положения. Этим сообщением и ограничивается задача эксперта»[1].

Отстаивание такой теории судебной экспертизы во второй половине XIX в. могло оказывать положительное влияние на развитие уголовного процесса, так как указывало на необходимость суду и следователю самым активным образом вмешиваться в обсуждение специального вопроса, тем самым разрушало теорию формальных доказательств с воззрением на судебную экспертизу как на совершенный вид доказательства, не подлежащий оценке и обсуждению со стороны суда. В этой теории, где сведения, сообщаемые экспертом, рассматривались как большая посылка силлогизма и где суд сам должен был производить подведение под эту посылку обстоятельства конкретного дела (меньшую посылку силлогизма), – суд должен был активно применять, а следовательно, проверять и оценивать сведения, сообщаемые экспертом.

В этом была положительная роль данной теории судебной экспертизы в период борьбы с теорией формальных доказательств, во время перехода от уголовного процесса феодализма к буржуазному уголовному процессу.

Проф, М.А. Чельцов считает возможным принять эту теорию и в нашем советском уголовном процессе.

Более детально разбирая выдвинутую проф. М.А. Чельцовым теорию судебной экспертизы, прежде всего следует подвергнуть критике применяемое им понятие «опытные положения».

Понятие «опытные положения» никак не вмещает в себя все знания сущностей, причин и следствий, закономерностей, которыми располагает любая наука и которые применяет эксперт для исследования обстоятельств конкретного дела.

Критикуя проф. М.А. Чельцова за применение этого термина, проф. М.С. Строгович пишет: «Само понятие „опытное положение“ является неясным и неточным. Конечно, в любой науке устанавливаются и действуют общие положения, основанные на опыте и выражающие изучаемые данной наукой закономерности. Но М.А. Чельцов понятию „опытное положение“ придает иное значение – это *только* опытное положение, не больше, чем опытное, оно получается только путем

[1] А. Завадский. Что дает суду эксперт по воззрению проф. Штейна. Протоколы юридического об-ва при Казанском университете, Казань, 1900, стр. 102.

индукции и не может претендовать на безусловное научное значение. Такое понимание общих положений науки неправильно, на таких положениях ни наука вообще, ни научная экспертиза основываться не могут. Эксперт исходит в своих выводах из подлинных научных положений, из достижений науки, в которых выражаются закономерности изучаемых данной наукой явлений»[1].

Таким образом, уже эту исходную точку понимания сущности судебной экспертизы проф. М.А. Чельцовым никак нельзя считать правильной.

Но если вместо термина «опытные положения» применять термин «общие положения науки», то и это не сделает правильным конструкцию сущности судебной экспертизы, предлагаемую проф. М.А. Чельцовым.

Во многих случаях конкретная отрасль науки вообще не располагает еще определенными, твердо установленными положениями, под которые можно было бы «подвести» конкретные обстоятельства уголовного дела. Основное, что вносит судебный эксперт, – это знание общих закономерностей определенной отрасли науки, знание специального метода этой науки и специальных средств, применяемых в этой науке для исследования. Процесс экспертизы во всех случаях является творческим процессом.

Особенно убедительно это доказывается тем, что результатом судебных экспертиз в целом ряде случаев было не только разрешение определенных обстоятельств конкретного дела, но и подчас очень ценное научное открытие в данной отрасли знаний, развивающее эту отрасль знаний в определенном направлении. Применяя термин «общие положения в науке», можно сказать, что именно эти-то положения впервые обнаруживались при проведении целого ряда судебных экспертиз, и они получали право на самостоятельное существование, будучи обоснованными конкретными обстоятельствами уголовного дела и произведенными исследованиями этих обстоятельств.

В подтверждение изложенного приведем несколько фактов из истории судебной экспертизы в нашей стране.

---

[1] М.С. Строгович. Курс советского уголовного процесса. М., 1958, стр. 235.

Термин «опытные положения», применяемый проф. М.А. Чельцовым, подвергает критике и проф. М.М. Гродзинский, который указывает: «„Опытные положения“ – это эмпирические обобщения, являющиеся результатом житейского опыта либо опыта профессионального, добытого путем занятия определенной деятельностью в течение известного времени. Поэтому, называя „опытными положениями“ или хотя бы даже „опытными положениями из области специальных знаний“» положения, применяемые советским экспертом, профессор Чельцов ставит в один ряд „опытные положения“, являющиеся результатом профессиональной деятельности судьи, и те лежащие за пределами этой деятельности научные положения, которыми судья не располагает и для применения которых он поэтому обращается к эксперту как специалисту в определенной области». (М.М. Гродзинский. Сущность и формы экспертизы в советском уголовном процессе. Ученые записки Харьковского юридического института, вып. VI, 1955, стр. 57).

В 1781 г. возник пожар на стоящем в Кронштадтском порту фрегате «Мария». В процессе расследования уголовного дела о причинах возникновения этого пожара в качестве эксперта был приглашен химик акад. И.И. Георги. На основании большого количества исследований он пришел к выводу, что причиной пожара явилось самовозгорание пропитанной маслом сажи, приготовленной на фрегате в большом количестве для малярных работ[1]. Выводы акад. И.И. Георги явились решающим обстоятельством для правильного разбора следственного дела. Вместе с тем эти выводы судебной экспертизы имели и огромное научное значение, так как впервые ставился вопрос о способности ряда веществ к самовозгоранию. В результате судебной экспертизы, произведенной акад. И.И. Георги, возникло новое «общее положение» в науке. Эти результаты были признаны настолько важными, что их не только опубликовали в трудах Академии наук, но и было предложено продолжить исследовательскую работу для определения условий возможного самовозгорания пеньки и льна. Результаты этой работы также опубликовали в трудах Академии наук[2].

В результате проведения судебных экспертиз по конкретным судебным делам вклад в научное обоснование и установление причин самовозгорания ряда веществ внесли известные русские химики Д.И. Менделеев, Н.Н. Зинин, Ю.Ф. Фрицше[3].

Таким образом, научное открытие и обоснование теории самовозгорания было основано на судебных экспертизах, т.е. научное исследование частных случаев привело к открытию научных закономерностей.

Можно напомнить еще несколько фактов из истории науки, когда крупные открытия были сделаны в результате проведения и обобщения материалов судебных экспертиз. Такова, в частности, история теории непотопляемости кораблей. Участие в судебных экспертизах по установлению конкретных причин гибели кораблей, обобщение полученного конкретного материала значительно обогатили кораблестроительную науку важными теоретическими и практическими положениями[4].

Аналогичные обогащения теории и практики науки со стороны судебных экспертиз имели место в области мостостроения, при разработке техники безопасности горного, взрывного дела и т.д.[5]

---

1 Н.М. Раскин. Рукописные материалы химиков XVIII века в архиве АН СССР. М. – Л., 1957, стр. 410.

2 Там же, стр. 190.

3 И. Крылов, А. Дулов. Участие Д.И. Менделеева в экспертизах о самовозгорании пряжи и шелка. «Пожарное дело», 1957, № 1, стр. 8.

4 Акад. А.Н. Крылов. Воспоминания и очерки. АН СССР, 1956.

5 Примеры находим в книгах: Л. Гумилевский. Русские инженеры. М., 1953; А.А. Скочинский. Краткий конспект лекций о взрывах газа и пыли в угольных шахтах. М., 1940 и др.

Приведенные примеры убеждают, что есть большое количество уголовных дел, где истина была установлена с помощью судебной экспертизы, которая к началу производства еще не располагала знанием причин, вызывающих то или иное явление, подчас приводящее к значительным бедствиям: пожарам, взрывам и т.д. Если бы для успешного проведения экспертизы обязательным условием было только «подведение» обстоятельств данного дела под уже установленные в науке положения, то в целом ряде случаев эксперты не смогли бы дать никакого заключения.

Поэтому знания эксперта необходимы для того, чтобы он, пользуясь специальными методами и средствами (аппаратурой), произвел исследования, результатом которых и должно явиться его заключение.

В советской процессуальной литературе и до М.А. Чельцова имели место попытки сводить сущность судебной экспертизы к логическому силлогизму. В частности, проф. С.В. Познышев писал: «...заключения, рассматриваемые с логической точки зрения, состоят из трех частей.

Первую часть и вместе с тем их большую посылку, от которой отправляются эксперты, составляют известные общие положения, которые извлечены или считаются ими извлеченными из науки или из теории и практики какого-либо искусства, ремесла или какой-либо технической отрасли.

Вторую часть и вместе с тем меньшую посылку заключения экспертизы образуют подведения под понятия, содержащиеся в указанных выше общих положениях, известных фактов и утверждение, что эти факты относятся к явлениям определенной категории.

Третью часть заключения экспертизы составляют выводы, сделанные на основании принятых экспертами за точку отправления общих положений относительно данных фактов»[1].

Однако эти взгляды, высказанные 30 лет назад, не были восприняты теорией советского уголовного процесса как отображение сущности судебной экспертизы. Принять такую теорию судебной экспертизы – это значит весь сложный процесс познания (а судебная экспертиза, как мы видели, есть процесс познания определенных обстоятельств, встречающихся в уголовном деле) свести к решению задач по формальной логике – построению силлогизмов[2]. Нахождение истины в процессе познания может быть произведено только путем применения метода марксистско-ленинской диалектики, дающего возможность учесть

---

[1] С.В. Познышев. Доказательства в уголовном процессе. М. – Л., 1929, стр. 199.

[2] По этому поводу М.С. Строгович совершенно правильно указывает, что «производство экспертизы в логическом отношении вовсе не исчерпывается отдельным силлогизмом, в котором „опытное положение“ играет роль большой посылки, а исследуемый факт – меньшей посылки: это сложный процесс исследования, в котором, как и во всяком исследовании, сочетаются индукция и дедукция, анализ и синтез» (М.С. Строгович. Курс советского уголовного процесса. М., 1958, стр. 235).

все многообразие предметных связей в их постоянном движении и изменении.

Отсюда ясно, что попытка уяснения сущности судебной экспертизы как процесса построения силлогизмов, предпринятая проф. М.А. Чельцовым, должна быть признана неверной[1].

По мнению проф. М.А. Чельцова, эксперт может ограничиться представлением следствию или суду только «опытного положения», не производя никакого исследования и не давая никакого заключения, следовательно, может быть экспертиза без исследования фактов и без заключения, т.е. именно без того, что и называется экспертизой.

Эксперт не может ограничиваться сообщением следствию или суду «опытного положения», а должен обязательно исследовать собранные по делу доказательства и дать свое заключение как специалист.

Следственная и судебная практика дает большое количество примеров, когда следователи и суд действительно ограничиваются получением от специалистов сообщений об определенных положениях науки, используя их в своей дальнейшей работе по исследованию событий уголовного дела. Но такие сообщения не будут являться экспертизой.

По делам о преступном нарушении правил техники безопасности, о выпуске недоброкачественной продукции или о недостаче товаров на базе следователи часто вызывают инженеров, бухгалтеров и других специалистов. Перед ними они ставят вопросы о порядке прохождения документации, о технологическом процессе обработки отдельных деталей или сборки изделий, о существующих требованиях ГОСТа, о наличии инструкций и приказов, регулирующих определенную хозяйственную деятельность. В качестве специалистов следователи часто вызывают инспекторов по технике безопасности, инженеров санитарной инспекции, госавтоинспекции и т.д. Они сообщают ему только определенные сведения, с помощью которых следователь в дальнейшем лично сделает вывод из имеющихся по делу фактов, самостоятельно оценит эти факты.

Сообщение специалистом определенных фактов, положений, при помощи которых следователь и суд уже самостоятельно исследуют

---

[1] Сведение всей сущности судебной экспертизы так же, как и деятельности экспертов, только к построению силлогизмов подвергал критике А.И. Винберг. В своей рецензии на книгу М.А. Чельцова и Н.В. Чельцовой «Проведение экспертизы в советском уголовном процессе» он писал: «...авторы увлекаются изложением построения силлогизмов, причем явно переоценивая значение этих вопросов...» и дальше: «... нам представляется, что авторы имели возможность показать логическую и юридическую природу советской судебной экспертизы, отнюдь не отправляясь от теории В.Д. Спасовича как ключа к практическому разрешению вопроса экспертизы в деятельности советских судебно-следственных органов» (А.И. Винберг. Новые книги по вопросам экспертизы в уголовном процессе. «Советское государство и право», 1955, № 3, стр. 135–136).

обстоятельства дела, является не экспертизой, а лишь сообщением сведущего лица.

Заключение эксперта будет только тогда, когда специалист делает вывод на основании исследования конкретных материалов дела, пользуясь знанием и опытом науки. В тех случаях, когда специалист никакого вывода не делает, – когда делает его суд или следователь на основе сообщенного сведущим лицом факта, научного положения, анализируя и синтезируя этот факт с другими собранными по делу доказательствами, – там нет заключения эксперта. В данном случае отсутствуют элементы, являющиеся определяющими для экспертизы, – производство исследований и дача заключения.

Сущность судебной экспертизы в уголовном процессе не допускает существования заключения эксперта, которое не является результатом исследования определенных фактических обстоятельств того конкретного дела, по которому назначена эта экспертиза.

По мнению большинства советских процессуалистов, экспертиза есть процесс исследования. Однако некоторые из них считают возможными случаи, когда «...эксперту с высокой научной подготовкой для дачи заключения не придется знакомиться с материалами дела…»[1], то есть заключение будет даваться без какого-либо анализа, исследования материалов дела.

К чему приводят подобного рода экспертизы, можно убедиться на примере уголовного дела по обвинению Норец и Крейчмана. В протесте Прокурора СССР по этому делу указывалось: «Эксперту проф. Баккал были поставлены вопросы общетеоретического порядка. Ему даже не было известно, о каком случае аппендицита идет речь, и поэтому пришлось давать заключение, построенное на догадках. Проф. Баккал, отвечая на поставленные ему вопросы, пишет: „Догадываюсь (с известной долей вероятности), что дело касается случая хронического аппендицита. Наши ответы будут к этому приноровлены“. Вполне понятно, что такие ответы, данные без исследования конкретных обстоятельств дела, могли привести только к одному результату – к отмене приговора Верховным Судом СССР[2].

Значит, такая конструкция экспертизы неправильна и вообще не имеет никакой доказательственной силы.

Совершенно прав проф. М.С. Строгович, когда специально подчеркивает: «...где нет исследования – нет и экспертизы, нет и заключения эксперта как доказательства»[3].

---

1 В.М. Никифоров. Экспертиза в советском уголовном процессе. М., 1947, стр. 65.

2 «Социалистическая законность», 1940, № 9, стр. 75.

3 М.С. Строгович. Курс советского уголовного процесса. М., 1958, стр. 235.

Правильное понимание экспертизы как процесса исследования экспертом определенных фактов и обстоятельств уголовного дела привело к тому, что некоторые советские процессуалисты стали в толкование закона вносить такие термины, которые там не содержатся. Так, Б.А. Галкин и Н.Я. Калашникова писали: «В случаях, когда для *исследования фактов или обстоятельств рассматриваемого дела* (подчеркнуто нами. – *А. Д.*) требуются специальные познания в науке, искусстве или ремесле, приглашаются лица, обладающие этими познаниями (ст. 63 УПК РСФСР)»[1].

В действительности же в ст. 63 УПК РСФСР ничего не говорится об «*исследовании* фактов или обстоятельств дела». Она гласит: «Эксперты вызываются в случаях, когда при расследовании или при рассмотрении дела необходимы специальные познания в науке, искусстве или ремесле».

Статьи уголовно-процессуального кодекса, определяющие понятие судебной экспертизы, должны содержать прямое указание на то, что эксперты вызываются в тех случаях, когда необходимо производство *исследования* определенных обстоятельств дела с помощью специальных познаний и получения в результате этого исследования заключения эксперта.

Такая редакция статьи устранила бы различные толкования сущностей судебной экспертизы, которые имеются до настоящего времени.

Судебная экспертиза как деятельность эксперта по познанию определенных обстоятельств уголовных дел имеет много общего с обычным научным исследованием. В то же время она отличается от обычных научных исследований особой процессуальной формой, определенными правоотношениями.

Ошибка в выводе при обычном научном исследовании всегда может быть исправлена последующими исследованиями или проверкой научного вывода на практике. У судебной экспертизы в большинстве случаев такой возможности нет. Но здесь имеются определенные положения, нормы, которые в случае их выполнения являются надежными гарантиями того, что в распоряжение суда экспертом будет представлено объективное, научно обоснованное заключение.

Такими гарантиями являются правила выбора эксперта, наделение ряда участников уголовного процесса правами и обязанностями в связи с назначенной судебной экспертизой[2], особый порядок проведения ее.

---

[1] Б.А. Галкин и Н.Я. Калашникова. Уголовный процесс. Библиотека народного судьи. М., 1949, стр. 42–43.

[2] В настоящей работе мы не останавливаемся на анализе правоотношений, возникающих при проведении экспертизы, так как эта тема нуждается в самостоятельном глубоком изучении.

Этот порядок может быть назван принципами проведения судебной экспертизы.

Перечисленные моменты значительно облегчают оценку заключения судебного эксперта со стороны следствия и суда и помогают получить от эксперта объективное заключение.

Кроме того, принципы проведения судебной экспертизы направлены не только на облегчение следствию и суду последующей оценки заключения эксперта, эти принципы оказывают существенную помощь и эксперту. Они помогают ему более объективно, всесторонне и без ошибок произвести восприятие необходимых объектов, качественно исследовать определенные обстоятельства. Это, в свою очередь, является гарантией получения от эксперта полноценного объективного заключения.

Особый процессуальный порядок, установленный для проверки правильности судебной экспертизы, гарантирующий при условии точного своего выполнения исключение всех возможных ошибок при даче заключения, обусловливает еще одно правило, которое обязательно должно соблюдаться в случае применения специальных знаний для исследования обстоятельств дела. Правило это заключается в невозможности производства исследования, требующего специальных знаний, самим судом или следователем.

Если даже кто-либо из состава суда, рассматривающего уголовное дело, и обладает специальными познаниями – это не может заменить необходимости производства экспертизы. Экспертиза, являясь источником доказательств, в то же время есть процесс применения специальных знаний к познанию определенных обстоятельств дела, который подлежит проверке и оценке судом с привлечением и других участников процесса. Если исследование с самого начала будет производить сам суд, процесс такой проверки и оценки доказательства будет отсутствовать.

«В этих случаях функции эксперта и судьи фактически совмещались бы в одном лице, и поэтому такой своеобразный эксперт давал бы свое заключение только в совещательной комнате при постановлении приговора. При подобном положении стороны на судебном следствии не могли бы знать заключения эксперта по данному вопросу, не могли бы его допросить, не могли бы участвовать в проверке его заключения»[1].

Правильное понимание сущности судебной экспертизы в советском уголовном процессе, понимание ее целей, методов и средств для достижения этих целей обеспечивает правильное использование этого источника доказательств в уголовном процессе, обеспечивает постоянное расширение применения различных наук в целях правосудия.

---

[1] М. Строгович. Курс советского уголовного процесса. М., 1958, стр. 223–224.

О методе судебной экспертизы

Сущность судебной экспертизы в советском уголовном процессе требует, чтобы при производстве ее специалисты руководствовались марксистско-ленинским диалектическим методом. Использование только законов формальной логики или отвлеченных математических методов не может помочь во всех случаях проведения судебных экспертиз.

Использование законов формальной логики и математических методов имеет строго ограниченную сферу применения их в определенных познавательных процессах. Попытки использования математического метода в качестве универсального средства познания заранее обречены на неудачу, так как с помощью его нельзя вскрыть, учесть, обобщить все многообразие взаимосвязей, причин и следствий изучаемых явлений.

История развития отдельных видов судебной экспертизы наглядно убеждает в этом. Проведение исследований на основании формально-логического и отвлеченно-математического методов привело к тому, что все методы проведения экспертизы почерка, которые разрабатывали и предлагали различные буржуазные криминалисты, оказались несостоятельными. Причина этому одна: исследования эти разрабатывались и проводились с нарушением основных правил познания истины, без применения марксистско-ленинского диалектического метода.

Так, например, действительное диалектическое изучение почерка пытались заменить графометрическим методом исследования – беспорядочными измерениями[1] и последующим сравнением графических изображений и математических чисел. Такой метод исследования был обречен на неудачу и на невозможность с его помощью устанавливать объективную истину. Оперирование одними только статистическими показателями, приведение к «среднему» скрывают мельчайшие детали от исследователя, так как в его работе будет отсутствовать стадия анализа, будет иметь место переход к синтезу без качественно проведенной и соответственно учитываемой стадии анализа[2].

По этому заведомо ошибочному пути и идут теоретические изыскания в американской криминалистике. Такие методы исследования не могут обеспечить нахождения объективной истины и могут лишь служить

---

[1] См. Э. Локар. Руководство по криминалистике. М., 1941, стр. 454.

[2] Необходимость диалектического анализа используемых статистических показателей очень убедительно доказал В.И. Ленин в своей работе «Развитие капитализма в России» (Соч., т. 3).

средством фальсификации судебных экспертиз в уголовных процессах. Такая фальсификация нужна в классовых интересах капитала[1].

Использование математических выкладок, вычерчивание различных графиков и совпадающих кривых, чем заменяется действительно научное исследование явлений с учетом всех взаимосвязей, изменений и развитий этих явлений, – удобный способ фальсификации такого вида доказательства, как судебная экспертиза.

Производство таких «наукообразных» экспертиз, основанных на отвлеченном математическом методе, дало видимое основание американскому суду при явном доказательстве невиновности вынести смертный приговор Сакко и Ванцетти, давало и дает основания под вывеской «беспристрастного правосудия» расправляться с коммунистами, с борцами за мир.

Развитие видов судебной экспертизы и проведение каждой конкретной судебной экспертизы в советском уголовном процессе должно производиться только на основании метода марксистско-ленинской диалектики. Только этот путь обеспечивает обнаружение объективной истины при проведении судебной экспертизы, как и при установлении истины в любом научном исследовании.

Применение диалектического метода исследования при проведении любой судебной экспертизы требует тщательного всестороннего изучения вещей и явлений, подлежащих исследованию. Эти явления должны быть изучены во всех проявлениях их сущности, с выделением существенного от несущественного, необходимого от случайного.

Вещь, явление должны рассматриваться объективно и изучаться во всем многообразии их связей с другими вещами, явлениями, с учетом их развития, изменения. При этом должна учитываться конкретная обстановка проявления сущности данной вещи, явления. Без учета этого результат, вывод из исследования могут быть ошибочными.

Процесс изучения обязательно должен включать в себя элементы анализа и синтеза, индукции и дедукции, разбор и изучение целого по его частям, вновь обобщение, суммирование добытых анализом данных.

Только проведение всех стадий научного исследования на основе марксистско-ленинской диалектики поможет выяснить действительную

---

[1] К сожалению, и некоторые советские криминалисты одобрительно относятся к замене тщательного исследования почерка путем проведения анализа, синтеза, сравнительного исследования математическими выкладками. В частности, в сборнике «Криминалистическая техника за рубежом», М., 1958, стр. 65, после приведения одного из методов математической оценки признаков, выявленных при сравнении почерков, автор делает вывод, что этот метод «представит определенный интерес для решения вопросов о возможности использования математических вычислений при почерковедческих экспертизах». Вряд ли это можно считать верным путем для разработки метода почерковедческих экспертиз, всех видов экспертиз, где решается вопрос о тождестве.

сущность данного явления, установить действительную связь этого явления с другими.

Только такая работа судебного эксперта будет полезна органам следствия и суда, только такая работа поможет вскрыть объективную истину.

В связи с указанным необходимо еще раз вернуться к теории судебной экспертизы, выдвинутой проф. М.А. Чельцовым. Весь процесс проведения судебной экспертизы он сводит к «подведению» экспертом обстоятельства дела под «опытные положения». Формально логический процесс «подведения» обстоятельств дела под «опытные положения» не может иметь ничего общего с применением марксистско-ленинского диалектического метода познания истины. И с этой точки зрения теория судебной экспертизы проф. М.А. Чельцова не может быть воспринята советским уголовным процессом.

Конкретные методы каждого вида судебной экспертизы могут быть различными. Это зависит от конкретных методов определенной отрасли науки. Но для всех видов судебных экспертиз основным, определяющим методом должна быть марксистско-ленинская диалектика.

Отдельные виды судебной экспертизы не могут полностью основываться только на методах своей основной науки (судебная психиатрия – общей психиатрии, судебная химия – общей химии).

Методы конкретных видов судебной экспертизы изменяются в зависимости от целей их проведения. Так, для ряда видов судебной экспертизы, цель которых заключается в установлении сходства или отождествления предмета по его части или отображению приводит к существенному изменению метода применяемой отрасли науки. Методы конкретной отрасли науки в судебной экспертизе видоизменяются также и в связи с необходимостью при проведении исследований учитывать особые условия проведения экспертиз в уголовном процессе, учитывать принципы проведения судебной экспертизы.

Так, например, в судебной медицине существуют иные правила, а отсюда и методы вскрытия трупов, чем у патологоанатомов, что определяется специфической особенностью судебной экспертизы.

Одной из задач уголовно-процессуальной науки является оказание помощи представителям различных отраслей судебной экспертизы в разработке конкретных методов проведения судебной экспертизы с полным учетом специфических условий, целей и роли судебной экспертизы в советском уголовном процессе.

Однако при разработке методов конкретных видов судебной экспертизы один вопрос является общим, обязательным для всех научных исследований, а следовательно, и для всех видов судебной экспертизы.

Обязательной стадией исследования, процесса познания истины является выдвижение научных гипотез. На этот основной момент,

движущий весь процесс исследования при проведении судебной экспертизы, в нашей литературе обращают очень мало внимания[1].

В работе А.И. Винберга при описании процесса деятельности эксперта говорится и о выдвижении версий по различным вопросам в самые различные этапы экспертной работы[2], но говорится об этом мимоходом. В то же время вопрос о выдвижении гипотез при проведении судебных экспертиз заслуживает самостоятельного глубокого изучения.

О роли гипотезы в процессе познания Ф. Энгельс писал: «Наблюдение открывает какой-нибудь новый факт, делающий невозможным прежний способ объяснения фактов, относящихся к той же самой группе. С этого момента возникает потребность в новых способах объяснения, опирающегося сперва только на ограниченное количество фактов и наблюдений. Дальнейший опытный материал приводит к очищению этих гипотез, устраняет одни из них, исправляет другие, пока, наконец, не будет установлен в *чистом виде* закон. Если бы мы захотели ждать, пока материал будет готов в чистом виде для закона, то это значило бы приостановить до тех пор мыслящее исследование, и уже по одному этому мы никогда не получили бы закона»[3].

О роли гипотез как движущей силы в познании истины говорили и многие ученые естествоиспытатели[4].

Любое научное исследование производится на основании уже выдвинутой гипотезы, основанной на имеющихся фактах, или дает толчок к выдвижению новых гипотез, на основании вновь установленных при исследовании фактов.

«Сначала происходит накопление определенного фактического материала, потом его обобщение и систематизация на основе какой-либо

---

[1] Следует сказать, что такой же длительный застой имел место в разработке вопросов планирования следствия, где именно версии являются основной движущей силой того процесса познания, который осуществляется на предварительном следствии. Очень долгое время все планирование следствия сводилось к разрешению чисто технических вопросов составления плана расследований (см. «Настольную книгу следователя», М., 1949). Последние годы планированию следственных версий уделяется достаточно внимания. Разработке следственных версий посвящены работы В.И. Теребилова «К вопросу о следственных версиях и планировании расследования», «Криминалистика на службе следствия», вып. 6, М., 1955, стр. 104; А.Н. Васильева, Г.И. Мудьюгина, Н.А. Якубович «Планирование расследования преступлений», М., 1957 и ряд других.

[2] А.И. Винберг. Криминалистическая экспертиза в советском уголовном процессе. М., 1956, стр. 63. А. Шляхов в своей рецензии на данную работу («Советское государство и право», 1957, № 1, стр. 137), в частности, указывал, что «лучше говорить не о версиях, а о гипотезах, поскольку судебные экспертизы являются научным исследованием». Полагаем, что в данном вопросе прав А.И. Винберг.

[3] Ф. Энгельс. Диалектика природы, 1955, стр. 191.

[4] Д И. Менделеев. Основы химии, т. 1, 1947, стр. 150–151; К.А. Тимирязев. Собрание соч., т. 2, стр. 31; И.П. Павлов. Полное собрание сочинений, т. 3, кн. 1, 1951, стр. 107 и др.

гипотезы. Эта гипотеза проверяется, из нее выводятся следствия, которые сравниваются с фактами»[1].

Точно такой же путь проходит и любая судебная экспертиза. В процессе исследования эксперт строит определенные гипотезы, проверяет их, отбрасывает и, наконец, оставляет только одну, которая в результате этого перестает быть гипотезой, становится объективной истиной.

Выдвижение гипотез в процессе производства судебной экспертизы имеет целый ряд отличий от гипотез, выдвигаемых при проведении всех остальных видов научного исследования.

Такое различие прежде всего следует провести по времени существования. Гипотеза может существовать довольно длительный период времени. Само выдвижение гипотезы во многих случаях уже есть величайшее научное открытие (например, гипотезы о происхождении жизни на Земле, о возникновении планет и т. д.). Разумеется, что проверка таких гипотез, выдвинутых учеными на основании определенной группы фактов для своей проверки, в целом ряде случаев требует еще такие факты, которые не могут быть добыты при современном уровне науки, и для проверки таких гипотез еще требуется много времени. Эти гипотезы иногда могут жить годами и десятилетиями до тех пор, пока выдвинутые ими положения будут окончательно проверены и станут истинными.

Совершенно иное положение с гипотезами, которые выдвигаются в процессе производства судебной экспертизы. Они должны быть выдвинуты и проверены (обоснованы) в сравнительно короткий период времени. Это обстоятельство дает нам основание считать, что гипотезы, выдвигаемые в процессе проведения судебной экспертизы, следует именовать версиями, что больше соответствует сущности этих мыслительных процессов.

Научные гипотезы имеют еще одно отличие от версий, выдвигаемых при проведении экспертизы. Гипотеза может быть выдвинута одна, версия же одна существовать не может. Если существует только одна версия о сущности и причинах данного явления, то нет никакой необходимости назначать судебную экспертизу. В отличие от общенаучных гипотез, предположения при проведении судебных экспертиз следует именовать версиями, так как эти предположения имеют очень много сходного с теми предположениями-версиями, которые выдвигает следователь в процессе расследования уголовного дела.

Необходимо остановиться на стадиях судебно-экспертной деятельности. Вопрос о стадиях деятельности эксперта по исследованию определенных обстоятельств уголовного дела еще слабо разработан

[1] П.В. Копнин. Гипотеза и ее роль в познании. М., 1958, стр. 48. См. также П.В. Копнин. Место и значение гипотезы в познании, «Вопросы философии», 1954, № 4.

в литературе, посвященной судебной экспертизе. Разработка этого вопроса производится в основном только применительно к криминалистической экспертизе, где большая заслуга принадлежит проф. А.И. Винбергу. Он довольно детально разработал метод производства экспертного криминалистического исследования, основываясь на марксистско-ленинской диалектике. В этом сложном процессе познания он четко разграничивает: осмотр, эксперимент, раздельный анализ и синтез, сравнительное исследование[1].

В различных видах судебных экспертиз могут существовать различные модификации стадий экспертной деятельности. При некоторых видах судебной экспертизы исследования в силу своей специфики должны идти от частного к общему или, наоборот, от общего к частному.

Однако надо признать, что во всех без исключения случаях производства судебной экспертизы обязательной стадией работы эксперта должно быть выдвижение версий по предмету исследования.

В большинстве случаев основные версии, которые подлежат проверке и исследованию со стороны судебного эксперта, даются в тех задачах, вопросах, которые ставит перед экспертом следствие или суд. Эти вопросы и являются основой для построения различных экспертных версий. Вполне допустимо, что эксперт, как специалист определенной отрасли науки, знающий ее закономерности, может выдвинуть значительно больше версий, чем следователь и суд.

Во многих случаях при постановке вопросов эксперту следователь и суд вообще не имеют возможности конкретизировать возможные версии и просто ставят задачу эксперту: установить причину смерти (а их может быть очень много), установить причину несчастного случая (их может быть также много).

Приступая к выполнению задания, эксперт прежде всего на основании имеющихся фактов дела должен построить все возможные версии, могущие быть причиной данного факта, явления. Все эти версии должны быть самым тщательным образом проверены, а процесс их проверки должен быть зафиксирован в акте экспертизы. Указание всех версий в акте экспертизы, построение этих версий перед началом исследовательской работы облегчит нахождение истины самому эксперту и облегчит оценку заключения эксперта со стороны следствия и суда.

Признание выдвижения версий как обязательной стадии экспертной работы дает возможность разрешить вопрос о праве эксперта расширить пределы исследования по сравнению с поставленными следствием

---

[1] А.И. Винберг. Криминалистическая экспертиза в советском уголовном процессе. М., 1956, стр. 61. Такое деление на стадии было подвергнуто критике. Так, Э. Мельникова считает, что нельзя сразу после осмотра производить эксперимент, так как сначала необходим анализ признаков («Социалистическая законность», 1957, № 2, стр. 86).

и судом вопросами. Признавая, что эксперт может выдвинуть в целом ряде случаев больше версий об исследуемых обстоятельствах, чем суд или следователь, необходимо также признать, что за счет этих новых, не учтенных судом или следствием, версий он может и должен расширять границы исследования. Данное положение подтверждается многочисленными примерами из экспертной практики. Приведем только один факт.

Гражданка М. предъявила иск к гражданину Л. о взыскании с последнего 2700 рублей. В доказательство правильности исковых требований М. представила расписку Л. о получении указанной суммы в долг. Л. категорически отрицал факт займа денег и выдачу подобной расписки. Народный суд назначил почерковедческую экспертизу, на разрешение которой был поставлен только один вопрос: выполнена ли подпись на расписке гражданином Л.? На этот вопрос эксперт ответил положительно, но в результате знаний обстоятельств дела и изучения расписки эксперт выдвинул еще ряд версий о возможности происхождения расписки. Так, в частности, была выдвинута версия, что расписка написана на бумаге, оторванной от другого документа с действительной подписью Л. При дальнейшем исследовании эта версия полностью подтвердилась[1]. Таким образом, выдвижение версий экспертом помогает найти такие пути для правильного разрешения вопроса, которые не были в поле зрения как следствия, так и суда.

Специфические условия некоторых конкретных дел могут привести к необходимости построения версий на доказательстве от противного. Однако такие версии выдвигаются только в том случае, если по конкретным обстоятельствам дела могут быть выдвинуты только две версии. В этом случае доказательство того, что одна из версий отпадает, одновременно будет являться доказательством истинности второй версии.

Полнота выдвижения различных версий о сущности данного явления, задача уяснения которого поставлена перед судебной экспертизой, имеет огромное значение и в том случае, когда по уровню знаний данной науки эксперт не может до конца разрешить поставленную перед ним задачу. Но и в этом случае эксперт может оказать огромную пользу правосудию, если своим исследованием, выдвинув первоначально все возможные версии, покажет, какие из них по крайней мере совершенно объективно исключаются. Этим эксперт даст возможность сузить следственные версии, правильно направить усилия следователя и суда в деле нахождения истины[2].

---

[1] Из экспертной практики Минской НИКЛ.

[2] Только таким образом, с нашей точки зрения, и должна проводиться работа судебного эксперта в тех случаях, когда результат его деятельности завершается так называемым вероятным заключением, то есть в том случае, когда эксперт приходит к выводу о невозможности дать категорический ответ на поставленный перед ним вопрос.

Очень хорошо об этом писал еще Н.Г. Чернышевский: «…если при нынешнем состоянии научного наведения (индуктивной логики) мы в большей части случаев еще не можем с достоверностью определить по исследованной нами части предмета, какой именно характер имеет неисследованная часть его, то уже всегда можем с достоверностью определить, какого характера не может иметь она. Наши положительные заключения от характера известного к характеру неизвестного при нынешнем состоянии наук находятся еще на степени догадок, но отрицательные заключения уже имеют полную достоверность. Мы не может сказать, чем именно окажется известное нам; но мы уже знаем, чем оно не оказывается»[1].

Конечно, после того, когда Н.Г. Чернышевский писал эти строки, возможности любой отрасли науки неизмеримо расширились, но тем не менее любой судебный эксперт (а следовательно, и суд, и органы расследования) должен иметь в виду и возможность, вернее необходимость, выдвигать версии и проводить исследования именно в указанном плане.

Кроме общих версий, охватывающих объяснение основной задачи, поставленной перед судебной экспертизой, могут и должны строиться версии при проведении отдельных этапов экспертной работы: объяснение отдельных признаков, установленных при осмотре, проведение опытов и экспертных экспериментов.

Изложенное показывает, какое огромное значение имеет вопрос о выдвижении версии при проведении судебных экспертиз в советском уголовном процессе.

---

[1] Н.Г. Чернышевский. Антропологический принцип в философии. М., 1948, стр. 46.

Принципы проведения судебной экспертизы

Принципы советского уголовного процесса при условии их точного соблюдения являются гарантией обнаружения истины по уголовным делам, гарантией, что ни один невиновный не будет осужден и ни один виновный не избежит наказания.

Демократические принципы советского уголовного процесса гарантируют лицам, привлеченным в качестве обвиняемых, а также всем остальным участникам процесса возможность использовать для своей защиты права, предусмотренные Конституцией СССР.

Принципы советского уголовного процесса претворяются в жизнь в виде процессуальных норм, которые являются не только внешними условиями отыскания объективной истины, но и условиями, влияющими вообще на возможность ее отыскания.

При проведении судебной экспертизы на предварительном следствии и в суде и следователь, и суд основываются на принципах советского уголовного процесса, что гарантирует правильное проведение судебной экспертизы и получение объективного заключения эксперта.

Принципы проведения судебной экспертизы имеют своей целью:

1. Облегчить работу судебного эксперта по изучению и исследованию обстоятельств дела.

2. Предельно уменьшить возможности ошибок со стороны эксперта при исследовании указанных обстоятельств.

3. Облегчить возможности суда и следствия по оценке заключения эксперта.

Принципы проведения судебной экспертизы можно сформулировать следующим образом:

I. Принцип исследования судебным экспертом при проведении экспертизы только материалов, закрепленных процессуально в уголовном деле. Он основывается на принципе непосредственности советского уголовного процесса. Соблюдение требований принципа непосредственности в работе органов, осуществляющих правосудие, имеет огромное значение как действенное средство укрепления социалистической законности и отыскания объективной истины.

По определению проф. М.С. Строговича, принцип непосредственности «...заключается в том, что судьи, разрешающие уголовное дело, лично знакомятся со всеми собранными по делу доказательствами и проверяют их, выслушивают показания свидетелей и подсудимых и заключения экспертов, знакомятся с подлинными документами, имеющимися в деле,

осматривают вещественные доказательства, причем сведения об имеющих для дела значение фактах они получают из первоисточника»[1].

Из этого принципа вытекает требование о замене производных доказательств первичными, об обязательной проверке данных предварительного расследования в судебном заседании и т.д.

Вопрос о содержании принципа непосредственности в советском уголовном процессе и его значении подробно разработан В.Я. Лившицем в работе «Принцип непосредственности в советском уголовном процессе»[2].

Некоторые советские процессуалисты высказывали мнение, что принцип непосредственности находит свое осуществление только в стадии судебного рассмотрения уголовного дела. Такая точка зрения совершенно неправильна, ибо вся деятельность следственных органов пронизана этим принципом. Именно во время производства предварительного расследования создаются возможности исследования судом доказательств с соблюдением принципа непосредственности.

Отыскивая подлинник вместо имеющейся в деле копии, исследуя и приобщая к делу документы, на основании которых ревизор пришел к выводу о наличии недостачи, следователь выполняет требование принципа непосредственности.

Разыскивая и допрашивая свидетеля, со слов которого ранее допрошенный свидетель сообщал о факте, следователь также выполняет требования принципа непосредственности.

Фиксируя каждое свое действие, каждый момент личного восприятия соответствующим процессуальным документом, следователь выполняет требования принципа непосредственности сам и создает возможность для рассмотрения дела судом в точном соответствии с этим принципом.

Значение принципа непосредственности именно для предварительного расследования исключительно велико. Вся работа следователя

---

[1] М.С. Строгович. Курс советского уголовного процесса. М., 1958, стр. 90. Аналогичное понятие принципа непосредственности мы находим и у других советских процессуалистов (М.А. Чельцов. Советский уголовный процесс. М., 1951, стр. 82; В.Я. Лившиц. Принцип непосредственности в советском уголовном процессе. М., 1949, стр. 57). Принцип непосредственности находит частично свое выражение в содержании ст. 319 УПК РСФСР, которая гласит, что «суд основывает свой приговор исключительно на имеющихся в деле данных, рассмотренных в судебном заседании». Значение принципа непосредственности для правильного, рассмотрения уголовных дел не нашло, к сожалению, прямого отражения в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г., хотя во всех проектах специально предусматривалась статья, формулирующая этот принцип рассмотрения судебных дел. Тем не менее отсутствие прямого указания в Основах, конечно, не означает, что такой принцип ведения судопроизводства отсутствует в советском уголовном процессе.

[2] В. Я. Лившиц. Принцип непосредственности в советском уголовном процессе. М., 1949.

должна быть проникнута сознанием того, что сделанные им выводы обязательно будут еще несколько раз проверяться, прежде чем будет окончательно решен вопрос в отношении лиц, привлеченных в качестве обвиняемых по уголовному делу. Проверка выводов следователя по уголовному делу производится как в случае направления уголовного дела в суд, так и в случае прекращения дела.

Это должно руководить следователем во всей его работе по собиранию доказательств, по их фиксации, по оформлению материалов уголовного дела. Все обстоятельства, на основании которых следователь пришел к тем или иным выводам, должны быть полностью отражены в материалах дела, чтобы суд или прокурор могли лично и непосредственно воспринять все, что легло в обоснование виновности или невиновности привлекаемых по делу лиц.

Соблюдение принципа непосредственности на предварительном следствии – это стремление к полному собиранию и фиксации всех доказательств, на основании которых делаются какие-либо выводы, и неискаженное их отображение в материалах дела.

Применительно к предварительному следствию принцип непосредственности накладывает на следователя обязанность стремиться заменять производные доказательства первичными, обеспечивать для суда возможность непосредственного восприятия источников и средств доказывания, процессуально правильно оформлять и сохранять доказательства.

Особое значение принцип непосредственности имеет для правильного проведения судебной экспертизы на предварительном следствии и судебном заседании. Исходя из основного принципа советского уголовного процесса, в силу которого все доказательства подлежат свободной оценке судьями при вынесении приговора по делу, а также исходя из значения принципа непосредственности на предварительном следствии, судебная экспертиза должна быть организована так, чтобы ее выводы могли легко проверить и оценить органы расследования, прокуратуры и суда.

Поэтому научная разработка проблем судебной экспертизы в советской процессуальной науке должна идти также и по линии разработки таких правил производства экспертизы, которые бы давали следствию и суду наибольшее количество средств, позволяющих всесторонне изучить и оценить заключения экспертов.

Чтобы достигнуть этой цели, при производстве судебной экспертизы необходимо строго соблюдать принцип проведения экспертизы лишь по материалам, имеющимся в уголовном деле. Только те доказательства, на которых эксперт будет строить свое заключение, смогут быть непосредственно восприняты и оценены судьями при вынесении приговора.

Соблюдение принципа непосредственности заключается не только в том, чтобы суд лично заслушал заключение экспертов в суде, но и в том,

чтобы суд мог воспринять все материалы, положенные экспертом в основу своего заключения.

Поэтому в уголовно-процессуальном законе строго запрещается выполнение функций эксперта лицом, которое является свидетелем какого-либо факта по данному делу.

Если свидетель, непосредственно воспринимавший те или иные события или факты, призывается для того, чтобы передать следствию или суду свое восприятие, то эксперт призывается для того, чтобы исследовать и дать свое заключение по уже имеющимся в деле фактам, и в тех случаях, когда для этого необходимы специальные познания.

Заключение эксперта всегда должно быть основано на других доказательствах по делу. На это обстоятельство неоднократно обращали внимание многие авторы. Так, Л. Мариупольский и С. Фортинский писали: «Всякая экспертиза, являясь доказательством по делу, всегда основана на других доказательствах.

Проводится ли исследование стреляной гильзы для установления того обстоятельства, что выстрел был произведен из данного пистолета, проводится ли графическая экспертиза для установления тождества почерка – заключения экспертов будут основаны на исследовании гильзы, пистолета, текста того или иного документа, то есть на исследовании тех или иных доказательств.

Экспертиза – это доказательство, производное от других доказательств. Но, будучи доказательством производным, она приобретает самостоятельное значение при оценке всей совокупности собранных по делу доказательств»[1].

«...Заключение эксперта по самой своей природе всегда должно быть основано на других доказательствах по делу»[2], – писал В.Я. Лившиц.

О необходимости основывать выводы эксперта только на доказательствах, имеющихся в деле, указывал и В.М. Никифоров. Критикуя формулировку проф. Н.Н. Розина, который под экспертизой понимал «...производимое, по предложению или с разрешения суда, исследование имеющего судебно-правовое значение материала сведущими, т.е. имеющими по данному вопросу специальные знания, людьми с целью представить суду компетентное заключение»[3], он писал: «...определение проф. Н.Н. Розина не содержит в себе указаний, какие материалы

---

[1] Л. Мариупольский, С. Фортинский. Пределы использования бухгалтерской экспертизой показаний свидетелей и обвиняемых. «Социалистическая законность», 1949, № 4, стр. 21.

[2] В.Я. Лившиц. Принцип непосредственности в советском уголовном процессе. М., 1949, стр. 122.

[3] Н.Н. Розин. Уголовное судопроизводство. П., 1946, стр. 428.

исследует эксперт. Оно не указывает, что эти материалы должны быть *непременно* (подчеркнуто нами. – *А. Д.*) из судебного дела...»[1]

Иногда в качестве судебной экспертизы, которая якобы не имеет своим объектом исследование доказательств, указывают на судебно-психиатрическую экспертизу. Однако утверждение, что судебно-психиатрическая экспертиза не основывается на доказательствах, имеющихся в уголовном деле, ошибочно. Состояние психики обвиняемого при производстве судебно-психиатрической экспертизы является предметом доказывания, целью производства экспертизы. Цель эта достигается путем исследования поведения обвиняемого во время совершения общественно опасных действий и после этого. Поведение это фиксируется в показаниях свидетелей, в истории болезни, в данных анализа, в соматической и психопатологической симптоматике и т.д. В инструкции о производстве судебно-психиатрической экспертизы в СССР от 31 мая 1954 г. в ст. 6 сказано: «Судебно-психиатрическое заключение о состоянии психического здоровья, вменяемости или дееспособности дается на основании психиатрического исследования испытуемого, изучения материалов уголовного дела и сведений из прошлой жизни испытуемого, документов и справок о перенесенных в прошлом заболеваниях». Эти данные ложатся в основу заключения эксперта и всегда могут быть обозреваемы судом при оценке заключения эксперта, так как все справки и документы, содержащие сведения об испытуемом, должны быть приобщены к уголовному делу.

Следовательно, нет и не может быть судебной экспертизы, выводы которой не основывались бы на материалах, имеющихся в деле. Это отличительный принцип проведения судебной экспертизы в отличие от несудебных экспертиз, где этот признак может отсутствовать.

Обоснование заключения эксперта, хотя бы частично, на обстоятельствах, не закрепленных в деле как доказательства, приводит к нарушению этого принципа, к невозможности или затруднительности проверки судом правильности заключения эксперта.

Верховный Суд СССР в своих определениях неоднократно указывал на необходимость обосновывать заключения эксперта только материалами, имеющимися в деле, и на недопустимость нарушения этого принципа производства судебной экспертизы.

Отменяя приговор по делу Набиева и Касумова, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в числе других мотивов отмены указала, что «...в деле нет документов, по которым экспертиза сличала почерки, ввиду чего не представляется возможным проверить правильность экспертизы»[2]. Характерным в этом отношении является и определение Верховного Суда СССР по делу С., где указывается:

---

[1] В.М. Никифоров. Экспертиза в советском уголовном процессе. М., 1947, стр. 131.

[2] Судебная практика Верховного Суда СССР за 1950 г., № 1, стр. 18.

«Выводы членов комиссии (судебных экспертов. – *А. Д.*) основаны не на имеющихся документах, а на данных, которые им были лично известны о работе С. Таким образом, в основу акта экспертизы положены, по существу, свидетельские показания членов экспертной комиссии, что является грубейшим нарушением ст. 48 УПК РСФСР»[1].

Факты, ложащиеся в обоснование вывода (заключения) эксперта, обязательно должны быть процессуально закреплены в материалах уголовного дела в виде протоколов допроса свидетелей, протоколов осмотра и т.п.

Одним из отличий эксперта от свидетеля является то, что первый по делу заменим, так как его заключение опирается на доказательства, имеющиеся в деле. Свидетель же незаменим. Он создается участием в событии, которое имеет отношение к расследуемому делу. Личное восприятие экспертом фактов, не закрепленных в деле в качестве доказательств, сделает его незаменимым в процессе, так как другой эксперт не сможет воспринять фактов, сохранившихся только в сознании предыдущего. Эксперт не имеет права лично собирать доказательства, так как этим самым он превратился бы в единственный источник передачи установленных фактов следствию и суду. Такой «эксперт» сам будет свидетельствовать об установленных им фактах и сам же будет оценивать эти факты с точки зрения своей специальности. В этом случае «эксперт» будет совмещать в себе функции свидетеля, как лица, непосредственно воспринимавшего определенные факты, и функции эксперта, оценивая им же выявленные факты. Однако следует помнить, что «если эксперт был очевидцем фактов, оценку которых он должен дать, то он перестает быть экспертом, он становится свидетелем»[2]. Это запрещение совмещения в одном лице свидетеля и эксперта прямо оговорено в законе. Верховный Суд СССР также неоднократно указывал на недопустимость нарушения этого принципа[3].

В некоторых работах советских процессуалистов все же высказывается мнение, что эксперты могут представлять следователю новые материалы, выявленные экспертизой при выполнении задания и ранее неизвестные органам следствия.

Так, в подтверждение правильности этого мнения Р.Д. Рахунов приводит пример. «В процессе проведения бухгалтерской экспертизы эксперты могут выявить неизвестные ранее следствию накладные, которые вызывают сомнение в их подлинности и в связи с этим должны быть подвергнуты графической экспертизе»[4].

---

[1] Вопросы уголовного процесса в практике Верховного Суда СССР. М., 1948, стр. 207.

[2] А.Я. Вышинский. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1950, стр. 276.

[3] Такие указания, в частности, содержатся в определениях по делам Мартыненко и Дорохова (Судебная практика Верховного Суда СССР за 1945 г., вып. 6, стр. 20).

[4] Р.Д. Рахунов. Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе. М., 1953, стр. 13.

Если эксперт-бухгалтер отыскивает где-либо накладные, ранее не фигурировавшие в материалах дела, – а из смысла приведенного высказывания Р.Д. Рахунова только так можно понимать, – то налицо имеет место случай грубейшего нарушения экспертом своей компетенции. Отыскание новых доказательств, в данном случае накладных, может быть выполнено либо самим следователем, либо ревизором-бухгалтером.

Другое дело, когда в процессе исследования имеющегося в материалах дела доказательства эксперты на основе использования специальных познаний установят дополнительные явления в этом же доказательстве, которые без использования специальных знаний не могли бы быть обнаруженными. Установление экспертом таким путем новых фактов не должно смешиваться с выявлением новых источников доказательств, ранее вообще неизвестных следствию.

Любое доказательство подлежит свободной оценке судьями по их внутреннему убеждению. Поэтому задача следствия заключается во всемерном облегчении этой работы суда путем строгого соблюдения принципа проведения экспертизы только на материалах, закрепленных в деле. В том случае, если суд не располагает материалами, из которых эксперт выводит свое заключение, суд не сможет оценить заключения эксперта и вынужден будет строить свою работу по оценке доказательств только на доверии к нему.

Такое положение неминуемо приведет к возрождению совершенно неприемлемой для советского уголовного процесса и в корне противоречащей принципу свободной оценки доказательств теории экспертов – научных судей.

Дореволюционный проф. Л.Е. Владимиров следующим образом обосновывал невозможность оценки заключения эксперта судом: «Свойства и величина кровяных пятен, подробности в положении трупа (как, например, висел повешенный – высоко или низко над землей; как была затянута вокруг шеи веревка – обстоятельства, важные для решения вопроса о самоубийстве) и многие другие признаки существуют только на предварительном следствии.

Так как все эти обстоятельства наблюдаются на следствии врачом-экспертом, то его наблюдения и составляют все, что остается от этих обстоятельств для судей, присяжных и медиков на суде»[1].

---

[1] Проф. Л.Е. Владимиров. Учение об уголовных доказательствах. СПб.,1910, стр. 235. Вместе с тем проф. Владимиров, сам себе противореча, высказывал и другие мысли. Так, в той же работе он писал: «Когда эксперт свидетельствует о каких-либо фактах, им виденных, он является свидетелем. Так, медик-обдуцент, по отношению к эксперту, вызванному на суд для подачи заключения на основании протокола и показаний обдуцента, есть свидетель» (стр. 106). Это вытекало из различного понимания роли эксперта на предварительном следствии и суде в русском дореволюционном уголовном процессе.

В советском уголовном процессе подобное положение неприемлемо. Поэтому, решительно отвергая теорию экспертов – научных судей и укрепляя теорию свободной оценки всех доказательств судом, в том числе и экспертизы, необходимо всячески добиваться полного соблюдения принципа проведения экспертизы, требующего, чтобы заключение эксперта было основано на материалах, имеющихся в деле.

Советский следователь и судья никогда не допустят, чтобы единственным источником факта, что повешенный висел высоко от земли, что петля на шее затянута спереди и т.д., являлся эксперт. Все эти факты обязательно будут закреплены в следственном протоколе осмотра, ибо иное положение приведет к невозможности проверки заключения эксперта судом. Восприятие доказательств непосредственно, а не из вторых рук (только из акта экспертизы) дает возможность следствию и суду контролировать и проверять правильность выводов эксперта.

К чему приводит на практике нарушение данного принципа, убедительно видно на примере уголовного дела по обвинению Коршунова и других[1]. Коршунов обвинялся в составлении фиктивных документов с завышением количества дранки, израсходованной на покрытие служебных построек в колхозе, и в хищении выданных ему на приобретение дранки денег. По представленным документам, дранки было приобретено 766 500 штук. Для установления фактического количества израсходованной дранки по делу назначили судебно-техническую экспертизу. Эксперт в своем заключении написал, что в нарушение технических норм дранка клалась в три слоя вместо четырех и что в соответствии с площадью крыш дранки израсходовано 378 180 штук. О том, что дранка клалась действительно в три слоя, никаких доказательств в деле не было. Это утверждение основывалось только на личном восприятии эксперта, не закрепленном в деле процессуально. К делу не было также приобщено каких-либо документов, подтверждающих площадь крыш, покрывавшихся дранкой. Единственным источником всех этих сведений, положенных в обоснование заключения эксперта, являлся только сам эксперт. В суде выводы эксперта подвергались серьезной критике со стороны подсудимых и защиты. Они оспаривали и площадь крыш, принятую экспертом, и утверждение, что дранка была положена только в три слоя. В результате нарушения принципа проведения экспертизы только на материалах, имеющихся в уголовном деле, и невозможности в связи с этим проверить правильность заключения эксперта уголовное дело дважды возвращалось на доследование, пока не были собраны

[1] Уголовное дело № 2–128. Архив Леноблсуда за 1952 г.

доказательства, позволившие суду проверить правильность заключения эксперта[1].

Принцип проведения судебной экспертизы только по материалам, закрепленным процессуально в уголовном деле, является серьезной гарантией, что это заключение легко может быть оценено следствием и судом, так как позволяет им проверить правильность и полноту восприятия экспертом тех обстоятельств, которые были положены им в обоснование своего заключения.

II. Вторым принципом является проведение судебной экспертизы на первичных доказательствах. Этот принцип проведения судебной экспертизы также основывается на принципе непосредственности советского уголовного процесса. Принцип использования при проведении судебной экспертизы преимущественно первичных доказательств в одинаковой степени налагает соответствующие обязанности как на следователя, так и на эксперта. Если следователь, назначая экспертизу по делу, должен стремиться как можно полнее обеспечить эксперту первичные, а не производные доказательства, то и сам эксперт должен направлять все свои усилия на то, чтобы его заключение было основано на первичных доказательствах, на непосредственном восприятии тех процессуально закрепленных в деле предметов, явлений, по поводу которых он должен дать свое заключение.

В соответствии с этим принципом эксперт должен знакомиться с сущностью исследуемых предметов не только по протоколам осмотров, экспериментов и т.д., а путем личного изучения этих предметов. Протокол осмотра только закрепляет данный предмет как доказательство по делу, причем отражая только часть его признаков. Осмотр предмета специалистом значительно расширит понимание его сущности, расширит количество признаков данного предмета, необходимых для построения выводов эксперта.

Таким образом, следователь при назначении экспертизы обязан предоставить эксперту первоначальные, а не производные доказательства, предоставить ему возможность лично принять участие в осмотре, освидетельствовании и т.п. Такое непосредственное восприятие даст

---

[1] Аналогичная картина имела место и при расследовании уголовного дела по обвинению Болтушкина (уголовное дело № 2–127. Архив Леноблсуда за 1952 г.). По этому делу эксперт, имевший задание установить действительное количество израсходованных на постройку бревен, производил все осмотры и обмеры единолично без всякого процессуального оформления своих действий, положив эти обмеры в основу своего заключения. В суд же был вызван другой эксперт (в связи с отъездом первого), который подтверждал заключение, данное на предварительном следствии, но в то же время делал оговорку, что он сам никаких обмеров не делал и подтвердить их правильность не может. Дело не было возвращено на доследование только потому, что имелось большое количество доказательств, помимо экспертизы, на основе которых суд смог вынести приговор.

эксперту больше материала, поможет ему составить более полное представление о подлежащих экспертизе объектах. При подготовке любого следственного действия следователь должен продумать вопрос о необходимости приглашения эксперта не только с целью облегчения проведения этого действия, но и с целью предоставления эксперту возможности лично, непосредственно воспринять определенные, необходимые для дачи заключения факты.

В ряде случаев экспертизу надо назначать еще тогда, когда обстановка места происшествия не нарушена. По многим делам бывает очень важно, чтобы эксперт мог ознакомиться со всеми деталями первоначальной обстановки места происшествия, ибо следователь при составлении протокола осмотра может упустить, не обратить внимания на такие факты, которые необходимы будут эксперту для дачи заключения. Место происшествия по таким делам, как аварии и крушения на транспорте, не могут длительное время оставаться без восстановления, так как это будет мешать нормальной работе транспорта.

В подобных случаях следователь должен назначать экспертизу сразу, чтобы обеспечить участие эксперта в осмотре места происшествия. Здесь следователь поставит на разрешение эксперта только те вопросы, которые у него сразу возникают при ознакомлении с обстоятельствами происшествия на месте. В дальнейшем, по мере накопления материалов, он сможет поставить на разрешение эксперта дополнительные вопросы[1]. Этим самым следователь обеспечит возможность непосредственного восприятия места происшествия экспертом и будет способствовать получению более объективного заключения. Принцип производства экспертизы на основании первичных, а не производных доказательств обеспечивает поступление в распоряжение экспертов лучших материалов, что позволяет им не только провести исследование качественно, но и избежать тех ошибок, которые, возможно, имели бы место, если бы в распоряжение экспертов передавались производные доказательства.

Этот принцип требует также, чтобы эксперту представлялись по возможности подлинники документов, а не копии. В некоторых случаях необходимо представить эксперту все документы, составленные в нескольких экземплярах. Требование о представлении подлинника документа при направлении его на криминалистическую экспертизу является совершенно понятным, так как исследование связано исключительно с индивидуальными особенностями именно данного документа. Однако вопрос о необходимости представления подлинников имеет отношение и к бухгалтерской, и технической, и какой-либо иной экспертизе.

---

[1] См. Е.А. Долицкий. Технические экспертизы по делам о крушениях и авариях на железнодорожном транспорте. М., 1951, стр. 27–28.

Во-первых, любая копия документа не может передать всех особенностей подлинника, которые подчас имеют исключительно большое значение для экспертов, помогая им правильно оценить документ, сделать соответствующие выводы, указать следователю на особенности оформления документа, на имеющиеся отступления от общеустановленного порядка оформления и т.д. Во-вторых, пользование копиями всегда таит в себе опасность внесения при снятии ее каких-либо ошибок или упущения существенных деталей подлинника.

Этот принцип требует также от следователя при производстве экспертизы, в частности криминалистической, направлять на исследование не гипсовый слепок с предмета, а сам предмет, не гипсовые слепки с подошвы сапог, а сами сапоги, не снятые на дактилопленку отпечатки пальцев рук, а по возможности сам предмет, имеющий на себе эти отпечатки, и т.д.

Следует помнить, что увеличение количества опосредствующих связей между предметом и восприятием их человеческими чувствами уменьшает возможности восприятия и увеличивает возможности искажений действительной сущности предметов и явлений.

Принятие следователем всех мер для правильного изъятия первичных, а не производных доказательств значительно способствует повышению качества и объективности экспертиз.

Верховный Суд СССР уделяет большое внимание требованию непосредственного восприятия объектов исследования экспертами при производстве экспертизы, что целиком вытекает из принципа проведения экспертизы на первичных доказательствах.

В тех случаях, когда эксперты в своей исследовательской работе используют не первичные, а производные доказательства, – заключение их закономерно вызывает сомнение в истинности, поскольку целый ряд свойств, качеств, явлений и фактов мог быть ими не воспринят в результате целой серии опосредствованных ранее восприятий.

Так, по делу Т-Ш постановление пленума Верховного Суда СССР не признавало доказательственной силы за заключением судебно-психиатрической экспертизы, потому что «...заключение было дано не в результате исследования самого Т-Ш, а лишь на основании ознакомления с материалами дела»[1].

По аналогичным причинам Верховный Суд СССР отменил приговор по делу Н. и И., указав в своем определении, что «эксперты на месте аварии не были, а заключение давали по материалам, имеющимся в деле»[2].

В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 12 января 1957 г. говорится: «...заключение эксперта Чухонцева... нельзя признать обоснованным, т.к. он... не был в лаве, где

---

[1] Вопрос уголовного процесса в практике Верховного Суда СССР. М., 1955, стр. 185.

[2] Там же, стр. 199.

произошел несчастный случай»[1]. Отменяя приговор по делу Нерадько, Верховный Суд СССР указывает: «Из их (экспертов. – *А. Д.*) показаний видно, что они на месте аварии не были, а заключение давали по материалам, имеющимся в деле»[2]. По делу Старчевского, где также был отменен приговор, в определении говорилось: «Из показаний экспертов по делу Телятникова и Мамонова видно, что они, давая свое заключение по делу Старчевского, объектов, подлежащих исследованию – скульптур и художественного оформления детских вагонов, – не видели. Следовательно, они и не могли дать обоснованное заключение»[3].

Все эти примеры убедительно показывают исключительную важность предельного соблюдения принципа производства экспертизы на первичных доказательствах.

В некоторых конкретных случаях эксперт вообще не имеет возможности в силу сложившихся обстоятельств непосредственно произвести исследование, непосредственно видеть тот или иной объект. Так, судебно-психиатрическая экспертиза иногда проводится при отсутствии самого субъекта (за смертью последнего), психическое состояние которого необходимо выяснить. Повторные судебные экспертизы (например, судебно-медицинские) также часто не имеют возможности произвести вторично исследование трупа и т.п. Все это во много раз осложняет производство экспертизы, вызывая дополнительные трудности при обосновании и при оценке заключения экспертами.

Наличие таких судебных экспертиз нисколько не колеблет, а наоборот, только подтверждает правильность общего принципа, что судебная экспертиза должна быть основана по преимуществу на первичных доказательствах, что, в свою очередь, увеличивает объективную ценность и правильность заключения эксперта.

III. Третьим принципом организации судебной экспертизы является требование производства всех необходимых исследований в процессе экспертизы самим экспертом.

Из предыдущего принципа организации судебной экспертизы, где необходимым является использование первичных доказательств, вытекает и принцип организации судебной экспертизы, в силу которого все исследования должны быть произведены лично экспертом. В противном случае он может не видеть, не знать всех характерных особенностей результатов произведенных исследований, может не знать всех особенностей методики, применяемой при этом исследовании, что может привести его к неверным обобщениям и выводам. В тех случаях, когда эксперт не наблюдает лично, непосредственно результатов пусть даже

---

1 Бюллетень Верховного Суда СССР, 1957, № 2, стр. 23.

2 Судебная практика Верховного Суда СССР за 1949 г., № 8, стр. 43.

3 Там же, стр. 44–45.

самого простейшего опыта, исследования, эксперимента, он не может быть убежден в том, что вывод, сделанный им на основании результатов этих опытов, будет правильный.

Уместно здесь еще раз вспомнить воззрение великого русского ученого Д.И. Менделеева на сущность судебной экспертизы. «Дать заключение, – писал он, – возможно только при следующих условиях: ...когда предметы, подлежащие экспертизе, были действительно подвергнуты исследованию...» В отношении же сущности самого исследования Д.И. Менделеев подчеркивал: «...в исследованиях всего важнее собственный глаз и наблюдение»[1].

Когда это правило эксперт не соблюдает, следователю и суду, производящим оценку заключения, необходимо особенно критически подходить к выводам эксперта, так как из-за нарушения данного принципа производства экспертизы исследования, положенные им в обоснование своих выводов, могут оказаться неверными.

Именно поэтому, когда хотят заставить экспертов дать «нужное» заключение, им не дают возможности лично произвести исследование, а для дачи заключения подсовывают исследование, заранее уже кем-то выполненное.

В качестве примера можно привести затеянную германскими фашистами провокацию с убийством польских офицеров в Катынском лесу и создание провокационного обвинения против СССР в этом массовом уничтожении. С целью придания этой провокации вида внешней убедительности фашисты создали экспертную комиссию из представителей судебных медиков стран-сателлитов. Провокация была полностью разоблачена после освобождения от фашистов городов Смоленска и Катыни, а весь ход работы экспертной комиссии – на Нюрнбергском процессе.

Работа экспертной комиссии и условия, в которых она работала, в достаточной степени были освещены при допросе члена этой комиссии, профессора судебной медицины Софийского университета Маркова. Для характеристики этих условий приведем краткую выдержку из допроса свидетеля Маркова представителем от обвинения СССР Л.Н. Смирновым.

«**Смирнов.** Присутствовали ли члены комиссии хоть раз при разрытии могил?

Марков. В нашем присутствии не были разрыты новые могилы. Нам показали лишь несколько могил, уже разрытых до нашего прибытия...

Смирнов. Были ли созданы членам комиссии надлежащие условия для объективного всестороннего научного исследования?

---

[1] «Судебный вестник» от 29 октября 1870 г.

Марков. Единственным, что из нашей деятельности можно было охарактеризовать как научное судебно-медицинское исследование, явилось вскрытие, совершенное некоторыми членами комиссии, которые являлись экспертами судебной медицины. Среди нас было 7 или 8 человек, которые могли претендовать на такую квалификацию, и, насколько я припоминаю, было вскрыто только 8 трупов... Вся наша остальная деятельность в течение этих двух дней носила характер быстрого осмотра под руководством немцев. Это напоминало туристскую прогулку, в течение которой нам показали разрытые могилы и сельский дом, отстоящий за несколько километров от Катынского леса, где в витринах были выставлены какие-то документы и другие предметы. Об этих документах и предметах нам заявили, что их извлекли из одежды вскрытых трупов.

Смирнов. Вам дали возможность произвести какие-нибудь исследования этих документов? Например, проверить пропитанность бумаги трупными кислотами, и вообще произвести какие-нибудь судебно-криминалистические исследования?

Марков. Мы не производили никаких научных исследований этих документов. Как я уже заявил, нам они были показаны на витринах за стеклом, и мы даже не дотрагивались до них. По моему мнению, эти условия работы никак нельзя назвать соответствующими для производства полного и объективного научного исследования...»[1]

Такие условия работы экспертной комиссии, когда членов ее всячески толкали на подтверждение выгодной фашистам версии и подсовывали уже сфабрикованные материалы и исследования, не давали возможности производить какие-либо исследования, привели к тому, что эксперты всячески уклонялись от дачи заключения. Тот же Марков по этому поводу показывал: «Мой протокол о трупе, вскрытие которого я производил, состоит только из описательной части, без заключения... Из бумаг, которые были даны нам, я понял, что нам хотели заранее внушить, что трупы находились в земле 3 года... так как данные, полученные во время вскрытия трупа, которое я произвел, находились в явном противоречии с этой версией, я воздержался от заключения...»[2]

В советском уголовном процессе, конечно, не может быть случая, чтобы эксперту умышленно подсовывали недоброкачественное исследование или фальсифицированное исследование для дачи неверного заключения. Однако следует иметь в виду, что в случае производства исследований не лично экспертом, дающим заключение по данному конкретному делу, всегда может таиться угроза неполного отражения необходимых данных в исследовании, что приведет эксперта к неправильному, необъективному заключению.

---

[1] Нюрнбергский процесс. Сборник материалов, т. 1, М., 1952, стр. 379–380.

[2] Там же, стр. 381–382.

Верховный Суд СССР всегда подвергает оценке заключение эксперта и с этой точки зрения. Характерным в этом отношении является дело по обвинению М. и др. Верховный Суд СССР отверг заключение экспертов о недостаче сахара, спирта и вина у обвиняемых, так как эксперты исходили из определения 16% сахаристости винограда, получаемого артелью. При установлении процента технологическая экспертиза исходила не из своих собственных исследований, а основывалась на анализах, сделанных бывшей лаборанткой артели П., которая к тому же пользовалась непроверенным сахарометром. Такое заключение технологической экспертизы, использовавшей для обоснования своих выводов непроверенные исследования, не может считаться доказательством по делу[1].

Следователь всегда должен предоставлять экспертам самую широкую возможность для полного и всестороннего исследования тех материалов, на основании которых ими будет даваться заключение. Но это не значит, что следователь должен давать эксперту возможность в ходе исследований производить такие действия, которыми, по существу, будет подменяться роль первого по собиранию доказательств. В процессе исследовательской работы эксперту действительно может потребоваться необходимость в производстве осмотров, экспериментов и других действий. Однако необходимо четко различать те осмотры и эксперименты, которые должен производить следователь, от осмотров и экспериментов эксперта[2]. В некоторых работах в качестве примеров такой исследовательской работы приводятся факты, когда эксперт подменяет собою следователя и занимается собиранием доказательств. Такой пример, в частности, находим в работе Р.Д. Рахунова. Ссылаясь на осмотр экспертом овощехранилища, он пишет: «Цель осмотра состоит в том, чтобы установить, как хранились овощи, температуру в складском помещении и т.п. Эксперт может потребовать от следователя, чтобы такой осмотр был проведен и чтобы при производстве осмотра ему для тщательного ознакомления с помещением склада была предоставлена полная возможность составлять чертежи, измерять температуру, производить эксперименты и т.п. Такой осмотр существенно отличается по своим свойствам от следственного осмотра, при котором могут принимать участие сведущие лица. Описанный нами осмотр есть не что иное, как одно из действий эксперта по производству экспертизы. Выполнение их должно осуществляться в соответствии с общими правилами производства экспертизы»[3].

---

[1] Вопросы уголовного процесса в практике Верховного Суда СССР. М., 1955, стр. 198.

[2] Подробнее на разграничении следственного и экспертного осмотра остановимся ниже.

[3] Р.Д. Рахунов. Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе. М., 1950, стр. 129. И лишь во втором издании данной работы Р.Д. Рахунов уже дает, с нашей точки зрения, правильное понимание экспертного осмотра (Р.Д. Рахунов. Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе. М., 1953, стр. 99).

Следует признать совершенно неправильным отнесение таких действий к самостоятельным исследованиям эксперта. Указанные факты должны быть закреплены в материалах дела, а следовательно, и отражены в следственном протоколе осмотра. Непонятно, почему Р.Д. Рахунов считает, что значительно убедительнее выглядит ссылка на температуру в складе в акте эксперта, сделанная на основании лично им произведенного измерения, чем та же ссылка на ту же температуру, закрепленная в протоколе, составленном следователем в присутствии понятых и с участием эксперта; почему должен убедительнее выглядеть приложенный к акту эксперта чертеж склада, воспроизведенный единолично, чем тот же чертеж, приложенный к следственному протоколу осмотра склада, составленному следователем в присутствии понятых, при активном участии эксперта, да еще снабженный серией фотографий, закрепляющих условия хранения овощей. Такая работа эксперта будет являться нарушением принципа проведения экспертизы, который требует обоснования заключения только на материалах, закрепленных процессуально в деле.

Отсюда вывод, что подобные «исследования» эксперта не должны допускаться следователем. В процессе исследовательской работы над материалами у эксперта могут возникнуть вопросы, для разрешения которых действительно необходимо производство осмотров, следственных экспериментов и других действий. Повседневный контакт следователя с экспертом даст возможность восполнить недостающие эксперту материалы в кратчайшее время.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР предусматривает право следователя присутствовать при исследованиях, производимых экспертом, высказывать свое мнение и требовать занесения этого мнения о действиях эксперта в составляемый последним документ о произведенном исследовании. Так, ст. 194 УПК РСФСР гласит: «Следователь и понятые, а равно и другие лица, присутствующие при осмотре, имеют право заявлять свое мнение о тех действиях врача, которые покажутся им сомнительными, мнения эти заносятся в протокол». Отсюда весьма целесообразным было бы в данном случае термин «осмотр» заменить термином «исследование» – что больше соответствует действительной природе действий врача, – тем самым проведя границу между следственным осмотром и действиями эксперта, которые являются не осмотром, а исследованием[1]. Ст. 194 УПК РСФСР говорит, правда, только о судебно-медицинской экспертизе,

[1] Аналогичные изменения следует внести и в понятие «освидетельствование», потому что освидетельствование является следственным действием, которое производит следователь (в необходимых случаях с участием эксперта), а исследование живого человека (например, гинекологическое исследование) производит эксперт. Такое разграничение проводится в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР по делу Лебедева (Судебная практика Верховного Суда СССР за 1950 г., № 6, стр. 11).

но вполне целесообразно редакцию этой статьи изложить таким образом, чтобы предоставить следователю право присутствовать во всех случаях, когда он это находит необходимым, а, может быть, в некоторых случаях и обязать его присутствовать при исследованиях, производимых другими экспертами: химиками, криминалистами и т.д.

В связи с этим необходимо высказать соображение, касающееся методики производства судебно-баллистической экспертизы. Во всех случаях производства идентификации эксперт делает сравнение объектов или их отображений, закрепленных в деле, например слепок со следа и ботинок, предмет со следами пальцев и дактокарта и т. п. Исключение составляет только судебно-баллистическая экспертиза, где объект для производства идентификации получает сам эксперт в результате экспертного эксперимента – отстрела из подозреваемого оружия. Таким образом, в данном случае объектом исследования эксперта будут являться предметы, полученные им же в процессе экспертного эксперимента. Было бы вполне целесообразно обязать следователя присутствовать совместно с понятыми при проведении этого экспертного эксперимента и таким образом ликвидировать имеющиеся исключения, когда экспертиза производится по объектам, не закрепленным полностью процессуально в материалах уголовного дела.

Присутствие следователя при исследованиях, производимых экспертом, может оказаться исключительно полезным с точки зрения облегчения ему последующей оценки заключения эксперта и оказания последнему помощи в наилучшем процессуальном оформлении используемых им материалов.

В соответствии с изложенным принципом необходимости производства исследований лично экспертом следует остановиться и на так называемых консультантах эксперта.

Термин «консультант эксперта» встречается только в судебно-медицинской литературе. Для ясности, что следует под ним понимать, приведем цитату из работы проф. А.И. Законова. «Судебно-медицинскому эксперту, – пишет он, – предоставляется полная возможность широко использовать консультативную помощь любого лечебного учреждения или отдельного специалиста... При этом нужно иметь в виду, что в таких случаях судебно-медицинский эксперт не имеет права переадресовывать направленное к нему лицо к тому или иному специалисту, а должен только получить от него консультативную помощь, свидетельство же обязан выдать от своего имени»[1].

Далее свою мысль проф. А.И. Законов развивает следующим образом: «Организация такой консультативной помощи может осуществляться

[1] А.И. Законов. Составление судебномедицинских документов. Омск, 1948, стр. 70.

различно: 1) Можно выдать на руки свидетельствуемому направление в больницу или поликлинику, изложив в нем интересующие эксперта вопросы, например: «Имеется ли у гр-на Х прободение барабанной перепонки»... и т.д., и предложить ему посетить указанного специалиста и доставить обратно эксперту его ответ»[1].

Из цитированного ясно, что в таких случаях, которые автор считает совершенно нормальными и даже рекомендует к ним прибегать, эксперт просто-напросто перепишет в свое заключение исследование, произведенное другим врачом, и скрепит его своей подписью. В то время сам он никакого исследования производить не будет. В данном случае, кроме нарушения принципа проведения судебной экспертизы, говорящего о необходимости производства исследований именно тем специалистом, который производит экспертизу, судебно-медицинский эксперт будет явно и грубо подменять собой следователя. При допущении подобного порядка совершенно игнорируются такие процессуальные гарантии объективности заключения эксперта, как выбор эксперта следователем (следователь даже не будет знать, кто фактически производил исследование), теряет всякий смысл требование закона об уголовной ответственности эксперта за дачу заключения. При допущении таких консультантов эксперта лицо, фактически производившее исследование, не предупреждается об уголовной ответственности и нести ее не может, так как не знает, что производит исследование как судебный эксперт. Лицо же, подписавшее заключение, не может отвечать, как это ни парадоксально, за содержание исследования, потому что не является специалистом в том вопросе, по которому дано заключение.

Производство таких «экспертиз» в нашей следственной и судебной практике не должно допускаться, ибо это противоречит принципу проведения исследований лично специалистом, производящим экспертизу.

В тех случаях, когда судебно-медицинский эксперт не может ответить на поставленные следователем вопросы из-за недостатка знаний в определенной отрасли медицины, он должен официально поставить об этом следователя в известность, отказавшись таким образом от дачи заключения. Одновременно судебно-медицинский эксперт может и даже должен указать следователю известных ему специалистов данной области, чтобы следователь имел возможность поручить производство экспертизы вполне компетентному специалисту. В некоторых случаях следователь может поручить производство экспертизы судебно-медицинскому эксперту и специалисту конкретной отрасли медицины. Их знания будут взаимно дополнять друг друга, что будет способствовать получению более объективного заключения. Поэтому нельзя

[1] А.И. Законов. Составление судебномедицинских документов. Омск, 1948, стр. 70.

согласиться с высказыванием проф. А.И. Законова, что «...с другой стороны и работникам суда и следствия в таких случаях (то есть в случаях обнаружившейся некомпетентности штатного судебно-медицинского эксперта в определенной узкой области медицины. – *А. Д.*) не следует обходить судебно-медицинского эксперта и направлять живых лиц непосредственно к гинекологу, венерологу, хирургу, окулисту и т.д.»[1]

Только в судебно-медицинской литературе некоторыми авторами отстаивается право эксперта на самостоятельное привлечение консультантов, которые должны будут производить исследование вместо эксперта.

Институт консультантов эксперта не должен существовать, так как это в корне противоречит основным принципам проведения экспертизы, и в частности принципу непосредственного проведения исследований самим экспертом.

В последнее время в литературе, теперь в криминалистической, вновь появились высказывания о необходимости предоставления права экспертам самостоятельно поручать исследования другим специалистам. Такое, в частности, мнение высказал Г. Карнович[2]. Он считает, что исследования изъятой при вскрытии части внутренностей, которые исследуются на предмет установления яда в организме, нельзя считать самостоятельной экспертизой, так как эти данные используются для заключения судебно-медицинским экспертом[3].

С такими взглядами никак нельзя согласиться. Ведь эксперт-химик передает судебно-медицинскому эксперту не формулу какой-то реакции, которую последний обрабатывает и уже сам делает из нее вывод о наличии или отсутствии яда. Судебно-медицинский эксперт получает уже готовый вывод – заключение о том, что в организме обнаружен яд, указано какой и иногда – в каком количестве. Таким образом, в данном случае и ему подобных налицо самостоятельное исследование специалиста, заканчиваемое дачей заключения. Поэтому нет никаких оснований выделять каких-то экспертов второго сорта, которые передают свое заключение не прямо в следственные органы или в суд, а другому эксперту, который в свое заключение включил только вывод этого эксперта, не имея возможности подвергнуть это заключение анализу и оценке, так как сам он исследований не производил[4].

---

[1] А.И. Законов. Составление судебномедицинских документов. Омск, 1948, стр. 70.

[2] Г. Карнович. Некоторые вопросы экспертизы вещественных доказательств. «Социалистическая законность», 1957, № 8, стр. 25.

[3] Там же, стр. 29.

[4] Изложение совершенно не означает, что эксперту в процессе производства исследования не может быть оказана техническая помощь со стороны специалистов, обслуживающих те или иные приборы, то или иное оборудование. Так, например, в процессе криминалистической экспертизы эксперту-криминалисту может быть оказана техническая помощь по фотографированию объектов, по выявлению спектра лучеиспускания

Предоставление таких прав экспертам в корне противоречит принципам проведения судебной экспертизы, приводит к нарушению компетенции эксперта.

IV. Принципом проведения судебной экспертизы является также полное и ясное фиксирование в акте эксперта и в приложениях к нему всего хода исследований эксперта, приемов, методов, анализа и синтеза тех материалов дела, на основании которых им дается заключение.

Принципы проведения судебной экспертизы требуют, чтобы она была основана не только на закрепленных в деле материалах, но и чтобы ход самих исследований эксперта полностью мог быть воспринят судьями. Этот принцип проведения судебной экспертизы способствует более полному познанию, а отсюда и оценке заключения эксперта со стороны следствия и суда.

С учетом этого принципа эксперт должен стремиться все свои исследования фиксировать таким образом, чтобы наиболее полно донести до суда методы, сущность и результаты своей исследовательской работы. Это одна из основных особенностей судебной экспертизы, где все действия эксперта должны быть проверены судьями для того, чтобы составить правильное представление о доказательственной силе заключения.

Все изложенное в исследовательской части акта должно являться подробным обоснованием, мотивировкой выводов заключительной части акта экспертизы – заключения эксперта. В результате изучения исследовательской части акта эксперта следователь и суд имеют возможность проверить доказанность и обоснованность всех выводов эксперта[1]. Описание в исследовательской части акта эксперта должно всегда включать в себя отображение полученного задания, уяснение и изучение поставленной задачи исследования. Далее должно найти отражение изучение представленного материала, описание его состояния, процесс отбора необходимых образцов для последующего, более тщательного осмотра или проведения опытов. В этой же части акта должно содержаться подробное изложение конкретных обстоятельств, исследуемых экспертом событий, почерпнутое из материалов дела. Изложение этих фактов должно иметь ссылки на те следственные материалы, откуда эти факты экспертом взяты (протоколы осмотров, протоколы допроса, приобщенные к делу документы). Такое изложение всех исходных фактов дает возможность следователю и суду проверить правильность изложения фактических обстоятельств экспертом и установить, полностью ли эксперт использовал все собранные и установленные следствием факты, относящиеся к уяснению данного события, явления. Ошибки, допущенные экспертом в изложении фактических обстоятельств,

---

объекта и т.д. В этих случаях исследование и экспертизу полностью производит эксперт.

[1] А.И. Винберг. Криминалистическая экспертиза в советском уголовном процессе. М., 1956, стр. 61 и последующие.

заставят следователя и суд критически воспринять выводы эксперта, как сделанные из неполноценного материала. Исследовательская часть акта эксперта должна содержать в себе и ссылки на те научные положения или правила, соблюдение или несоблюдение которых устанавливается экспертом. Эксперт не должен ограничиваться указанием в акте, что «нарушены соответствующие правила», а должен четко указать, какие именно правила, существующие в науке, нарушены, разъяснить необходимость соблюдения этих правил с тем, чтобы суду и следствию это стало понятно.

В некоторых случаях эксперту приходится произвести целый ряд экспериментов, чтобы иметь необходимый сравнительный материал для проверки возможности аналогичного образования следов в аналогичных условиях или проверить возможность наступления определенных последствий. В исследовательской части акта должно содержаться самое подробное описание этих экспериментов, должны быть описаны исходные условия, применяемые приемы, повторения опытов, все модификации получаемых в результате этих опытов данных. Необходимо, чтобы исследовательская часть акта содержала подробный анализ и синтез установленных фактов, результатов осмотров, экспериментов, сопоставлений, обобщений и т.д. Все это является непосредственной предпосылкой для выводов эксперта.

«...Мало сообщить следователю или суду свой вывод и технические данные исследования, *а надо обосновать этот вывод, и при этом так, чтобы следователь или суд могли разобраться, оценить, насколько этот вывод правилен*»[1].

Подробная мотивировка заключения эксперта является основной гарантией возможности проверки и оценки экспертизы со стороны следствия и суда. Немотивированность выводов эксперта крайне затрудняет возможность оценки его заключения и ставит под сомнение правильность его выводов.

Исследовательская часть акта экспертизы должна быть изложена простым, понятным языком, не должна содержать большого количества иностранных слов, терминов, специальных выражений. Если эксперт употребляет специальную терминологию, он же обязан в акте расшифровать и разъяснить ее значение. Обилие специальной терминологии в акте эксперта делает его недоступным для понимания следователя и суда. Это приводит к невозможности оценки заключения эксперта.

Некоторые эксперты, стремясь скрыть недостаток убедительности доводов, в подтверждение высказанного ими заключения применяют обилие специальной терминологии, стараются «затемнить» смысл акта экспертизы для следователя и суда. Такие попытки должны решительно пресекаться следователем и судом. По этому поводу Б. Арсеньев

---

[1] А.И. Винберг. Заключение криминалистической экспертизы. «Советское государство и право», 1949, № 4, стр. 34.

указывал, что «надо отказаться от порочного пути, на который иногда становятся эксперты; с видом порицателей они изрекают непререкаемые истины, облекая их в такую форму, которая остается непонятной неспециалисту. Обилие иностранных слов, куча технических и специальных терминов – все это парализует его (суда. – *Б. А.*) возможность оспаривать те или иные положения эксперта даже в том случае, когда он чувствует и понимает неправильность этих положений»[1].

В случае получения от эксперта акта, смысл которого не может быть уяснен следователем из-за обилия специальной терминологии, этот акт должен быть возвращен эксперту для пересоставления.

Совершенно недопустимым в соответствии с указанным принципом является дача заключений, вообще не содержащих исследовательской части, состоящих только из кратких ответов на поставленные следователем вопросы.

Так, по делу Шахбазова и Морокина, которых обвиняли в аварии на водном транспорте, была назначена судоводительская экспертиза. На разрешение эксперта, в частности, был поставлен и вопрос о правильности распределения груза на палубе и в трюме моторного баркаса. На этот вопрос эксперт ограничился следующим ответом: «Неправильно. Согласно положению, грузить на палубу положено одну треть общего груза». Или на вопрос: «Достаточно ли был укреплен груз на палубе?» эксперт опять же лаконично отвечал: «Имея в виду род груза – листовое железо, закреплен был недостаточно и неправильно размещен»[2]. Такое заключение эксперта не может быть принято следователем и судом, так как ни следователь, ни суд в приведенном случае не имеют никаких данных для проверки выводов эксперта.

Излагаемый принцип проведения судебной экспертизы требует также, чтобы при производстве экспертных исследований как можно шире применялась фотография для закрепления таким путем всех стадий производимых экспертом исследований.

В настоящее время фотография при экспертном исследовании еще не получила должного распространения. Если она широко используется экспертами-криминалистами, то эксперты других специальностей при своих исследованиях крайне редко используют это исключительно действенное средство для сохранения наиболее полного восприятия другими лицами результатов производимых ими исследований.

Использование фотографии при судебно-медицинском исследовании приносит большую пользу в тех случаях, когда при вскрытии устанавливаются какие-либо изменения в организме, которые можно запечатлеть на фотоснимке. Особую помощь при вскрытии трупов

---

[1] Б. Арсеньев. Оценка заключения эксперта. «Социалистическая законность», 1945, № 7.

[2] «Социалистическая законность», 1952, № 5, стр. 70–71.

и при исследовании живых лиц может оказать эксперту цветная фотография. Производство фотографических снимков во время любого экспертного исследования во много увеличит возможности восприятия исследований эксперта судом, а следовательно, и значительно облегчит задачу суда по оценке заключения эксперта.

При многих исследованиях может найти применение и киносъемка.

На необходимость широкого использования иллюстративного материала для увеличения наглядности акта экспертизы, а следовательно, и для повышения доказательственной силы заключения эксперта имеются указания и в определениях Верховного Суда СССР. Отменяя приговор по одному делу в связи с необходимостью производства графической экспертизы, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР указывала: «Для того, чтобы заключение графической экспертизы носило более наглядный характер, экспертам надлежит сделать фотоснимки с квитанций расчетного платежа и отметить на этих снимках совпадающие признаки почерков. Фотоснимки квитанций, на которых учинены дописки, надлежит дополнительно произвести в увеличенном масштабе, чтобы наличие подлога было ясно суду»[1].

Приложения значительно могут облегчить эксперту изложение акта экспертизы, помогая ему наглядно иллюстрировать соответствующие моменты, которые без иллюстративного материала могут быть неправильно восприняты неспециалистами. Для наглядной иллюстрации своих выводов в суде эксперт может воспользоваться не только заранее заготовленными фототаблицами, но и диапозитивами, также прилагаемыми к акту экспертизы в качестве приложений[2].

В настоящее время демонстрация диапозитивов в суде при даче заключения уже не является редкостью. Однако она не получила еще должного развития. Большую помощь при демонстрации выводов экспертов в суде может оказать и кинолента, на которой во время экспериментальных работ будут зафиксированы все этапы эксперимента с различного рода сопутствующими изменениями в объектах исследования.

Следует также более широко практиковать демонстрацию экспертом в суде опытов и экспериментов, подтверждающих правильность его выводов.

Соблюдение принципов проведения судебной экспертизы является обязательным в каждом отдельном случае, так как это дает возможность получить объективное заключение эксперта и произвести полную и всестороннюю оценку этого доказательства судом.

---

[1] Судебная практика Верховного Суда СССР за 1950 г., № 4, стр. 28.

[2] Интересно отметить, что еще 100 лет тому назад знаменитый русский хирург Пирогов в своей судебной экспертной практике широко использовал приложение чертежей и рисунков к актам экспертизы.

Пределы использования судебной экспертизы

Рассмотрение вопросов судебной экспертизы невозможно без определения пределов ее использования. Судебная экспертиза является тем руслом, по которому новейшие достижения советской науки приходят на помощь следствию и суду в деле осуществления правосудия.

Заключение эксперта может потребоваться следователю или суду при решении самых различных вопросов по делу. Все попытки установить тот круг отраслей науки или тот круг вопросов, по которому следователю или суду может потребоваться заключение эксперта, заранее обречены на неудачу, так как возможности применения различных отраслей науки при расследовании уголовных дел исключительно многогранны и повышаются с каждым днем, с каждым развитием отраслей науки.

Непременным критерием применения судебной экспертизы для решения того или другого вопроса является возможность с помощью применения специальных знаний расширить наши познания об определенных фактах, явлениях, их причинах и следствиях, встречающихся при расследовании уголовных дел. Специальные познания обязательно должны базироваться на строго научных и проверенных объективных данных. Судебные экспертизы, не основанные на строго научных данных, в советском уголовном процессе не допускаются. История уголовного процесса России знает период, когда в качестве судебных экспертиз применялись различные лженаучные данные. Так, например, были попытки применения оптико-графической экспертизы (фотография зрачков убитого)[1], графологической, по установлению почерка убийцы и установлению характера обвиняемых по письму[2], художественной экспертизы, для установления душевного состояния художника в тот или иной период его творчества[3].

Еще большее количество лженаучных судебных экспертиз производилось и производится в капиталистических странах. До настоящего времени не являются исключением факты, когда в уголовном процессе в качестве экспертов используются различные представители оккультных «наук», мракобесы, с помощью которых пытаются устанавливать факты, относящиеся к расследованию уголовного дела.

---

[1] Архив А.Ф. Кони. Черновики и заметки к докладу «Художественная и литературная экспертиза». Архив Института русской литературы, ф. 134, оп. 1, ед. хр. 194.

[2] Н.В. Терзиев, А.А. Эйсман. Введение в криминалистическое исследование документов. М., 1949, стр. 36–42.

[3] А.Ф. Кони. На жизненном пути, т. 2, стр. 373 и последующие.

В советском уголовном процессе применение подобных лженаучных экспертиз совершенно исключено. Для нашего суда характерно исключительно строгое отношение к проверке научности знаний любой привлекаемой по делу судебной экспертизы. Если суд устанавливает, что в данный период та или другая отрасль науки еще не располагает достаточно проверенными научными данными, то такая судебная экспертиза не считается доказательством по делу. Здесь сказывается повышенная требовательность к объективности со стороны советского суда при оценке любого доказательства по делу.

В качестве примера можно привести историю с судебными экспертизами по восстановлению лица убитого по черепу.

Трудно переоценить значение этого вида судебной экспертизы в настоящее время для практической деятельности органов расследования в случаях обнаружения ими черепа давно убитого человека. Но был период, когда подобные судебные экспертизы не принимались судами в качестве доказательства.

Впервые такого рода экспертизы в следственной практике стали применяться лет 15 назад. Однако тогда Верховный Суд СССР отрицательно относился к возможности восстановления лица по черепу. По делу Б., осужденного за убийство своей жены, с целью опознания обнаруженного черепа сотрудниками Института материальной культуры АН СССР была произведена экспертиза по восстановлению лица. После восстановления лица труп был опознан. Верховный Суд СССР в порядке надзора отменил приговор по делу и в своем определении, в частности, указывал, что восстановление лица по черепу «может быть расценено только как искусство, как художественная работа, а не как „техническая экспертиза“, в связи с чем, по мнению суда, оно не является бесспорным доказательством...». Исходя из этого, Верховный Суд СССР пришел к выводу, что заключение эксперта из Института материальной культуры не удовлетворяет требованиям, предъявляемым к заключениям экспертов, а поэтому не может служить доказательством виновности Б.

Данное определение приводится проф. М.М. Гродзинским в статье «Оценка доказательств в кассационной и надзорной практике Верховного Суда СССР»[1] в качестве примера правильного критического подхода Верховного Суда СССР к заключению эксперта, основанного на недостаточно проверенных научных данных.

В настоящее время метод восстановления лица по черепу считается уже достаточно научно обоснованным, так как проверен в большом количестве случаев на практике, а методика восстановления лица по черепу разработана настолько детально, что такую экспертизу

---

[1] Ученые труды ВИЮН, вып. VIII, 1946, стр. 236.

производят не только в Институте материальной культуры, но и в других местах. Об успешном применении в практике методов восстановления лица по черепу сообщал в литературе ленинградский эксперт В.П. Петров[1].

Экспертиза по восстановлению лица по черепу в настоящее время уже признана следственной и судебной практикой и приносит большую помощь при расследовании таких опасных преступлений, как убийство. Тем не менее среди некоторых процессуалистов продолжает сохраняться мнение, что восстановление лица по черепу не может быть признано научной экспертизой. Основываясь все на том же определении Верховного Суда СССР по делу Б., М.Л. Якуб делает вывод о недопустимости подобной экспертизы[2]. К такому же выводу приходит и проф. М.С. Строгович. Он пишет, что, «...каковы бы ни были достижения науки в деле восстановления лица по черепу, еще не достигнуто такой точности и достоверности, которые позволили бы подобные выводы класть в основание судебного приговора»[3].

Где же границы точности и достоверности? Когда же можно объявить, что метод стал объективно научным? С точки зрения основоположников марксизма-ленинизма, этот критерий наступает тогда, когда наша практическая деятельность может подтвердить правильность научных выводов. По восстановленным по черепу лицам родственники опознают трупы, методикой восстановления овладели многие ученые, следовательно, это не искусство, присущее какому-то одному человеку. Практика подтвердила правильность, объективность, научность этого метода, и нет никаких оснований в настоящее время ограничивать в этой части возможности использования научных знаний при расследовании преступлений.

Данный пример очень хорошо показывает, как в советском уголовном процессе осторожно проверяются различные научные положения, прежде чем они будут положены в обоснование приговоров.

Судебная экспертиза не может и не должна применяться в тех случаях, когда решению подлежит какой-либо вопрос, определяющий общеэтическое, общеэстетическое понятие, в тех случаях, когда необходимо определить понятие преступления.

В процессе расследования уголовного дела следователю и судье приходится определять действия, подпадающие под такие понятия,

---

1 В.П. Петров. Использование методики восстановления лица по черепу в судебномедицинской практике. Материалы III расширенной научной конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки проф. М.И. Райского, Киев, 1958, стр. 117–118.

2 Вопросы уголовного процесса в практике Верховного Суда СССР. М., 1955, стр. 197–198.

3 М.С. Строгович. Курс советского уголовного процесса. М., 1958, стр. 246.

как «обезображение лица», «порнография»[1], «нецензурная брань» и т.д. Во всех случаях решение вопроса о наличии или отсутствии данного понятия в действиях того или другого лица не может перекладываться на судебных экспертов. Эти понятия являются общеэтическими, общеэстетическими и должны определяться следователем, судом на основании конкретных материалов дела, на основании социалистического правосознания, правил социалистической морали и нравственности. Однако некоторые судебные эксперты все же считают возможным давать заключения и по такого рода вопросам[2]. Такие попытки надо признать недопустимыми и не соответствующими целям и задачам судебной экспертизы.

Судебная экспертиза не может назначаться и в тех случаях, когда требуется решать вопросы о методах познания истины по конкретному уголовному делу. Для этой цели нельзя назначать экспертизы философские, логические, психологические, так как метод познания, познание фактов дела в их совокупности является непосредственной и неотъемлемой задачей следствия и суда.

В связи с изложенным следует более подробно остановиться на судебно-психологической экспертизе и границах ее применения.

Пришедший на смену феодальному строю капитализм принес с собой и более обострившиеся формы классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом. Это повлекло и изменение форм судопроизводства. Если в период своего развития буржуазия декларировала различные демократические права «для всех», в том числе и в области уголовного процесса, надеясь таким путем укреплять свою власть, то усиление классовой борьбы приводило и приводит к тому, что буржуазия постепенно отменяет «демократические свободы» одну за другой и изыскивает «более верные» способы борьбы с растущим и укрепляющимся пролетариатом.

В уголовном процессе буржуазных стран обострения классовой борьбы повлекли за собой стремление к замене некоторых видов доказательств другими. Такие доказательства, как показания свидетелей, стали препятствием для буржуазии при ее расправе с наиболее активными борцами рабочего класса. Среди буржуазных процессуалистов

---

[1] Если недопустимым является назначение судебной экспертизы для определения понятия «порнография», то следует признать возможным все же назначение судебных экспертиз в тех случаях, когда обвиняемый ссылается, что данные фотоснимки или рисунки были выполнены им для другой цели. Так, гражданин К., обвинявшийся в изготовлении и распространении порнографических фотоснимков, объяснял, что эти снимки нужны были ему, как скульптору, для изучения пластики тела. Вызванные эксперты дали заключение, что предъявленные им фотоснимки ничего общего с методами изучения пластики тела не имеют.

[2] См. М. Авдеев. Серьезные недостатки судебномедицинской экспертизы телесных повреждений. «Социалистическая законность», 1958, № 2, стр. 38.

и криминалистов, отстаивающих интересы капитала, все чаще и чаще начали раздаваться голоса, требующие замены свидетельских показаний «более реальными» доказательствами.

Недоверие к свидетельским показаниям привело к появлению теорий, требующих производства экспертизы свидетеля, что якобы явится гарантией избежать недобросовестных и ошибочных свидетельских показаний.

Стремление буржуазных юристов избавиться в суде от свидетельских показаний и свести все доказательства к экспертизе нашло свое наибольшее воплощение в «теории» Э. Ферри. По его «теории» основное место в системе доказательств отводилось экспертизе, и даже более того, весь судебный процесс должен был сводиться к экспертизе. В своей работе «Уголовная социология» Ферри объявил, что теория свободной оценки доказательств на основе внутреннего судейского убеждения и связанный с ней период в развитии уголовного процесса является «сентиментальным фазисом», на смену которому идет новый фазис, «...фазис научный, выражающийся в экспертизе, т.е. методическом собирании и оценке экспериментальных данных о материальных обстоятельствах преступления (доказательства физические, химические, механические, каллиграфические, профессиональные, токсикологические и др.), и, главным образом, в анализе индивидуальных и социальных обстоятельств подсудимого (доказательства антропологические, психопатологические и проч.)»[1].

По «теории» Ферри, основным и единственным доказательством виновности подсудимого должно было являться заключение эксперта о полноценности подсудимого и его «предрасположенности совершать преступления». «Теория» Ферри о сведении всего «отправления правосудия» к экспертизе тесно увязывалась с появившейся в то же время «теорией» Ломброзо. Последний утверждал, якобы на основе большого количества фактов, что преступниками рождаются и что, таким образом, существуют преступные типы людей. Таким образом Ферри, Ломброзо и их последователи приходили к выводу, что целью уголовного процесса должно быть не установление виновности обвиняемого, а установление его социальной опасности, то есть установление предрасположенности к совершению преступления.

В связи с этим определенная роль отводилась и психологической экспертизе, по заключению которой можно было признавать достоверными или недостоверными показания и тех немногочисленных свидетелей, которые все-таки будут фигурировать в суде и при такой «системе правосудия».

---

[1] Э. Ферри. Уголовная социология. 1910, т. II, стр. 275–276.

«Теории» о сведении процесса к проведению различного рода экспертиз были подхвачены некоторыми процессуалистами в дореволюционной России. Так, Елистратов и Завадский по этому поводу писали: «Выясняя влияние на степень достоверности показания пола, возраста, технической подготовленности и пр., мыслимо найти важные опорные пункты в оценке противоречивых показаний. Быть может, при дальнейшем изучении удастся связать характерные черты восприятия ближайшим образом с индивидуальностью человека; и по предварительному испытанию свидетеля уже получить возможность судить о степени нормальной достоверности его показаний... Таким образом, есть основание надеяться, что экспертиза свидетеля, которую уже и теперь предлагают некоторые... может быть создана на твердых научных основаниях»[1].

Таким образом, стремление к полной замене всех видов доказательств судебной экспертизой, стремление к укреплению психологической экспертизы свидетеля было закономерным следствием усиливающейся классовой борьбы между буржуазией и рабочим классом.

Господствующие теории экспертизы, являясь одним из институтов права, всегда обслуживали интересы господствующего класса. Цели и задачи эксплуататорского уголовного процесса предопределяли сущность всех доказательств, в том числе и экспертизы, предопределяли порядок их собирания, фиксации и оценки. Судебный процесс в любом эксплуататорском обществе «...есть только надежная охрана, которая должна проводить противника до тюрьмы, простое приготовление к экзекуции, а где процесс желает быть не только этим, там его заставляют молчать»[2].

Особенно наглядно это положение раскрывается при рассмотрении деятельности буржуазного суда, «...который изображал собою защиту порядка, а на самом деле был слепым, тонким орудием беспощадного подавления эксплуатируемых, отстаивающим интересы денежного мешка»[3].

Коренное отличие целей и задач советского уголовного процесса неминуемо ведет к коренному изменению и системы доказательств, порядка их собирания, фиксации и оценки.

Однако это положение недостаточно четко понималось некоторыми советскими процессуалистами в первые годы Советской власти. В частности, отдельные наши ученые пытались перенести в советский уголовный процесс пропагандирующееся в буржуазном процессе понятие «социальная опасность», не отдавая себе отчета в том, что оно специально создано буржуазными учеными в интересах классового

---

1 А.И. Елистратов и А.В. Завадский. К вопросу о достоверности свидетельских показаний (опыты Бинэ и Штерна). Казань, 1903, стр. 43–44.

2 К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч., т. 1, стр. 257.

3 В.И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 421.

подавления пролетариата. Так, проф. Б.Д. Сперанский писал: «...отказавшись от формального понятия вины и заменив его материальным понятием опасности преступника, современная уголовная политика и наше уголовное законодательство большое значение придают степени и характеру опасности преступника. При учете этих моментов, при определении их значения процессуальная роль экспертизы очень велика, а часто исключительна»[1]. Такой же точки зрения придерживался и проф. С.В. Познышев[2].

Наряду с этими теориями в советский уголовный процесс проникали и буржуазные воззрения на психологическую экспертизу. Такую точку зрения поддерживал проф. М.М. Гродзинский. Он утверждал, что теория внутреннего судейского убеждения впала в крайность, и ставил вопрос об объективизации доказательств, то есть о такой форме их оценки, при которой решающую роль будет играть не мнение суда, а мнение эксперта. Проф. М.М. Гродзинский при помощи экспертизы предлагал решать вопросы об относимости доказательств и даже предлагал поставить вопрос об изучении психологии экспертов[3].

Наш советский суд твердо руководствуется принципом оценки доказательств по внутреннему судейскому убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, на законе и социалистическом правосознании[4], не воспринял и не мог воспринять различных теорий, по которым оценка свидетельских показаний должна была производиться не судом, а судебными экспертами, по которым вся деятельность суда должна была сводиться к проведению различного рода экспертиз.

Отголоски этих воззрений, пропагандировавших необходимость психологической экспертизы в уголовном процессе, в каком-то виде дошли и до наших дней. Некоторые следователи и судьи и до сих пор иногда стремятся назначать психологическую экспертизу для выяснения степени достоверности показаний свидетеля. Таким образом, они перекладывают на судебную экспертизу ту работу по оценке показаний свидетеля, которую в действительности должен выполнять следователь или суд. При этом специально-психологические экспертизы в практике не назначаются, а назначаются судебно-психиатрические экспертизы, на разрешение которых в числе прочих ставятся и вопросы о достоверности тех или иных показаний свидетеля. Необходимо помнить, что судебно-медицинская и судебно-психиатрическая экспертизы могут

---

1 Проф. Б.Д. Сперанский. Экспертиза в уголовном процессе. Иркутск, 1925, стр. 4.

2 См. С.В. Познышев. Доказательства в уголовном процессе. М., 1929.

3 См. М.М. Гродзинский. Учение о доказательствах и его эволюция. Харьков, 1925.

4 См. ст. 17 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. 1958.

и должны назначаться в тех случаях, когда есть основания предполагать, что свидетель имеет такие физические или психические недостатки, которые мешают ему или правильно воспринимать, или правильно воспроизводить определенные факты. В этом случае судебно-медицинская и судебно-психиатрическая экспертизы должны указать на наличие этих недостатков у свидетеля[1].

В то же время эксперты не должны давать оценку достоверности или недостоверности показаний на основании материалов дела, например исходя из наличия в материалах дела свидетельских показаний о склонности свидетеля к лживости и т.д.

Для правильного осуществления правосудия в советском уголовном процессе необходимо глубокое внедрение в практику работы следственных и судебных органов знаний психологии, необходимо всемерное развитие судебной психологии для того, чтобы следователи и судьи в своей практической деятельности могли широко пользоваться ее данными. Однако проведение психологических экспертиз для оценки достоверности показаний свидетелей надо признать совершенно недопустимыми[2].

Правда, не следует вдаваться в другую крайность и делать вывод вообще о недопустимости привлечения психологов в качестве судебных экспертов по уголовным делам. Советская психологическая наука располагает огромным количеством научных положений, с помощью которых психологи, будучи привлеченными в качестве судебных экспертов, могут принести большую помощь правосудию путем проведения исследований определенных обстоятельств, путем научного объяснения некоторых явлений с точки зрения науки. Больше того, надо признать, что в целом ряде случаев суд не сможет сделать правильные выводы из обстоятельств дела без помощи эксперта-психолога. Разделы советской психологии располагают научно обоснованными данными об особенностях психологии спортсмена, летчика на больших скоростях и высотах, водолаза и т.д. Психология доказала наличие закономерностей в изменении восприятия объективного мира органами чувств в связи с резкими изменениями физиологического состояния организма. Такие научные данные в виде судебных экспертиз могут оказать помощь в конкретных уголовных делах.

Судебная экспертиза не может назначаться в тех случаях, когда решение вопроса должно производиться самим следствием или судом. В этой

---

[1] См. Я.М. Калашник. Особенности психиатрической экспертизы свидетеля. «Советская криминалистика на службе следствия». М., 1955, вып. VI, стр. 153–173.

[2] Критика психологической экспертизы дана в работах Р.Д. Рахунова «Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе», М., 1953, стр. 58–62; М.С. Строговича «Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе», М., 1955, стр. 318–320.

связи следует вспомнить и об определении «холодного оружия». До последнего времени считалось необходимым определять отнесение данного орудия к холодному оружию путем назначения судебной экспертизы. Все чаще и чаще стали раздаваться голоса о необходимости ликвидации широкого применения этого вида судебной экспертизы, так как познания следователя и судьи в этом вопросе нисколько не отличаются от познаний эксперта[1]. С данным положением следует согласиться и также считать необходимым производство экспертизы не в целом по понятию «холодное оружие», определение которого является делом следствия и суда, а по отдельным вопросам, которые могут возникнуть в процессе выяснения этого основного вопроса. Так, например, может быть проведена судебная экспертиза по определению степени закалки оружия для возможности использования его как холодного оружия и т.д.

Судебные экспертизы назначаются только в том случае, когда для проведения их необходимы специальные познания, без которых встречающиеся в деле обстоятельства не могут быть полностью выяснены. Применение судебных экспертиз исключительно многообразно.

Широкое распространение на предварительном следствии и суде получили судебно-медицинские экспертизы при определении причин смерти, тяжести телесных повреждений и по целому ряду других вопросов. Судебная медицина давно уже стала самостоятельной вспомогательной наукой и в настоящее время продолжает развиваться. Советские ученые – судебные медики внесли значительный вклад в науку и своим участием в расследовании уголовных дел путем производства экспертиз помогают следователям и судьям в установлении объективной истины.

Органы следствия и суда в случаях, когда необходимо установить причины падежа скота, болезни скота, установить вид мяса, кожи и т.д., производят судебно-ветеринарные экспертизы[2].

В следственной и судебной практике часто производятся судебно-психиатрические экспертизы. Они помогают выяснить вменяемость привлекаемых к уголовной ответственности лиц или психическое состояние свидетелей.

По делам о хищении государственного и общественного имущества, по делам о различных должностных преступлениях большое значение в практике имеет судебно-бухгалтерская экспертиза, которая помогает следственным и судебным органам разоблачать различные комбинации расхитителей социалистической собственности.

---

[1] См. А. Шляхов. Назначение и проведение криминалистических экспертиз. «Социалистическая законность», 1957, № 3, стр. 48.

[2] См. В.З. Черняк, М.А. Добин и П.И. Кокуричев. Основы судебноветеринарной экспертизы. Сельхозгиз, 1951.

Часто на предварительном следствии производятся разного рода криминалистические экспертизы. В случаях необходимости исследования огнестрельного оружия, боеприпасов, идентификации оружия по следам выстрела производят судебно-баллистические экспертизы; для исследования обнаруженных следов человека (рук, ног, зубов и т.д.), транспорта, животных и т.п. производятся трасологические экспертизы; с целью установления лица, выполнившего тот или иной текст, производятся почерковедческие экспертизы; различного рода подделки на документах выявляются путем производства технической экспертизы документов и т.д.

При расследовании многих категорий дел большое значение имеют судебно-химические экспертизы, что послужило основанием к образованию самостоятельной отрасли – судебной химии[1].

По делам об авариях на транспорте, о нарушении правил по технике безопасности, о выпуске недоброкачественной продукции и многим другим часто производятся различные технические экспертизы, а по делам о хищении, о спекуляции – товароведческие экспертизы.

В следственной и судебной практике проводится большое количество и других видов судебных экспертиз.

Развитие отечественной науки постоянно расширяет возможности следствия и суда по привлечению различных специалистов для производства судебных экспертиз. В то же время следует иметь в виду, что повышение технической оснащенности следователей и повышение их знаний приводит к тому, что некоторые вопросы, которые раньше могли быть решены только при помощи специалиста, в настоящее время успешно разрешаются самими следователями.

Необходимость приглашения эксперта для решения того или иного специального вопроса в каждом конкретном случае решает следователь или суд. По действующему УПК РСФСР признается обязательным вызов эксперта в следующих случаях: 1) для установления причин наступления смерти, 2) для установления характера телесных повреждений, 3) для определения психического состояния обвиняемого или свидетеля в тех случаях, когда у суда или у следователя по этому поводу возникают сомнения (примечание 1 к ст. 63 УПК РСФСР), 4) для разрешения вопроса о способности лица быть свидетелем в случае наличия физических или психических недостатков (примечание к ст. 61 УПК РСФСР), 5) для установления возраста для несовершеннолетнего обвиняемого в случае отсутствия документов. УПК УССР, кроме того, считает обязательным вызов эксперта еще в следующих случаях: 6) для установления половой зрелости потерпевшей в возрасте от 14 до 16 лет по делам

---

[1] См. А.В. Степанов. Судебная химия. М., 1950.

о половом сношении с лицами, не достигшими половой зрелости (ст. 64 УПК УССР), 7) для установления степени продуманности и правдивости показаний малолетних (ст. 162 УПК УССР). По вопросу последнего положения следует высказать определенные сомнения о необходимости такой статьи в УПК. Установление степени продуманности и правдивости свидетеля есть функция следствия и суда вне зависимости от того, касается ли это показание взрослого лица или несовершеннолетнего. Следовательно, подобная формулировка должна быть исключена из уголовно-процессуального кодекса[1].

Никаких других упоминаний в самом тексте закона об обязательности производства экспертизы нет. Следственная и судебная практика значительно расширила круг вопросов, по которым считается обязательным получение заключения от эксперта. Указания на обязательность производства экспертиз по некоторым категориям уголовных дел имеются в ряде директив Прокуратуры СССР. Так, в циркулярном письме Прокуратуры СССР от 27 февраля 1937 г. говорится: «...для выяснения действительных причин, повлекших несчастные случаи, обязательно привлекать техническую экспертизу». Такое же указание содержится и в циркуляре от 26 марта 1935 г. по делам о преступлениях на водном транспорте[2].

Циркуляром НКЮ и НКЗ РСФСР от 4 января 1928 г. указано на обязательность производства экспертиз в случае привлечения к уголовной ответственности врачей за профессиональные ошибки[3].

В настоящее время следственная и судебная практика твердо исходит из того, что судебная экспертиза является необходимой при расследовании и рассмотрении уголовного дела в том случае, если для разрешения того или иного обстоятельства дела необходимы специальные познания, если применение их может помочь расширить следствию или суду представление о том или ином факте, явлении, о взаимосвязи явлений, причинах.

Верховный Суд СССР отменяет приговоры, вынесенные по делам, где для решения вопроса о виновности необходимы были специальные познания, а судебная экспертиза не была проведена.

В определении по делу о нарушении правил техники безопасности при взрывных работах Верховный Суд прямо указывал: «Рассматривая данное дело, суд обязан был провести техническую экспертизу, т.к. разрешение вопроса о виновности подсудимых возможно было при наличии технических знаний, в частности правил по технике безопасности

---

[1] Так поступают авторы большинства проектов УПК союзных республик. См., например, УПК Грузинской ССР, 1959, ст. 82.

[2] Сборник Приказов Прокуратуры СССР. М., 1939.

[3] И. Бычков. Уголовная ответственность врачей за профессиональные ошибки. «Социалистическая законность», 1945, № 5, стр. 29.

при взрывных работах»[1]. Больше того, Верховный Суд СССР считает необходимым проведение судебной экспертизы и в том случае, если в деле имеются обстоятельства, требующие для своего разрешения специальных познаний, хотя, казалось бы, эти обстоятельства полностью выяснены другими доказательствами по делу[2].

Все это приводит к выводу, что вопросы о необходимости проведения судебной экспертизы должны обязательно разрешаться следствием или судом в том случае, когда в деле имеются обстоятельства, требующие для своего разрешения специальных познаний.

Круг вопросов, при разрешении которых могут оказать существенную помощь следователю и суду эксперты различных специальностей, исключительно широк.

Р.Д. Рахунов сделал попытку систематизировать круг этих вопросов, сведя их в следующие основные группы:

а) о происхождении и причинах возникновения тех или иных фактов, установленных предварительным расследованием и судом;

б) о внутренней связи отдельных фактов;

в) о новых фактах, выявленных экспертизой при выполнении своего задания и ранее неизвестных органам расследования или суду;

г) о последствиях, которые наступили или могли наступить в результате установленных по делу действий или бездействия[3].

Проанализировав весь перечисленный комплекс вопросов, на которые, по мнению Р.Д. Рахунова, могут давать свои ответы эксперты, убеждаешься, что разрешением этих вопросов экспертиза призвана помочь следователю только в установлении объективной стороны состава преступления. Однако при расследовании любого уголовного дела необходимым является установление всего состава преступления: объекта и объективной стороны, субъекта и субъективной стороны.

В действительности же судебная экспертиза оказывает большую помощь следствию и суду не только при установлении объективной стороны, но и при установлении всех остальных элементов состава преступления.

Судебно-медицинская экспертиза по определению возраста и судебно-психиатрическая экспертиза по определению вменяемости имеют прямое отношение и к установлению субъекта преступления, так как при установлении невменяемости или установлении возраста, ниже предусмотренного законом, уголовная ответственность не наступает из-за отсутствия надлежащего субъекта.

---

1 Вопросы уголовного процесса в практике Верховного Суда СССР. М., 1948, стр. 224.

2 Вопросы уголовного процесса в практике Верховного Суда СССР. М., 1955, стр. 188.

3 Р.Д. Рахунов. Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе. М., 1953, стр. 13.

В установлении непосредственного объекта преступления большую помощь может оказать медико-криминалистическая экспертиза по восстановлению лица трупа, судебно-медицинская экспертиза по установлению живорожденности младенца и т.д.

Особый интерес представляет вопрос о возможности применения судебной экспертизы для установления субъективной стороны состава преступления. На разрешение судебной экспертизы нельзя ставить вопросы о виновности, об умышленности или неумышленности действий того или другого лица, но на разрешение судебной экспертизы можно и нужно ставить вопросы, с помощью которых следователь и суд уже смогут правильно решить вопрос о субъективной стороне данного состава преступления.

Очень часто специальные познания эксперта необходимы для ответов на возникающие вопросы об отношении обвиняемого к определенным фактам как ступени для последующего решения вопроса о форме виновности, что уже является компетенцией следствия и суда. Зачастую эксперт может помочь в разрешении вопроса о возможности в тех или иных условиях производства определенных действий, о возможности наступления определенных последствий в определенных условиях в зависимости от тех или иных действий данного лица и т.д. Все эти ответы судебного эксперта могут оказать существенную помощь при выяснении вопроса о виновности. В качестве примера приведем уголовное дело по обвинению Куликова и других, где следователь поставил на разрешение экспертов в числе прочих и вопрос о возможности подобных бухгалтерских проводок в результате недостаточной квалификации со стороны обвиняемых, на что ссылались последние. После тщательного изучения, анализа и исследования бухгалтерских документов, приобщенных к делу, эксперты пришли к следующему заключению: «Сложность и продуманность бухгалтерских проводок, которыми вуалировалось в учете незаконное получение и списание сумм, не дают основания считать, что эти проводки явились следствием допущенных ошибок, а, наоборот, указывают на полное знание основ бухгалтерского учета, корреспонденции и взаимосвязи отдельных балансовых счетов. Более того, подбор ряда сумм, создание резервов, специальные указания о порядке неправильного отражения в учете незаконно полученных сумм позволяют сделать вывод, что все бухгалтерские проводки делались систематически, сознательно и преднамеренно».

Совершенно понятно, что без помощи экспертизы следователь не смог бы проанализировать все бухгалтерские документы так, чтобы самостоятельно прийти к выводу о ложности объяснений обвиняемых, указывавших на ошибочное внесение ими записи в бухгалтерские документы. Только экспертиза смогла помочь следователю и суду в изобличении

обвиняемых, в сознательном, преднамеренном искажении учета, откуда следователь и суд могли уже сделать вывод о прямом умысле обвиняемых, направленном на сокрытие произведенного хищения[1].

Сказанное выше дает основание сделать вывод, что специальные познания экспертов могут помочь следствию и суду при выяснении вопросов, относящихся к установлению всех элементов состава преступления.

Однако этим не ограничивается значение судебной экспертизы. Назначая судебную экспертизу, советский суд и следователь обязательно исходят из того, что цели социалистического правосудия не ограничиваются выявлением только конкретного преступления и виновных в его совершении лиц. Целью правосудия является также выявление и ликвидация причин, которые способствовали возможности совершения данного преступления.

Производимая по делу экспертиза в очень многом может помочь следователю и суду в выявлении тех дефектов в работе предприятия или учреждения, которые сделали возможным то или иное преступление. Например, при расследовании самого завуалированного хищения социалистической собственности судебно-бухгалтерская экспертиза поможет следователю вскрыть все дефекты в постановке учета, после ликвидации которых подобный способ хищения станет уже невозможным; при расследовании дела о выпуске недоброкачественной продукции экспертиза поможет установить те дефекты в технологическом процессе, ликвидировав которые предприятие перестанет выпускать брак и т.д.

Судебная и следственная практика знает большое количество примеров, когда в процессе расследования уголовного дела следователи, правильно используя экспертизу и другие доказательства по делу, не только раскрывали данное преступление, но и проводили большую профилактическую работу, принося этим самым огромную помощь нашей социалистической Родине[2].

В качестве примера можно привести дело о хищении бумаги в одной типографии, где преступники использовали завышенные нормы отхода, так называемого угара, произвольно установленные при резке рулонной бумаги на листы. Завышенные нормы отхода бумаги были установлены путем производства по делу судебно-технической экспертизы. Следователь не ограничился только расследованием фактов по данной типографии, где обвиняемые уже были полностью изобличены в совершенных

---

[1] Уголовное дело № 583 по обвинению Куликова, Гольдберга и других. Архив Ленгорсуда за 1952 г.

[2] Е.А. Долицкий в своей работе писал, что требования судебно-технической экспертизы заключаются не только в изобличении преступников, но и в оказании «содействия транспорту, выявляя в процессе следствия условия, вызывающие крушения и аварии» (Е.А. Долицкий. Судебнотехническая экспертиза по делам о крушениях и авариях на железнодорожном транспорте. М., 1951, стр. 7).

преступлениях свидетельскими показаниями и собственными признаниями. Он принял решение проверить и другие полиграфические предприятия, где нормы угара могли также устанавливаться произвольно и необоснованно. С целью проверки этого обстоятельства следователь принял решение расширить задание экспертизы с охватом целого ряда предприятий, расследовав таким образом правильность определения угара и на этих предприятиях. Предположения подтвердились. Экспертиза установила завышенные нормы угара и на других предприятиях. Собранные следователем материалы явились основой для решения вопроса об установлении норм отхода при резке рулонной бумаги в соответствии с их фактическим положением. Данный конкретный пример убедительно показывает, как следователь должен использовать производимую по делу судебную экспертизу для обоснования выводов профилактического характера[1].

При назначении по делу судебной экспертизы необходимо четко устанавливать предмет и цель ее, определяя этим самым, какой отрасли знаний необходимы специалисты в данном конкретном случае. Судебная экспертиза может быть качественной и научно обоснованной только в том случае, если она производится теми специалистами, которые могут в силу наличия у них специальных знаний правильно разрешить поставленные вопросы. В связи с этим следует считать недопустимым производство судебных экспертиз, где четко не определяется предмет экспертизы в соответствии со знаниями определенной отрасли науки.

Иногда в практике имеют место случаи назначения по уголовному делу экспертиз, производство которых поручается специалистам различных отраслей науки и техники, и названия эти экспертизы получают: «бухгалтерско-техническая экспертиза» и т.д.

Перед специалистами различных отраслей знаний ставятся на совместное разрешение вопросы, на половину которых могут ответить одни специалисты, но не могут по ним иметь никакого суждения остальные, и наоборот. При этом надо иметь в виду, что заключение экспертизы составляется одно и подписывается всеми экспертами. Таким образом, каждый эксперт скрепляет своей подписью определенное количество таких выводов, которые совершенно не связаны с фактически производимыми им исследованиями и правильность которых он не проверял и не может проверить из-за отсутствия соответствующих знаний. Он вынужден полагаться на авторитет работающего с ним в одной экспертной комиссии специалиста. Отсутствие четкого предмета производства судебной экспертизы приводит к исключительно вредным последствиям. Специалисты различных отраслей науки, включенные следователем

[1] См. Е.А. Долицкий. Меры предупреждения хищений государственного и общественного имущества. «Социалистическая законность», 1952, № 5, стр. 15–16.

в состав одной экспертной комиссии и заранее знающие, что им придется подписывать одно совместное заключение, стремятся составить такое заключение, выводы которого вполне понятны всем участвующим в экспертной комиссии специалистам. Такой путь неминуемо приводит к тому, что эксперты начинают основывать свои выводы не на специальных познаниях, а на обыкновенном житейском опыте. С этой точки зрения и оцениваются все собранные следователем доказательства и обходят оценкой факты, где требуется изложение данных только одной какой-либо конкретной науки. Таким образом, вместо оценки фактов с точки зрения своей специальности, для чего эксперты и призываются следствием и судом, они подменяют собой следователя и суд по исследованию и оценке собранных по делу доказательств. Такая судебная экспертиза не может принести пользы в процессе расследования и рассмотрения уголовного дела в суде и способна оказать только вред делу отыскания объективной истины.

Очень характерно в этом отношении уголовное дело по обвинению Романова и других, рассмотренное в Воднотранспортной коллегии Верховного Суда СССР 9 января 1952 г. Романов, Нестеров и другие обвинялись в том, что в 1949–50 гг. похитили с пристани 84 565 кг кровельного железа, принадлежащего механическому заводу, а работники завода – в том, что покрывали хищение созданными излишками кровельного железа. Единственным по делу доказательством того, что похищаемое железо принадлежало именно механическому заводу, являлась бухгалтерско-техническая экспертиза. Она не могла служить доказательством факта создания резервов, потому что, как указывает в определении Воднотранспортная коллегия, «заключение экспертизы должно быть мотивировано и научно обосновано, но оно не должно заключать в себе формулировки обвинения, что является компетенцией органов следствия. Это положение по данному делу явно нарушено, т.к. эксперты вместо выполнения своих функций занялись вопросами оценки показаний свидетелей и обвиняемых, присваивая себе функции органов следствия и суда».

Например, полемизируя с обвиняемым, бывшим главным бухгалтером завода Милушкиным, в акте экспертизы записано: «Ссылка Милушкина о доверии к бухгалтеру Рыбакиной, которая завизировала требования, не оправдывает его действия, т.к. Рыбакина не была уполномочена визировать требования ни за главного инженера, ни за главного бухгалтера... Экспертная комиссия усматривает, что со стороны Милушкина это незаконное действие допущено не как доверие Рыбакиной, а как сознательное уклонение от осуществления контроля с целью личной заинтересованности с другими лицами – Калачевым и Флаксманом...»[1]

---

[1] Судебная практика Верховного Суда СССР за 1952 г., № 3, стр. 30.

Разбирая далее эпизод с хищением 500 кг кровельного железа, экспертиза занимается следующими рассуждениями: «Салов А.Г. использовал свое служебное положение, как заместитель председателя Зевской промартели, под видом для нужд артели... получил через Романова А.А. принадлежащее мехзаводу железо в количестве 500 кг, которое использовал для своих личных нужд. Бывший агент по снабжению мехзавода Романов А.А. сознательно не оформил надлежащих документов на отпуск железа заводом в промартель... Романов только в личных целях не передал отношения и расписку на отпуск железа в бухгалтерию завода»[1].

Как отмечает Воднотранспортная коллегия, «подобные ссылки и рассуждения имеются на каждой странице акта экспертизы»[2].

В то же время эта экспертиза оставила без рассмотрения основные вопросы, на которые действительно требовалось получить от нее ответ. Так, она оставила без рассмотрения акты об отходе металла сверх установленной нормы (что входит в компетенцию технической экспертизы, но никак не бухгалтерской), не проверила по документам, поступало ли на пристань железо для других организаций, кроме мехзавода (что входит в компетенцию бухгалтерской экспертизы), и т.д.

Изложенное достаточно доказывает неправильность назначения бухгалтерско-технических экспертиз, то есть экспертиз, не имеющих твердо установленного предмета своего производства, твердо установленных специальных знаний, которые должны быть применены для решения определенных вопросов.

В некоторых конкретных случаях комплексные экспертизы могут назначаться, и производство их даже должно рекомендоваться как способ получения наиболее полного ответа на возникшие у следствия вопросы. Тогда специалист одной отрасли знаний будет взаимно дополнять другого. Речь идет о медико-криминалистических, финансово-экономических экспертизах, когда возникший перед следствием вопрос находится в пограничной области знаний между указанными науками. В этих случаях участие специалистов пограничных наук позволяет осветить вопрос более глубоко и всесторонне. Такая комплексная экспертиза может назначаться при необходимости исследования одного объекта различными специалистами. Производство в институтах судебной экспертизы различного рода исследований часто имеет характер комбинированного или совместного применения различных методов исследования вещественных доказательств по одному и тому же делу, причем в этих случаях выводы различных исследований взаимно дополняют друг друга[3].

---

1 Судебная практика Верховного Суда СССР за 1952 г., № 3, стр. 31.

2 Там же.

3 На такой же точке зрения стоит и проф. А.И. Винберг. См. Криминалистическая экспертиза в советском уголовном процессе. М., 1956, стр. 28.

Судебная экспертиза может быть как прямым, так и косвенным доказательством по делу. Роль ее особенно велика в тех случаях, когда установление объективной истины по делу производится только на основании анализа и обобщения различных косвенных улик. Судебная экспертиза является как раз тем средством, с помощью которого отдельные разрозненные косвенные улики соединяются в единую неразрывную цепь доказательств, позволяющих сделать правильный вывод о существе уголовного дела. Интерес в этом отношении представляет уголовное дело по обвинению Шеляпиных в убийстве Н.Б. Малкиной[1].

5 мая 1947 г. в 15-е отделение милиции гор. Ленинграда поступило заявление П.С. Шеляпина об исчезновении его жены Натальи Борисовны Малкиной, которая 3 мая 1947 года во время его отсутствия исчезла из дома. В этот же день у пассажирской пристани на р. Неве из воды был извлечен пакет, обвязанный веревкой, в котором оказалась грудная клетка женщины, упакованная в полотняный мешок. Извлеченная часть трупа была предъявлена П.С. Шеляпину, который по телосложению, возрастным и другим признакам опознал часть трупа своей жены Малкиной.

Произведенная судебно-медицинская экспертиза установила, что расчленение трупа было произведено рубящим оружием и что убитая (по содержанию желудка) принимала пищу не более чем за два часа до смерти.

12 июня 1947 г. из р. Невы извлекли узел, в котором находилась тазовая часть трупа женщины. Эта часть трупа была упакована в холщевом мешке и полотенце, обвязанных веревками. Судебно-медицинская экспертиза по этой части трупа установила, в частности, что покойная страдала геморроем. Аналогичная болезнь была и у Малкиной.

29 июня 1947 г. в районе гор. Зеленогорска из воды был извлечен тюк, при осмотре которого оказалось, что в спецовке, имеющей пятна голубой масляной краски, находятся верхние и нижние конечности трупа человека.

Извлеченные части трупа были переданы авторитетной судебно-медицинской экспертизе для ответа на вопросы: принадлежат ли извлеченные части одному трупу и являются ли указанные части трупа останками Малкиной. На основании тщательного исследования обнаруженных частей трупа, истории болезни Малкиной (она имела ранение в бедро и, как указывалось выше, страдала геморроем) судебно-медицинские эксперты дали заключение, что обнаруженные грудная

---

[1] Архив Ленгорсуда за 1951 г. Данное дело было частично описано в «Следственной практике» № 6 за 1951 г. и в статье П.И. Тарасова-Родионова «Пределы и содержание предварительного следствия». «Советская криминалистика на службе следствия». М., 1951, вып. 1, стр. 54–56.

клетка, таз и конечности являются частями одного трупа и что это труп Н.Б. Малкиной.

В связи с возникшими подозрениями, что Малкина была убита, а затем расчленена родственниками ее мужа Шеляпина, на квартире последних произвели тщательный обыск и осмотр. Во время осмотра в квартире на стене за дверью, на подзоре кровати, на ножках стола обнаружили мелкие пятна красно-бурого цвета. В выдвижном ящике платяного шкафа были обнаружены пододеяльник, простыня и скатерть с красно-бурыми пятнами, а также на стенках самого ящика. Пятна серовато-розоватого цвета неправильной формы обнаружили на топоре, на кромке таза и на домашних туфлях. При осмотре было изъято из пола несколько шашек паркета, а из кладовой – пять концов пеньковой веревки.

При осмотре кафельной печи из топки извлекли: кусочек твердого белого вещества, напоминающий кость, металлическую женскую шпильку и золу, в которой находились мелкие частицы белого твердого вещества.

Изъяли также полотенце кустарного изготовления с рисунком, аналогичным рисунку, имевшемуся на полотенце, в которое была завернута одна из частей трупа Малкиной.

Все изъятые при осмотре квартиры вещественные доказательства затем тщательно исследовали путем назначения по делу разного рода экспертиз. После получения заключений экспертов из этих разрозненных предметов и фактов в распоряжении следствия была замкнутая цепь улик, со всей убедительностью подтверждавшая версию следствия о совершении убийства Малкиной Шеляпиными.

Судебно-биологическая экспертиза, на основании исследования представленных вещественных доказательств, дала категорическое заключение, что на топоре, на кромке таза, соскобах с паркетных шашек, на изъятой одежде и постельном белье имеется кровь человека. Кровь человека была обнаружена также на домашних туфлях, на ножках стола, на стенке и т.д.

Допрошенные по этому поводу обвиняемые Шеляпины выдвинули версию, что обнаруженная во многих местах кровь человека явилась следствием неосторожного движения Малкиной, которая уронила с табуретки стакан с кровью. По этой версии, Малкина в последних числах апреля для облегчения головных болей Шеляпиной, страдавшей гипертонией, брала шприцем из вены кровь, которую сливала в стакан, стоящий на табурете. От неосторожного движения Малкиной стакан упал и разбился, чем и объясняется, по версии Шеляпиных, наличие большого количества брызг крови.

Для проверки версии, выдвинутой обвиняемыми, и для установления возможных причин образования кровяных пятен в комнате по делу была произведена медико-криминалистическая экспертиза. В результате большого количества экспериментов и исследований было дано

заключение, что «изученные следы крови произошли в результате полета брызг от многократных ударов по объекту». Эксперты в своем заключении опровергли версию обвиняемых о разбрызгивании крови при падении стакана и еще раз подтвердили, что «следы (крови. – *А. Д.*) могли произойти как при ударах в процессе расчленения трупа, так и при ударах, наносимых живому человеку. В последнем случае следует считать единственно вероятным, что он лежал на полу».

В связи с обнаружением в квартире Шеляпиных топора со следами крови человека, а также учитывая полученное заключение судебно-медицинской экспертизы о том, что расчленение частей трупа было произведено рубящим орудием, следствием по делу была назначена еще одна экспертиза, на разрешение которой был поставлен следующий вопрос: «Не нанесены ли удары на верхних третях плечевых костей и верхней трети правой бедренной кости трупа Малкиной топором, изъятым при обыске квартиры Шеляпиных».

После производства большого количества экспериментальных ударов топором в разных композициях и под разными углами наклона и тщательного сравнительного исследования полученного материала было дано заключение, что «следы от удара рубящего предмета на верхней трети кости головки правого бедра, принадлежащего Малкиной, оставлены лезвием топора, изъятого при обыске у Шеляпиных».

Большое доказательственное значение имела и произведенная по делу судебно-медицинская анатомическая экспертиза. Исследовав содержимое топки печи, эксперт пришел к заключению, что «кусочек белого обгорелого вещества размером 1,9×2,4 см определяется как обломок сожженной черепной кости человека, состоящей из наружной пластинки компактного вещества и прилежащих к ней ячеек зубчатого вещества с остатком зубчатого шва по одному краю обломка. Кусочек является обломком затылочной кости человека. Среди бесформенных кусочков обгорелой кости два кусочка являются обломками сгоревших расщепленных плоских костей, вероятнее всего черепа, один является обломком сгоревшей тыловой кости с сохранившимся краем между лицевой и глазничной поверхностью...»

Выводы судебно-медицинской анатомической экспертизы были дополнены заключениями судебно-медицинской стоматологической и судебно-химической экспертиз. Эксперты, производившие стоматологическую экспертизу, пришли к заключению, что среди обломков костей, изъятых из печи в квартире Шеляпиных, имеется пять обломков обгоревших зубов. Один из них является премоляром человеческого зуба, а остальные – верхушки обгоревших корней передних и боковых зубов человека. Судебно-химическая экспертиза дала заключение, что зола, изъятая из топки печи, относится к составу зол животного происхождения.

Заключения этих экспертиз дали все основания органам следствия сделать вывод о том, что необнаруженная голова трупа Малкиной была сожжена в печи комнаты Шеляпиных.

Кроме перечисленных экспертиз, по делу была произведена судебно-химическая экспертиза. Она установила, что состав краски на тканях, в которые были упакованы части трупа, полностью совпадает по количеству и соотношению имевшегося цинка, бария, меди, кальция и т.д. с краской, которой Шеляпин незадолго до совершения преступления красил квартиру.

Произведенная текстильно-ткацкая экспертиза установила, что полотенце, изъятое на квартире Шеляпина, и полотенце, которым была обернута часть трупа Малкиной, изготовлены из одного куска домотканой материи. В результате исследования кусков веревок, которыми были обвязаны узлы с частями трупа, и кусков веревок, обнаруженных в квартире Шеляпиных, криминалистическая экспертиза дала заключение об их тождественности по характеру крутки шнуров, по количеству шнуров, по неравномерной толщине волокон, по качеству материала, из которого они изготовлены.

По делу были произведены также гидрометеорологическая экспертиза (для установления возможных путей попадания тюка с частью трупа в район гор. Зеленогорска); графическая экспертиза (в связи с оспариванием обвиняемыми подлинности писем Малкиной, представленных ее родственниками); психиатрическая экспертиза (для установления вменяемости обвиняемых) и т.д.

Всего по делу в процессе расследования произведено 34 различные судебные экспертизы, в результате которых был собран большой доказательственный материал.

Данное дело является хорошим подтверждением того, насколько многообразна и действенна может быть помощь экспертов – специалистов самых различных отраслей науки, если твердо соблюдается правило о том, что экспертиза должна быть основана только на научных данных и производиться во всех случаях, когда применение этих научных данных может помочь следствию и суду в расширении своих знаний о сущности и причинных связях расследуемых обстоятельств по делу.

Изучение следственной и судебной практики показывает, что органы, осуществляющие правосудие, идут по пути все большего привлечения специалистов самых различных отраслей науки, добиваясь этим самым более полного установления объективной истины.

Одной из задач советского уголовного процесса является нахождение все новых путей привлечения научных знаний для расследования и рассмотрения уголовных дел, более широкого использования доказательства, именуемого в законе «заключением эксперта».

Судебная экспертиза и другие виды доказательств

Несмотря на то, что судебная экспертиза качественно отличается от всех других видов доказательств, в теории и практике бывают случаи, когда путают эти доказательства, не проводят между ними четкой границы и подменяют один вид доказательства другим.

В результате такой путаницы страдает процесс обнаружения объективной истины по каждому делу. Поэтому возникает необходимость рассмотрения вопроса о различии между судебной экспертизой и другими видами доказательств.

I. Прежде всего рассмотрим различие между показаниями свидетеля и заключением эксперта. Во многих работах отличие заключения эксперта от показаний свидетелей процессуалисты видели в том, что эксперты сообщают следствию и суду свое заключение, а свидетели призваны сообщать только факты.

В дореволюционной литературе такой взгляд высказывали, например, И.Я. Фойницкий[1] и М.В. Духовский[2].

Ряд советских процессуалистов также считает, что свидетели призваны сообщать суду только факты и не должны сообщать свои мнения. Такой точки зрения придерживался акад. А.Я. Вышинский, который полагал, что «свидетель не должен излагать свои мнения о событии или об обвиняемых; он должен говорить о фактах, устанавливая их существование или несуществование»[3].

Разграничение судебной экспертизы и свидетельских показаний только по одному этому признаку не вскрывает полностью различия их сущности.

Необходимо остановиться на сущности такого вида доказательств, как свидетельские показания.

Самое элементарное мышление есть суждение о фактах, основанное на их наблюдении и имеющемся опыте. В самом воспроизведении образа уже имеется элемент мышления, логического осознания предметных связей. Поэтому в любое сообщение о наблюдаемом факте человек вносит свое мнение об этом факте[4].

Но даже если отвлечься от этого, то и тогда изучение следственной и судебной практики неминуемо приведет нас к выводу, что органы

---

1 См. И.Я. Фойницкий. Курс уголовного судопроизводства, т. II. СПб.,1910, стр. 281.

2 См. М.В. Духовский. Русский уголовный процесс. М., 1908, стр. 143.

3 См. акад. А.Я. Вышинский. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1950, стр. 275–276.

4 См. С.Л. Рубинштейн. Основа общей психологии. М., 1940.

предварительного расследования и суды широко используют в своей работе мнения, сообщаемые им свидетелями.

По любому делу о краже органы расследования почти всегда ставят потерпевшему вопрос: «Не имеет ли он на кого-нибудь подозрения в свершении кражи». Таким образом, прямо спрашивают мнение свидетеля по вопросу, стоящему на разрешении органов предварительного расследования.

По делу о пожаре, или взрыве, или нарушении правил техники безопасности органы предварительного расследования у большого количества свидетелей почти всегда спрашивают их мнение о причинах возникновения пожара, взрыва и т.д.[1]

Действующий УПК РСФСР также не содержит никакого запрещения спрашивать у свидетеля его мнения по тому или другому вопросу, относящемуся к делу[2].

Иногда в обоснование взгляда, что у свидетеля нельзя спрашивать его мнение о фактах, ссылаются на ст. 166 УПК РСФСР, которая якобы содержит такое запрещение[3].

С нашей точки зрения, ст. 166 УПК говорит о возможности спрашивать свидетеля только об обстоятельствах, относящихся к делу, то есть об относимости доказательств. Никакого прямого запрещения спрашивать мнение свидетеля по тем или иным фактам там не содержится. Даже наоборот, указание на то, что свидетель может быть спрашиваем «о характеристике личности обвиняемого», прямо предполагает использовать мнение свидетеля.

Несмотря на то, что акад. А.Я. Вышинский придерживался точки зрения о недопустимости со стороны свидетелей высказывать свои мнения по тем или иным вопросам, он тем не менее широко использовал мнения свидетелей в своей прокурорской работе, в судебных речах при разрешении вопросов, стоящих перед судом.

Выступая в процессе по обвинению Семенчука и Старцева в убийстве на о. Врангеля врача Вульфсона, А.Я. Вышинской широко приводил показания свидетеля Куцевалова, который говорил на суде: «Я считаю, что убийство Вульфсона организовали Семенчук и Вакуленко»[4], свиде-

---

[1] Проф. М.С. Строгович в своей последней работе «Курс советского уголовного процесса» ввел даже специальный раздел «Умозаключения и мнения свидетеля», где очень четко разбирает все связанные с этим вопросы (стр. 229–230).

[2] В ст. 60 УПК РСФСР говорится, что «...всякое лицо, вызванное в качестве свидетеля, обязано явиться и сообщить все ему известное по делу и давать ответы на предлагаемые ему следователем, органами дознания, судом и сторонами вопросы».

[3] Ст. 166 УПК РСФСР гласит: «Свидетель может быть спрашиваем исключительно о фактах, подлежащих установлению в данном деле, и о характеристике личности обвиняемого».

[4] А.Я. Вышинский. Судебные речи. М., 1938, стр. 269.

теля Каймук: «Мое и других зимовщиков убеждение, что в данном случае имела место расправа Семенчука с Вульфсоном», и т.д.[1]

Таким образом, в любом уголовном деле, на предварительном следствии и в суде встречается большое количество фактов, когда свидетели не только сами сообщают свое мнение по тому или иному вопросу следствия, а у них прямо спрашивают их мнение. Сюда, в частности, будут относиться и все вопросы, связанные с выяснением образа жизни обвиняемого и т.п.

Такое положение непосредственно вытекает из основного принципа нашего советского уголовного процесса, закрепленного в ст. 16 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, о том, что доказательствами являются любые фактические данные. Вполне понятно, что одни догадки и предположения не могут являться доказательствами по делу. Поэтому следователь и суд никогда не ограничиваются сообщенным мнением свидетеля, а всегда требуют от последнего сообщения всех обстоятельств, на основании которых он пришел к тому или иному выводу. Таким путем следствие и суд получают в свое распоряжение все те факты, которые известны свидетелю по делу.

Сообщение свидетелем мнения во многих случаях облегчает изложение и воспроизведение всех известных ему фактов, облегчает ему восстановление этих фактов в своей памяти.

Необходимо выслушать мнение свидетеля по излагаемым фактам с тем, чтобы, идя тем же логическим путем, проверить правильность его выводов, достоверность сообщаемых фактов и закрепить их в предусмотренном законом процессуальном порядке.

Таким образом, задача следователя должна сводиться не к тому, чтобы требовать от свидетеля фактов без изложения его мнения, а требовать от свидетеля при высказывании мнения обязательно излагать все факты, послужившие основанием к сделанному им выводу.

Изложенное достаточно убедительно говорит о том, что отличие заключения эксперта от свидетельских показаний не может быть проведено только по признаку сообщения экспертом следствию и суду своего мнения, ибо такие же мнения часто высказываются и свидетелями.

Для четкого различия свидетеля от эксперта надо помнить, что эксперт – это лицо, проводящее исследование определенных обстоятельств дела и сообщающее суду результат, научный вывод из этого исследования, который и является заключением эксперта. Свидетель же может только сообщать суду факты и свои мнения по фактам, известным ему до вызова в суд или в органы следствия.

---

[1] А.Я. Вышинский. Судебные речи, стр. 270.

Это особо следует иметь в виду, когда в качестве свидетеля допрашивается лицо, располагающее специальными знаниями по поводу определенных обстоятельств дела.

На практике очень часто при выяснении обстоятельств по тому или иному делу следователю приходится допрашивать в качестве свидетелей специалистов в той области знаний, в которой требуется уяснение специальных вопросов. В таких случаях свидетель-специалист сообщает следователю или суду свое мнение на основе имеющихся у него специальных познаний, что значительно расширяет количество сведений.

В качестве примера можно привести следующее уголовное дело: 29 апреля 1950 г. в 23 часа в гор. Ростове-на-Дону легковая автомашина БМВ наехала на курсанта Тимченко, задавила его насмерть и скрылась. Случайным очевидцем происшествия оказался шофер Трифонов, который при допросе сообщил марку машины и что у машины был разбит передний буфер и выбита правая фара. Наконец, Трифонов показал, что машина шла со скоростью не менее 60 километров в час.

В данном случае особенно сообщение о скорости движения машины являлось уже логическим выводом свидетеля-шофера, основанным на имеющихся у него знаниях и опыте в сопоставлении с наблюдением движения конкретной машины[1]. Неспециалист, возможно, вообще не смог бы сообщить следователю даже такие факты, как отсутствие правой фары и т.д.

Допрашиваемый по делу о нарушении правил техники безопасности свидетель – инженер по специальности, – сообщая свое мнение следователю о причинах несчастного случая, безусловно, будет обосновывать его на своих специальных познаниях и на знании конкретных обстоятельств, свидетелем которых он был и которые он обязан передать следователю.

Врач, присутствовавший при смерти человека, получившего тяжелые ранения, при допросе его в качестве свидетеля сообщит следователю не только те факты, которые при аналогичных условиях мог бы воспринять любой гражданин, но и такие, которые он мог бы воспринять и оценить только как специалист.

Показания свидетелей – специалистов определенной отрасли науки или техники имеют для следователя огромное значение в силу того, что такой свидетель обратит внимание при восприятии на такие факты и сделает такие выводы, которые для неспециалиста останутся незамеченными вообще.

Однако такой специалист, хотя и сообщает следователю результаты своего восприятия на основе имеющихся у него знаний и опыта, не будет

---

[1] Пример взят из работы доцента Розенблит «Расследование автотранспортных происшествий», М., 1952, стр. 137.

являться экспертом, а только свидетелем, а его показания никоим образом не могут считаться заключением эксперта.

Проф. М.А. Чельцов по этому поводу писал: «В некоторых случаях суждения свидетеля не только неустранимы из его показания, но являются для суда особенно ценными.

Наиболее типичный пример – показание врача о ходе болезни умершего пациента, ее симптомах, лечении и пр. Очевидно, что, кроме более точного описания воспринятых им фактов, такой свидетель, опираясь на свои специальные познания, может высказать и суждение о причинах заболевания и смерти... В подобных случаях иногда говорят о „сведущем свидетеле". К такому свидетелю применяют все общие процессуальные правила о свидетелях, ибо цель, которой хотят достигнуть при его допросе, – установление фактов, а не их оценка на основе специальных знаний. Советский уголовно-процессуальный кодекс не знает особой категории „сведущих свидетелей"[1] и запрещает соединение в одном лице обязанностей свидетеля и эксперта»[2].

Другого взгляда придерживается Р.Д. Рахунов, который считает, что «...в судебной практике нередко бывает», когда «...лицо, чей вывод по тому или иному специальному вопросу дела является весьма существенным, является одновременно свидетелем некоторых обстоятельств, весьма существенных для суда. Особенно часты такие случаи в делах, связанных с судебно-медицинской экспертизой, когда одно и то же лицо дает ответ на вопрос о причине смерти и вместе с тем показывает о последних минутах жизни этого человека»[3].

Такая точка зрения не может считаться правильной, так как наш уголовно-процессуальный кодекс прямо запрещает совмещение функций свидетеля и эксперта. Совершенно правильно поступает УПК Чехословакии, где прямо в законе предусматривается запрещение приглашать для производства осмотра и вскрытия трупа врача, который лечил больного непосредственно перед смертью (§ 116 УПК Чехословакии 1956 г.).

В некоторых случаях свидетель-специалист на основании наблюдаемых им фактов может прийти к совершенно правильному выводу

---

[1] В старом германском законодательстве такие свидетели выделялись в особую категорию «научных свидетелей», которые по целому ряду особенностей своего процессуального положения примыкали к экспертам (см. Глазер. Руководство по уголовному процессу. СПб.,1885, стр. 248). Такое выделение свидетелей, имеющих специальные знания, является совершенно неправильным и не обусловливается действительной ролью свидетелей в уголовном процессе.

Критика ученых, выделяющих категорию «научных» свидетелей, в нашей советской процессуальной литературе имеется в работе В. Никифорова «Экспертиза в советском уголовном процессе», М., 1947, стр. 91–99.

[2] М.А. Чельцов. Советский уголовный процесс. М., 1951, стр. 164–165.

[3] Р.Д. Рахунов. Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе. М., 1950, стр. 103–104.

о причинах скрытой от следователя сущности тех или иных интересующих следствие явлений. Свидетель инженер-химик может совершенно правильно указать на причину взрыва, происшедшего в цеху, где он работал, и т.д.

Такой вывод свидетеля-специалиста помогает не только следователю, но и эксперту, назначенному следователем для дачи заключения по тому же самому вопросу, по которому свидетель-специалист давал свои показания. Однако такой свидетель не становится экспертом и его свидетельские показания не будут заключением эксперта.

Заключение эксперта основано на материалах дела и фактах, установленных следствием, в то время как свидетель-специалист располагает только теми фактами, которые он лично воспринимал. Работа эксперта проходит в установленных законом процессуальных нормах, что дает возможность наиболее объективно собирать, исследовать и оценивать все материалы, на основании которых экспертом будет дано заключение.

II. В некоторых случаях заключение эксперта внешне бывает очень сходно с другим видом доказательств – письменными документами.

В процессе предварительного расследования следователю очень часто приходится сталкиваться с такими документами, как заключение инспектора охраны труда по несчастному случаю, заключения экспертов торговой палаты по качеству тех или иных изделий, заключение автотехнического инспектора и т.д. В этих документах сделан вывод лицом, обладающим специальными познаниями, и на основании исследования определенных фактических данных.

И тем не менее эти документы не являются заключением эксперта в уголовном процессе, а специалист, составивший их, не будет являться экспертом. Деятельность специалистов, управомоченных на собирание сведений и на их оценку, включает в себя как собирание фактов, относящихся к их специальным познаниям, так и собирание фактов, необходимых для решения вопроса об ответственности определенных лиц за наступившие последствия.

Так, например, инспектор по технике безопасности не только собирает факты для ответа на вопрос о причине конкретного несчастного случая, но и собирает факты для решения вопроса о причинной связи между действием и бездействием определенных лиц и этими наступившими последствиями.

Таким образом, функции этого специалиста шире, чем функции эксперта. Он собирает факты с определенной целью, делает из них выводы и даже имеет право в определенных случаях сам разрешать вопрос и о наложении взыскания на лиц, ответственных за несчастный случай. Это деятельность административной инспекции, которая проверяется в процессе предварительного следствия как с точки зрения полноты

и правильности собранных фактов и их оценки, так и с точки зрения установления причинной связи между наступившими последствиями и действием или бездействием определенных лиц.

Судебная экспертиза может принимать участие в проверке только части сведений, содержащихся в заключении технического инспектора, сведений, относящихся к правильности установления причин несчастного случая. Однако эта деятельность судебного эксперта проходит на более высоком уровне, полнее гарантирует получение объективного вывода – заключения. Такими гарантиями будут являться правоотношения заинтересованных лиц в процессе производства экспертизы, принципы проведения судебной экспертизы с установленным специальным порядком сбора, исследования и оценки материала, гарантирующие предельное исключение ошибок в заключении эксперта.

Следовательно, заключение инспектора по технике безопасности не является заключением эксперта; лицо, дававшее такое заключение, точнее проводившее инспекцию, не может быть привлечено впоследствии по тем же фактам в качестве судебного эксперта. Такой специалист по поводу проводимых им действий может быть допрошен только в качестве свидетеля и может быть привлечен в качестве сведущего лица для участия в осмотре или допрошен в качестве сведущего лица в случае необходимости получения сведений специального характера[1].

По этой же причине мнения специалистов, передаваемые суду второй или надзорной инстанции, не будут являться заключениями экспертов.

Для экспертизы в уголовном процессе неотъемлемым является производство ее в определенном, предусмотренном законом порядке. Соблюдение процессуальной формы – обязательное условие признания за сделанным специалистом выводом силы экспертного заключения. Особенно ясно и четко это положение сформулировано в постановлении пленума Верховного Суда СССР по делу Т. В соответствии с этим постановлением заключение компетентного лица приобретает процессуальное значение экспертизы лишь в том случае, когда оно представлено в установленном законом порядке, в процессе предварительного или судебного следствия с соблюдением всех процессуальных норм[2].

III. В теории и практике имеют место случаи сведения экспертизы к осмотру. В ряде работ процессуалистов встречаются высказывания, что деятельность эксперта ограничивается описанием того, что он видит при осмотре. Таким образом, участие специалиста в осмотре уже рассматривается как экспертиза.

---

[1] На разборе сущности заключений должностных лиц и их различий от заключений судебных экспертов мы останавливались в связи с тем, что в судах довольно часто технических инспекторов допрашивают в качестве экспертов.

[2] «Социалистическая законность», 1945, № 3, стр. 24.

Так, в дореволюционной литературе С. Гогель высказывал мнение, что судебная «...медицина кончается описанием признаков проявления болезни»[1], сводя таким образом роль экспертизы только к описанию определенных признаков, а не к даче заключения. Точка зрения С. Гогеля объясняется тем, что он высказывал свои взгляды во время резкой полемики с господствовавшей в то время теорией проф. Л.Е. Владимирова, по которой эксперты считались «научными судьями».

Аналогичный вывод можно сделать также из высказываний Р.Д. Рахунова, который пишет, что «эксперт, например, должен только указать в своем заключении, что петля наложена горизонтально, описать ее узлы, материал, из которого сделана петля, особенности странгуляционной борозды и ряд других отмеченных им признаков, которые представят собой материал для решения следственными и судебными органами вопроса о том, имело ли в данном случае убийство или самоубийство»[2].

Если вывод Р.Д. Рахунова о том, что окончательное решение вопроса о наличии в конкретном случае убийства или самоубийства является компетенцией следственных органов, действительно правилен, то никак нельзя согласиться с его утверждением, что все заключение эксперта должно сводиться только к описанию замеченных им признаков. Такая точка зрения приводит к тому, что эксперт в действительности никакого заключения давать не будет, а будет только производить осмотр и описывать установленное им при этом осмотре.

Такая конструкция экспертизы неминуемо должна привести к отождествлению эксперта со следователем и возрождению взгляда на экспертизу как на вид судейского осмотра. Приведенные высказывания Р.Д. Рахунова тем более непонятны, что в этой же работе имеются совершенно четкие положения о том, что целью экспертизы является получение от эксперта заключения, основанного на исследовании определенных обстоятельств дела[3].

Воззрение на осмотр с участием эксперта как на экспертизу проводит и проф. М.М. Гродзинский. В его высказываниях о судебной экспертизе уже и раньше встречались формулировки, дающие основание думать, что проф. М.М. Гродзинский понимает сущность судебной экспертизы несколько иначе и несколько шире, чем только получение заключения от эксперта. Свои последние воззрения на судебную экспертизу он высказал в статье «Сущность и формы экспертизы в советском уголовном

---

1 С. Гогель. Суд присяжных и экспертиза в России. Ковно, 1894, стр. 112.

2 Р.Д. Рахунов. Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе. М., 1953, стр. 21.

3 Там же, стр. 28.

процессе»[1]. Эти воззрения уже подвергались совершенно справедливой критике на страницах нашей печати[2].

Ошибочность вывода проф. М.М. Гродзинского о том, что участие специалиста в любом следственном действии есть одна из разновидностей форм судебной экспертизы, логически вытекает из тех неправильных доводов, которые он приводит в качестве убедительных, с его точки зрения, аргументов.

В подтверждение того, что в функции эксперта не обязательно должна входить дача заключения, он ссылается на ст. 192 и 193 УПК РСФСР, в соответствии с которыми эксперты приглашаются к производству осмотров и освидетельствований. Проф. Гродзинский пишет, что «...для осмотра и вскрытия трупа приглашается в качестве эксперта судебный медик, а при затруднительности вызова – ближайший врач.

В этих случаях деятельность эксперта обычно ограничивается участием в осмотре и в составлении протокола этого осмотра, выводов же эксперт не делает и в особом заключении их не излагает»[3].

Откуда такие факты? Целью приглашения врача для вскрытия является не составление протокола осмотра, а именно получение заключения эксперта, что соответствует сущности судебной экспертизы и инструкции о порядке проведения судебно-медицинских вскрытий. Следователь и суд, рассматривая акт вскрытия, всегда имеют возможность видеть заключение эксперта, где с точки зрения медицинской науки излагаются ответы на вопросы следователя о причинах наступления смерти и других обстоятельствах, вытекающих из конкретных уголовных дел. Вывод проф. М.М. Гродзинского о том, что при вскрытии трупов эксперты не дают никакого заключения, является неправильным.

Приведенный выше аргумент и ему подобные привели проф. М.М. Гродзинского к неправильному пониманию сущности судебной экспертизы, к выводу о том, что участие специалиста в осмотре уже является одной из форм судебной экспертизы.

Судебной экспертизой является только такая деятельность специалиста, которая заключается в исследовании конкретных обстоятельств дела при помощи имеющихся у него специальных познаний и завершается дачей заключения, которое и является доказательством по делу.

Неправильные воззрения на сущность экспертизы и сведение ее только к осмотру встречается иногда и в практике. В качестве

---

1 Ученые записки Харьковского юридического института, 1955, вып. 6, стр. 55–68.

2 В. Притузова. Сущность и форма экспертизы в советском уголовном процессе. «Социалистическая законность», 1957, № 12, стр. 29.

3 М.М. Гродзинский. Сущность и формы экспертизы в советском уголовном процессе. Ученые записки Харьковского юридического института, 1955, вып. 6, стр. 61.

примера можно привести уголовное дело по обвинению А.К. Наливаевой по ст. 197 «в» УК Белорусской ССР (ст. 110 УК РСФСР).

Наливаева обвинялась в том, что во время движения трамвая вытолкнула из вагона граждан Купченко Лидию и Скапину Лидию, которые в результате падения получили тяжелые повреждения. Минский областной суд, определение которого было оставлено в силе Верховным судом Белорусской ССР, уголовное дело по обвинению Наливаевой направил на доследование для установления, в частности, следующего обстоятельства: к какому маршруту трамвая относятся проездные билеты, предъявленные гражданкой Купченко, были ли у гражданок Купченко и Скапиной проездные билеты того маршрута, по которому шел трамвай, из которого их вытолкнули.

На это определение был принесен протест Генерального Прокурора СССР, в котором, в частности, указывалось: «Если все же суд считал нужным это обстоятельство (то есть к какому маршруту принадлежали предъявленные гражданкой Купченко билеты. – *А. Д.*) проверить, то суд мог, вызвав в судебное заседание эксперта, установить, к какому маршруту относятся имевшиеся у Купченко билеты»[1].

Соглашаясь с общим выводом протеста Прокурора о необоснованности направления дела к доследованию, в то же время никак нельзя согласиться с тем, что для проверки соответствия номеров билетов, предъявленных гражданкой Купченко, с номерами билетов данного маршрута трамвая необходимо назначать по делу экспертизу. Для проверки этого обстоятельства надлежало установить через трамвайное управление номера билетов данного маршрута, а затем путем производства осмотра этих номеров и предъявленных гражданкой Купченко прийти к выводу об отношении этих билетов к определенному маршруту трамвая. Осмотр номеров билетов не требует никаких специальных познаний, и выводы по этому осмотру могут и должны быть сделаны непосредственно следователем или судом. Если же полагать, что эксперт самостоятельно устанавливал бы номера билетов маршрута и отсюда давал бы заключение о билетах, предъявленных гражданкой Купченко, то такой «эксперт» превратился бы в лицо, самостоятельно собирающее доказательства, к тому же такие, по которым вывод может делать не только сведущее лицо, а любой гражданин, не обладающий специальными познаниями.

Из приведенного примера видно, что в данном случае имело место сведение экспертизы к осмотру, к тому же вообще не требующему участия сведущего лица.

К сожалению, и Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в своих определениях иногда допускает такую терминологию,

---

[1] «Социалистическая законность», 1952, № 7, стр. 92–93.

которая дает основание считать, что экспертиза может сводиться только к одному осмотру.

Так, в определении по делу Семенова Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР указывала следующее: «Семенов признан виновным в том, что, работая на заводе, он изготовил нож с наборной ручкой и спрятал его в боковой карман телогрейки; при выходе был задержан в проходной будке и нож изъят. Из акта осмотра ножа видно, что он отнесен к разряду кинжалов, следовательно, запрещенному холодному оружию. Семенов доказывает, что вывод эксперта неправильный, т.к. изготовленный им нож является обычным ножом, применяемым в хозяйственном обиходе. Из дела видно, что изъятый у Семенова нож был предъявлен для осмотра представителю секции охотников ДСО Тихомирову, который, осмотрев изъятый нож, установил, что он относится к холодному оружию. Заключение Тихомирова не мотивировано и научно не обосновано. В акте осмотра отсутствуют самые необходимые сведения об обозреваемом предмете, не говоря уже о том, что в акте нет технических описаний изъятого у Семенова ножа...»[1]

Соглашаясь по существу с выводом Судебной коллегии, одновременно необходимо указать, что употребляемая терминология «акт осмотра» является неправильной и может привести к сведению понятия экспертизы только к осмотру, производимому специалистом. Осмотр предметов, производимый специалистом, является одной из составных частей его деятельности по исследованию определенных обстоятельств, средством для дачи заключения. Основой в деятельности эксперта является цель – получение от него заключения. Сведение всей деятельности эксперта к осмотру – это значит средство ставить на место цели.

Производство осмотра с участием специалиста не означает, что это следственное действие становится экспертизой, что основным лицом, производящим это действие, становится эксперт. Во всех случаях производства следственного осмотра следователь обязан полностью сохранять инициативу, имея в виду, что эксперты приглашаются только в помощь следователю, но не для подмены его.

Роль эксперта при следственном осмотре заключается в том, что он обращает внимание следователя и остальных присутствующих при осмотре лиц на такие детали, которые без этого не были бы замечены следователем или их действительная сущность осталась бы для него непонятой. После сделанного экспертом указания, разъяснения эти детали уже могут быть восприняты и зафиксированы всеми участниками осмотра, не являющимися специалистами.

---

[1] Судебная практика Верховного Суда СССР за 1951 г., № 1, стр. 26.

IV. В следственной и судебной практике и в юридической литературе иногда имеет место отождествление судебной экспертизы со следственным экспериментом.

В юридической литературе было даже высказано мнение о том, что участие специалиста в производстве следственного эксперимента делает этот эксперимент экспертизой даже в том случае, если он и не дает при этом никакого заключения. Н.В. Чельцова в своей статье, приводя пример производства следственного эксперимента по раскрою ткани и называя его экспертизой, признается, что «по существу эти действия ничем не отличаются от производимого следователем эксперимента для проверки возможности проникновения человека в запертое складское помещение через имеющееся в стене отверстие. Но в последнем случае следователь считает, что для проверки этой возможности не нужны специальные познания, и производит эксперимент сам, с участием понятых, оформляя свои действия протоколом эксперимента. В первом же случае следователь считает, что для проверочного раскроя необходимы специальные знания, и поэтому поручает сделать его специалисту»[1].

Отсюда Н.В. Чельцова первоначально приходит к совершенно правильному выводу о том, что «...независимо от того, принимал ли участие в следственном эксперименте специалист или его производил следователь, в обоих случаях мы будем иметь перед собой следственный эксперимент»[2]. Дальше она неожиданно утверждает, что участие специалиста в следственном эксперименте делает этот эксперимент уже экспертизой.

Доказывает это автор следующим путем: «...так как в нашем процессе следственный эксперимент пока в законодательном порядке не оформлен, а с другой стороны, в законе сказано в общих выражениях, что эксперт приглашается, если для решения какого-либо вопроса необходимы специальные познания, то и приведенный следственный эксперимент считается у нас в практике экспертизой»[3].

Этот вывод совершенно неверный. Наша следственная и судебная практика не знает экспертизы, где эксперт, производя какие-либо действия, не давал бы заключения, вывода из проделанных им исследований. Следственный же эксперимент, если он правильно организован, не требует сам по себе каких-либо дополнительных пояснений в виде

---

[1] Н.В. Чельцова. Проведение экспертизы в суде второй и надзорной инстанций. «Социалистическая законность», 1950, № 10, стр. 30.

[2] Там же.

[3] Там же.

В последней работе «Проведение экспертизы в советском уголовном процессе», М., 1954, на основании тех же фактов по раскрою ткани М.А. Чельцов и Н.В. Чельцова приходят к противоположному выводу, что участие специалиста в следственном эксперименте не является экспертизой (стр. 73–79).

заключения эксперта, так как его результаты наглядны и убедительны для всех присутствующих – следователя, понятых и других лиц.

Совершенно правильно указывала Н.И. Гуковская: «Что касается следственного эксперимента, то его отличительная особенность заключается в том, что процесс его проведения и разрешаемые им вопросы не требуют специальных познаний»[1].

При следственном эксперименте может присутствовать специалист, иногда это даже необходимо, но его присутствие не делает следственный эксперимент экспертизой, так как роль этого специалиста заключается не в даче заключения, а в оказании помощи следователю по учету всех необходимых моментов для производства эксперимента, по оказанию помощи в проведении самого эксперимента.

Этим следственный эксперимент и отличается от экспертного эксперимента. Экспертный эксперимент является одной из стадий работы эксперта по исследованию определенных обстоятельств. Сам по себе в большинстве случаев экспертный эксперимент не дает окончательных выводов, а является средством получения сравнительного материала, проверки определенной версии эксперта и т.д. Для того чтобы экспертный эксперимент был понят следователем, судом и другими лицами, необходимо соответствующее разъяснение, заключение специалиста[2].

Поэтому нельзя производить следственных экспериментов в тех случаях, когда в результате эксперимента следователь или суд хотят убедиться в тождестве следов, образуемых тем или иным предметом. В данном случае будет подмена судебной экспертизы следственным экспериментом, потому что решение вопроса о тождестве различных следов может быть произведено только в результате сравнительного исследования. Сам эксперимент по образованию следов будет являться лишь одной из стадий экспертной деятельности, после которой обязательно еще потребуется вывод, заключение о наличии тождества. Таким образом, вопросы о тождестве, проведение идентификации могут разрешаться только судебной экспертизой, но не следственным экспериментом.

В случае, когда необходима какая-то деятельность специалиста для разъяснения результатов следственного эксперимента, для дачи заключения по его результатам, – налицо имеет место экспертиза, а не следственный эксперимент, так как при последнем выводы всегда наглядны и убедительны без каких-либо разъяснений со стороны специалиста.

---

[1] Н.И. Гуковская. Следственный эксперимент. М., 1958, стр. 7.

[2] Вопрос о сущности и формах экспертного эксперимента освещен в статьях: М.Г. Богатырев. Научный эксперимент при проведении экспертизы. Труды судебномедицинских экспертов Украины, Киев, 1958, стр. 309; В.Ф. Берзин, М.Г. Богатырев. Эксперимент при проведении криминалистических экспертиз. Материалы третьей расширенной научной конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки проф. М.И. Райского, Киев, 1958.

В этой связи необходимо указать на ошибочный пример производства следственного эксперимента, приведенный в работе Н.И. Гуковской. В процессе расследования уголовного дела обвиняемый-закройщик показал, что он производил раскрой таким способом, что создавался определенный излишек ткани против утвержденных норм. Для проверки этих показаний следователь провел следственный эксперимент, для участия в котором был приглашен соответствующий специалист. Он наблюдал за раскроем, производимым обвиняемым, сравнивал его способ раскроя с обычным способом, намерял сэкономленную ткань[1]. В данном случае результаты следственного эксперимента стали ясны следователю и остальным присутствующим только после соответствующих действий специалиста. Здесь имело место не проведение следственного эксперимента, а проведение судебной экспертизы. Ведь все действия по сравнению способов раскроя, по вычислению получающейся экономии могли быть произведены только специалистом на основании определенных фактов.

Иногда в практике встречаются случаи и обратного порядка, когда экспертиза назначается для установления таких фактов, которые могут и должны быть выяснены путем проведения следственного эксперимента.

Отождествление следственного эксперимента с экспертизой имело место в случае, приводимом Л.К. Литвиненко и М.Я. Сегай, как примере удачного экспертного эксперимента для установления определенного факта[2].

В процессе расследования одного уголовного дела следователю необходимо было установить, сам ли убитый снял сапоги, находящиеся рядом с ним, или их снял кто-то другой. При осмотре сапог, покрытых грязью, следователь обнаружил следы пальцев, оставшиеся при снятии сапог. Следователем была назначена криминалистическая экспертиза и на разрешение экспертов поставлен вопрос: были ли сняты сапоги, судя по имеющимся следам пальцев, самим убитым или посторонним лицом.

В Институте судебной экспертизы производились эксперименты, в процессе которых гражданин обувал себе сапоги, а затем пытался их снять, располагая при этом пальцы таким же образом, как они были расположены при снятии сапог, судя по имеющимся следам на них. В результате оказалось, что аналогичные следы пальцев могут образоваться только в том случае, если сапоги будут сняты посторонним лицом.

---

[1] См. Н.И. Гуковская. Следственный эксперимент. М., 1958.

[2] См. Л.К. Литвиненко, М.Я. Сегай. Эксперимент как способ установления определенного факта в криминалистической экспертизе. Материалы третьей расширенной научной конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки проф. М.И. Райского, Киев, 1958, стр. 157.

В данном случае никакой экспертизы и экспертного эксперимента вообще не требовалось. Налицо имел место обычный следственный эксперимент, даже не требующий участия какого-либо специалиста. Во всех подобных случаях необходимо производить следственный эксперимент, не подменяя его экспертизой, так как здесь эксперты применением своих специальных познаний не могут помочь нахождению истины.

Проведение экспертизы, проведение экспертного эксперимента необходимы только там, где для полного учета всей обстановки проведения эксперимента, при воспроизведении определенных действий, при оценке и уяснении результатов эксперимента необходимы специальные познания. В этом отношении характерный пример приводится в статье М.Г. Богатырева[1]. В процессе расследования одного из уголовных дел возникла необходимость проверки правильности показаний свидетеля о том, что выщерблина на топоре образовалась в результате выстрела из дробового ружья на близком расстоянии. Для проверки назначили криминалистическую экспертизу, в процессе которой была произведена серия экспериментов для того, чтобы проверить возможность образования подобной выщерблины от действия огнестрельного оружия. При проведении экспериментов понадобились научные познания для полного учета условий следственного эксперимента. Первоначально установили, что в месте выщерблины на топоре раньше имелась трещина, следовательно, надо было брать топоры с трещинами; специальные познания нужны были также для правильного проведения эксперимента: установления определенного заряда, определенного расстояния, соблюдения условий безопасности отстрелов, помещения оружия и топора под определенным углом и т.п.; наконец, специальные познания нужны были для оценки результатов эксперимента. При помощи специальной аппаратуры установили, что образовавшиеся на топоре выщерблины аналогичны той, которая имелась на исследуемом топоре.

В данном случае действительно имела место судебная экспертиза, так как для проведения всех перечисленных экспериментов и для оценки их результатов нужны были специальные познания.

Четкое разграничение следственного эксперимента и судебной экспертизы необходимо для наиболее правильного, полного и качественного получения доказательств в процессе расследования и рассмотрения уголовных дел.

V. В следственной и судебной практике в некоторых случаях имеет место смешивание судебной экспертизы с таким видом доказательства, как опознание. Иногда бывают случаи, когда недостаточно используются

---

[1] См. М.Г. Богатырев. Научный эксперимент при проведении экспертизы. Труды судебномедицинских экспертов Украины, Киев, 1958, стр. 309.

возможности научного исследования фактов, когда для сопоставления их используют не судебную экспертизу, а опознание.

Примером может служить уголовное дело по обвинению Лукьянченко и Зимина в причинении тяжких телесных повреждений четырем подросткам. Эти повреждения ими были нанесены выстрелами из охотничьих ружей во время охраны бахчи, где оказались потерпевшие подростки.

Во время предварительного следствия из тел потерпевших извлекли дробины, а у обвиняемых обнаружили и изъяли снаряженные дробью патроны. Однако каких-либо попыток к установлению однородности дроби на предварительном следствии сделано не было. Народный суд 5-го участка Попаснянского района Ворошиловградской области, считая необходимым выяснить вопрос об однородности дроби, уголовное дело направил на доследование для предъявления обнаруженной дроби на опознание. Несмотря на протест прокурора, областной суд поддержал позицию народного суда и в своем определении записал: «Не выяснено, где обвиняемые брали дробь для зарядов, покупали или сами производили. Если покупали, то у каких лиц. Этих лиц необходимо допросить и предъявить им для опознания дробь, изъятую у обвиняемых и извлеченную из тела потерпевшего»[1].

Что в данном случае могло принести больше пользы для выяснения обстоятельств дела: опознание или судебная экспертиза? Ответ может быть только один: судебная экспертиза. Что требует меньше затрат времени: проведение всей той серии следственных действий, которые перечислены в определении областного суда, или проведение экспертизы? Конечно, судебная экспертиза даст заключение со значительно меньшей затратой сил и времени, чем это необходимо для установления свидетелей и предъявления им на опознание предметов.

Применение специальных познаний, в частности научных методов исследования с помощью современных приборов для спектрального анализа, с помощью химических реактивов, может выявить значительно больше сторон сущности исследуемых предметов (в данном случае дроби) для вынесения суждения об однородности или неоднородности, чем только рассмотрение их с помощью зрительного аппарата.

Поэтому в случаях возникновения в процессе расследования или рассмотрения дела в суде необходимости сравнения предметов для установления их однородности, сходства или тождества следует производить не опознание, а судебную экспертизу, которая сможет установить значительно больше фактов для суждения, чем свидетельство человека,

---

[1] Пример взят из статьи доц. В.П. Колмакова «Некоторые вопросы судебной экспертизы вещественных доказательств по делам о преступлениях против жизни». Сборник научных работ «Криминалистика и судебная экспертиза», Киев, 1957, стр. 9.

даже в том случае, если он длительное время владел или пользовался этими предметами.

Опознание, как следственное действие, неустранимо тогда, когда устанавливается тождество предъявляемого предмета с его отображением, сохранившимся в памяти свидетеля (именно этот предмет был похищен, именно этого человека он видел и т.д.), и только в этом случае оно имеет право на самостоятельное существование как судебное доказательство.

В тех же случаях, когда производится сравнение двух предметов для суждения об их однородности, сравнение двух фотоизображений человека или сравнение человека и фотоизображения, сравнение предмета и следа, оставленного этим предметом, сравнение двух рукописей и т.д., опознание может иметь место только как действие, лишний раз убеждающее следователя или суд в необходимости назначения по делу судебной экспертизы.

Окончательное суждение о сравнении двух или более предметов можно получить не путем проведения опознания, а путем производства по делу судебной экспертизы. Исключение может быть сделано только в тех случаях, когда суждение это настолько явно, что может быть произведено самим следователем или судом. Например, суждение о том, что кожи, обнаруженные при обысках в разных местах, изготовлены на одном заводе, так как все они имеют клеймо этого завода.

Разграничение судебной экспертизы от других видов доказательств, применение ее во всех случаях, когда необходимы специальные познания для решения определенных обстоятельств дела, окажет существенную помощь правосудию в деле более полного установления объективной истины по уголовным делам.

Сведущие лица в советском уголовном процессе

Богатейший опыт работы судебных и следственных органов советской юстиции дает возможность нашей уголовной процессуальной науке на основе обобщения и анализа этого опыта теоретически разрабатывать выдвигаемые практикой различные проблемы, связанные с расследованием и рассмотрением в судах уголовных дел. В результате творческой работы ученых и практиков советский уголовный процесс пополнился рядом новых институтов и намечены необходимые пути для дальнейшего улучшения и еще большей демократизации уголовного процесса.

Производимая разработка проблем уголовного процесса имеет большое значение для создания уголовно-процессуальных кодексов союзных республик. Одной из таких проблем и является законодательная регламентация процессуального положения «сведущего лица».

Изучение следственной и судебной практики показывает, что специалисты различных отраслей науки и техники привлекаются к участию в предварительном расследовании и в тех случаях, когда по делу никакой экспертизы не производится.

Так, при осмотре места крушения поезда на железнодорожном транспорте, при расследовании дел, связанных с несчастными случаями, происшедшими из-за нарушения правил техники безопасности и пр., следователь часто привлекает для участия в осмотре соответствующего специалиста, чтобы последний здесь же, на месте происшествия, своими советами, своими активными действиями, ответами на вопросы следователя помог ему вникнуть в специфические особенности данного случая, сориентироваться в совершенно новой для следователя обстановке. Без помощи специалиста следователь не может достаточно полно составить протокол осмотра из-за опасения упустить целый ряд деталей, значение которых выявилось бы позднее.

Следует обратить внимание на практику работы органов милиции. При выезде на место происшествия вместе с оперативными работниками, ведущими дознание, в обязательном порядке выезжают и сотрудники научно-технических отделов (эксперты-криминалисты), которые оказывают существенную помощь в отыскании, закреплении и изъятии вещественных доказательств и следов.

Криминалистические лаборатории Министерства юстиции также практикуют не только производство криминалистических экспертиз, но и оказание практической помощи следователям прокуратуры путем участия в осмотрах и следственных экспериментах при выездах на место

происшествия. Такие выезды производятся вне зависимости от того, будет по делу затем произведена криминалистическая экспертиза или нет. Вполне допустимо, что никаких подлежащих исследованию следов и вещественных доказательств вообще не будет обнаружено, но тем не менее факт какого-то определенного участия эксперта-криминалиста в расследовании, вне рамок назначаемой по делу экспертизы, уже имел место.

Специалисты широко привлекаются и для участия в следственных экспериментах, когда для точного воспроизведения обстановки, для производства определенных действий, например для пуска сложного агрегата, необходимы специальные познания.

Трудно определить тот круг специалистов, необходимость привлечения которых к участию в осмотре или следственном эксперименте может возникнуть в процессе расследования уголовного дела. Чаще всего это бывают эксперты-криминалисты, медики, инженеры всех специальностей и т.д. По одному делу для участия в следственном эксперименте был даже привлечен специалист навигационной службы и использован секстант[1].

Чтобы как можно скорее и детальнее ознакомиться с особенностями той отрасли производства, в которой было совершено преступление, подлежащее расследованию, следователи часто прибегают к помощи специалистов-консультантов.

Выступая на конференции лучших следователей прокуратуры с обменом опытом работы по расследованию уголовного дела о выпуске недоброкачественной продукции, старший следователь прокуратуры Томской железной дороги Калашников говорил: «...чтобы не быть введенным в заблуждение заинтересованными лицами и полнее ознакомиться с интересующими меня вопросами, я обратился за помощью к специалистам, о незаинтересованности которых в данном деле мне было достоверно известно. Пользуясь их консультацией, я в необходимых мне пределах изучил технологический прогресс литья стали и ее термообработки, освоил и специальную терминологию. Вместе со специалистами я ознакомился со всеми процессами изготовления на заводе интересующей меня продукции»[2].

Многие следователи в своей работе широко практикуют привлечение специалистов при выездах на места происшествия и при производстве следственных экспериментов.

В настоящее время для практических работников органов следствия полезность, а во многих случаях и необходимость привлечения специалистов для участия в различных следственных действиях является общепризнанной. Это нашло свое подтверждение и в методической

---

1 Следственная практика за 1953 г., вып. 14, стр. 91.

2 «Социалистическая законность», 1952, № 8, стр. 72.

литературе, выпускаемой в помощь следственным работникам. Сейчас во всех методических пособиях, посвященных расследованию отдельных видов преступлений, обязательно имеется указание на необходимость привлечения к участию в ряде следственных действий различных специалистов. Это обеспечивает более качественное проведение следственного действия и способствует более полному выявлению фактов в результате его проведения.

В своей работе С.Я. Розенблит рекомендует приглашать специалиста по автомобильному делу – государственного автоинспектора, оказывающего следователю необходимую помощь в разборе технического состояния автомашины и полученных ею повреждений, в оценке оставленных ею следов, в построении версий о возможных причинах автотранспортного происшествия[1].

Указание на необходимость привлечения специалистов к участию в следственных действиях имеется в «Настольной книге следователя», в которой читаем, что «во многих случаях в следственном эксперименте должно участвовать по приглашению следователя сведущее лицо соответствующей специальности...»[2].

Такая же рекомендация содержится и в работе Н.И. Гуковской[3]. Однако авторы методических пособий не затрагивают вопрос о том процессуальном положении, которое должен занимать специалист, приглашаемый для участия в следственном действии. Хотя в ряде случаев роль этих специалистов разбирается довольно подробно.

Характерна в этом отношении статья В. Теребилова[4].

Помощь, которую оказывают следователю специалисты – сведущие лица при осмотрах места происшествия, при производстве следственных экспериментов, этим далеко не исчерпывается. Участие специалистов может оказаться совершенно необходимым и при производстве ряда других следственных действий.

Так, при производстве обыска следователь может столкнуться с предметами, назначение которых ему не будет понятно из-за отсутствия соответствующих специальных познаний. По тем же причинам он может вообще не заметить ценные вещественные доказательства. Участие же при обыске сведущего лица поможет следователю обнаружить такие предметы и сразу определить их отношение к расследуемому делу.

---

1 С.Я. Розенблит. Расследование автотранспортных происшествий. М., 1952, стр. 40.

Можно еще сослаться на работу И.И. Слуцкого «Ответственность за нарушение правил по технике безопасности», Л., 1953.

2 Настольная книга следователя. М., 1949, стр. 390.

3 Н.И. Гуковская. Следственный эксперимент. М., 1958.

4 См. В. Теребилов. Организация и методика расследования нарушений правил техники безопасности, «Социалистическая законность», 1953, № 3, стр. 65.

По одному делу при обыске были обнаружены слитки металла темного цвета, которые следователь оставил без внимания. Только присутствие специалиста, подсказавшего ему, что этот металл – золото, покрытое окалиной, помогло исправить допущенную ошибку. По этому же делу специалисты привлекались для участия в обыске, где предполагалось обнаружение бриллиантов[1].

Специалист-бухгалтер может оказать помощь следователю при выемке документов и производстве обысков, где предполагается обнаружение бухгалтерских документов.

Автор работы, посвященной судебно-бухгалтерской экспертизе, С.П. Фортинский рекомендовал привлекать эксперта-бухгалтера к участию в выемках документов в случаях, когда следователь предполагает обнаружить первичные, сводные бухгалтерские документы или черновики документов[2]. В подтверждение этого он приводит пример из практики, когда участие бухгалтера при обыске дало исключительно эффективные результаты[3].

Кроме примера, приведенного С.П. Фортинским, можно сослаться на исключительно удачный случай проведения обыска, где результаты во многом были обусловлены участием в обыске бухгалтеров[4].

За целесообразность привлечения специалистов к участию в производстве обыска высказывался и В.М. Никифоров[5].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что и С.П. Фортинский, и В.М. Никифоров говорят об участии в обыске *эксперта*, хотя совершенно ясно, что привлеченный к участию в обыске специалист, конечно, не является экспертом.

Против участия сведущих лиц в обыске решительно высказывался Р.Д. Рахунов, который, критикуя взгляды С.П. Фортинского, писал: «...автор (т.е. С.П. Фортинский. – *А. Д.*) несколько увлекается, когда он указывает, что эксперт может присутствовать и при производстве таких следственных действий, как выемка и обыск. Допущение эксперта к участию в производстве обысков и выемок превратило бы его в понятого, что никак не соответствует процессуальной роли эксперта, а скорее

---

1 Уголовное дело по обвинению Королькова. Архив Ленгорсуда за 1949 г.

2 См. С.П. Фортинский. Судебнобухгалтерская экспертиза. М., 1949, стр. 52.

3 Там же, стр. 53.

4 См. Следственная практика, 1946, вып. 6, стр. 24–63.

5 Так, В.М. Никифоров писал: «Экспертов к производству обыска на практике не привлекают, а между тем в некоторых случаях (например, при обысках, связанных с поиском документов, ядов, средств, употребляемых для членовредительства, и т.п.) отсутствие эксперта может привести к тому, что обыскивающий не обратит внимание на те или иные вещественные доказательства только потому, что по уровню своих специальных знаний он не сможет определить их действительное значение для дела» (В.М. Никифоров. Обыск. Ашхабад, 1943, стр. 41).

противоречит ей. Нельзя отождествлять осмотр или освидетельствование, когда эксперт активно выполняет роль сведущего лица, с обыском и выемкой, т.е. оперативными действиями следователя, когда необходимости в лицах, обладающих специальными познаниями, не требуется»[1].

С возражениями Р.Д. Рахунова никак нельзя согласиться. Совершенно неосновательны его опасения, что эксперт (сведущее лицо) превратится в понятого, так как роль сведущего лица совершенно отлична от роли понятого. Сведущее лицо активно применяет свои специальные познания по указанию следователя и в помощь ему, зная цель обыска и содействуя достижению этой цели своими специальными познаниями.

Далее Р.Д. Рахунов проводит непонятную границу между осмотром и обыском, причем в отличие от осмотра обыск называет «оперативным мероприятием». И обыск, и осмотр являются процессуальными действиями следователя, направленными на обнаружение доказательств, а по тактике производства оба являются оперативными действиями, так как едва ли можно говорить, что в отличие от обыска осмотр является «неоперативным мероприятием».

Наконец, Р.Д. Рахунов вообще считает, что при производстве обыска не требуется участие каких-либо лиц, обладающих специальными познаниями[2].

Утверждение это является глубоко ошибочным, ибо участие сведущих лиц при производстве обыска дает возможность следователю, пользуясь их специальными познаниями, а подчас и специальной аппаратурой, значительно расширить возможности по обнаружению разного рода предметов, могущих стать вещественными доказательствами по делу.

Все возрастающее применение научно-технических средств при расследовании уголовных дел должно привести к тому, что в помощь следователю, производящему обыск, будут привлекаться такие технические средства, которые полностью использовать следователь не сможет из-за отсутствия специальных познаний и навыков. Такое положение неминуемо должно привести к еще большему участию сведущего лица при обыске. Так, применение при обыске рентгеновских аппаратов потребует привлечения к участию в нем соответствующего специалиста и т.д.[3]

---

[1] Р.Д. Рахунов. Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе. М., 1950, стр. 128.

[2] См. там же.

[3] К сожалению, в работах, посвященных тактике обыска, очень мало уделяется внимания вопросу применения научно-технических средств. В работе В.И. Попова (В.И. Попов. Обыск и выемка. М., 1948) говорится только вскользь о металлоулавливателях (стр. 10). В Настольной книге следователя говорится только о возможности применения фотоаппарата (стр. 397). Привлечение сведущих лиц, владеющих специальной аппаратурой, значительно увеличивает возможность применения научно-технических средств при расследовании преступлений.

Вообще роль сведущего лица на предварительном следствии возрастает с непрерывным ростом науки и техники и с увеличением применения научно-технических средств в процессе расследования преступлений.

В настоящее время научно-технические средства, находящиеся в следственном чемодане, вполне могут применяться самим следователем без дополнительной помощи каких-либо специалистов.

Для того чтобы искусственно не поставить предел использованию научно-технических средств при расследовании преступлений, необходимо все шире привлекать в помощь следователю специалистов – сведущих лиц.

Сведущее лицо может помочь следователю своими знаниями при допросах свидетелей и обвиняемых.

Участвуя в допросах, сведущие лица помогают следователю разобраться в новой для него области знаний, правильно усвоить специальную терминологию, помогают технически правильно формулировать вопросы допрашиваемым и т.п.

Только при признании самостоятельного процессуального существования сведущих лиц станет вполне понятно и обусловлено требование о необходимости присутствия педагога при допросе несовершеннолетнего.

Педагог, участвующий при допросе несовершеннолетнего, не является экспертом, так как он не дает никакого заключения[1], не является свидетелем, так как его не допрашивают[2], не является понятым, так как он *активно* участвует в допросе, а деятельность понятого всегда пассивна. Не заменяет педагог и прокурора. Присутствие последнего при допросе несовершеннолетнего также рекомендуется[3].

Педагог, присутствующий при допросе несовершеннолетнего, является сведущим лицом, приглашенным следователем для активного участия в допросе, как лицо, обладающее знаниями и опытом общения и объяснения с несовершеннолетними, в целях облегчения контакта с последними при допросе.

---

[1] М.М. Гродзинский считает врача и педагога, присутствующих при допросе малолетних, экспертами (см. Ученые записки Харьковского юридического института, 1955, вып. VI, стр. 58–59), что вытекает из его расширенной трактовки сущности судебной экспертизы.

[2] В тех случаях, когда педагог знает какие-либо факты, характеризующие личность данного ребенка, он допрашивается в качестве свидетеля, и в этом случае его процессуальное положение не вызывает никаких сомнений.

[3] В некоторых пособиях по допросу несовершеннолетних указывается на необходимость производства допроса несовершеннолетнего в присутствии педагога или прокурора, хотя роль педагога при допросе совершенно отлична от роли прокурора, который никак не может заменить собой педагога, обладающего теоретическими знаниями и практическим опытом общения с несовершеннолетними.

Однако этим далеко еще не ограничивается роль сведущих лиц – специалистов различных отраслей знаний при производстве предварительного расследования по делу.

Часто в ходе предварительного расследования следователю приходится производить по делу повторную документальную ревизию в связи с тем, что при первичной либо не присутствовали материально ответственные или заинтересованные лица, которые впоследствии стали обвиняемыми, либо потому, что первая ревизия оказалась дефектной. Иногда такая же необходимость возникает в результате выявившейся заинтересованности ревизоров и установленной следствием их связи с обвиняемыми. В некоторых же случаях необходимость в производстве ревизии возникает только после возбуждения уголовного дела. Здесь следователь не имеет возможности ограничиться производством по делу судебно-бухгалтерской экспертизы, так как для производства экспертизы в материалах дела не будет всех необходимых документов, а собирание экспертом необходимых для исследования документов, неизвестных следствию, явилось бы грубым нарушением компетенции эксперта.

При назначении такой первичной или повторной ревизии следователь должен все время работать в тесном контакте с ревизорами, давая им определенные задания по интересующим его вопросам, участвуя в обсуждении и составлении плана ревизии, систематически контролируя ход ревизии.

В настоящее время не урегулирован в законе и сам порядок назначения ревизии следователем в процессе расследования уголовного дела.

В литературе имеются указания, что «ревизия производится в двух случаях: до возникновения уголовного дела, когда назначение ее не вызвано требованием следователя, и в процессе ведения следствия, по требованию следователя»[1].

Вынося постановление о назначении документальной ревизии, следователь не имеет возможности руководствоваться какой-либо статьей УПК и воздействовать на руководителя учреждения в случае отказа последнего от производства ревизии на подведомственном ему предприятии. Отсутствие в законе регламентации по этому вопросу отрицательно сказывается на расследовании уголовных дел.

При существующем положении, когда ревизоры производят ревизию по постановлению следователя и в то же время являются совершенно неподчиненными ему, часто возникают различного рода недоразумения. Это отрицательно сказывается на качестве представляемого ревизорами материала, на сроках производства ревизии, а следовательно, и на качестве всего предварительного следствия по уголовному делу.

---

[1] Настольная книга следователя. М., 1949, стр. 494.

При назначении в процессе следствия ведомственной ревизии материалы ее до поступления к следователю передаются в вышестоящую ведомственную инстанцию на утверждение. Часто это отнимает длительное время. Вышестоящие ведомственные инстанции подчас без согласования со следователем вносят серьезные изменения в акт ревизии, меняют выводы и т.д.

При таком положении следователь не является полностью хозяином производимой им в процессе следствия ревизии. Поэтому необходимо добиться, чтобы ревизоры, производящие ревизию по поручению следственных органов, были освобождены от влияния и зависимости узковедомственных интересов.

Добиться этого можно в том случае, если в законе будет прямо предусмотрена возможность для следователя привлекать в ходе расследования дела всех необходимых ему специалистов – сведущих лиц. Они должны быть связаны определенными обязанностями по отношению к следователю и в то же время наделены определенными правами, дающими им полную возможность выполнить задание следователя.

Для того чтобы требование следователя о назначении ревизии выполнялось, в законе необходимо предусмотреть подобное право следователя и обязанность со стороны тех лиц, к которым это требование адресовано.

Только оформление в законе процессуального института сведущих лиц сможет разрешить этот важный для следствия вопрос.

Требование это вытекает из соображений создания необходимых условий для нормальной работы органов следствия. Необходимо также иметь в виду, что производимая в процессе расследования уголовного дела бухгалтерская ревизия во многом отличается от ведомственной.

Совершенно правильно указывает В. Танасевич, что «...ревизия, проводимая в связи с возбуждением уголовного дела, носит процессуальный характер, является способом доказывания, посредством которого устанавливаются факты, относящиеся к предмету доказывания»[1]. В настоящее время получается довольно странная картина: ревизия в процессе расследования – это процессуальное действие, а проводит его лицо, не предусмотренное уголовным процессом как самостоятельная процессуальная фигура, со своими правами и обязанностями.

В связи с этим в ныне действующее Положение о бюро государственных бухгалтерских экспертиз необходимо внести соответствующие изменения, предусматривающие возможность использования сотрудников бюро следственными органами не только в качестве эксперта,

---

[1] В.Г. Танасевич. Теория и практика проведения ревизии и бухгалтерской экспертизы при расследовании хищений государственного и общественного имущества. Автореферат диссертации, М., 1958, стр. 6.

но и в качестве сведущих лиц, что, безусловно, будет способствовать дальнейшему улучшению следственной работы и сокращению сроков расследования.

Следователь может привлекать сведущих лиц для производства обмеров по делам, связанным с завышением объемов работ, для производства необходимых подсчетов и т.д.

Отсутствие указания в законе на самостоятельное существование процессуальной фигуры сведущего лица привело к тому, что на практике сведущих лиц именуют свидетелями, экспертами или же просто указывают занимаемое ими должностное положение: эксперт-криминалист, судебно-медицинский эксперт, инспектор по технике безопасности и т.д. В одном деле специалист именовался как «представитель торговой палаты по подсчету количества изображений в изъятых и задержанных чемоданах»[1].

Только прямое указание в законе на существование самостоятельной процессуальной фигуры сведущего лица ликвидирует эти недостатки. Но и этим не ограничивается возможность использования сведущих лиц в процессе расследования дела.

Проф. А.И. Винберг в одной из своих статей, опубликованной в журнале «Социалистическая законность», писал: «Заключение эксперта всегда должно являться результатом применения им специальных познаний к конкретному случаю, обстоятельства которого выяснены расследованием. Если же следователю необходимо получить какие-либо материалы справочного характера, то в этом случае нет нужды в экспертизе и все необходимые сведения могут быть им получены путем истребования соответствующих справок, справочников или инструкций»[2].

Соглашаясь с этим выводом, необходимо сделать еще одно дополнение.

Если источниками получения определенных научных положений для следователя и суда являются справки и другие письменные документы, даваемые сведущими лицами, то вполне понятно, что еще большую ценность будет представлять допрос этого лица, с помощью которого

---

[1] Учитывая отсутствие законодательной регламентации новой процессуальной фигуры сведущего лица, иногда и в литературе прямо рекомендуют в составляемых процессуальных документах о следственных действиях, где принимал участие специалист, указывать его должностное положение, обходя молчанием процессуальное положение (Н.И. Гуковская. Следственный эксперимент. М., 1958).

Необходимость законодательного признания наличия в уголовном процессе сведущего лица, конечно, не сводится только к разрешению «проблемы» о правильном наименовании такого специалиста. Главное, что это даст следователю *право* привлекать специалистов к участию в следственных действиях и допрашивать по интересующим его вопросам из их специальности.

[2] А. Винберг. Пределы использования бухгалтерской экспертизой показаний свидетелей и обвиняемых. «Социалистическая законность», 1950, № 3, стр. 21.

следователь или суд устанавливают определенное научное положение, которое затем будут применять к соответствующим материалам и делать определенные выводы.

В качестве примера приведем конкретный случай, уже опубликованный в литературе.

По одному уголовному делу необходимо было опровергнуть версию обвиняемого о том, что сахарин в кладовой разбросали крысы. Следователь перед соответствующим специалистом поставил ряд вопросов и получил от него ответы.

«**Вопрос.** Привлекает ли сахарин крыс и могут ли они его потреблять?

Ответ. При поисках пищи крысы, как и другие грызуны, пользуются главным образом обонянием, а поэтому сахарин, как не имеющий совершенно запаха, не может привлекать крыс. Сладость сахарина без разведения настолько высокая, что она не может привлечь животных, если на слизистую оболочку рта и попал бы случайно кристалл сахарина.

Вопрос. Может ли сахарин, помещенный в промасленную бумагу, привлечь крыс?

Ответ. Промасленная чем-либо обычным съедобным бумага, в которую завернут сахарин, привлечь крыс может.

Вопрос. Вероятно ли предположение, что крыса, привлеченная промасленной бумагой, в которую завернут сахарин, или желая использовать бумагу для подкладки в гнездо, могла таскать в зубах пакет с сахарином по помещению кладовой и рассыпать сахарин по разным местам полок, при длине полок до 2 м 90 см, ширине прохода кладовой до 2 м 14 см и при загроможденности всех полок различным электротехническим материалом – мотками проволоки, приборами и т.п.?

Ответ. Даже если бумага, в которую завернут сахарин, имела какой-либо запах, привлекающий крыс, это предположение является невероятным, особенно при захламленности пола и при больших препятствиях и дистанциях, на которых был обнаружен сахарин в разных пунктах кладовой.

Вопрос. Можно ли считать вероятным предположение о возможности переноса сахарина в разные пункты кладовой на шерсти животного?

Ответ. Сахарин не обладает липкостью, и это предположение должно считаться невероятным.

Вопрос. Может ли переноситься сахарин по помещению потоком воздуха при отсутствии какой-либо вентиляции в помещении кладовой?

Ответ. Сахарин импортный представляет собой тяжелые кристаллы, которые воздухом не могут быть разнесены по помещению кладовой»[1].

---

[1] А. Винберг. По следам преступления. «Социалистическая законность», 1945, № 3, стр. 30–31.

После тщательного анализа вышеизложенного документа приходим к следующим выводам:

1. В ответах специалиста даны соответствующие положения, установленные наукой.

2. Ответы вытекали *только* из поставленных вопросов и базировались *только* на знаниях специалиста соответствующей области науки, но никоим образом не на изучении конкретных материалов дела, их анализе и исследовании конкретных фактических данных. Учитывание конкретных обстоятельств имело место только при ответе на третий вопрос, но и здесь нет никакой необходимости в применении специальных знаний, так как ответ на вопрос дается на основании обыкновенной житейской логики. Следовательно, постановка такого вопроса перед специалистом, который должен давать ответы только на основании данных той науки, специалистом которой он является, должна считаться неверной.

3. В приведенном выше документе специалист сообщал следователю определенные данные науки, что не является *заключением* эксперта, которое обязательно должно быть основано на исследовании фактического материала. Вот почему этот документ не является заключением эксперта, а лишь *сообщением определенного положения науки сведущим лицом*.

Если в ответах специалиста сообщаются только положения науки, на основании которых уже сам следователь или суд делают вывод по конкретным обстоятельствам дела, то такое сообщение не является экспертизой.

Таким образом, приведенное нами «заключение эксперта» в действительности не что иное, как протокол допроса сведущего лица, знания которого в соответствующей науке, переданные следователю, последним были использованы для выводов из конкретных обстоятельств дела.

Изучение следственной и судебной практики дает большое количество примеров, когда органы предварительного расследования и суды практикуют получение от специалистов сведений, используя их в дальнейшей своей работе по анализу обстоятельств дела. Такие случаи в практической работе судебных и следственных органов не остались незамеченными советскими учеными-процессуалистами.

Однако, замечая такое использование специалистов на предварительном следствии в суде, которое явно не укладывается в понятие экспертизы, некоторые советские процессуалисты пытались это объяснить как какие-то отдельные случаи исключения из общего порядка производства экспертизы в советском уголовном процессе.

Так, В. Никифоров считает, что существуют экспертизы, «...которые по своей форме представляют как бы консультацию следователя, судей

с ученым-специалистом, когда эксперт отвечает на вопросы, не производя специального исследования»[1].

В качестве примера такой своеобразной экспертизы он приводит случай, когда эксперт разъяснял суду, как отражается кислородное голодание на летчике, поднимающемся на определенную высоту без кислородного прибора, не производя по данному конкретному делу никаких исследований[2].

Аналогичные высказывания имеются в работах Р. Рахунова[3], Л. Мариупольского и С. Фортинского[4], которые указывали на наличие в практике «исключительных» случаев, когда специалисты дают ответы на поставленные перед ними вопросы, не производя никаких исследований по делу, и когда эти ответы специалистов будут являться только результатом имеющихся уже у него специальных познаний, а не выводом, основанным на исследовании определенных обстоятельств.

Наличие в практике случаев вызова специалистов только для выяснения определенных положений из области науки без производства каких бы то ни было исследований обстоятельств уголовного дела было замечено и проф. М.А. Чельцовым.

Он пришел к выводу, что особенностью экспертизы, отличающей ее от всех других видов доказательств, является сообщение экспертом «опытного» положения, а дачу заключения и исследование фактических обстоятельств дела считал лишь частным случаем производства экспертизы.

Однако сообщение специалистом опытного положения из области своей науки никак не может считаться экспертизой.

Сама сущность экспертизы в уголовном процессе не допускает существования экспертизы, не являющейся результатом исследования фактических обстоятельств того конкретного дела, по которому она назначена.

Это положение полностью разделяет В.Я. Лившиц. Он опровергает возможность существования заключения эксперта, не основанного на исследовании фактических обстоятельств дела[5].

---

1 В.М. Никифоров. Экспертиза в советском уголовном процессе. М., 1947, стр. 121.

2 Там же, стр. 121–122.

3 Р.Д. Рахунов. Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе. М., 1950, стр. 144–145.

4 Л. Мариупольский и С. Фортинский. Пределы использования бухгалтерской экспертизой показаний свидетелей и обвиняемых. «Социалистическая законность», 1949, № 4, стр. 19.

Так, Мариупольский и Фортинский приводят вопрос, ответ на который специалистом может быть дан без всякого ознакомления с делом, на основании только имеющихся у него познаний: «Имели ли право руководитель организации и главный бухгалтер начислить и выплатить себе денежные премии без ведома и согласия главка?»

5 В.Я. Лившиц. Принцип непосредственности в советском уголовном процессе. М., 1949, стр. 122–125.

Основываясь на этом совершенно правильном положении, В.Я. Лившиц категорически опровергает и те отдельные случаи «исключения», приведенные В.М. Никифоровым, когда заключение эксперта не основано на исследовании фактических обстоятельств дела.

Не замечая того обстоятельства, что в случае «исключения» вообще нет экспертизы, а имеется налицо другой вид доказательств – сообщение сведущего лица, В.Я. Лившиц всячески пытается доказать, что специалист, привлекаемый в процессе расследования дела для дачи ответа, во всех случаях производит исследование. Таким путем он хочет уложить в прокрустово ложе те встречающиеся в практике факты, которые не укладываются в понятие экспертизы.

В случаях, когда следователь и суд имеют возможность произвести все исследования фактических обстоятельств дела самостоятельно при условии, что им известно определенное положение науки, роль специалиста сводится к сообщению следователю или суду этого положения, то есть определенного уже установленного в этой науке факта.

С этой точки зрения основное различие между экспертами и сведущими лицами сводится к тому, что сведущие лица только сообщают суду или следствию факты, научные положения, закономерности, известные им в силу имеющихся знаний или опыта, а уже суд или следствие используют эти факты в совокупности с другими доказательствами для соответствующих выводов и заключений. Эксперты же привлекаются для анализа, исследования установленных по делу фактов на основе науки, и на основе применения своих знаний к конкретным фактам они призваны давать *заключения*.

То обстоятельство, что специалисты, сообщающие отдельные научные положения, не являются экспертами, подтверждается и тем, что в ряде случаев вызванный следствием или судом специалист, кроме сведений из своих специальных знаний, сообщает и конкретные, известные ему как свидетелю факты по делу.

Так, ревизор-бухгалтер, кроме интересующих следователя вопросов из области бухгалтерии, будет сообщать о конкретных фактах из деятельности ревизуемого им предприятия; инспектор по технике безопасности, кроме сообщения определенных правил техники безопасности, интересующих следователя, сообщит и факты по данному делу, ставшие ему известными в результате проведенного им расследования, и т.д.

Такое совмещение в одном лице специалиста возможно только потому, что он не является экспертом. В противном случае совмещение в одном лице эксперта и свидетеля прямо противоречило бы закону[1].

---

[1] См. статьи 43, 45 и 48 УПК РСФСР.

Интересным в этом отношении представляется дело по обвинению Семенчука и Старцева в убийстве на о. Врангеля врача Вульфсона, обвинение по которому поддерживал А.Я. Вышинский.

По этому делу в качестве свидетеля был допрошен известный полярник Ушаков, работавший много лет на острове до подсудимого Семенчука. Он в суде дал подробные показания о положении зимовки на острове, о коренных его жителях, о наличии запасов продовольствия, о моральном состоянии эскимосов и т.д. Далее Ушаков дал характеристику личности Семенчука, с которым он раньше вместе работал.

После этого Ушакову ставят целый ряд вопросов, на которые он отвечает уже не как свидетель, а как специалист. Так, например, ему были поставлены вопросы о процессе управления собаками, о процессе застопоривания нарты, о следовании нарт при совместном движении, о том, как слушаются собаки своего хозяина и других пассажиров, и т.д.[1]

В данном случае Ушаков, будучи специалистом-полярником, сообщал определенные положения, необходимые суду для оценки конкретных обстоятельств дела, и являлся, кроме того, свидетелем. Но сообщение определенных положений науки специалистом не противоречит процессуальному положению его как свидетеля.

Указание на различие в функциях эксперта и сведущего лица мы находим и в определениях Верховного Суда СССР.

В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР по делу Ф. имеется следующее указание: «Справка бухгалтера колхоза, удостоверяющая расстояние от важнейших объектов, вообще не была предметом судебного рассмотрения. Она приложена к кассационной жалобе адвоката. Справка эта не носит официального характера. Очевидно, что в деле, в котором вопрос о расстоянии до места происшествия имеет столь существенное значение, – этот вопрос должен был быть предметом специального исследования, и во всяком случае расстояние до места происшествия следовало удостоверить официальной справкой компетентного учреждения или сведущего лица»[2].

---

[1] Стенографический отчет по делу Семенчука и Старцева. М., 1936, стр. 269 и последующие.

При изложенных обстоятельствах является неверным применение к Ушакову термина «эксперт», который допускал А.Я. Вышинский (стр. 269). Экспертом в данном случае считал Ушакова и Р.Д. Рахунов, который стоял на точке зрения, что совмещение функций свидетеля и эксперта в одном лице недопустимо, тем не менее приводил этот пример как «*исключение из правил*» (Р.Д. Рахунов. Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе. М., 1950, стр. 104).

[2] Судебная практика Верховного Суда СССР за 1950 г., № 9, стр. 26.

Аналогичные указания имеются и в определении судебной коллегии по уголовным делам по делу Арманяна[1].

Приведенные определения свидетельствуют о том, что Верховный Суд СССР отличает понятие «сведущие лица» от «экспертов». Все изложенное убедительно доказывает, что специалисты различных отраслей знаний в уголовном процессе принимают участие двояко: в роли экспертов и в роли сведущих лиц.

В процессуальной литературе уже издавна идет спор между учеными, указывающими на данное различие, и учеными, которые всеми силами стремятся доказать, что никакой необходимости в самостоятельном существовании процессуальной фигуры сведущего лица нет.

Двоякую роль специалистов в уголовном процессе отмечали многие русские дореволюционные процессуалисты. Об этом, в частности, говорил, выступая в 1874 г. в процессе по иску опекунов над имением умершего майора Терпигорева, В.Д. Спасович[2].

Основатель судебной фотографии Е.Ф. Буринский, справедливо именуемый отцом судебной фотографии, в своей работе, посвященной экспертизе документов, подробно развивал мысль о том, что роль фотографа при расследовании уголовного дела и рассмотрении его судом может быть различна и должна четко подразделяться[3].

Он указывал, что совершенно неверным является именование судебно-фотографическими работами (следует понимать – экспертизой) всех видов фотографий, применяемых в уголовных делах. Часто фотограф вызывается для производства фотоснимка комнаты, для микрофотограммы капли крови, для увеличения рукописей и т.д.[4]

Подчеркивая, что все эти случаи не могут именоваться судебной фотографией, Буринский писал: «...правосудие прибегает к услугам представителей многих отраслей наук, ремесел и искусств и совершенно так же, как прибегает к услугам фотографа. Нужно открыть замок – зовут слесаря; достать со дна реки брошенные туда вещественные доказательства – поручают водолазу; вырыть труп из могилы для медицинского исследования приказывают могильщику; увеличить сомнительный вексель предлагают фотографу. Никому не приходит в голову говорить о существовании судебно-слесарного искусства, судебно-водолазничанья, судебного гробокопательства, потому что слесарь, водолаз и могильщик являются простыми исполнителями данных им заказов, ничем по существу не отличающихся от заказа частных лиц. Отмыкая замок

---

1 Судебная практика Верховного Суда СССР за 1953 г., № 2, стр. 16 – 17.

2 См. В.Д. Спасович. Соч., т. V, СПб.,1913, стр. 294.

3 Е.Ф. Буринский. Судебная экспертиза документов. СПб.,1903.

4 Там же, стр. 33.

по поручению суда, слесарь употребит в дело те же самые приемы и орудия, которыми он исполнит такую же работу для каждого из нас. Равным образом, водолаз и могильщик, не заинтересованные в целях судебного исследования, не внесут в свою работу чего-либо специально судебного, имеющего целью наилучшим образом содействовать обнаружению судебной истины»[1].

Устанавливая грань между просто фотографическими работами и судебной фотографией, Е.Ф. Буринский подразделял все виды фотографических работ, выполняемых по заданиям следственных и судебных органов, на: 1) вспомогательные, облегчающие сличение почерков, обыкновенные фотографические увеличения; 2) восстановление поврежденных письмен и 3) фотографический *диагноз* подделки, искание следов подлога[2].

Не останавливаясь на анализе деления второй и третьей группы, можно тем не менее сказать, что особенностью фотографических работ этих групп является то, что при производстве их специалист отвечает на определенные, поставленные следствием или судом вопросы, используя свои специальные познания для исследования объекта.

В случаях же, отнесенных Е.Ф. Буринским к первой группе, фотограф применяет свои специальные познания в интересах следствия и суда, но при этом никакого исследования не производит, ни на какие вопросы не отвечает, так как после произведенной им работы результаты ее могут быть исследованы следствием и судом самостоятельно, без дополнительного разъяснения специалиста[3].

Таким образом, Е.Ф. Буринский считал необходимым строго разграничивать понятие «эксперт» от понятия «сведущее лицо», хотя такую терминологию он в данном случае не употреблял.

В 20–30-х гг. в советской процессуальной и криминалистической литературе уже появляется упоминание термина «сведущее лицо» наряду с термином «эксперт». Так, В. Громов в своих работах употреблял термины «эксперт» и «сведущее лицо», но не объяснял разницы между этими понятиями.

---

1 Е.Ф. Буринский. Судебная экспертиза документов, стр. 33–34.

2 Там же, стр. 40.

3 Следует отметить, что Е.Ф. Буринский не считал фотографические работы, производимые по поручению следствия и суда с определенным заданием, экспертизой, указывал, что «...эксперт, производящий по поручению суда экспертизу определенного задания, есть только орудие судьи, совершенно такое же, как слесарь, которому поручается открыть замок» (стр. 281). Эти неправильные воззрения Е.Ф. Буринского были подвергнуты критике в нашей советской криминалистической литературе в работе Н.В. Терзиева и А.А. Эйсман «Введение в криминалистическое исследование документов». М., 1949, стр. 82.

Он писал: «Практика расследования в истории уголовных процессов прошлого времени показывает, что при осмотре места совершения преступлений весьма часто требуется участие *сведущих лиц или экспертов какой-либо специальности*»[1] (курсив наш. – *А. Д.*).

Выполнение специалистом на предварительном следствии не только функций эксперта, но и функций сведущего лица привело к появлению в процессуальной литературе теории о том, что эксперт, кроме выполнения своих прямых обязанностей, является «консультантом» следователя. Одним из сторонников этого взгляда является В. Никифоров, который утверждал, что «...часто в процессе осмотра места преступления следователь встречается с различными следами ног, следами крови, следами транспортных средств и т.п. По характеру этих следов, по их взаиморасположению, форме и другим признакам иногда можно судить об очень многом и важном для следствия, например по следам ног – об особенностях походки, о быстроте и направлении движения, о росте, поле, телосложении оставившего следы и т.д.; по следам крови – о высоте падения капель или брызг, о направлении, в котором двигался раненый, о быстроте его движения и т.п. Для решения этих вопросов надо иметь специальные познания по трасологии, по судебной медицине и т.д. Если следователь не обладает достаточно полными и детальными знаниями, он должен проконсультироваться с экспертом о криминалистическом значении следов.

Спрашивается: как должен поступать при данных обстоятельствах следователь, если бы он считал, что эксперт не может превращаться в его помощника или консультанта?

Нельзя отказаться от активной помощи эксперта в деле борьбы с преступностью и успешного раскрытия преступлений, ибо вслед за консультацией, если она полезна и действенна, следует постановление о назначении экспертизы и заключение эксперта, оцениваемое правосудием как доказательство»[2].

Таким образом, В. Никифоров, прямо подойдя к необходимости признания самостоятельной процессуальной фигуры сведущего лица, свел весь вопрос к тому, что консультация специалиста, «если она полезна и действенна», будет позднее оформлена в виде экспертизы. Он совершенно обошел молчанием вопрос о том, как быть в таких случаях, когда впоследствии по делу не производится экспертиза, даже если консультация и была полезна. Точку зрения В. Никифорова разделял в тот период и профессор А. Винберг, который считал, что «следует полностью согласиться с выводами тов. Никифорова о том, что термины «консультант»,

---

[1] В. Громов. Осмотр места преступления. М., 1931, стр. 16, 47.

[2] В.М. Никифоров. Экспертиза в советском уголовном процессе. М., 1947, стр. 105–106.

«помощник» ни в какой мере не противоречат и не колеблют роли эксперта, отведенной ему в уголовном процессе»[1].

Некоторые советские процессуалисты, видя, что специалист на предварительном следствии выполняет значительно большую роль, чем это предусмотрено понятием экспертизы, то есть исследование обстоятельств дела и дача заключения по конкретно поставленным следователем вопросам, стремились объяснить это процессуально путем наделения эксперта дополнительными терминами «консультанта», «помощника» следователя. При этом совершенно оставалось в стороне то положение, что помощь специалистов может потребоваться и при отсутствии назначения по делу экспертизы и что на практике специалисты сплошь и рядом привлекаются следователями для оказания такой помощи без назначения экспертизы.

В дальнейшем проф. А.И. Винберг пересмотрел свои взгляды и, критикуя В. Никифорова, прямо указал, что сущность ошибки Никифорова заключается «не в том, может ли быть эксперт консультантом или помощником судьи или следователя, а в совершенно очевидном смешении понятия сведущего лица с экспертом».

Развивая свою мысль, он далее писал: «...в ряде случаев на месте происшествия, при производстве обыска, допроса, розыска и при выполнении других следственных действий следователь обращается к услугам сведущих лиц – специалистов по судебной баллистике, дактилоскопии, судебной фотографии и т.п. Эти лица выполняют роль научных консультантов в той области знаний, в которой они являются сведущими. Однако эти консультанты, приглашаемые следователем, вовсе не являются экспертами и их юридически неправильно именовать экспертами. Известно из практики следственной работы, что не всегда возникает необходимость в проведении экспертизы, и следователь, не нуждаясь в заключении эксперта, ограничивается лишь консультационной помощью сведущего лица, которая не имеет никакого доказательственного значения, а служит ему лишь средством для правильной ориентации при собирании и фиксации различных доказательств по делу... Функции

---

[1] А. Винберг. Особенности процессуального положения эксперта-криминалиста. «Социалистическая законность», 1947, № 10, стр. 17.

В этой же статье проф. А. Винберг пишет: «Когда эксперт участвует вместе со следователем в осмотре места происшествия и как специалист обращает внимание последнего на происхождение различных следов, объясняющих механизм происшествий, эксперт тем самым активно помогает следователю в его работе по раскрытию преступления. В этом смысле эксперт является помощником следователя, но вовсе не подменяет его.

В ряде случаев, как об этом наглядно свидетельствует практика, следователю важно проконсультироваться с экспертом о криминалистическом значении тех или иных следов» (стр. 17).

В дальнейшем проф. А. Винберг изменил свой взгляд на данный вопрос.

экспертизы нельзя путать с консультационной работой сведущего лица»[1].

Изложив эти доводы, проф. А.И. Винберг приходит к выводу о том, что «следует как в теории, так и в действующей практике прийти к единому мнению, разграничивающему функции консультантов – должностных сведущих лиц и функций экспертов – сведущих лиц в процессуальном смысле.

Серьезное значение этого вопроса требует для своего правильного практического разрешения если не специальной статьи в Уголовно-процессуальном кодексе, то во всяком случае ведомственного разъяснения и циркулярных указаний, требующих четкого разделения функций консультанта и эксперта»[2].

Проведенное проф. А.И. Винбергом деление привлекаемых в процессе расследования специалистов на экспертов и должностных сведущих лиц явилось значительным шагом в правильном разрешении вопроса о роли специалистов различных отраслей науки и техники в процессе предварительного расследования.

Р.Д. Рахунов, критикуя эти воззрения, упрекает автора в том, что он «вводит новую, неизвестную до сих пор терминологию: „должностные сведущие лица“... Возникает закономерный вопрос, на каких процессуальных основах – а вне процессуальных форм немыслима никакая деятельность в уголовном процессе, – будут выступать эти „должностные сведущие лица“»[3].

Упрек Р.Д. Рахунова имеет под собой некоторое основание, если учесть, что сам А.И. Винберг, возражая В. Никифорову, который считал, что эксперт может быть консультантом следователя, одним из доводов против этого указывал на невозможность определить, на основании каких процессуальных норм будет выступать на следствии такой консультант[4].

Процессуальное положение сведущего лица и само признание такой процессуальной фигуры должно быть предусмотрено уголовно-процессуальным кодексом. Никакая ведомственная инструкция не сможет разрешить этот вопрос. Так же как закон предусматривает право

---

[1] А.И. Винберг. Основные принципы советской криминалистической экспертизы. М., 1949, стр. 73.

[2] Там же.

[3] Р.Д. Рахунов. Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе. М., 1950, стр. 143; изд. II, 1953, стр. 115–116.

[4] А.И. Винберг. Основные принципы советской криминалистической экспертизы. М., 1949, стр. 72. Проф. Винберг писал: «Аргументацию доц. Никифорова следует признать неверной. Возникает закономерный вопрос, на основании каких же процессуальных норм выступает в качестве консультанта, например на месте происшествия, эксперт. Ведь эксперт – процессуальная фигура, призванная к действию только постановлением следователя или определением суда о назначении экспертизы».

следователя привлекать к участию в следственных действиях понятых, так же прямо должно содержаться в нормах кодекса и право следователя на привлечение к участию в следственных действиях специалистов различных специальностей – сведущих лиц. Применительно к криминалистике вывод проф. А.И. Винберга об обязательном «должностном» положении сведущего лица совершенно правилен. Привлечение в качестве сведущего лица криминалиста, не работающего в каком-либо криминалистическом учреждении, надо признать совершенно недопустимым, так как только постоянная работа специалиста дает основание следователю полагать, что данное лицо обладает необходимыми познаниями и навыками. Во многих случаях в качестве сведущих лиц приглашаются работники высших учебных заведений, научно-исследовательских институтов, то есть лица, не являющиеся «должностными сведущими лицами».

Поэтому нельзя ограничивать круг сведущих лиц специалистами с определенным должностным положением, ибо это сузит возможности следователя по привлечению сведущих лиц.

За необходимость четкого разграничения эксперта и сведущего лица высказывались М.А. и Н.В. Чельцовы. Они пишут, что, «...если в деле нет постановления следователя о проведении экспертизы с точно сформулированными вопросами, по которым эксперт должен дать заключение, в деле нет ни эксперта, ни экспертизы, не может быть и заключения эксперта.

Поэтому всякая иная помощь, оказываемая следователю специалистами в любой отрасли знания, не является проведением экспертизы, не является работой эксперта, хотя бы к этой работе и было привлечено лицо, занимающее должность эксперта в одном из ведомств.

Во всех случаях, когда в Уголовно-процессуальном кодексе говорится об участии *эксперта* в осмотрах, на самом деле происходит техническая помощь следователю в проведении именно следственного осмотра, а не экспертиза, и эта помощь оформляется указанием на участие в следственном осмотре такого-то специалиста. Неотчетливость в терминологии Уголовно-процессуального кодекса надо всегда иметь в виду, чтобы избежать ошибок, могущих вредно отразиться на правильности хода процесса»[1].

Полностью соглашаясь с тем, что специалист, принимающий участие в осмотре или другом следственном действии, не должен именоваться экспертом, мы вместе с тем считаем, что деятельность специалистов, участвующих в осмотре, может быть правильно объяснена

---

[1] М.А. Чельцов, Н.В. Чельцова. Проведение экспертизы в советском уголовном процессе. М., 1954, стр. 63.

только при существовании самостоятельной процессуальной фигуры сведущего лица[1].

К такому же выводу приходит и О. Пюсса: «В качестве экспертов (в значении источника доказательства) не могут быть рассматриваемы обладающие различными специальными знаниями лица, помощью которых пользуется следователь при проведения следствия (преимущественно при осмотре места происшествия). Даваемые такими лицами советы и консультации не являются судебным доказательством. Поскольку функции, выполняемые ими, отличаются от функций эксперта, то и терминологически целесообразно отличать их от экспертов и называть их не экспертами, а сведущими лицами»[2].

Полностью соглашаясь с выводом о необходимости четкого различия экспертов и сведущих лиц, мы не можем согласиться с выводом о том, что речь идет о терминологической разнице. Дело не только и не столько в терминологической разнице, а в различных функциях в уголовном процессе, что требует и четкого различия в процессуальном положении. Именно это является основным в различии этих двух групп участников уголовного процесса. Также нельзя согласиться с утверждением О. Пюсса о том, что «...даваемые такими лицами советы и консультации не являются судебным доказательством».

В тех случаях, когда специалист на вопросы следователя из области своей науки сообщает определенные сведения, которые последний сам непосредственно использует для оценки обстоятельств дела, налицо имеется судебное доказательство – сообщение определенного научного положения сведущим лицом.

Наряду с поддержкой взгляда о необходимости законодательного закрепления существующего на практике разграничения экспертов и сведущих лиц в литературе высказывается и отрицательное отношение к такому разграничению.

Против разграничения экспертов и сведущих лиц выступает Р.Д. Рахунов, который категорически отрицает не только возможность существования в уголовном процессе сведущего лица помимо эксперта, но и даже выполнение экспертом каких-либо консультативных функций[3]. Тем не менее он признает, что привлечение экспертов бывает

---

[1] Проф. М.А. Чельцов и Н.В. Чельцова далее в своей работе писали: «В действующих уголовно-процессуальных кодексах союзных республик нет правил об участии специалистов различных отраслей криминалистики в следственных осмотрах и экспериментах... назрела необходимость в четкой законодательной обрисовке их участия в следственных осмотрах и экспериментах» (М.А. Чельцов, Н.В. Чельцова. Проведение экспертизы в советском уголовном процессе. М., 1954, стр. 69–70).

[2] О. Пюсса. Заключение эксперта как судебное доказательство в советском уголовном процессе. Автореферат диссертации, 1954, стр. 9–10.

[3] Р.Д. Рахунов. Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе. М., 1950, стр. 143.

полезно в целом ряде случаев, не связанных с деятельностью эксперта по даче заключения на поставленные ему следователем вопросы.

По этому поводу Р.Д. Рахунов пишет: «Привлечение экспертов полезно при осмотре места краж со взломом, при обнаружении трупа и т.п. Эксперт-криминалист и медик могут помочь в фиксировании и сохранении следов, правильно определить положение трупа, высказаться по вопросу о том, не переносилось ли тело, указать, откуда и в каком направлении был произведен выстрел, где искать пулю и гильзу, обнаружить следы выстрела. Эксперт может предостеречь от повреждений существенных для дела предметов, посоветовать, как производить изъятие оружия и других предметов во избежание оставления на них собственных отпечатков и стирания тех отпечатков, которые на них имеются, и т.п.

Конечно, все это имеет значение лишь при том условии, если сам эксперт достаточно квалифицирован»[1].

Необходимо сделать вывод, что эксперт (а следовательно, и сведущее лицо) может выполнять и выполняет в ходе расследования и какие-то другие функции, не связанные прямо и непосредственно с разрешением поставленных перед ним вопросов, тем более в случаях, когда экспертиза еще не назначена или вообще по делу не назначается.

Однако Р.Д. Рахунов совершенно неожиданно делает противоположный вывод, буквально непосредственно за его цитированными нами высказываниями, что «все изложенное приводит к выводу о том, что эксперт не помощник следователя и не его консультант»[2]. Во второе издание книги «Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе» он включил даже специальный раздел «Участие экспертизы в осмотре». В этом разделе Р.Д. Рахунов делает вывод, что участие эксперта в осмотре не является экспертизой, так как эксперт в этом случае никакого исследования не производит и никакого заключения не дает[3].

Однако Р.Д. Рахунов утверждает, что, «поскольку речь идет об использовании знаний специалиста для лучшего проведения осмотра, эта деятельность является специфически экспертной деятельностью»[4].

Делая такой вывод, он вступает в противоречие даже со своими взглядами, высказанными в этой же книге. Определяя понятие терминов,

---

[1] Р.Д. Рахунов. Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе. М., 1950, стр. 145.

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 134. В связи с этим совершенно непонятно, почему, приходя к выводу, что участие эксперта в осмотре не является экспертизой, автор именует весь раздел как «участие *экспертизы* в осмотре» (курсив наш. – *А. Д.*), стр. 133.

[4] Там же.

Р.Д. Рахунов писал, что эксперт есть лицо, производящее экспертизу[1]. А если нет экспертизы, следовательно, не может и применяться термин «эксперт».

Против введения в уголовный процесс самостоятельной процессуальной фигуры сведущего лица выступал и М.М. Гродзинский. Он считал, что всякое участие специалиста в следственных действиях, будь то участие в осмотре, обыске, следственном эксперименте и т.д., есть экспертиза. В связи с этим М.М. Гродзинский приходил к закономерному с его точки зрения выводу. «Что касается „сведущего лица“, то в нем нет никакой надобности как в особой процессуальной фигуре и потому для него нет места в советском уголовном процессе»[2].

Отрицательно относится к самостоятельному признанию такой процессуальной фигуры и М.С. Строгович.

Однако отрицание сведущего лица как самостоятельной процессуальной фигуры обязательно приводит к допущению резких противоречий в высказываниях. На такую противоречивость суждений мы уже указывали, когда приводили пример о выступлении в суде полярника Ушакова. Подобные противоречия имеют место и во взглядах проф. М.С. Строговича. Считая правильно, что «недопустимо и совершенно исключается возможность „юридической экспертизы“[3], в то же время он делает оговорку, что «возможна юридическая экспертиза по вопросам иностранного права в случаях, когда суду при решении дела необходимо выяснить те или иные положения права иностранного государства»[4].

Для выяснения необходимых суду сведений из определенной отрасли иностранного права действительно может потребоваться специалист именно в этой отрасли права. Но это будет не эксперт, а сведущее лицо, которое не будет производить экспертизу по юридическому вопросу, что является совершенно недопустимым, а роль которого заключается только в сообщении суду определенных сведений, на основании которых уже сам суд вынесет решение.

Деятельность сведущего лица совершенно отлична от всех предусмотренных действующим УПК процессуальных фигур: эксперта, свидетеля и понятого.

Интересы социалистического правосудия требуют законодательного определения таких специалистов в самостоятельный процессуальный институт сведущих лиц. Создание самостоятельного процессуального

---

1 Р.Д. Рахунов. Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе, стр. 27. Критику приведенных воззрений Р.Д. Рахунова см. также в работе А.И. Винберга «Криминалистическая экспертиза в советском уголовном процессе», М., 1956, стр. 21–26.

2 М.М. Гродзинский. Сущность и формы экспертизы в советском уголовном процессе. Ученые записки Харьковского юридического института, 1955, вып. VI, стр. 65.

3 М.С. Строгович. Курс советского уголовного процесса. М., 1958, стр. 234.

4 Там же.

института сведущих лиц даст право следователям более широко привлекать специалистов к участию в следственных действиях.

В УПК должно быть предусмотрено право следователя привлекать в качестве сведущих лиц всех необходимых ему специалистов. В то же время необходимо предусмотреть ответственность за уклонение от исполнения обязанностей сведущего лица, а также ответственность за воспрепятствование этой деятельности со стороны администрации, где постоянно работает специалист.

Сведущее лицо – активный участник проведения следственных действий. В связи с этим сведущее лицо должно знать задачи проводимого следственного действия с тем, чтобы своими знаниями активно содействовать достижению намеченной цели. Именно этим сведущее лицо отличается от других специалистов, которые по требованию следователя выполняют определенные действия, связанные с его специальностью (слесарь открывает замок и т.д.).

Следовательно, среди прав сведущего лица должно быть предусмотрено его право на ознакомление с обстоятельствами дела в пределах, необходимых для участия в определенном следственном действии (допросе несовершеннолетнего, следственном эксперименте и т.д.).

Создание процессуального института сведущих лиц явится важным моментом в облегчении работы следователей, в улучшении качества расследования уголовных дел, а поэтому полностью соответствует интересам социалистического правосудия.

Содержание данного раздела далеко не исчерпывает всех проблем, связанных с разработкой новой процессуальной фигуры сведущего лица.

Одной из таких проблем является определение условий, при которых сведущее лицо может затем выполнять функции эксперта по этому же делу. Мы полагаем, что разграничение должно основываться на учете момента, когда сведущее лицо выполняет действия, входящие в компетенцию эксперта, что дает ему возможность быть экспертом по этому же делу. В тех же случаях, когда сведущее лицо выполняет действия, не входящие в компетенцию эксперта, оно не может являться экспертом по этому же делу[1].

Необходима дальнейшая детальная разработка всех проблем новой процессуальной фигуры сведущего лица и закрепления их в уголовно-процессуальных кодексах.

---

[1] Попытка регламентации прав и обязанностей сведущих лиц содержится в статье А.Н. Эртевциан «Процессуальное положение сведущего лица», Вопросы кодификации советского права, Л., 1958, вып. 11, стр. 103.

Пределы компетенции эксперта

Одной из существенных гарантий получения в распоряжение суда объективного заключения эксперта является четкое установление пределов его компетенции.

Правильное установление пределов компетенции эксперта при производстве экспертизы обеспечивает получение объективного заключения, точно излагающего действительно имевшие место факты и дающего объективную их оценку, а также дает возможность судебным органам оценивать заключение эксперта.

Превышение пределов компетенции экспертов: самостоятельное собирание ими доказательств, возложение на них функций следователя – приводит к невозможности оценки судом заключения эксперта, так как в материалах дела не будет для этого никаких данных или этих данных будет явно недостаточно.

Выход эксперта за пределы своей компетенции, определяемой исследованием фактов, относящихся к его специальным познаниям, исключительно вредно отражается на расследовании дела. Выходящий за пределы своей компетенции эксперт, или самостоятельно собирающий доказательства, или анализирующий доказательства, не относящиеся к сфере его специальных знаний, подменяет собой следственный или судебный орган, пытается определить исход рассмотрения дела, его решение.

Этим самым эксперт не помогает правосудию, а наносит ему большой вред, подменяя судебную оценку доказательств по делу своей оценкой, основанной не на всех доказательствах, а только на части их, в связи с чем его вывод в большинстве случаев отражает только подобие истины из-за малого количества познаваемых фактов.

Превышение пределов компетенции эксперта может привести к возрождению фигуры эксперта как научного судьи факта, что в корне противоречит основному принципу советского уголовного процесса свободной оценки доказательств судом.

Поэтому Верховный Суд СССР, советские ученые и практические работники ведут самую решительную борьбу со всеми попытками превышения пределов компетенции эксперта при производстве экспертизы в советском уголовном процессе.

Вопрос о пределах компетенции эксперта в уголовном процессе капиталистических стран для прислужников капитала, вершащих «правосудие», часто совершенно излишен. Эксперт там имеет такие

пределы компетенции, которые выгодны капиталистическим монополиям по тому или иному конкретному делу[1].

Если экспертиза проводится в интересах обвиняемых представителей рабочего класса и разоблачает грязные махинации капиталистов, компетенцию эксперта сводят до минимума, всячески запрещая ему делать и говорить то, что может повредить хозяевам лакеев в судейских мантиях. Такой эксперт не будет иметь возможности произвести нужные исследования, ознакомиться с нужными документами, не будет иметь возможности полностью сообщить суду о сделанных выводах, так как его оборвут на полуслове и заявят, что затронутые им вопросы превышают его компетенцию. Такие эксперты редко выступают в судах. Большей частью в суды вызываются эксперты, которые заведомо будут отстаивать интересы капиталистических монополий.

В таких случаях компетенция эксперта ничем не ограничивается, он может говорить о чем угодно и как угодно, лишь бы затем суд, основываясь на заключении «высокоавторитетного эксперта», мог вынести желаемый приговор.

Показательным в этом отношении является уголовное дело по обвинению бывшего гитлеровского полковника Ома. Последний обвинялся в том, что в апреле 1945 г. расстрелял 16 жителей гор. Панцбурга, выступивших за немедленную капитуляцию Германии.

Судьи западногерманского города Аугсбурга, где слушалось дело, с тем чтобы завершить разбор дела оправдательным или сверхмягким приговором, в качестве эксперта пригласили бывшего гитлеровского генерала Кессельринга. Этому «эксперту» был предоставлен в суде полный простор, и никто не интересовался, превышает «эксперт» свою компетенцию или нет, так как Кессельринг действовал в полном соответствии с интересами боннских правителей и возрождающегося вермахта.

В своей речи на суде Кессельринг сделал все, чтобы оправдать гитлеровского головореза. Он заявил: «В качестве военного начальника полковника Ома я выразил бы ему благодарность за его предусмотрительные действия». Распоясавшийся «эксперт» далее утверждал: «Я вообще не понимаю, почему через восемь лет после окончания войны делают столько шума из такого пустяка, как расстрел нескольких гражданских лиц». А далее, выдавая тайные страхи своих боннских и заокеанских

---

[1] Можно сослаться на американский учебник по криминалистике, предназначенный для учащихся и широкого круга практических работников. Charles E, O'Hara and James W Osterburg. An Introduction to criminalistics. The Macmillon compani New York. 1949. В этом учебнике нет ни одного слова о пределах компетенции эксперта. Из описания деятельности эксперта, данного в этой книге, можно уловить, что никакой разницы между деятельностью эксперта и полицейского чиновника авторы во многих случаях не видят, определяя ее в зависимости от «конкретных условий» (стр. 681–682).

хозяев, «эксперт» заявил: «Я должен предостеречь от ведения в дальнейшем подобных процессов, ибо иначе не найти солдат для новой армии»[1].

Если такая «компетенция» эксперта является нормальным явлением для уголовного процесса стран современного капитализма, то для нашей социалистической страны, где впервые в истории человечества целью уголовного процесса стало нахождение объективной истины, такие воззрения на компетенцию эксперта совершенно неприемлемы.

Эксперт в советском уголовном процессе – это высокообразованный специалист определенной отрасли науки или техники, призванный следствием или судом ответить на возникшие в ходе предварительного расследования или судебного рассмотрения дела вопросы, связанные с исследованием и анализом обстоятельств дела, относящихся к специальным познаниям эксперта, что и определяет пределы его компетенции.

В нашей литературе неоднократно подвергались критике различные высказывания о превышении границ компетенции экспертов и их практической деятельности. Однако и до настоящего времени еще продолжаются довольно энергичные попытки отстаивать взгляды, нарушающие действительную компетенцию экспертов при проведении экспертизы.

Казалось бы, ясно, что эксперт-специалист в определенной отрасли знаний призван разрешить вопрос, связанный именно с этими специальными познаниями. К сожалению, длительное время существует и активно отстаивается взгляд на право эксперта в своей деятельности разбирать и другие вопросы, не связанные с его специальными познаниями в определенной отрасли.

Такие воззрения не соответствуют сущности судебной экспертизы в советском уголовном процессе. Они в корне противоречат основному стремлению теории судебных доказательств – передавать в распоряжение суда проверенные, объективные факты.

Ряд процессуалистов, криминалистов и судебных медиков рассматривает эксперта как постоянного консультанта следователя по всему уголовному делу в целом. Сторонники этого взгляда рассматривают экспертизу не как совокупность определенных действий, направленных на решение какого-либо определенного вопроса или группы вопросов, требующих специальных познаний, а как процесс, сопутствующий всему ходу следствия, где эксперт играет роль постоянного консультанта следователя.

Так буквально и трактует этот вопрос Ю. Кубицкий. Он утверждает, что «участие экспертизы в следствии надо рассматривать... не как изолированный эпизод, а как органическую часть целого, а эксперта –

[1] «Литературная газета» от 26 января 1954 г.

не как случайного участника, а как активного помощника расследования, ставящего себе те же задачи, что и лица, производящие предварительное расследование»[1].

Аналогичных взглядов придерживается и М. Богатырев, который писал, что эксперт может консультировать следователя при составлении плана расследования по всему уголовному делу[2].

Авторы пособия «Криминалистическая экспертиза» Е. Зицер, Д. Мирский и Б. Шевченко экспертов-криминалистов считают консультантами следователя по вопросам тактики и частной методики следствия, то есть по вопросам расследования дела в целом[3].

Такие же высказывания имели место и в работах Якимова[4], Макаренко[5] и др.

Подобные взгляды подвергли совершенно правильной критике в своих работах М.А. Чельцов, Р.Д. Рахунов и др.[6]

Эксперт в любой области знаний действительно является консультантом следователя и суда по тем специальным вопросам, которые они не могут разрешить без его помощи в связи с отсутствием у них специальных познаний. Однако сфера деятельности эксперта лежит только в пределах этих специальных вопросов и регулируется постановлением следователя, определением суда. Это значит, что эксперт вступает в дело только тогда, когда это найдут необходимым следственные и судебные органы; что круг его деятельности определяется поставленными перед ним вопросами и что он прекращает свою деятельность по делу тогда, когда дает исчерпывающие ответы на эти поставленные вопросы.

Следовательно, эксперт не постоянный консультант следователя по всему делу в целом, а лицо, обладающее специальными познаниями и призываемое для разрешения совершенно конкретных вопросов по его специальности.

---

1 Ю. Кубицкий. Консультация. Должен ли эксперт расширять круг поставленных им вопросов. «Информационный бюллетень Всесоюзного института юридических наук», 1939, № 2, стр. 25.

2 М. Богатырев. К вопросу о расследовании дел об автомобильных происшествиях. «Криминалистика и научно-судебная экспертиза», Киев, 1949, стр. 114.

3 Е. Зицер, Д. Мирский, Б. Шевченко. Криминалистическая экспертиза, 1948, стр. 5.

4 Н.Н. Якимов. Криминалистика. М., 1925, стр. 318–322.

5 Н.П. Макаренко. Техника расследования преступлений. Харьков, 1925, стр. 17.

6 Р.Д. Рахунов по этому поводу писал: «...эксперт есть эксперт и не должен превращаться в постоянного помощника или консультанта следователя...» (Р.Д. Рахунов. Экспертиза на предварительном следствии. «Социалистическая законность», 1941, № 2, стр. 26).

Аналогичные высказывания имеются в его же работе «Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе», М., 1953, стр. 109–113.

М.А. Чельцов. Уголовный процесс. М., 1948, стр. 313; М.А. Чельцов, Н.В. Чельцова. Проведение экспертизы в советском уголовном процессе. М., 1954, стр. 49–61.

Поэтому надо признать совершенно недопустимыми все попытки наделения эксперта правом высказывать в своем заключении общее суждение по делу в целом. В литературе проскальзывала точка зрения, по которой эксперт, кроме «заключения», имеет право излагать еще и «мнение» по делу. К примеру, проф. А.И. Законов писал следующее: «...есть другая категория вопросов к эксперту, ответить на которые нельзя на основании *только одного акта* (его описательной части), а необходимо использовать для ответов также и другие данные, черпая их из материалов расследования, показаний свидетелей, из результатов лабораторных исследований и специальных экспериментов. Ответы на такие вопросы должны составлять содержание четвертой части акта, т.н. судебно-медицинского мнения. В то время как содержанием заключения является только фактическая сторона дела, во мнении может быть дано освещение фактов, уже установленных заключением, с точки зрения данного эксперта»[1]. Далее он приводит пример применения такого «мнения» на практике. Вскрытием было установлено, что смерть потерпевшего последовала от остановки дыхания, а в мнении эксперт пишет, что, ознакомившись с материалами дела, он приходит к выводу, что в данном случае имело место самоубийство[2].

Последняя часть акта – один из видов превышения своей компетенции со стороны судебно-медицинского эксперта, и поэтому такая схема акта экспертизы не может быть принята в практике работы советских экспертов.

В данном случае проф. А.И. Законов очень неудачно попытался перенести в советский уголовный процесс схему акта, предложенную Уставом судебной медицины царской России. Согласно Уставу, судебно-медицинское свидетельство должно состоять из четырех частей: а) введение, б) историческая часть, в) мнение и г) заключение (ст. 1750 Устава).

Описывалось в Уставе и содержание каждой части. Так, ст. 1753 гласила: «Потом (т.е. за исторической частью. – *А. Д.*) следует мнение, основанное на том, что действительно при вскрытии тела найдено, согласно правилам судебно-медицинским. Мнение сие должно быть подтверждаемо достаточными и ясными доказательствами, согласно правилам анатомии, патологии и химии, не менее того и здравым суждением и заключением, основанным, если можно, на несомненных опытах и наблюдениях классических по сему предмету авторов...» Таким образом, та часть, которая названа в Уставе «мнение», есть не что иное, как «заключение эксперта».

В этой же мысли нас убеждает и ознакомление с трудами дореволюционных процессуалистов и судебных медиков, которые именно так

---

[1] А.И. Законов. Составление судебномедицинских документов. Омск, 1948, стр.16.

[2] Там же.

и рассматривали содержание той части акта, которая носила название «мнения»[1].

Термин «мнение» перешел первоначально и в советскую судебную медицину. Так, например, в распоряжении Наркомздрава Украины от 27 марта 1925 г. указывалось, что акт судебно-медицинского вскрытия при составлении должен быть разделен на две части: протокол и мнение[2]. Но и здесь термин «мнение» в определенном качестве соответствовал твердо принятому ныне термину «заключение»[3].

Необходимо отвергнуть все попытки внедрения в экспертную практику подобных «нововведений», которые являются превышением компетенции эксперта, прямой подменой следователя и суда по оценке всех собранных по делу доказательств.

Попытки расширения функций эксперта имеют место не только среди некоторых специалистов по судебной медицине, но и среди судебно-бухгалтерских экспертов. Это выражается в стремлении присвоить эксперту-бухгалтеру право якобы в целях помощи следователю и прокурору сообщать свое мнение в целом по всему делу, а не только по тем вопросам, которые требуют специальных познаний.

Такой точки зрения, в частности, придерживается Л. Ленский, который пишет: «Рассматривая и оценивая показания свидетелей и объяснения обвиняемых в тех пределах, в которых следователь счел возможным ознакомить его с ними, *эксперт-бухгалтер должен высказать свое отношение к показаниям и объяснениям* (курсив наш. – *А. Д.*). И сделать это он должен в заключении или специально составленном документе. Такое документирование мнения эксперта, с одной стороны, должно будет привести к необходимости для следователя собрать или попытаться собрать дополнительные доказательства и, с другой стороны, поможет наблюдающему за следствием прокурору иметь более полное представление о следственном деле»[4].

Не трудно заметить, что Л. Ленский делает попытку внедрить в практику предоставление эксперту права оценивать все доказательства по делу. Ссылка на то, что эта работа якобы проводится для облегчения работы наблюдающего прокурора, не меняет дела, так как независимо от этого в данном случае имеет место грубое превышение пределов компетенции эксперта.

---

[1] Д-р Э. Фон-Гоффман. Учебник судебной медицины. СПб.,1901, стр. 25; Проф. Л.Е. Владимиров. Учение об уголовных доказательствах. СПб.,1910, стр. 168.

[2] Засл. проф. Н.С. Бокариус. Судебная медицина для медиков и юристов. 1930, стр. 59.

[3] При этом следует иметь в виду характеристику этих терминов, данную в первом разделе настоящей работы.

[4] Л. Ленский. Пределы использования бухгалтерской экспертизой показаний свидетелей и обвиняемых. «Социалистическая законность», 1949, № 10, стр. 21.

Такие попытки являются в корне противоречащими принципам нашего советского уголовного процесса и той роли, которая отводится эксперту в уголовном процессе.

К сожалению, такие воззрения некоторые эксперты применяют и при производстве экспертиз.[1]

Некоторые эксперты-бухгалтеры ставят себя в положение «советников следователя» и дают заключения по вопросам, которые перед ними не ставят и которые подлежат разрешению самим следователем.

Так, по уголовному делу по обвинению Лившица эксперт в своем заключении после ответа на вопрос, поставленный следователем, пишет далее: «Если Лившиц Д.Л. действительно в работе бригады непосредственного участия, как рабочий, наравне с другими членами бригады не принимал, а фактически выполнял функции, возложенные на начальника цеха, должность которого с июля м-ца была упразднена, – то в этом случае оплата ему за работу произведена незаконно».

Эксперты всегда должны строго придерживаться разрешения только специальных вопросов и не должны наряду с изложением своего заключения излагать еще и мнение, основанное на их личном анализе следственных материалов. Следователи должны пресекать все попытки экспертов излагать в акте экспертизы свое мнение по делу в целом, в каком бы виде оно ни преподносилось.

К сожалению, в нашей литературе имели место взгляды, не только рассматривающие эксперта как постоянного консультанта следователя, но и взгляды, по которым фигура эксперта является как бы полностью тождественной следователю и по задачам своей деятельности, и по методам и приемам, используемым для достижения этой цели.

Такие воззрения на эксперта, деятельность которого якобы та же, что и следователя, отстаиваются некоторыми авторами работ по судебной медицине.

Так, проф. А.М. Гамбург в одной из своих работ пишет: «Советский суд перед нами, судебно-медицинскими экспертами, ставит почетную, ответственную задачу: стоять на страже социалистической законности...»[2]

Охрана социалистической законности Конституцией СССР, как известно, возложена на органы советской прокуратуры, одним из методов работы которой и является расследование уголовных дел. По мнению же проф. А.М. Гамбург, перед судебно-медицинскими экспертами стоят такие же задачи, как и перед органами расследования, что может привести к невозможности разграничить функции эксперта и функции

---

[1] Примеры таких заключений экспертов-медиков приведены в книге М.А. Чельцова и Н.В. Чельцовой «Проведение экспертизы в советском уголовном процессе», М., 1954.

[2] А.М. Гамбург. Судебномедицинская экспертиза обвиняемого. Киев, 1948, Госмедиздат, стр. 10.

следователя. Очевидно, именно к этому и стремится проф. А.М. Гамбург, которая даже указывает, что «...обязанностью эксперта перед трудящимися является гарантирование их от неосновательного обвинения и в то же время ограждение общества от социально опасных элементов путем помощи следствию в деле выявления преступников»[1].

Из этой же работы мы можем узнать, что вопросы обнаружения преступника разрабатываются именно судебной медициной[2]. Аналогичные взгляды А.М. Гамбург проводит и в других своих работах[3].

Проф. А.М. Гамбург не одинока в отношении отстаивания подобного взгляда на деятельность эксперта. К сожалению, такие же высказывания встречаются в работах профессоров М.И. Райского, Ю.С. Сапожникова и др.

Так, проф. Ю.С. Сапожников в своей работе пишет: «Раскрытие наиболее сложных и запутанных преступлений (убийств, покушений на таковые, симуляции всевозможного рода и т.п.) зависит *в первую очередь* (курсив наш. – *А. Д.*) от знаний и опыта судебно-медицинского эксперта, от его способности разобраться в окружающей труп обстановке, во всевозможных следах, находимых на месте обнаружения трупа»[4].

Таким образом, по мнению проф. Ю.С. Сапожникова, при расследовании дел об убийствах обязанность разобраться в окружающей обстановке, во всевозможных следах на месте происшествия лежит в первую очередь не на следователе, а на судебно-медицинском эксперте.

И проф. Гамбург, и проф. Сапожников при изложении своих взглядов исходят из положения, высказанного проф. Райским, которое сводится к тому, что «...переход от медицинских данных к правовой трактовке всего происшествия, или, короче, переход от биологического к социальному, и есть то, что составляет сущность судебно-медицинской экспертизы»[5].

Еще в первые годы Советской власти со стороны части судебно-медицинских экспертов, пропагандировавших взгляд на судебно-медицинского эксперта как на научного судью факта, высказывались мнения о том, что эксперт имеет право наравне со следователем самостоятельно

---

1 А.М. Гамбург. Судебномедицинская экспертиза обвиняемого, стр. 18.

2 Там же, стр. 12.

3 А.М. Гамбург. Судебномедицинская экспертиза саморанений. Киев, 1946. Эта работа была подвергнута справедливой критике В. Никифоровым в статье «О пределах компетенции эксперта». (Сб. «Вопросы советской криминалистики». М., 1951, стр. 14–15).

4 Ю.С. Сапожников. Первичный осмотр трупа на месте происшествия. Киев, 1940, стр. 10.

5 А.М. Гамбург. Судебномедицинская экспертиза обвиняемого. Киев, 1948, стр. 180. В последнем издании учебника М.И. Райского «Судебная медицина», М., 1953, отсутствуют формулировки, подобные приведенной. В то же время из примеров на стр. 208 и других видно, что автор продолжает возлагать на судебно-медицинского эксперта обязанность по оценке всех обстоятельств дела в их совокупности.

производить осмотры, допросы свидетелей и т.д. Так, в официальном издании органов здравоохранения говорилось: «...медицинский эксперт приобретает ныне значение научного судьи и для осуществления этой своей обязанности пользуется правом не только изучать в подробностях дело, предлагаемое ему на заключение, но и вносить в него собственную инициативу, путем производства дополнительных исследований, осмотров, опроса свидетелей и т.д.»[1]

Не трудно заметить, что подобными взглядами пытались полностью перенести в советский уголовный процесс теорию проф. Л.Е. Владимирова, рассматривавшего эксперта как научного судью факта и требовавшего в связи с этим наделения его рядом прав, которые уравняли бы эксперта со следователем. Проф. Л.Е. Владимиров считал, что деятельность эксперта «...на предварительном следствии с логической точки зрения вполне аналогична деятельности следователя... Изыскания врача и следователя различаются не по степени самостоятельности, не по судебной цели, а только по сферам: первый изучает дело с научной стороны, второй – со стороны, подлежащей практическому юристу»[2].

В связи с этим проф. Л.Е. Владимиров считал, что следователь не может участвовать в целом ряде допросов, которые производит эксперт, и приходил даже к выводу о необходимости предоставления эксперту права допроса следователя по обстоятельствам дела[3].

Такой взгляд на деятельность эксперта и на его компетенцию совершенно неприемлем для советского уголовного процесса.

Следует отметить, что неправильные взгляды на деятельность судебно-медицинских экспертов находили некоторую поддержку в «Положении о производстве судебно-медицинской экспертизы» от 16 февраля 1934 г. В п. 1 этого «Положения» говорится: «Каждый судебно-медицинский эксперт должен: а) активно и повседневно участвовать во всех стадиях следственного и судебного процесса; б) помогать выявлению и предупреждению социально опасных действий».

Такая трактовка деятельности судебно-медицинского эксперта не соответствовала той роли, которую отводит эксперту советский уголовно-процессуальный закон.

13 декабря 1952 г. Министерством здравоохранения СССР была утверждена новая инструкция о производстве судебно-медицинской экспертизы в СССР[4].

В этой инструкции отсутствуют формулировки, из которых можно делать вывод о том, что судебно-медицинский эксперт является

---

1 Сборник по медицинской экспертизе. М., 1919, вып. 1, стр. 5.

2 Л.Е. Владимиров. Учение об уголовных доказательствах. СПб.,1910, стр. 243.

3 Там же.

4 Инструкция о производстве судебномедицинской экспертизы в СССР. М., 1952.

научным судьей факта и постоянным консультантом следователя в процессе расследования. Казалось бы, что с введением новой инструкции будут окончательно ликвидированы имеющие еще место среди судебно-медицинских экспертов случаи превышения установленной законом компетенции. Однако этого не случилось. Некоторые судебные медики ищут все новые пути для доказательства «своей особой роли в праве».

Отстаивание взгляда, что именно эксперт должен производить расследование всех обстоятельств, относящихся к разного рода телесным повреждениям, приводит его сторонников к отстаиванию права эксперта на самостоятельное собирание доказательств, то есть к еще большему нарушению компетенции эксперта на предварительном следствии.

Так, проф. Ю.С. Сапожников считает, что именно эксперт должен собирать все доказательства по делу, связанному с убийством или телесным повреждением. Он «...должен найти кровяные следы... должен отыскать... следы человека, суметь зафиксировать все найденное, раздобыть нужные свидетельские показания... Все это непосредственные обязанности судебно-медицинского эксперта»[1].

Как будет происходить отыскание таких следов и какая роль при этом отводится эксперту, мы можем убедиться на образцах судебно-медицинских актов, составленных проф. А.И. Законовым.

Автор этой работы в полном соответствии с взглядами проф. Райского, проф. Сапожникова и других считает, что эксперт имеет такое же право собирать свидетельские показания, как и следователь, ведущий расследование.

Еще более значительная роль отводится эксперту при производстве осмотра. Оказывается, если судить по мнению проф. А.И. Законова, все осмотры производятся судебно-медицинским экспертом, а роль следователя заключается в том, что он... присутствует при этих осмотрах[2].

Составление протокола осмотра места происшествия и обнаружения трупа также, судя по образцам, рекомендованным автором, производится экспертом в присутствии следователя[3].

Проф. М.И. Райский в своем учебнике 1953 г. издания в приложении приводит образец протокола первичного осмотра трупа на месте его нахождения, который содержит примерно такие же сведения, как и приведенный образец протокола проф. А.И. Законова.

---

[1] Ю.С. Сапожников. Первичный осмотр трупа на месте его обнаружения. Киев, 1940, стр. 10–11.

[2] А.И. Законов. Составление судебномедицинских документов. Омск, 1948, стр. 87. Ошибочные воззрения на роль эксперта при осмотре трупа отстаиваются и Г.П. Колмаковым в учебном пособии «Советская криминалистика», М., 1958, стр. 272–296.

[3] Там же, стр. 27.

Однако проф. Райский умалчивает о том, кто же должен производить осмотр места, где был обнаружен труп, и составлять об этом протокол[1].

Такое умолчание вредно, так как не ориентирует судебно-медицинских экспертов на то, что все следственные действия, в том числе и осмотр трупа и места его обнаружения, производятся следователем и только следователем и он же составляет протокол осмотра[2].

Роль эксперта в осмотре трупа на месте его обнаружения заключается в оказании помощи следователю в правильном описании объективно существующих данных, относящихся к области его специальных познаний: описании видимых повреждений, расположения трупных пятен, ссадин и т.д.

Отыскание, фиксация и изъятие всех доказательств на месте обнаружения трупа: следов ног, рук, крови, различных предметов – целиком лежит на следователе, и эти действия никоим образом в компетенцию эксперта входить не могут.

Следовательно, все высказывания, что эксперту на месте обнаружения трупа вменяется в обязанность собирание доказательств, являются ошибочными и не соответствующими действительной роли эксперта в советском уголовном процессе.

Проф. А.И. Законов в своей работе не ограничивается утверждением того, что осмотр производится экспертом. Он включает в его функцию производство следственных экспериментов, где вообще не требуются никакие специальные познания судебной медицины. Более того, по мнению А.И. Законова, эксперт еще должен давать свое «научное заключение» по этому следственному эксперименту, которое выглядит следующим образом:

«*Заключение:* на основании вышеизложенного полагаю, что из квартиры гр. Андронниковой, находящейся в доме № 00 по улице Никитина, через закрытые по-зимнему окна не представляется возможным видеть находящегося на противоположной стороне улицы дома № 00, прилегающей к нему части улицы и выходящей из нее калитки.

Из окон дома Андронниковой хорошо виден проезжающий по улице экипаж, однако если принять во внимание, что дело происходило

---

[1] М.И. Райский. Судебная медицина. М., 1953, Медгиз, стр. 454–455.

[2] Отстаивали право эксперта самостоятельно производить осмотры без участия следователя и некоторые процессуалисты. Такой точки зрения придерживался, например, Б.Д. Сперанский. Он писал, что некоторые «...рекомендуют максимальную активность следователя при производстве осмотра, участие его по возможности во всех видах последнего; но помимо того, что это иногда невозможно, позволительно думать, что вмешательство следователя в осмотр, производимый экспертом, в отдельных случаях будет излишним, а может быть, и прямо вредным. Особенно это нужно сказать о случае, где требуется максимум спокойствия и разносторонности в работе эксперта» (Б.Д. Сперанский. Экспертиза в уголовном процессе. Иркутск, 1925, стр. 251).

22 марта, около 6 час. утра, когда на улице еще недостаточно светло, то представляется сомнительным, чтобы свидетельница могла рассмотреть масть лошади и узнать в лицо человека, сидевшего в санях. Эксперт Петров»[1].

Из этой же книги узнаем, что опознание является не следственным действием, которое проводит следователь, а экспертным и что после произведенного экспертом опознания последний дает по нему заключение следователю, которое выглядит так: «На основании вышеизложенного полагаю, что в трупе неизвестного мужчины, доставленном в морг 7-го сего февраля и зарегистрированном в морге под № 67, следует считать опознанной личность гражданина Устинова Ф.П.»[2]

Все это примеры грубого нарушения экспертами своей компетенции.

По нашему мнению, следует считать грубым нарушением пределов компетенции эксперта и попытки некоторых экспертов-криминалистов самостоятельно отбирать образцы почерка от обвиняемых и свидетелей. Эти действия может совершать только следователь, так как только он уполномочен законом на собирание доказательств, чем будут являться в данном случае образцы почерка[3].

К чему может привести наделение эксперта правом самостоятельно отбирать образцы почерка при производстве экспертизы, наглядно можно убедиться на примере, приведенном доц. Рассейкиным в его статье «Применение криминалистических экспертиз в практике органов прокуратуры и суда Узбекской ССР», где эксперт при отборе образцов предлагал обвиняемому писать так, чтобы его почерк был схож с почерком исследуемых документов[4].

Поэтому наделение экспертов правами производить какие-либо действия по отысканию и изъятию доказательств, а также по оценке доказательств (если для оценки не являются необходимыми специальные познания) должны самым решительным образом пресекаться, так как это ведет к искажению экспертизы в советском уголовном процессе, ведет к подмене следователя экспертом.

Рассматривая вопрос о превышении пределов компетенций экспертов при сборе доказательственного материала, следует также обратить внимание и на имеющиеся факты чрезмерного увеличения приложений к акту экспертизы. Чрезмерное увеличение приложений особенно часто

---

1 А.И. Законов. Составление судебномедицинских документов. Омск, 1948, стр. 117.

2 Там же, стр. 41.

3 Сказанное ни в какой степени не означает, что при отборе следователем образцов почерка не может присутствовать эксперт. Присутствие его может быть очень полезно с точки зрения обеспечения полноты сравнительного материала для исследования.

4 «Социалистическая законность», 1952, № 6, стр. 72–73.

встречается в актах судебно-бухгалтерской экспертизы. В некоторых случаях приложения составляют несколько сотен листов, а иногда даже несколько томов. В качестве примера приведем уголовные дела по обвинению Колодницкого, Кацмана и других[1]. В этих делах приложения составляли в одном случае три тома, а в другом два. При внимательном рассмотрении приложений оказывается, что они могут служить наглядной иллюстрацией по превышению экспертами своей компетенции. В уголовном деле по обвинению Колодницкого и других в качестве приложения к акту экспертизы были приложены акты документальных ревизий со всеми приложениями первичных бухгалтерских документов, то есть документы следственного дела. Примером еще более грубого нарушения пределов компетенции экспертов может служить приложение к акту бухгалтерской экспертизы по делу Кацмана. Среди приложений находились разного рода справки, полученные экспертами *по своим запросам* из различных учреждений: справки главного бухгалтера, организаций, где работали обвиняемые, письмо с завода им. Сталина и т.д.

Анализ этих приложений показывает, что эксперты, производившие эти экспертизы, занимались совершенно несвойственными им функциями: собиранием по запросам, помимо следователя, различных справок и документов, чем грубо нарушали пределы своей компетенции, выполняя действия, которые могут быть произведены только следователем.

Имеющиеся работы по судебно-бухгалтерской экспертизе уклоняются от разрешения вопроса о содержании приложений к акту экспертизы[2]. Нам кажется, что приложения к акту судебно-бухгалтерской экспертизы могут состоять только из таблиц, расчетов, составленных самим экспертом, выписок из ведомственных руководящих документов, ссылки на которые имеются в акте эксперта. Приложения не могут состоять из документов бухгалтерского учета по исследуемым фактам,

---

[1] Уголовное дело по обвинению Колодницкого и Моисеева. Архив Ленгорсуда за 1951 г.

Уголовное дело № 45 по обвинению Кацмана, Ожеговой и др. Архив Ленгорпрокуратуры за 1950 г.

Подобные многотомные приложения к актам экспертиз встречаются даже по уголовным делам, законченным расследованием в Прокуратуре СССР. Так, по уголовному делу по обвинению Закалинского и других приложения к акту судебно-бухгалтерской экспертизы составляли 4 тома, а к судебно-технической экспертизе – 5 томов (Уголовное дело № 3/8 – 1950 г. следственного отдела Прокуратуры СССР).

[2] Так, в работе С.П. Фортинского «Судебнобухгалтерская экспертиза» о приложениях говорится только следующее: «Каждое приложение к заключению судебно-бухгалтерской экспертизы является его составной частью. Заключение экспертизы до подписания его экспертом-бухгалтером должно быть снабжено перечнем приложений, содержащим № приложения и его название», но ни слова не сказано о содержании этого раздела акта экспертизы (стр. 64).

ибо эти документы являются доказательствами по делу и должны находиться в следственном деле[1].

Превышением пределов компетенции эксперта является также стремление некоторых экспертов присвоить себе право решать юридические вопросы.

Взгляд на судебную медицину как на «медицину в праве» приводит последователей этого взгляда к выводу о том, что в уголовных делах, связанных с нанесением телесных повреждений, в функции эксперта входит также давать юридическую квалификацию действий обвиняемого.

Так, С. Гликман пишет: «Мы рекомендуем в соответствующих случаях давать заключения приблизительно в следующих выражениях: „Имеющаяся у гр-на Н. стойкая потеря зрения на один глаз сама по себе есть повреждение менее тяжкое и относится к ст. 143. Но данный случай должен быть подведен под ст. 142 ввиду наличия обезображивания лица“»[2].

Аналогичные высказывания имеются и у проф. А.И. Законова[3].

Вопросы юридической квалификации действий обвиняемого полностью относятся к компетенции следственных и судебных органов. Эксперт, берущий на себя разрешение этих вопросов, грубо нарушает свою компетенцию и выходит за пределы специальных познаний. Экспертов надо всячески предостерегать от подобного увлечения юридическими формулировками, так как это сильно снижает доказательственную силу заключения.

Сторонники взгляда на судебную медицину как на «медицину в праве» приходят к выводу, что только эксперт – судебный медик может ответить на вопросы о том, было ли в данном случае умышленное или неосторожное убийство, убийство или самоубийство и т.д. По этому поводу проф. Ю.С. Сапожников писал: «Основная или более важная роль врача-эксперта – выяснить по возможности не только род смерти (насильственная или ненасильственная смерть имела в данном случае место), но и определить вид насильственной смерти (убийство,

---

[1] В Инструкции Министерства финансов СССР от 19 мая 1952 г. № 835 совершенно правильно указывается, что в «Приложении» могут быть только таблицы, ведомости и другие документы, составленные и подписанные экспертом» (стр. 12).

[2] С. Гликман. Квалификация телесных повреждений. «Социалистическая законность», 1939, № 10– 1, стр. 29.

[3] В ранее цитируемой нами книге проф. А.И. Законова содержится утверждение следующего порядка: «Для того чтобы у следователя или судьи, читающего судебно-медицинское свидетельство, не оставалось сомнения, что оно составлено в соответствии с уголовным кодексом, полезно после оценки степени тяжести повреждения в скобках приводить ссылку на ту или иную статью Уголовного кодекса» (стр. 71).

самоубийство, несчастный случай)»[1]. Такого же взгляда он придерживался в 1948 г.[2]

Ю. Кубицкий также считал необходимым ставить на разрешение судебно-медицинского эксперта вопрос: «Явилась ли насильственная смерть результатом убийства, самоубийства или несчастного случая»[3].

К сожалению, такой же точки зрения придерживаются и некоторые следователи, которые поручают экспертам проведение действий, не входящих в их компетенцию, или ставят на их разрешение вопросы, на которые обязаны отвечать сами.

Как выглядят на практике «заключения экспертов» по юридическим вопросам, можно проиллюстрировать следующим примером из уголовного дела:

«**Вопрос.** Можно ли отнести ранение К. к умышленному убийству или к необходимой обороне?

Ответ. Ранение К. нельзя отнести к умышленному убийству, потому что при убийстве обычно также наносят удар в голову, грудь или живот, а не в бедро. Скорее всего жена К. в порыве раздражения в начавшейся с мужем драке схватила нож и погналась за К. с целью прогнать его или нанести ему рану и ударила сзади в бедро. Таким образом, ее действия подходят под ст. 138 УК РСФСР. Рана К. вызвала его смерть только потому, что нож перерезал крупный кровеносный сосуд и К. истек кровью, поскольку ему не была своевременно оказана медицинская помощь. Без этого обстоятельства ранение могло быть отнесено к разряду легких, подходящих под ст. 143 УК РСФСР»[4].

Приведенные вопрос следователя и ответ эксперта являются примером непонимания ими действительной роли последнего в нашем уголовном процессе, что привело к возложению на эксперта решения чисто юридических вопросов, являющихся компетенцией только следственных органов.

Опровергая мнение, что решение вопроса об убийстве или самоубийстве полностью принадлежит судебно-медицинскому эксперту, следует указать, что в подавляющем большинстве случаев решить этот вопрос

---

[1] Ю.С. Сапожников. Первичный осмотр трупа на месте его обнаружения. Киев, 1940, стр. 18.

[2] В своей статье «О правовом положении эксперта» (Юридический сборник Киевского университета 1949 г.) проф. Ю.С. Сапожников писал: «Врач-эксперт скорее всех и лучше сможет, в конечном итоге, определить, имело ли здесь место убийство, самоубийство или несчастный случай» (стр. 142).

[3] Ю. Кубицкий. Криминалистическая и судебномедицинская экспертиза. Ашхабад, 1942, стр. 93.

[4] Настольная книга следователя. М., 1949, стр. 424.

Большое количество подобных примеров содержится в книге М.А. Чельцова и Н.В. Чельцовой «Проведение экспертизы в советском уголовном процессе», М., 1954.

на основании одних только данных судебно-медицинского вскрытия нельзя[1].

Этот вопрос, вопрос чисто юридический, может быть решен только следственными органами на основании данных осмотра места происшествия, обнаруженных при осмотре следов, допросов свидетелей, а также данных судебно-медицинской экспертизы.

Очень часто вмешательство эксперта в решение юридических вопросов приводит к запутыванию дела, к противопоставлению неправильных выводов всем установленным материалам дела.

Примером незаконного вмешательства эксперта в функции следственных органов может служить уголовное дело, приведенное в статье В. Танасевича и в книге М.А. Чельцова и Н.В. Чельцовой[2]. По этому уголовному делу эксперт дал категорическое заключение, что имело место самоубийство, в то время как всеми материалами дела было установлено убийство. Такое вмешательство эксперта в решение юридического вопроса повело к большой затяжке сроков расследования дела, к необходимости вызова еще целого ряда экспертов.

В ряде случаев эксперт, беря на себя разрешение юридических вопросов, вообще неверно представляет действительное содержание того или иного юридического понятия. К примеру приведем процесс по обвинению Семенчука и Старцева, где А.Я. Вышинскому пришлось столкнуться с попыткой решать, притом неправильно, юридические вопросы судебно-медицинским экспертом Семеновским, что раскрывается в следующей выдержке из стенографического отчета:

«**Прокурор.** И, поставив перед собой несколько вариантов и подробно разобрав их, вы приходите к выводу, что имеется налицо убийство.

Эксперт. Умышленное.

Прокурор. Умышленное или неумышленное – сказать трудно, тут могла быть ссора.

Эксперт. Вы говорите как юрист, а я как врач, для меня все удары, нанесенные чужой рукой, – это есть умышленное убийство.

Прокурор. Вы говорите как врач, а я как юрист не могу согласиться с тем, что случайные удары, нанесенные другим, – это умышленное убийство»[3].

---

[1] Это положение несколько раз подчеркивается и проф. М.И. Райским в его последнем учебнике (М.И. Райский. Судебная медицина. М., 1953, стр. 208, 221 и др.), но тем не менее он считает, что окончательное решение вопроса о самоубийстве принадлежит эксперту (см. стр. 26).

[2] См. В. Танасевич. Где границы компетенции судебномедицинского эксперта. «Социалистическая законность», 1949, № 3, стр. 42.

М. А. Чельцов, Н. В. Чельцова. Проведение экспертизы в советском уголовном процессе. М., 1954, стр. 160– 66; 220– 25.

[3] Стенографический отчет по делу Семенчука и Старцева. М., 1936, Главсевморпуть, стр. 436–437.

Верховный Суд СССР решительно отвергает все попытки возложения на экспертов несвойственных им функций, все попытки с их стороны выйти за пределы своей компетенции. В определениях он неоднократно указывал на необходимость экспертам при даче заключения строго придерживаться своей компетенции и на недопустимость со стороны органов следствия ставить на их разрешение юридические вопросы, решение которых входит в компетенцию только следственных и судебных органов.

Так, в определении по делу Шульпина и Антипова сказано: «...следователь перед экспертизой поставил вопрос о виновности Шульпина и Антипова, хотя разрешение этого вопроса принадлежит суду»[1].

По делу Сычевой пленум Верховного Суда СССР указал, что, «...назначая экспертизу, органы следствия совершенно неправильно поставили перед экспертом вопрос о доказанности обвинения Сычевой в присвоении денег, так как разрешение этого вопроса не входит в компетенцию экспертизы»[2].

В его же постановлении по делу Колесникова также указывалось: «В акте экспертизы Литвинов, Рябко и Плавский, выходя за пределы компетенции экспертов, констатировали, что «прямым виновником в присвоении денежных средств в сумме 21 667 р. 34 к. считать бывшего кассира Болдырева. Пособником допущения хищения денежных средств считать главного бухгалтера Манько и старшего бухгалтера Колесникова»[3].

К сожалению, следует отметить, что и Верховный Суд СССР не во всех случаях пресекает попытки выхода некоторых экспертов за пределы своей компетенции.

В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 19 апреля 1950 г. по делу Ратникова читаем следующее: «...как видно из заключения той же судебно-медицинской экспертизы, совершенное убийство не носит характера умышленного преступления, так как оно совершено в домашней обстановке, в присутствии всех членов семьи, без наличия серьезных причин для убийства, и, наконец, совершено оружием, очень мало пригодным для заранее обдуманного убийства, перочинным ножом с двумя лезвиями, из которых одно очень короткое, а другое хотя несколько длиннее, но сильно шатается в ручке»[4].

Если все изложенные доводы содержались в акте судебно-медицинской экспертизы (а только так можно понять из текста определения), то это заключение являлось примером грубого нарушения экспертом своей компетенции, так как вместо решения сугубо медицинских вопросов, для чего он был призван, в данном случае имел место анализ с его стороны всех обстоятельств

---

1 Вопросы уголовного процесса в практике Верховного Суда СССР. М., 1948, стр. 210.

2 Судебная практика Верховного Суда СССР за 1950 г., № 5, стр. 4.

3 Судебная практика Верховного Суда СССР за 1952 г., № 2, стр. 2.

4 Судебная практика Верховного Суда СССР за 1950 г., № 7, стр. 28.

дела, что входило в компетенцию только следственных и судебных органов. Те обстоятельства, что убийство было произведено совершенно неприспособленным орудием и в присутствии всех членов семьи, без наличия серьезных причин для этого и т.д., действительно давали возможность следствию сделать вывод об отсутствии прямого умысла на убийство, но именно *следствию*, а не эксперту, который нарушил пределы своей компетенции.

Верховный Суд СССР в данном случае не только оставил без внимания факт нарушения экспертом своей компетенции, но даже основывал на этом акте свои выводы.

Подавляющее большинство советских экспертов (в том числе и судебно-медицинских экспертов) правильно понимает свою роль в уголовном процессе, правильно помогает своими специальными познаниями органам следствия и суда в осуществлении правосудия.

Хорошо определил задачи судебно-медицинского эксперта в уголовном процессе (что полностью относится и к экспертам всех других специальностей) проф. М.И. Авдеев. Он писал: «Врачу необходимо знать, что органы военной юстиции привлекают его в процессе расследования только потому, что он врач, т.е. человек, обладающий специальными знаниями, которыми не обладают следователь, прокурор, судья. Расследование ведет следователь, обвинять будет прокурор, решать вопрос о виновности будет суд. Экспертиза должна быть обоснованной, строго научной и объективной, иначе она не нужна суду. Эти элементарные истины, к сожалению, не всегда известны не только врачам, но и юристам»[1].

Советские процессуалисты твердо и последовательно отстаивают правильное понимание компетенции эксперта при производстве экспертизы. Они решительно восстают против попыток дать право эксперту параллельно со следователем расследовать дело, решать юридические вопросы, быть «советником» следователя по расследованию дела в целом и т.д.

Такие положения содержатся в работах проф. М.С. Строговича[2], проф. М.А. Чельцова[3], проф. А.И. Винберга[4], В.М. Никифорова[5], Р.Д. Рахунова[6] и др. В них подвергнуты основной критике взгляды проф. М.И. Райского, А.М. Гамбург, Ю.С. Сапожникова, В.Ф. Червакова и др.

---

1 М.И. Авдеев. Пособие по судебной медицине. М., 1943, стр. 87–88.

2 М.С. Строгович. Курс советского уголовного процесса. М., 1958, стр. 239.

3 М.А. Чельцов. Советский уголовный процесс. М., 1951, стр. 260; Настольная книга следователя, стр. 422–428; Неправильное понимание задач судебномедицинского эксперта. «Социалистическая законность», 1952, № 2.

М.А. Чельцов, Н.В. Чельцова. Проведение экспертизы в советском уголовном процессе. М., 1954, стр. 34–80.

4 А.И. Винберг. Криминалистическая экспертиза в советском уголовном процессе. М., 1956.

5 В.М. Никифоров. О пределах компетенции эксперта. «Вопросы советской криминалистики», 1951, стр. 14–25; Экспертиза в советском уголовном процессе, 1947, стр. 110.

6 Р.Д. Рахунов. Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе. М., 1950, II изд., 1953.

Казалось бы, что столь решительное и единодушное выступление советских процессуалистов против всех форм нарушения экспертами своей компетенции положит конец «дискуссиям» по этому вопросу. Однако такая дискуссия вновь развернулась, и поводом для нее послужило инструктивное письмо Главного судебно-медицинского эксперта СССР № 306 от 29 февраля 1956 г.

В письме указывалось: «В процессе проведения экспертизы судебно-медицинский эксперт имеет право представить свое *мотивированное заключение* о роде насильственной смерти (убийство, самоубийство, несчастный случай) лишь тогда, когда этот вывод вытекает из специальных познаний судебно-медицинского эксперта (теоретической подготовки и практического экспертного опыта) и результатов судебно-медицинского исследования трупа».

Таким образом, это письмо как бы легализировало право судебно-медицинских экспертов оперировать в своих заключениях чисто юридическими понятиями: убийство, самоубийство, несчастный случай, и основывалось оно на письмах Прокуратуры СССР и Верховного Суда СССР, которые также приводились в тексте письма за № 306.

Так, в письме Верховного Суда СССР сообщалось: «...в тех случаях, когда решение вопроса о роде насильственной смерти (убийство, самоубийство, несчастный случай) связано с научным анализом данных исследования трупа, эксперт может представить свое мотивированное заключение о роде насильственной смерти».

В письме Прокуратуры СССР на запрос Главного судебно-медицинского эксперта говорилось: «Ответ на вопрос о роде насильственной смерти – это право судебно-медицинского эксперта, но не его обязанность, и ни следователь, ни суд не вправе настаивать на получении ответа судмедэксперта по этому вопросу»[1].

Указанное письмо, подкрепленное столь авторитетными ссылками на мнение Верховного Суда СССР и Прокуратуры СССР, с рекомендацией всем судебно-медицинским экспертам СССР, привело к стремлению некоторой части судебно-медицинских экспертов высказывать свое мнение по вопросам, выходящим за пределы их специальных познаний. Одно

---

[1] Такое разъяснение вызывает недоумение по многим причинам. Мало того, что эксперту разрешается давать заключение по вопросам юридической квалификации, что явно не входит и не должно входить в его компетенцию, еще и констатируется, что это является его (эксперта) правом, а не обязанностью и что нельзя требовать от эксперта подобного заключения. Если решение вопроса об убийстве действительно может быть основано только на специальных знаниях эксперта, тогда он обязан давать такие заключения, так как именно для этого он и призывается. Если же это выходит за пределы его специальных знаний, то дача подобных заключений недопустима, и тем более нельзя это возводить в какое-то особое «право» эксперта, которое может привести только к одному – к подмене действительной роли эксперта в процессе.

из таких «заключений» судебно-медицинского эксперта, данное уже после «разъяснительного письма», приводит Г. Карнович[1]. В этом «заключении» эксперт не только обосновывает свой вывод об изнасиловании (понятии чисто юридическом) на показаниях свидетелей и потерпевшей, но даже дает «заключение» по установлению лица, совершившего изнасилование. Он писал: «Изнасилование М. произвел гр. Л., что подтверждается: а) показаниями потерпевшей М., б) показаниями гр-ки, работавшей на огороде, которая опознала машину, на которой ехал Л.».

Что общего имеют подобные рассуждения, ненужные ни следователю, ни суду, с действительной ролью эксперта-специалиста, призванного помочь суду разобраться с точки зрения своей науки в определенных обстоятельствах дела? Такие «заключения» вызваны письмом Главного судебно-медицинского эксперта, в котором выдвигается право последнего давать заключения по вопросам юридической квалификации: убийства, самоубийства, изнасилования и т.д.

После рассылки указанного письма многие юристы, ученые, практические работники, судебные медики выступили на страницах журналов с резким осуждением положений, содержащихся в этом письме[2].

Во всех статьях высказывалось единодушное требование изменить те положения письма, по которым судебно-медицинскому эксперту предоставляется право высказываться по вопросам юридической квалификации. Во всех выступлениях приводились примеры из практики, когда деятельность эксперта, основывающаяся на письме № 306, приводила к грубому нарушению компетенции последнего и к запутыванию обстоятельств дела.

И медикам, и юристам известно, что понятие «убийство» складывается не только из обнаружения трупа с повреждением, нанесенным посторонней рукой (вот против таких формулировок, когда они являются результатом исследования экспертом фактов, относящихся к его специальным познаниям, никто не возражает), а из отношения нанесшего эти повреждения к данному факту. В определенных случаях это может быть необходимая оборона, несчастный случай и т.д. Разве в подобной ситуации хватит только знаний судебного медика для решения этих вопросов? Конечно, нет. Таким образом, давая заключение об убийстве, судебно-медицинский эксперт или будет вводить в заблуждение суд (так как здесь могла иметь место необходимая оборона, а убийства, в юридическом понимании, не будет), или будет делать вывод не только на основании своих

---

[1] Г. Карнович. Судебная оценка заключения эксперта. «Советская юстиция», 1957, № 2, стр. 65–66.

[2] Со статьями, в частности, выступили: Г. Карнович («Советская юстиция», 1957, № 2); Н. Гуковская, В. Свешников («Социалистическая законность», 1957. № 7); М. Авдеев («Советская юстиция», 1957, № 6); М.А. Чельцов («Советское государство и право», 1958, № 6) и др.

специальных познаний (так как этих знаний для полного решения подобного вопроса действительно мало), а на основании оценки всех обстоятельств дела. В подобных случаях он будет пытаться подменить собою суд, будет нарушать свою компетенцию, что часто происходит на практике[1].

Эксперт, в том числе и судебный медик, может оказать огромную помощь следствию и суду при разрешении любого возникающего у них вопроса: мог ли данные раны нанести сам себе потерпевший, мог ли обвиняемый, как он объясняет, нанести указанные ранения другому лицу случайно, падая с топором в руках, и т.д. Во всех этих случаях эксперты будут решать вопросы, на которые они могут ответить в силу имеющихся у них специальных познаний, прибегая для ответов к исследованию тех обстоятельств дела, которые нуждаются для уяснения их действительной сущности в применении к ним специальных познаний.

Заканчивая рассмотрение вопроса о пределах компетенции эксперта, нельзя не остановиться на сборнике «Труды судебномедицинских экспертов Украины», изданном в 1958 г. в Киеве под редакцией профессоров Ю.С. Сапожникова и А.М. Гамбург. Этот сборник следует рассматривать как «решительный бой» со стороны судебно-медицинских экспертов, отстаивающих свое «особое положение в праве», юристам и тем судебным медикам, которые не придерживаются точки зрения «своего особого положения».

В сборник вошли статьи, посвященные рассмотрению вопросов о компетенции судебно-медицинского эксперта, о его праве давать заключения о роде смерти. Все авторы отстаивают ранее высказанные взгляды об особой роли судебно-медицинского эксперта в уголовном процессе. Теперь их позиция стала увереннее, тон статей более резкий и категорический. Авторы чувствуют поддержку своих взглядов в письме № 306, которое проф. А.М. Гамбург называет «блестящим подтверждением правильности взглядов М.И. Райского»[2].

М.И. Райский много сделал для развития отечественной судебной медицины. На его трудах обучались и будут обучаться многие поколения судебных медиков. Имя М.И. Райского пользуется заслуженным уважением и признательностью судебных медиков и юристов. Но с его воззрениями по вопросу о компетенции судебно-медицинского эксперта согласиться никак нельзя.

В указанном сборнике помещена статья самого проф. М.И. Райского. Обосновывая свой вывод о праве судебно-медицинского эксперта давать заключение о роде смерти, он указывает, что это

---

[1] Убедительный пример сказанному приводится в статье М.И. Авдеева «О праве судебномедицинского эксперта определять род насильственной смерти», «Советская юстиция», 1957, № 6, стр. 21–25.

[2] Проф. А.М. Гамбург. О научных трудах заслуженного деятеля науки проф. М.И. Райского. Труды судебномедицинских экспертов Украины, Киев, 1958, стр. 38.

возможно в силу того, что заключение эксперта является не обязательным для следствия и суда (М.И. Райский везде ссылается на соответствующие статьи УПК). Этот тезис он повторяет несколько раз в своей статье и даже формулирует, что «...основное положение УПК об экспертизе – ее необязательность»[1].

Нет, цель экспертизы и *основное* в экспертизе – это то, что правосудие призывает на помощь науку с тем, чтобы вернее, правильнее и полнее разобраться в обстоятельствах конкретного дела в тех случаях, когда какая-либо ее отрасль может помочь в этом следствию или суду. Другое дело, что суд имеет право контроля и оценки заключения специалистов. По М.И. Райскому, получается иначе. Раз заключение эксперта не обязательно для суда, то пиши, что хочешь, а следствие и суд сами решат, что им важно, а что не важно, что ценно, а что не представляет ценности. То, что, по мнению проф. М.И. Райского, так все и выглядит, подтверждает его высказывание: «...свою юридическую силу и значимость заключение эксперта получает, когда его апробируют и принимают суд и следователь»[2]. Опять неверно! Нельзя подменять объективную оценку субъективной.

Сила и ценность заключения эксперта состоит в объективном отражении и оценке обстоятельств дела на основе своих специальных познаний. Подменяя это субъективной апробацией следствия и суда, проф. М.И. Райский оправдывает и санкционирует передачу следствию и суду именно «мнений» экспертов по делу в целом, а не их заключений, строго основанных на объективных данных науки и объективно отражающих обстоятельства дела. А ведь именно только таким заключением эксперт поможет следствию и суду.

Вот в чем, оказывается, идейные корни пресловутого права эксперта высказывать свое мнение по юридическим вопросам.

С вопросом о пределах компетенции эксперта при производстве экспертизы тесно связан вопрос о степени возможности со стороны эксперта использовать для дачи заключения другие доказательства, имеющиеся в уголовном деле.

Всеми ли доказательствами уголовного дела, всеми ли их видами может пользоваться эксперт, обосновывая свое заключение? Правильное разрешение этого вопроса имеет исключительно важное значение для следственной и судебной практики. Поэтому вполне понятно, что этот вопрос неоднократно ставился многими процессуалистами, работающими над проблемами экспертизы в советском уголовном процессе. Одно время на страницах журнала «Социалистическая законность» была даже

---

[1] М.И. Райский. К дискуссии о компетенции судебномедицинского эксперта. Труды судебномедицинских экспертов Украины, Киев, 1958, стр. 41.

[2] Там же.

проведена дискуссия по вопросу о пределах использования бухгалтерской экспертизой показаний свидетелей и обвиняемых.

Эксперты чаще всего подвергают исследованию в процессе производства экспертизы вещественные доказательства и письменные документы, приобщенные к уголовному делу, и только на этом исследовании основывают свое заключение.

Однако требование закона о даче заключения, строго согласного с обстоятельствами дела, приводит к необходимости со стороны эксперта не только понять сущность дела путем ознакомления с показаниями свидетелей и обвиняемых, но и использовать эти показания в исследовательской работе.

Это относится к показаниям свидетелей, содержащим факты, необходимые эксперту для правильного ответа на вопросы, поставленные на его разрешение.

Так, для эксперта, производящего графическую экспертизу, большое значение имеет показание свидетелей, где говорится, в каких условиях был составлен исследуемый документ; для эксперта-психиатра – показание свидетелей о поведении испытуемого и т.д. Такие показания должны быть использованы экспертом в акте экспертизы, так как они существенно влияют на возможность правильного и исчерпывающего ответа на поставленный перед экспертом вопрос.

Говоря, например, о том, что обвиняемый отчитался в выданном авансе ведомостью, по которой никто в действительности денег не получал, эксперт свой вывод обосновывает на показаниях лиц, значащихся в платежной ведомости. Другое дело, что он не оценивает правдоподобность этих показаний и должен изменить (на предварительном следствии или в судебном заседании) свое заключение при внесении изменений в показания свидетелей. Если он вообще не будет принимать их во внимание, то такая работа эксперта во многих случаях будет совершенно не нужной для следствия[1].

---

[1] Л. Мариупольский и С. Фортинский по этому поводу писали: «Если впоследствии выяснится, что объект исследования экспертизы не соответствует тому значению, которое ему придавалось экспертизой, то и выводы ее окажутся ничтожными. Может оказаться, что гильза, присланная на исследование, не имела никакого отношения к расследуемому преступлению, что документ, подвергавшийся графической экспертизе, выполнен не тем лицом, кто первоначально был заподозрен в его выполнении. Естественно, что эксперт может отвечать лишь за обоснованность и добросовестность произведенного им исследования, а не за природу доказательств, на которых построено его исследование, и если в суде выяснится, что Григорьев и Исаев полностью получили деньги, это обстоятельство не может опорочить примененного экспертом способа и лишь вызовет необходимость внесения исправлений в ранее произведенные расчеты» (Л. Мариупольский и С. Фортинский. Пределы использования бухгалтерской экспертизой показаний обвиняемых и свидетелей. «Социалистическая законность», 1949, № 4, стр. 21).

Эксперт может и должен основывать свое заключение на показаниях свидетелей по фактам, для исследования которых он призван следователем. В противном случае он нарушит требование закона, которое обязывает его давать заключение строго согласное с обстоятельствами дела.

В то же время эксперт не может основывать свое заключение на одних только показаниях свидетелей. Совершенно правы Л. Мариупольский и С. Фортинский, которые по этому поводу пишут: «Недопустимо для эксперта-бухгалтера давать заключения только на основании одних показаний. Доказательственное значение такого заключения будет ничтожным, ибо оно не будет основано на объективных данных, полученных в результате применения экспертом специальных знаний в области учета и отчетности. В равной степени недопустимо для эксперта использовать в подтверждение своих выводов такие показания, которые не имеют непосредственного отношения к происхождению, качеству и достоверности исследуемых документов»[1].

Таким образом, основным критерием возможности со стороны эксперта использовать те или иные доказательства в своем заключении является *относимость* этих доказательств к обстоятельствам, требующим для своего разрешения специальных познаний эксперта.

Верховный Суд СССР решительно отвергает все попытки экспертов основывать свои заключения на фактах, не относящихся к специальным познаниям эксперта. Так, в определении по делу Шаульского приводится следующий текст «Заключения эксперта»: «Материалами первоначальных экспертиз установлено, что первые экземпляры платежей от 25 августа и 18 сентября 1945 г. выполнены Шаульским. Вторые экземпляры платежей, включая копии расчетов с поддельными обозначениями сумм, по всей вероятности, выполнены Шаульским. Предположительное заключение с наибольшей степенью вероятности было дано ввиду невозможности окончательно исключить имитацию почерка Шаульского со стороны другого подделывателя. На основании исследований всех обстоятельств дела установлено, что возможность использования подделывателем расчетов платежей, выполненных Шаульским, исключается, так как Шаульский выполнял расчеты платежей в единичных случаях и каждый из выполненных расчетов, составляя необходимый элемент делопроизводства и отчетности, не мог быть беспрепятственно изъят. Из обстоятельств дела совершено ясно также, что одна и та же операция не могла быть произведена разными лицами (отчетность перед Госбанком, городским и финансовым отделами и кассой).

---

[1] Л. Мариупольский и С. Фортинский. Пределы использования бухгалтерской экспертизой показаний обвиняемых и свидетелей. «Социалистическая законность», 1949, № 4, стр. 23.

К этому же приводит отсутствие признаков имитации почерка в третьих экземплярах выполнения расчетов каким-либо лицом, кроме Шаульского.

На основании изложенного считаю возможным прийти к категорическому заключению о том, что поддельные расчеты платежей выполнены Шаульским».

Анализируя этот документ, который наименован «Заключением криминалистической экспертизы по материалам дела Шаульского», Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР совершенно правильно указала, что это письменное заключение не является графической экспертизой, так как эксперт основывал свои выводы не на данных науки, специалистом которой он является, а, положив в основу своего заключения результаты «исследования всех обстоятельств дела» и давая оценку всем собранным по делу доказательствам, создал свою обвинительную версию. Таким образом, эксперт вышел за пределы своей компетенции и присвоил себе функции следователя и суда. Судебная коллегия совершенно правильно отменила приговор, основанный на подобной «экспертизе»[1].

В тех случаях, когда у эксперта нет достаточных данных для обоснования того или иного вывода в своем заключении, он должен об этом сообщить следователю, но не пытаться давать заключение, основанное на анализе обстоятельств дела, не относящихся к его компетенции.

По этому поводу проф. А.И. Винберг писал: «Если произведенное советским экспертом-криминалистом исследование не дает ему достаточного основания для построения достоверного или вероятного заключения, эксперт не должен строить свои выводы на впечатлении от ознакомления с делом, ибо это противоречит принципам советской криминалистической экспертизы, духу советского социалистического правосудия»[2].

В некоторых уголовных делах эксперт может столкнуться с показаниями свидетелей, которые по одному и тому же факту, важному в его работе, будут давать различные показания. Таким образом, по делу будет несколько версий. Как в таком случае должен поступить эксперт? Некоторые в подобных случаях присваивают себе функции следствия и суда и начинают оценивать показания, отбрасывая одни версии и принимая в заключении какую-либо другую. Такие попытки со стороны экспертов строго пресекаются Верховным Судом СССР.

Так, в определении железнодорожной коллегии Верховного Суда СССР от 22.XI-50 г. по делу Безжикова-Новикова и Мезинцева, которым

---

[1] Судебная практика Верховного Суда СССР за 1950 г., № 4, стр. 24–29.

[2] А.И. Винберг. Основные принципы советской криминалистической экспертизы. М., 1949, стр. 53.

приговор был отменен ввиду необоснованности заключения экспертизы, присвоившей себе функции следствия и суда, говорится: «...Заключение экспертизы носит характер ничем не подтвержденных рассуждений и не содержит технических обоснований причин происшедшего обвала. В частности, в заключении экспертизы указывается, что показания свидетелей Каменкова и Горбуновой об обрыве грунта вместе с двумя-тремя деревьями не подтверждаются показаниями других свидетелей и поэтому показания Каменкова и Горбуновой являются спорными. Эксперты также заявили, что свидетели будто бы в суде удостоверили отсутствие сигналов со стороны рабочих об опасности обвала.

Таким образом, экспертиза вместо дачи технического заключения о причинах обвала занялась вопросами оценки показаний свидетелей, что не входило в ее обязанности, а входит в компетенцию органов следствия и суда...»[1]

В подобных случаях эксперт не может и не должен отбрасывать одни показания и отдавать предпочтение другим. При наличии в деле нескольких версий по одному и тому же факту или событию он должен дать заключение применительно к каждой версии отдельно с тем, чтобы следствие и суд, оценивая, сопоставляя и анализируя все обстоятельства дела, могли бы остановиться на какой-либо определенной версии.

Например, по делу, где имелось несколько показаний о времени выхода поезда, потерпевшего крушение, со станции, перед экспертом была поставлена задача: определить скорость поезда в момент крушения. Эксперт поступил совершенно правильно. Не останавливаясь на какой-либо одной версии о времени выхода поезда со станции (что является компетенцией следствия и суда), он дал ответ, расчленив его применительно ко всем имеющимся в деле версиям.

Заключение эксперта выглядело следующим образом: «Скорость поезда в момент крушения была:

а) Около 25–26 км в час, если крушение произошло спустя 18,5–19 мин. с момента отправления поезда со станции Кузино.

б) Около 29–30 км в час, если крушение произошло спустя 17,8–18 минут с момента отправления со станции Кузино.

в) Около 35 км в час, если крушение произошло спустя 16 минут со времени отправления с той же станции».

Е.А. Долицкий, приводя этот пример в своей работе, отмечает, что «...такой расчлененный ответ экспертов в некоторых случаях имеет для решения вопроса... большее значение, чем ответ, основанный на одной какой-либо версии...»[2].

---

[1] Судебная практика Верховного Суда СССР за 1951 г., № 2, стр. 24–25.

[2] Е.А. Долицкий. Технические экспертизы по делам о крушениях и авариях на железнодорожном транспорте. М., 1951, стр. 23–24.

В компетенцию эксперта может входить и определенная оценка показаний свидетелей и обвиняемых. Не соглашаясь с доводами, выдвигаемыми обвиняемым, он дает им соответствующую оценку, основанную на анализе и сопоставлении определенных фактов с доводами обвиняемого. Объективные факты, установленные экспертом, могут опровергать не только объяснения обвиняемых, но и показания тех или иных свидетелей, когда сообщаемые ими факты противоречат другим фактам, твердо установленным экспертом. Так, например, свидетель утверждает, что он видел убитого за два часа до смерти, а эксперт по ряду объективных признаков, установленных при наружном осмотре трупа, дает заключение, что смерть последовала не ранее десяти часов назад.

Причину несоответствия показаний свидетеля объективным фактам будет выяснять следователь, а сам факт этого несоответствия будет установлен экспертом.

По целому ряду уголовных дел экспертиза назначается именно для оценки тех или иных показаний (чаще всего обвиняемого). Так, в одном случае обвиняемый утверждал, что убийство было совершено им случайно во время совместной охоты. С целью проверки правдоподобности выдвинутой обвиняемым версии по делу производилась экспертиза. Эксперты на основании тщательного изучения всех обстоятельств происшествия пришли к выводу о неправдоподобности выдвинутой обвиняемым версии[1].

Следователь и суд должны строго следить за тем, чтобы эксперты в работе не выходили за пределы своей компетенции, за пределы решения вопросов, относящихся к их специальным познаниям. Надо помнить, что всякое превышение компетенции экспертом колеблет доказательственную силу экспертизы, вызывает сомнение в объективности и беспристрастности эксперта, а отсюда и возникает сомнение в правильности решения дела.

Четкое соблюдение компетенции эксперта, наряду с другими процессуальными гарантиями, является надежной основой получения объективного научно обоснованного заключения эксперта.

---

[1] Дело приводится Р.Д. Рахуновым в работе «Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе», М., 1950, стр. 124–126.

Пути ликвидации нарушений компетенции экспертов

Выявленные различные тенденции к нарушению компетенции эксперта могут быть ликвидированы только в том случае, если будут ликвидированы все причины, порождающие стремление со стороны экспертов к нарушению пределов своей компетенции. Многие эти причины зависят от следственных и судебных органов, допускающих ряд ошибок при ведении следствия, и в частности при организации работы экспертов.

Первой и наиболее частой причиной является допущение существенных нарушений при расследовании или рассмотрении уголовного дела, которые влекут за собой неправильное проведение судебной экспертизы и выход экспертов за пределы своей компетенции. Такое стремление к нарушению компетенции у экспертов появляется в тех случаях, когда необходимые для заключения экспертов материалы не собраны или собраны явно недоброкачественно.

Когда эксперт не исследует сам непосредственно объекты, когда воспринимает их из вторых, а то и из третьих рук, он неминуемо не получает в свое распоряжение достаточного количества фактов, необходимых для дачи заключения. Этот недостаток фактов эксперт стремится восполнить общим рассуждением, разбором и анализом всех собранных следователем доказательств, совершенно не используя при этом свои специальные познания (выходя этим самым за пределы своей компетенции).

Изучение судебной практики Верховного Суда СССР подтверждает, что многие случаи недоброкачественно проведенной экспертизы в результате превышения экспертом пределов своей компетенции в основе своей имеют только указанную причину. Убедительным примером этому является уголовное дело, возбужденное в связи с происшедшим пожаром на строительной площадке одного промышленного объекта[1].

23 июля 1951 г. на одном из строительных объектов возник пожар, в результате которого в связи с отсутствием надлежащих противопожарных средств сгорела часть постройки. Уголовное дело было возбуждено на следующий день, и следователь сразу же приступил к допросу очевидцев пожара и должностных лиц строительной организации. Ни в начале расследования, ни впоследствии следователь не производил осмотра места происшествия. Все свое внимание он сосредоточил на допросе свидетелей, пытаясь через них установить причину возникшего пожара. Показания свидетелей были во многом противоречивы. Одни

[1] Архив Леноблсуда. Уголовное дело № 2-95 за 1952 г.

выдвигали версию о пожаре от спички или папиросы, а другие – от замыкания электрокабеля. Этот электрокабель, вокруг которого шло все последующее расследование, не только не был изъят следователем, но даже не был осмотрен. Только 3 октября 1951 г., через 70 дней после пожара (!), следователь вынес постановление о назначении по делу судебно-технической экспертизы. В процессе ее производства эксперту не была предоставлена возможность ознакомиться с местом происшествия и с электрокабельным хозяйством. Правда, и он сам никакого ходатайства о необходимости ознакомиться с местом происшествия не заявлял.

Таким образом, экспертиза была произведена только на «основании ознакомления с материалами дела». Это заключение, данное в виде ответов на поставленные следствием вопросы, без приведения каких-либо исследований и анализа, что вызвано отсутствием необходимых материалов у эксперта, достойно того, чтобы привести его целиком.

«**Вопрос.** Какие имели место нарушения электротехнических и пожарных правил в силовой и осветительной электросети в будке моторной группы 26-го транспортера и в 26-м и 27-м транспортерах при эксплуатации?

Ответ. При эксплуатации силовой и осветительной электросети района основных работ строительства имели место нарушения правил технической эксплуатации электроустановок промышленных предприятий (Госэнергоиздат, 1950), относящихся к организации эксплуатации сети.

Вопрос. Кто конкретно виновен в имевших место нарушениях электротехнических и пожарных правил?

Ответ. В имевших место нарушениях правил технической эксплуатации виновны: 1. Главный энергетик Парфёнов П.А. 2. Начальник эксплуатации района основных работ Назаров Р.Н.

Вопрос. Имели ли эти нарушения причинную связь с пожаром, имевшим место 23 июля 1951 г.?

Ответ. Да, имели.

Вопрос. Причина пожара?

Ответ. На основании показаний очевидцев Гриневича, Коротких, Котельникова и Рогозина, свидетельствующих, что в начальной стадии пожара горели провода и часть деревянной стены выше проводов, а также учитывая имевшие место нарушения при эксплуатации электротехнических сетей района, причиной возникновения пожара следует считать неисправное состояние электротехнической проводки».

Приведенное заключение эксперта является вопиющим нарушением всех принципов производства экспертизы на предварительном следствии, нарушением экспертом своей компетенции. Он никаких исследований не производил и давал «заключение» только на основании

показаний свидетелей, что с таким же успехом мог сделать любой неспециалист.

Это «заключение» не принесло никакой пользы в процессе предварительного расследования, так как не содержало в себе анализа и исследования объективных фактов с точки зрения специалиста. При рассмотрении дела в суде эксперт вынужден был изменить те категорические ответы, которые он давал на предварительном следствии, и на вопросы суда и сторон дал ответ, что «причина образования очага пожара в будке 26-го транспортера является неустановленной».

После такого «заключения» эксперта суд вынужден был направить дело на доследование для установления действительных причин пожара. При доследовании дела назначили техническую экспертизу в новом составе, но причин пожара она установить не смогла в связи с невозможностью восстановить имевшуюся в момент пожара обстановку и обследовать состояние электросети, которая к этому времени была уже демонтирована в связи с окончанием строительных работ.

Без установления действительной причины возникновения пожара дело было вновь направлено в суд для привлечения должностных лиц строительства к уголовной ответственности за необеспечение строительного объекта противопожарными средствами. Приговор по делу был вынесен 28 сентября 1952 г., то есть через 430 дней после пожара!

Так неправильно производившаяся экспертиза (без предварительного осмотра места происшествия, без осмотра и исследования вещественных доказательств, с неправильно поставленными вопросами экспертизе, с нарушением права обвиняемых, с некритическим отношением следователя к заключению эксперта) привела к длительной волоките по делу и к невозможности установить имевшие место в действительности события и факты. Данное дело является наглядным примером правильности вывода о том, что объективность экспертизы по многим делам, а отсюда и полнота расследования зависят от правильной и своевременной организации экспертизы и других существенных действий, осмотра места происшествия и вещественных доказательств.

Поверхностный, торопливо проведенный осмотр, результаты которого не полностью или с искажением воспроизводят имевшуюся на месте происшествия обстановку, также не дает возможности получить объективное заключение от эксперта, так как в обоснование заключения будут положены искаженные факты или целый ряд фактов будет вообще отсутствовать.

Правильность проведения экспертизы, полнота использования экспертом материалов и соблюдение при этом пределов своей компетенции во многом зависят от своевременности производства необходимых следственных действий и привлечения к участию в этих следственных

действиях эксперта для личного восприятия им фактов, на которых будет основываться его заключение.

В первую очередь это касается следственных осмотров, где могут быть выявлены факты, имеющие значение для производимой экспертизы. Во всех этих случаях следователь должен приглашать эксперта к участию в осмотре места происшествия, документов и вещественных доказательств.

Участие эксперта при производстве осмотра следователем имеет две положительные стороны:

1. Позволяет ему лично, непосредственно воспринять обстановку места происшествия и все обстоятельства, которые необходимы ему для дачи заключения, что значительно повышает возможности получения объективного заключения от эксперта.

2. Участие эксперта в осмотре помогает следователю быстрее ориентироваться в новой для него области знаний, обнаруживать и фиксировать необходимые для расследования дела обстоятельства.

Привлечение эксперта к участию в осмотре может иметь место как по его просьбе, так и по инициативе самого следователя в тех случаях, когда последний считает, что присутствие эксперта при следственном осмотре обогатит последнего знанием фактов и будет способствовать их выявлению.

В последнем случае роль эксперта заключается в том, что он обращает внимание следователя и остальных присутствующих при осмотре на такие детали, которые, возможно, остались бы незамеченными или неправильно понятыми без его пояснения. Но после сделанного им указания и пояснения эти детали (факты) могут быть восприняты и зафиксированы всеми участниками осмотра, не являющимися специалистами.

Участие эксперта в следственном осмотре не должно означать и не означает, что основным лицом, производящим осмотр, становится не следователь, а привлеченный им эксперт. В этих случаях при производстве осмотра следователь обязан полностью сохранять инициативу, оформляя все действия протоколом осмотра (с участием эксперта). Во многих случаях бывает необходимо предусмотреть участие эксперта в следственном эксперименте или организовать его по просьбе эксперта.

Следственный эксперимент очень часто является одним из оснований выводов эксперта. Поэтому участие эксперта в проведении следственного эксперимента дает ему возможность не только из протокола, а непосредственно, лично воспринять весь ход следственного эксперимента и его результаты.

В качестве примера необходимости участия эксперта в производстве следственного эксперимента можно сослаться на уголовное дело, в процессе расследования которого у следователя возникли сомнения

о возможности одним из обвиняемых сделать сложный проект (как утверждал последний), который по обстоятельствам дела был выкраден в одном из научно-исследовательских учреждений и выдан обвиняемым за свой. Для проверки возможности обвиняемым выполнять проектную работу был произведен с участием эксперта следственный эксперимент, во время которого С. было предложено «вычертить эскиз шестигранной гайки и эпюры изгибающих элементов балки, закрепленной одним концом и свободно лежавшей на двух опорах». Следственный эксперимент наглядно показал, что обвиняемый не располагает самыми элементарными техническими знаниями. Результаты следственного эксперимента были учтены экспертами в их заключении. После произведенного следственного эксперимента обвиняемый, убедившись в полной несостоятельности своей версии, дал правдивые показания[1].

Следователи должны как можно шире привлекать экспертов к участию в следственном эксперименте, так как это позволяет более качественно его провести и в то же время предоставляет экспертам возможность непосредственно воспринять весь ход следственного эксперимента, результаты которого будут использоваться ими при даче заключения.

Наконец, эксперты должны привлекаться следователями и для участия в допросе. УПК РСФСР прямо не предусматривает право эксперта на предварительном следствии присутствовать и участвовать при производстве допросов свидетелей и обвиняемых. В то же время в стадии судебного разбирательства предусмотрено право эксперта оставаться в зале заседания во всем ходе судебного следствия и участвовать в допросах обвиняемых и свидетелей (ст. 275 УПК РСФСР).

Вполне понятно, что на предварительном следствии необходимость со стороны эксперта лично заслушать объяснение обвиняемого, показание свидетеля по факту, важному для заключения эксперта, нисколько не меньше, чем на судебном следствии.

На необходимость предоставления экспертам на предварительном следствии права присутствовать и принимать участие в допросах свидетелей и обвиняемых указывали многие советские процессуалисты[2].

Наша следственная практика твердо встала на путь расширения в данном случае прав экспертов на предварительном следствии, давая

---

[1] Уголовное дело Ленгорпрокуратуры за 1948 г. № 3231/6. Пример, показывающий необходимость участия эксперта в производстве следственного эксперимента, приводится также Р.Д. Рахуновым в его работе «Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе», М., 1950, стр. 124–126, и в ряде других работ.

[2] Например: М.С. Строгович. Курс советского уголовного процесса. М., 1958; Р.Д. Рахунов. Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе. М., 1953; М.А. Чельцов, Н.В. Чельцова. Проведение экспертизы в советском уголовном процессе. М., 1954. и др.

им возможность присутствовать и принимать участие в допросах свидетелей и обвиняемых.

Отсутствие возможности лично воспринять показания свидетелей или обвиняемых в некоторых случаях приводит эксперта к затруднению дать окончательное заключение на предварительном следствии и вынуждает его делать оговорку, что окончательное заключение может быть дано только в суде после допросов обвиняемых и свидетелей. Особенно это относится к судебно-психиатрической экспертизе, где в целом ряде случаев эксперт получает возможность прийти к определенным выводам только в результате непосредственного восприятия показаний свидетелей и обвиняемых.

Допрос свидетелей и обвиняемых производится обязательно следователем. Свои вопросы эксперт может задавать свидетелям и обвиняемым только через следователя и с его разрешения. Результаты допроса фиксируются в следственном протоколе, в котором отмечается и участие эксперта. В этом случае протокол допроса, кроме допрашиваемого и следователя, подписывается также экспертом.

В случаях присутствия эксперта при допросе следователь заранее должен выяснить у него те вопросы, на которые последний хочет получить ответы у допрашиваемого. Также заранее решается вопрос о подборе документов для предъявления допрашиваемому в ходе допроса и о последовательности этого предъявления. Последнее обстоятельство особенно важно при проведении судебно-бухгалтерских и судебно-технических экспертиз.

Право принимать участие в осмотрах, экспериментах и допросах значительно облегчает эксперту непосредственное восприятие всех тех фактов, которые должны быть им исследованы для дачи заключения; расширяет знание обстоятельств дела, необходимых для дачи заключения, а это, в свою очередь, ликвидирует тенденцию к нарушению экспертом пределов своей компетенции путем самостоятельного сбора необходимого материала.

Весь недостающий эксперту материал должен быть собран самим следователем (в необходимых случаях с участием эксперта). Совершенно недопустимо поручать работу по сбору недостающих материалов самим экспертам, а тем более прямо наделять их таким правом.

Так, по одному делу следователь указал в постановлении, что «эксперт имеет право знакомиться с документами сельпо и изымать эти документы»[1].

---

[1] Данный пример приведен в статье Н. Серкова «Серьезнее подходить к назначению судебнобухгалтерской экспертизы», «Социалистическая законность», 1952, № 12, стр. 55.

Наделение эксперта такими или подобными дополнительными «правами» является нарушением его компетенции, переложением на него функций следователя.

Своевременное выполнение следственных действий, обеспечение в необходимых случаях участия в них эксперта способствуют ликвидации случаев нарушения им своей компетенции. Для того чтобы знать, в каком материале появилась необходимость у эксперта в процессе его исследовательской работы, следователь должен повседневно быть в курсе производимой экспертом работы.

Функции следователя при проведении экспертизы по делу не должны ограничиваться вынесением постановления о назначении экспертизы и выполнением требований закона о правах обвиняемого при ее проведении.

Серьезную ошибку допускают те следователи, которые считают, что их обязанность ограничивается лишь назначением экспертизы и оценкой заключения эксперта, которые не поддерживают постоянного делового контакта с экспертом.

В практике расследования нередки случаи, когда следователь, передав вопросы и имеющиеся материалы эксперту-бухгалтеру, не следил затем за работой эксперта. В условиях бесконтрольной работы создается почва для перерастания экспертизы в самостоятельное параллельное расследование, почва для нарушения экспертом своей компетенции. Разумеется, было бы совершенно неправильным ограничивать инициативу эксперта или требовать от следователя прямого «руководства» экспертизой. Следователь должен предоставлять эксперту полную возможность самостоятельно вести изучение всех имеющихся материалов, оказывать ему помощь путем истребования необходимых дополнительных материалов, получать объяснения обвиняемого или свидетеля, оформляя составлением протоколов все заявленные обвиняемым ходатайства, сделанные им замечания и т.д.

Когда следователь повседневно находится в курсе работы эксперта, его исследований, когда он знает возникающие вопросы, – он может помочь эксперту проведением необходимых следственных действий.

Повседневное знание работы экспертов дает возможность следователю вовремя предупредить все их попытки выйти за пределы своей компетенции, вовремя помочь правильно направить свою работу.

Другой причиной, также часто приводящей в последующем к нарушениям компетенции эксперта и отсюда к получению необъективных заключений, является незнание специалистами, призываемыми в качестве судебных экспертов, своих прав и обязанностей.

Неосведомленность эксперта о своих правах и обязанностях, неправильное представление о них, о способах собирания и закрепления

доказательств, о пределах компетенции эксперта по уголовному делу пагубно отражаются на полноте, на доказательственной силе данного им заключения, а в конечном итоге на качестве расследования уголовных дел, по которым эти специалисты привлечены в качестве экспертов. Допускаемые экспертами из-за неосведомленности (или неправильной осведомленности) ошибки подчас вынуждают следователей назначать повторные экспертизы, длительно затягивать сроки следствия, ставят перед судом вопрос о необходимости обращения дела к доследованию и т.п.

Иногда же неправильно проведенная экспертиза приводит вообще к невозможности восстановления ценных по делу доказательств.

Почти по каждому уголовному делу, по которым Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда СССР приговоры были отменены из-за недоброкачественно проведенной экспертизы, мы видим, что это недоброкачественное заключение эксперта вызвано часто его неосведомленностью о своих правах и обязанностях, о пределах своей компетенции.

В качестве примера можно сослаться на определение Воднотранспортной коллегии от 11 октября 1950 г., которым был отменен приговор по делу Попова и других из-за нарушения экспертами своей компетенции.

В определении по этому делу излагается следующее: «…По содержанию своего заключения экспертиза вышла далеко за пределы своих функций и прав, присвоив себе функции следственных органов. Например, техническая экспертиза в своем заключении записала: „На основании вышеизложенных рассуждений экспертиза приходит к выводу, что железо, потребное на эти изделия, нелегально приобретено Садовым у сотрудников порта путем махинаций... Таким образом, факт расхищения государственных средств путем махинаций со стройматериалами экспертиза считает доказанным...“»

Равным образом и заключение бухгалтерской экспертизы свидетельствует, что экспертиза превысила свои полномочия и ее заключение может быть названо «обвинительным актом».

Так, бухгалтерская экспертиза в своем заключении записала: «Попов, пользуясь своим служебным положением... в целях личной наживы организовал группу расхитителей, ставившую своей целью присвоение значительных сумм государственных средств, втянул в это дело представителя подрядчика артели инженера Садова... Не ограничиваясь совершенными незаконно преступными операциями своей организации (порта), сферу своего влияния перенес также и на завод, в результате чего удалось втянуть в преступную операцию и работников завода...»

В результате ознакомления с заключениями технической и бухгалтерской экспертиз по этому делу, выдержки из которых были приведены

выше, Судебная коллегия пришла к совершенно правильному выводу, «...*что эксперты не знали своих прав и обязанностей* (курсив наш. – *А. Д.*) и вместо заключения экспертизы представили, по существу, формулировки обвинения, на что уполномочены только следственные органы»[1].

Аналогичным примером юридической безграмотности эксперта может служить текст заключения экспертизы по одному конкретному делу, где записано следующее:

«Ходом судебного заседания подтверждается, что главной причиной несчастного случая было решение руководства завода „Борец“ без разрешения проектной организации построить камеру не на проектном месте с нарушением технологического процесса. Техникой безопасности руководил инженер Ж., который с порученной ему работой не справлялся. Необходимо предложить Министерству предупредить руководство завода о необходимости проверить вновь работу камеры и сделать выводы.

Учитывая, что Ж. уже понес наказание в административном порядке, целесообразно ограничиться минимальным наказанием. Учитывая, что нач-к цеха инж. Ж. является хорошим работником, пользующимся авторитетом среди рабочих, и растущим специалистом, целесообразно его от судимости освободить. Крановщик В. на кране случайно работал, целесообразно ограничиться в отношении его условной мерой наказания»[2].

Приведенные примеры убедительно говорят о том, что юридическая неосведомленность эксперта о своих правах и обязанностях даже при наличии у него обширных знаний по специальности является исключительно серьезным препятствием к получению объективного заключения от эксперта.

Само развитие судебной медицины, судебной психиатрии, судебной химии указывает нам, что эти науки выделились в самостоятельные именно в силу того, что в их основу легла та специфическая особенность, которая отличает их от общей медицины, психиатрии и химии. Этой специфической особенностью являются особые условия использования данных этих наук на службе правосудия, в частности особый процессуальный порядок всей деятельности специалистов этих наук по исследованию доказательств.

Таким образом, в числе прочих условий процессуальный порядок деятельности явился той особенностью, которая привела в конечном итоге к выделению этих наук в самостоятельные. На основе этих особенностей, диктуемых процессуальными нормами, становится совершенно

---

[1] Судебная практика Верховного Суда СССР за 1951 г., № 1, стр. 27–28.

[2] Цитируется по книге Р.Д. Рахунова «Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе», М., 1953, стр. 22.

необходимым требование к лицам, привлекаемым в качестве экспертов, быть настолько юридически грамотными, чтобы иметь возможность делать выводы (давать заключение) в специфических условиях, каковым является процессуальный порядок производства экспертизы.

Задача следователя в выборе специалиста, имеющего необходимые для выполнения роли эксперта юридические знания, облегчается в тех случаях, когда первый назначает экспертизу через экспертные учреждения: лаборатории и научно-исследовательские институты судебной экспертизы, бюро государственных бухгалтерских экспертиз, бюро судебно-медицинских экспертиз и т.д.

Экспертные учреждения, подчиняя свою работу основной задаче – обслуживанию следственных и судебных органов, уделяют большое внимание систематическому улучшению качества экспертиз, а в связи с этим систематически повышают юридическую подготовку экспертных кадров в пределах, по крайней мере необходимых для знания ими своих прав и обязанностей.

Большая работа в этом отношении проводится в криминалистических экспертных учреждениях, в бюро бухгалтерских экспертиз. Большую роль в повышении специальных и юридических знаний экспертов играет Всесоюзное общество судебных медиков и криминалистов, в отделениях которого систематически читаются лекции, доклады и проводится обмен опытом экспертной работы.

Только повсеместная организация экспертных учреждений, специализирующихся на производстве судебных экспертиз, может способствовать систематическому росту экспертных кадров, дальнейшему развитию отраслей наук, связанных с судебными экспертизами, путем накопления, изучения и обобщения опыта работы экспертов и разработки новых методов и приемов исследования.

Создание специализированных экспертных учреждений значительно помогло оформлению в самостоятельные науки криминалистики, судебной медицины, судебной психиатрии и т.д. Сейчас в связи с организацией специальных лабораторий судебных экспертиз создаются все условия для дальнейшего совершенствования отраслей судебной экспертизы.

В случае наличия специальных экспертных учреждений следователь при выборе эксперта прежде всего должен обращаться именно в эти учреждения. Такое указание содержится в УПК УССР, где в примечании II к ст. 64 говорится: «В случае необходимости исследования вещественных доказательств таковые направляются в один из институтов научно-судебной экспертизы Народного комиссариата юстиции УССР; если же необходимо судебно-медицинское исследование вещественных доказательств, таковые направляются в судебно-медицинские лаборатории Народного комиссариата здравоохранения УССР».

Внесение такой статьи в УПК, с нашей точки зрения, вполне целесообразно. Это будет способствовать наиболее качественному проведению экспертиз[1].

Необходимость знания своих прав, обязанностей и пределов компетенции у специалистов, привлекаемых к производству экспертиз по уголовным делам, вплотную приводит нас к проблеме подготовки кадров экспертов различных специальностей.

Государственная система их подготовки имеется только в медицинских высших учебных заведениях (подготовка судебных медиков, судебных психиатров). Эксперты-криминалисты, как правило, подготавливаются из лиц, получивших высшее юридическое образование, путем дальнейшей учебы на специальных курсах и прохождения стажировки в крупнейших экспертных криминалистических учреждениях СССР.

Ознакомление специализирующихся в области судебной медицины или судебной психиатрии с правами и обязанностями эксперта при производстве экспертизы на предварительном следствии, с пределами компетенции эксперта производится специалистами судебной медицины (соответственно судебной психиатрии) путем краткого обзора при чтении основного курса.

Вряд ли надо приводить много доводов для того, чтобы прийти к выводу, что такое ознакомление с юридическими науками путем чтения лекций специалистами по медицине, а не высококвалифицированными юристами в лучшем случае будет неполным. К тому же следует отметить, что специалисты судебной медицины зачастую допускают ошибки при изложении юридических вопросов. К таким работам судебных медиков следует отнести труды профессоров Райского, Гамбург, Сапожникова и др.

В некоторых же работах специалистов по судебной медицине почти совсем не упоминаются процессуальные вопросы экспертизы, что также приводит к неполноценности этих книг в качестве пособий для специализирующихся в области судебной экспертизы[2].

С нашей точки зрения, необходимо ввести преподавание основ уголовного права и процесса в медицинских институтах для лиц, специализирующихся по судебной медицине, что значительно улучшит качество их подготовки и ликвидирует, наконец, тенденцию к превышению компетенции эксперта, что еще имеет место среди некоторой части судебных медиков.

---

[1] Действующие УПК стран народной демократии и проекты УПК союзных республик содержат подобные положения.

[2] См. А.В. Степанов. Судебная химия. Медгиз, 1951; М.А. Бронникова. Судебномедицинское исследование вещественных доказательств. Медгиз, 1947 и др.

Если специалистов судебной медицины, психиатрии, химии все же специально готовят высшие учебные заведения, то в отношении специалистов других отраслей науки дело обстоит значительно хуже. Технические высшие учебные заведения не готовят специалистов для работы в области судебной экспертизы, тогда как необходимость привлечения их в качестве экспертов при расследовании уголовных дел возникает все чаще и чаще. Поэтому необходимо организовать их подготовку, используя существующие инженерно-технические общества, путем создания в последних секций судебных экспертов.

В тех случаях, когда суд или следователь, назначая экспертизу, поручают ее производство специалисту, не являющемуся сотрудником учреждения судебной экспертизы, они обязаны разъяснить ему те процессуальные нормы, которые регламентируют права и обязанности эксперта, пределы его компетенции. Это предупредит те ошибки, которые может совершить лицо, привлеченное в качестве эксперта, не будучи осведомлено об этих процессуальных нормах.

На предварительном следствии об ознакомлении эксперта с процессуальными нормами должен быть составлен соответствующий протокол, в котором перечисляются все процессуальные нормы, имеющие отношение к регламентации деятельности экспертов. Протокол подписывается следователем и экспертом. Таким документом (протоколом) может быть тот же протокол о назначении экспертизы, где следователь фиксирует все сведения о лице, привлеченном в качестве эксперта.

При вызове эксперта в судебное заседание о разъяснении ему прав и обязанностей делается отметка в протоколе судебного заседания.

Наш закон предусматривает обязанность следователя и суда объявить вызванному свидетелю о его ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний. Точно такие же требования по закону выполняются в отношении эксперта, хотя функция последнего значительно сложнее.

Целесообразно прямо в законе указать об обязанности суда и следователя знакомить эксперта с соответствующими процессуальными нормами. Разъяснение эксперту процессуальных прав и обязанностей будет способствовать значительному снижению случаев нарушения с его стороны установленного законом порядка собирания доказательств, их исследования, компетенции эксперта, будет способствовать увеличению доказательственной силы заключения эксперта.

В этой связи заслуживает внимания предложение проф. А.И. Винберга[1] о введении звания государственного судебного эксперта,

[1] Проф. А.И. Винберг. Проведение криминалистической экспертизы в странах народной демократии. Материалы научной конференции, посвященной проблемам криминалистической экспертизы. М., 1958, стр. 27.

присуждаемого специальной аттестационной комиссией при Министерстве юстиции с участием представителей других заинтересованных ведомств: прокуратуры, МВД, КГБ и других.

Для получения звания государственного судебного эксперта, конечно, необходимо будет сдавать определенный экзамен на четкое знание прав и обязанностей эксперта на предварительном следствии и при рассмотрении уголовных и гражданских дел в судах, на четкое знание пределов компетенции эксперта по исследованию доказательств, имеющихся в деле.

Введение звания государственного судебного эксперта улучшит качество работы судебных экспертов всех специальностей, прекратит привлечение к выполнению этой ответственной государственной работы лиц с недостаточной квалификацией, не знающих своих прав и обязанностей, не знающих пределов своей как экспертов компетенции.

Следующей мерой, серьезно влияющей на ликвидацию фактов превышения экспертами своей компетенции, является соблюдение правильной постановки вопросов перед экспертом. Совершенно недопустимо ставить перед экспертом при назначении экспертизы общие, неопределенные задания, так как именно это превращает его в параллельного следователя и ведет к нарушению компетенции эксперта.

Некоторые авторы работ по криминалистике, судебной медицине считают возможным производство экспертиз без сколько-нибудь определенного задания со стороны следователя. Так, например, М. Вольф утверждает: «В случае же, если вопросы вообще в постановлении следователем не сформулированы, эксперт, судя по материалам дела, формулирует их сам»[1]. Аналогичные высказывания встречаются и в работе проф. Законова, который по этому поводу пишет: «...иногда следователь предпочитает не ставить никаких конкретных вопросов, а предлагает эксперту высказаться по существу дела в целом... если из анализов материала дела ему (судебно-медицинскому эксперту. – *А. Д.*) ясна задача, то он может принять к исполнению поручение следователя, выраженное и в такой форме. В этом случае вопросы, которые вытекают из существа дела, эксперт формулирует сам»[2].

Некоторые следователи иногда и стремятся пойти именно по этому пути, так как это позволяет им не думать над вопросами в надежде на то, что эксперт сам сформулирует их и, по существу, проведет за него расследование дела.

Совершенно неправильно формулировать вопрос так, как он, например, был сформулирован перед экспертом-бухгалтером по уголовному

---

[1] М. Вольф. Подготовка материала, направляемого на графическую экспертизу. «Социалистическая законность», 1949, № 6, стр. 46.

[2] А.И. Законов. Составление судебномедицинских документов. Омск, 1948, стр. 122.

делу по обвинению Дмитриева[1]. По этому делу следователь поставил на разрешение эксперта следующий вопрос: «По материалам документальной ревизии и с учетом имеющихся в деле объяснений установить, какие допущены нарушения в домохозяйстве № 41 и кто является ответственным за эти нарушения».

Такая постановка вопроса по существу перекладывает на эксперта все обязанности по установлению конкретных фактов злоупотреблений, что является прямой компетенцией следователя. Сформулированные таким образом вопросы неминуемо приводят к нарушению экспертом пределов своей компетенции в подмене следователя, так как эксперт сам вынужден определять конкретные вопросы после ознакомления со всем делом.

К сожалению, в практике еще встречаются случаи, когда следователи вместо постановки четких вопросов направляют материалы на экспертизу с резолюцией «для дачи заключения»[2]. Особенно часты такие случаи при назначении судебно-медицинской экспертизы.

В архиве Ленинградской областной судебно-медицинской экспертизы мы обнаружили значительное количество постановлений, когда следователи вместо конкретных вопросов пишут: «произвести вскрытие и дать заключение».

Иногда такие указания даются не в постановлении, а просто на клочке бумажки. Подобное «оформление» назначения экспертизы совершенно недопустимо. Следователи при назначении экспертизы всегда должны ставить перед экспертами конкретные вопросы, подлежащие их разрешению. Производство экспертиз без четкого определения вопросов, когда эксперт высказывается по существу дела в целом, надо признать совершенно недопустимым и нарушающим его компетенцию. Чтобы не допустить последующего нарушения пределов компетенции эксперта, при постановке вопросов необходимо соблюдать следующие правила.

I. Вопросы, поставленные перед экспертом, могут быть решены только при помощи специальных знаний, то есть только путем проведения экспертизы.

Перед назначением по делу экспертизы следователь всегда должен тщательно проверить возможность получения ответа на возникший у него в ходе следствия вопрос и другим путем, кроме экспертизы, путем проведения какого-либо следственного действия (осмотр, следственный эксперимент), ревизии, путем получения соответствующей справки.

---

[1] Уголовное дело № 41. Архив прокуратуры Калининского района г. Ленинграда за 1950 г.

[2] См. М.А. Чельцов, Н.В. Чельцова. Проведение экспертизы в советском уголовном процессе. М., 1954, стр. 105.

Только тогда, когда он убедится, что экспертиза по делу действительно необходима, что для решения ряда вопросов необходимы специальные познания, он может приступить к разработке вопросов эксперту. Следователь не должен ставить ему вопросы по установлению таких фактов, которые обязан устанавливать сам с помощью других, имеющихся в его распоряжении процессуальных средств.

Ошибочно и неправильно ставить перед экспертом вопросы, которые рекомендует С.Я. Розенблит при расследовании уголовных дел, связанных с автотранспортными происшествиями: «Имеются ли на трупе и его одежде следы волочения. Имеются ли на потерпевшем и его одежде следы удара или переезда какой-либо частью автотранспортного средства или следы волочения»[1].

Установление факта наличия следов на трупе и на его одежде должно быть произведено следователем при осмотре. Вполне понятно, что для получения более исчерпывающих результатов может быть произведен осмотр с участием сведущего лица или эксперта. И только после обнаружения и фиксирования следов в протоколе следственного осмотра следователем могут быть поставлены эксперту вопросы о происхождении и причинах образования этих следов. Цитированные выше вопросы тогда уже должны быть сформулированы примерно следующим образом: не являются ли имеющиеся на трупе и его одежде следы следами волочения и т.п. Нельзя ставить в задачу эксперту фиксацию видимых самим следователем фактов, так как этим самым он будет выполнять функции следователя и выходить за пределы своей компетенции. Следователь не должен также ставить на разрешение экспертов юридические вопросы, что выходит за пределы компетенции экспертов.

II. Вопросы следователя должны быть конкретны и определенны, должны четко и ясно формулировать цель производства экспертизы.

III. Вопросы следователя должны целиком основываться только на имеющихся в деле материалах (с учетом тех материалов, которые следователь, предполагает собрать в ходе экспертизы).

Следователь не должен ставить на разрешение эксперта такие вопросы, для ответа на которые последний вынужден будет разыскивать документы в организациях, то есть производить ревизии вместо экспертизы и т.д. Также не следует ставить на разрешение эксперту вопросы, на которые он может дать ответ, используя не только имеющиеся у него специальные знания в науке или технике, а и знания тех или иных обстоятельств по своей занимаемой должности, то есть как свидетель.

Так, М.П. Шаламов в своей работе, посвященной методике расследования хищений в швейной промышленности, предлагает ставить

---

[1] С.Я. Розенблит. Расследование автотранспортных происшествий. ВНИИК, 1952, стр. 145.

на разрешение эксперта вопрос о том, на какой фабрике вырабатывается та или иная ткань и т.д.[1]

Совершенно понятно, что следователь может поставить на разрешение эксперта вопрос о соответствии данного куска ткани ткани, выпускаемой данным предприятием (однако при обязательном условии представления эксперту сведений о всех видах выпускаемой предприятием продукции и представлении образцов этой продукции). Но нельзя заставлять эксперта самого собирать сведения о профилях работы различных предприятий. Эксперт должен и может определить тип ткани, вид, ГОСТ, артикул и другие характеризующие признаки (что может выполнить только специалист, обладающий соответствующими знаниями), а уже следователь путем запроса соответствующих учреждений должен установить, какие именно предприятия, когда и в каком количестве выпускали ту или иную ткань.

Если же приглашенный в качестве эксперта специалист в силу занимаемой им должности и будет знать о номенклатуре различных предприятий, то сообщенные им сведения не будут заключением эксперта, а будут являться свидетельскими показаниями, которые даже не заменят необходимости истребования документов, подтверждающих правильность этих сведений.

Вдумчивое и серьезное отношение следователя к формулированию вопросов экспертам во многом предопределяет успех самой экспертизы, соблюдение экспертами своей компетенции и доказательственную силу заключения эксперта.

Таковы некоторые пути предотвращения случаев нарушения экспертами своей компетенции.

---

[1] М.П. Шаламов. Особенности расследований хищений в швейной промышленности, вып. 2, из серии «Методика расследования хищений в промышленности», ВНИИК, 1952, стр. 39.

Об оценке заключения эксперта

Необходимость тщательной оценки заключения эксперта на предварительном следствии и в суде вытекает из рассмотрения экспертизы как одного из видов доказательств, подлежащего оценке на следствии и в суде наравне с другими доказательствами по делу.

Советский процессуальный закон отвергает оценку доказательств по каким-либо заранее установленным формальным признакам, отвергает за заключением эксперта значение «доказательства», не подлежащего оценке со стороны следствия и суда. Наша процессуальная наука исходит из того, что внутреннее судейское убеждение складывается в результате объективного рассмотрения всех обстоятельств дела в их совокупности и что любое доказательство по делу должно быть оценено, подвергнуто критике в результате анализа и синтеза всех других обстоятельств дела.

Этот принцип нашел свое выражение в ст. 17 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г., которая гласит: «Суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием.

Никакие доказательства для суда, прокурора, следователя и лица, производящего дознание, не имеют заранее установленной силы».

То обстоятельство, что заключение эксперта по своей природе является объективно истинным, совершенно не означает, что его не следует подвергать оценке на следствии и в суде. Доказательство «заключение эксперта» появляется в результате деятельности определенного лица или группы лиц и поэтому может содержать в себе некоторые субъективные ошибки, устранение которых возможно и необходимо в результате тщательной оценки заключения следствием и судом.

При разборе вопроса о путях оценки заключения эксперта, о принципах этой оценки прежде всего следует иметь в виду, что принцип оценки доказательств по внутреннему убеждению в нашем советском уголовном процессе является диаметрально противоположным принципу свободной оценки доказательств в буржуазном праве.

Принцип оценки доказательств по внутреннему убеждению, входя в число принципов буржуазной судебной демократии, имеет и не может не иметь на себе печать буржуазного мировоззрения и общественных отношений буржуазного общества. Буржуазное мировоззрение, являясь надстройкой над капиталистическим базисом, должно отражать и отражает интересы класса буржуазии.

Чтобы правильно понять сущность принципа оценки доказательств по внутреннему убеждению в буржуазном праве, необходимо помнить, что эта теория в эпоху Французской революции конца XVIII в. пришла на смену господствовавшей ранее теории формальных доказательств и эта «теория» «свободной судейской совести», «свободного внутреннего убеждения» явилась не только протестом против пут и стеснений феодальной юстиции, но и лозунгом, знаменем борьбы либеральной буржуазии за насаждение и укрепление принципов буржуазной судебной демократии, против оков феодального и бюрократического деспотизма»[1].

Буржуазные юристы всячески стремились изобразить теорию свободной оценки, как «венец процессуального совершенства», доказывая, что эта теория якобы наиболее полно соответствует интересам всего человеческого общества на все последующие эпохи.

Возникнув как один из лозунгов в борьбе за демократические свободы, теория свободной оценки доказательств постепенно, с усилением борьбы рабочего класса против эксплуататоров, все больше и больше теряла свою либеральную окраску и самым беззастенчивым образом во всех случаях стала открыто защищать интересы капитала, жестоко расправляясь с любым прогрессивным движением, направленным против правящего класса.

Буржуазная теория свободной оценки доказательств базировалась и базируется на идеалистической философии Юма, Беркли, Канта и их современных последователей.

«Зараженные философским субъективизмом ученые-процессуалисты конца XIX века и особенно начала XX века видели задачи судебного процесса в том, чтобы судья мог прийти к такому выводу, в правильности которого он был бы субъективно уверен, заранее мирясь с тем, что „в делах судебных судья, как писал проф. Случевский, вынужден, по несовершенству средств человеческого правосудия, по необходимости удовлетворяться лишь более или менее высокой степенью вероятности“»[2].

Из многочисленных высказываний представителей буржуазной науки видно, что только на субъективную уверенность судьи, как на критерий правильности выносимых судебных решений можно положиться по той причине, что эта «субъективная уверенность» есть уверенность «среднего благоразумного человека», который стремится к разрешению дела «по справедливости».

---

[1] Акад. А.Я. Вышинский. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1950, стр. 116.

[2] Н. Полянский. Рецензия на книгу акад. А.Я. Вышинского «Теория судебных доказательств в советском праве». «Советское государство и право», 1946, № 11–12, стр. 73.

Буржуазную юстицию больше всего устраивали разного рода теории о несовершенстве человеческих чувств и невозможности познания истины. Используя эти «теории», буржуазия могла, прикрываясь различного рода «объективными причинами», лежащими якобы вне возможностей суда, творить расправу со своими классовыми противниками.

Только стремлением облегчить свою задачу расправы с классовыми противниками объясняются факты, когда буржуазные суды все чаще и чаще прибегают к разного рода «наукообразным экспертизам», прибегают к помощи таких «экспертов», которые всегда дадут заключение, угодное своим хозяевам. Прикрываясь «наукой», буржуазная юстиция стремилась и стремится затруднить широкому общественному мнению возможность самостоятельно разобраться во всех обстоятельствах того или иного дела.

С этой целью деятельность экспертов в буржуазных судах окружается мистической тайной, якобы недоступной познанию неспециалистов, удел которых – только принимать за истины изрекаемые экспертами заключения.

Поэтому наиболее ходкой среди буржуазных юристов является теория во всех ее вариантах и разновидностях, считающая экспертов научными судьями, что дает возможность путем подбора «нужных» экспертов добиваться вынесения приговора в интересах господствующего класса.

С этой точки зрения вполне закономерным было и появление теории, по которой вообще предполагалось заменить суд экспертной комиссией. В буржуазном уголовном процессе, несмотря на провозглашенный лозунг свободной оценки всех доказательств судом, заключение эксперта фактически не оценивается и за ним признается сила «научного приговора», ибо такое положение больше всего соответствует интересам буржуазии.

Однако повседневная судебная и следственная практика все-таки во многих случаях ставила буржуазных юристов перед необходимостью производить оценку заключения экспертов. Прежде всего это относится к случаям, когда заключение давалось несколькими экспертами, не пришедшими к одному определенному выводу. В этих случаях перед следствием и судом возникал вопрос: какой точке зрения экспертов отдать предпочтение? Казалось бы, на этот вопрос можно было ответить только после тщательного изучения заключений экспертов, сопоставления их с другими обстоятельствами дела и т.д., то есть в результате оценки заключения эксперта как одного из доказательств по делу.

Тем не менее буржуазные ученые-процессуалисты, отстаивая взгляд на экспертизу как на приговор научного судьи, разобраться в правильности которого суд не может, приходили к другим выводам. Большинство

буржуазных юристов приходило к выводу о невозможности суду принять какое-либо решение в случае противоречия между экспертами.

Так, Миттермейер считал, что «нужно признать ложной мысль, будто суд в случае разногласия экспертов в состоянии решать вопрос, какому из представленных медицинских заключений нужно отдать предпочтение, кто, таким образом, из экспертов прав?

Такое суждение ставило бы судей в положение решителей научных вопросов и предполагало бы обладание в полной мере сведениями, без которых ни один человек не решится оценивать достоинства научных заключений. Но предполагать у судей такие сведения нет возможности»[1].

Однако на практике эксперты во многих случаях все же давали противоречивые заключения, а судьям надо было принимать какие-то решения. Как выход из такого положения некоторые процессуалисты предлагали суду принимать те мнения экспертов, которых придерживается большинство последних[2].

В некоторых случаях даже предлагалось, «чтобы суд, отпуская экспертов на совещание, внушал им, чтобы они, по возможности, старались прийти к единогласному мнению»[3], то есть предлагалось поставить экспертов в положение присяжных в англо-американском процессе, где присяжные должны решать все вопросы по принципу единогласия.

Что из себя представляет на практике этот принцип единогласия присяжных в английском процессе, очень хорошо было показано еще Ф. Энгельсом в его работе «О положении Англии».

Подвергая анализу и критике английские законодательные акты, Ф. Энгельс писал:

«Но венец всего – постановления, что двенадцать присяжных должны вынести свой вердикт единогласно.

Их запирают в одной комнате и выпускают не раньше, чем они придут к общему решению или судья убедится, что их невозможно привести к единомыслию. Но это настолько противно всей человеческой природе, что смешно требовать, чтобы двенадцать человек были совершенно одинакового мнения по одному вопросу... присяжных наказывают тюрьмой, пока они не вынесут вердикта; и если бы у них явилось действительно капризное желание сдержать свою клятву, то вызывается новый состав присяжных, процесс проделывается еще раз, и так далее... на практике присяжные облегчают себе дело и преспокойно нарушают свою клятву, если иначе нельзя. В 1842 г. в Оксфорде присяжные однажды не могли столковаться. Один твердил: виновен, остальные

---

[1] Цитируется по работе проф. Б.Д. Сперанского «Экспертиза в уголовном процессе», Иркутск, 1925, стр. 20–21.

[2] Проф. Л.Е. Владимиров. Учение об уголовных доказательствах. СПб.,1910, стр. 268.

[3] Там же, стр. 267.

одиннадцать – не виновен. Наконец, заключили сделку: единственный инакомыслящий написал на обвинительном акте „виновен“ и удалился; затем пришел старшина с остальными присяжными и к „виновен“ приписал „не“... Другой случай... Здесь присяжные тоже не могли справиться со своей задачей и в конце концов прибегли к жребию: взяли две соломинки и стали тянуть; чей лагерь вытянул длиннее, того мнение было принято»[1].

Цитированное достаточно убедительно показывает, к чему может привести на практике способ оценки заключения экспертов по большинству голосов или принцип обязательного единогласия экспертов. Все эти «рецепты правосудия» совершенно неприемлемы для советского уголовного процесса.

Советские судьи и следователи в своей практической работе должны строго придерживаться принципа оценки заключения эксперта наравне с другими доказательствами.

Следует отметить, что действительная оценка заключения эксперта на предварительном следствии и в суде производится далеко не во всех случаях.

Некоторые следователи и судьи пытаются избегать действительной оценки заключения эксперта, относясь к заключению эксперта некритически, без достаточного анализа и синтеза с другими обстоятельствами по делу.

И со стороны некоторых советских криминалистов имели место попытки отрицать возможность оценки заключения следователем и судом. Такие, в частности, взгляды высказывались в 20-х годах проф. М.А. Чельцовым и проф. Б.Д. Сперанским[2].

Отдельные попытки такого же рода имели место и в последнее время. Так, в работе А.А. Абрамова и Б.И. Копелиовича имеется утверждение, что «...решение комиссии психиатров-экспертов является обязательным для судебно-следственных органов»[3].

К чести советских психиатров следует сказать, что после обсуждения на ученом совете института им. Сербского работы А.А. Абрамова и Б.И. Копелиовича было принято решение, в котором указывалось на необходимость изъятия книги из обращения, как «методологически порочной и дезориентирующей в вопросах судебно-психиатрической экспертизы»[4].

---

1 К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 385–386.

2 М.А. Чельцов. Уголовный процесс. М., 1929; Проф. Б.Д. Сперанский. Экспертиза в уголовном процессе. Иркутск, 1925.

3 А.А. Абрамов, Б.И. Копелиович. Судебнопсихиатрическая экспертиза. Сталино, 1949, стр. 41.

4 Цитируется по статье проф. М. Исаева («Социалистическая законность», 1950, № 9, стр. 82–83).

Иногда и в советской судебной практике, и у авторов отдельных работ можно обнаружить стремление свести обязанность следствия и суда по оценке противоречивых заключений экспертов к назначению все новых и новых «повторных» и «контрольных» экспертиз. Такую точку зрения проводит, например, С. Кромин, который считает, что «...если будет достигнуто соглашение между экспертами, проводившими первичную и повторную экспертизу, то они, руководствуясь ст. 173 УПК РСФСР, вместе подписывают повторное заключение. Если же между ними согласованности не достигнуто, то следователь обязан немедленно назначить третью, контрольную экспертизу...»[1]. Остается совершенно непонятным, почему именно третья экспертиза должна быть правильной, а не одна из двух проведенных ранее.

Такие взгляды нацеливают практических работников следствия и суда на пассивность и механическое назначение все новых и новых экспертиз, вместо тщательной оценки и анализа уже имеющихся в деле заключений экспертов.

В советском уголовном процессе подобные взгляды совершенно нетерпимы, как противоречащие основным принципам социалистического правосудия.

К сожалению, такая подмена оценки противоречивых заключений экспертов производством новых повторных экспертиз имеет место в отдельных случаях даже в практике Верховного суда РСФСР. Так, по делу Яшунина и других Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР отменила приговор и предложила провести новую техническую экспертизу на том основании, что один из четырех экспертов по одному из вопросов не соглашался с остальными экспертами. В определении коллегии указывалось на необходимость при производстве новой экспертизы «добиться устранения противоречия в заключении экспертов». Это дело было предметом рассмотрения пленума Верховного Суда СССР, который в своем постановлении дал анализ противоречия в заключениях экспертов и на основании этого пришел к выводу, отрицающему необходимость проведения новой экспертизы[2].

Решению вопроса об оценке следствием и судом противоречивых заключений экспертов было посвящено и частное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР по делу Кауфмана. В этом определении Верховный Суд СССР дал четкое и ясное разрешение этого вопроса. В определении указывалось следующее: «Рассмотрение настоящего дела показывает, что суды, разбиравшие дело Кауфмана, получив противоположные судебно-психиатрические заключения,

---

[1] С.С. Кромин. Методические указания о порядке назначения, проведения, оформления и принятия заключения судебнобухгалтерской экспертизы. М., 1950, стр. 29.

[2] Судебная практика Верховного Суда СССР за 1949 г., № 6, стр. 19.

прибегали к единственному, по их убеждению, способу устранения разногласий экспертов путем назначения новых и новых экспертов. Такие действия судов вытекали из неправильного понимания ими ст. 300 УПК РСФСР. Ст. 300 УПК указывает, что "в случае признания экспертизы недостаточно ясной или неполной, а также в случае разногласия между экспертами суд может назначить производство новой экспертизы"». Из указанного процессуального закона со всей очевидностью явствует, что суд имеет право, но не обязан в случае разногласия между экспертами назначить новую экспертизу. Несомненно, что единогласие экспертов облегчает принятие судом решения по вопросу, обсуждавшемуся экспертами, но отсюда не следует делать вывод, что в случае разногласия экспертов суд должен назначать все новые и новые экспертизы, пока не получит единогласного заключения. Ч. 2 ст. 298 УПК РСФСР указывает, что заключение эксперта для суда необязательно, но что несогласие суда с экспертизой должно быть им подробно мотивировано. Встретившись с разногласием экспертов, суд в ряде случаев может разрешить вопрос и не прибегая обязательно к назначению новой экспертизы. Суд может отвергнуть одну экспертизу и положить в основу своего решения другую экспертизу. Но, в соответствии с требованиями ч. 3 ст. 298 УПК, суд должен мотивировать, почему он отверг одну экспертизу и остановился на другой. Если же суд не сочтет для себя убедительным ни одно из противоречивых, исключающих друг друга заключений, то он вправе назначить новую экспертизу, которая помимо дачи суду заключения по существу вопроса может представить ему разъяснение, касающееся предыдущих экспертиз[1].

Приведенное определение Верховного Суда СССР является исключительно важным для судебной и следственной практики, так как подобные ошибки, когда неоднократно назначаются все новые экспертизы только по мотивам противоречивости заключений экспертов, встречаются еще довольно часто, что, безусловно без всякой пользы для дела, значительно удлиняет сроки расследования и в конечном итоге отрицательно влияет и на качество расследования уголовных дел.

При решении вопроса о возможностях оценки, а следовательно о возможности познания заключения эксперта следователем и судом, при решении вопроса о конкретных путях и методах этой оценки мы должны прежде всего руководствоваться основными положениями марксистско-ленинской теории познания, которая говорит, что человек с помощью своих органов чувств может правильно воспринимать объективный мир и познавать его своей практической деятельностью.

---

[1] Судебная практика Верховного Суда СССР за 1950 г., № 4, стр. 24.

Оценка заключения эксперта, научного положения, изложенного в его заключении, в значительной степени облегчается тем процессуальным порядком, который предусмотрен в советском уголовном процессе для повышения качества и объективной истинности заключений эксперта.

Такими гарантиями в советском уголовном процессе являются: четкое соблюдение норм назначения судебной экспертизы, соблюдение правил выбора эксперта, соблюдение установленных законом правоотношений (соблюдение прав обвиняемого и т.д.) и, наконец, четкое соблюдение принципов проведения судебной экспертизы.

Деятельность следователя и суда по оценке заключения эксперта прежде всего должна быть направлена на проверку соблюдения всех этих процессуальных гарантий, обязательных для каждой судебной экспертизы в советском уголовном процессе.

В настоящей работе в соответствующих главах уже приводилось достаточное количество примеров того, как нарушение правил выбора эксперта, несоблюдение принципов проведения судебной экспертизы и т.д. приводило к недоброкачественности заключения, приводило к тому, что заключение эксперта не отражало объективную истину.

Таким образом, деятельность следователя и суда по оценке заключения эксперта в значительной степени облегчается всеми процессуальными гарантиями объективности заключения эксперта, которые предусмотрены уголовно-процессуальным кодексом. Здесь мы убеждаемся в том, что соблюдение процессуальных гарантий является не формальным делом, а самым существенным образом влияет на качество, объективность доказательства, поступающего в распоряжение суда.

При оценке правильности тех научных положений, из которых исходит судебный эксперт, следователю и суду также необходимо основываться на высказываниях основоположников марксизма-ленинизма.

Критикуя сторонников агностицизма, Ф. Энгельс писал: «Самое же решительное опровержение этих, как и всех прочих, философских вывертов заключается в практике, именно в *эксперименте* (курсив наш. – *А. Д.*) и в промышленности. Если мы можем доказать правильность нашего понимания данного явления природы тем, что мы сами его производим, вызываем его из его условий, заставляем его к тому же служить нашим целям, то кантовской неуловимой „вещи в себе“ приходит конец»[1].

Если следователи и судьи при оценке заключения эксперта будут всегда исходить из взгляда на практику как на критерий истинности всех научных выводов и положений, тогда всем «теориям» о невозможности познания и оценки заключения эксперта придет конец.

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения. М., 1952, т. 2, стр. 351.

Истинность заключения эксперта прежде всего проверяется анализом и синтезом тех обстоятельств дела, которые уже собраны следователем, что и будет являться критерием практики по отношению к высказанным экспертом научным выводам. Более подробно мы хотели остановиться только на одном способе проверки правильности научных положений, высказанных экспертом, со стороны следствия и суда.

Этот способ проверки заключения эксперта – следственный эксперимент.

В юридической литературе следственный эксперимент до сих пор рассматривается только как средство проверки и закрепления показаний обвиняемых и свидетелей. В то же время следственный эксперимент может и должен найти применение как действенное средство оценки правильности заключения эксперта. Возможность применения следственного эксперимента для оценки заключения эксперта обусловливается тем, что для обоснования своих выводов эксперты должны ссылаться на определенные положения в науке, правильность которых очень часто можно проверить (наряду с другими возможностями) и путем организации соответствующего следственного эксперимента.

Если следователь или суд в силу каких-то обстоятельств (наличие нескольких заключений с противоположными выводами или противоречие между заключением эксперта и другими материалами дела) сомневается в правильности тех положений, на которых эксперт основывает свое заключение, то следует продумать возможность проведения следственного эксперимента для проверки правильности научного обоснования заключения.

Конечно, далеко не во всех случаях и даже не по всем видам экспертиз такая возможность имеется, но тем не менее ее следует иметь в виду как один из путей проверки научных выводов эксперта.

В качестве примера удачного использования следственного эксперимента для оценки определенных положений в науке, положенных в обоснование заключения эксперта, приведем одно уголовное дело.

21 января 1953 г. около 19 часов на участке строительства промкорпуса фабрики им. В. Слуцкой произошел несчастный случай со смертельным исходом с рабочим Зарытовским. По материалам дела, этому несчастному случаю предшествовали следующие обстоятельства. Рабочие Зарытовский и Степкин после окончания рабочей смены занимались спуском с 4-го этажа строящегося дома деревянных щитов (весом 25 килограммов каждый). Спуск деревянных щитов производился с помощью подъемника марки Т-37, на площадку которого Зарытовский укладывал на 4-м этаже по десять щитов, а находящийся внизу Степкин включал электромотор для спуска платформы подъемника и разгружал щиты. При подъеме платформы на 4-й этаж последняя закреплялась за стойку

рамы кустарно изготовленным стальным крюком. После последней загрузки платформы Степкин по знаку Зарытовского включил мотор, и трос стал сматываться с барабана.

Однако платформа не опустилась, так как Зарытовский забыл снять крюк со стойки. Чтобы снять крюк, Зарытовский перепрыгнул на платформу подъемника. После освобождения от крюка платформа резко опустилась вниз, так как к моменту освобождения платформы от крюка уже образовалась слабина троса в два-три метра. Во время падения платформы вниз трос оборвался, и платформа вместе с Зарытовским упала. В процессе расследования возбужденного по данному факту уголовного дела для установления причин несчастного случая следователем была назначена судебно-техническая экспертиза. Однако производившие экспертизу специалисты дали противоречивые заключения. Один из экспертов дал заключение, что причиной несчастного случая следует считать недоброкачественность троса, так как в случае доброкачественности его платформа с Зарытовским не должна была упасть. Другой эксперт дал заключение, что совершенно доброкачественный трос такого же сечения должен был при аналогичной нагрузке платформы неминуемо оборваться при наличии динамического удара с высоты даже меньшей, чем два метра. Свое заключение эксперт обосновывал целым рядом расчетов, составленных с учетом конкретных обстоятельств дела.

Для того чтобы выяснить, какое же из двух заключений экспертов является правильным, следователь принял решение произвести следственный эксперимент.

Следственный эксперимент с участием экспертов был произведен в таких же условиях, как это имело место и при несчастном случае. В результате свободного падения платформы в процессе эксперимента трос оборвался в том же самом месте, где он был разорван и при несчастном случае.

В результате проведенного следственного эксперимента следователь смог прийти к совершенно правильному выводу о том, какое же из двух заключений экспертов является истинным.

Данный пример убедительно показывает, какие возможности имеются для оценки заключений экспертов в случае применения следственного эксперимента.

Большую помощь в этом отношении может оказать и предъявление экспертам требования о демонстрации определенных опытов, экспериментов в присутствии следователя или суда, особенно в тех случаях, когда возникают определенные сомнения, что в результате опыта должен наступить именно тот результат, на который ссылается эксперт.

Отсюда следует, что следователю и суду должно, быть предоставлено не только право допрашивать эксперта после дачи им заключения, если

имеются какие-либо неясности, но и право требовать воспроизведения вновь в их присутствии определенных этапов работы эксперта. Это значительно повысит возможности следствия и суда при оценке заключения эксперта и будет способствовать получению объективного заключения от эксперта.

Этим, конечно, далеко не исчерпываются все пути оценки заключения эксперта, но такой задачи мы перед собой и не ставили.

Важно только, чтобы оценка заключения эксперта производилась в каждом случае с использованием всех тех путей и средств, которые предоставляют суду и следствию конкретный вид судебной экспертизы и конкретные обстоятельства данного уголовного дела.

Ни одно заключение эксперта не может быть положено в обоснование судебного приговора без тщательной оценки со стороны суда.

Роль уголовно-процессуальной науки в развитии судебной экспертизы

Уголовно-процессуальная наука, занимаясь разработкой проблем судебной экспертизы, прежде всего обращает внимание на разработку способов оценки заключения эксперта, на определение форм участия обвиняемого в процессе производства судебной экспертизы и на целый ряд других вопросов, связанных с использованием этого вида доказательств на предварительном следствии и суде.

В то же время уголовно-процессуальная наука совершенно не занимается разработкой вопросов путей и методов исследования в отдельных видах судебной экспертизы.

Выше говорилось, что заключение эксперта появляется в результате несколько иных путей исследования, чем исследования обычные, вне сферы уголовного процесса. Этот особый путь получения заключения эксперта, особая методика проведения исследований вызваны особенностями процессуальных норм и принципов проведения судебной экспертизы. Это обстоятельство, к сожалению, очень мало учитывается специалистами соответствующих отраслей судебной экспертизы.

В любом учебнике по судебной химии, по судебной медицине, пособии по судебно-биологическому исследованию, судебно-ветеринарному исследованию и т.д. мы почти никогда не найдем подробного изложения именно тех особенностей путей и методов исследования, которые вытекают из особого положения научных исследований в сфере уголовного процесса.

Это часто ведет к тому, что судебные эксперты, получая определенные сведения о специальных исследованиях, в то же время не получают из этих учебников и пособий сведения о том, в какой форме должны применяться эти исследования, учитывая особую процессуальную форму уголовного процесса, учитывая все вытекающие отсюда последствия. Именно это часто ведет к тому, что судебные эксперты не знают действительных пределов своей компетенции, не знают полностью своих прав и обязанностей, не соблюдают особой процессуальной формы своей деятельности по исследованию обстоятельств дела.

Каждая отрасль судебной экспертизы отличается от соответствующей научной дисциплины именно тем, что она должна вырабатывать свои специфические методы и приемы исследования.

Это обстоятельство очень хорошо излагалось великим русским ученым Д.И. Менделеевым.

В 1876 г. Д.И. Менделееву по поручению Медицинского совета МВД (высшей судебной инстанции России) пришлось давать отзыв

на рукопись Ю.К. Траппа под названием «Наставление для врачей и фармацевтов для судебно-химических исследований». Считая невозможным в таком виде издавать это пособие, Д.И. Менделеев писал в отзыве: «В таком наставлении, судя по сущности дела, должны содержаться те правила, которые Медицинский Совет рекомендует врачу и фармацевту... Приемы для того необходимые должно разделить на два отдела. Важность обоих для главной цели – одинакова. Первый отдел химический, – лабораторный, второй следственный, медицинский. (Первый отдел должен составлять собрание результатов чисто химических методов для открытия ядов... Книга же г. Траппа только об этом лабораторном исследовании и трактует... В сочинении г. Траппа таким образом не достает второго отдела судебно-медицинского исследования в химической практике, в который должны войти: a) все административные правила, касающиеся судебно-химических исследований; b) все правила, относящиеся до собирания данных, могущих помочь открытию истины со стороны судебно-химического исследования при вскрытии, сборе поличных около трупа и т.п.; c) все правила для удостоверения в научности приемов при исследовании отравы, d) изложение правил для устранения возможностей подлога в вещественных доказательствах, подлежащих химическому исследованию (в банках, их содержимых и т.п.) и e) изложение начал общего хода анализа при открытии ядов и проб. Главы этого отдела многочисленны. Их значение для отыскания истины не менее важно, чем значение приемов лабораторных. В этом убеждает меня неоднократный призыв на суд в качестве эксперта»[1].

Ценность этих указаний Д.И. Менделеева огромна. Действительно, судебная экспертиза, любая ее отрасль могут помочь следствию и суду только в том случае, если предельно четко и ясно разработаны все те положения, на которые указывал Д.И. Менделеев.

К сожалению, если мы возьмем любой учебник по судебной химии, судебной медицине и т.д., то убедимся, что все эти данные или вообще отсутствуют, или изложены крайне поверхностно, а иногда и просто ошибочно. Все эти разделы, которые необходимо должны включаться в каждую отрасль судебной экспертизы, должны обязательно разрабатываться при самом непосредственном участии процессуалистов, так как одни только представители данной отрасли судебной экспертизы не могут с достаточной полнотой учесть все особенности уголовного процесса.

В соответствии с этим представители уголовно-процессуальной науки должны оказать помощь отдельным отраслям судебной экспертизы в разработке методов проведения судебной экспертизы, в разработке

---

[1] Научный архив Д.И. Менделеева Ленинградского университета. II-А-18-1-3.

последовательности действий судебного эксперта, в разработке правил проведения судебной экспертизы с учетом особенностей норм уголовного процесса.

Представители уголовно-процессуальной науки должны принять самое активное участие в разработке методики составления актов судебной экспертизы с тем, чтобы эти акты составлялись как можно полнее и в то же время с предельной ясностью, четкостью и лаконичностью.

Представители уголовно-процессуальной науки должны помочь отдельным отраслям судебной экспертизы в разработке методов фиксации действий эксперта при проведении исследований: в применении фотосъемки, киносъемки и т.д., в разработке приемов документального оформления этих действий по фиксации.

Необходимо также помочь отдельным отраслям судебной экспертизы в разработке приемов наиболее наглядной демонстрации выводов эксперта в судебном заседании путем проведения наглядных опытов, демонстрации диапозитивов, киноленты, различных диаграмм и прочее.

Самое активное участие представителей уголовно-процессуальной науки в разработке методов отдельных отраслей судебной экспертизы будет способствовать окончательной ликвидации еще имеющих место фактов нарушения пределов компетенции со стороны судебных экспертов, фактов незнания ими своих прав и обязанностей, будет способствовать улучшению качества судебных экспертиз и увеличению их доказательственной силы.

С помощью специалистов уголовно-процессуальной науки научная разработка проблем судебной экспертизы должна идти и по линии нахождения критериев в определении границ компетенции различных видов судебной экспертизы. В настоящее время такие вопросы все чаще возникают при исследовании мелких вещественных доказательств, при определении границ между судебно-медицинской, криминалистической, судебно-биологической экспертизами и т.д.

Только с помощью представителей уголовно-процессуальной науки может быть разрешен вопрос об определении возможности ряда судебных экспертиз по установлению видовой, групповой и индивидуальной принадлежности сравниваемых объектов. Только с помощью процессуалистов могут быть ликвидированы те различия в терминологии, которые в настоящее время имеются в различных отраслях судебной экспертизы и наличие которых часто приводит к недоразумениям и неправильному пониманию заключений эксперта. Различные судебные эксперты определяют «групповое тождество», «групповую идентичность», «сходство», «однородность» и т.д. Устранение такого разнобоя в терминологии исключительно важно для установления действительных возможностей

каждого вида судебной экспертизы в деле оказания помощи органам, осуществляющим правосудие.

Правильное решение этого вопроса поможет наметить и пути развития этих видов судебной экспертизы с целью нахождения все новых и новых признаков, позволяющих устанавливать более мелкие группы исследуемых и сравниваемых объектов, тем самым вскрывать большее количество сторон сущности исследуемых объектов, для чего и призвана судебная экспертиза.

Необходимость разработки проблем различных видов судебной экспертизы с обязательным участием представителей уголовно-процессуальной науки ставит на повестку дня вопрос об объединении (по крайней мере методическом) всех отраслей судебной экспертизы в едином научном центре – Общесоюзном институте судебной экспертизы.

Литература

Маркс К. Дебаты по поводу закона против кражи дров. К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 1.

Энгельс Ф. Положение Англии. Английская конституция. К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 2.

Энгельс Ф. Диалектика природы. М., 1954.

Энгельс Ф. Людвиг Фейербах. Избранные произведения. М., 1948.

Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. Соч., т. 14.

Ленин В.И. «Бей, но не до смерти». Соч., т. 4.

Ленин В.И. Доклад о деятельности Совета Народных Комиссаров 24 января. Соч., т. 26.

Ленин В.И. Развитие капитализма в России. Соч., т. 3.

Ленин В.И. Философские тетради. М., 1947.

Сталин И.В. О диалектическом и историческом материализме. Вопросы ленинизма, изд. 11.

Хрущев Н.С. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 годы. Доклад на XXI съезде КПСС. М., 1959.

Абрамов А.А. и Копелиович Б.И. Судебнопсихиатрическая экспертиза. Сталино, 1949.

Авдеев М.И. Судебная медицина. Госюриздат, 1953.

Авдеев М. О праве судебномедицинского эксперта определять род насильственной смерти. «Советская юстиция», 1957, № 6.

Авдеев М. Серьезные недостатки судебномедицинской экспертизы телесных повреждений. «Социалистическая законность», 1958, № 2.

Авдеев М.И. Медицинская квалификация телесных повреждений и некоторые юридические вопросы их квалификации. Сб. «Советская криминалистика на службе следствия», вып. 9, М., 1957.

Александров М.К. и Терзиев Н. В. Экспертиза на следствии и в суде. М., 1947.

Апарникова Ц.М. Проверка заключения экспертов в судебной практике. «Советское государство и право», 1957, № 6.

Арсеньев Б.Я. Оценка заключения эксперта. «Социалистическая законность», 1945, № 5.

Арзуманян Т.М. и Тихенко С.П. Собирание и направление документов для криминалистической экспертизы. Сб. «Криминалистика на службе следствия», вып. 1, 1951.

Арзуманян Т.М. Некоторые вопросы организации экспертизы. «Социалистическая законность», 1952, № 4.

Богатырев М.Т. Научный эксперимент при проведении экспертизы. Труды судебномедицинских экспертов Украины, Киев, 1958.

Березин В.Ф., Богатырев М.Т. Эксперимент при проведении криминалистических экспертиз. Материалы третьей расширенной научной конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки М.И. Райского, Киев, 1958.

Бокариус Н.Н. XXV лет работы Харьковского научно-исследовательского института судебной экспертизы им. засл. проф. Н.С. Бокариус. Проблемы криминалистики и судебной экспертизы, Харьков, 1948.

Бокариус Н.С. Судебная медицина для медиков и юристов. Харьков, 1930.

Бродский Д. Ветеринарная экспертиза в уголовном деле. «Социалистическая законность», 1948, № 6.

Бронникова М.А. Судебномедицинское исследование вещественных доказательств. М., 1947.

Винберг А.И. Заключение криминалистической экспертизы. «Советское государство и право», 1943, № 4.

Винберг А.И. По следам преступления. «Социалистическая законность», 1945, № 3.

Винберг А.И. Особенности процессуального положения эксперта-криминалиста. «Социалистическая законность», 1947, № 10.

Винберг А.И. Оценка судом заключений криминалистической экспертизы. «Социалистическая законность», 1948, № 9.

Винберг А.И. Пределы использования бухгалтерской экспертизой показаний свидетелей и обвиняемых. «Социалистическая законность», 1950, № 3.

Винберг А.И. Значение криминалистики в работе следователя. Сб. «Советская криминалистика на службе следствия», вып. 1, 1951.

Винберг А.И., Эйсман А.А. Новые методы фиксирования и демонстрации судебных доказательств. «Социалистическая законность», 1946, № 4–5.

Винберг А. Криминалистическая экспертиза письма. М., 1940.

Винберг А. Основные принципы советской криминалистической экспертизы. М., 1949.

Винберг А. и Эйсман А. Фототелеграфия и звукозапись в криминалистике. М., 1947.

Винберг А.И. Логика в криминалистической экспертизе. Сб. «Проблемы криминалистики», 1947.

Винберг А., Миньковский Г., Рахунов Р. Косвенные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1956.

Винберг А.И. Криминалистическая экспертиза в советском уголовном процессе. М., 1956.

Винберг А.И. Проведение криминалистической экспертизы в странах народной демократии. Материалы научной конференции, посвященной проблемам криминалистической экспертизы, М., 1958.

Васильев А.Н., Мудьюгин Г.Ю., Якубович Н.А. Планирование расследования преступлений. М., 1957.

Власов В.П. Подготовка материалов для графической экспертизы. М., 1954.

Вопросы уголовного процесса в практике Верховного Суда СССР. Составители: Смолицкий и Шифман, М., 1948.

Вопросы уголовного процесса в практике Верховного Суда СССР. М., 1955.

Вышинский А. Я. Курс уголовного процесса. М., 1927.

Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1950.

Вышинский А.Я. Судебные речи. М., 1948.

Галкин Б.А. и Калашникова Н. Я. Уголовный процесс. М., 1949.

Гамбург А.М. Судебномедицинская экспертиза обвиняемого. Киев, 1948.

Гамбург А.М. Судебномедицинская экспертиза саморанений. Киев, 1946.

Гамбург А.М. О научных трудах заслуженного деятеля науки проф. М.И. Райского. Труды судебномедицинских экспертов Украины. Киев, 1958.

Герасимов М.М. Основы восстановления лица по черепу. М., 1949.

Гродзинский М.М. Учение о доказательствах и его эволюция. Харьков, 1925.

Гродзинский М.М. Оценка доказательств в кассационной и надзорной практике Верховного Суда СССР. Ученые труды ВИЮН, вып. VIII, 1946.

Гродзинский М.М. Кассационное и надзорное производство в советском уголовном процессе. М., 1949, изд. 1; М., 1953, изд. 2.

Гродзинский М.М. Сущность и формы экспертизы в советском уголовном процессе. Ученые записки Харьковского юридического института, вып. 6, 1955.

Гродзинский М.М. Некоторые вопросы организации экспертизы в предварительном расследовании по советскому уголовно-процессуальному праву. Ученые записки Харьковского юридического института, 1957, вып. IX.

Гродзинский М.М. О способах получения доказательств в советском уголовном процессе. «Советская юстиция», 1958, № 6.

Голунский С.А. Об оценке доказательств в советском уголовном процессе. «Советское государство и право», 1955, № 7.

Громов В. Осмотр места преступления. М., 1931.

Громов В. Вещественные улики и научно-уголовная техника. М., 1932.

Гужавин М. Значение судебномедицинской экспертизы при расследовании убийств. «Социалистическая законность», 1955, № 5.

Гуковская Н.И. Следственный эксперимент. М., 1958.

Гуковская Н., Свешников В. Может ли судебномедицинский эксперт давать заключение о роде насильственной смерти. «Социалистическая законность», 1957, № 7.

Долицкий Е.А. Технические экспертизы по делам о крушениях и авариях на железнодорожном транспорте. М., 1951.

Долицкий Е. Меры предупреждения хищений государственного и общественного имущества. «Социалистическая законность», 1952, № 5.

Дулов А.В. Сведущие лица в советском уголовном процессе. Материалы VIII расширенной научной конференции Ленинградского отделения Всесоюзного общества судебных медиков и криминалистов. Л., 1954.

Дулов А.В. Экспертиза на предварительном следствии в советском уголовном процессе. Автореферат диссертации. Л., 1955.

Дулов А.В., Крылов И.Ф. О взглядах Д.И. Менделеева на судебную экспертизу. «Советское государство и право», 1956, № 9.

Дулов А.В. Значение принципа непосредственности при проведении экспертизы на предварительном следствии. Ученые записки Ленинградского государственного университета, 1958, вып. 10.

Елисеев А. Экспертиза подписи. «Социалистическая законность», 1949, № 7.

Законов А.И. Составление судебномедицинских документов. Омск, 1948.

Зицер Е., Мирский Д., Шевченко Б. Криминалистическая экспертиза. М., 1948.

Зотов Б.Л. Производство и оценка достоверности криминалистической экспертизы на предварительном следствии. Автореферат диссертации. М., 1953.

Зотов Б.Л. Криминалистическая экспертиза на предварительном следствии. М., 1956.

Исаев М. Рецензия на книгу А.А. Абрамова и Б.И. Копелиовича «Судебнопсихиатрическая экспертиза». «Социалистическая законность», 1950, № 9.

Каганович И. и Танасевич В. Пути улучшения следственной работы и руководства следствием. «Социалистическая законность», 1949, № 2.

Калашникова Н., Соминский А. Исследование судом доказательств по уголовному делу. «Социалистическая законность», 1951, № 1.

Каминская В.И. Ученые о правовых презумпциях в уголовном процессе. М., 1948.

Колмаков В. За единство развития криминалистической техники и методики расследования преступлений. «Социалистическая законность», 1948, № 7.

Колмаков В. Связь криминалистических учреждений с прокурорскими и судебными органами. «Социалистическая законность», 1953, № 1.

Колмаков В.П. Некоторые вопросы исследования вещественных доказательств по делам о преступлениях против жизни. Сб. «Криминалистика и судебная экспертиза», Киев, 1958.

Калашник Л.М. Особенности психиатрической экспертизы свидетеля. Сб. «Советская криминалистика на службе следствия», 1955, вып. VI.

Карнович Г. Судебная оценка заключения эксперта. «Советская юстиция», 1957, № 2.

Карнович Г. Вещественные доказательства в советском уголовном процессе. Автореферат диссертации. М., 1958.

Карнович Г. Некоторые вопросы экспертизы вещественных доказательств. «Социалистическая законность», 1957, № 8.

Копнин П.В. Место и значение гипотезы в сознании. «Вопросы философии», 1954, № 4.

Копнин П.В. Гипотеза и ее роль в познании. М., 1958.

Криминалистика, под ред. А.Я. Вышинского, кн. I, 1935.

Криминалистика, под ред. А.И. Винберга и С.П. Митричева, ч. 1, М., 1950.

Кромин С.С. Методические указания о порядке назначения, проведения, оформления и принятия заключения судебнобухгалтерской экспертизы. М., 1950.

Крылов И., Дулов А. Участие Д.И. Менделеева в экспертизах о самовозгорании пряжи и шелка. «Пожарное дело», 1957, № 1.

Крылов А.Н. Воспоминания и очерки. М., 1956.

Курилин М. Ошибки в расследовании преступных нарушений правил техники безопасности. «Социалистическая законность», 1951, № 4.

Крупашкин Л.Т. Оценка доказательств в стадии предварительного расследования в советском уголовном процессе. Ученые записки Харьковского юридического института, 1957, вып. IX.

Курылев С.В. Сущность судебных доказательств. Труды Иркутского государственного университета, т. XVII, вып. 11, Иркутск, 1956.

Ленский Л. Пределы использования бухгалтерской экспертизой показаний свидетелей и обвиняемых. «Социалистическая законность», 1949, № 10.

Лившиц В.Я. Принцип непосредственности в советском уголовном процессе. М., 1949.

Лившиц В.Я. Новая книга о судебной экспертизе. Рецензия на книгу В.М. Никифорова «Экспертиза в советском уголовном процессе», М., 1947. «Советское государство и право», 1947, № 6.

Лупинская П.А. Доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955.

Литвиненко Л.К., Сегай М.Я. Эксперимент как способ определения определенного факта в криминалистической экспертизе. Материалы третьей расширенной научной конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки М.И. Райского, Киев, 1958.

Любкин В.Б. Основы бухгалтерского учета и судебнобухгалтерской экспертизы. Саратов, 1947.

Митричев С.П. Экспертиза как судебное доказательство. Сб. «Проблемы социалистического права», 1938, № 6.

Митричев С.П. Реакционная сущность буржуазной криминалистики. «Социалистическая законность», 1952, № 8.

Митричев В. Форма заключения эксперта. «Социалистическая законность», 1957, № 5.

Макаров И.В. Некоторые вопросы назначения и производства судебнотехнической экспертизы по делам о выпуске недоброкачественной продукции. Ученые записки Пермского университета, 1957, т. 11, вып. IV, кн. 2.

Мариупольский Л., Фортинский С. Пределы использования бухгалтерской экспертизой показаний свидетелей и обвиняемых. «Социалистическая законность», 1949, № 4.

Миньковский Г., Яблоков И. Рецензия на учебник криминалистики. «Социалистическая законность», 1951, № 7.

Мельникова Э. Рецензия на книгу А.И. Винберга «Криминалистическая экспертиза в советском уголовном процессе». «Социалистическая законность», 1957, № 2.

Менделеев Д.И. Основы химии, т. 1, 1947.

Настольная книга следователя. М., 1949.

Никифоров В.М. Экспертиза в советском уголовном процессе. М., 1947.

Никифоров В.М. О пределах компетенции эксперта. «Вопросы советской криминалистики». М., 1951.

Никифоров В.М. Обыск. Ашхабад, 1943.

Остроумов С. и Фортинский С. Основы бухгалтерского учета и судебнобухгалтерская экспертиза. М., 1953.

Остроумов С. С. и Фортинский С. П. Судебнобухгалтерская экспертиза в советском уголовном процессе. М., 1956.

Павлов И.П. Полное собрание сочинений, т. 1.

Познышев С.В. Доказательства в уголовном процессе. М., 1929.

Полянский Н. Н. Доказательства в иностранном уголовном процессе. М., 1946.

Полянский Н.Н. Рецензия: А. Я. Вышинский «Теория судебных доказательств в советском праве». «Советское государство и право», 1946, № 11–12.

Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956.

Попов В.И. Обыск и выемка. М., 1948.

Попов Н.В. Учебник судебной медицины. М., 1940.

Притузова В. Сущность и форма экспертизы в советском уголовном процессе. «Социалистическая законность», 1957, № 12.

Пюсса О.К. Заключение эксперта как судебное доказательство в советском уголовном процессе. Автореферат диссертации. Тарту, 1954.

Пюсса О.К. О недопустимости постановки перед экспертами вопросов юридического характера. Ученые записки Тартуского университета. 1956, вып. 44.

Райский М.И. Судебная медицина. М., 1953.

Райский М.И. К дискуссии о компетенции судебномедицинского эксперта. Труды судебномедицинских экспертов Украины, Киев, 1958.

Раскин Н.М. Рукописные материалы химиков 18 века в архиве АН СССР. М.–Л., 1957.

Расследование убийств. М., 1954.

Рахунов Р. Экспертиза на предварительном следствии. «Социалистическая законность», 1945, № 5.

Рахунов Р.Д. Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе. М., 1950, 1953.

Розенблит С.Я. Расследование автотранспортных происшествий. М., 1952.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1940.

Сапожников Ю.С. Первичный осмотр трупа на месте его обнаружения. Киев, 1940.

Сапожников Ю. О правовом положении эксперта. Юридический сборник Киевского университета. Киев, 1948.

Сапожников И. Пределы использования бухгалтерской экспертизой показаний свидетелей и обвиняемых. «Социалистическая законность», 1949, № 10.

Слуцкий И.И. Ответственность за нарушение правил по технике безопасности. Л., 1953.

Сб. «Криминалистическая техника за рубежом». М., 1957.

Серков Н. Серьезнее подходить к назначению судебнобухгалтерской экспертизы. «Социалистическая законность», 1952, № 12.

Смирнов Л. Чему учит опыт расследования хищений и растрат. «Социалистическая законность», 1945, № 11–12.

Советская криминалистика. Учебное пособие под редакцией проф. С.П. Митричева и Н.В. Терзиева. М., 1958.

Советский уголовный процесс. Учебное пособие под редакцией проф. Д.С. Карева. М., 1953.

Сперанский Б.Д. Экспертиза в уголовном процессе. Иркутск, 1925.

Степанов А.В. Судебная химия. М., 1951.

Строгович М.С. Уголовный процесс. М., 1940.

Строгович М.С. Уголовный процесс. М., 1946.

Строгович М.С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. М.–Л., 1947.

Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. Изд. АН СССР. М., 1955.

Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1958.

Танасевич В. Где границы компетенции судебномедицинского эксперта? «Социалистическая законность», 1949, № 3.

Танасевич В.Г. Теория и практика проведения ревизии и бухгалтерской экспертизы при расследовании хищения государственного и общественного имущества. Автореферат диссертации. М., 1958.

Тарасов-Родионов П.И. Пределы и содержание предварительного следствия. «Советская криминалистика на службе следствия», вып. 1, М., 1951.

Тарасов-Родионов П.И. Предварительное следствие. М., 1948.

Теребилов В. Организация и методика расследования нарушений правил техники безопасности. «Социалистическая законность», 1953, № 3.

Теребилов В. И. К вопросу о следственных версиях и планировании расследования. Сб. «Криминалистика на службе следствия», М., 1955, вып. 6.

Тимирязев К.И. Собрание сочинений, т. 2, 1952.

Тихенко С.П. Судебнографическая экспертиза рукописных текстов. Киев, 1946.

Титов В. Как внедрять в следственную практику научно-технические средства криминалистики. «Социалистическая законность», 1952, № 5.

Терзиев Н.В. и Эйсман А.А. Введение в криминалистическое исследование документов. М., 1949.

Терзиев Н.В., Киричинский Б.Р. и др. Физические исследования в криминалистике. М., 1948.

Терзиев Н. и Манцветова А. Применение цветной фотографии в криминалистике. «Социалистическая законность», 1948, № 10.

Терзиев Н.В. Следственный и судебный осмотр документов. «Социалистическая законность», 1948, № 3.

Томилин А. Устранить ошибки при производстве экспертизы на предварительном следствии и в суде. «Социалистическая законность», 1952, № 5.

Трайнин И.П. Некоторые выводы для науки права из дискуссии по вопросам биологии. «Советское государство и право», 1948, № 2.

Труды научной сессии, посвященной 140-летию со дня рождения Пирогова. Л., 1952.

Чельцова Н. Проведение экспертизы в суде второй и надзорной инстанции. «Социалистическая законность», 1950, № 10.

Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. М., 1951.

Чельцов М.А. и Чельцова Н.В. Проведение экспертизы в советском уголовном процессе. М., 1954.

Чельцов М.А. Уголовный процесс. 1929.

Чельцов М.А. Уголовный процесс. М., 1948.

Чельцов М. Неправильное понимание задач судебномедицинского эксперта. «Социалистическая законность», 1952, № 2.

Черняк В.З., Добин М.А. и Кокуричев П.И. Основы судебноветеринарной экспертизы. Сельхозгиз. М., 1951.

Шавер Б.И. Предмет и метод советской криминалистики. «Социалистическая законность», 1938, № 6.

Шаламов И.П. Особенности расследования хищений в швейной промышленности. «Методика расследования хищений в промышленности». вып. 2. М., 1952.

Ширвинский В., Шляхов А. За дальнейшее улучшение производства государственной криминалистической экспертизы. «Советская юстиция», 1959, № 1.

Шляхов А. Рецензия на книгу А.И. Винберга «Криминалистическая экспертиза в советском уголовном процессе». «Советское государство и право», 1957, № 1.

Эртевциан А.Н. Процессуальное положение сведущего лица. Сб. «Вопросы кодификации советского права», вып. II, Л., 1959.

Баршев Я. Основание уголовного судопроизводства. СПб., 1841.

Буринский Е.Ф. Судебная экспертиза документов. СПб., 1903.

Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. СПб., 1910.

Духовский М. В. Русский уголовный процесс. М., 1908.

Гогель С. Суд присяжных и экспертиза в России. Ковно, 1894.

Елистратов А.И. и Завадский А.В. К вопросу о достоверности свидетельских показаний (Опыты Бине и Штерна). Казань, 1903.

Завадский А. Что дает суду эксперт по воззрению проф. Штейна. Протоколы юридического общества при Казанском университете. Казань, 1900.

Кони А.Ф. На жизненном пути. СПб., 1913.

Лыкошин А.С. Военное судопроизводство. СПб., 1914.

Менделеев Д.И. Об экспертизе в судебных делах. «Судебный вестник», 1870, № 291.

Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. П., 1916.

Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. СПб., 1913.

Спасович В.Д. Собрание сочинений, т. 3 и 5. СПб., 1913.

Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства, т. 2. СПб., 1910.

Бейтам И. О судебных доказательствах. Перевод, 1876.

Глазер Ю. Руководство по уголовному процессу. Перевод, СПб., 1885–1886.

Гросс Г. Руководство для судебных следователей. Перевод, 1898.

Фон-Гоффман Э. Учебник судебной медицины. Перевод, СПб., 1901.

Локар. Руководство по криминалистике. Перевод, 1941.

Оттоленги С. Экспертиза почерка и графическая идентификация. Перевод, 1926.

Уилшир А.М. Уголовный процесс. Перевод, М., 1947.

Ферри Э. Уголовная социология, т. 2. Перевод, 1910.

Раздел II
Духовность и нравственность на страже справедливости

О проблемах подготовки юридических кадров в Республике Беларусь

Публикуется по статье: Годунов, В. Н. О проблемах подготовки юридических кадров в Республике Беларусь / В. Н. Годунов, А. В. Дулов // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3, Гісторыя, эканоміка, філасофія, псіхалогія, паліталогія, права. – 1994. – № 2. – С. 69–72.

Юридический факультет Белорусского государственного университета является ведущим центром Республики Беларусь по подготовке кадров с высшим юридическим образованием. На факультете обучается более тысячи студентов на дневном отделении и свыше двух тысяч на заочных (бесплатном и платном для лиц с высшим образованием) отделениях. Факультет имеет высококвалифицированный профессорско-преподавательский состав. Здесь работают три заслуженных юриста республики, заслуженный работник высшей школы, член-корреспондент АН Беларуси, 12 докторов и 57 кандидатов наук. Учебный процесс обеспечивают девять кафедр. Подготовка научно-педагогических кадров осуществляется через аспирантуру и докторантуру.

По современной классификации специальностей выпускники юридических учебных заведений республики получают специальность «Правоведение» и квалификацию «Юрист». Как принято говорить, мы готовим юристов широкого профиля. Это значит, что выпускник юридического факультета в принципе может работать в любой сфере

юридической деятельности: судебной, прокурорской, адвокатуре, нотариате, органах власти и управления, государственных и коммерческих структурах.

В то же время общеюридическая подготовка у нас органично сочетается со специализацией по предполагаемой юридической деятельности. Такая специализация начинается со второго семестра третьего курса и продолжается два года по шести видам деятельности: государственно-правовая, хозяйственно-правовая, судебно-прокурорская, следственно-криминалистическая и судебно-экспертная, международное право и правовое обеспечение внешнеэкономической деятельности, налоговое и банковское право. Специализация обеспечивается чтением специальных курсов и закрепляется в период прохождения производственной практики. В течение двух лет в порядке специализации студенты прослушивают до 12 спецкурсов. Применительно к судебно-прокурорской специализации это такие курсы, как: научная организация судебной работы; судебная речь; особенности рассмотрения гражданских дел в суде; проблемы доказывания в уголовном процессе; практикум по уголовному процессу; судебная экспертиза; проблемы правосудия по уголовным делам и др. Учебным планом предусмотрена также 14-недельная производственная практика.

С 1992 г. факультет перешел на двухступенчатую подготовку специалистов, апробированную в мировой практике. Лицам, которые успешно закончили первую ступень (4,5 года обучения), будет присваиваться степень бакалавра. Они получают возможность продолжить в течение полутора лет более углубленное обучение по избранной специализации в магистратуре с присвоением степени магистра права.

Коллектив факультета при поддержке ректората работает над дальнейшим совершенствованием системы подготовки юридических кадров. В 1993 г. начат прием на самостоятельное отделение международного права. Студенты этого отделения будут овладевать иностранными языками, изучать право Беларуси и зарубежных государств. В декабре прошлого года ученым советом университета принято решение о включении в состав юридического факультета отделения политологии. На базе правовых дисциплин планируется осуществлять подготовку специалистов-политологов с присвоением им квалификации «Юрист-политолог» или «Политолог, преподаватель политологии и правоведения».

Однако сегодня проблемы совершенствования юридического образования приобрели настолько важное значение и так объемны, что их необходимо решать не в рамках одного учебного заведения, а комплексно, в масштабах республики. Формирование демократического правового государства, становление и развитие суверенной Беларуси требуют повышения роли юристов в жизни общества, укрепления

высококвалифицированными юридическими кадрами всех государственных институтов, расширения сети организаций, оказывающих юридическую помощь населению. В этом отношении Республика Беларусь значительно отстает от развитых государств. Общее количество юристов относительно численности населения у нас в три раза меньше, чем в США, в четыре раза, чем в Великобритании и Германии. Удельный вес юристов на 10 тыс. занятого населения составляет в Республике Беларусь 16 человек. Этот показатель даже меньше, чем во многих республиках бывшего СССР.

Но дело не только в количественной стороне. В связи с глубочайшими изменениями, происходящими в экономической, политической, социальной и правовой сферах, система подготовки юридических кадров нуждается в коренной перестройке. Вопросы юридического образования должны стать предметом пристального внимания Верховного Совета и Совета Министров республики, министерств образования и юстиции, соответствующих ведомств.

Нужна стройная концепция юридического образования на перспективу. Проект такой концепции, которая охватывает и юридическую науку, подготовлен группой ученых-юристов и практических работников. Он обсуждался в Комиссии по законодательству и Президиуме Верховного Совета и в целом одобрен.

Концепция начинается с изложения совокупности общих требований к юристу с высшим образованием. Исследования показали, что такой специалист должен иметь широкое общегуманитарное развитие, знать методологию и теорию права, общие закономерности функционирования права, сущность тех социальных, экономических, управленческих процессов, которые право призвано регулировать.

Существенное внимание следует уделять технологии, психологическим и социальным особенностям осуществления юридической деятельности, познанию особенностей ее видов: правотворчества, правоприменения, правозащиты и других направлений избранной специализации.

Требования к умениям и навыкам деятельности юриста включают: анализировать закон и ситуацию его применения; выполнять все функции, связанные с осуществлением практической деятельности, принимать обоснованные правом решения, логично, четко и грамотно аргументировать их; рационально организовывать свои интеллектуальные процессы анализа и синтеза факторов, решения задач, принятия решений; полностью реализовывать принятые решения.

Сформулированы и требования к нравственным качествам юриста. Проведено прогнозирование республиканской потребности в юристах. Анализ прогноза предсказывает существенное увеличение данной потребности для народного хозяйства, финансовой деятельности,

государственного управления, правоохранительной деятельности, международных связей, для повышения правового и нравственного уровня населения.

На этой основе осуществлена разработка предложений по совершенствованию и реформированию системы юридического образования. Последняя должна базироваться на следующих основных принципах.

1. Теснейшая взаимосвязь юридического образования и юридической науки.

2. Ответственность государства за организацию юридического образования. Наличие этого принципа предполагает обязанность государства определить потребность специалистов с юридическим образованием, иметь перспективный план подготовки специалистов, финансировать обучение студентов в пределах государственного заказа, осуществлять контроль за процессом обучения будущих специалистов, организацией государственных экзаменов и т.д.

Наряду с государственными высшие юридические учебные заведения могут создаваться и общественными организациями, коммерческими структурами. В этих случаях все вопросы отбора, обучения, распределения и выдачи дипломов решаются этими организациями, однако лишь после их аккредитации в установленном порядке.

3. Оптимальная организация обучения с учетом новейших достижений техники, педагогики, психологии. Данный принцип требует обеспечения доступа студентов к источникам системы законодательства, архивам, монографической литературе, в том числе и на иностранных языках, создания новых учебников, учебных пособий, атласов, схем, практикумов, компьютерных программ, соответствующих современному уровню науки и педагогическим требованиям.

4. Демократизация процессов обучения. Этот принцип предоставляет студентам право выбора спецкурсов в ходе специализации на степень бакалавра, магистра; расширяет их право на свободное посещение занятий; обеспечивает возможность принимать участие в обсуждении планов и программ обучения, учебных пособий, учебников, компьютерных программ; расширяет связи с практическими органами; обеспечивает привлечение студентов к участию в работе научных обществ, обсуждению научной продукции; позволяет знакомиться с процессом обучения в других учебных заведениях, участвовать в деятельности общественных организаций юристов; расширяет самоуправление и поощряет формирование студенческих организаций.

5. Вариативность высшего юридического образования. Этот принцип обеспечивает возможность разрабатывать различные варианты (модели) высшего юридического образования. В соответствии с ним, а также

в зависимости от содержания и целевой направленности системы знаний определяются следующие модели юридического образования.

Основная базовая университетская модель юридического образования. Она обеспечивает классическое юридическое образование. Наряду с широким общегуманитарным образованием, глубоким знанием теории, философии, истории права, теории юридической деятельности здесь предусматривается и возможность разнообразной специализации.

Двухбазовая модель юридического образования. Развитие и усложнение видов государственной, экономической деятельности в республике приводят к необходимости двухбазового образования: юридического и иного, необходимого при осуществлении практической деятельности. В настоящее время выявилась потребность в развитии следующих видов двухбазового высшего юридического образования:

а) юристы-экономисты, умеющие со знанием дела анализировать экономические процессы и управлять ими на основе правового регулирования;

б) юристы-менеджеры, занимающиеся управлением и пополняющие свои знания технологий, законов рынка, трудовых отношений знанием правовых форм установления деловых связей, обеспечения финансирования, сбыта, решения споров и т.д. По данной специальности студенты получают образование юриста и специалиста в области управления;

в) юристы-международники, призванные заниматься проблемами дипломатической службы, участия в международных органах, международной торговле. Подобные специалисты также должны иметь образование юриста и дипломата.

Модель с дополнительным юридическим образованием. Все больше возрастает потребность в привлечении к юридической деятельности специалистов различных отраслей знаний. К таким специалистам относятся судебные эксперты, специалисты по правовой информатике, социологи-правоведы, юристы-психологи. Готовить их целесообразно на специальном отделении юридического факультета.

Модель образования с повышенной юридической специализацией. Она охватывает сотрудников государственной безопасности, таможни, службы по борьбе с организованной преступностью (в том числе и международной), пограничной службы. Их надо готовить в военизированном высшем учебном заведении, где существенное внимание должно уделяться преподаванию юридических дисциплин, необходимых специалистам по безопасности государства.

Модель юридического образования для студентов любых средних и высших учебных заведений. Все специалисты должны обладать достаточными знаниями права, уметь применять его при выполнении своих

профессиональных функций. Содержание юридического образования должно быть увязано с основной направленностью будущей профессии, предполагает углубленное изучение отраслей права, особенно необходимых для специалистов конкретного профиля (трудовое, гражданское, экологическое, аграрное право и т.д.).

Модель среднего юридического образования. Сохраняется необходимость подготовки специалистов со средним юридическим образованием для обеспечения потребностей органов юстиции, государственного управления (секретари судов, судебные исполнители, работники отделов исполкомов и др.), промышленных, сельскохозяйственных и иных предприятий (претензионисты, инспекторы отдела кадров и т.д.). Следует отказаться от обучения юристов в неспециализированных учебных заведениях (техникум торговли, сельскохозяйственный техникум). Для отбора способной к юриспруденции молодежи и обеспечения непрерывности юридического образования целесообразно создать при юридических факультетах университетов училища правоведения.

Дальнейшее развитие юридического образования требует осуществить ряд кардинальных мер как в рамках республики в целом, так и в рамках отдельных учебных заведений. К общим вопросам здесь относится, в частности, создание самостоятельного издательства и центральной юридической библиотеки. Наличие профильного издательства способствовало бы отбору и направлению на книжный рынок произведений, охватывающих проблемы формирования правового государства, воспитания гражданственности, правовой ответственности граждан республики, развития юридической науки и образования. Центральной юридической библиотеке необходимо обеспечить книгообмен с юридическими библиотеками зарубежных государств, иметь достаточные валютные средства для приобретения иностранной юридической литературы, подписки на периодическую продукцию стран мира.

Концепция содержит обоснованные предложения по созданию новых подразделений на юридическом факультете Белгосуниверситета. Помимо упоминавшегося училища правоведения, дающего среднее юридическое образование, при факультете предполагается открыть юридический лицей для подготовки будущих абитуриентов на качественно новом уровне. Имеется также потребность в открытии отделения экономического права, вызванная острой нехваткой юристов-экономистов. Связь между юридическим образованием и наукой станет еще более тесной, если на факультете будут созданы соответствующие научно-исследовательские подразделения. Это могут быть лаборатории проблем прав человека и механизмов их защиты, социологии права, процессуальных, психологических и нравственных проблем правосудия, экономико-правовых проблем, правовых проблем экологии, проблем государственного

строительства и управления, проблем совершенствования юридического образования.

В связи с вызванным объективными потребностями расширением юридического факультета едва ли не на первый план выдвигается вопрос о его материальной базе. На нынешних площадях факультет практически исчерпал возможности развития. Более того, факультету остро необходимы учебный зал судебных заседаний, кабинет ораторского искусства, класс машинописи и делопроизводства, лаборатория множительной техники. Все кафедры факультета, за исключением кафедры криминалистики, не имеют своих кабинетов. Кстати, все занимаемые факультетом учебные площади арендуются университетом у Академии управления при Совете Министров. Юридическому факультету необходимо как воздух свое современное здание.

С другой стороны, нужно безотлагательно переводить на прогрессивную материальную основу весь учебный процесс. Речь идет о его компьютеризации, использовании аудио- и видеотехники, иных технических средств обучения, подключении к системе информации. Сделать это без помощи государства не удастся.

Весьма острой является и проблема пополнения профессорско-преподавательского состава юридического факультета способной молодежью, подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации. Сегодня лучшие выпускники факультета предпочитают работу в коммерческих структурах, где зарплата во много раз превышает зарплату преподавателя университета. Поэтому в Концепции развития юридической науки и образования предусматривается также ряд мер по материальному стимулированию ученых-юристов, занимающихся преподавательской деятельностью.

Судовая або прававая (юрыдычная) псіхалогія

Публікуецца па артыкуле: Дулаў, А. В. Судовая або прававая (юрыдычная) псіхалогія / А. В. Дулаў // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3, Гісторыя, філасофія, эканоміка, права. – 1970. – № 1. – С. 77–80.

У апошнія гады назіраецца інтэнсіўнае развіццё прыкладных галін псіхалогіі. Заканамернасці, якія ўскрываюцца ёю, аказваюць усё большы ўплыў на самыя разнастайныя навукі. Значна шырэй пачалі ўжывацца псіхалагічныя веды ў дзейнасці органаў правасуддзя, што стварыла ўмовы да выдзялення з псіхалагічнай навукі самастойнай прыкладной галіны.

Наяўнасць такой самастойнай галіны прыкладной псіхалагічнай навукі прызнаецца і юрыстамі, і псіхолагамі. Аднак да гэтага часу не існуе адзінай думкі аб яе назве.

У псіхалагічнай літаратуры даводзіцца сустракацца з тэрмінам «юрыдычная псіхалогія». Але ніхто не тлумачыць, чаму ўжываецца іменна гэты тэрмін. Так, праф. Г.С. Касцюк у артыкуле «Псіхалогія», змешчаным у трэцім томе «Педагагічнай энцыклапедыі», сярод галін псіхалагічнай навукі называе і юрыдычную псіхалогію, якая займаецца псіхалагічнымі пытаннямі судовай дзейнасці.

На жаль, даводзіцца канстатаваць, што ў работах савецкіх псіхолагаў, як правіла, не ўдзяляецца належнай увагі тэрміналогіі, не заўсёды, калі гутарка ідзе пра псіхалагічную навуку, раскрываецца сутнасць яе.

Асабліва наглядна пацвярджае гэта манаграфічнае даследаванне А.В. Пятроўскага «Гісторыя савецкай псіхалогіі», у якім ёсць спецыяльны раздзел пад назвай «Судовая псіхалогія. Яе галіна і праблемы».

У гэтым раздзеле, побач з тэрмінам «судовая псіхалогія», ужываецца і тэрмін «крыміналістычная псіхалогія», прычым як першае, так і другое паняцце зусім не раскрываюцца і не тлумачацца[1]. Ва ўказанай рабоце сустракаюцца і тэрміны «судова-прававая псіхалогія»[2], а таксама «юрыдычная псіхалогія», пытанне аб выдзяленні якой з сацыяльнай псіхалогіі, на думку аўтара, ужо наспела[3].

Тэрмін «юрыдычная псіхалогія» выкарыстоўваецца А.В. Пятроўскім і ў другой рабоце – артыкуле «Псіхалогія», змешчаным у 4-м томе «Філасофскай энцыклапедыі». Тут пад гэтым тэрмінам аўтар разумее такую галіну псіхалагічнай навукі, якая разглядае «псіхалагічныя аспекты дзейнасці, звязанай з рэалізацыяй сістэмы права» (стар. 426). Такім чынам, у дзвюх работах, апублікаваных адным і тым жа аўтарам у адным і тым жа годзе, ужываецца пяць тэрмінаў для назвы адной і той жа галіны псіхалагічнай навукі.

Такое становішча, безумоўна, нельга прызнаць нармальным. Адсутнасць дакладнасці ў тэрміналагічным вызначэнні галіны навукі, якая разглядаецца намі, сведчыць аб адсутнасці і дакладнага ўяўлення аб прадмеце гэтай навукі, накіраванасці, аб'ёме і сутнасці даследаваных ёю з'яў. А гэта ўжо прыводзіць не толькі да тэрміналагічнай нядбайнасці, а немінуча адбіваецца і на развіцці гэтай галіны.

У некаторых работах савецкіх псіхолагаў усё ж робіцца спроба больш дэталёва растлумачыць сутнасць тэрміна «юрыдычная псіхалогія». Так, праф. А.В. Ярмоленка лічыць, што гэта «адна з галін грамадскай псіхалогіі, якая рэалізуе сістэму і становішча агульнай псіхалогіі ў іх дадатку да прававога жыцця». Яна ўключае ў прадмет юрыдычнай псіхалогіі «не толькі адхіленні ад норм прававога жыцця, не толькі крымінальную псіхалогію, але, галоўным чынам, праваўсведамленне, яго выхаванне і фарміраванне»[4].

Тэрмін «юрыдычная псіхалогія» не сустракаў бы асаблівых пярэчанняў, калі б пад ім разумелася толькі даследаванне працэсу ўтварэння прававых, юрыдычных поглядаў у грамадскай псіхалогіі[5]. Праф. А.В. Ярмоленка, як відаць з цытаванага, разумее пад «юрыдычнай псіхалогіяй» іменна галіну псіхалагічнай навукі, якая разглядае значна большае кола праблем.

---

1 Гл.: А.В. Петровский. История советской психологии. М., 1967, стр. 188.

2 Там жа, стар. 352.

3 Там жа, стар. 346.

4 Гл.: А.В. Ярмоленко. Из выступления на методическом семинаре по общественной психологии в Институте философии АН СССР в 1965 г. Цыт. па арт.: В. Ветлугина. «Проблемы юридической психологии». «К новой жизни», 1965, № 8, стр. 45.

5 Тэрмін «прававая псіхалогія» ўжываецца ў тэорыі права для абазначэння пэўнай агульнасці разумення права сацыяльна-грамадскімі групамі (гл.: Е. Фарбер. Правосознание как форма общественного сознания. М., 1963; Д.Д. Потапенко. К вопросу о правовой психологии. Тезисы докладов межвузовской конференции. Кишинев, 1965, стр. 216).

Яшчэ больш разгорнутае тлумачэнне тэрміна «юрыдычная псіхалогія» дадзена праф. А.В. Ярмоленка разам з іншымі аўтарамі ў рэцэнзіі на кнігу А.Р. Рацінава. У гэтай рэцэнзіі ўказвалася, што юрыдычная псіхалогія ўключае: прававую псіхалогію (як навуку аб праваўсведамленні і яго выхаванні); крымінальную псіхалогію (якая вывучае злачынствы і правапарушэнні і асобу правапарушальніка і злачынцы); аператыўную псіхалогію; судовую псіхалогію (якой і прысвечана рэцэнзуемая кніга); выпраўленча-працоўную псіхалогію (якая з'яўляецца асновай для выпраўленча-працоўнай педагогікі) і псіхалогію юрыдычнай працы...[1] З цытаванага ўжо відаць, што тэрміны «юрыдычная псіхалогія» і «судовая псіхалогія» разумеюцца не як раўназначныя, а як галіны, якія знаходзяцца ў пэўным супадпарадкаванні.

Нам уяўляецца, што такая сістэма пабудовы галіны псіхалагічнай навукі з'яўляецца памылковай. На самай справе гэта галіна павінна называцца «судовая псіхалогія», што больш правільна і поўна адлюстроўвае сутнасць тых з'яў, якія яна заклікана вывучаць. Іменна гэты тэрмін прыняты ва ўсіх афіцыйных дакументах, напрыклад у пастанове ЦК КПСС і Савета Міністраў СССР аб развіцці юрыдычнай навукі, аб мерах па паляпшэнні работы следчага апарату. У навучальныя планы юрыдычных ВНУ ўведзена дысцыпліна, якая таксама называецца «судовай псіхалогіяй».

У карысць апошняга тэрміна гаворыць і наступнае: з'яўляючыся прыкладной галіной псіхалагічнай навукі, судовая псіхалогія ў той жа час выступае і як дапаможная галіна ў сістэме юрыдычных навук. Ва ўсіх дапаможных галінах юрыдычнай навукі (судовай медыцыне, псіхіятрыі, псіхалогіі і г.д.) ёсць агульнае – яны закліканы аказваць дапамогу пры ажыццяўленні сацыялістычнага правасуддзя. Кожная з гэтых навук аказвае дапамогу ў вырашэнні задач у рознай ступені і рознымі метадамі. Гэта залежыць ад асаблівасцей прадмета асноўнай навукі (медыцыны і г.д.), ад магчымасцей гэтай навукі па ажыццяўленні правасуддзя.

Усе дапаможныя галіны юрыдычнай навукі, паколькі яны закліканы аказваць садзеянне ў вырашэнні задач сацыялістычнага правасуддзя, традыцыйна і зусім правільна называюцца: судовая медыцына, судовая псіхалогія, судовая псіхіятрыя і г.д. Толькі так трэба назваць прыкладную галіну псіхалагічнай навукі, якая разглядаецца намі.

Судовая псіхалогія ў параўнанні з іншымі дапаможнымі галінамі юрыдычнай навукі мае тую асаблівасць, што яна можа аказваць садзеянне ў ажыццяўленні правасуддзя пры вырашэнні ўсіх асноўных задач: устанаўленні аб'ектыўнай ісціны, перавыхаванні правапарушальнікаў, выхаванні ўсіх грамадзян у духу павагі да савецкіх законаў і правіл сацыялістычнага супольнага жыцця і інш. Вывучэнне ўсіх псіхічных з'яў, звязаных з вырашэннем пералічаных задач, уваходзіць у прадмет

[1] А.В. Ярмоленко, К.К. Платонов, В.Л. Васильев. Судебная психология для следователей. «Вопросы психологии», 1968, № 6, стр. 140.

судовай псіхалогіі. Таму няма неабходнасці выдзяляць такія галіны, як крымінальная псіхалогія і г.д., і аб'ядноўваць іх у сістэму псіхалагічных навук пад агульнай назвай «юрыдычная псіхалогія». Усе яны ахопліваюцца прадметам судовай псіхалогіі.

Акрамя тэрміна «юрыдычная псіхалогія» ў літаратуры часта даводзіцца сустракацца і з тэрмінам «прававая псіхалогія». Звернем увагу на тыя аргументы, якія прыводзіліся для доказу неабходнасці існавання гэтага тэрміна. А.Р. Рацінаў у артыкуле «Судовая псіхалогія як навука» піша: «...У галіне грамадскіх адносін, якія рэгулююцца правам, у гэтай спецыфічнай сферы чалавечай практыкі псіхічнае жыццё людзей набывае своеасаблівыя рысы, псіхічныя заканамернасці выступаюць тут у асобных праяўленнях і спалучэннях, якія непаўторныя або неўласцівыя іншым умовам чалавечага жыцця»[1]. Кіруючыся гэтым памылковым палажэннем, А.Р. Рацінаў у далейшым прыходзіць да вываду аб неабходнасці стварэння іменна «прававой псіхалогіі». Пры гэтым ён зыходзіць з таго, што ў галіне грамадскіх адносін, якія рэгулююцца правам, псіхічнае жыццё людзей нібыта набывае новыя рысы, што тут праяўляюцца асобныя псіхічныя заканамернасці. Зыходзячы з гэтай прадпасылкі, А.Р. Рацінаў сцвярджае, што, калі ў галіне грамадскіх адносін, якія рэгулююцца правам, псіхалогія людзей набывае нейкія асобныя рысы, то ў наяўнасці, маўляў, ёсць спецыфічная галіна прыкладной псіхалагічнай навукі – «прававая псіхалогія».

Між іншым, іменна аснова для гэтага вываду і з'яўляецца памылковай. Як вядома, правам рэгулююцца (у той або іншай ступені) многія грамадскія адносіны: гаспадарчая дзейнасць прадпрыемстваў, сямейна-шлюбныя адносіны, адносіны аўтара і выдавецтва, правапарушальніка і органа расследавання і г.д. Ці ж усе гэтыя адносіны – нейкія агульныя псіхічныя заканамернасці, «непаўторныя», «не ўласцівыя» іншым умовам чалавечага жыцця? Абагульняючы ўсе грамадскія адносіны, якія рэгулююцца правам, А.Р. Рацінаў зусім штучна выводзіць «прававую псіхалогію» з праяўленняў псіхікі чалавека ў самых розных сферах дзейнасці. Пры такіх зыходных пазіцыях ясна, што «прававая псіхалогія» павінна падмяняць сабой амаль усю псіхалогію, ахопліваць амаль усе бакі чалавечай псіхікі.

Гэта, безумоўна, не так. Нормы права, рэгулюючы грамадскія адносіны, садзейнічаючы іх развіццю ў пэўным напрамку, не ствараюць ва ўсіх выпадках умоў для праяўлення аднолькавых спецыфічных заканамернасцей, а тым самым і не ствараюць неабходных умоў для выдзялення самастойнай прыкладной псіхалагічнай галіны навукі. Яны ствараюцца толькі тады, калі могуць выкарыстоўвацца ў нязменным выглядзе агульныя заканамернасці, устаноўленыя псіхалагічнай навукай.

---

[1] А.Р. Ратинов. Судебная психология как наука. «Советское государство и право», 1965, № 5, стр. 54.

Калі спецыфічныя ўмовы дзейнасці ствараюць пэўныя змены ў працяканні псіхічных з'яў – з'яўляюцца падставы для выдзялення галіны прыкладной псіхалагічнай навукі.

Спецыфічныя псіхічныя з'явы, непаўторныя для іншых відаў дзейнасці чалавека, пачынаюць праяўляцца толькі тады, калі спецыяльныя органы дзяржавы ўмешваюцца ў грамадскія адносіны з мэтай устанаўлення факту парушэння норм права, для аднаўлення грамадскіх адносін, якія парушаны і ахоўваюцца правам, г.зн. у дзейнасці па ажыццяўленні правасуддзя. Уся гэта галіна псіхічных з'яў і ахопліваецца прадметам навукі судовай псіхалогіі.

Ніяк нельга згадзіцца з вывадам А.Р. Рацінава, што «з вядомай перспектывай увесь гэты асобны свет псіхічных з'яў варта было б ахапіць шырокім паняццем прававой псіхалогіі»[1].

У той жа час відавочна і сам А.Р. Рацінаў разумее, што дадзеная ім фармуліроўка падстаў для выдзялення прававой псіхалогіі ахоплівае вельмі шырокае кола з'яў. Таму, расшыфроўваючы яе, ён піша: «Такія, напрыклад, псіхічныя працэсы, якія ляжаць у аснове выпраўлення і перавыхавання злачынцаў, псіхічныя з'явы, звязаныя з удзелам у крымінальным і грамадзянскім судаводстве і г.д.»[2]. Такім чынам, і А.Р. Рацінаў з усёй масы грамадскіх адносін выбірае толькі тыя, што належаць да больш вузкай сферы, якая не ахоплівае ўсю галіну права ў цэлым. Няцяжка заўважыць, што ім выбраны толькі пытанні, якія адносяцца да сферы ажыццяўлення правасуддзя, г.зн. зноў жа ўсё тое, што ў сапраўднасці ахопліваецца прадметам судовай псіхалогіі.

Усё гэта паказвае, што пастаноўка пытання аб наяўнасці «прававой псіхалогіі» як самастойнай галіны псіхалагічнай навукі на той падставе, што ёсць пэўная агульнасць псіхічных праяўленняў ва ўсіх грамадскіх адносінах, якія рэгулююцца правам, – памылковая.

У сістэме права існуе толькі адна прыкладная галіна псіхалагічнай навукі – «судовая псіхалогія», прадмет якой ахоплівае даследаванне ўсіх псіхічных з'яў у дзейнасці па ажыццяўленні правасуддзя, неабходных для дасягнення яго мэт.

Развіццё і ўдасканаленне прыкладной галіны псіхалагічнай навукі – сумесная справа юрыстаў і псіхолагаў. Але ажыццяўляць развіццё гэтай навукі можна толькі ў тым выпадку, калі ёсць дакладнае ўяўленне аб задачах, прадмеце гэтай навукі. Вырашэнне ж гэтых пытанняў пачынаецца з ужывання правільных тэрмінаў назвы гэтай галіны псіхалагічнай навукі. Тэрмін «судовая псіхалогія» правільна і поўна адлюстроўвае асноўныя асаблівасці прыкладной псіхалагічнай навукі, выключае памылковае тлумачэнне яе прадмета.

---

[1] А.Р. Ратинов. Указ. арт., стар. 54.

[2] Там жа.

Павага да права, да закону павінна стаць асабістым перакананнем кожнага вучня

Публікуецца па артыкуле: Дулаў, А. В. Павага да права, да закону павінна стаць асабістым перакананнем кожнага вучня / А. В. Дулаў // Нар. асвета. – 1977. – № 4. – С. 64–68.

З пачатку ўвядзення ў школах новага прадмета – асноў Савецкай дзяржавы і права – прайшоў невялікі час, але і ён дазваляе зрабіць некаторыя вывады. Адзін з іх датычыць спалучэння выкладання прававых асноў з выхаваннем маральнасці. Неабходнасць паглыблення такога працэсу высветлілася ў ходзе знаёмства з вопытам работы выкладчыкаў гэтага прадмета.

Выкладанне права – састаўная частка маральна-прававога выхавання падрастаючага пакалення. У працэсе вывучэння асноў права маладыя людзі атрымліваюць веды, якія спатрэбяцца ім у будучай працоўнай дзейнасці, дапамогуць правільна вызначаць свае паводзіны, лепш разумець перавагі сацыялістычнага ладу, тыя правы, якія ён прадастаўляе і гарантуе кожнаму савецкаму чалавеку.

Вопыт выкладання прадмета паказвае, што моладзь стала больш цікавіцца вывучэннем асноў права. Яна ўсё ў большай ступені ўсведамляе, што прававыя веды дапамагаюць лягчэй знаходзіць правільнае рашэнне ў розных жыццёвых сітуацыях, лепей разумець рэчаіснасць, кантраляваць свае паводзіны, забяспечвать актыўнасць у дзейнасці грамадскіх арганізацый і г.д.

Аднак выкладанне права яшчэ не адбілася належным чынам на канкрэтных паводзінах школьнікаў. Аб гэтым сведчаць пісьмы бацькоў і настаўнікаў, у якіх робіцца горкі вывад, што знаёмства вучняў з асновамі права яшчэ не зрабіла іх ва ўсіх выпадках лепшымі, што не спыніліся хуліганскія ўчынкі, псаванне маёмасці. Так, у адным пісьме паведамлялася, што вучань Сяргей Ш., які меў выдатную адзнаку па асновах Савецкай дзяржавы і права, з двума іншымі падлеткамі ўчыніў дзёрзкі крадзеж з прамтаварнага ларка. Аўтар пісьма з горыччу расказваў, як дакладна і падрабязна гаварыў Сяргей на ўроку аб сацыялістычнай уласнасці, задачах яе аховы, недапушчальнасці парушэнняў закону. Як такое магло здарыцца? Адкуль гэткае раздваенне асобы?

Падобныя сігналы прымушаюць сур'ёзна задумацца над працэсам і зместам выкладання права ў школе. Трэба цвёрда ўсвядоміць, што выкладанне гэтага прадмета з'яўляецца не толькі перадачай ведаў, але і сродкам выхавання камуністычнай маральнасці і сацыялістычнай правасвядомасці.

Выхаванне высокай маральнасці ўсіх членаў грамадства – найважнейшая задача развітога сацыялістычнага грамадства. На XXV з'ездзе КПСС тав. Л.І. Брэжнеў указваў: «Чым вышэй узнімаецца наша грамадства ў сваім развіцці, тым больш нецярпімымі становяцца адхіленні ад сацыялістычных нормаў маральнасці, якія яшчэ сустракаюцца».

Сацыялістычнае права ў кожнай сваёй норме нясе часцінку агульнай сацыялістычнай маральнасці, кожнай сваёй нормай выхоўвае, пераконвае ў перавазе сацыялістычнага ладу жыцця. Таму выкладанне асноў права ва ўсіх выпадках павінна будавацца на пастаяным раскрыцці маральнай сутнасці нормаў і інстытутаў савецкага права. Перадаючы веды аб праве ў цэлым, аб асобных нормах закону, неабходна ўскрываць і паказваць іх маральны змест, дабівацца, каб яны дакладна і свядома ўспрымаліся падрастаючым пакаленнем і каб потым актыўна выкарыстоўваліся ў паводзінах, дзеяннях, працы. Задача заключаецца ў тым, каб дабівацца такога становішча, калі веданне права становіцца сапраўдным перакананнем кожнага. Таму так актуальна гучаць словы тав. Л.І. Брэжнева, сказаныя яшчэ на XXIV з'ездзе КПСС: «Павага да права, да закону павіна стаць асабістым перакананнем кожнага чалавека» (Матэрыялы XXIV з'езда КПСС. М., 1974, с. 81). Выканаць гэту задачу можна толькі тады, калі мы будзем займацца не проста перадачай прававых ведаў, а менавіта маральна-прававым выхаваннем.

Паняцце «маральна-прававое выхаванне» значна шырэйшае, чым паняцце «выкладанне асноў Савецкай дзяржавы і права». Неабходна весці справу так, каб маральна-прававое выхаванне стала зладжана кіруемым працэсам, які можна на ўсіх этапах планаваць і кантраляваць. Але, каб гэтага дасягнуць, неабходна вывучыць, а потым выкарыстоўваць у сваёй

дзейнасці ўсе тыя заканамернасці, якія ўласцівы працэсу фарміравання маральных якасцей асобы праз перадачу прававых ведаў.

Як вядома, маральнасць асобы выхоўваецца ў працэсе яе сацыялізацыі. Матэрыяльныя ўмовы жыцця, сістэма суадносін, ведаў, сума выконваемых сацыяльных ролей, існуючая сістэма сацыяльнага кантролю і шэраг іншых элементаў сацыялізацыі ў комплексным уздзеянні і забяспечваюць фарміраванне маральнасці канкрэтнай асобы. У залежнасці ад таго, як мы арганізоўваем, накіроўваем, кантралюем уздзеянне на асобу ўсіх элементаў сацыялізацыі, атрымліваецца магчымасць фарміраваць яе маральнасць.

Маральна-прававое выхаванне патрабуе істотнага ведання ўмоў, у якіх жывуць і выхоўваюцца вучні, іх інтарэсаў, узаемаадносін. Абстрактнасць у працэсе выкладання не дасць жаданага выніку. Гранічная канкрэтнасць у працэсе маральна-прававога выхавання дасягаецца тады, калі ёсць дастатковыя веды аб ролі права ў аптымальным уздзеянні ўсіх элементаў сацыялізацыі на фарміраванне асобы: як дзейнічае права, каб забяспечыць перадачу асобе толькі станоўчага вопыту, стварыць сістэму адносін, якая спрыяе фарміраванню камуністычнай маральнасці, і г.д. Без разумення гэтых працэсаў мэтанакіравана ажыццяўляць маральна-прававое выхаванне немагчыма.

Перадаючы веды, неабходна падкрэсліваць, як дзейнічаюць інстытуты права на агульны працэс сацыялізацыі асобы. Менавіта гэта стварае стройную сістэму ў разуменні сацыяльнай каштоўнасці права ў сацыялістычным грамадстве. Такое разуменне ўзвышае асобу, далучае да агульных працэсаў сацыяльных пераўтварэнняў, актывізуе мысліцельную дзейнасць, павышае імкненне да актыўных дзеянняў у ажыццяўленні сацыялістычнага права.

Маральна-прававое выхаванне патрабуе дакладнай распрацоўкі гэтай мэты на кожным уроку, у кожнай тэме. Неабходна даваць прававыя веды з абавязковым асвятленнем іх маральнага зместу. Гэта можна рабіць праз пастаноўку пытанняў: якую маральную якасць, адносіны, пачуццё выхоўвае і ахоўвае дадзеная норма права? Якім чынам гэтая норма забяспечвае развіццё маральных ідэалаў нашага грамадства і г.д. Заўсёды трэба падкрэсліваць тую акалічнасць, што кожная норма закону выхоўвае пачуццё справядлівасці. Закон канцэнтруе, увасабляе ў сабе справядлівасць. З другога боку, справядлівасць рэалізуецца, дасягаецца праз дакладнае захаванне законаў.

Пры выкладанні прадмета неабходна раскрываць глыбокую гуманістычную накіраванасць усяго савецкага права. Сапраўды гуманістычная сутнасць сацыялістычнага ладу можа быць поўнасцю раскрыта на аналізе савецкага права, яго інстытутаў і прынцыпаў. Прынцыпы камуністычнай маральнасці цалкам уласцівы праву, ажыццяўляюцца

праз яго. Часам назіраецца тэндэнцыя проціпаставіць паняцці маралі і права. Але на самай справе паміж імі ў сацыялістычным грамадстве ёсць глыбокая, цесная дыялектычная ўзаемасувязь: сацыялістычная маральнасць пранізвае ўсё сацыялістычнае права, а апошняе, у сваю чаргу, ажыццяўляе вялікую работу па выхаванні маральнасці.

Закон адыгрывае істотную ролю ў дасягненні маральных ідэалаў нашага грамадства. Разгляд розных галін савецкага права дае магчымасць паказаць, як дадзеная галіна права (працоўнага, грамадзянскага, крымінальнага і г.д.) выхоўвае пачуццё абавязку, адказнасці за даручаную справу, пачуццё гонару савецкага чалавека.

Канкрэтны матэрыял кожнай тэмы дае магчымасць па-рознаму раскрываць асобныя палажэнні. Так, напрыклад, ролю права ў фарміраванні маральнасці савецкага чалавека можна асвятліць пры вывучэнні кожнага пытання тэмы «Дзяржаўнае права». Грамадская нацыянальна-дзяржаўная структура СССР, органы дзяржаўнай улады і дзяржаўнага кіравання, іх арганізацыя і дзейнасць – усё пабудавана на прынцыпах камуністычнай маралі, накіравана на выхаванне ў грамадзян высокай камуністычнай маральнасці і свядомасці. У гэтай тэме раскрываюцца паняцце савецкай дэмакратыі, сістэма і роля грамадскіх арганізацый. Важна паказаць, як удзел у розных грамадскіх арганізацыях павышае сацыяльную актыўнасць савецкіх людзей і тым самым развівае, удасканальвае іх маральныя якасці. Асаблівую ўвагу трэба звярнуць на раскрыццё асноўных правоў і абавязкаў савецкіх грамадзян. Менавіта замацаванне гэтых правоў і абавязкаў у законе паказвае, якія ўмовы і гарантыі стварае наша грамадства для развіцця маральных якасцей савецкіх людзей.

Асаблівае месца ў асвятленні маральных праблем пры вывучэнні курса асноў Савецкай дзяржавы і права займае тэма «Крымінальнае права». Падлеткі павінны ведаць, што дэфекты маральнага выхавання – аснова не толькі для непрыгожых учынкаў, але і для такіх, якія вядуць да крымінальнага пакарання. Менавіта ў гэтай тэме можна пераканаўча паказаць, як з дробнага эгаізму, фанабэрыстасці, упартасці развіваюцца такія адмоўныя якасці, якія могуць прывесці да злачынства.

Значную цікавасць для раскрыцця маральных праблем мае тэма «Забеспячэнне законнасці і правапарадку». Тут важна паказаць маральны характар дзейнасці арганізацый і асобных грамадзян па папярэджанні правапарушэнняў, дзейнасці савецкага суда і іншых органаў савецкай юстыцыі.

Часам лічаць недахопам тое, што выкладаюць асновы права настаўнікі гісторыі, іншых вучэбных дысцыплін. Але, на нашу думку, тут ёсць глыбокі сэнс: яны маюць магчымасць пастаянна і ўдумліва ажыццяўляць узаемасувязь дадзенага прадмета з этыкай, гісторыяй, літаратурай.

Толькі комплекснасць забяспечыць патрэбны вынік – маральна-прававое выхаванне падрастаючага пакалення.

Важны элемент камуністычнай маральнасці – істотнае развіццё сацыяльнай актыўнасці вучняў. Глыбока маральны не той, хто толькі ўнутрана асуджае адмоўныя ўчынкі, а той, хто актыўна змагаецца за камуністычную маральнасць, адстойвае яе прынцыпы ў жыцці. Мы павінны выхоўваць не рэзанёраў, а актыўных змагароў за камуністычныя ідэалы, будаўнікоў камуністычнага грамадства. Толькі ў актыўнай дзейнасці развіваюцца і ўдасканальваюцца маральныя якасці асобы, якія праяўляюцца ў розных жыццёвых сітуацыях.

Важным элементам маральна-прававога выхавання з'яўляецца ўцягненне вучняў у актыўную барацьбу з рознымі правапарушэннямі. Ва ўмовах школы ёсць мноства магчымасцей для прыцягнення вучняў да актыўнай дзейнасці па выкананні нормаў права, па барацьбе з правапарушэннямі. Актыўны ўдзел у ахове прыроды, у растлумачэнні правілаў паводзін дае магчымасць непасрэдна, асабіста ўдзельнічаць у барацьбе за ажыццяўленне савецкага права. Нарэшце, некаторых найбольш актыўных і свядомых вучняў можна прыцягваць і ў грамадскія фарміраванні пры органах міліцыі.

Маральна выхоўвае не толькі перадача станоўчага вопыту. Непасрэднае сутыкненне з дзеяннямі правапарушальнікаў, з вынікамі гэтых дзеянняў, з той шкодай, якую яны нанеслі дзяржаве і асобным грамадзянам, дае для ўмацавання і развіцця маральных якасцей ніколькі не менш, чым веды аб падобных дзеяннях, здабытыя толькі з літаратуры. Канкрэтнае, афарбаванае эмоцыямі ўспрыманне робіць значны ўклад у агульны працэс фарміравання маральнасці.

У актыўнай дзейнасці моладзь пераконваецца ў неабходнасці і справядлівасці нашых савецкіх законаў, вучыцца прымяняць іх, правільна ацэньваць сітуацыю пры дапамозе атрыманых ведаў. Якімі сродкамі ажыццяўляюцца мэты маральна-прававога выхавання?

Каб прававыя веды сталі глыбокім асабістым перакананнем, часткай агульных маральных якасцей вучняў, важна не толькі перадаваць веды, але і імкнуцца гранічна ўзбуджаць мысліцельную актыўнасць пры аналізе, ацэнцы падзей, пра якія яны даведаліся. Карысна пазнаёміцца з практыкай прымянення нормаў права, г.зн. з дзейнасцю пракуратуры, суда, міліцыі. Аднак недастаткова выкарыстоўваць ілюстрацыю фактычнай дзейнасці толькі для паказу логікі прымянення нормаў права. Неабходна паказваць вучням, як у працэсе прымянення нормаў права, пры дапамозе закону ахоўваюцца, умацоўваюцца маральныя асновы нашага грамадства, маральныя якасці тых або іншых канкрэтных асоб. У кожным выпадку абарона правоў савецкіх грамадзян ёсць трыумф, рэалізацыя, умацаванне сацыялістычных маральных прынцыпаў,

развіццё маральных прынцыпаў і якасцей асоб, якія выступалі абаронцамі парушаных правоў або сведкамі. Такое выкарыстанне практыкі органаў суда і міліцыі прымусіць глыбей успрымаць сутнасць і значэнне савецкіх законаў, больш эмацыянальна перажываць канкрэтныя сітуацыі, адчуваць гонар за савецкае права, якое ахоўвае правы і годнасць савецкіх грамадзян, спрыяе развіццю сацыялістычнай маральнасці. Акрамя таго, яно будзе дапамагаць правільнаму разуменню дзейнасці ўсіх праваахоўных органаў, што зноў жа зробіць пэўнае маральнае ўздзеянне на вучняў.

У сістэме азнаямлення школьнікаў з прымяненнем нормаў права, савецкіх законаў значнае месца павінна адводзіцца такому традыцыйнаму сродку, як расказы аб сітуацыях, якія ўзнікалі і вырашаліся пры разгляданні канкрэтных крымінальных і грамадзянскіх спраў у судах, аб тым, як пры разгляданні гэтых спраў прымяняліся законы і як вырашэнне справы спрыяла ўмацаванню маральных якасцей грамадзян. Такое накіраванае паведамленне аб фактах практычнай дзейнасці ў большасці выпадкаў ажыццяўляецца самім настаўнікам. Аднак можна практыкаваць і выступленні суддзі, пракурора, работніка міліцыі.

Не абавязкова рабіць гэта на ўроку. Сустрэчу можна арганізаваць і ў пазаўрочны час. Безумоўна, важна, каб такія гутаркі ў найбольшай ступені адпавядалі мэтам маральна-прававога выхавання. На жаль, часта бываюць выпадкі, калі сустрэчы з практычнымі работнікамі зводзяцца да пераказу займальных дэтэктыўных гісторый. Важна не толькі і не столькі забаўляць вучняў рознымі расказамі (хаця і гэта выконвае пэўную ролю ў фарміраванні розуму, інтарэсаў), а пераканаўча паказваць, як паўсядзённая дзейнасць па прымяненні савецкіх законаў накіроўваецца на выкараненне розных адмоўных якасцей, уласцівых некаторым людзям, як зацвярджаюцца, умацоўваюцца маральныя ідэалы нашага сацыяльнага ладу. Важна, каб у ходзе расказу была перададзена і маральная сутнасць падзеі, паводзін асобных людзей.

Для больш канкрэтнага і дэталёвага паказу практычнай дзейнасці можа быць выкарыстана наведванне судовых пасяджэнняў. Безумоўна, да гэтага трэба рыхтавацца: загадзя выбіраць адпаведную справу, рыхтаваць дзяцей да яе слухання і г.д. На жаль, такая форма дэманстрацыі маральнай сілы савецкіх законаў яшчэ не стала дастаткова распаўсюджанай. Выкарыстанне такога сродку ў маральна-прававым выхаванні вучняў мае патрэбу ў стараннай распрацоўцы.

Нарэшце, трэба шырока скарыстоўваць сродкі масавай інфармацыі: кінафільмы, артыкулы ў часопісах і газетах, кнігі, – зноў-такі пры ўмове сур'ёзнага папярэдняга вывучэння ўсіх гэтых матэрыялаў. Савецкая літаратура і мастацтва – магутны сродак маральна-прававога выхавання, і ім трэба шырока карыстацца. Абмеркаванні, дыспуты па фільмах,

раманах, аповесцях, калі выказваюцца розныя меркаванні, спрыяюць раскрыццю агульнага, а таксама маральна-прававога зместу, выяўляюць розныя аспекты твора.

Пошукі сродкаў маральна-прававой прапаганды сярод школьнікаў толькі пачынаюцца. Іх неабходна працягваць і ажыццяўляць у кожнай школе. Галоўнае, каб узбуджаліся пачуцці, узнікала імкненне глыбока асэнсоўваць сітуацыі, паводзіны людзей, ацэньваць іх з маральна-прававых пазіцый, каб факты, якія выкарыстоўваюцца, выклікалі жаданне актыўна дзейнічаць, ісці за станоўчымі прыкладамі, змагацца з адмоўнымі з'явамі, за перамогу ідэалаў камуністычнай маралі.

І абавязвае, і выхоўвае

Публікуецца па артыкуле: Дулаў, А. В. І абавязвае, і выхоўвае : [аб адзінстве сац. права і маралі] / А. В. Дулаў // Чырв. змена. – 1981. – 6 мая. – С. 3.

Задача фарміравання новага чалавека з асаблівай сілай падкрэслівалася на XXVI з'ездзе КПСС як адна з важнейшых задач сацыяльнай палітыкі нашай партыі. Паспяховае вырашэнне яе патрабуе якасна новага падыходу да ўсяго выхаваўчага працэсу. Менавіта такі падыход утрымлівае ў сабе маральна-прававое выхаванне.

Найбольш важным пытанням яго і будзе прысвечаны шэраг артыкулаў нашай новай рубрыкі, з якімі выступіць прафесар, доктар юрыдычных навук, загадчык кафедры Белдзяржуніверсітэта, старшыня няштатнага савета прававога выхавання «Чырвонай змены» А.В. Дулаў. Сёння газета друкуе яго першы артыкул.

З кожным годам працэсы выхавання ўскладняюцца, патрабуюць новага падыходу, бо непазнавальна змяніўся агульнаадукацыйны ўзровень савецкіх людзей, вырас іх дабрабыт, пашырыліся магчымасці задавальнення самых разнастайных патрэбнасцей і запатрабаванняў.

Менавіта на гэтыя акалічнасці звярталася ўвага ў Справаздачным дакладзе ЦК КПСС XXVI з'езда партыі. Трэба сказаць, што пераважная большасць камсамольскіх арганізацый імкнецца ісці ў нагу з часам, шукае новыя формы, сродкі і метады маральнага выхавання маладых будаўнікоў камуністычнага грамадства.

Пошукі новых сродкаў актывізацыі, узбагачэння выхаваўчых працэсаў вядуць і вучоныя самых розных галін навукі.

Сацыялагічная навука, напрыклад, імкнецца паўней забяспечваць інфармацыйную аснову камуністычнага выхавання, глыбей вывучае эфектыўнасць выхаваўчага ўздзеяння. Псіхалогія і педагогіка дапамагаюць пошуку аптымальных шляхоў уздзеяння на чалавека.

Значную ролю ў працэсе камуністычнага выхавання выконвае і савецкае права. Аднак у чым жа заключаецца гэта роля, якім чынам і пры дапамозе чаго права выхоўвае?

Адказы на гэтыя пытанні неабходна ведаць кожнаму маладому чалавеку, і асабліва – камсамольскаму актывісту.

У апошнія гады савецкія юрысты разам з псіхолагамі і філосафамі правялі вялікую работу па вывучэнні тых канкрэтных шляхоў, тых механізмаў, пры дапамозе якіх права ўздзейнічае на маральныя якасці чалавека. Высветлілася, што ў сацыялістычным грамадстве магчымасці права як сродку маральнага выхавання пастаянна ўзрастаюць. Менавіта ў гэтым праяўляецца адна з асаблівасцей сацыялістычнага права, якое рэгулюе не толькі грамадскія адносіны, але і выхаванне чалавека.

Выхаваўчыя магчымасці права закладзены літаральна ва ўсіх яго ўласцівасцях: фармальнай азначанасці, нарматыўнасці, прымусовасці, інфарматыўнасці, уласцівасці стымуляваць паводзіны, упарадкаванні (арганізацыі) любой практычнай дзейнасці. Пры дапамозе пералічаных уласцівасцей права і выконвае ўсе свае функцыі. Для таго, каб у іх разабрацца, трэба перш за ўсё зыходзіць з таго, якая мэта права ў нашым грамадстве. А яна поўнасцю адпавядае мэтам дзейнасці нашай дзяржавы і выразна вызначана Канстытуцыяй СССР. Дзяржава павінна ствараць умовы для пабудовы камуністычнага грамадства. Гэта ж прадвызначае і мэты сацыялістычнага права. Яно абавязана быць сродкам рэалізацыі сацыялістычнай дэмакратыі, ствараць навыкі камуністычнага самакіравання, садзейнічаць развіццю новых грамадскіх адносін, кантраляваць і абараняць працэсы выхавання камуністычнай маральнасці, перадаваць інфармацыю аб маральных прынцыпах і нормах грамадства развітога сацыялізму, узбуджаць і стымуляваць сацыяльную актыўнасць савецкіх грамадзян, весці непрымірымую барацьбу з негатыўнымі з'явамі ў нашым жыцці, дапамагаючы перавыхоўваць асоб, якія маюць псіхічныя і маральныя якасці, што не адпавядаюць прынцыпам нашага грамадства.

Усе пералічаныя вышэй мэты ў сутнасці сваёй накіраваны на выхаванне чалавека-грамадзяніна. Па сацыяльным назначэнні права вылучае рэгуляцыйную, ахоўную і выхаваўчую функцыі, якія скарыстоўваюцца для актыўнага ўздзеяння на працэсы камуністычнага выхавання. Так, напрыклад, ахоўная функцыя забяспечвае дзейнасць дзяржаўных устаноў і грамадскіх арганізацый, якія займаюцца выхаваннем грамадзян, а таксама пакаранне за парушэнне крымінальных, адміністрацыйных і грамадзянскіх законаў, ахоўвае ўмовы (эканамічныя, палітычныя,

сацыяльныя), якія створаны ў нашай краіне для фарміравання лепшых чалавечых якасцей, уплывае на працэсы вытворчасці і размеркавання.

Рэгуляцыйная функцыя рэгламентуе працэсы дзейнасці па камуністычным выхаванні, кантралюе, стымулюе іх.

Спецыфічныя асаблівасці мае выхаваўчая функцыя. Гэтак жа, як сацыялістычная дзяржава вырашае адну з галоўных сваіх функцый, так і сацыялістычнае права здзяйсняе працэс выхавання праз усе свае функцыі.

Такім чынам, права ўдзельнічае ў выхаваўчым працэсе рознымі шляхамі: перадачай інфармацыі, якая ўтрымліваецца ў самой норме закону, рэгуляваннем разнастайных грамадскіх адносін, аховай умоў, неабходных для здзяйснення выхавання, і г.д.

Цяпер мы можам вызначыць магчымыя шляхі выкарыстання права ў камуністычным выхаванні.

Адна з важнейшых асаблівасцей сацыялістычнага права заключаецца ў тым, што ў заканадаўчых нормах замацаваны маральныя прынцыпы нашага грамадства. Менавіта ў гэтым і праяўляецца адзінства сацыялістычнага права і маралі. Падобны працэс мае тэндэнцыю да пашырэння па меры развіцця сацыялістычнага грамадства. Гэта тэндэнцыя пераканаўча праявілася ў Канстытуцыі СССР. Калі мы ўважліва прачытаем яе тэкст, то ўбачым, што многія артыкулы гэтага дакумента, які з'яўляецца Асноўным Законам нашай дзяржавы, фармулююць маральныя нормы і прынцыпы – гэта артыкулы аб значэнні інтэрнацыяналізму, аб абавязку добрасумленна працаваць, захоўваць сацыялістычную ўласнасць і г.д. У сапраўднасці гэта і ёсць маральныя прынцыпы нашага жыцця.

Але маральныя нормы і прынцыпы ўтрымліваюцца не толькі ў Канстытуцыі. Кодэксы законаў аб працы, сям'і і шлюбе і ўсе іншыя групы савецкіх законаў абавязкова засноўваюцца на маральных прынцыпах сацыялістычнага грамадства.

Такім чынам, вывучаць савецкае права – гэта значыць адначасова вывучаць тыя маральныя прынцыпы і нормы, на якіх грунтуецца выхаванне актыўнага будаўніка камунізму. Усё сказанае пацвярджае наяўнасць важнейшай выхаваўчай функцыі сацыялістычнага права – яно канцэнтруе ў сабе маральныя нормы сацыялістычнага грамадства.

Савецкае права выконвае не толькі маральна-інфармацыйную ролю. Яно прадугледжвае адказнасць, а часам і сур'ёзныя пакаранні за парушэнне маральных прынцыпаў і норм. Гэтым самым яно выхоўвае дысцыплінаванасць, павагу да правіл супольнага жыцця. Менавіта таму працэсы пакарання і адказнасці адначасова з'яўляюцца сцвярджэннем норм камуністычнай маралі.

У той жа час сацыялістычнае права не толькі карае, але і забяспечвае стымуляванне (матэрыяльнае) тых савецкіх людзей, якія здзяйсняюць

учынкі, адпавядаючыя маральным прынцыпам нашага грамадства. Наша права рэгулюе парадак матэрыяльнага ўзнагароджання за вынікі творчай дзейнасці, за дасягненне выдатных поспехаў у працы і г.д.

Стымулюючая функцыя таксама выконвае важную выхаваўчую ролю, бо ўздзейнічае на маральныя якасці асоб, якія ўласным прыкладам выхоўваюць іншых. Тысячы савецкіх юнакоў і дзяўчат бяруць прыклады працоўнай і творчай актыўнасці з лепшых прадстаўнікоў нашага грамадства: Герояў Сацыялістычнай Працы, лаўрэатаў Дзяржаўных прэмій.

У нашай краіне распрацавана і забяспечана практычнае прымяненне цэлай сістэмы сродкаў выхавання камуністычнай маральнасці. У прыватнасці, адным з важнейшых такіх сродкаў з'яўляецца сацыялістычнае спаборніцтва. Аднак дзейснасць яго гарантуецца толькі ў тым выпадку, калі яно прымяняецца правільна. Аказваецца, права неабходна і тут. Прававыя нормы вызначаюць умовы сацыялістычнага спаборніцтва, парадак падвядзення вынікаў, матэрыяльнага і маральнага стымулявання і інш. Такім чынам, права як бы арганізуе сацыялістычнае спаборніцтва, забяспечваючы аб'ектыўнасць гэтага магутнага выхаваўчага працэсу. Няцяжка заўважыць, што толькі пры дапамозе права спаборніцтва гарантуе высокі выхаваўчы эфект. Такім чынам, і тут відавочная выхаваўчая роля савецкага права.

Наша права ў значнай ступені садзейнічае таксама і развіццю актыўнай жыццёвай пазіцыі чалавека. Яно падказвае напрамкі, шляхі прымянення розных відаў сацыяльнай актыўнасці, выпрацоўвае сродкі, формы актыўнага ўдзелу самых шырокіх працоўных мас і ва ўдасканаленні сацыяльных, вытворчых, бытавых умоў жыцця, ліквідацыі недахопаў. А гэта пашырае базу і актывізуе працэсы камуністычнага выхавання, вызначае сродкі і формы матэрыяльнага і маральнага стымулявання за праяўленне розных відаў сацыяльнай актыўнасці.

Асновы савецкага права вывучаюцца ў школах, ПТВ, працоўных калектывах. Моладзь знаёміцца з асобнымі галінамі права, са сваімі правамі і абавязкамі. Аднак сёння гэтага ўжо недастаткова. Неабходна ведаць усе магчымасці права як сродку выхавання камуністычнай маралі. Прававое выхаванне пашырае свае межы, яно становіцца маральна-прававым, здольным раскрыць усе магчымасці сацыялістычнага заканадаўства ў працэсах камуністычнага выхавання падрастаючага пакалення.

Правовая норма и нравственность

Публикуется по статье: Дулов, А. В. Правовая норма и нравственность / А. В. Дулов // Суд. весн. – 1992. – № 2. – С. 20–23.

В процессе создания правовой основы всех сторон жизни нашего общества особая роль отводится разработке и нового Уголовно-процессуального кодекса. Это определяется многими обстоятельствами: изменились принципиальные подходы к самой роли права, а также те социальные отношения, которые оно призвано регулировать, существенно развились и знания о процессах, реализуемых в ходе судопроизводства.

Новый кодекс должен строиться на фундаментальной научной основе, в которой четко определена вся система целей, структура его построения и содержательная часть каждой предполагаемой нормы. Любое научное исследование – а разработка кодекса, безусловно, относится к такой категории деятельности – начинается с создания методологической базы, которая дает возможность авторам определить политические, фактические, социальные, юридические аспекты, его составляющие, и тем самым обеспечить полноту решения задач, стоящих перед законодательным актом. В этой работе прежде всего учитывается общенаучный уровень методологии, формирующийся на основе широкого использования общенаучных принципов и подходов – системного, информационного, деятельностного, программно-целевого. Методология есть сочетание теории и методов, и разрабатывается она с учетом следующих принципов.

Во-первых, принципа использования достижений наук, которые могут создать научную базу для разработки кодекса. Это означает, что следует полностью использовать достижения криминологии, юридической

психологии и, наконец, криминалистики. Ведь между уголовным процессом и криминалистикой существует теснейшая связь. С одной стороны, уголовный процесс является основой для разработки всех тактических приемов и средств в криминалистике, а с другой – и достижения криминалистики служат основанием для совершенствования уголовно-процессуального законодательства. Так, ряд следственных действий (следственный эксперимент, проверка показаний на месте) был разработан криминалистикой, а затем нашел свое закрепление в нормах УПК. Это же относится и к разработке новых технических средств, применение которых при расследовании закреплялось затем соответствующими нормами закона. Сама жизнь диктует значительно шире использовать достижения теории криминалистики при разработке УПК, особенно теорию криминалистического исследования преступлений, теорию криминалистического отражения и др.

Постоянное обращение к результатам исследования других наук является обязательным принципом развития уголовного процесса и совершенствования уголовно-процессуального законодательства.

Во-вторых, использование принципа изучения результатов практики расследования и судебного рассмотрения уголовных дел. Это значит, что при разработке УПК обязательно следует учитывать результаты проведенных социологических, криминологических, социально-психологических исследований, связанных с процессами уголовного судопроизводства и имеющих значение для его дальнейшего упорядочения. Наконец, это означает и требование широко проводить изучение практики по самым различным вопросам, связанным с содержанием, формой, различными институтами уголовного процесса, которые должны быть закреплены в нормах УПК.

Важность соблюдения данного принципа, казалось бы, бесспорна. И тем не менее по многим его содержательным вопросам ведутся споры, причем без проведения достаточно репрезентативных социологических исследований. К примеру, сошлемся на дискуссии, ведущиеся вокруг введения суда присяжных. Ставится вопрос: нужен ли институт присяжных в количестве 12 человек? В литературе высказываются мнения и за, и против этого института (кстати, большинство профессиональных судей против), однако достаточно убедительных исследований практики, обобщения мнения профессионалов по этому вопросу не проводилось. Не в полной мере учитывается и опыт работы суда присяжных в тех странах, где он сейчас существует. Это еще раз убедительно подтверждает вывод о том, что организация широких исследований судебной практики в период разработки нового кодекса совершенно необходима.

В-третьих, включение в методологическую базу исследования всех возможных и необходимых методов исследования. До последнего

времени исследования в области уголовного процесса в этом отношении страдали определенными дефектами – ограничением методов исследования. Наиболее часто применялись метод сравнительного исследования и исторический метод. С их помощью производилось сравнение процессуальных кодексов, отдельных норм, принятых в различных странах, изучалось процессуальное законодательство в ходе исторического развития, а также изменение норм в зависимости от условий развития общества.

Применение таких методов было достаточным, когда речь шла об изучении формы – формально-логических связей. Развитие же науки все больше приводило к необходимости расширения методов исследования, потому что только указанные методы не позволяли построить процессуальное законодательство, полностью отвечающее интересам установления истины и справедливости при осуществлении правосудия. Такое ограничение в применении методов исследования, разработки УПК в настоящее время уже является явным анахронизмом и свидетельствует об отставании от современных методов исследования. Уровень развития современной науки дает возможность и заставляет нас использовать весь спектр методов, которые в совокупности обеспечивают действительно научный подход к созданию УПК, помогут существенно повысить его ценность при осуществлении уголовного судопроизводства.

При этом особо следует указать на обязательность использования при разработке УПК системного подхода, всей совокупности методов системного анализа. Сущность системного подхода заключается в том, что любое явление, объект рассматриваются как целостная система. В этой системе подвергаются изучению: а) обязательно структура – совокупность необходимо присущих данному явлению (механизму, объекту) его составляющих (элементов). Структурный анализ предполагает и исследование связей между элементами, их особенность, направленность, форму связи элементов; б) процессы развития функционирования системы, т.е. изучение ее не только в статике (структурный анализ), но и в динамике, в деятельности. В основном это реализуется через генезисный анализ системы, элементов, их функций; в) взаимосвязь и зависимость данной системы с другими.

Системный подход используется не только при изучении явлений. Он необходим и для создания управленческих структур, для организации какого-либо вида деятельности. Он дает возможность полностью учитывать все факторы, которые проявляют себя в данном виде деятельности, все подлежащие осуществлению функции, последовательность их выполнения для достижения имеющейся цели.

Чем же системный подход ценен для разработки УПК? А тем, что он позволяет рассматривать сам Уголовно-процессуальный кодекс

как систему, организующую деятельность по расследованию и судебному рассмотрению уголовных дел. С этой точки зрения УПК является правовым документом, призванным выполнять целеформирующие, системоформирующие, системоорганизующие функции. Реализация этой совокупности функций и создает в результате то, что содержится и должно содержаться в УПК. Таким образом, системный подход дает возможность определить всю совокупность конечных и промежуточных целей при осуществлении уголовного судопроизводства, все необходимые для этого функции, субъектов, их выполняющих, связи между ними, все действия, выполняемые при реализации функций, при осуществлении связей. Четко следуя системному подходу, выполняя его требования, мы гарантированы от пробелов, упущений в законе. К сожалению, в действующем УПК имеется большое число дефектов, пробелов, неувязок, которые наглядно показывают, к чему приводит составление программы деятельности без использования системного подхода. (Примеры автор предполагает привести в следующей статье, посвященной проблемам разработки нового УПК Республики Беларусь.)

Системный подход выявляет ряд принципов, которые следует соблюдать при разработке УПК. Перечислим основные из них:

- разработка всей программы деятельности по расследованию и судебному рассмотрению уголовных дел должна строиться на предварительном выявлении всей системы целей;
- в программе должны быть учтены все субъекты (их функции, связи), которые заинтересованы в судопроизводстве, могут оказать ему помощь, необходимы для достижения его целей;
- при построении системы деятельности должны быть выявлены все этапы ее развития, все подлежащие осуществлению действия и операции;
- при разработке программы должны быть выявлены все существующие связи с другими системами, которые могут быть использованы (могут влиять на деятельность по уголовному судопроизводству).

Соблюдение всех этих принципов обеспечит разработку УПК, соответствующего научным требованиям составления программ деятельности. Кроме того, при разработке Уголовно-процессуального кодекса следует учесть и некоторые другие группы принципов. Например, общеюридические принципы разработки кодексов. К ним относится принцип соблюдения всех норм Конституции (Основного Закона), относящихся к сфере правосудия, судебной власти. Расхождение норм кодекса с Конституцией недопустимо. В кодексе должны учитываться не только конституционные нормы, регулирующие правосудие. Следует основываться и на общих принципах, целях, отраженных в Конституции.

Главная цель Конституции – развитие, защита гражданского общества: экономическая, социальная, нравственная. Эти принципиальные положения должны красной нитью проходить через все нормы нового УПК. Расследование, судебное рассмотрение осуществляются в интересах общества, для защиты прав человека, а это предполагает и широкое участие общества в этой деятельности, возможность осуществления контроля и за следствием, и за судом. Пределы, формы, средства контроля и должны содержаться в нормах кодекса.

При разработке кодекса учитывается и общий принцип построения любой правовой системы: обязательное сочетание прав и обязанностей у каждого субъекта, в каждом правоотношении. Каждый, кто обязывается принять участие в расследовании, судебном рассмотрении, одновременно с обязанностью приобретает и право. И наоборот, кто имеет права, обязательно одновременно несет и ряд обязанностей по отношению к другим субъектам. Такое сочетание прав и обязанностей у каждого субъекта, создание прав и обязанностей в каждом взаимоотношении, действии – важная особенность процессуального законодательства. Этот принцип не должен нарушаться ни при каких условиях. Надо сказать, что в действующем законодательстве он часто просто игнорируется. Так, кодекс содержит отдельную статью «Обязанности свидетеля». А права-то у него есть? Он, безусловно, пользуется всеми правами гражданина государства, но и приобретает специфические права в связи с включением его в орбиту расследования, судебного рассмотрения уголовного дела. Он имеет право отказаться от дачи показаний о своих близких родственниках, от сообщения сведений о своей личной жизни, не касающихся расследуемых фактов, и т.д. Наконец, он имеет право на защиту от лиц, в отношении которых дает показания. Конечно, сказанным не ограничиваются права свидетеля, оно только свидетельствует о необходимости в тексте кодекса четко предусмотреть все права свидетеля.

Особо следует сказать о правах обвиняемого. Действующий УПК далеко не полностью учитывает его права, особенно в том случае, если он взят под стражу. Взаимоотношения обвиняемого с адвокатом, надзирающим прокурором, родственниками, общественными организациями должны быть регламентированы прямо в законе, а не в различных ведомственных инструкциях. УПК следует создавать как закон прямого действия, что существенно повысит его значимость и для государственных органов, и для всех граждан.

Существенное внимание при разработке УПК нужно обратить и на нравственные принципы. На нравственных принципах нашего общества надо строить весь кодекс. Нравственный принцип служения всех органов государственной власти интересам общества и гражданина должен преломляться в кодексе с обязанностями следователя, прокурора,

суда по охране, принятию мер к защите чести, достоинства, нравственных интересов каждого гражданина. Нормы УПК надо предельно наполнить нравственным содержанием, в них должно быть подчеркнуто, что вся деятельность, все взаимоотношения, каждое действие проводятся с соблюдением нравственных принципов, в их защиту. Правосудие защищает нравственные ценности общества, практически реализует эти ценности в своей деятельности.

В самом тексте кодекса необходимо сконцентрировать нравственные основы уголовного судопроизводства: гуманизм, служение обществу, стремление к справедливости при разрешении каждого вопроса, при принятии любого решения, соблюдение нравственных норм при совершении каждого действия. Это придаст должный уровень и ценность всему процессу осуществления правосудия.

Нравственные принципы правосудия, нравственная ценность этой деятельности, нравственное содержание расследования и судебного рассмотрения – важнейшие проблемы, которые стоят перед юристами. Становление правового государства – это прежде всего усиление нравственного содержания во всех правовых нормах, в том числе и процессуальных. Чем полнее в правовых нормах закрепляются нравственные ценности общества, чем в большей степени право, все его институты защищают нравственные ценности общества, тем ближе мы будем приближаться к правовому государству, правовому гражданскому обществу.

Именно тщательная отработка, формулировка и учет всей системы принципов, на которых разрабатывается кодекс, позволят нам создать такое уголовно-процессуальное законодательство, которое аккумулирует в себе все новейшие научные достижения, уровень социального и нравственного развития общества. Это явится гарантией укрепления справедливости и законности.

Нам не надо доказывать право на Победу

Публикуется по статье: Дулов, А. В. Нам не надо доказывать право на Победу / А. В. Дулов // Юстыцыя Беларусі. – 2005. – № 4. – С. 16–17.

Приближается 60-летие Великой Победы, 60-летие события, которое коренным образом повлияло на судьбы всего человечества. Военные и послевоенные поколения прекрасно помнят эти события, кто из своего опыта, кто из многочисленных встреч с ветеранами и произведений литературы.

К сожалению, 60-летие Победы – это еще временной барьер, который естественным образом ложится на жизненном пути ветеранов, отделяя ушедших от живущих, возраст которых или приближается к 80 годам, или уже перешагнул на девятый десяток. Меньше их становится, с каждым часом меньше, но они продолжают нести свою боевую вахту, как бы собирая в себе частички душ всех не доживших до светлого дня Победы или ушедших после него. Они и сегодня воюют и спорят, отстаивая Победу, доставшуюся такой страшно дорогой ценой.

В последнее время все чаще в средствах массовой информации, особенно в российских СМИ, появляются публикации, в которых идет полемика по поводу доказывания права на Победу. Так, в частности, в № 13 приложения «Союз» к газете «Беларусь сегодня» от 7 апреля 2005 г. автор публикации «Последний окоп» А. Сабов, оглядываясь на ретроспективу Победы, рассказывает о нескольких взаимоисключающих версиях истории не только Великой Отечественной, но и всей Второй мировой

войны. И пока еще жив хотя бы один ветеран – участник тех событий, «…есть надежда, что та война не перестанет быть в нашей памяти и Великой, и Отечественной».

Кто же их оппоненты? Кому же сегодня приходится доказывать право на Победу? Кто сегодня сомневается в том, что народ вел именно Отечественную войну, а не был захватчиком?

Мы обратились к ***участнику войны доктору юридических наук, профессору кафедры криминалистики юрфака БГУ, заслуженному деятелю науки Республики Беларусь, члену редакционного совета нашего журнала А.В. ДУЛОВУ с просьбой высказать мнение по этому поводу.***

Все меньше и меньше остается ветеранов, все дальше от нас эхо ушедшей войны. Пройдет еще несколько лет, и в их рядах останутся сотни, а затем и единицы. И очень хочется, чтобы сдали наконец они свою боевую вахту молодому поколению и не тревожили их мысли о том, за что и как они воевали, чтобы не пришлось им до конца своих дней вести свой последний бой в одиночку из последнего окопа. Благодарность, безмерная благодарность живущих в мирное время поколений уходящим героям должна быть не только в юбилейные годы, а ежедневной, ежечасной, как и они в свое время ежедневно и ежечасно рисковали собой для нашего вчерашнего, сегодняшнего и завтрашнего благополучия.

Споры о характере войны и победы начались задолго до сегодняшнего дня. В них принимали участие и историки, и литературоведы, и юристы в области международного права. Основным аргументом, позволяющим высказать сомнения относительно оборонительного характера войны, была подготовка СССР к нанесению упреждающего удара по немецко-фашистским войскам, сосредоточенным вдоль границы, и ведение войны на территории противника. Этот тезис обошел не одно литературное произведение, не одно историческое исследование. Правда, их авторы утверждают, что документы, подтверждающие данную версию, еще недоступны, а когда с документов снимут грифы секретности, тогда читатель убедится в обоснованности их позиции.

Давайте представим, что в открытых спустя определенное время документах все же содержится информация о том, что СССР собирался нанести превентивный удар по Германии. Что изменится от этого? Можно ли будет в этом случае сказать, что характер войны кардинально меняется и она становится не оборонительной, а захватнической?

Государство, имея потенциального противника (а вся политика фашистской Германии свидетельствовала об этом), обязано разрабатывать

планы обороны, возможных контрударов, превентивных действий. Они могут иметь разный объем, различные формы.

Давайте рассмотрим предвоенную деятельность СССР. По Европе почти два года идет Вторая мировая война. Она подошла к границам государства. Идет сосредоточение большого количества войск, которые явно не собираются выполнять пограничные функции. Что это может значить для государства? Только одно: идет подготовка к войне. Имеет ли право государство на защиту своего суверенитета и территориальной целостности? Это право безусловно. Но как и какими средствами оно может быть реализовано? И здесь мы также подходим к праву государства при наличии явной угрозы на упреждающий удар. Как он должен произойти, где и какими средствами – на эти вопросы отвечают военная стратегия и тактика, разработка которых требует как долгосрочного, так и краткосрочного планирования. Войска – это сложный механизм, приведение которого в действие сопряжено с тщательным планированием. Поэтому возможное наличие в архивах документов, содержащих планы нанесения упреждающего удара по немецко-фашистским войскам в 1941 г., не может рассматриваться в качестве аргумента, колеблющего характер Великой Отечественной войны. Тем более что советские войска так и не нанесли упреждающего удара.

К сожалению, война началась не по стратегическим разработкам. Она началась с внезапного, тщательно спланированного нападения по всей границе с Германией. Достаточно вспомнить, что план «Барбаросса» разрабатывался с 1940 г. Это внезапное нападение привело к потере военных сил, сосредоточенных на границе с Германией, что было оправданным и необходимым в ответ на концентрацию гитлеровской армии у границ СССР.

Внезапное нападение, при всем огромном нанесенном ущербе, не привело к развалу государства. Наоборот, весь народ поднялся на защиту своей Родины. Это проявилось в развитии и укреплении армии, создании народного ополчения, которое обороняло Москву, Ленинград, другие города. Это привело к невиданному в истории партизанскому движению, охватившему всю оккупированную территорию. Достаточно вспомнить действительно всенародную партизанскую борьбу в Белоруссии. Война стала всенародной, отечественной. Воевали и на фронте, и в тылу, где создавались оружие, снаряжение, боеприпасы, новые резервы.

Отдельные публикации, ставя под сомнение отечественный характер войны, утверждают, что она потеряла его в момент перехода государственной границы СССР. Необходимо было, говорят они, изгнать противника за пределы государства, и на этом война должна была прекратиться, а с момента перехода границы СССР война трансформировалась в захватническую, поработительную.

Безусловно, можно соглашаться с такой позицией, если бы исторические аналогии не говорили об обратном. Никто не выразил сомнений, что Отечественная война 1812 г. не закончилась на границах Российской империи, а продолжалась до взятия Парижа.

Изгнание немецких войск за пределы СССР и окончание на этом войны привели бы к тому, что спустя короткое время война бы возобновилась, причем с использованием тех научных разработок, которые еще не были до конца реализованы, и временная пауза позволила бы их вывести из проектного или полуфабрикатного состояния до серийного производства. А их перечень нам прекрасно знаком, и последующая затем война против атомного оружия, ФАУ и прочих военных новинок была бы непредсказуемой по последствиям.

Ставя под сомнение отечественный характер войны, отдельные исследователи говорят, что руководство СССР намеревалось осуществить свой замысел перманентной социалистической революции и на штыках принести в Европу сталинский социализм.

Не выдерживают критики и попытки приписать основную роль в победе западным союзникам. Да, победила антигитлеровская коалиция. Но различен их вклад в Победу. Иногда роль СССР аргументируют наличием огромного ущерба, понесенного нашей страной. Но не только это определяет вклад, наш вклад в Победу. Участие в борьбе всего народа приводило к тому, что с каждым годом наносился все больший ущерб гитлеровской армии. Достаточно вспомнить «котлы» на Волге, на Курской дуге и многие другие, сотни уничтоженных дивизий, несметные толпы пленных, в том числе и тех, которые проходили «маршем» по Москве. Именно наша армия окончательно сломила мощь гитлеровского фашизма, что и было завершено водружением знамени Победы в Берлине, подписанием безоговорочной капитуляции.

Мы знаем, что в основе деятельности различных личностей, групп, организаций и государств лежат потребности, мотивы, цели, задачи и средства. При этом совместная деятельность характеризуется разным содержанием этих движущих сил. Для отдельных личностей сущность и характер их деятельности мог заключаться и в достижении рассматриваемых целей и мотивов. Но это не позволяет распространить эти движители на все общество, весь народ, который вел действительно Отечественную войну, защищал Родину, дрался за каждую пядь своей земли на фронтах, в партизанских отрядах, умирал в голодающем Ленинграде, работал на износ в тылу.

Характер войны определяется не мотивами отдельной группы людей, а поступками и жертвами народа, вставшего на защиту своей Родины. И отнять отечественный ее характер не получится ни сейчас, ни потом.

Ленинград. Июль 1941 г. Колонна бойцов народного ополчения направляется на фронт.
Снимок предоставлен А.В. Дуловым (в правой части снимка, лицо обведено).
Фото публиковалось в журнале «Огонек»

Нравственные основы культуры судебной деятельности

Публикуется по статье: Дулов, А. В. Нравственные основы культуры судебной деятельности / А. В. Дулов // Юстыцыя Беларусі. – 2000. – № 1. – С. 12–14.

Развитие социального правового государства требует постоянно уделять много внимания культуре судебной деятельности. Важно изучать содержание этого понятия, а тем более пути достижения и развития культуры.

Чтобы понять содержание культуры судебной деятельности, необходимо исходить из общего понимания культуры деятельности человека, куда включают отношения человека к целям, процессу деятельности, полноту и тщательность выполняемых при этом функций, операций, отношения с участниками деятельности, к ее результатам.

Содержание культуры деятельности далеко не однородно. Существуют виды деятельности, где ее культура проявляется в создании внешних условий, что и определяет общественное суждение о ней. Существуют и другие виды деятельности, где понятие о ее культуре формируется только с учетом качеств личности, проявляющихся в этой деятельности. Здесь необходимо учитывать внутреннее отношение человека к деятельности, проявление в ней своих качеств, отношений. К таким видам относится судебная деятельность.

В юридической литературе широко обсуждается проблема общего понимания правовой культуры, ее составляющих. Если суммировать все высказывания, то можно определить, что правовая культура

складывается из множества факторов, которыми являются: общий уровень правосознания, а тем самым отношения к праву отдельных личностей, общества в целом, органов государства; уровень правотворческой деятельности – полнота и правильность отражения в правовой системе баланса интересов личности, социальных групп, общества в целом; общее состояние законности и правопорядка в государстве; уровень соблюдения права в правоохранительных органах, высокий профессионализм всех работников этой системы; уровень правовой активности всех субъектов права. Все эти факторы надо учитывать и при формировании понятия «культура судебной деятельности». В этой деятельности, конечно, должен проявляться высокий уровень правосознания, повышенная правовая активность, предельная тщательность соблюдения всех юридических правил, процедур. Отсюда в содержание культуры обязательно включается нравственное отношение к ней, подход к совершению действий, к формированию результата, наличие нравственных оценок деятельности.

Таким образом, при формировании понятия «культура судебной деятельности» надо учитывать, что осуществление этой деятельности – не только профессия. Это образ жизни, прочная установка на отношение к людям, к своему поведению, это особый склад мыслительной деятельности, постоянная необходимость в формировании и проявлении высоких нравственных качеств, отношений, состояний, решений.

Следует учитывать, что культура судебной деятельности призвана обеспечивать достижение целей:

1. создание условий для осуществления правосудия в целом;

2. создание условий для осуществления функций судьи при осуществлении познания, процессов общения, принятия решений;

3. создание условий, обеспечивающих полноту реализации законных интересов и функций всех участников судопроизводства;

4. обеспечение оптимального внешнего отражения всех процессов деятельности судьи;

5. формирование общественного мнения о содержании судебной деятельности, полноте обеспечения в ней целей правосудия.

В культуре судебной деятельности выделяются основные ее составляющие.

Прежде всего, это внешние условия, обеспечивающие деятельность суда, всех участников судопроизводства, всех посетителей судебных учреждений. Само нахождение суда в полуразвалившемся помещении, грязь и теснота, обшарпанные стены, поломанная мебель выполняют самую отрицательную роль при формировании суждения о культуре судебной деятельности. Людям трудно поверить, что в таких отрицательных внешних условиях может рождаться действительное

правосудие, – они заранее настроены на негативное восприятие судебной деятельности. Широко известно суждение о том, что театр начинается с вешалки. Культура судебной деятельности также требует формирования соответствующих внешних условий, соблюдения необходимого этикета, правил поведения.

Культура обязательно включает в себя и форму осуществления всех общений: на приеме у судьи, в ходе судебного заседания. Культура проявляется во внимательном отношении ко всем гражданам, в недопущении психологических конфликтов и срывов, в стремлении помочь всем гражданам защитить их права и интересы. Это включает разъяснение норм права, оказание помощи в формулировании своих возражений, требований при изложении необходимых фактов. Отношения должны строиться таким образом, чтобы отказ судьи, другого работника всегда сопровождался тщательным разъяснением причин отказа, информированием о других законных путях удовлетворения интересов, нарушенных прав.

Такое значение общения в деятельности суда требует постоянного контроля своих эмоций, высказываний, даваемых характеристик. Всегда необходимо учитывать возрастные, личностные особенности человека, ту ситуацию в его жизни, с которой связано его появление в суде.

Обязательным элементом культуры является и организация всех видов судебной деятельности.

Судья должен организовывать свою собственную деятельность: по приему граждан, по руководству работниками аппарата суда, по проведению судебного следствия, по всем взаимоотношениям с участниками судопроизводства.

Особо следует выделить организацию мыслительной деятельности судьи. На первый взгляд это может вызвать даже удивление: при чем здесь организация? Оказывается, она имеет огромное значение для формирования всей культуры судебной деятельности. Чтобы выполнить свою основную функцию по осуществлению правосудия, судье необходимо организовать процессы восприятия информации, продумывать способы ее анализа и сопоставления – проводить активную мыслительную деятельность. Уровень этой активности судьи обязательно проявляется и внешне – в его сосредоточенности, внимательности, в постановке вопросов лицам, передающим информацию. Все эти качества и их проявления дают возможность всем участникам судопроизводства, всем гражданам, присутствующим в судебном заседании, выносить суждения о высокой культуре деятельности судьи.

Активная мыслительная деятельность должна быть организована для осуществления всех функций судьи, всех его общений, для принятия судебных решений.

Все это можно осуществить только при наличии высоких нравственных качеств судьи: чувства долга, стремления к справедливости, гуманизму.

Культура судебной деятельности, формирующиеся отношения общества к ней складываются не только из восприятия действий судьи. Немаловажная роль отводится и деятельности аппарата суда. Внимательное, вежливое отношение, быстрота и четкость в получении необходимой информации, письменных справок, регистрация документов – все это во многом влияет на формирование общего суждения о культуре судебной деятельности. В связи с этим обязанностью судьи является и воспитание необходимых для обеспечения культуры судебной деятельности личностных качеств всех работников суда.

Культура судебной деятельности включает и активные действия судьи по организации функций всех участников судопроизводства. Это касается организации работы прокурора, адвоката, ответчика и т.д. (по их ознакомлению с делами и отдельными документами), создания условий для работы судебных экспертов и т.д.

Культура судебной деятельности включает в себя и особые требования к составлению всех процессуальных документов. Они должны строго соответствовать нормам материального и процессуального права, четко, логически грамотно излагать необходимые факты, обеспечивать правильное понимание оценки этих фактов и правовых выводов. Каждый документ должен быть рассчитан на то, чтобы убеждать всех граждан, которые будут с ним знакомиться, в полноте исследования фактов судом, справедливости принятого решения. Это и определяет в конечном счете суждение общества о культуре судебной деятельности. Все судебные документы должны иметь цель: формирование нравственной убежденности всех граждан в справедливости принятого судом решения.

Общая культура судебной деятельности обеспечивается только в том случае, если одновременно реализуются перечисленные выше ее составляющие. Могут быть созданы прекрасные внешние условия деятельности: отличная мебель, ковры, люстры и т.д., но при этом проявляется грубое, бездушное отношение к гражданам. Ни о какой культуре здесь говорить не приходится. Не может быть культуры и в том случае, если судья на приеме внешне ведет себя вежливо, но не дает ответа ни на один из поставленных ему вопросов (как оформить заявление, какие документы к нему приложить, к кому обратиться за решением возникшей проблемы, если ее не может решить суд).

Культура судебной деятельности должна обеспечиваться целенаправленной работой по достижению необходимых результатов одновременно по всем перечисленным направлениям.

Но при этом следует искать основное звено, основную задачу, решая которую только и можно обеспечить достижение общей цели, – подъем культуры судебной деятельности. Такой путь существует. Это формирование и развитие у всех работников судебной системы высокой гражданской нравственности.

Культура судебной деятельности имеет ту особенность, что ее нельзя обеспечить только предписаниями, нормативной регуляцией. Таким путем можно создать только внешнюю форму деятельности. Но внешняя форма отличается тем, что всегда сохраняется возможность ее нарушения в каких-то сложившихся условиях, отношениях, даже просто при изменении психического состояния осуществляющего судебные функции.

Чтобы обеспечить прочное развитие культуры судебной деятельности, необходимо создать внутренние условия, сформировать настоятельную потребность осуществлять все элементы культуры деятельности, потребность реализовывать эту культуру. Это может быть осуществлено только целенаправленным формированием нравственного отношения к деятельности.

Нравственные отношения формируют все направления, из которых складывается общее понимание культуры судебной деятельности.

Культура деятельности всегда есть проявление нравственных отношений и качеств лиц, ее осуществляющих.

Нравственное отношение к судебной деятельности проявляется во всех действиях, отношениях, решениях судьи. Это и обеспечивает в конечном счете результат судебной деятельности, общественное суждение о наличии высокой культуры при ее осуществлении. Тут имеется четкая взаимозависимость: нравственный уровень судьи влияет на формирование всех элементов судебной культуры, а осуществление действий, общений, принятие решений, в свою очередь, развивают нравственные качества судьи. Но эти нравственные качества не могут быть созданы одномоментно. Нужна постоянная целенаправленная, системная деятельность, направленная на формирование и развитие нравственных качеств судьи. Только это обеспечит развитие культуры судебной деятельности. Повысить культуру судебной деятельности невозможно только призывами к ее повышению. Недостаточно только издания нормативных актов. Необходима постоянная работа по формированию нравственных качеств судей.

В настоящей статье уже несколько раз обращалось внимание на необходимость иметь высокие нравственные качества, постоянно использовать их судьями в своей деятельности. Но возникает важный вопрос: как же формируются высокие нравственные качества судьи? Что является основой их формирования, появления у судей высокого

уровня нравственных убеждений? Каким образом надо действовать, чтобы сформировать нравственные убеждения у работников судебной системы? На все эти вопросы следует искать ответ в особом содержании знаний, которыми должны пользоваться судьи для осуществления своей деятельности. Чтобы обеспечить высокую культуру деятельности, судья должен располагать знанием общечеловеческих моральных ценностей, знанием нравственных основ права юридической деятельности, знанием совокупности нравственных качеств, особо необходимых в судебной деятельности (глубокое сознание нравственного долга, ответственности за каждое свое действие, за каждое принятое решение). Эти нравственные качества развиваются в самой деятельности и обязательно проявляются в культуре судебной деятельности.

Надо сказать, что изучению подобной направленности знаний до последнего времени уделялось недостаточное внимание. Построение социального правового государства потребовало более основательного, углубленного изучения всей правовой системы. Проведенные в этом направлении исследования убедительно показали, что право имеет огромное нравственное содержание: именно изучение этого постоянно формирует нравственные качества личности. Этот процесс особенно активно и плодотворно происходит у судей, которые должны знать это нравственное содержание и постоянно применять его в своей деятельности.

Анализ права показывает, что оно направлено на обеспечение нравственных целей функционирования и развития общества, имеет для этого целую систему нравственных функций, реализацией которых и обеспечиваются нравственные цели права. Так, право выполняет нравственно-информационную функцию, закрепляя в своей системе норм все нравственные ценности общества. Право выполняет нравственно-защитную функцию, охраняя все нравственные ценности общества, в том числе права и свободы граждан, их общественные формирования. Право выполняет и нравственно-стимулирующую функцию, указывая на пути, средства совершенствования нравственных качеств. Каждая правовая норма направлена на достижение нравственных целей права, на реализацию нравственных функций.

В настоящей статье не ставится задача изложения всех нравственных целей, функций права, правовых средств их обеспечения. Это огромный раздел новой науки – юридической этики. Мы только подчеркиваем, что изучение нравственной ценности права – обязательный элемент подготовки и деятельности судьи. Эти знания необходимы для осуществления правосудия, и они создают основу деятельности судьи по формированию судебной культуры.

Знание нравственных целей, функций права, нравственного содержания и направленности каждого предусмотренного правом условия,

средства действия постоянно формирует общую нравственную направленность всей судебной деятельности. Нравственные качества судьи формируются и развиваются не только при изучении нравственного содержания права. В еще большей степени их развитие обеспечивается постижением нравственной направленности процессуального регулирования деятельности по осуществлению правосудия. Все нормы процессуального права, регламентирующие порядок рассмотрения дел, содержание действий всех участников, в основе своей есть не что иное, как создание нравственных условий для установления истины и принятия решения.

Особое значение имеет четкое исполнение всех принципов процессуального права, которые отражают, реализуют нравственные принципы судебной деятельности. Неукоснительное соблюдение принципов состязательности, непосредственности, гласности, равенства сторон, соблюдение всех прав на защиту, презумпции невиновности и других обеспечивает создание необходимых нравственных условий для судебного рассмотрения дел, концентрирует, активизирует нравственные усилия судьи по обеспечению полноты сбора всей необходимой информации, ее всесторонней проверки, оценки. Полнота выполнения принципов судопроизводства создает необходимую нравственную направленность в действии всех ее участников и в то же время непосредственно влияет на формирование отношения общества к культуре судебной деятельности, убеждает всех граждан в том, что суд при рассмотрении дела строго соблюдает все нравственные условия, требования, которые обеспечивают правильное судебное решение.

Постоянное совершенствование нравственного уровня судейского корпуса страны является не только непременным условием повышения культуры судебной деятельности, но и гарантией правосудия, самого существования социального правового государства.

Раздел III
Криминалистика: от теории к практике и обратно

Основы расследования преступлений, совершенных должностными лицами

Публикуется по книге: Дулов, А. В. Основы расследования преступлений, совершенных должностными лицами / А. В. Дулов. – Минск : Университетское, 1985. – 168 с.

Глава I
Основы разработки методики расследования преступлений, совершенных должностными лицами

§ 1. Предмет методики расследования

Из названия книги следует, что в предмет методики включается вся совокупность преступлений, которые совершаются должностными лицами. Последние могут привлекаться к ответственности за халатность, злоупотребление своим служебным положением, за нарушение правил эксплуатации техники, за выпуск недоброкачественной продукции и т.д., т.е. за преступления, не только предусмотренные различными статьями Уголовного кодекса, но и относящиеся к разным его главам – классификационным группам. Допустим ли такой подход к формированию предмета методики расследования? Создается ли при этом система

знаний, помогающая при расследовании уголовных дел, где подозреваемыми или обвиняемыми являются должностные лица? Такие вопросы, безусловно, возникают прежде всего. Чтобы ответить на них, следует обратиться к истории развития методики расследования отдельных видов преступлений в советской криминалистике.

Уже в первом советском учебнике криминалистики в качестве самостоятельного раздела была выделена методика расследования отдельных видов преступлений[1], которая строилась на существовавшей тогда уголовно-правовой классификации. В последующем содержание этой части криминалистики постоянно расширялось, причем следование уголовно-правовой классификации осуществлялось в двух вариантах – в виде разработки методики расследования применительно к главам Уголовного кодекса[2] и разработки методики применительно к отдельным его статьям[3].

Такой принцип разработки методики расследования отдельных видов преступлений сохранялся и в последующем. Это привело к тому, что в методике в основном раскрывались (применительно к соответствующему виду преступлений) особенности расследования, носящие тактический характер, – особенности возбуждения уголовных дел, особенности планирования, проведения судебных экспертиз, допросов свидетелей, осмотров места происшествия и т.д.

Со временем построение методики несколько изменили: стали излагать уголовно-правовое содержание видов преступлений, рекомендации по проведению первоначальных следственных действий, приводились также особенности некоторых следственных действий. Может ли перечисленным ограничиться методика расследования? Этот вопрос постоянно возникал у ученых-криминалистов. На практике же ощущалась острая необходимость в конкретных рекомендациях, охватывающих весь процесс расследования. Становилось все более ясным, что приведенное выше построение методики расследования отдельных видов преступлений не полностью отвечает интересам практики.

Именно в связи с этим при разработке методики расследования отдельных видов преступлений все больше возникала необходимость опираться на определенные общие положения, которые можно положить в основу каждой конкретной методики. Было нетерпимо более, что методика расследования не имеет общей теории, в которой бы разрабатывались общие вопросы расследования, методологические основы этой деятельности.

---

1 Якимов Н.И. Криминалистика. М., 1925, с. 5.

2 Голунский С.А., Шавер Б.М. Криминалистика, кн. 2. М., 1939, с. 3.

3 Там же, с. 209–224.

Развитие любой науки идет первоначально по пути накопления фактов, что дает возможность их теоретического осмысливания, объяснения. Далее развитие идет по пути создания теории, которая обеспечивает более глубокое познание определенной группы явлений объективного мира. Эта закономерность необходимо проявила себя и в криминалистике, в том числе в такой ее составной части, как методика расследования преступлений.

На базе большого фактического материала, собранного на первом этапе развития науки, советские криминалисты стали все активнее разрабатывать теоретические основы методики расследования преступлений. В пределах этих основ разрабатывались вопросы взаимодействия следователя с другими субъектами процессуальной деятельности, особенности организации работы, проблемы усиления роли общественности, делались попытки выявления этапов расследования, изучалось применение специальных познаний при расследовании преступлений и многое другое[1].

Эта разработка общетеоретических проблем методики расследования привела к поискам общности методов, приемов, подходов при расследовании различных преступлений. Здесь и выявилась отрицательная сторона следования при разработке отдельных методик только существующей уголовно-правовой классификации преступлений, которое сужало поле поиска общностей, затрудняло концентрацию внимания именно на криминалистических проблемах. Например, глава «Хозяйственные преступления» в Уголовном кодексе объединяет такие составы, как ответственность за выпуск недоброкачественной продукции, спекуляция, изготовление и сбыт самогона и т.д. С криминалистической точки зрения здесь нельзя найти какие-то общие принципы расследования хозяйственных преступлений. Таких примеров можно привести множество.

Разработка общетеоретических проблем методики привела к выводу о необходимости создания криминалистической классификации преступлений. Стало ясно, что нельзя разрабатывать методику расследования, основываясь только на системе норм Уголовного кодекса. В.А. Образцов и В.Б. Ястребов в связи с этим справедливо отмечали,

---

[1] По общей теории методики расследования имеется уже значительная литература (см., напр.: Зотов Б.Л. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. М., 1955; Колесниченко А.Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений. Харьков, 1967; Васильев А.Н. Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. М., 1978; Танасевич В.Г. Теоретические основы методики расследования преступлений. – Сов. государство и право, 1976, № 6; Возгрин И.А. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Л., 1976; Возгрин И.А. Криминалистическая методика расследования преступлений. Минск, 1983).

что из-за подобной направленности исследования преступлений «остаются невыясненными важные в криминалистическом отношении общие закономерности, лежащие в основе их совершения, взаимосвязи и взаимозависимости, определяющие единство основных принципов их раскрытия»[1].

Возникла потребность в поиске других оснований классификации преступлений и разработке принципов ее осуществления. Так появились в криминалистике различные классификации[2], на основе которых предполагалось разрабатывать уже систему методик расследования отдельных видов преступлений, что гарантировало бы успех в разработке частной методики, который во многом зависит от правильности определения ее предмета.

Были сделаны предложения классифицировать методики по способу совершения преступления[3], по видам отражения преступных действий (в учетных документах, в памяти человека)[4], по совокупности оснований классификации (способ, преступный опыт, место совершения преступления и т.д.)[5], наконец, на основе криминалистической характеристики, т.е. опять же на основе совокупности признаков[6].

Обзор всех предложений позволяет сделать вывод о наличии тенденции к поиску классификации, дающей возможность выделять общие проблемы методики расследования, теоретические проблемы, решение которых важно для расследования групп преступлений, и проблемы, возникающие на уровне методики расследования отдельных видов преступлений. При такой конструкции разрешение теоретических проблем на более общем уровне являлось бы методологической основой для разработки теоретических положений последующего уровня методики расследования.

---

1 Образцов В.А., Ястребов В.Б. О комплексном подходе к проблемам борьбы с преступлениями, совершаемыми в народном хозяйстве. – В кн.: Вопросы борьбы с преступностью, вып. 29. М., 1978, с. 65.

2 По проблеме криминалистической классификации имеется обширная литература, в которой излагаются различные точки зрения на принципы и содержание предлагаемых классификаций. Анализ этих точек зрения дан в работах: Белкин Р.С. Курс советской криминалистики, т. 3. М., 1979, с. 193–201; Образцов В.А. О криминалистической классификации преступлений. – В сб.: Вопросы борьбы с преступностью, вып. 33. М., 1980, с. 90–98.

3 Криминалистика. М., 1971, с. 425 (авторы главы – А.Н. Васильев и Н.П. Яблоков).

4 Трубачев А.Д. Следственные ситуации и раскрытие отдельных видов преступлений. – В кн.: Следственные ситуации и раскрытие преступлений. Свердловск, 1975, с. 67–71.

5 Герасимов И.Ф. Криминалистические характеристики преступлений в методике расследования. – В кн.: Методика расследования преступлений. Свердловск, 1973, с. 94–95.

6 Образцов В.А. К вопросу о методике раскрытия преступлений. – В кн.: Вопросы борьбы с преступностью, вып. 27. М., 1977, с. 107.

Подобную точку зрения впервые высказал В.Г. Танасевич, считающий, что при разработке методики расследования «в ряде случаев нужно иметь в виду „трехчленную“ конструкцию: 1) общие вопросы методики расследования преступлений; 2) общие вопросы методики расследования укрупненных групп преступлений[1]; 3) конкретные... методики расследования преступлений данного рода»[2].

Необходимость разработки второго уровня методик в настоящее время признается большинством советских криминалистов. Н.А. Селиванов даже определял в качестве обязательного принципа построения конкретной методики то, что она должна быть основана на положениях групповой методики расследования[3]. Что же положить в основу классификации преступлений?

Следует сказать, что ознакомление с исследованиями криминалистов показывает четкую тенденцию увязывать второй уровень криминалистической классификации с субъектом преступления. Общепризнана необходимость разработки методики расследования преступлений военнослужащих, несовершеннолетних. Наличие ряда сходных элементов в должностных и хозяйственных преступлениях привело к появлению термина «преступления, совершаемые в народном хозяйстве»[4].

Обосновывая целесообразность выделения самостоятельной группы криминалистических методик расследования преступлений, совершаемых в народном хозяйстве, В.А. Образцов и В.Б. Ястребов отмечали, что эти преступления совершаются работниками в связи с выполнением ими своих служебных функций и сопряжены с нарушением специальных правил нормативного характера, обеспечивающих функционирование общественного производства и сферы обслуживания[5].

Такой принцип построения системы криминалистической классификации создает все предпосылки для отдельной теоретической разработки совокупности общих вопросов, присущих всем преступлениям,

---

[1] Обосновывая необходимость выделения данной группы, В.Г. Танасевич писал: «Применительно к хищениям, совершенным с участием должностных лиц, также нельзя ограничиться только конкретными частными методиками, а нужно на их базе сформулировать более общие положения методики расследования хищений, совершенных с участием должностных лиц» (Советская криминалистика: Теорет. проблемы. М., 1978, с. 172).

[2] Советская криминалистика, с. 173.

[3] Селиванов Н.А. Советская криминалистика: система понятий. М., 1982, с. 121. О делении методики на три уровня см. также: Комиссаров В.И. Теоретические вопросы следственной тактики. – В кн.: Вопросы борьбы с преступностью, вып. 39. М., 1983, с. 55.

[4] Образцов В.А., Ястребов В.Б. О комплексном подходе к проблемам борьбы с преступлениями, совершаемыми в народном хозяйстве, с. 56–66. В этой же работе авторы делят преступления на две группы – на связанные и не связанные с профессиональной деятельностью.

[5] Образцов В.А., Ястребов В.Б. О комплексном подходе к проблемам борьбы с преступлениями, совершаемыми в народном хозяйстве, с. 57.

субъектом которых является должностное лицо. Многие составы преступлений влекут за собой ответственность должностного лица. На первый взгляд, во всех случаях необходимо осуществлять полностью самостоятельную разработку методики расследования. Однако при ближайшем рассмотрении становится ясно, что расследование этих преступлений имеет много общего: по всем делам данной категории изучается деятельность должностного лица, выясняется, какие последствия могли наступить в результате его действий (бездействия)[1].

Это требует выделения таких общих проблем, с которыми придется сталкиваться при расследовании любого преступления, совершенного должностным лицом. Необходимость специальной разработки общей групповой методики подтверждается и тем обстоятельством, что в работах о расследовании отдельных видов должностных или хозяйственных преступлений авторы вынуждены исследовать и общие проблемы, без чего невозможно правильно решить вопросы конкретной методики расследования. Так, Н.П. Яблоков, разрабатывая вопросы расследования преступных нарушений правил безопасности труда, в то же время много внимания уделяет общим особенностям образования причинных связей по делам о преступлениях, совершенных должностными лицами[2].

Анализ составов преступлений, где субъектом является должностное лицо, показывает, что во всех этих случаях в действиях должностного лица имеется специфическая связь с наступившими последствиями – использование им своих управленческих функций. Происходит несчастный случай на производстве, при котором должностное лицо, ответственное за соблюдение правил техники безопасности, лично не присутствует. Портится ценное оборудование, находящееся под открытым небом, но должностное лицо, ответственное за его сохранность, может даже не находиться в пределах данной территории. Поданная жалоба не рассматривается, но должностное лицо, проявившее бюрократизм, может даже не видеть ни разу человека, который писал жалобу. Это создает особую структуру данных преступлений. Здесь всегда используются (или преступно не используются) каналы

---

[1] Существуют и составы преступлений, где то обстоятельство, что субъект преступления является должностным лицом, выступает в качестве квалифицирующего признака. Например, предусматривается повышенная ответственность за доведение до самоубийства, совершенное лицом, в подчинении у которого находился потерпевший (ст. 105 УК БССР, ст. 107 УК РСФСР), за понуждение женщины к вступлению в половую связь лицом, от которого она по службе зависима (ст. 116 УК БССР, ст. 118 УК РСФСР). Здесь исследуется не сама деятельность должностного лица и для построения методики расследования используются особенности группы преступлений против личности.

[2] Яблоков Н.П. Исследование обстоятельств преступных нарушений правил безопасности труда. М., 1980, с. 107.

управления, что позволяет выявить определенную общность путей расследования[1].

Успехи в борьбе с преступлениями, совершаемыми должностными лицами, в значительной степени зависят от глубины теоретического исследования проблемы, правильности и полноты разработки практических рекомендаций. По этой причине надо изучать криминалистические особенности преступлений должностных лиц, выявлять то общее, что присуще всем видам упомянутых преступлений. Именно должностное положение, совокупность приобретаемых в связи с этим прав и обязанностей, способы и методы воздействия на других лиц и на управляемые системы, наличие сходства в следах-отражениях действий – все это создает базу для выявления общих правил расследования подобных уголовных дел.

Сказанное дает основание сделать вывод о необходимости самостоятельной научной разработки общей методики расследования, предметом которой являются все преступления, совершенные должностными лицами.

§ 2. Цели методики расследования

Методику расследования можно рассматривать как программу деятельности по расследованию преступлений. Содержание же любой программы, ее направленность определяются в первую очередь выдвинутыми целями, прогнозируемым результатом. Это в полной мере относится и к разработке методики расследования. Поэтому для определения содержания методики прежде всего следует выявить те цели, которые достигаются в процессе расследования данной группы преступлений. Можно выделить три уровня целей: общесоциальные, юридические, тактико-криминалистические.

I. Разрабатывать методику можно, лишь имея достаточно полное представление о ее социальной значимости. Развитие науки во всех случаях обусловливается социальным заказом, который формируется под воздействием практики, осознания целей и путей развития общества[2].

Задача любой науки – вооружить общество знанием объективных законов развития, необходимым для преобразования действительности. В соответствии с этим задача методики расследования как составной части советской криминалистики – изучить закономерности совершения преступлений для выработки рекомендаций по их расследованию. Социальная задача методики может существенно конкретизироваться

---

[1] Подробнее этот вопрос рассматривается в гл. III.

[2] Лейман И.И. Наука как социальный институт. Л., 1971, с. 52.

применительно к видам преступлений, с учетом значения для общества борьбы именно с этим видом преступления. Конкретизируются и цели разработки методики расследования преступлений, совершенных должностными лицами. Эти преступления мешают экономическому, социальному, нравственному развитию нашего общества.

С учетом сказанного совершенно ясно, что разработка методики расследования преступлений, совершенных должностными лицами, направлена на укрепление всех систем управления в социалистическом обществе, усиление темпов экономического развития, улучшение материального благосостояния советских людей, активизацию процесса их коммунистического воспитания.

II. Целью разработки любой криминалистической методики расследования отдельных видов преступлений является обеспечение решения задач правосудия. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, уголовно-процессуальные кодексы всех союзных республик дают перечень этих задач. В них входят: быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных[1] (ст. 2 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик), выявление причин и условий, способствовавших совершению преступления (ст. 15[1] УПК БССР, ст. 21 УПК РСФСР). Решение этих задач в каждой методике расследования призвано в конечном счете обеспечивать неотвратимость наказания, реализацию принципа социалистической справедливости при обязательном соблюдении всех процессуальных требований и гарантий прав личности в сфере уголовного судопроизводства. Можно назвать следующие процессуальные задачи, разрешаемые методикой расследования.

1. Методика расследования должна разрабатывать проблемы выявления преступлений. Процессуальная задача раскрытия преступлений требует не только расследования очевидных противоправных, преступных действий, но и выявления скрытых, латентных преступлений. Решение такой задачи исключительно важно при расследовании преступлений, совершенных должностными лицами, поскольку одна из опасных особенностей этих преступлений заключается в их повышенной латентности. Последняя зависит от ряда факторов: а) частого отсутствия видимых последствий от совершенного должностного преступления; б) отсутствия очевидных причинных связей между наступившими вредными последствиями и действиями должностного лица; в) недостаточной социальной активности трудящихся в некоторых коллективах, где осуществляются преступные действия должностного лица; г) недостатков имеющейся системы контроля за работой должностных лиц.

[1] Эта задача уголовного судопроизводства будет раскрыта при дальнейшем изложении.

Данное обстоятельство требует особого внимания к проблеме полного выявления этих преступлений, что ставит четкие задачи перед органами расследования, перед прокуратурой как организатором борьбы с преступностью. Надо не только выявлять и расследовать преступления, но и организовывать, активизировать, направлять деятельность всего общества, всех государственных органов, общественных организаций, трудовых коллективов, отдельных граждан на выявление должностных преступлений.

Необходимо информировать трудовые коллективы о признаках преступлений должностных лиц, о путях борьбы с этими преступлениями. Важно координировать, объединять деятельность различных государственных органов, общественных организаций, трудовых коллективов по выявлению преступлений должностных лиц. Это создаст условия для широкой социальной профилактики, будет способствовать усилению активности советских граждан в предотвращении и выявлении правонарушений, ускорит процесс расследования преступлений должностных лиц.

Совершенно очевидно, что деятельность по выявлению преступлений должна подвергаться теоретическому исследованию. Появились даже высказывания о необходимости разработок специальных методик выявления преступлений[1].

Подобная направленность первоначально проявилась в разработке различных методик расследования хищений социалистической собственности, что вызвано высокой латентностью этих преступлений. Но это же свойственно и преступлениям, совершаемым должностными лицами. При разработке методик их расследования тоже следует направлять теоретические исследования и на выявление этих преступлений. Изучая структуру преступлений, механизм их совершения, оставляемые следы, методика расследования преступлений, совершенных должностными лицами, обеспечивает создание основы для разработки рекомендаций по раннему обнаружению этих преступлений.

Разрабатывать методику выявления преступлений (выражаясь медицинским языком – систему диагностики) можно лишь на основе знания закономерностей совершения конкретного вида преступлений. Только криминалистика ставит перед собой задачу исследования закономерностей преступлений. Отсюда логически вытекает, что эта наука должна включить в предмет своего изучения и проблемы выявления преступлений, заниматься вопросами создания системы их выявления.

---

[1] Ястребов В.Б. Проблемы борьбы с преступлениями, совершаемыми должностными лицами в народном хозяйстве. – В кн.: Использование современных достижений науки и техники в деятельности следственных органов и судов по борьбе с преступностью. Вильнюс, 1981, с. 412.

Необходимость разработки криминалистикой проблем деятельности по выявлению преступлений убедительно доказана и В.В. Степановым[1]. Это обусловливается и той тесной связью, которая имеется между расследованием и деятельностью по выявлению преступлений – взаимопроникающими и взаимодополняющими процессами[2].

Разрабатываемые рекомендации по выявлению преступлений, совершаемых должностными лицами, могут быть использованы и в деятельности других государственных и общественных организаций, в функции которых входит борьба с правонарушениями.

2. Методика расследования должна обеспечивать высокое качество всей следственной деятельности. В понятие качества входит много составляющих. Качественно расследовать – это значит всесторонне, полно и объективно выяснить и доказать все обстоятельства расследуемого события, предельно сократить сроки расследования (тем самым максимально приблизив момент судебного рассмотрения к моменту совершения преступления) и неукоснительно соблюсти конституционные, процессуальные права граждан – как обвиняемых и подозреваемых, так и свидетелей, потерпевших. В методике расследования все теоретические исследования, все рекомендации по решению отдельных тактических задач должны быть направлены на достижение указанных целей.

3. Методика расследования преступлений, совершенных должностными лицами, призвана обеспечивать (теоретическими знаниями и практическими рекомендациями) и профилактическую деятельность следователя по этим категориям уголовных дел.

Социалистическое государство заинтересовано не только в том, чтобы было наказано должностное лицо, совершившее преступление, но и в том, чтобы были вскрыты те условия, которые способствовали его совершению, причины, которые привели должностное лицо к преступлению, в том, чтобы были приняты все необходимые меры по предупреждению повторения аналогичных правонарушений.

Профилактика преступлений представляет собой специальную область социального регулирования. Она исключительно многообразна, осуществляется различными государственными органами, в том числе в ходе расследования преступлений. В широком смысле вся деятельность по расследованию должна рассматриваться как форма

---

[1] Степанов В.В. Предварительная проверка первичных материалов о преступлениях. Саратов, 1972, с. 139–140.

[2] Имеется много научных исследований, комплексно рассматривающих эти проблемы (см., напр.: Зверев Ю., Балашев А. Выявление и расследование взяточничества. – Соц. законность, 1977, № 7, с. 36–38; Кочнева Л.В. Выявление и расследование хищений в системе общественного питания с использованием документальных данных: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1975, с. 3–16).

общепредупредительной деятельности. Но предварительное расследование имеет и свою специфическую профилактическую функцию.

Именно в ходе расследования обеспечивается наиболее полное установление причин и условий, способствовавших совершению преступления, повышается сама возможность их выявления, профилактические мероприятия осуществляются властными полномочиями следователя в предельно сжатые сроки, что увеличивает их значение и ценность. Здесь мероприятия направляются на прекращение преступной деятельности, на ликвидацию условий, способных вновь привести к совершению преступлений.

Раскрытие преступлений и их предупреждение является двуединой задачей органов расследования[1]. Профилактическая деятельность – это составная часть общего процесса расследования, она обусловлена расследованием, реализуется в процессе его осуществления[2]. Нельзя обучать расследованию преступлений, не обучая практическим приемам решения задач по выявлению причин и условий, способствовавших их совершению, не обучая тем действиям, которые должен предпринять следователь для прекращения действия этих причин и условий.

Задачей криминалистики в общей системе профилактической деятельности является разработка специальных методов, тактических средств выявления причин и условий, рекомендаций по проведению собственно профилактических мероприятий в процессе расследования[3]. Поэтому каждая методика расследования должна включать и систему рекомендаций по осуществлению следователем профилактической деятельности. Наличие совокупности процессуальных и тактических средств, используемых следователем, создает исключительно благоприятные условия для выявления фактов, анализ и синтез которых позволит наиболее полно разработать профилактические мероприятия.

---

[1] Якубович Н.А. Теоретические основы предварительного следствия. М., 1971, с. 110.

[2] Следует отметить, что в последние годы в криминалистике проблема расследования все теснее рассматривается вместе с проблемой предупреждения преступлений. Авторы многих диссертационных исследований избирают своим предметом расследование и предупреждение определенного вида преступлений. В качестве примера сошлемся только на несколько диссертаций: Туркевич И.К. Расследование и предупреждение взяточничества (Киев, 1968); Кутушев В.Г. Расследование и предупреждение хищений государственного и общественного имущества, совершаемых несовершеннолетними (Саратов, 1971); Яблоков Н.П. Проблемы расследования и предупреждения преступлений в области охраны труда и техники безопасности (М., 1972); Занин А.В. Проблемы расследования и предупреждения выпуска недоброкачественной, нестандартной или некомплектной продукции (Саратов, 1981).

[3] Рассмотрение основных направлений криминалистической профилактики осуществлено Н.П. Яблоковым (Яблоков Н.П. О предмете криминалистического предупреждения преступлений. – В кн.: Современные проблемы судебной экспертизы и пути повышения эффективности деятельности судебно-экспертных учреждений в борьбе с преступностью. Киев, 1983, с. 106–107).

В соответствии с этим в методике надо осуществлять и теоретическую разработку комплекса проблем, обеспечивающих высококачественное проведение следователем этих мероприятий.

Некоторые криминалисты все же отвергают относимость профилактической деятельности следователя к методике расследования. Так, В.А. Образцов по этому поводу писал: «Хотя она (профилактическая деятельность. – *А. Д.*) и входит в функции следователя, однако с криминалистической методикой расследования отдельных видов преступлений имеет весьма отдаленную связь. Это видно из того, что она предусматривает внесение представлений, сообщения в коллективах трудящихся»[1]. Но ведь к этому не сводится профилактическая деятельность следователя. Она значительно сложнее и многообразнее. Прежде чем вынести представление, ему надлежит, именно в процессе расследования, вскрыть причины и условия, которые привели к совершению преступления, ему же надо совершить действия, прямо и непосредственно направленные на устранение еще в ходе расследования тех причин и условий, которые могут продолжать порождать вредные последствия и т.д. Все это – профилактическая деятельность следователя, и реализуется она в ходе расследования. Следует добавить, что для осуществления профилактики необходимо знать закономерности развития данного вида преступлений, а знания эти даются методикой расследования, определяющей и все пути их применения.

Подводя итог, следует сделать вывод, что методика расследования должна включать в круг своих проблем исследование процессов выявления, расследования и предупреждения преступлений. Это требует существенного расширения объема исследований и в методике расследования преступлений, совершаемых должностными лицами. Последняя должна обеспечивать достижение всей совокупности тесно связанных между собой целей (выявление, расследование, профилактика), что и определяет заданный объем и направления исследований.

III. Целью методики является и разработка специальных методов, призванных помочь при расследовании именно данного вида преступления, и тактических средств реализации этих методов. С учетом особенностей объекта преступных посягательств, применяемых при совершении преступления средств и приемов методика расследования призвана разработать совокупность методов и тактических средств, которые позволят решить все тактические задачи, возникающие в ходе выявления, расследования и профилактики данной группы преступлений.

Советские криминалисты выделяют внешние и внутренние цели методики расследования. Так, Р.С. Белкин пишет: «„Внешние“ – это цели,

---

[1] Образцов В.А. О предмете методики расследования преступлений. – В кн.: Вопросы борьбы с преступностью, вып. 31. М., 1979, с. 110.

ради которых существует наука; „внутренние“ цели – это те, достижение которых обеспечивает реализацию „внешних“ целей, стимулирующих развитие самой науки»[1]. Разработка методов и тактических средств и есть содержание внутренних целей методики, которые обеспечивают решение целей методики, которые обеспечивают решение целей первой и второй группы.

§ 3. Принципы построения методики расследования

Прежде чем определить содержание методики расследования преступлений, совершенных должностными лицами, надо сформулировать те принципы, на которых она должна быть построена. Надо отметить, что рассмотрению этих вопросов уделялось внимание в каждой монографической работе о методике расследования. Однако не всегда четко проводилось различие между принципами построения методики и принципами самой методики. Об этом еще в 1938 г. Б.М. Шавер писал: «Необходимо разработать устойчивые принципы, исходя из которых разрабатывались бы проблемы частной методики»[2]. Если принципы построения определяют объем проблем и подход к их изучению в методике расследования, то принципы самой методики содержат результат этого изучения, выводы о наиболее общих закономерностях деятельности по расследованию преступлений данного вида и выражаются в совокупности наиболее общих рекомендаций по их расследованию[3].

Одна из последних систем принципов построения методики предложена Н.А. Селивановым. Он перечисляет следующие принципы: обусловленность методики предметом доказывания, построение конкретной методики на положениях соответствующей типовой методики, построение системы следственных действий с учетом конкретной следственной ситуации, оптимальность набора следственных действий, подразделение следственных действий на первоначальные и последующие, оптимальная последовательность следственных действий, включение в методику комплексов действий, подчиненных решению каких-либо частных задач, очередность осуществления этих комплексов, подвижность, динамичность методики расследования каждого конкретного дела[4].

---

1 Белкин Р.С. Курс советской криминалистики, т. 1. М., 1977, с. 118.

2 Шавер Б.М. Об основных принципах частной методики расследования преступлений. – Соц. законность, 1938, № 1, с. 46.

3 Такую характеристику принципов методики впервые дал А.Н. Колесниченко (Колесниченко А.Н. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Харьков, 1967, с. 27).

4 Селиванов Н.А. Советская криминалистика: система понятий, с. 121–128.

Названные Н.А. Селивановым обстоятельства, безусловно, должны учитываться при разработке каждой методики. Однако не все перечисленное следует возводить в ранг принципа. Так, вряд ли можно считать принципом построения методики деление следственных действий на первоначальные и последующие (тем более по делам о преступлениях должностных лиц).

Существенное внимание принципам построения методики расследования уделяет в своих работах И.А. Возгрин[1]. Так, он подразделяет все принципы на три группы: а) общие принципы разработки методики расследования отдельных видов преступлений, состоящие из исходных положений, определяющих содержание, структуру и значение методики в целом; б) частные принципы, включающие в себя основные начала построения методик расследования отдельных видов преступлений; в) специальные принципы, определяющие структуру и содержание частных методик по группам (видам) преступлений[2]. В качестве общих принципов им названы соблюдение социалистической законности, единство теории и практики, самостоятельность и целостность[3].

Такими принципами практически трудно руководствоваться из-за их неконкретности, недостаточной ясности их роли в построении методики расследования. В настоящей работе не ставится цель анализа всех систем предлагаемых принципов построения методики расследования. Приведенное только иллюстрирует, что существующие системы принципов не в полной мере обеспечивают теоретическую разработку методики расследования отдельных видов преступлений, нуждаются в дополнениях.

Для разработки системы принципов прежде всего надо решить вопрос: зачем нужна система этих принципов, какую роль они призваны выполнять в развитии методик расследования? Следует исходить из четкого положения, что принципы должны обеспечивать полноту использования всех имеющихся знаний, которые можно применять в конкретных научных исследованиях – при разработке методики расследования отдельных видов преступлений. Принципы должны формулировать необходимость построения методик на знании общих закономерностей развития и формирования любой отрасли науки, на знаниях, которыми располагает криминалистика, на знаниях об объектах исследования в данной методике, а также на знании условий деятельности следователя,

---

1 Возгрин И.А. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений, с. 46–51; Возгрин И.А. Криминалистическая методика расследования преступлений, с. 116–184.

2 Возгрин И.А. Криминалистическая методика расследований преступлений, с 129.

3 Там же.

которые надо учитывать в ходе исследования. Кроме того, принципы должны помогать определять направленность научных исследований.

С учетом сказанного можно назвать следующие принципы построения каждой методики расследования.

I. Методика расследования должна выполнять основные функции любой области научного знания. Каждая наука выполняет несколько функций. Прежде всего она выполняет теоретическую (объяснительную) функцию, т.е. выясняет закономерности протекания, существования и развития явлений и процессов.

Главная роль науки заключается в том, что она «во всех областях знания показывает нам проявление основных законов в кажущемся хаосе явлений»[1]. Эти положения очень важны и для любой методики расследования, в которой необходимо изучать сущность явлений, объектов, их связей, взаимодействий. Конкретное содержание и объем изучения определяются видовыми особенностями преступления.

Рекомендации по выявлению, расследованию и предупреждению преступлений могут вырабатываться только на основе познанных закономерностей. Что же следует понимать под закономерностями осуществления и проявления преступлений? Каждое преступление есть результат взаимодействия субъектов с другими субъектами, с материальными объектами. В каждом виде преступления это взаимодействие имеет особенности в субъектах, объектах, средствах осуществления, в самом механизме взаимодействия, наконец, в оставляемых следах-отражениях, в последствиях. Совокупность всех этих моментов закономерно наличествует, проявляется при совершении любого преступления и представляет собой предмет изучения методики расследования.

Некоторые авторы в качестве принципа построения методики расследования указывают необходимость изучать способы совершения преступления[2]. Знание способа есть опосредованный результат познания закономерностей механизма совершения преступления. Излагаемый принцип требует именно изучения закономерностей, что создаст базу и для последующего познания способов совершения преступления.

В любой науке обязательно проявляется и ее прогностическая функция, дающая возможность предвидеть развитие, изменение процессов, объектов[3]. Методика расследования должна выполнять и эту функцию, что обеспечит раннее выявление преступлений.

Наконец, в методике расследования должна реализовываться прикладная функция науки, призванная обеспечить применение

---

1 Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 46.

2 Белкин Р.С. Курс советской криминалистики, т. 1, с. 215.

3 Кедров Б.М. История науки и принципы ее исследования. – Вопр. философии, 1971, № 9, с. 78.

накопленных знаний на практике, разрабатывать рекомендации для практической деятельности[1]. В методике не только изучаются определенные явления объективного мира, но и разрабатываются на основе познания их закономерностей приемы, методы, способы, средства выявления, расследования и предупреждения данного вида преступлений, что содействует достижению целей социалистического правосудия и ликвидации преступности в нашей стране.

Указанные функции науки тесно связаны между собой. Связь между ними проявляется в том, что каждая отдельная функция без других не может существовать. Практическое освоение действительности позволяет проверить правильность выявленных закономерностей и построенных на этой основе теорий. Осуществление практической деятельности, разработка рекомендаций для нее, минуя объяснительную функцию, может привести только к одному – осуществлению ее методом проб и ошибок (в результате чего будут постигнуты и некоторые закономерности, но путем совершения большого числа ошибок в практической деятельности), что совершенно недопустимо при расследовании. Сказанное касается и функции прогнозирования. Она может осуществляться только при высоком уровне знаний о предмете прогноза. В противном случае прогноз превращается в гадание, приводящее опять же к ошибкам в практической деятельности. Чем полнее выполняет функции науки методика расследования, тем в большей степени обеспечивается реализация целей, которые необходимо достигнуть обществу для активизации борьбы с преступностью.

Принцип выполнения методикой основных функций науки требует направления научных исследований и на выявление противоречий между фактами, процессами. Главное в познании закономерностей изучаемой категории уголовных дел – это обнаружение и изучение причинно связанных с преступлением противоречий в деятельности должностного лица или в деятельности того учреждения, предприятия, где оно работает. В соответствии с этим при разработке методики расследования данного вида преступлений следует детально изучить, какие противоречия могут существовать в деятельности должностного лица, в чем внешне проявляются эти противоречия, в каких следах-отражениях они отображаются, какими методами и способами следует их выявлять. Применительно к преступлениям должностных лиц противоречия обязательно имеются между установленными законом функциями должностного лица и его конкретными действиями.

---

[1] Выделяют и другие функции науки (и, соответственно, криминалистики), которые для исследования данных проблем особого значения не имеют. Подробнее о функциях науки криминалистики см.: Белкин Р.С. Курс советской криминалистики, т. 1, с. 183.

Представляется возможным выделить несколько уровней подлежащих изучению противоречий. Это противоречия между системами, между процессами в одной системе, между действиями и документальным их отражением. Указанные противоречия проявляют себя и в деятельности преступной группы, где они возникают между различными участниками. Познание этих противоречий облегчает нахождение «слабых мест» в данной преступной группе и ее «разложение».

Полный анализ всей совокупности возможных противоречий создает условия для более предметного анализа преступления, обеспечивает нейтрализацию в ходе расследования противодействия со стороны преступной группы.

II. Методика расследования должна иметь собственную методологическую основу, что является гарантией правильности проводимых исследований, полноты разработанных для практической деятельности рекомендаций.

Методологическая основа имеет несколько уровней. Прежде всего это общая методология познания – марксистско-ленинская диалектика. Диалектический материализм – это не только метод, но и теория и в то же время основа системы любой науки, причем и метод, и теория, и система постоянно развиваются, совершенствуются. Марксистская методология «дает не готовые догмы, а отправные пункты для дальнейшего исследования и метод для этого исследования»[1].

Следующий уровень методологии создается наукой криминалистикой, ее теоретической основой. Здесь реализуется общее положение о том, что «конкретные науки... в свою очередь могут выступать как методологические по отношению к более узким разделам данной области знания»[2]. Этот методологический уровень создается совокупностью знаний, имеющихся в настоящее время в криминалистической науке (с учетом используемых ею знаний из других отраслей науки), которая определяет возможности, границы теоретических исследований в методике расследования преступлений.

Методика должна так соотноситься с криминалистикой в целом, чтобы в ней находили отражение, использовались все достижения последней, которые (с изменениями, модифицировано) применяются при расследовании данного вида преступлений. Надо учитывать, что углубленная теоретическая разработка конкретных методик расследования имеет огромное значение и для развития, совершенствования общетеоретических основ криминалистики. Здесь имеется тесная диалектическая зависимость. С одной стороны, развитие каждой методики

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 39, с. 352.

[2] Копнин П., Спиркин А. Методология. – В кн.: Философская энциклопедия, т. 3. М., 1964, с. 421.

расследования возможно только на основе всех достижений криминалистики, а с другой стороны, развитие общей теории надо осуществлять путем постоянного изучения и обобщения всего того, что разрабатывается и внедряется в практику именно через рекомендации отдельных методик расследования.

В методологическую основу входят как знания, накопленные в криминалистике, так и иные знания, используемые для разработки методики. В частности, знание всех принципов, норм уголовно-процессуального права является методологической предпосылкой разработки методики расследования.

Роль методологии заключается в указании на тот круг явлений, которые должна исследовать данная отрасль науки (методика), в выработке способов, которые кратчайшим путем ведут на практике к познанию сущности этих явлений. Речь идет о выработке методов исследования наиболее типичных явлений объективного мира и раскрытия их закономерностей[1].

Представляется возможным сделать вывод, что методологическая основа дает для методики расследования совокупность целей теоретической и практической деятельности; обеспечивает предельное использование при разработке методики знаний, имеющихся как в криминалистике, так и в других науках; обеспечивает использование практической деятельности как средства проверки правильности выводов из теоретических исследований и предложенных рекомендаций; определяет пути сбора информации, необходимой для достижения целей; помогает созданию системы методов для познания изучаемых явлений и решения возникающих тактических задач.

III. Методика расследования должна выполнять функцию теоретических исследований, направленных на достижение полного комплекса целей (обязательное соблюдение целостности). Это значит, что теоретические исследования должны охватывать практическую деятельность следователя по выявлению, расследованию и предупреждению преступлений. На практике существует тесная связь между этими видами деятельности. Отсюда вытекает, что их теоретическая разработка должна осуществляться комплексно. Несоблюдение рассматриваемого принципа приведет к тому, что наука криминалистика не сможет дать всех нужных рекомендаций для оптимизации процессов борьбы с преступностью.

Комплексный подход к исследованию целей расширяет сферу подлежащих изучению явлений. Так, решение проблем профилактики требует изучения тех систем, где надо осуществлять действия

---

[1] Зиновьев А.А. Два уровня в научном исследовании. – В кн.: Диалектика теории познания: Проблемы науч. метода. М., 1964, с. 240.

по предупреждению преступлений. Эти теоретические исследования обеспечивают в практической деятельности по расследованию высокую степень вероятности прогнозирования дефектов системы, создавших возможность совершения преступления должностным лицом, и разработку конкретных профилактических мероприятий.

Излагаемый принцип также требует выявления всех задач, постоянно возникающих в деятельности по расследованию преступлений, совершенных должностными лицами. Только с учетом этого можно определить проблемы, которые должны изучаться в теоретическом плане.

IV. Методика расследования должна давать свои рекомендации в полном соответствии с требованиями Конституции СССР, с нормами уголовно-процессуального законодательства. Все рекомендации должны учитывать права граждан, обеспечивать законность, правопорядок, достижение задач социалистического правосудия.

V. Методика расследования при разработке рекомендаций должна учитывать возможности взаимодействия следователя с государственными органами и общественными организациями. Такое взаимодействие особенно нужно при расследовании преступлений должностных лиц. Борьбу с бесхозяйственностью, с хищениями, с нарушением прав трудящихся, с нарушением управленческой, хозяйственной дисциплины у нас в стране ведут многие государственные органы и общественные организации. Государством созданы различные инспекции, контрольно-ревизионная служба, органы народного контроля. Активную работу в этом направлении ведут профсоюзы, трудовые коллективы.

Знание всей этой системы выявления преступлений должностных лиц очень важно и для деятельности по расследованию. Следователь должен знать, как действуют учреждения и организации по выявлению преступлений должностных лиц, где, у кого он может получить информацию о проведенной работе по выявлению этих преступлений, функции каких органов он может использовать в процессе расследования. Это обеспечит полноту установления необходимых фактов, предельное сокращение сроков расследования, активизацию деятельности государственных органов, общественных организаций и трудовых коллективов по выявлению и предупреждению подобных преступлений. В соответствии с этим принципом методика как часть науки криминалистики должна разрабатывать пути использования представителей общественности в процессе расследования. Чем конкретнее определены эти пути, тем большую помощь могут принести представители общественности.

Формулирование перечисленных принципов дает возможность рассмотреть содержание методики расследования преступлений должностных лиц.

Глава II
Содержание методики расследования преступлений, совершенных должностными лицами

§ 1. Общая структура методики расследования

Познание структуры науки направлено на действительное постижение ее содержания, на ее постоянное развитие. Поэтому и в криминалистике данному вопросу уделяется большое внимание.

Применительно к методике расследования преступлений вопросы структурного построения впервые были рассмотрены А.Н. Колесниченко. По его мнению, каждая методика расследования должна содержать следующие элементы: а) общую криминалистическую характеристику данного вида преступлений; б) описание обстоятельств, подлежащих расследованию; в) изложение особенностей производства первоначальных следственных действий, построения следственных версий, производства следователем последующих действий; г) изложение деятельности следователя по предупреждению преступлений данного вида[1]. В приведенном перечне трудно уловить теоретическое основание выделения именно этой совокупности элементов, определить связь между ними.

Необходимость системного подхода к содержанию методики расследования отдельных видов преступлений была обоснована В.Г. Танасевичем в его докладе «Теоретические основы методики расследования преступлений», сделанном в мае 1975 г. на заседании ученого совета Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. Однако вопрос о содержании элементов системы до сих пор еще не ставился.

Прежде чем говорить о совокупности элементов, составляющих методику расследования преступлений, следует попытаться в общей структуре методики выделить ее основные подструктуры. На основе проведенного выше исследования целей и принципов построения методики расследования уже можно разрешить этот вопрос. Коль скоро методика расследования должна строиться на общих принципах построения науки, то ими и определяются ее подструктуры, те основные направления, наличие которых в общем содержании методики расследования нужно для оптимального обеспечения практической деятельности

---

[1] Колесниченко А.Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1967, с. 10.

следователей. После выделения подструктур выявление элементов и установление связей между ними может быть проведено более четко.

В каждой методике расследования выделяется несколько подструктур.

1. Подструктуру методики расследования составляет теоретическое криминалистическое исследование определенного вида преступлений. Прежде всего должна быть изучена та постоянно повторяющаяся совокупность различных объектов и субъектов, взаимодействие которых и приводит к наступлению преступного результата. Надо выявить их типичные свойства, особенности связей, проявлений, оставляемых следов взаимодействия. Следует изучать в этих объектах и субъектах механизм их действия и отражательные способности. Все это даст возможность познать закономерности преступления с криминалистической точки зрения, если так можно выразиться – «технологические» закономерности преступления. Без познания таких закономерностей построить научно обоснованную методику расследования преступлений невозможно.

В прошлом нередко основное назначение методики расследования криминалисты видели в обобщении практического опыта расследования преступлений[1]. При таком понимании методики ее, конечно, еще нельзя было рассматривать в качестве раздела науки, для которого обязательно изучение той или иной группы закономерностей объективного мира.

Методику расследования нередко определяли и как часть науки криминалистики, призванную разрабатывать рекомендации по расследованию отдельных видов преступлений[2], без четкого указания на то, что эта разработка методов и рекомендаций должна осуществляться после предварительного изучения закономерностей преступления.

Практические рекомендации по расследованию должны иметь всесторонне теоретически осмысленную эмпирическую основу. Она и создается в методике расследования изучением объектов, их взаимодействия, порождаемых им следов-отражений, а также условий, в которых совершено преступление, т.е. изучением объективных закономерностей преступления.

В настоящее время уже общепризнано, что криминалистика – это наука, изучающая в своих специфических целях закономерности объективного мира. Однако если в отношении криминалистики в целом подобное положение отражается в самом определении

---

[1] Голунский С.А., Шавер Б.М. Криминалистика, кн. 2. М., 1939, с. 3.

[2] Такие определения имелись и в теоретических работах, и в учебниках по криминалистике (см., напр.: Криминалистика. М., 1959, с. 8; Митричев С.П. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. – В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 10. Киев, 1973, с. 27).

предмета науки, то ее составную часть – методику расследования – очень часто продолжают отождествлять только с комплексом рекомендаций по расследованию отдельных видов преступлений. Так, иногда сущность методики расследования формулируется как обусловленная предметом доказывания система взаимосвязанных и взаимообусловленных действий[1]. Но чтобы создать эту систему, нужны прежде всего исследования объективно существующих явлений, которые могут и должны проводиться в рамках методики как раздела науки криминалистики.

Некоторые авторы определяют методику расследования как систему методов и приемов исследования обстоятельств преступления и изобличения виновных, «опирающуюся на разработанные криминалистикой общетеоретические положения»[2]. Но и такое определение не отражает действительного содержания методики. Она основывается на общетеоретических положениях криминалистики, но, кроме того, сама должна исследовать закономерности определенного вида преступлений. Основываясь на одних лишь общетеоретических положениях криминалистики, нельзя разработать методику расследования. Криминалистика в целом действительно изучает закономерности совершения преступления. Однако изучение этих закономерностей не может быть полностью завершено в общетеоретической части. Объективно возникает необходимость изучения закономерностей совершения конкретных видов преступлений, что и осуществляется в методике расследования.

В целом ряде определений методики расследования указывается и на изучение ею объектов материального мира. Так, А.Н. Васильев указывал, что она основана на изучении способов совершения преступлений и механизма формирования материальных и иных следов преступления[3]. Но выше уже отмечалось, что изучением способа ограничиваться нельзя – надо исследовать криминалистические элементы преступления, взаимодействие которых и понимается как способ.

Есть мнение, что методика «изучает *закономерности* организации и осуществления раскрытия, расследования и предотвращения преступлений»[4]. И с этой трактовкой согласиться невозможно. Нельзя изучать закономерности деятельности, не изучив тот объект, на который она направлена. Представляется, что ближе всех к правильному пониманию методики расследования подошел В.А. Образцов, который рассматривает ее как раздел науки криминалистики, изучающий

---

1 Селиванов Н.А. Советская криминалистика: система понятий. М., 1982, с. 112.

2 Советская криминалистика: Теорет. проблемы. М., 1978, с. 171.

3 Васильев А.Н. Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. М., 1978, с. 84.

4 Возгрин И.А. Криминалистическая методика расследования преступлений. Минск, 1983, с. 47.

«закономерные особенности возникновения информации о событии определенных категорий (видов, групп) преступлений»[1]. Правда, следует подчеркнуть, что изучать необходимо не только информацию (отображение), но и самих носителей этой информации. Важно изучать процесс, оставляющий информацию, а значит, и те объекты, которые принимали (постоянно, закономерно принимают) участие в процессе взаимодействия.

Изложенное подтверждает сделанный нами вывод, что каждая методика расследования должна выполнять теоретическую (объяснительную) функцию и имеет четкий круг изучаемых явлений. Изучение закономерностей является подструктурой методики расследования, составляет ее теоретическую часть.

2. Подструктуру методики расследования составляет и ее прогностическая часть. Прогнозирование, как уже указывалось, является одной из функций науки. Уровень развития этой функции есть показатель уровня развития науки. Совершенное преступление в ряде случаев проявляет себя и в будущем. Это может быть изменение механизма управления, возникшее, например, в силу принятого должностным лицом ошибочного, преступного управленческого решения. Будущее развитие событий, явлений надо предвидеть, активно вмешиваясь в пути их развития всем ходом расследования и предупреждая тем самым возможные вредные последствия преступления. Чтобы осуществлять эту деятельность, надо располагать необходимыми знаниями, которые должны разрабатываться в методике расследования преступлений, для чего и следует выделять в методике расследования ее прогностическую подструктуру.

Прогнозирование не должно отождествляться с процессом выдвижения версий. Если первое – самостоятельная функция науки, то выдвижение версий есть только один из методов расследования преступлений. Основное различие между выдвижением версий (гипотез) и прогнозированием заключается в том, что версии выдвигаются из-за недостатка знаний, информации, а прогнозирование основано на высоком уровне знаний об определенных процессах, которые позволяют предвидеть будущее и действовать в соответствии с этим. Указывалось, что в цели методики расследования входит и разработка мер по выявлению и предупреждению преступлений. Теоретической основой разработки систем действий по выявлению и предупреждению преступлений служит возможность прогнозирования ряда процессов. Выявлять латентные преступления, осуществлять профилактические мероприятия по их предупреждению можно лишь на основе прогностических знаний, которые

[1] Образцов В.А. О предмете методики расследования преступлений. – В кн.: Вопросы борьбы с преступностью, вып. 31. М., 1979, с. 112.

и должны разрабатываться в самостоятельной подструктуре методики расследования.

3. Подструктурой методики расследования является и ее прикладная часть – система разрабатываемых ею методов, приемов, средств для практической деятельности по расследованию. Методика расследования не может ограничиться изучением теоретических вопросов, так как в этом случае она не выполнит своей прикладной функции. Методика должна содержать комплекс практических рекомендаций, способствовать решению конкретных задач, обеспечивающих оптимальное (на данном уровне знаний) осуществление следователем деятельности по расследованию данного вида преступлений. Это определяет и направленность теоретической части, которая должна содержать сумму знаний, теоретический фундамент для разработки практических рекомендаций по расследованию преступлений.

Таким образом, структура методики расследования преступлений, совершенных должностными лицами, состоит из трех подструктур: теоретической, прогностической и прикладной (последняя содержит непосредственные рекомендации по расследованию)[1]. Все подструктуры теснейшим образом связаны между собой и могут развиваться только с учетом этих связей. Каждая подструктура состоит из ряда взаимосвязанных элементов, содержание которых будет раскрыто ниже.

§ 2. Теоретическая часть методики расследования

Теоретические исследования в методике, как уже отмечалось, должны предшествовать разработке практических рекомендаций по расследованию преступлений, совершенных должностными лицами. Эти исследования ведутся по следующим направлениям.

I. Теоретические исследования прежде всего направляются на создание методологической основы, определение общего объема уже имеющихся знаний, которые нужно использовать для разработки проблем методики расследования.

Кроме криминалистических знаний в методологическую основу включаются и сведения из других юридических наук, без которых невозможно создать фундамент построения методики расследования.

---

[1] О структуре методики расследования в криминалистической литературе высказывались различные точки зрения (см. по этому вопросу: Митричев С.П. Методика расследования отдельных видов преступлений. М., 1973, с. 7; Пантелеев И.Ф. Методика расследования преступлений. М., 1975, с. 13–18; Колесниченко А.Н. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Харьков, 1976, с. 13; Васильев А.Н. Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений, с. 6–34; Белкин Р.С. Курс советской криминалистики, т. 3. М., 1979, с. 176–183; Возгрин И.А. Криминалистическая методика расследования преступлений, с. 54– 66).

Так, содержание и направленность научных исследований в методике расследования преступлений должностных лиц в значительной степени зависит от уголовно-правовой характеристики соответствующего состава преступления, которая определяет предмет доказывания, что и создает совокупность целей познания при расследовании.

От правильности понимания предмета и пределов установления обстоятельств, подлежащих выяснению по делу, зависят полнота, всесторонность и объективность расследования. Эти знания нам также дает уголовное право.

Анализ уголовного законодательства нужен и для решения ряда других проблем методики расследования. При разработке методики надо знать: 1) как именно закон определяет данное преступление, какие наказуемые последствия предусматриваются, какие действия признаются преступными и т.д.; 2) какие дополнительные обстоятельства имеют значение для уголовно-правовой квалификации преступления (повторность, размер ущерба и т.д.). Названное раскрывает предмет расследования по уголовному делу и поэтому должно учитываться при разработке методики.

Особое значение имеет полнота сведений о составе преступления[1]. Эти сведения дают возможность выявить в преступлении его элементы и их свойства, которые надо углубленно изучать, ибо они определяют основу криминалистического познания преступления.

Суммируя, можно сказать, что использование уголовного права необходимо при разработке методики расследования преступлений, совершенных должностными лицами, для решения следующих вопросов: 1) о предмете доказывания по уголовному делу (целях познавательной деятельности следователя); 2) о тех элементах состава преступления, которые подлежат углубленному изучению с криминалистической точки зрения; 3) о возможных связях данного вида преступлений с другими, что особенно важно при расследовании дел о преступлениях должностных лиц (этим определяется разработка рекомендаций по выдвижению подобных версий); 4) о роли должностного лица в механизме взаимодействия объектов, приведшего к уголовно наказуемым результатам.

Для разработки методологической основы теоретической части методики расследования необходимы и уголовно-процессуальные знания. Прежде всего они конкретизируют предмет доказывания. В соответствии со ст. 61 УПК БССР по каждому делу подлежат доказыванию: событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления); виновность обвиняемого в совершении преступления; обстоятельства, влияющие на степень и характер его

[1] Это обстоятельство подчеркивал и Р.С. Белкин (Белкин Р.С. Курс советской криминалистики, т. 3, с. 216–220).

ответственности; характер и размер ущерба, причиненного преступлением. Кроме того, надлежит выяснять причины и условия, способствовавшие совершению преступления (ст. 15[1] УПК БССР).

Уголовно-процессуальные знания определяют способ установления фактов (например, обязательное проведение судебной экспертизы), допустимость доказательств, форму и порядок взаимодействия следователя с другими участниками процесса, а также методы, приемы теоретического познания объектов с учетом основной направленности деятельности – разработки рекомендаций для практики расследования.

Полное выявление методологической основы требует и определения той совокупности методов познания, которая может обеспечить теоретические исследования в методике. Эти методы направлены на сбор сведений о должностном лице, обо всех его взаимодействиях, на построение систем причинно-следственных связей между его действиями и преступным результатом.

II. В теоретической части методики расследования осуществляется изучение сущности группы явлений, познание которых необходимо для расследования преступлений. Уже указывалось, что обязательным принципом построения методики должно быть изучение ею определенной группы явлений.

Представляется возможным выделить три группы таких явлений и связанных с ними объектов: 1) совокупность элементов, которые необходимо имеют место (проявляют себя) при совершении преступления, и механизм их взаимодействия; 2) условия, обстановка, в которой совершается преступление; 3) следы-отражения, оставляемые преступлением (каждым его элементом, каждым взаимодействием). Рассмотрим эти группы подробнее.

1. Сущность преступления изучается несколькими науками. Так, преступление как социальное явление познается криминологией. Однако для того, чтобы расследовать конкретное преступление, необходимо изучать и «технологию» преступления, что и является объектом науки криминалистики, в частности ее раздела – методики расследования. К изучению преступления, к разработке методологии этого изучения криминалистика шла длительным путем, но такая тенденция проявилась уже в момент зарождения данной науки.

Собственно, весь процесс развития криминалистики свидетельствует о постоянном выделении и изучении отдельных элементов преступления: орудия преступной деятельности, механизма преступления, следов, оставляемых при совершении преступления. Становилось все более ясно, что для развития криминалистики, для усиления ее роли в оптимизации практической деятельности по расследованию надо

усилить изучение технологии преступления, которое должно стать объектом целенаправленного исследования в криминалистике[1].

Возникла необходимость криминалистического изучения всех элементов преступления. В криминалистической литературе стали высказываться соображения, что преступление, как и любой другой вид деятельности (поведения) человека, может рассматриваться в качестве сложной системы – целостного множества элементов, объединяющих совокупность внутренних и внешних связей и отношений[2]. Сказанное дает возможность применять при изучении преступления системный подход со всеми преимуществами этого метода. Сущность системного подхода достаточно широко известна[3]. Первым этапом исследования любой системы является выделение структуры взаимосвязанных элементов.

Структурная направленность исследования согласуется с общефилософским принципом познания – «исследование каждого предмета... есть познание его составных частей и их взаимодействия, а также взаимодействия данного предмета с другими предметами, его места и роли в объективном мире»[4]. Из этого определения выводится и основной путь криминалистического исследования преступления – оно должно изучаться через познание объективно существующей структуры элементов и их взаимосвязей.

В советской криминалистической литературе все больше реализуется структурный подход к изучению преступления, стремление рассматривать преступление как структуру, в которой можно выделить взаимосвязанные элементы[5]. Осознание наличия в криминалистике такого объекта исследования, как преступление, приводит к необходимости разработки и новой терминологии. Еще Ф. Энгельс отмечал, что «в науке каждая новая точка зрения влечет за собой революцию в ее технических терминах»[6]. То же самое произошло в криминалистике. Все в большей

---

[1] О необходимости такой направленности в криминалистике нами ставился вопрос в докладе на теоретическом семинаре в НИИСЭ МЮ СССР (Дулов А.В. К вопросу о криминалистическом анализе преступления. – В кн.: Криминалистические чтения, вып. 19. М., 1977, с. 3–9. См. также: Белкин Р.С. Курс советской криминалистики, т. 3, с. 282–283).

[2] Такое предложение было сделано, в частности, Л.Н. Викторовой, В.А. Образцовым и Н.А. Селивановым.

[3] Этот вопрос подробно освещен в трудах советских философов, а в криминалистической литературе – в трудах Р.С. Белкина, А.И. Винберга, Н.С. Полевого, Н.А. Селиванова и др.

[4] Федосеев П. Единство и взаимодействие естественных и общественных наук. – Коммунист, 1980, № 7, с. 32.

[5] Густов Г.А. Моделирование – эффективный метод следственной практики и криминалистики. – В кн.: Актуальные проблемы советской криминалистики. М., 1979, с. 39; Полевой Н.С. Криминалистическая кибернетика. М., 1982, с. 43.

[6] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 31.

степени стали оперировать терминами «структура преступления»[1], «преступная структура»[2], «состав события преступления»[3], «материальная конструкция преступления»[4] и т.д. Нам представляется предпочтительным использование термина «криминалистическая структура преступления», что будет четко определять сам структурный подход и его именно криминалистическую направленность.

Криминалистический анализ структуры преступления существенно отличается от уголовно-правового анализа или криминологического анализа преступления, где тоже используется системный подход[5]. Криминологический анализ имеет целью выбрать совокупность явлений, характеризующих преступление с социальной стороны; выяснить, как именно то или иное преступление проявляет себя, с какими явлениями социальной действительности причинно связано преступление. Уголовно-правовой анализ преступления призван облегчить и конкретизировать процесс определения и классификации явлений объективной действительности, которые по тем или иным основаниям признаются преступлением. Криминологическая и уголовно-правовая характеристики преступлений используются при разработке и изучении криминалистической структуры преступления.

В связи с этим возникает необходимость уточнить, что понимается под криминалистической структурой, в чем особенности структурного подхода к изучению преступлений.

Определение криминалистической структуры преступления имеет существенные сложности. Объясняется это тем, что преступление всегда включает в себя явления двух разновидностей. Во-первых, это результат взаимодействия объектов материального мира: взаимодействия человека с человеком, взаимодействия человека с предметом, взаимодействия предмета с предметом, которое находится в причинной связи с действиями человека. Во-вторых, преступление – это и результат мыслительной деятельности человека, совокупность субъективных решений, которые направляют физические действия человека при взаимодействии с материальными объектами. Такую взаимосвязь объективного и субъективного сложно выразить в единой структуре. Но и здесь можно выделить

---

1 Такой термин употреблялся еще И.М. Лузгиным в работе «Методологические проблемы расследования» (М., 1973, с. 45). Правда, содержание понятия в этой работе детально не раскрывалось.

2 Басалаев А.Н., Гуняев В.А. Криминалистическая характеристика преступления. – В кн.: Методика расследования преступлений: Общие положения. М., 1976, с. 99.

3 Там же.

4 Густов Г.А. К разработке криминалистической теории преступления. – Правоведение, 1983, № 3, с. 90.

5 В связи с этим употребление терминов «объект» и «субъект» применительно к криминалистической структуре имеет иное содержание, нежели в уголовном праве.

первичное и вторичное, тем самым определив уровни структуры, последовательность изучения ее элементов. Прежде всего должна быть изучена материальная структура данного вида преступления[1]. Для этого необходимо выявить (на основе изучения достаточно представительного числа идентичных событий) совокупность объективных факторов, которые обязательно имеются в наличии при совершении данного вида преступления, поскольку без них последнее не может быть совершено. Эти взаимосвязанные между собой элементы и будут составлять криминалистическую структуру преступления. Можно определить уровни криминалистической структуры преступления (и вытекающую отсюда последовательность этапов его изучения).

Прежде всего это уровень наиболее общих элементов преступления, которыми являются: субъект, совершающий преступление; объект, на который направлены его действия, и орудия, средства совершения преступления, средства воздействия на объект[2]. Нетрудно заметить, что элементы криминалистической структуры преступления напоминают элементы состава преступления – уголовно-правовую характеристику преступления. Действительно, использование последней – необходимое условие (обязательная предпосылка) построения криминалистической структуры, что справедливо подчеркивается во многих работах советских криминалистов. В то же время в этой общей криминалистической структуре не случайно отсутствует упоминание об элементах субъективного характера. Криминалистическая структура преступления – это отражение только материальных объектов (субъектов), специфическая взаимосвязь между ними. Исследованием этого объективного и выявляются (на следующем этапе познания) все особенности субъективного отношения лица к наступившим последствиям.

Криминалистическое изучение преступления будет последовательным только в том случае, если первоначально исследуются те объекты,

---

[1] Данное обстоятельство подчеркивал и Г.А. Густов, который писал: «Элементы материальной системы преступления – это люди, их физическая и психическая деятельность, вещи, свойства, процессы и т.д. В отличие от уголовно-правовых элементов преступления (объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона), являющихся юридическими понятиями, элементы материальной системы преступления существуют фактически и обладают всеми качествами, присущими объектам реального мира» (Густов Г.А. К разработке криминалистической теории преступления, с. 90).

[2] Сходные элементы преступления называет В.А. Образцов: 1) лицо, совершившее преступление; 2) способ; 3) механизм; 4) обстановка; 5) цель и мотив преступления; 6) предмет преступного посягательства; 7) последствия содеянного; 8) следы преступления (Образцов В.А. Криминалистические основы раскрытия преступных нарушений правил хозяйственной деятельности в сфере производства. Депонировано ИНИОН АН СССР, № 7651, 10.05.1981, с. 25). Различие предлагаемой нами схемы исследования с приведенной будет обосновываться в дальнейшем изложении.

взаимодействие которых влечет за собой наступление преступного результата.

Каждый из перечисленных элементов криминалистической структуры имеет много параметров, которые следует изучать в теоретической части методики расследования. Так, с криминалистической точки зрения субъект преступления должен в различном объеме изучаться по разным видам преступлений. При совершении преступлений по-разному проявляются психические, профессиональные качества личности. Например, для расследования преступлений должностных лиц важно изучать систему необходимых им профессиональных знаний и объем правомочий каждого должностного лица, исследовать их функции и т.д. Разные виды преступлений совершаются разными средствами. Эти средства, их взаимодействие, способы их применения также должны изучаться в теоретической части методики расследования. Сказанное касается и такого элемента структуры, как объект, на который направлено преступление. Он тоже имеет особенности по каждой категории уголовных дел.

В теоретической части конкретной методики подлежат исследованию и связи между элементами криминалистической структуры преступления. Именно связи реализуют взаимодействие элементов, создают целостность этой структуры.

Установление наиболее общей совокупности элементов структуры преступления создает основу для изучения отдельных видов преступления. Здесь полностью проявляет себя та истина, что «значение *общего* противоречиво... но оно только и есть *ступень* к познанию *конкретного*»[1].

В каждом виде преступлений общая криминалистическая структура конкретизируется, проявляются различные ее особенности: изменяется число составляющих ее элементов (например, могут участвовать несколько субъектов), связи между ними, во взаимодействие вступают иные предметы, изменяются способы взаимодействия и т.д. Все это и требует изучения структуры преступления в каждой методике расследования.

Изучение особенного в этой структуре (установление сходства или различий в элементах и их связях) дает возможность определить основание криминалистической классификации преступлений, основу построения системы методик расследования. Так, в структуре преступления, совершенного должностным лицом, выявляется целый ряд особенностей, которые, с одной стороны, указывают на ее самостоятельное место в криминалистической классификации, а с другой стороны, указывают, какие элементы и их связи надо изучать в теоретической части

---

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 252.

методики. Здесь имеются особенности во всех элементах структуры преступления (действует должностное лицо, имеются специфические связи между его действиями и наступившими вредными последствиями и т.д.), что и определяет необходимость изучения природы этих особенностей в самостоятельной групповой методике преступлений, совершенных должностными лицами.

Установление криминалистической структуры преступления важно не только в теоретическом плане. Оно направлено на то, чтобы существенно облегчить следователю выявление, фиксацию и систематизацию фактов, воссоздание общей картины имевшего место события.

Следующий уровень криминалистической структуры – взаимодействие элементов в процессе совершения преступления. (Иногда этот процесс именуют механизмом совершения преступления.) Взаимодействие приводит к появлению результата – чаще всего в виде изменения объекта (он меняет свою форму, место в пространстве и т.д.). Результат, в свою очередь (в определенных видах преступлений), может развиться и в такой элемент, как последствия, когда взаимодействие проявляет себя через относительно длительное время после его завершения. Исследование взаимодействия должно включать изучение его результатов, последствий, выявление тех изменений, которые возникли в каждом из взаимодействующих элементов, изменений, наступивших в пространстве, где реализовывалось это взаимодействие.

В преступлениях должностных лиц взаимодействия элементов во многом специфичны, что подтверждает лишний раз необходимость самостоятельной разработки такой групповой методики. Здесь взаимодействия реализуются через функции должностного лица. Последние определяют, как субъект связан с объектом, как он воздействовал (мог воздействовать) на него, при помощи каких средств. Так, функции должностного лица могут проявлять себя как формы связи с объектом, как средства воздействия и как цель воздействия.

Объективное изучение взаимодействия основных элементов структуры преступления позволяет выйти на исследование способов совершения преступлений. Способ характеризуется именно тем, что здесь процесс взаимодействия сознательно направляется, планируется, прогнозируется человеком. Но способ может быть познан только в том случае, если изучены объективно проявляющиеся взаимодействия. Способ совершения преступления есть специфическое сочетание элементов структуры преступления, определенное их состояние, механизм их взаимодействия. Однако способ не тождествен механизму. Последний может совпадать со способом, но может быть и шире его.

На это приходится указывать, так как до сих пор ряд авторов основой криминалистического изучения преступления, основой

криминалистической характеристики считает способ совершения преступления. Изучение одного лишь способа не создает основы для криминалистического познания преступления. Таким путем можно только превратить работы по криминалистике в пособия для жуликов.

Преувеличение значения способов совершения преступлений для их криминалистического изучения становится все более явным. Н.П. Яблоков отмечал: «...сведение информации о преступлении и методах его расследования в основном к данным о способах совершения преступлений... не позволяет создать достаточно полный и надежный алгоритм расследования отдельного вида преступления»[1].

Исследование способа, в свою очередь, приводит к возможности криминалистического изучения формы умысла, необходимо проявляющегося в тех или иных способах совершения преступления. Умысел изучается на основе выявления причинно-следственных и корреляционных зависимостей между действиями человека и наступившим уголовно наказуемым результатом.

Сказанное позволяет сделать вывод, что невозможно разрабатывать методику расследования преступлений должностных лиц без глубокого теоретического изучения всех особенностей криминалистической структуры названных преступлений, путей установления этих особенностей.

2. Исследования в теоретической части методики расследования должны быть направлены и на изучение среды, в которой совершается преступление. Сами объекты (элементы структуры преступления) всегда существуют и взаимодействуют в определенной внешней среде. Взаимодействие элементов с внешней средой может быть различным. Оно может по-разному использоваться в структуре преступления, зависеть от нее, отражаться в ней. Так, при хищении и злоупотреблении служебным положением элементы структуры преступления зачастую паразитируют в системе производства, что создает специфические взаимосвязи. Здесь взаимодействие элементов структуры преступления осуществляется с учетом, с использованием действующей системы предприятия, элементов его технологической и организационной структур. По различным видам преступлений, совершаемых должностными лицами, объем изучения условий деятельности неодинаков. В одних случаях он может ограничиваться системой внутреннего (в пределах учреждения) документооборота, в других – охватывать всю внешнюю систему связей. Однако такая направленность теоретических исследований всегда должна иметь место, а объем изучения будет определяться выявленными особенностями элементов структуры преступления (степенью их

[1] Яблоков Н.П. Методика расследования и правовая кибернетика. – Вестн. Моск. ун-та, сер. XII, 1976, № 5, с. 33.

зависимости от системы, в которой они паразитируют, от внешних условий, в которых они действуют).

3. В теоретической части методики изучаются также особенности отражательных способностей объектов, являющихся элементами структуры данного вида преступления, и особенности закономерно складывающейся системы следов-отражений. Элементы структуры, проявляя себя, взаимодействуя, оставляют разнообразные следы-отражения как в окружающем мире, так и на других взаимодействующих элементах. Поэтому о процессе расследования чаще всего и говорят как о поиске, фиксации, исследовании, анализе и синтезе следов, оставленных на месте преступления. Следы взаимодействия всегда остаются. По ним производится поиск преступника, устанавливаются обстоятельства совершенного преступления. Особенности структуры конкретного вида преступлений, способов взаимодействия ее элементов приводят к появлению особенностей и в системе следов-отражений. Знание закономерностей возникновения следов, зависимостей между ними позволяет реконструировать форму, свойства, проявления взаимодействующих элементов, сам процесс взаимодействия.

В методике расследования должны излагаться закономерности проявления следообразующих свойств объектов (физического, экономического, технологического, биологического характера) и закономерности формирования следов-отражений от каждого элемента как на других элементах (в ходе взаимодействия), так и в той системе, где это взаимодействие осуществлялось.

Четкое определение криминалистической структуры преступления, теоретическое изучение каждого из ее элементов, их связей, уровней, последовательности этих действий дает возможность реализовать структурный подход и в практической деятельности по расследованию преступлений. Знание криминалистической структуры преступления – основа познавательной деятельности следователя.

Весь процесс расследования может рассматриваться как собирание и изучение фактической информации об обстоятельствах, определяемых элементами структуры данного преступления. Зная общие закономерности построения элементов структуры и их связей по данному виду преступлений, собрав достаточно полную информацию об одном из элементов структуры, а также о его связях с каким-то другим элементом, следователь собирает информацию об этом последнем, после чего по такому же принципу – об остальных элементах.

Процесс расследования во всех случаях содержит исследование, уточнение, проверку, конкретизацию общих сведений о структуре элементов, их взаимодействии при совершении данного вида преступлений. Отсюда ясно, насколько важно выявить все особенности структуры

на теоретическом уровне, ибо это облегчает деятельность следователя по познанию конкретного преступления. Чем полнее и правильнее определена общая криминалистическая структура преступления, тем в большей степени она выполняет функцию алгоритма для практической деятельности по расследованию, а криминалистика – свою прогностическую функцию.

Краткое рассмотрение содержания криминалистической структуры преступления позволяет сделать еще несколько выводов. Прежде всего представляется возможным убедиться в ошибочности высказываний о следственной работе только как о поиске следов, о том, что на месте преступления остаются лишь следы от него. Деятельность следователя всегда направлена на установление элементов структуры преступления, их взаимодействия, его результата, следов-отражений. Это не спор о словах. Различное понимание направленности деятельности следователя сказывается на полноте и содержании разрабатываемых рекомендаций.

Следует сделать еще один вывод. Логика развития науки требует, чтобы раздел об общих закономерностях преступления, принципах, путях его изучения содержался в общетеоретической части криминалистики. Именно содержание общих положений должно быть положено в основу всех частей криминалистики, в том числе и методики расследования, где эти общие положения используются для детализации структуры конкретного вида преступлений. Пока же такого раздела в теоретических основах криминалистики нет, вследствие чего и нужна разработка этих вопросов в методике расследования.

В пользу создания раздела об основах криминалистического исследования преступления в общетеоретической части криминалистики говорят и результаты изучения современного состояния разработок криминалистической характеристики. Существующий разнобой, отсутствие решения вопроса даже о самом понятии, основных элементах этой характеристики, многочисленные попытки разработки частных криминалистических характеристик без предварительного создания общей теории, общего подхода – все это свидетельствует об острой необходимости разработки проблем криминалистического исследования преступления (и только как результат этого – криминалистической характеристики) в общетеоретической части криминалистики.

§ 3. Прогностическая часть методики расследования

Начало криминалистическому прогнозированию было положено в трудах Р.С. Белкина, где обстоятельно доказывается необходимость его развития и раскрывается его содержание. Рассматривая возможности применения криминалистического прогнозирования,

Р.С. Белкин предвидел использование его в двух направлениях: прогнозирование научных исследований и их результатов и прогнозирование преступности (в криминалистическом аспекте этого явления), средств, форм и методов борьбы с нею[1]. В методиках расследования должно реализовываться второе направление, которое мы и рассмотрим ниже.

Деятельность следователя, как, впрочем, и человеческая деятельность вообще, не может развиваться без предвидения результатов. Но это предвидение становится более полным и точным при соблюдении правил научного прогнозирования. В связи с этим надо исходить из необходимости разрабатывать прогностическую часть в каждой методике расследования. Эта разработка может осуществляться лишь на основе уже имеющихся знаний (в теоретической части) обо всех особенностях элементов криминалистической структуры данного вида преступлений.

Следует помнить, что объектом прогнозирования может быть только такая система, в которой выявлены закономерности построения элементов ее структуры, взаимосвязей этих элементов, что и дает возможность (математически, психологически, логически и т.д.) с достаточно высокой степенью достоверности предвидеть развитие системы, состояние каждого элемента, процессы взаимодействия, их последствия. Прогностика – это оптимальная реализация знаний об объектах исследования при планировании предстоящего взаимодействия с ними (воздействия на них).

В каждой методике надо изучать:

1. Цели прогнозирования (с учетом особенностей субъектов, объектов, их взаимодействия).
2. Применяемые методы прогнозирования (с учетом его целей, особенностей элементов, их связи в данном виде преступлений).
3. Объекты прогнозирования.
4. Порядок построения и проверки прогнозов.
5. Особенности принятия решений с учетом содержания имеющейся информации и достоверности прогнозов.

Прогностическая часть методики может включать прогностические проблемы выявления, расследования и профилактики преступлений должностных лиц. Остановимся на прогнозировании процессов расследования.

Прежде всего отметим, что прогнозирование может осуществляться в отношении всех элементов структуры преступления. Чаще всего

---

[1] Белкин Р.С. Курс советской криминалистики, т. 2. М., 1978, с. 353–354. В настоящее время уже появились диссертационные исследования по криминалистическому прогнозированию отдельных проблем (Биленчук П.Д. Криминалистическое прогнозирование поведения обвиняемого на предварительном следствии: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1983).

прогнозирование необходимо для определения будущего поведения лиц, подозреваемых в совершении преступления. Для практической деятельности по расследованию методика должна давать знание и возможных вариантов поведения лиц, совершивших преступление, в ходе его расследования. После совершения преступления лица, причастные к нему, продолжают существовать, а значит, действовать, вступать во взаимодействие. Эти действия субъектов могут препятствовать установлению истины. Поэтому методика призвана изучать и противодействие преступников установлению истины.

Уже на теоретическом уровне, зная закономерности структуры преступления, можно прогнозировать способы противодействия, которое окажет должностное лицо в ходе расследования, и в соответствии с этим разрабатывать меры для его предупреждения. Чем лучше следователь знает пути, средства, способы оказания противодействия, тем легче ему предупредить это противодействие, а значит, и обеспечить установление истины по расследуемому уголовному делу.

Как показывает практика, недостатки расследования во многих случаях объясняются именно тем, что следователи не учитывают, не прогнозируют возможное противодействие со стороны преступников. Привлекаемые к уголовной ответственности должностные лица часто успевают принять такие меры, которые сильно затрудняют расследование.

Можно выделить следующие способы оказания противодействия расследованию: 1) уничтожение следов преступления (документы, следы рук, ног, транспорта и т.д.); 2) запугивание, подкуп свидетелей; 3) создание систем ложных доказательств.

При расследовании преступлений должностных лиц следователю приходится сталкиваться, кроме перечисленных, и со специфическими способами противодействия, что определяется особенностями структуры рассматриваемых преступлений, положением должностного лица. Прежде всего это подделка и фабрикация документов. Само положение должностного лица, принимающего решения, имеющего постоянный доступ к документам и оформляющего свои действия в системе документального отражения, создает достаточно широкие возможности для использования этого вида противодействия. Здесь имеются значительные возможности по склонению свидетелей к даче ложных показаний. В качестве свидетелей зачастую выступают подчиненные должностного лица. Это облегчает организацию подобного противодействия. Известны факты, когда должностные лица заставляли подчиненных не выполнять указания следователя, выполнять их ограниченно и т.д.

Противодействие со стороны должностного лица облегчается и тем, что обычно у него имеется информация о материалах, переданных

следователю, а иногда и о тех действиях, которые последний проводит. У должностных лиц зачастую имеются обширные связи, что и упрощает получение информации, установление контактов, используемых для противодействия.

Одна из особенностей некоторых преступлений, совершаемых должностными лицами, заключается в том, что само преступление может быть совершено без прямого умысла, даже по неосторожности, но после наступления преступных результатов должностное лицо начинает сознательно разрабатывать и совершать действия (подчас еще более преступные) с целью сокрытия от следствия допущенной им вины.

Представляется необходимым сделать ряд общих выводов по прогнозированию расследования, которые должны учитываться при разработке методики.

1. Познание структуры данного преступления, совокупности его элементов (субъектов, объектов), их взаимодействия должно завершаться прогнозированием существования, развития, действия этих элементов после возбуждения уголовного дела.

2. Прогнозирование должно применяться в отношении всех субъектов и объектов, которые находились во взаимодействии. Следует не только выявлять изменения, наступившие в результате взаимодействия, но и прогнозировать дальнейшие изменения.

В связи с этим возникает необходимость кроме понятия «преступный результат» пользоваться и понятием «возможные последствия». В криминалистике под последствиями понимается совокупность прогнозируемых обстоятельств, при наличии которых может продолжать наступать преступный результат от действия, состояния, выявленного в ходе расследования. Такая особенность последствий часто проявляет себя в преступлениях, совершаемых должностными лицами. Развал учета, дефектные управленческие решения могут порождать преступления и после привлечения должностного лица к уголовной ответственности.

Прогнозирование позволяет предвидеть продолжение действия дефектных элементов структуры и принимать меры для предупреждения возможности наступления преступного результата. В качестве примера такого прогнозирования можно привести следующий случай из практики. Во время ходовых испытаний скоростного катера дизельный двигатель сорвался со стальной плиты, на которой был укреплен. Это привело к тому, что катер затонул, а один из находившихся на катере рабочих получил тяжкие телесные повреждения. Расследованием возбужденного в связи с этим уголовного дела было установлено, что при сборке катеров бригадир сборщиков, выявив в нескольких опорных плитах трещины, заявил начальнику цеха о невозможности устанавливать на них дизельные моторы, поскольку во время эксплуатации опорные

плиты наверняка разорвет, что может привести к тяжелым последствиям. Так как других плит на заводе не было, то под угрозой оказалось выполнение месячного плана. О случившемся доложили главному инженеру, который распорядился без огласки зашпаклевать трещины в опорных плитах, покрасить их и поручить сборку и установку двигателей другой бригаде. Всего на дефектных плитах были собраны двигатели 8 катеров. Семь катеров к моменту начала расследования были уже в эксплуатации. Зная результат взаимодействия дизеля и дефектной опорной плиты, легко можно прогнозировать последствия от эксплуатации остальных катеров. Немедленно было установлено местонахождение всех катеров, и их сняли с эксплуатации.

Приведенный пример показывает, что последствия преступных действий должностного лица могут продолжать приносить вред и после установления факта принятия преступного управленческого решения. Для предупреждения этих вредных последствий нужна целенаправленная деятельность следователя, результативность которой будет обеспечиваться тогда, когда уже в ходе теоретического изучения структуры преступления разрабатывается прогностическое направление, выделяются в качестве самостоятельного элемента последствия совершенного преступления.

3. Необходимо разрабатывать прогнозирование способов совершения преступления по выявленным подготовительным действиям должностного лица. Знание функций должностного лица, используемых им путей воздействия на материальные процессы, на деятельность других людей, наконец, знание причинно-следственных связей, которые закономерно развиваются после осуществления определенной функции, – все это позволяет прогнозировать развитие событий, предвидеть вредные последствия совершаемых преступных действий должностного лица.

4. Прогнозирование действий должностного лица может быть использовано с целью проведения специальных тактических операций для его изобличения[1].

5. Криминалистическое прогнозирование должно использоваться для выявления и профилактики преступлений должностных лиц. Разработать систему и методы выявления преступлений можно только в том случае, если на основе знания криминалистической структуры преступления прогнозируются пути развития наблюдаемого явления в преступление.

Профилактическая деятельность следователя также не может осуществляться без прогнозирования. Устанавливая причины и условия, которые привели к совершению преступления, следователь должен строить прогностические модели возможности продолжения наступления

---

[1] См. гл. V.

вредных последствий, если та или другая причина будет существовать без изменения. Надо также прогнозировать изменения в объекте, в деятельности, с тем чтобы создать условия, при которых исключалось бы совершение подобного преступления в будущем. Именно прогностическое направление исследований создает основу для профилактической деятельности, для оптимизации процессов выявления преступлений должностных лиц.

Развитие прогностических исследований существенно увеличит возможность выявления и профилактики преступлений, совершаемых должностными лицами.

§ 4. Прикладная часть методики расследования

На основе теоретических исследований в методике уже разрабатываются необходимые для практической деятельности по расследованию рекомендации, которые и излагаются в прикладной части. Эта часть методики должна состоять из ряда разделов.

I. Формулирование системы общих задач, подлежащих решению по данной категории уголовных дел, и на этой основе определение общих принципов (правил), которые надо соблюдать в ходе расследования. В криминалистике разработана система общих принципов расследования преступлений, которая является основой любой методики расследования. Принципы есть результат познания закономерностей преступной деятельности и определяют обязательные условия, а также этапы расследования.

Самостоятельная система принципов существует и в каждой частной методике. Необходимость выработки принципов расследования преступлений, совершенных должностными лицами, определяется особенностями осуществления этих преступлений, их развития. Кроме того, имеется специфическая группа задач, которые возникают и должны решаться только по данной категории уголовных дел. Целесообразно выделить эти задачи, обратить на них внимание как на принципиальные особенности, которые требуют от следователя четко направленных действий.

Среди таких особенностей следует назвать:

1. Направленность расследования от отдельного факта к выявлению в деятельности должностного лица всей совокупности преступных действий. Расследование дел о злоупотреблениях нельзя ограничивать доказыванием того эпизода, по которому было возбуждено уголовное дело. Во всех случаях надо выдвигать версию о возможном совершении данным должностным лицом аналогичных преступлений. Это вызвано тем обстоятельством, что негативные качества (лживость, стяжательство,

профессиональная некомпетентность и т.д.), если они имеются, систематически оказывают отрицательное влияние на осуществление функций, закономерно проявляясь в деятельности и тем самым создавая систему нарушений.

2. Необходимость искать возможные связи данного преступления должностного лица с другими. Например, должностной подлог может являться в конечном счете только элементом взяточничества, хищения социалистической собственности и т.д.

3. Обязательность использования деятельности контрольных учреждений, призванных выявлять и предупреждать преступления должностных лиц. Такая функция в том или ином виде имеется у значительного числа учреждений. Соблюдение этого правила будет способствовать обеспечению полноты расследования и в то же время будет активизировать, направлять деятельность контрольных, ревизионных, инспекционных органов на более полное осуществление своих функций в последующей работе. В связи с этим в процессе расследования должен быть решен и вопрос об использовании всей информации, имеющейся в распоряжении названных органов, о привлечении отдельных лиц из этих органов для решения возникающих тактических задач.

4. Обязательность выявления и использования всего комплекса следов-отражений, возникающих при совершении преступлений должностными лицами. По данной категории уголовных дел имеется существенная особенность в видах следов-отражений, в их связях между собой и т.д. В частности, особое значение приобретают документальные следы-отражения. Данное правило требует изучения всех систем документов, через которые можно собрать доказательственные факты об элементах структуры преступления, их взаимодействии и его последствиях.

5. Обязательность установления всех причин и условий, способствовавших совершению преступления, в том числе и лиц (если они имеются), которые толкнули данное должностное лицо на преступление или иным образом связаны с этим лицом преступной деятельностью.

II. Определение особенностей решения тактических задач, возникающих по делам о преступлениях должностных лиц. Остановимся на некоторых из этих особенностей.

При решении тактических задач следует учитывать возможность противодействия, содержание и форма которого определяются именно положением должностного лица. Сказанное ведет к необходимости при решении любой тактической задачи учитывать не только саму возможность противодействия, но и те пути, те средства, которые может использовать для этого должностное лицо (с учетом занимаемой им должности).

Среди особенностей тактических задач следует назвать и специфичность установления, выявления причинно-следственных связей между действиями должностного лица и наступившими последствиями. Эти связи сложны, многообразны, опосредованны, что требует в каждом отдельном случае применять для их установления систему тактических средств.

Наличие таких сложных связей, наличие самого факта изучения специальной деятельности должностных лиц создает еще одну особенность решения тактических задач – почти всегда требуется привлечение к процессу расследования различных специалистов. Их познания нужны при проведении отдельных следственных действий и их комплексов для изучения особенностей деятельности должностного лица, системы, в которой оно действует.

Решение тактических задач по делам о преступлениях должностных лиц осуществляется при помощи специфических следов-отражений (документов), что приводит к определенной направленности и следственных действий, и мыслительной деятельности следователя для их выявления, анализа и синтеза.

III. Система методов расследования. До последнего времени разработкой этого элемента в методиках расследования занимались крайне недостаточно. Даже в учебниках криминалистики не указывается, в чем отличие, например, методов расследования взяточничества от методов расследования убийств, хотя именно изложение методов является основой для практических рекомендаций по осуществлению расследования.

Задача разработки методов расследования часто не включается в предмет методики расследования преступлений. Указывается на общую задачу разработки тактических средств, но ведь средствами только реализуются методы. Научно обоснованные рекомендации для расследования в своей основе прежде всего должны содержать указание на методы этой практической деятельности.

Разработка методов деятельности – основной путь внедрения научных достижений в практику.

Конечно, нельзя отсюда делать вывод, что следователи вообще не применяли и не применяют методы расследования. Практическая деятельность – это всегда сознательное осуществление какого-то избранного пути, метода. Однако в работе следователя применение метода складывается часто интуитивно, как результат личного усвоения научных достижений, как результат накопленного практического опыта. Интуитивное знание метода, как и любое интуитивное знание, обладает одной особенностью: оно не выражено в явной и доступной для всех форме, оно не может быть использовано другими следователями. Это знание не может передаваться и обеспечивать правильность хода

и результатов деятельности в каждом отдельном случае. Наконец, подобного рода знание метода в каждом случае индивидуально – как по способу возникновения, так и по его объему. Причем знание метода очень часто появляется в результате множества проб и ошибок в предыдущей следственной деятельности. Это лишний раз свидетельствует о настоятельной необходимости разработки системы научно обоснованных методов расследования.

Отставание в разработках методов практической деятельности по расследованию преступлений не случайно. Оно отражает состояние и закономерности развития криминалистики. Научно разработанные методы практической деятельности могут появиться только на определенном уровне развития науки. Методы расследования могли появиться только тогда, когда теоретически были изучены закономерности преступной деятельности, когда были разработаны основные криминалистические учения[1].

Проблеме методов расследования в последние годы уделяется все больше внимания. Многие авторы стали прямо указывать, что главными в деятельности по выявлению и расследованию преступлений являются методы[2]. В настоящее время стало общепризнанным, что криминалистическая методика должна разрабатывать и методы расследования. Их теоретические и практические проблемы разрабатываются такими криминалистами, как Р.С. Белкин, И.М. Лузгин, Н.А. Селиванов, В.Г. Танасевич, А.А. Эйсман, Н.П. Яблоков, и многими другими. Это дает достаточную уверенность в том, что усилия советских ученых обеспечат создание системы научно обоснованных методов расследования преступлений.

Методы расследования дают возможность следователю после определения исходного комплекса имеющихся доказательств, установления конкретной цели деятельности, выявления тактической задачи действовать оптимально четко, с наименьшей затратой сил добиваясь заранее поставленной цели. Методы расследования должны охватывать все ситуации, которые возникают, могут возникать в процессе расследования уголовных дел. Такой системы методов еще нет. Однако знание закономерностей развития преступления, его элементов, образования следов уже позволяет разрабатывать методы, при помощи которых могут быть выявлены в процессе расследования все элементы структуры преступления, взаимосвязи между ними. Главной задачей методики расследования должна стать разработка методов практической деятельности –

---

[1] Белкин Р.С. Курс советской криминалистики, т. 1. М., 1977, с. 233–267, 288–307.

[2] См., напр.: Глистин В.Н. Значение и объем профессиональной подготовки следователей для рациональной организации их труда. – В кн.: Организация работы следователей, вып. 4. М., 1976, с. 41; Танасевич В.Г., Шрага И.Л., Ястребов В.Б. Задачи борьбы с хищениями на современном этапе. – Сов. государство и право, 1974, № 2, с. 75.

это создаст твердую научную основу для всех рекомендаций по применению тактических средств и приемов.

Специфические методы расследования должны применяться и при расследовании дел о преступлениях, совершенных должностными лицами. Рассмотрению их посвящена отдельная глава в настоящей работе.

IV. Разработка рекомендаций по особенностям применения тактических средств. Специфичность целей расследования, особенности криминалистической структуры преступления, система методов, разработанная для достижения целей, требуют и изучения тактических средств, которые для этого будут применяться.

Под тактическими средствами в самом общем виде понимается совокупность действий, способов получения информации, необходимых для решения тактических задач, реализации метода расследования, а в конечном счете – для выявления всех элементов структуры преступления и решения вопросов о наличии состава преступления, о степени виновности должностного лица.

При расследовании данной группы преступлений применяются все тактические средства, предусмотренные уголовно-процессуальным законом: допросы, очные ставки, осмотры, обыски, следственные эксперименты и т.д. Часто применяется и такое тактическое средство, как судебная экспертиза. Уже указывалось, что при расследовании преступлений, совершенных должностными лицами, нельзя обойтись без использования многообразных специальных познаний, что является даже отличительным признаком данной методики расследования. Это обусловило широкое использование экспертиз при расследовании преступлений должностных лиц. Наиболее часто экспертиза назначается для исследования обстоятельств, связанных с определением характера и размера вредных последствий, вызванных действиями должностного лица; для проверки правильности постановки и ведения бухгалтерского учета, хозяйственных операций; для установления причинной связи действий должностного лица с наступившими последствиями; для исследования вещественных доказательств.

V. Разработка рекомендаций по осуществлению взаимодействия следователя с органами дознания, государственными инспекциями, контрольными службами, общественными организациями, трудовыми коллективами для достижения целей расследования и для профилактики преступлений. Подобный элемент в методике расследования впервые предложил выделять Г.Г. Зуйков[1].

---

[1] Криминалистика, т. 2. М., 1970, с. 241–252. На необходимость рассмотрения в методиках расследования проблем взаимодействия следователя с органами дознания указывали А.А. Эйсман (Советская криминалистика: Теорет. проблемы. М., 1978, с. 7) и Н.А. Селиванов (Селиванов Н.А. Советская криминалистика: система понятий. М., 1982, с. 12).

Необходимость такого выделения представляется оправданной, если учитывать, что по разным категориям уголовных дел система взаимодействия в ходе расследования может быть совершенно различной.

Взаимодействие – составной элемент любой деятельности, особенности которого обязательно проявляются в его содержании и формах. Поэтому, изучая взаимодействие, мы тем самым выявляем и особенности данного вида практической деятельности. Это в полной мере относится и к деятельности по расследованию преступлений.

Отсюда одной из задач любой методики расследования является разработка такой системы взаимодействия, которая обеспечит успешное расследование дел данной категории. Это важно в связи с тем, что взаимодействие определяет всю организацию расследования, а не только отдельное тактическое действие. Особое значение эта проблема имеет для методики расследования преступлений должностных лиц, поскольку именно здесь следует привлекать к процессу расследования, к разрешению отдельных тактических задач специалистов, работников контрольных органов.

В самом общем виде можно определить и перечень тех вопросов, которые необходимо исследовать по данной проблеме: а) цели и задачи, разрешаемые путем взаимодействия следователя с другими органами, организациями, трудовыми коллективами, отдельными лицами; б) особенности взаимодействия с учетом различных вариантов структуры преступления; в) круг участников взаимодействия с установлением функций каждого из них; г) условия процесса расследования преступлений должностных лиц и их влияние на форму и содержание взаимодействия; д) принципы взаимодействия (логические, психологические, этические).

VI. Разработка особенностей проведения тактических операций. Решение тактических задач, взаимодействие следователя с различными органами и организациями при их решении требует более широкого осуществления самых различных тактических операций. Здесь применяются разнообразные методы расследования. Реализация метода всегда требует специфической совокупности тактических средств, т.е. опять же проведения тактической операции. В методике расследования возникает необходимость разработки системы тактических операций, соответствующей системе применяемых методов расследования, которыми решаются возникшие тактические задачи.

Можно назвать и сумму общих проблем, связанных с проведением тактических операций, которые должны разрабатываться в методике расследования: а) выявление разновидностей тактических операций, которые должны проводиться по данной категории уголовных дел; б) определение последовательности тактических операций, выявление

и исследование факторов, влияющих на последовательность их проведения; в) выявление обстоятельств, требующих подготовки при проведении того или иного вида тактической операции; г) разработка (исходя из особенностей целей данной категории уголовных дел, специфичности объектов) специальных тактических операций, рассчитанных на их проведение только при расследовании преступлений, совершенных должностными лицами; д) разработка технического оснащения для проведения тактических операций по данной категории уголовных дел; е) разработка особенностей организации и проведения тактических операций в зависимости от различных типичных ситуаций (в частности, в зависимости от особенностей возбуждения уголовного дела).

VII. Разработка проблем построения общей модели расследования преступлений. Методика расследования различных преступлений часто строилась, как уже указывалось, на освещении лишь первоначальных следственных действий и изложении некоторых их особенностей, без попытки охвата всей совокупности предстоящей следователю деятельности. Считалось, что первоначальная информация, которой располагает следователь в момент возбуждения уголовного дела, дает ему возможность определить только первоначальные следственные действия, а последующие можно разработать лишь по получении новой информации и т.д. Такой подход не позволял видеть перспективу расследования, весь объем предстоящей работы.

Практическая деятельность человека невозможна без предвидения конечной цели деятельности и путей ее достижения. Определение всей совокупности действий и их последовательности до достижения конечной цели и есть построение модели предстоящей деятельности. Разработка принципов построения общей модели расследования – важнейшая задача криминалистической науки.

Любая модель деятельности имеет следующие основные элементы:

1. Цель деятельности. Она может состоять из системы целей, достигаемых последовательно или одновременно. Но даже наличие одной общей цели не исключает необходимости при построении модели деятельности определять пути конкретизации общей цели посредством выяснения элементов последовательного ее достижения. Эта конкретизация обеспечивает тщательность установления всех других элементов деятельности, т.е. в конечном счете обеспечивает успех последней. Важнейшей особенностью модели расследования является наличие комплекса целей. Постановка только одной общей цели не позволяет построить модель практической деятельности. Комплекс целей выводится из общих задач расследования, предмета доказывания, регламентируемых уголовным и уголовно-процессуальным законодательством.

2. Этапы достижения общей намеченной цели. Их определение зависит от ряда факторов. Прежде всего от наличия исходных и учета постепенно увеличивающихся возможностей (условий) деятельности, поступающей информации.

3. Совокупность методов и средств, при помощи которых предполагается добиться достижения цели. Бывают виды деятельности, где перед выбором средств первоначально надо найти методы, при помощи которых будет достигнута та или иная поставленная цель. Именно к таким видам деятельности относится и расследование преступлений.

Конечно, модель деятельности не может содержать одинаковые элементы. В одних случаях можно сразу определить точно все основные параметры предстоящей деятельности. В других случаях имеется возможность определить их частично, ограничившись построением модели из некоторых параметров, заранее зная, что остальные элементы, этапы деятельности проявятся уже в ходе осуществления общей ее модели.

Именно такая особенность свойственна модели расследования преступлений. Малый объем информации, имеющейся при возбуждении уголовного дела, существенно затрудняет практическое построение модели деятельности, которая могла бы использоваться до конца расследования. Однако структурный подход к криминалистическому изучению преступления позволяет ликвидировать этот недостаток.

Знание совокупности элементов структуры преступлений позволяет построить общую модель, используемую вплоть до завершения расследования. Для построения общей модели следует:

а) распределить все первоначально имеющиеся факты по их относимости к тому или другому элементу структуры, к той или другой связи между этими элементами. Такое распределение имеющихся доказательств отграничивает доказанные элементы структуры преступления от тех элементов, в отношении которых доказательства еще не собраны;

б) определить последовательность действий по выявлению и уточнению того или иного элемента структуры преступления.

Именно распределение всей деятельности следователя в четкой последовательности, с конкретизацией внимания на отдельных элементах структуры преступления, на отдельных связях и создает возможность построения общей модели, охватывающей весь процесс расследования. Первоначальное построение модели, конечно, не снимает необходимости постоянного уточнения ее с учетом новых доказательств, полученных в ходе расследования.

Можно вывести некоторые общие правила составления модели расследования преступлений должностных лиц.

1. Построение модели начинается с того элемента структуры преступления, который по первоначальной информации выявлен в наибольшей степени.

2. Модель расследования должна предусматривать реализацию методов, обеспечивающих нейтрализацию противодействия подозреваемых.

3. Составным элементом общей модели расследования всегда являются тактические операции, при помощи которых разрешаются тактические задачи по установлению всех элементов структуры преступления и связей между ними, а также по выявлению механизма должностного преступления и его последствий.

Анализируя такой элемент общей модели расследования преступлений, как средства достижения целей, следует иметь в виду, что реализация этих средств, как правило, происходит через осуществление тактических операций. Поэтому общая модель расследования представляет собой как бы систему тактических операций. Причем некоторые из них могут быть включены в общую модель с начала ее построения, а другие включаются в процессе расследования, в ходе дополнения модели.

Для составления модели расследования надо определить: относимость первоначально имеющейся информации к различным элементам структуры данного вида преступления, к связям между ними; комплекс целей деятельности, возникающих из первоначальной информации; последовательность выяснения элементов структуры преступления, связей между ними с учетом первоначальной информации и теоретических разработок криминалистики; тактические задачи, направленные на достижение целей деятельности; методы решения тактических задач и тактические операции, необходимые для их реализации.

В итоге можно сделать вывод, что модель расследования – это своеобразный план выявления всех элементов конкретной структуры преступления, построенный на основе знания общих закономерностей осуществления и развития типичной структуры данного вида преступлений, первоначальной информации о преступлении, совокупности решаемых по данному делу тактических задач и выражающийся в определении используемых для этого методов и тактических операций.

VIII. Разработка тактических рекомендаций по осуществлению следователем профилактической деятельности. Профилактика стала обязательной функцией деятельности следователя. Наличие функции должно породить четкие рекомендации, систему, обеспечивающую ее реализацию, что осуществляется при разработке конкретной методики расследования[1]. Это объясняется тем, что именно здесь проявляются спец-

[1] Н.А. Селиванов прямо относит профилактическую деятельность следователя к предмету методики расследования (Селиванов Н.А. Советская криминалистика: система понятий, с. 10).

ифические причины и условия, способствующие совершению данного преступления, и выявление их требует разработки конкретных мероприятий, проведения следственных и иных действий.

Для решения вопросов профилактики надо знать все закономерности формирования и проявления преступной деятельности, что и изучает методика. Только эти знания позволят установить, развитие каких элементов структуры преступления можно предупредить, как пресечь возникновение между ними взаимосвязи.

Профилактическая деятельность следователя способна внести ощутимый вклад в борьбу с преступлениями должностных лиц. Чем больше средств и методов будет иметься в распоряжении следователя, тем эффективнее будет осуществляться им профилактическая функция. Профилактика преступлений должностных лиц является особенно важной еще и по той причине, что это один из обязательных аспектов профилактической деятельности и по предупреждению хищений социалистической собственности[1].

Можно определить совокупность тех проблем профилактики преступлений должностных лиц, которые разрабатываются в методике расследования. Прежде всего это рекомендации, обеспечивающие полноту установления причин и условий, способствовавших совершению преступления, что достигается разработкой специальных комплексов тактических средств, тактических операций. Криминалистическая методика, с учетом используемых знаний о структуре преступлений должностных лиц, должна давать и рекомендации по созданию общей социальной системы профилактики этих преступлений.

Только разработка всего комплекса перечисленных проблем обеспечит выполнение методикой расследования преступлений, совершенных должностными лицами, ее функции служения практической деятельности по расследованию этих преступлений.

---

[1] На это обстоятельство указывается в ряде работ сотрудников Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности (см., напр.: Образцов В.А., Ястребов В.Б. О комплексном подходе к проблемам борьбы с преступлениями, совершаемыми в народном хозяйстве. – В кн.: Вопросы борьбы с преступностью, вып. 29. М., 1978, с. 56).

Глава III
Особенности элементов структуры преступлений, совершенных должностными лицами

§ 1. Общие особенности преступлений, совершенных должностными лицами

По мере перехода от общего уровня криминалистической структуры преступления к видовой структуре, а затем к структуре отдельного преступления увеличивается число ее элементов. В этом проявляется одна из закономерностей конкретизации содержания структуры преступления. Увеличение числа элементов влечет за собой и умножение связей между ними. Все это в целом и ведет к постоянному возрастанию возможностей познания объективных закономерностей преступления при движении от общего к конкретному.

Выше рассматривались элементы общей структуры преступления. При рассмотрении преступлений, совершенных должностными лицами, представляется возможным наполнить каждый элемент более конкретным содержанием и определить исходя из общей закономерности формирования структуры преступлений дополнительные элементы, присущие только данному виду преступлений, что позволит установить, какие именно объекты, деятельность каких субъектов, какие взаимосвязи надо изучать в методике расследования.

Следует еще раз отметить, что в преступлениях данного вида имеется специфический субъект – должностное лицо. Это приводит к необходимости изучения самого понятия должностного лица, определения составных элементов его деятельности, которые имеют криминалистическое значение, выявления особенностей деятельности, разработки способов отражения ее содержания в документах.

В число элементов структуры преступления входит и та система, в которой действует должностное лицо. При совершении преступления используется (или учитывается) организационная структура, технологическая структура, документооборот. Поэтому нельзя разрабатывать конкретную методику, не изучив систему, в которой осуществляет свою деятельность субъект преступления. Тем более, что система является в большинстве случаев и объектом посягательства.

Одной из особенностей деятельности любого должностного лица (независимо от того, выполняет оно административные, хозяйственные, воспитательные или другие функции) является то, что это лицо всегда

имеет правовой статус, установленный законом, инструкцией, положением о деятельности данной категории должностных лиц.

Совершение преступления во всех случаях связано именно с тем, что должностное лицо нарушило, обошло, игнорировало положения, выполнять которые оно было обязано. Поэтому следует изучать нормы, регулирующие деятельность должностного лица. Нормативное регулирование этой деятельности – важная особенность, которую надо учитывать при разработке методики.

Таким образом, совокупность нарушений норм, определяющих права и обязанности должностного лица, систему его действий, является самостоятельным элементом структуры любого преступления, совершаемого должностным лицом. Если нет этого элемента, нет и особого субъекта – должностного лица. Для законченного состава преступления данный элемент обязателен. Воздействовать на людей (дать указание о производстве действий) может только лицо, обладающее правом давать указания.

Этот элемент определяет и содержание действий следователя: во всех случаях следует изучать документы о правах и обязанностях должностного лица, правовом положении субъектов воздействия и т.д.

Выделение подобного элемента в структуре преступлений, совершенных должностными лицами, позволяет четко установить степень их ответственности. В ряде случаев состав преступления считается законченным при самом лишь факте нарушения должностным лицом определенных предписаний. Но и при таких нарушениях надо выделять подлежащие изучению этапы деятельности должностного лица. Следует изучить относимость к его компетенции осуществления действий (воздержания от действий), указанных в нормативном акте, установить факт доведения до сведения этого лица содержания нормы, которую надлежало выполнить, наличие условий, предусмотренных данной нормой, возможность их фиксации должностным лицом, возможность осуществления действий, предписанных нормативным актом. Когда тщательно исследованы все изложенные обстоятельства, можно делать вывод о наличии факта нарушения нормы должностным лицом. Оно обязано знать круг своих правомочий, содержание тех инструкций, положений, которые оно должно выполнять.

Изучение нормативной основы деятельности должностного лица, отношения его к этой основе позволяет правильно подойти и к расследованию преступлений, совершенных должностным лицом, как часто ссылаются, по неосторожности. Исследование нормативной основы нередко позволяет установить, что имело место сознательное нарушение инструкции, положения, сознательное принятие решения действовать в нарушение этой инструкции, сознательное сокрытие преступного

результата. Такой подход обеспечивает установление действительной виновности должностного лица.

Должностное лицо осуществляет деятельность, проявляет свою сущность, взаимодействуя с субъектами и объектами через использование совокупности своих функций. Поэтому данные функции становятся обязательным объектом изучения. Чтобы оказать практическую помощь следователям, нужно выявить и наиболее типичные дефекты осуществления функций, причины их возникновения. Это позволит скорее, качественнее расследовать преступления должностных лиц.

Взаимодействие должностного лица с объектом далеко не всегда происходит только через осуществление его должностных функций. Опасность этих преступлений в том и заключается, что нередко совершаются действия, явно выходящие за пределы компетенции должностного лица, действия, которые вообще не входят, не могут входить в систему должностных функций, но могут приниматься за таковые, поскольку они совершаются должностным лицом. Выяснение данного обстоятельства требует тщательного соотнесения его фактических действий с должностными функциями. Отсюда в методике подлежит изучению вся система взаимодействий должностного лица с другими элементами структуры преступления. Надо проводить качественный и количественный анализ этих взаимодействий, устанавливать способы их выявления, производить их классификацию. Так, взаимодействие может быть: результатом осуществления функции; следствием вступления в преступный сговор с целью создания дефекта в функции; средством воспрепятствования контролю за дефектным выполнением функции; средством сокрытия произведенных действий; средством оказания противодействия расследованию.

В корыстных преступлениях система взаимодействий должностного лица с другими элементами структуры преступления еще многообразнее. Здесь проявляются взаимосвязи с лицами, в интересах которых оно действовало (например, с взяткодателем), взаимосвязи по удовлетворению потребностей на средства, добытые преступным путем, и т.д.

Все эти взаимосвязи должны изучаться в методике расследования. Чем больше взаимосвязей изучено, тем конкретнее будут рекомендации в методике.

Особое внимание необходимо обращать на изучение процессов принятия управленческих решений (специфической функции должностного лица), дефектность которых приводит к наступлению преступного результата.

Самостоятельным элементом структуры преступлений должностных лиц является результат преступных действий. Результат в преступлениях, совершенных должностными лицами, может иметь различные варианты.

1. Преступный результат как следствие механического взаимодействия материальных объектов (авария, взрыв и т.д.). В подобных случаях, как правило, отсутствует прямая связь наступившего результата с действиями должностного лица. Здесь круг подлежащих изучению взаимодействий расширяется. Первоначально устанавливается непосредственная причина механического (химического) взаимодействия, потом восстанавливаются лица, непосредственно управлявшие механизмами, а затем выявляется связь этих взаимодействий с действиями (или бездействием) должностного лица, ответственного за контроль, за дачу распоряжений. В связи с этим усложняется понятие механизма преступления, совершенного должностным лицом. Совокупное изучение взаимодействий, преступных результатов, возможного развития преступных последствий и создает специфический механизм преступления. Иными словами, механизм преступлений должностных лиц есть совокупность причинно-следственных связей между действиями должностного лица и конечным преступным результатом. Сказанное дает возможность выделить следующие разновидности криминалистической структуры преступлений должностных лиц в зависимости от оцениваемого уголовным правом наступившего результата: а) совершение действий, запрещенных правилами, положениями, инструкциями, если уголовная ответственность наступает независимо от последствий; б) совершение действий, которые непосредственно привели к наступлению вредных последствий в системе управления, технологической системе и т.д.; в) совершение действий, которые являлись основанием для действий других лиц, что в итоге и привело к вредным последствиям; г) совершение действий, которые создают постоянные дефекты в определенной системе. Конкретизация структур облегчает процесс сбора доказательств.

2. Результат как конкретное, зафиксированное действие (осуществление функции, принятие управленческого решения и т.д.), совершенное должностным лицом. Это может быть резолюция, выдача фиктивного документа.

3. Результат как появление изменений в объекте, в субъекте, в системе после совершения должностным лицом действий.

Следует различать непосредственный и опосредованный результат. Например, непосредственным результатом такого преступления, как приписки в государственной отчетности, является внесение в отчет умышленно искаженных отчетных данных, а опосредованным – получение денежной премии. Различение непосредственного и опосредованного результата в криминалистической структуре преступления способствует углубленному исследованию деятельности должностного лица.

Особенность наступления преступного результата приводит к необходимости постоянного изучения связей между действиями

должностного лица и результатом. В частности, надо разрабатывать их криминалистическую классификацию. Здесь можно выделить связи: технологические и управленческие, формализованные и неформализованные, документальные и личностные и т.д.

Одна из характерных особенностей исследуемых преступлений заключается в том, что здесь между наступившим вредным результатом и действиями должностного лица почти всегда имеется длящаяся во времени причинно-следственная связь событий, но в каждом виде преступлений эта связь своеобразна, специфична.

При изучении результата нужно учитывать, что он может наступить и через длительное время после создания действиями должностного лица соответствующих условий. Это приводит к необходимости рассматривать как самостоятельный элемент структуры преступления и возможные последствия.

Существенные особенности имеются и в следах-отражениях структуры преступлений должностных лиц. В качестве следов-отражений здесь выступает результат (непосредственный и опосредованный, все виды изменения субъектов, объектов, систем).

По данной группе дел широко проявляются и такие следы-отражения, как документы, фиксирующие различные действия, корреляционные зависимости. В отношении последних надо пояснить, что связи между элементами могут быть функциональными (при наличии причинно-следственных зависимостей) и вероятностными (при наличии только статистической, корреляционной зависимости). Поскольку в преступлениях должностных лиц часто совершаются повторяющиеся действия, качественная и количественная характеристика их может проявляться через корреляционные зависимости, после установления которых уже определяются причинно-следственные связи действий должностного лица с наступившими последствиями.

Все сказанное относится к наиболее общей структуре преступлений, совершенных должностными лицами, установление которой обязательно для исследования криминалистической структуры конкретного вида должностного преступления. «Общее, – писал В.И. Ленин, – существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного»[1]. Поэтому и необходимо первоначально установить это общее. Только выделение общего указывает путь познания конкретного при расследовании уголовного дела. Разработка общих вопросов методики расследования преступлений, совершенных должностными лицами, предполагает разработку методик расследования конкретных видов

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 318.

преступлений должностных лиц. В этих методиках изучение структуры преступления должно производиться на основе системы элементов, общих для всех преступлений должностных лиц, с дальнейшим выделением особенностей, присущих тому или иному их виду.

§ 2. Криминалистический подход к исследованию деятельности должностного лица

Одна из характерных особенностей криминалистики заключается в том, что только эта наука специально ставит своей целью комплексное познание функциональных и отражательных свойств каждого элемента структуры преступления. Именно с этой точки зрения криминалистика изучает огнестрельное оружие, орудия взлома и т.д. Указанные свойства изучаются и на уровне конкретных методик расследования – в тех случаях, когда в структуре преступления разрабатываемой методики приходится сталкиваться со специфическим субъектом, объектом.

В рассматриваемой методике расследования таким специфическим субъектом является должностное лицо. Поэтому одна из важнейших задач методики состоит в глубоком изучении его функциональных и отражательных свойств. Для построения системы рекомендаций по расследованию преступлений, совершенных должностными лицами, надо изучить их функции, системы взаимодействия при их осуществлении и, как уже указывалось, выявить все специфические следы-отражения. Однако это можно сделать только тогда, когда есть ясность в самом понятии должностного лица, что, в свою очередь, позволит наметить четкие направления в изучении функциональных возможностей этого субъекта, совокупности совершаемых им действий, в изучении его отражательных свойств, оставляемых им специфических следов-отражений.

При расследовании надо знать компетенцию должностного лица, структуру его деятельности. Лишь это даст возможность выявить объем подлежащих установлению в ходе следствия фактов, «поле» поиска этих фактов. Но, прежде чем расследовать преступления должностных лиц (патологию деятельности, ее дефекты), надо изучить общие правила (нормы деятельности). На такой основе уже можно наметить пути выявления дефектов деятельности.

О понятии должностного лица имеется большая литература в самых различных отраслях советского права. Закономерно, что этому вопросу больше всего уделяли внимания в науке уголовного права, поскольку правильное определение должностного лица важно для точной

реализации норм уголовного закона. К сожалению, на протяжении многих лет по этой проблеме ведутся споры[1].

Даже уголовные кодексы союзных республик по-разному определяют это понятие. Так, в примечании к ст. 166 УК БССР (к ст. 170 УК РСФСР) сказано: «Под должностными лицами в статьях настоящей главы понимаются лица, постоянно или временно осуществляющие функции представителей власти, а также занимающие постоянно или временно в государственных или общественных учреждениях, организациях или на предприятиях должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей, или выполняющие такие обязанности в указанных учреждениях, организациях и на предприятиях по специальному полномочию». Иное определение дается в УК Эстонской ССР, где под должностным понимается лицо, «занимающее должностное положение в государственной или общественной организации, если на него возложены управленческие, надзорные, распорядительные, оперативные или организационные обязанности либо полномочия представителя власти, а равно если оно ведает движением материальных ценностей».

В литературе по другим отраслям права также исследовался этот вопрос[2]. Советские юристы все больше приходят к выводу, что основным признаком должностного лица является осуществление деятельности по управлению, объем которой зависит от его компетенции, от той конкретной функции, которую оно выполняет в общем процессе управленческой деятельности[3]. В соответствии с этим «должностными лицами являются государственные и общественные служащие, осуществляющие от имени государства или общественной организации, учреждения, предприятия управление людьми, а равно связанные с движением материальных и денежных ценностей»[4].

Признаки должностного лица определены и в ряде законодательных актов. Так, в Основах законодательства Союза ССР и союзных республик о труде к должностным причисляются лица, имеющие право найма и увольнения, перевода работника на другую работу (ст. 93), ответственные за соблюдение правил по охране труда (ст. 105). Конкретизация

---

1 См., напр.: Смолицкий Г.Р. Должностные преступления. М., 1947, с. 4–7; Здравомыслов Б.В. Должностные преступления. М., 1975, с. 45–48; Светлов А.Я. Ответственность за должностные преступления. Киев, 1978, с. 87–104.

2 Проблемой понятия должностного лица активно занимаются и представители государственного права, административного права и других отраслей права (Ц.А. Ямпольская, Г.И. Петров, В.М. Манохин, В.С. Основин и др.).

3 Петров Ю.А. К понятию должностного лица. – Правоведение, 1974, № 6, с. 35.

4 Там же, с. 36.

признаков должностных лиц содержится и в актах, регулирующих правовой статус различных органов управления[1].

С криминалистической точки зрения важно выявить совокупность признаков должностного лица. Общим для всех должностных лиц является наличие властных полномочий, наличие предусмотренных их должностной компетенцией права принимать решения, которые обязаны исполнять другие лица, и права решать вопросы о льготах для граждан, регулировать взаимоотношения между гражданами и т.д. Должностные лица специфически участвуют в общем процессе управления, выполняя разнообразные функции, которые организационно его обеспечивают. Это обеспечение включает: сбор и анализ информации, исполнение правовых предписаний, принятие решений, документирование элементов деятельности управления и т.д.

Управляемые процессы могут быть самыми различными. Это управление государственным аппаратом, отраслью народного хозяйства, предприятием, технологическим процессом, общественной организацией, сферой обслуживания, распределения, учета и т.д.

При изучении деятельности должностного лица всегда может быть построена матрица, которой определяется его компетенция, совокупность его прав и обязанностей. В качестве матрицы выступает комплекс законодательных актов, положений, инструкций, приказов и распоряжений вышестоящей организации. Построение такой матрицы – необходимый этап установления дефектов деятельности, которые проявляются в отступлении от матрицы.

Для целей расследования компетенция конкретного должностного лица устанавливается изучением двух систем документов: а) составляющих матрицу данного вида деятельности; б) определяющих его личное право и обязанность действовать в соответствии с установленными нормами (матрицей). Дело в том, что субъект становится должностным лицом только тогда, когда соблюдена надлежащая форма вступления его в должность (назначение приказом, избрание на должность). Сказанное свидетельствует о вероятности появления дефектов и в системе назначения на должность, что приводит к расширению круга подлежащих установлению в ходе расследования обстоятельств.

Для целей криминалистического изучения деятельности должностных лиц представляется целесообразным использовать следующую общую схему процесса управления: норма – поведение – оценка – воздействие – результат[2]. Поскольку в данном процессе участвуют различные

---

[1] Подробнее о должностных лицах см.: Бачило И.Л., Катрич С.В. Обязанности, права и ответственность руководителя. М., 1978, с. 182.

[2] Бачило И.Л. Компетенция и ответственность субъектов управления. – Сов. государство и право, 1981, № 11, с. 25.

субъекты, это должно учитываться в криминалистической классификации этапов.

Рассмотрение должностного лица как субъекта управления позволяет изучить его с помощью криминалистики – исследовать его функции и отражательные возможности (оставляемые следы-отражения).

§ 3. Функции должностного лица

Теоретические исследования в методике расследования преступлений, совершаемых должностными лицами, направляются и на выявление общих закономерностей выполнения функций должностными лицами, что существенно облегчает работу следователя.

Компетенция должностного лица реализуется через его функции. Причинно-следственные связи между действиями должностного лица и наступившими последствиями могут быть установлены только изучением его функций. Деятельность следователя направляется на выявление дефектов в выполнении функций конкретного должностного лица, на изучение взаимосвязи функций с наступившим результатом. Этим обусловлена важность их исследования при разработке методики.

Уже указывалось, что патология может быть изучена лишь на базе познания нормы. В связи с этим криминалистика не может ограничиваться изучением дефектов функций деятельности – надо первоначально познать установленную систему функций, выполняемых должностными лицами. Это имеет целью выявить действия (операции), которые совершаются должностными лицами, с тем чтобы установить, как действия влияют или могут влиять на наступление вредных последствий, с кем и как должностные лица взаимодействуют в процессе выполнения функций, где и как отражаются совершенные действия. Все эти знания нужны для разработки рекомендаций по расследованию, по нахождению путей установления, связаны ли наступившие вредные последствия с действиями должностного лица.

Представляется возможным определить комплекс вопросов, которые надо иметь в виду при изучении функций должностного лица: 1) общее понятие функций деятельности должностного лица; 2) операционный анализ функций должностного лица; 3) процессы реализации функции и их воздействие; 4) причины образования и содержание дефектов функций; 5) классификация функций в интересах методики расследования.

При криминалистическом изучении деятельности должностного лица надо также принимать во внимание:

а) правовую регламентацию его деятельности; б) место его функций в общей системе управления и их связи с функциями других лиц;

в) формы внешнего проявления функций и их закрепления; г) формы учета и контроля исполнения функций должностным лицом.

Следует четко определить и само понятие функции должностного лица. В самом общем виде, функция – это свойство, обеспечивающее достижение цели. «„Функцией“ называют чаще всего вид активной и притом направленной или вообще целенаправленной деятельности...»[1] Функции должностного лица могут иметь самое различное содержание, что зависит от уровня его властных правомочий. По этому критерию все его действия (функции) подразделены на четыре вида: распорядительные, регулирующие, организационно-контрольные, исполнительские. Правомочия должностного лица могут быть постоянными или ограниченными сроком действия (одноразовые поручения). Наибольшие права, а отсюда и наиболее значимые функции имеются у руководителя системы, выполняющего правомочия по управлению. Это выражено формулировками: решает, устанавливает, утверждает, организует, согласовывает, координирует, исполняет и т.д.

Каждая функция имеет объем, содержание, сферу действия, продолжительность действия. В соответствии с этим у конкретного должностного лица могут быть функции, преимущественно связанные с исполнением нормативных предписаний или указаний вышестоящей инстанции, со сбором и анализом информации либо с принятием решений, планированием деятельности, прогнозированием, распределением и т.д.

Содержание функций должностного лица находится в зависимости и от той системы, в которой оно их выполняет. Целевое назначение системы определяет и всю совокупность функций должностного лица. Так, существуют системы производства, управления, распределения. Могут существовать отдельно системы учета и контроля, хотя они и входят составным элементом в любую управляемую систему.

Можно также выделить: функции по взаимодействию внутри системы; функции по взаимодействию с другими системами, с широким кругом граждан. Такое подразделение помогает конкретизировать взаимосвязи при осуществлении функций, оставляемые следы-отражения.

Функции должностного лица могут выполнять различные роли в системе управления. Они могут быть средством воздействия, средством накопления и анализа информации, средством обеспечения системы

---

[1] Синтез знания и проблема управления. М., 1978, с. 149 (автор – В.И. Кремянский). Характеристики понятия «функция» рассмотрены в работах: Тихомиров Ю.А. Управленческое решение. М., 1972, с. 7–23; Бачило И.Л. Функции органов управления. М., 1976, с. 101–128.

управленческими решениями и т.д.[1] Для целей расследования надо четко выявить все разновидности функций и их свойства. Эти свойства проявляются во взаимодействии с субъектами, объектами и, в свою очередь, имеют качественные характеристики, среди которых можно выделить полноту реализации функции, скорость ее осуществления, интенсивность воздействия на управляемую систему, уровень информационной насыщенности функции во время взаимодействия и др.

Функции должностного лица (проявление их свойств) могут изучаться через восприятие результата их воздействия, восприятие следов-отражений, с помощью сравнения силы, качества функций, измерения динамики процессов их осуществления, а также путем анализа содержания функций. Анализ функции производится на основе рассмотрения функции в виде системы, что позволяет углубить исследование, выделить составные элементы функции, их взаимодействие.

Каждая функция имеет свою совокупность элементов: конкретное правовое, нормативное обеспечение; определенный объем используемой информации, способ ее переработки, хранения, использования; уровень, направленность и содержание принимаемых управленческих решений, способ их согласования и реализации; совокупность операционных действий; систему общения при осуществлении функции. Все это следует выявлять при изучении конкретной функции должностного лица в процессе расследования уголовного дела.

Изложенная структура элементов в ряде случаев проявляет себя через последовательные этапы выполнения функции. Так, первоначально имеется нормативная регламентация функции, затем получение правомочий, возникновение ситуации для принятия решения, принятие решения, совершение действия, документальное отражение.

Изучение функции в целях расследования предполагает и сбор информации о субъектах и объектах, во взаимодействии с которыми происходит ее осуществление. Именно во время взаимодействия должностное лицо через выполняемые функции влияет на совокупность субъектов, объектов, а те влияют на процесс осуществления функции и через это – на должностное лицо. Причем такое влияние может быть и положительным (усиливать положительное проявление свойств), и отрицательным (мешать проявлению свойств, приводить к негативному их проявлению).

Если правомочия должностного лица включают несколько функций, то рассматривается и вопрос о последовательности их выполнения,

---

[1] Между функциями имеется также координация (согласование системы функций по горизонтали) и субординация (согласование функций по вертикали – по уровням подчиненности) (Афанасьев В.Г. Функции социальных систем. – Социол. исследования, 1980, № 2, с. 45).

о связях между этими функциями. Изучать совокупность функций требуется вследствие того, что преступный результат может наступать при выполнении должностным лицом нескольких своих функций, для чего и важно в ходе расследования выяснять все действовавшие взаимосвязи. Кроме того, функции всегда взаимодействуют, влияют друг на друга. Поэтому изменение одной функции может влечь за собой изменение других. Изучению подлежат и взаимосвязи функций данного должностного лица с функциями других. Это могут быть взаимосвязи по объекту воздействия (контроля), по управленческому или технологическому процессу, по системам информации, связи по вертикали в одной управляемой системе. Только такой подход позволит полностью выявить все причинно-следственные зависимости между действиями должностного лица и наступившим преступным результатом.

Именно реализация функций создает систему следов отражений (документов, психического отражения, изменения в объектах, процессах и т.д.), используя которые следователь собирает доказательства о действиях должностного лица. Функции должностного лица имеют различную отражательную способность. Большая отражательная способность имеется при множественности взаимодействий и развитой документальной форме управления. Наоборот, малая отражательная способность функции имеется при взаимодействии только по вертикали и использовании устной формы передачи управленческих решений. В последнем случае велика возможность помех при восприятии решения и его толковании, что должно учитываться в ходе расследования.

Разрабатывая методику, нужно знать не только содержание и особенности функций должностного лица, но и происхождение, причины появления основных дефектов в их осуществлении. При изучении дефектов выполнения функций должностным лицом надо вскрыть основные процессы их образования. Дефекты могут идти от особенностей личностных качеств должностного лица и от особенностей всех остальных элементов структуры преступления, с которыми должностное лицо взаимодействовало. Так, к дефектности выполнения функций приводят дефектность их нормативного регулирования, отрицательные свойства субъектов, в процессе общения с которыми осуществляется функция, и т.д. Дефектность личностных качеств должностного лица (профессиональные, психические, идейно-нравственные) приводит к такому выполнению функции, которое отрицательно воздействует на других лиц, на объекты, меняет их свойства, качества, характеристики.

Дефекты функции можно изучать применительно к каждому элементу структуры преступления.

1. Дефекты нормативного регулирования функций должностных лиц. К сожалению, еще в некоторых случаях отсутствуют достаточно

подробные и детальные инструкции, положения с точным указанием прав и обязанностей каждого должностного лица. Это порождает бюрократизм, уклонение от выполнения функций, внесение изменений в правильное осуществление функций и т.д. Значение четкого нормативного регулирования компетенции должностного лица подчеркивается многими директивными документами КПСС.

2. Дефектность выполнения функции в связи с прямым игнорированием, нарушением, отступлением от имеющейся нормативной регламентации. Сюда относятся факты прямого нарушения предписаний, их иное толкование, отступление от установленных форм деятельности (нарушение коллегиальности принятия решения, порядка предварительного согласования решения с другими должностными лицами и т.д.). Сюда же примыкает и дефектность выполнения функций, обусловленная неправильным их сочетанием в компетенции одного должностного лица. Так, имеют место случаи, когда само сочетание функций наталкивает должностное лицо (провоцирует) на злоупотребление своим положением. Выполнение одним лицом функции принятия решения, его исполнения и документального отражения, а также контроля за исполнением способно натолкнуть должностное лицо на мысль совершить преступление, так как имеется видимость полной в этом случае безнаказанности. Именно поэтому действуют прямые запреты сочетания некоторых функций (например, бухгалтера и кассира).

Дефекты могут возникнуть и в связи с нарушением системы документирования процессов выполнения функций должностным лицом. По общему принципу, все его основные действия должны иметь документальное отражение. При ином положении создаются условия, когда невозможно или затруднительно осуществлять контроль за деятельностью должностного лица, проверять правильность данных им указаний, точность их выполнения другими лицами.

3. Дефектность условий деятельности должностного лица. Здесь, в частности, дефектными могут быть условия принятия решений должностным лицом. Так, на крупной базе материального снабжения документы на разрешение отпуска товаров подписывали не заведующие секциями, призванные непосредственно контролировать деятельность материально ответственных лиц, а директор базы. В результате введения такого порядка директор ежедневно подписывал 100–200 групп документов. Совершенно ясно, что при таком потоке документов он не имел физической возможности даже прочитывать их, не говоря уже о принятии правильных решений в каждом конкретном случае. Эти условия и были использованы группой расхитителей для получения с базы остродефицитных товаров.

4. Дефектность личностных качеств должностного лица. Личностные качества – понятие широкое, оно охватывает значительный комплекс свойств, знаний, умений человека. Сюда входят прежде всего качества мировоззренческого характера. Основная направленность личности, наличие или, наоборот, отсутствие идеалов, стойких жизненных принципов существенно влияют на все поведение человека, а тем более на его деятельность в качестве должностного лица.

Отсутствие ряда нравственных качеств (честности, обязательности и т.д.) является фактором, который в любую минуту может привести к серьезным дефектам в выполнении должностных функций. Важными качествами должностных лиц являются их активность, гуманизм, способность сопереживания, которая обеспечивает готовность прийти на помощь подчиненным, другим гражданам. Поэтому черствость, равнодушие должностного лица приводят к пассивности, бюрократизму, что может способствовать совершению преступления.

Для надлежащего выполнения многих должностных функций необходим высокий уровень профессиональных знаний, опыт и умение применять эти знания. Отсутствие знаний, опыта их применения также приводит к серьезным дефектам в осуществлении функций.

Наконец, и дефекты психических качеств могут оказать существенное отрицательное воздействие на выполнение функций должностным лицом. Например, отсутствие необходимых волевых качеств может привести к затяжке в принятии управленческого решения, а отсюда – к большим материальным потерям, авариям и т.д. Неуравновешенность возбуждения и торможения может стать причиной эмоциональных срывов, которые влекут за собой дефектные решения, нарушение компетенции и т.д.

При изучении дефектов функций следует иметь в виду, что они могут продолжать оказывать вредное воздействие и после их выявления. Это имеет место в следующих случаях: 1) когда в силу дефектности выполнения функции вредные изменения были заложены в технологический процесс, который продолжает действовать; 2) когда в силу дефектности функции внесены изменения в систему документооборота, которая продолжает действовать; 3) когда были внесены дефекты в отчетность – в том случае, если этими дефектными отчетными сведениями продолжают пользоваться; 4) при дефектности управленческого решения, которое продолжает действовать (выполняться) в отношении конкретного объекта (например, стройки); 5) при дефектности принятого должностным лицом управленческого решения, которое продолжает действовать в данной системе.

Появление дефектов в выполнении одной функции может влечь за собой дефектность выполнения и другой. В соответствии с этим

углубленный анализ взаимосвязей дефектов должен производиться в методиках расследования конкретных видов преступлений, совершаемых должностными лицами.

Изложенное позволяет определить связанный с функциями должностного лица круг вопросов, которые должны изучаться в конкретных методиках расследования преступлений[1]. В каждой методике следует изучать: 1) дефекты функций должностного лица, которые приводят к совершению преступления; 2) особенности осуществления функций должностным лицом в тех случаях, когда эти функции сознательно используются им для совершения преступления; 3) зависимости между выполняемыми функциями, их влияние друг на друга; 4) зависимости между целями, результатами деятельности и дефектным осуществлением функций.

§ 4. Управленческие решения

В механизме изучаемых преступлений следует выделить управленческое решение, дефекты которого (или отсутствие которого) привели к наступлению преступного результата. В связи с этим управленческое решение часто выступает в качестве самостоятельного элемента структуры преступлений, совершенных должностными лицами.

По этой причине теоретические исследования в методике расследования по необходимости направлены и на изучение характеристик, особенностей управленческого решения, чтобы на этой основе выявлять в них дефекты, причины их образования, что и входит в предмет расследования по конкретному уголовному делу.

При осуществлении любой функции должностное лицо принимает решения, что является и правом его, и обязанностью. Уклонение от принятия решений есть бездействие должностного лица, рассматриваемое как основание для привлечения к ответственности. В то же время именно через принятие решений и реализуется преступный умысел, создаются условия для совершения преступления.

Под управленческим решением понимается «социальный акт, подготовленный на основе вариантного анализа и оценки, принятый в установленном порядке, имеющий директивное общеобязательное значение, содержащий постановку целей и обоснование средств их осуществления, организующий практическую деятельность субъектов и объектов управления»[2].

---

[1] Дефекты функций надо отличать от выполнения должностным лицом действий, не входящих в его должностные обязанности. Последнее обстоятельство является предметом специального исследования в конкретных методиках.

[2] Тихомиров Ю.А. Управленческое решение. М., 1972, с. 33.

Управленческие решения призваны разрешать проблемы, задачи, возникающие в управленческой деятельности. Этим и определяется их значимость для взаимодействия объектов, субъектов, взаимосвязанных систем. Отсюда можно сказать, что управленческим решением является всякое решение, изменяющее связи элементов, функции последних в управляемой системе.

Принятие решения представляет собой информационный процесс. В этом аспекте оно рассматривается как поиск, обработка и передача информации. «Решение – сгусток информации, специально собранной, проанализированной и переработанной субъектом (органом) управления, руководителем»[1]. Нарушение содержания процессов сбора, анализа и переработки информации может стать причиной совершения преступления должностным лицом.

Решение, как правило, состоит из двух частей – констатирующей и резолютивной. В первой излагается информация о состоянии решаемой проблемы, а во второй – предписывающая информация. В принятом решении обычно в качестве основных элементов выделяют цели, способы и средства предстоящего действия[2]. Каждый из этих элементов может содержать дефекты, которые приводят к дефектности решения в целом. Существуют разные формы управленческих решений. Так, оно может быть выражено в виде резолюции на другом документе (распоряжение об оплате, об отпуске материалов), в виде приказа и т.д.

Имеются и различные классификации управленческих решений, что важно учитывать при их криминалистическом анализе. Их прежде всего классифицируют по сфере применения. Так, выделяют прогностические, планово-экономические, оперативно-тематические, технические решения. Для каждого вида необходим свой объем (и содержание) исходной информации. Управленческие решения можно классифицировать и по другим основаниям. Так, Ю.А. Тихомиров классифицировал их по следующим основаниям: «1) субъектно-объектные отношения; 2) содержание решений (экономические, политические, организационные решения. – *А. Д.*); 3) форма решений; 4) время действия решений»[3].

По последнему основанию можно выделять решения, рассчитанные на конкретную ситуацию и рассчитанные на длительное применение к однотипным ситуациям. Выделяют также решения, принимаемые в связи с чрезвычайными обстоятельствами, не предусмотренными обычными функциональными обязанностями.

---

[1] Афанасьев В.Г. Управление и решение. – Коммунист, 1974, № 17, с. 39.

[2] Афанасьев В.Г. Научное управление обществом: Опыт системного исследования. М., 1973, с. 208; Шадрин И.П. Подготовка и принятие управленческого решения. Якутск, 1976, с. 34–35.

[3] Тихомиров Ю.А. Управленческое решение, с. 39.

Можно классифицировать управленческие решения и по целям деятельности. При этом выделяются решения, направленные на устранение конфликтных ситуаций, ликвидацию дефектов, возникших в деятельности системы; распределение материальных ценностей, средств удовлетворения потребностей; обеспечение функционирования и развития системы (управленческой, технологической); обеспечение связи с другими системами.

При изучении управленческого решения важно знать, что существуют основные условия, обеспечивающие качественность, оптимальность принятия управленческого решения. К ним относятся:

1. Наличие права на принятие подобного решения и, соответственно, обязанности его принять. Это определяет ответственность за принятие решений.
2. Обеспеченность необходимой информацией.
3. Соблюдение формы. Так, нельзя заменять резолюцией решение, которое должно быть принято в форме приказа; нельзя единолично решать вопросы, предназначенные для коллегиального решения.
4. Обоснованный выбор цели и средств решения проблемы.
5. Своевременность принятия решения.
6. Наличие правильной последовательности в принятии решений.
7. Наличие соподчиненности решений, принимаемых различными должностными лицами.

Изучение уголовных дел о преступлениях, совершенных должностными лицами, свидетельствует, что при совершении преступления всегда нарушаются какие-то из перечисленных условий.

В управленческом решении выделяют его стадии (этапы), начиная от появления идеи и проекта решения и завершая процессом реализации решения и оценки его результатов. В психологическом плане в принятии решений выделяются два основных этапа: информационная подготовка решений и построение принципа (способа) и программы действий[1].

Более детально этапы принятия решения рассматриваются в науке управления. Здесь выделяют: определение задачи (цели); определение количества и качества информации, необходимой для принятия решения; сбор и переработка информации; создание информационных моделей путем применения соответствующих методов анализа полученной информации; определение альтернатив решения задачи; выбор критериев для оценки альтернатив; оценка альтернатив; выбор одной из альтернатив и принятие решения[2].

---

[1] Завалишина Д.Н., Ломов Б.Ф., Рубахин В.Д. Уровни и этапы принятия решения. – В кн.: Проблемы принятия решения. М., 1976, с. 199.

[2] Афанасьев В.Г. Управление и решение, с. 43–44.

Как ни детально рассматривают процесс принятия решения с точки зрения науки управления, но и эти этапы недостаточны для изучения управленческого решения в криминалистических целях. Надо использовать и юридические критерии, которые существенно расширяют возможности исследования конкретного процесса принятия решения. Среди них надо назвать:

1. Правовое регулирование объема и качества информации, нужной для принятия решения. Соответствующие нормативные акты прямо предусматривают, какая именно информация должна быть у руководителя учреждения, предприятия для того, чтобы он мог принять решение.

Часто сам факт отступления от регламентированного объема информации позволяет обнаружить злоупотребления в действиях должностного лица. Так, для списания стоимости продовольственных товаров с материально ответственного лица из-за их порчи необходимо располагать компетентными заключениями соответствующих должностных лиц (санитарного врача, представителя инспекции по качеству). Если эти требования к объему информации не соблюдены, то принятое решение является незаконным и может свидетельствовать о виновности должностного лица.

2. Соблюдение правил согласования решения. Правильность решения обеспечивается предварительным согласованием с определенными органами. Институт согласования действует на разных уровнях – как внутри системы, так и по отношению к целому ряду других самостоятельных производственных систем. Изучение практики показывает, что порядок согласования нарушается в тех случаях, когда стремятся скрыть существо решения, поскольку при согласовании может возникнуть вопрос о его изменении. Этап согласования прямо предусмотрен нормативными документами, регламентирующими деятельность разных проектных и эксплуатационных систем и их руководителей.

3. Коллегиальность обсуждения и принятия решений. Распространенным видом злоупотребления служебным положением является принятие единоличного решения в тех случаях, когда закон требует принятия его коллегиально.

4. Информирование о принятом решении. Это очень важный принцип социалистического управления на любом предприятии, в учреждении. Коллектив должен знать о принимаемых решениях, понимать их содержание и цели. По-разному решается вопрос о круге лиц, получающих информацию о принятых решениях, но широкая информированность как принцип управления и как стимул деятельности коллектива обязательно должна иметь место.

Изучение практики свидетельствует о том, что нарушение принципа информированности о принимаемых решениях часто происходит там,

где должностные лица нарушают законы. Так, при наличии массовых приписок к плану с целью хищения не обнародуется приказ о премировании работников, нарушается порядок обсуждения совместно с профсоюзным комитетом списка на премирование работников.

5. Реализация принятого решения. Правильное решение должностного лица может не привести к необходимому результату, если процесс осуществления решения имеет дефекты, которые могут быть самыми разными. Назовем некоторые из них:

а) неопределенность формулировки решения, когда оно может толковаться различно;

б) формулирование решения не в надлежащей форме. Например, передача решения в устной форме без письменного распоряжения. Это иногда приводит к тому, что решение не исполняется, его считают необязательным;

в) неправильное указание адресата исполнения решения, т.е. предлагается выполнить действия не тому лицу, которое действительно компетентно, располагает правами и обязанностями для его исполнения;

г) принятие решения, которое не может быть выполнено в данных условиях. Так, директор завода на следствии ссылался на то, что он дал письменное распоряжение начальнику цеха о вывозе по железнодорожной ветке ценного сырья, находившегося под открытым небом. Однако последний не мог его выполнить, поскольку начальнику транспортного отдела, тоже в письменной форме, было запрещено давать транспорт вне утвержденного ранее графика. Директор отказался принять лично начальника цеха, ссылаясь на занятость. Часть сырья была вывезена на тачках, вручную, но значительная часть испортилась из-за сильного дождя.

6. Наличие программы выполнения решения. Важно не только принять решение, но и разработать (и осуществить) программу его реализации. Изучение уголовных дел показывает, что именно из-за отсутствия такой программы зачастую не выполняются принятые решения.

7. Организация контроля за исполнением решения. В функции должностного лица входит как принятие решения и разработка программы его осуществления, так и контроль за реализацией. Отсутствие последнего способно свести к нулю всю работу по подготовке решения.

Дефект может возникнуть на любом этапе формирования и реализации решения, в связи с чем выявление всех этапов, последовательное изучение содержания каждого из них является обязательным при анализе решений. Могут быть дефекты нормативной основы принимаемых решений, условий их принятия (например, сознательное игнорирование определенной информации и обоснование решения на заведомо неполной информационной основе). Некоторые дефекты заложены

в неправильном применении закона, что, в свою очередь, или является сознательным действием должностного лица, или допускается им в силу юридической, «нормативной» безграмотности.

При расследовании уголовных дел возникает необходимость проверять и версию о корыстной заинтересованности должностного лица в издании не соответствующего закону приказа, инструкции, решения. Поэтому криминалистическое изучение приказов и инструкций включает в себя выявление: 1) инструкций, положений, существовавших для регулирования подобных действий ранее; 2) расхождений между ранее действовавшей инструкцией и вновь разработанной; 3) причин принятия, утверждения новой дефектной инструкции.

Установленные причины появления незаконных решений, приказов, инструкций могут не только указываться в профилактическом представлении следователя, но и дать основание для разработки новых эпизодов в расследуемом уголовном деле. В связи с этим может оказаться целесообразной проверка совокупности решений, распоряжений, приказов. Применение такого подхода следователем нередко приводило к тому, что в деятельности учреждения или предприятия вскрывался не один факт издания незаконного приказа, а целая система принятых должностным лицом в корыстных целях решений, нарушающих действующее законодательство.

Криминалистическое изучение каждого должностного преступления должно включать и исследование особенностей, вариантов, элементов принимаемых управленческих решений, выявлять признаки дефектности решений на основе познания взаимосвязи процесса принятия решения, его содержания и этапов осуществления.

Глава IV
Методы расследования преступлений, совершенных должностными лицами

§ 1. Понятие и содержание методов расследования

Понятие, значение и содержание методов расследования преступлений должностных лиц надо рассмотреть подробнее в связи с тем, что, как уже указывалось, во многих работах, посвященных методике расследования, об этом обязательном, основном ее элементе даже не упоминается.

Возникает необходимость прежде всего уяснить общее понимание метода и его значение для теоретической и практической деятельности. Согласно марксистско-ленинской философии, метод – это «переведенная в человеческое сознание объективная закономерность, используемая сознательно и планомерно в качестве орудия для объяснения и изменения мира»[1]. Метод выступает как совокупность деятельностно-познавательных приемов, операций, с помощью которых решаются познавательные задачи, что помогает субъекту, «реализуя свои цели и стремления, понять объект и определить его»[2].

Познанная и сконцентрированная в методе объективная закономерность превращается в «систему регулятивных принципов преобразующей практической и познавательной деятельности»[3], в «схему определенных последовательностей операций в каждом наборе»[4].

Любая целенаправленная деятельность человека осуществляется при помощи методов. Наличие и постоянное использование в деятельности научно обоснованных методов обеспечивает ее оптимальность, полноту достижения цели. Метод реализуется: 1) в специфическом способе решения задач; 2) в особой последовательности применения средств достижения цели; 3) в особой совокупности средств, с помощью которых только и может быть реализован данный метод, достигнута поставленная цель.

Наряду с общими методами познания действительности в каждой отрасли науки, с учетом специфичности явлений объективного мира, существуют свои, особые методы познания. В советской философской литературе отмечается, что «каждая сколько-нибудь развитая наука,

---

1 Павлов Т. Теория на отражението. София, 1962, с. 480.

2 Логика научного исследования. М., 1965, с. 303.

3 Спиркин А.Г. Курс марксистской философии. М., 1966, с. 238.

4 Быков В.В. Методы науки и научное творчество. – В кн.: Научное творчество. М., 1969, с. 233.

имея свой предмет изучения и свои теоретические принципы, применяет свои особые методы, вытекающие из того или иного понимания сущности ее объекта»[1]. Уровень развития науки определяется развитием ее специальных методов. В связи с этим совершенно закономерно то повышенное внимание, которое уделяется проблеме методов в советской криминалистике[2].

Разработанная советскими учеными система методов криминалистики обеспечила интенсивное развитие ее теоретических основ. Криминалистика не только изучает закономерности совершения преступлений, оставляемых преступником, орудием следов-отражений, но и разрабатывает рекомендации для практической деятельности следователя. Эти рекомендации и реализуются через систему методов.

Значение метода для практической деятельности убедительно показал в своих работах И.П. Павлов: «Метод, самая первая, основная вещь. От метода, от способа действия зависит вся серьезность исследования. Все дело в хорошем методе. При хорошем методе и не очень талантливый человек может сделать много. А при плохом методе и гениальный человек будет работать впустую и не получит ценных, точных данных»[3]. Подобное суждение о роли метода полностью относится к такой практической деятельности, как следствие, где высок процент исследовательской работы.

В практической деятельности могут применяться такие же методы познания, как и при теоретическом исследовании. Однако между ними имеются и существенные различия – в условиях, в уровне знаний об объекте и т.д.[4] Расследование нуждается в значительном числе методов практической деятельности, разрабатывать которые и призвана криминалистика. Прежде всего эта наука начала разрабатывать методы, обеспечивающие практическую деятельность по исследованию отдельных объектов. В процессе расследования приходится сталкиваться с однотипными объектами, выявлять в этих объектах сумму признаков, устанавливать следы их взаимодействия. Это и определило необходимость

---

[1] Философская энциклопедия, т. 3. М., 1964, с. 410.

[2] О методах криминалистики см.: Гинзбург А.Я. Развитие учения о методе советской криминалистики. – В кн.: Некоторые вопросы борьбы с преступностью. Алма-Ата, 1970, с. 85–94; Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика: Общетеорет. проблемы. М., 1973, с. 191–204; Лузгин И.М. Методологические проблемы расследования. М., 1973, с. 85–177; Криминалистика. М., 1973, с. 11–14; Белкин Р.С. Курс советской криминалистики, т. 1. М., 1978, с. 233–266; Селиванов Н.А. Советская криминалистика: система понятий. М., 1982, с. 20–52.

[3] Павлов И.П. Полн. собр. соч., т. 5. М., 1952, с. 26.

[4] Подробнее о сущности, содержании, различии методов криминалистики и методов практической деятельности см.: Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М., 1970, с. 84–98; Лузгин И.М. Методологические проблемы расследования, с. 85–177.

разработки методов, специфичных именно тем, что они направлены на изучение таких признаков, таких следов взаимодействия, которые не исследуются ни в какой другой науке или практической деятельности.

Разрабатываемые криминалистикой методы практической деятельности различаются и по объему их применения. Так, некоторые методы рассчитаны на их применение во время соответствующего следственного действия. Более того, регламентация ряда следственных действий есть не что иное, как изложение метода познания, особенности применения которого в ходе расследования и закрепляются в уголовно-процессуальном кодексе. Наиболее наглядно это проявляется в процессуальной регламентации следственного эксперимента и опознания.

Иногда, правда, высказанное мнение вызывает возражение. Так, Р.С. Белкин и А.И. Винберг по этому поводу писали: «Методы познания истины не регламентируются законом. Закон (имеется в виду уголовно-процессуальный) регламентирует процессуальные формы применения этих методов – процессуальные действия. Так, законодатель регламентирует не наблюдение как метод познания, а осмотр – процессуальную форму применения этого метода; не сравнение, а предъявление для опознания – опять-таки одну из процессуальных форм для применения сравнительного метода исследования. Сами же методы не нуждаются в процессуальной регламентации, ибо метод в том смысле, в котором мы употребляем этот термин, – категория гносеологическая, которая не может быть законной или незаконной»[1].

Все сказанное, конечно, верно. Но дело в том, что условия, цели применения метода познания конкретизируют его использование в практической деятельности. Уголовно-процессуальный закон определяет те дополнительные условия применения методов, которые необходимы для установления истины по делу, указывает на дополнительные гарантии, повышающие объективность результатов применения этих методов. Так, формулируя условия проведения следственного эксперимента, уголовно-процессуальный закон тем самым предусматривает дополнительные гарантии надежности его результатов. Это можно проследить на примере процессуальной регламентации и других следственных действий.

Практическая деятельность по расследованию не может ограничиваться совокупностью методов познания, приспособленных (по условиям, целям) к исследованию субъектов, объектов, ситуаций в ходе этой деятельности. Нужно познавать событие преступления в целом, организовывать расследование, вести такую специфическую деятельность, как доказывание, которая реализуется через решение процессуальных, тактических задач.

---

[1] Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика и доказывание. М., 1969, с. 23.

Применение методов расследования позволяет следователю: а) активизировать, организовывать деятельность по изучению субъектов, объектов, их связей, выявлять информацию для решения вопросов, входящих в предмет доказывания по уголовному делу; б) классифицировать и систематизировать всю первоначально имеющуюся и получаемую в ходе расследования информацию, намечать пути сбора и исследования информации; в) выявлять связи, взаимозависимости в собранных фактах и, таким образом, сводить информацию в общую систему доказательств, при помощи которых полностью устанавливается событие преступления и уголовная ответственность тех или иных лиц; г) определять последовательность совершения действий, их особенности на каждом этапе достижения общей цели. В связи с этим и началась разработка методов расследования преступлений. Советские криминалисты, безусловно, видели необходимость постоянного расширения базы применения самых различных методов для расследования уголовных дел. Так, вносились предложения об использовании системно-структурного анализа, математических методов, кибернетики, теории информации и т.д.[1] Однако эти методы при наличии специфических целей расследования нуждаются в соответствующей дополнительной разработке.

Методы расследования имеют следующие существенные особенности.

1. Цели применения методов. Они направлены на раскрытие преступления, его элементов, их связей с установленными следами-отражениями, на полное выявление всех фактов, входящих в предмет доказывания по данной категории уголовных дел. Эти методы призваны обеспечивать: решение тактических задач, возникающих в процессе расследования уголовных дел (поиск объектов, выявление взаимосвязей, ликвидация противодействия и т.д.); познание прошлых событий (по сохранившимся элементам, по оставшимся следам); активную деятельность следователя в настоящем, на время всего процесса расследования.

2. Условия применения методов. Здесь имеется высокая степень формализованности применения метода процессуальным законом. Требования закона вводятся в структуру метода, который реализуется через комплекс следственных и иных действий, через совокупность тактических средств, приемов. Законом устанавливается и субъект применения методов.

3. Методологическая основа. Обязательным для методов расследования является использование теоретических знаний о предмете исследования. Знание общих закономерностей возникновения, существования,

---

[1] Яблоков Н.П. Совершенствование методических основ расследования преступлений. – Сов. государство и право, 1976, № 2, с. 68–69; Возгрин И.А. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Л., 1976, с. 44–45.

развития процесса, объекта дает возможность разработать метод, при помощи которого эти явления будут исследоваться в практической деятельности.

Особенно нужны сведения о закономерностях структуры преступления и закономерностях следообразования. Методологическую основу разработки методов расследования составляют и знания о структуре деятельности, в ходе которой было совершено преступление. Закономерности этой деятельности, методы осуществления контроля за ней учитываются в методе расследования. А это позволяет выявить совокупность специальных методов (бухгалтерского, экономического, технологического анализа), которые должны быть использованы для разработки методов расследования. Разработка метода обеспечивает реализацию этих теоретических познаний в практической деятельности следователя. Метод расследования должен основываться на всем комплексе изученных и обобщенных знаний, которыми располагает криминалистика в отношении каждого вида преступлений. Полнота разработки метода расследования находится в прямой зависимости от уровня теоретической части методики.

Наличие особенностей структуры преступлений по различным категориям уголовных дел приводит к появлению новых тактических задач, а отсюда и к появлению специфических методов расследования, предназначенных именно для данной методики расследования.

Поскольку практическая деятельность по расследованию есть конкретизация всех наших знаний об элементах структуры преступления, то совокупность методов теоретического познания этой структуры может быть использована и в практической деятельности по расследованию. Это существенно увеличивает значение теоретических методов расследования, повышает их практическую ценность и в то же время приводит к необходимости дополнительной разработки их содержания (применительно к практической деятельности).

Методы расследования призваны обеспечить решение возникающих тактических задач и основываются на используемых в других науках методах, но учитывают специфику исследуемых явлений, условия и цели (процессуальные, психологические) деятельности по расследованию преступлений. Именно поэтому надо тщательно изучать особенности и направленность методов, которые используются в других науках и которые следует, изменив и обобщив, применять и в деятельности по расследованию преступлений.

Методы расследования целиком базируются на марксистско-ленинской диалектике, которая создает методологическую основу всех стадий, элементов, направлений научного познания. Диалектика входит как составная часть в любой общий или частный метод научного познания,

в любой метод практической деятельности, в том числе и в метод расследования.

В методах расследования используются и общие методы научного познания: 1) логические методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия, гипотеза); 2) математические методы; 3) чувственно-рациональные методы (наблюдение, эксперимент, сравнение, описание и т.д.); 4) системно-структурные методы (моделирование, анализ систем и т.д.).

Давно уже обращено внимание на то обстоятельство, что «развитие познания характеризуется тенденцией осмыслить реальность... как некоторое единое, системное целое, связывать все познанные „фрагменты" действительности (разные системы отношений) в некоторую единую объективную систему, выступающую разнообразными аспектами и сторонами перед познающим субъектом»[1]. Такая закономерная особенность мышления проявляет себя и в деятельности по расследованию, где события прошлого познаются по отдельным разрозненным фактам. В связи с этим каждый метод расследования использует системно-структурный подход к изучению объекта, к моделированию средств воздействия на объект познания. Это вносит четкость в процесс применения метода и может быть сформулировано как принцип системной организации каждого метода расследования[2]. Без системного подхода нельзя, в частности, правильно и полно изучить работу предприятия, на котором действовало должностное лицо. На современном предприятии имеются системы технологии, контроля, оперативного учета, обеспечения и т.д. Разобраться в сущности каждой системы, в принципах и средствах их взаимодействия можно только в том случае, если сам метод изучения основывается на системном подходе. Метод расследования включает в себя и элементы такого метода познания, как генетический анализ. Исключительно важен исторический подход к изучению явлений, с которыми приходится сталкиваться в процессе расследования. Для того чтобы понять явление, его надо изучить в развитии[3].

---

[1] Лекторский В.А. Принципы воспроизведения объекта в знании. – Вопр. философии, 1967, № 4, с. 47.

[2] Р.С. Белкин и А.И. Винберг в общей системе криминалистических методов специально выделяют группу структурно-криминалистических методов, указывая, что это «методы выбора и накопления исходной информации, необходимой для построения структуры, определения путей развертывания структуры и ее использования в практической деятельности» (Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика и доказывание, с. 40).

[3] В литературе отмечалось: «...при познании развития преступной деятельности, в частности причинной связи, в процессе расследования применяются и отдельные элементы метода генетического анализа. Однако использование и этого частного метода носит несколько стихийный и бессистемный характер...» (Яблоков Н.П. Совершенствование методических основ расследования преступлений. – Сов. государство и право, 1976, № 2, с. 69).

Особое значение метод генетического анализа приобретает при расследовании должностных преступлений. В большинстве случаев это длящиеся преступления, которые имеют свои этапы, изменяющиеся во времени элементы, условия, действия. При расследовании необходимо в развитии изучать деятельность предприятия, отдельные элементы его структуры, личность обвиняемого. Применительно к должностным преступлениям во всех случаях надо устанавливать, как выполнялись функции раньше, что привело к совершению преступления.

Методы расследования применяются в процессуальной деятельности, обеспечивают достижение целей этой деятельности и поэтому должны соответствовать всем процессуальным требованиям. Обязательным требованием к любому методу расследования является полное соответствие его рекомендаций принципам советского уголовного процесса, всем процессуальным нормам. Метод расследования должен учитывать процессуальные права не только следователя, но и других участников процесса, что прежде всего относится к правам подозреваемого и обвиняемого, учитываемым в структуре применения каждого метода расследования. Поэтому всегда надо выяснить, при помощи каких процессуальных и тактических средств тот или иной метод может реализовываться в практике расследования.

В завершенном виде метод расследования должен обеспечивать: 1) определение комплекса целей, которые могут быть достигнуты применением данного метода; 2) формулирование характеристики ситуаций, событий, явлений, для выяснения которых или при наличии которых может быть применен данный метод; 3) возможные варианты реализации метода в зависимости от конкретизации целей, изучаемых событий, явлений; 4) последовательное совершение действий при применении метода; 5) совокупность средств и специальных приемов реализации данного метода.

Все изложенное дает основание говорить о том, что применяемые в процессе расследования методы действительно специфичны, что они характерны только для данного вида практической деятельности. Можно сказать, что метод расследования – это основанный на знании закономерностей связей и взаимодействия элементов криминалистической структуры преступления, теории криминалистики, общих методов познания, методов криминалистики и других наук оптимальный путь решения тактических задач, возникающих при расследовании преступлений. Совокупность методов расследования должна обеспечивать решение всех тактических задач, которые возникают на предварительном следствии.

Выявляется важная теоретическая проблема построения системы методов расследования. Существуют общие цели расследования (для всех

категорий уголовных дел) и специальные (возникающие только при расследовании определенного вида преступлений). Отсюда ясно, что общая система применяемых на практике методов расследования должна учитывать наличие этих двух групп целей. Методы можно классифицировать и по другому основанию – направленности тактических задач. Здесь выделяются диагностические и структурно-анализирующие методы.

При расследовании преступлений должностных лиц появляются специфические цели (что определяется совокупностью фактов, которые должны быть установлены в результате расследования), а в соответствии с этим – и специфические тактические задачи, подлежащие решению в ходе достижения целей расследования.

Содержание метода находится в зависимости и от объекта исследования. «Каждый объект познания требует специальной „технологии“ его исследования, особой методики изучения и обработки материала»[1]. В соответствии с этим требуются разработки для целей расследования самостоятельных методов изучения различных объектов, будь то учреждение или отдельный предмет (документ, вещественное доказательство).

Таким образом, метод расследования обусловлен целями, заранее известными особенностями изучаемого объекта, теми специальными познаниями, которые нужны для достижения имеющейся цели при наличии установленных особенностей объекта познания.

Определение комплекса необходимых методов существенно облегчается изучением структуры преступления по данной категории уголовных дел, установлением совокупности типичных тактических задач. Для расследования преступлений должностных лиц нужна разработка комплексов методов, обеспечивающих:

1. Выявление преступлений должностных лиц. Поскольку это высоколатентные преступления, требуется разработка специальных методов их выявления. Особо следует выделить группу методов, обеспечивающих выявление корреляционных зависимостей, свидетельствующих о наличии процессов, которые могут быть результатом совершенного должностным лицом преступления.

2. Изучение деятельности специфического субъекта – должностного лица (особенностей выполнения им функций, дефектности их осуществления, принятых управленческих решений и т.д.).

3. Установление причинной связи между действиями должностного лица и наступившими последствиями[2].

---

[1] Подкорытов Г.А. Историзм как метод научного познания. Л., 1967, с. 10.

[2] Интересные соображения о методах установления причинных связей имеются в работах Н.П. Яблокова. Так, им предложены методы сетевого моделирования причинной связи, графоаналитический метод и др. (Яблоков Н.П. Исследование обстоятельств преступных нарушений правил безопасности труда. М., 1980, с. 106–111).

4. Изучение системы, в которой действовало должностное лицо.

5. Изучение следов-отражений и их связей с элементами структуры преступления, совершенного должностным лицом. Такая необходимость обусловлена наличием специфических следов-отражений (документы, последствия, наступившие в результате отражения преступных действий должностного лица)[1].

Сложность деятельности по расследованию преступлений приводит к тому, что требуется применение названных выше методов в их сочетании, в комплексе, поскольку только это может обеспечить получение нужных фактов, диалектический подход к исследованию явлений, установление связей между событиями прошлого и настоящего. Комплекс подлежащих применению методов проявляется в ходе моделирования процесса расследования, где определяется вся совокупность тактических задач в их взаимодействии и последовательности.

§ 2. Метод криминалистического матрицирования

Исключительно важна для расследования преступлений должностных лиц разработка метода матрицирования, который можно представить себе как разновидность общего метода моделирования. Под матрицей в науке понимают математически обоснованный алгоритм или установленную закономерность связей между явлениями, между фактами. Данный метод имеет своей основой выявленную в результате системного исследования структурную закономерную связь определенных элементов (типовую схему). Применительно к практической деятельности следователя под матрицей понимается установленная в ходе следствия совокупность фактов, характеристик, закономерностей, общих требований, регулирующих деятельность учреждения, должностного лица, требований к изделию, к производственному или иному процессу[2].

При расследовании матрица (например, типовая схема документооборота на молокозаводе) сопоставляется с изучаемым объектом (документооборотом конкретного молокозавода), что дает возможность

---

[1] Некоторые из этих методов рассматриваются в § 2–4 настоящей главы.

[2] В виде матрицы может быть представлена и схема взаимодействия, типичной последовательности развития механизма события. Так, А.П. Онучин разработал типовую схему структуры происшествия при управлении техникой. Как пишет сам автор, «практическое значение данной схемы в том, что теоретическое наложение ее на данный случай поможет следователю дифференцировать основные стадии общественно опасного события, установить взаимодействующие элементы» (Онучин А.П. Структура и криминалистическая характеристика происшествия при управлении техникой. – В кн.: Проблемы эффективности раскрытия и расследования преступлений. Свердловск, 1978, с. 114).

выявить отклоняющиеся или отсутствующие элементы либо элементы, не предусмотренные типовой схемой (для нас – матрицей).

Применение метода дает возможность следователю: сделать вывод о соответствии (несоответствии) деятельности учреждения, предприятия, должностного лица, отдельного процесса имеющейся матрице; систематизировать в соответствии с матрицей имеющиеся факты, выявить недостающие (по матрице) элементы и тем самым определить, какие еще факты, элементы, предусмотренные матрицей, следует искать, собирать.

Таким образом, метод матрицирования служит целям упорядочения процессов сбора различной информации, ее анализа и синтеза при расследовании и обеспечивает сравнение совокупностей фактов, процессов с целью выявления различий с имеющимися моделями. Подобное применение метода матрицирования очень важно в ходе моделирования всего процесса расследования[1].

В зависимости от практически решаемой тактической задачи в качестве матрицы могут выступать:

1) схемы деятельности, этапов технологического процесса, управленческих связей, установленного нормативными актами порядка документооборота и т.д.;

2) схемы, определяющие результаты изучения общих закономерностей преступной деятельности по данному виду преступления (матричная схема этапов развития структуры преступления).

В качестве своеобразной матрицы при расследовании уголовного дела используется уголовное и уголовно-процессуальное законодательство. Совокупность требований, перечисленных в процессуальном или материальном законе, рассматривается как матрица элементов, которые должны быть установлены по делу. Выявленные на данный момент времени факты и обстоятельства по делу всегда сверяются с «матрицей» закона, и, таким образом, следователь выясняет, какие требования закона он еще не выполнил, в каких элементах его деятельность не полностью соответствует матрице.

Метод криминалистического матрицирования можно широко использовать при выявлении дефектов в деятельности предприятия. При расследовании преступлений должностных лиц почти всегда надо изучать деятельность предприятия, той системы, в которой совершено преступление. Отсутствие каких-то специальных познаний создает для следователя значительные трудности, которые существенно снижаются при использовании метода матрицирования. В качестве матрицы

---

[1] Практическая необходимость применения метода матрицирования остро ощущается следователями. Именно по этой причине при расследовании сложных хозяйственных преступлений часто составляются схемы документооборота, движения материальных ценностей и т.д.

берется сумма элементов типовой деятельности подобных предприятий (схема документооборота, организационная структура, технологическая структура и т.д.). Наличие матрицы облегчает изучение конкретного предприятия, выявление расхождений в отдельных элементах. Выявленные расхождения анализируются с точки зрения их возможной причинно-следственной связи с наступившими вредными последствиями.

Наконец, метод матрицирования применяется и при анализе деятельности конкретного должностного лица. В этом случае в качестве матрицы берется типовая схема действий и функций, которые должны выполняться по определенной должности. Наличие матрицы облегчает изучение деятельности и выявление допущенных в ней дефектов.

В зависимости от решаемой задачи в процессе расследования могут использоваться различные информационные матрицы. Так, может составляться нормативная матрица, которая отражает взаимосвязи всех структурных элементов, весь комплекс нормативных актов, регулирующих деятельность должностного лица, учреждения. Данная матрица может быть структурной (отражающей правовое регулирование всей структуры деятельности) и генетической (отражающей правовое регламентирование последовательных действий, стадий деятельности). Можно выделить организационную матрицу – типовую, общепринятую модель организации данного вида деятельности. Следует указать и на наличие технологической матрицы – типового, общепринятого, установленного технологического процесса изготовления изделия или продукта, его хранения, транспортировки и т.д.

Метод матрицирования реализуется следователем через осуществление таких этапов деятельности:

1) определение вида необходимой для расследования матрицы;

2) сбор информации для построения матрицы. На данный этап следует обратить особое внимание. Ошибочность, неполнота матрицы закономерно приведут к ошибочности последующих действий и выводов. Поэтому желательно сбор информации проводить с помощью специалистов и обязательно контролировать, проверять и перепроверять полноту и правильность сбора ими информации об элементах матрицы;

3) построение схемы, общей характеристики матрицы;

4) сбор информации (на действующем предприятии, в учреждении и т.д.) на основе построенной матрицы по ее параметрам;

5) сопоставление типовой матрицы с матрицей деятельности, осуществляемой на конкретном предприятии, для выявления расхождений между ними;

6) определение путей выявления причинно-следственных связей между установленными расхождениями в схемах матриц и деятельностью должностного лица.

Универсальность метода матрицирования, его большое значение для познавательной деятельности следователя приводят к включению этого метода в качестве составного элемента и в другие методы расследования, что подробнее будет изложено ниже.

§ 3. Метод криминалистического анализа функций деятельности должностного лица

Для достижения преступных целей должностные лица нередко выполняют свои функции с различными дефектами. В процессе выполнения в них вносятся такие изменения, которые облегчают совершение преступления, его сокрытие.

Без глубокого анализа функций должностного лица, которое обвиняется в совершении преступления, выявить прямую связь между совершенными им действиями и наступившими последствиями практически невозможно. Поэтому, расследуя должностные, хозяйственные преступления, следователь всегда осуществляет сбор материалов для изучения функций должностного лица. Поскольку отсутствуют общие рекомендации по изучению функций, следователь создает какую-то свою собственную систему анализа. При наличии достаточного опыта этот процесс анализа бывает более полным. Отсутствие же опыта приводит к появлению разнообразных ошибок, к неполноте исследования деятельности должностного лица.

В связи с этим насущной задачей криминалистики является разработка специального метода криминалистического анализа функций деятельности, так как только использование такого метода позволяет во всех случаях правильно решать вопрос о наличии или отсутствии дефектов в деятельности должностного лица. Метод анализа функций деятельности призван на основе общих знаний о содержании, разновидностях, особенностях различных функций указать наиболее верный путь их изучения следователем. Данный метод имеет свою информационную основу, создание которой обеспечивается и исследованием функций деятельности должностных лиц, проведенным в теоретической части методики. В частности, для разработки метода следует использовать знание: а) составных элементов функции; б) этапов ее развития; в) взаимосвязей при выполнении функции; г) следов-отражений, возникающих при осуществлении функции.

С помощью этого метода выявляются дефекты в выполнении функций, количественные и качественные показатели этих дефектов, устанавливаются зависимости дефектного осуществления функций от определенных причин, взаимосвязи функций различных лиц и т.д.

Методом анализа функций деятельности устанавливаются:

1) выполняемые должностным лицом функции, связи между ними, их регламентация;

2) действительное содержание каждой функции;

3) действия, совершаемые должностным лицом при выполнении функции, их количественная и качественная (содержательная) характеристика;

4) действия, делающие дефектным выполнение функции;

5) факты, указывающие на то, что наряду с функцией по должности данное лицо совершает действия, относящиеся к структуре преступления (взяточничества, хищения и т.д.);

6) систематичность совершения действий, относящихся к структуре преступления;

7) время, когда должностное лицо начало совершать действия, относящиеся к структуре преступления, а также причины и условия, способствовавшие его совершению;

8) факты, указывающие на сокрытие дефектных изменений при выполнении функций. Если в ходе расследования устанавливается, что работник специально принимал меры к удалению «лишних» людей, когда он совершал действия, противоречащие его функциям, что он выполнял еще и функции секретаря (например, записывал в журнал входящих бумаг документы, полученные им лично, и неправильно их оформлял), появляются достаточные основания считать, что принимались специальные меры для сокрытия отклонений при выполнении функций;

9) факты, свидетельствующие о том, что принимались меры для сокрытия последствий неправильного, неполного выполнения производственной функции (принятие мер к уклонению от контроля и т.д.);

10) противоречия между фактическим выполнением функции и ее документальным оформлением, закреплением;

11) связи между действиями, совершенными должностным лицом при осуществлении функции, и наступившими последствиями.

Рассмотренные особенности данного метода показывают, что здесь тесно переплетаются анализ (расчленение, выделение функции деятельности) и синтез (обобщение, восстановление этой деятельности по отдельным ее деталям, по ее последствиям).

В целом можно сказать, что метод анализа является средством изучения определенной функции должностного лица в ее развитии, связях, содержании с целью установления дефектов, которые привели к результатам, приносящим экономический или иной вред государству или отдельным гражданам.

При анализе функций должностного лица, как правило, нельзя ограничиваться одной какой-либо функцией, игнорируя другие. Надо

учитывать существующую между ними взаимосвязь. Поэтому процесс анализа функций должен включать: определение всего комплекса функций данного должностного лица, особенностей осуществления каждой из функций (их отклонение от матрицы), взаимосвязей между этими функциями, качественных и количественных зависимостей между ними в результате совершения (несовершения) каких-либо действий.

Уже указывалось, что должностные лица совершают преступления как путем осуществления своих функций, допуская дефекты при их реализации, так и путем совершения действий, которые не входят в их функции. При расследовании данное обстоятельство всегда надо учитывать. В связи с этим, анализируя функции должностного лица, необходимо: 1) выявлять полную совокупность совершенных им действий; 2) разграничивать действия, выполненные в пределах должностных функций, и действия, не относящиеся к таковым.

Метод анализа функций деятельности во всех случаях является комплексом других методов или их элементов. Но специфичность целей применения, процессуальные средства, при помощи которых достигаются эти цели, и процессуальные условия применения метода делают его самостоятельным, причем именно криминалистическим, методом. Здесь учитывается совокупность различных методов анализа отдельных операций, действий человека при осуществлении целенаправленной деятельности. Среди таких методов следует назвать наблюдение, эксперимент, хронографический анализ.

Метод криминалистического анализа функций включает в себя и элементы методов, используемых для исследования определенной профессиональной деятельности. Условия деятельности, ее цели, объекты, на которые она направлена, – все это характеризует профессиональную деятельность и требует применения специфических методов для ее анализа.

В связи с этим составной частью метода анализа функций являются приемы бухгалтерского, экономического, товароведческого, технологического анализа. Однако у используемых элементов этих методов всегда появляется весьма существенная направленность – они применяются при анализе функций должностного лица. Такой анализ предполагает изучение взаимоотношений должностного лица и его отношения к выполнению функций.

Кроме чисто криминалистических методов и средств для этой цели используются и элементы психологических методов. Надо учитывать, что метод анализа функций предполагает и качественное изучение функций деятельности должностного лица. Это значит, что должно изучаться не только то, что делается по форме должностным лицом, но и его отношение к своим действиям. В связи с этим в ходе анализа следует изучать:

1) отношение должностного лица к содержанию выполняемой функции; 2) наличие опыта в выполнении данной или сходной функции; 3) наличие и реализацию внутренней готовности к выполнению функции; 4) стимулы к выполнению функции; 5) различные варианты осуществления функции в зависимости от внешних условий, от побудительных мотивов; 6) результаты выполнения функции, отношение к ним; 7) результат сопоставления прогнозируемых или объявленных должностным лицом целей осуществления функции с практически достигнутыми. Из сказанного видно, что метод анализа функции деятельности включает в себя и изучение элементов психологического отношения к деятельности, к ее результатам, ибо без этого нельзя установить действительную виновность (или невиновность), степень этой виновности.

Наконец, в содержание метода входят и элементы метода матрицирования.

Все изложенное относится к качественному анализу функций деятельности. Но возможности его возрастают, если одновременно осуществляется и количественный анализ (выявление и учет всей совокупности функций, определение тенденций, сопоставление различных процессов и т.д.). Действительное отношение к выполнению функции можно выявить лишь в том случае, когда исследуется не отдельное проявление функции, а общая направленность деятельности, вся совокупность действий за тот или иной период времени. Требуется накопление фактов, свидетельствующих о выполнении данной функции, и их исследование при помощи математических методов, построения графиков, выведения корреляционных зависимостей. Такая обработка собранных фактов позволит выявить: частоту отклонений в выполнении функции; закономерность появления перед выполнением функции факта, в результате которого произошло изменение в выполнении функции; причинную связь между отклонениями и последствиями.

Сочетание количественного и качественного анализа дает возможность выявить и те изменения, которые происходили при осуществлении функции в течение изучаемого отрезка времени, а также факторы, повлиявшие на эти изменения.

Метод анализа функций деятельности имеет целый ряд разновидностей. Их определяют в основном следующие два обстоятельства:

1. Цели анализа функций деятельности. Целью анализа может быть изучение деятельности конкретного лица и изучение какой-либо функции в общей системе управления предприятия, учреждения. Когда речь идет о конкретном лице, цели могут направляться или на исследование отдельной функции, или на исследование всей деятельности должностного лица. В последнем случае целью анализа является нахождение именно той функции, где было совершено злоупотребление

(что бывает, например, при расследовании уголовных дел о взяточничестве). Здесь процесс анализа функций значительно усложняется: производится выявление всех функций деятельности, их разграничение, исследование проявлений каждой функции и т.д. (познание от общего к частному).

Когда целью является изучение процесса осуществления функции в системе (предприятия, учреждения), анализ в значительной степени связан с синтезом сведений. Надо изучать общие цели деятельности системы, всю функциональную структуру, те изменения, которые были внесены в осуществление функции на данном предприятии, обоснованность изменений, их последствия (противоречия в правовой регламентации, в системе стимулирования и т.д.).

Подобного рода анализ функций деятельности обычно проводится, например, при расследовании уголовных дел о выпуске недоброкачественной, нестандартной и некомплектной продукции. Так, при расследовании уголовного дела о выпуске недоброкачественных труб следователь тщательно изучал причины их массового выпуска с завода. Было установлено, что директор без ведома вышестоящих инстанций изменил систему стимулирования работы ОТК, введя так называемую прогрессивную систему оплаты, при которой контролеры получали зарплату в зависимости от количества пропущенных ими через ОТК труб. Подобная «система» очень быстро привела к резкому уменьшению количества забракованных контролерами труб.

2. Содержание действий при анализе. Оно зависит и от изучаемых функций, которые требуют дифференцированного подхода. Конкретное содержание метода находится в прямой зависимости от вида изучаемой в процессе расследования функции должностного лица. Так, функция распределения материальных ценностей должна изучаться иначе, чем функция контроля.

Становится ясно, насколько разнообразным может быть конкретное содержание метода анализа функций деятельности на практике. Путь анализа функции во всех случаях зависит от ее цели, содержания, условий. С учетом этого можно установить последовательность применения метода анализа функций, выделив следующие его этапы.

1. Определение конкретных целей применения метода анализа функций. Нельзя приступать к реализации метода, если не решена эта проблема. В самом общем виде можно выделить следующие группы целей, направленные на выявление: а) содержания конкретной функции должностного лица, дефектов в выполнении функции и их причин; б) причинных связей между функциями должностного лица (выполненными им действиями) и наступившими последствиями; в) действий, не соответствующих правомочиям данного должностного лица.

2. Построение матрицы изучаемой функции. Для этого первоначально изучаются параметры, характеризующие изучаемую функцию. Данный вопрос разрешается путем сбора и исследования нормативных актов, регулирующих осуществление функции. При составлении матрицы надо учитывать, что функция может быть постоянной или временной, исполняемой в силу специального отдельного распоряжения. При изучении нормативных основ деятельности должностного лица следует выяснить, четко ли сформулированы функции данного должностного лица, имеется ли достаточно ясное разграничение его обязанностей и обязанностей других лиц и т.д. В матрицу включаются и те действия, которые обязано было выполнить должностное лицо по той или иной функции. В большинстве случаев такие действия только по нормативному акту полностью установить нельзя. Для этого надо в качестве элементов матрицы использовать и обычную совокупность действий других должностных лиц, выполняющих аналогичную функцию.

3. Разработка плана реализации метода. План предусматривает сбор по составленной схеме информации о выполнении функции, определение тактических средств и последовательности их применения, привлечение необходимых субъектов и т.д. (На данном этапе производится разработка тактической операции «сбор информации»[1].) При этом учитывается, что анализ функции деятельности нужен также для разработки профилактических мероприятий, поскольку он позволяет не только установить факты злоупотребления при осуществлении функции, но и вскрыть те условия, обстоятельства, которые следует учесть для того, чтобы предотвратить в будущем подобные вредные последствия.

4. Определение всех следов-отражений действий по осуществлению данной функции (в каких документах, объектах фиксируются ее ход и результаты). Такие сведения дают возможность производить сбор и анализ всех следов-отражений исследуемой функции деятельности, в частности свидетельств тех лиц, которые знали о действиях по выполнению функции и об их результатах. Изучаются также орудия, инструменты, при помощи которых осуществлялась функция; объекты, на которые воздействовали должностные лица; все проявления функции, в том числе наступившие последствия. Функции можно изучать и по материалам, собранным государственными органами или общественными организациями. Здесь имеются в виду акты проверок, контрольных закупок, документы инспекций, народного контроля и т.д.

5. Изучение процессов фактического выполнения функции должностным лицом. Практика свидетельствует, что следователи чаще

---

[1] О тактической операции по сбору информации см. гл. V.

всего изучают результаты документального отражения функций и значительно реже – сам ход ее реализации. В то же время нередки случаи, когда должностные лица продолжают осуществлять свои функции и после возбуждения уголовного дела. Появляется возможность непосредственно наблюдать их действия. Поэтому составной частью метода анализа функций деятельности могут быть и эксперименты. Для целей анализа используются различные виды эксперимента: наблюдение за выполнением должностным лицом функций в естественных условиях, внесение в этот процесс дополнительных условий (своеобразный лабораторный эксперимент), воспроизведение функции данным должностным лицом в ходе следственного эксперимента. Проведение эксперимента может сочетаться с хронометражем отдельных действий, операций.

6. Осуществление качественного и количественного анализа собранного материала для выявления дефектов функции, взаимосвязи их с последствиями и т.д.

7. Изучение влияния дефектов данной функции должностного лица на деятельность учреждения, предприятия.

§ 4. Метод криминалистического анализа управленческого решения

Наличие при расследовании преступлений должностных лиц такого объекта исследования, как управленческие решения, требует и специального метода их изучения. Им и является метод анализа управленческого решения, который призван обеспечить полноту изучения действий должностных лиц. При помощи этого метода вскрываются противоречия процесса принятия решения, дефекты его оснований и самого осуществления. Применение метода существенно облегчает установление причинной связи между действиями должностного лица и наступившими вредными последствиями, позволяет найти факты, которые доказывают преступный умысел, наличие системы преступных связей, выявляют механизм совершения преступлений.

Этот метод является криминалистическим, что обусловлено целями его применения, разработкой его с учетом системы тактических средств, которыми располагает следователь. Метод во всех случаях рассчитан на использование этих средств, создает наиболее целесообразную последовательность их применения при осуществлении анализа управленческого решения. В соответствии с этим метод анализа управленческого решения может рассматриваться и как совокупность (оптимальная для данных условий) тактических средств, обеспечивающих познание принятого должностным лицом решения.

Метод анализа управленческого решения имеет разновидности:

1. Метод анализа конкретного управленческого решения.

2. Метод анализа совокупности решений, принятых одним и тем же должностным лицом за определенный период времени. В задачи следователя входит установление действительного отношения должностного лица к совершенному правонарушению и его последствиям. Если установлен единичный факт правонарушения, подозреваемому значительно легче ссылаться (что обычно и делается) на неумышленность допущенного нарушения, на стечение обстоятельств и т.д. В связи с этим в процессе расследования могут изучаться все аналогичные решения, принятые должностным лицом за определенный период времени. Это позволяет выделить сходные нарушения в обосновании решений, используемые для вуалирования их незаконности.

3. Метод анализа управленческих решений в определенной системе (предприятий, учреждений).

Разновидности метода можно выделить и применительно к этапам управленческого решения: а) принятию решения; б) его реализации; в) контролю за реализацией.

Как и любой метод расследования, анализ управленческого решения реализуется через совокупность различных методов, объединяемых единой целью – наиболее полного изучения объекта. Прежде всего это логический анализ информации, собранной о процессе подготовки и принятия решения. Для такого анализа вся имеющаяся информация располагается в последовательности в соответствии с этапами, которые обусловлены установленными процедурами, связанными с подготовкой, принятием и осуществлением управленческого решения.

В рамках метода анализа управленческого решения находит применение и экспериментальный метод. Могут воссоздаваться условия для принятия решения, проверяться процессы документирования. Эксперимент здесь проводится по тем же правилам, что и проверка функции должностного лица.

Уже указывалось на роль математической обработки количественных показателей при анализе функций деятельности. Накопление и обработка количественных показателей полностью сохраняет свое значение и при анализе управленческих решений.

При исследовании управленческого решения может использоваться и генетический анализ – изучение временных характеристик процесса принятия решения, последовательности этапов принятия решения. Это делается тогда, когда речь идет о решении, принятом после совершения преступных действий с целью избавления виновных от уголовной ответственности. Практика знает случаи, когда руководители предприятий принимают все меры к тому, чтобы материалы по выявленным

недостачам не были переданы в следственные органы, что прикрывают стремлением «не позорить» предприятие. Сокрытие недостачи производится необоснованным вынесением решений о списании недостающих материальных ценностей. Возникает потребность проверять и правильность методов, используемых должностным лицом при принятии решения. Такими методами могут быть: перебор вариантов, прогнозирование, моделирование, экономический анализ, технологический анализ и т.д. В подобных случаях структура метода анализа управленческого решения существенно усложняется в связи с необходимостью учитывать и проверять работу, проделанную в ходе принятия решения.

Наконец, в структуре криминалистического метода анализа управленческого решения используются элементы других методов расследования. Прежде всего это относится к методу матрицирования. В качестве обязательного элемента при анализе выступает построение матрицы процесса принятия данного вида управленческого решения.

При криминалистическом анализе управленческого решения нужно соблюдать общие правила реализации этого метода. Среди них надо назвать следующие:

1. Анализ решения, принятого должностным лицом, может быть осуществлен только через первоначальное построение полной модели решений исследуемого вида[1]. В каждом случае надо выявить и построить матрицу нужной для принятия решения информации, установить совокупность действий по принятию решений такого типа, а затем уже собирать информацию по всем остальным элементам матрицы.

2. Анализ управленческого решения должен проводиться с учетом всех рекомендаций криминалистической тактики и методики. В частности, метод реализуется через тактическую операцию «проверка» с соблюдением всех процессуальных гарантий, криминалистических рекомендаций, обеспечивающих полноту и правильность проведения анализа, а также необходимых предосторожностей (с учетом возможности противодействия заинтересованных лиц).

3. Исследование должно быть направлено на установление конкретной ответственности должностных лиц, готовивших решение, принимавших, исполнявших его. Борьба с преступлениями должностных лиц только тогда будет эффективной, если в ходе расследования устанавливаются и дефектность управленческого решения, и ответственные за это конкретные должностные лица.

Исследование управленческого решения целесообразно проводить с помощью специалистов в данной отрасли производства, распределения,

---

[1] Рудашевский В.Д. Моделирование процесса принятия решений с использованием системного подхода. – В кн.: Научное управление обществом, вып. 9. М., 1976, с. 325.

проектирования и т.д. Криминалистический анализ всегда рассчитан и на использование метода экспертных оценок. Без этого его применение может быть неполным, не будет гарантировать от ошибок. Форма использования следователем специальных познаний других лиц различна: судебная экспертиза, консультация специалиста и т.д.

Знание сущности управленческого решения, общих правил и процедуры его принятия позволяет найти наиболее целесообразную последовательность совершения действий при использовании данного метода.

1. Определение целей исследования управленческого решения. Надо четко уяснить, какая именно цель преследуется анализом решения. Это даст возможность правильно построить весь процесс анализа, выбрать нужные для него средства. Конечно, сам анализ будет выявлять новые горизонты, вскрывать новые факты, что приведет и к появлению новых целей исследования. Но это не меняет основного – первоначально должна быть установлена цель анализа. Эта стадия предполагает и выдвижение версий о мотивах принятия конкретного решения должностным лицом. Последнее увеличивает число фактов, которые надо изучать при реализации метода.

2. Выявление правовых оснований принятия данным должностным лицом решения, выяснение того, законны ли вообще подобные решения, находятся ли они в компетенции данного должностного лица.

3. Определение матрицы подобного вида управленческих решений (какие требования к нему предъявляются, какова процедура принятия и оформления решения и т.д.?).

4. Изучение информационной основы принятого управленческого решения. Различают несколько видов оснований: а) тематические основания – когда необходимость принятия решения вытекает из потребностей длительного, устойчивого регулирования определенных явлений, процессов, связей; б) разовые (оперативные) основания – при возникновении ситуаций, требующих соответствующего вмешательства; в) основания правового «автоматизма» – когда принятие решения обусловлено требованиями юридического характера. В каждом из перечисленных случаев имеются особенности проверки оснований. В первом случае выясняется наличие актов, инструкций, закрепляющих накопленный опыт в регулировании процесса, явления. Во втором случае тщательно анализируется возникшая ситуация – ее временные, экономические и иные характеристики. В третьем случае анализ решения в значительной степени сводится к юридическому анализу. Все это и создает различия между теми моделями, которые должны быть построены прежде, чем приступать к анализу конкретного управленческого решения.

5. Проверка соответствия отраженных в документах оснований действительным фактам. Нельзя осуществить анализ управленческого

решения, если ограничиваться формальным содержанием информации, которая изложена в документах, обосновывающих принятое решение. Управленческое решение может быть основано на вымышленных фактах, на фальсифицированных документах, которые якобы вынуждают принять решение, отступающее или дающее возможность отступить от правовых норм. Тщательное исследование информации, положенной в основание принятого управленческого решения, часто позволяет выявить действительные взаимоотношения, преступные связи. Существует два варианта фиктивности оснований принятия решения.

Первый вариант: фиктивные основания были созданы самим лицом, которое приняло решение, отступающее от существующих инструкций. В качестве примера можно сослаться на уголовное дело о хищениях на консервном заводе. С целью создания условий для накопления больших недокументированных излишков фруктов управляющий трестом дал письменное разрешение на прием продукции без разбраковки, «с указанием сортности по согласованию с поставщиком». По положению, сортность должна определяться путем осмотра товароведом каждой партии сырья. Отступление от этого правила в письме мотивировалось тем, что на заводе отсутствует надлежащий специалист и к тому же поступает такое большое количество сырья, что при сложившихся условиях физически невозможно осуществить правильный контроль сортности всего поступающего сырья. Такое письмо позволило работникам завода ставить кабальные условия сдатчикам продукции, при которых последние были вынуждены соглашаться сдавать продукцию с занижением сортности и завышением процента отхода. При изучении оснований указанного выше управленческого решения выяснилось, что фактически на заводе никакой перегруженности при обработке поступавшего сырья не было, имелся и специалист-товаровед. Таким образом, утверждения о наличии исключительных условий – оснований принятия решения – были полностью опровергнуты. Дальнейшее расследование позволило установить, что управляющий трестом подписал документ за взятку, полученную от организатора хищения на заводе.

Второй вариант: фиктивные основания представляются в соответствующие учреждения преступниками, предполагающими незаконно получить льготы. Ими фабрикуются документы, на основании которых принимается решение в их пользу. В подобных случаях анализируются те действия, которые следовало осуществить должностному лицу для проверки правильности представленных им документальных оснований.

Иногда возникает потребность исследовать не только документальную, но и фактическую обеспеченность всех элементов решения (на момент его принятия). Бывают и такие ситуации, когда в самом решении все факторы, обеспечивающие его исполнение, например выделение

стройматериалов для намеченной стройки, предусмотрены, но в то же время самому должностному лицу заведомо известно, что фактически стройуправление не располагает теми материалами, которые якобы выделены на данную стройку. Это должно учитываться в ходе анализа для определения ответственности должностного лица, которое приняло управленческое решение, что и привело к наступлению вредных последствий.

6. Установление содержания действий должностного лица по проверке правильности информации, на основании которой им принято управленческое решение. Так, на Пермском лакокрасочном заводе была выявлена недостача лака и олифы на 342 тыс. руб. Руководители предприятия, не утруждая себя поисками виновных, обратились в главк, и тогдашний начальник «Союзкраски» Минхимпрома СССР без всякой проверки разрешил эту сумму списать на издержки производства. Более того, вскоре заводу необоснованно снизили на 420 тыс. руб. план. Такая корректировка привела к его «выполнению» и выплате премий. По фактам злоупотреблений, выявленных при проверке в Минхимпроме, Прокуратурой СССР возбуждено уголовное дело, расследование которого доказало преступное нарушение порядка принятия важного управленческого решения[1].

7. Проверка соблюдения основных принципов принятия решения, учета всех факторов, которые призваны (технически, управленчески, логически и т.д.) в наибольшей степени обеспечить эффективность решения[2]. Надо иметь в виду, что должностные лица в процессе расследования нередко ссылаются на то, что ими своевременно было принято решение, направленное на предотвращение вредных последствий, которые все же наступили. Принятое решение следует тщательно анализировать и с той точки зрения, насколько конкретны были предлагаемые меры предотвращения вредных последствий, отвечали ли они сложившейся ситуации, обеспечивались ли необходимыми средствами и т.д. Лицо, принимающее решение, должно обеспечить и создание условий для его осуществления. Недостаточно должностному лицу, например, принять решение о проведении капитального ремонта, назначить ответственного, определить сроки, – надо создать условия для осуществления всех связанных с этим действий. Так, должны быть выделены ассигнования, стройматериалы, строительная техника и т.д. Поэтому при изучении подобного управленческого решения следует установить, какие элементы оно должно отражать, а затем уже решать вопрос о его полноте.

8. Проверка хода реализации и самих результатов управленческого решения. Рассматриваемый метод обеспечивает решение и этой задачи,

---

[1] Правда, 1979, 29 дек.

[2] Тихомиров Ю.А. Управленческое решение. М., 1972, с. 76.

хотя, с учетом изменения ее сущности, содержание действий здесь меняется. Должностное лицо не только располагает правом (обязанностью) принимать управленческое решение, но и призвано организовывать, контролировать сам процесс его исполнения. В соответствии с этим анализ конкретного решения включает и выяснение вопроса о том, что было практически сделано должностным лицом по проверке осуществления фактических действий, предусмотренных решений. В результате такого изучения должны быть получены ответы на следующие вопросы: а) достигнута ли данная цель, т.е. выполнено ли решение полностью, частично или не выполнено и т.д.? б) если цель достигнута, то был ли процесс ее достижения наилучшим, отвечали ли способы и средства ее достижения соответствующим требованиям? в) если цель не достигнута, то каковы определяющие причины, от кого они зависят? г) было ли само решение верным, обоснованным в данной ситуации?[1] С этой целью используются все тактические средства, анализируются все действия должностного лица, которые сопоставляются с системой документального отражения.

Поэтапное изучение управленческого решения обеспечивает полноту и правильность выводов следователя.

---

[1] Лечиев М.Х. Реализация решений как этап процесса управления. – Вестн. Моск. ун-та, сер. XII, 1976, № 1, с. 87.

Глава V
Проведение тактических операций при расследовании преступлений, совершенных должностными лицами

§ 1. Значение и система тактических операций

Особенности криминалистической структуры преступлений должностных лиц приводят к необходимости разработки не только методов расследования, но и особых тактических средств, при помощи которых эти методы могут быть реализованы, т.е. разработки специальных тактических операций[1].

Значение тактических операций в процессе расследования, настоятельная надобность их дальнейшей теоретической разработки в настоящее время признается большинством криминалистов. Это положение закреплено и в учебной программе по криминалистике. Ведутся, однако, споры о терминологии. Так, Р.С. Белкин считает, что правильнее подобную совокупность действий именовать «тактическая комбинация», а Н.А. Селиванов предлагает термин «тактический комплекс». С точки зрения Н.А. Селиванова, тактический комплекс «есть не что иное, как часть методики расследования, сущностью которой... является оптимальное сочетание следственных и иных действий, предусмотренных нормами права»[2]. В отношении же тактической операции он пишет далее: «Это – локальная методика, направленная на решение отдельной, частной задачи расследования, поэтому и называть такую операцию следовало бы не тактической, а методической»[3]. Здесь уже начинается чистый спор о терминах. Например, принято употребить термин «тактическое средство». Хотя тактические средства применяются в методике расследования, но их не называют методическими. Сказанное относится и к понятию «тактическая операция» как совокупности тактических средств.

Система понятий должна быть и определенной. Тактическая операция – это комплекс тактических средств, используемых для решения тактической задачи, возникшей в процессе расследования. Поэтому такой термин нам представляется предпочтительным. Нельзя все,

---

[1] Сущность тактических операций рассматривается в нашей работе «Тактические операции при расследовании преступлений» (Минск, 1979).

[2] Селиванов Н.А. Советская криминалистика: система понятий. М., 1982, с. 92.

[3] Там же.

что применяется или упоминается в методике, только по этой причине именовать «методическим»[1].

Целесообразность организации и проведения тактических операций в настоящее время широко признана по таким категориям уголовных дел, где необходимо обеспечить задержание преступника, произвести поиск ценностей, скрывшегося преступника и т.д. Но по всем ли категориям уголовных дел возникает необходимость в разработке тактических операций? Нужно ли разрабатывать тактические операции для расследования преступлений должностных лиц, где нет видимого активного противодействия, отсутствуют погони, перестрелка? На этот вопрос следует со всей категоричностью ответить утвердительно: разработка тактических операций совершенно необходима для расследования любых преступлений, в том числе совершенных должностными лицами.

Теория и практика советского уголовного процесса широко используют понятие задач предварительного расследования. Эти задачи определяются ст. 2, 15[1], 61 УПК БССР (ст. 2, 21[1], 68 УПК РСФСР). В практической работе следователя эти процессуальные задачи становятся тактическими – они должны разрешаться в ходе его тактической деятельности путем применения тактических средств, т.е. проведения тактических операций. Последние проводятся, когда тактическая задача может быть решена только совокупностью следственных, оперативных и иных действий. А такие тактические задачи обязательно появляются и в процессе расследования преступлений, совершенных должностными лицами. Более того, именно по данной категории уголовных дел возникают особенно сложные тактические задачи, что объясняется трудностью установления истины через изучение организационной, технологической, экономической деятельности, в процессе которой должностное лицо нанесло ущерб государству. Наконец, здесь проявляется и различное противодействие со стороны лиц, совершивших преступление. Все это требует подготовки и проведения не только отдельных следственных действий, но и их комплексов, обеспечивающих более полный сбор информации, невозможность ее фальсификации, создание условий для ее проверки, т.е. проведения тактических операций.

Таким образом, необходимость разработки тактических операций в методике расследования преступлений должностных лиц не вызывает сомнений. В соответствии с этим подлежат выявлению все особенности целей, условий, обстоятельств проведения тактических операций по данной категории уголовных дел, что окажет практическую помощь следователям в организации расследования.

---

[1] По этому вопросу см.: Куклин В.И. Методика расследования отдельных видов преступлений. Иваново, 1983, с. 72–91; Васильев А.Н., Яблоков Н.П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики. М., 1984, с. 81.

Прежде всего требуется определить основные цели тактических операций по рассматриваемой категории уголовных дел. Тактические операции являются средством:

1) решения процессуальных и тактических задач в тех случаях, когда они по своему объему или содержанию не могут быть решены отдельным следственным действием;

2) обеспечения взаимодействия следователя с различными государственными органами, общественными организациями. При расследовании преступлений, совершенных должностными лицами, следователь использует помощь органов дознания, различных инспекций, ревизионных органов, трудовых коллективов. Свои действия они осуществляют в рамках тактических операций;

3) реализации методов расследования. Любой метод чаще всего реализуется путем совершения ряда действий. Эти действия, их последовательность отражают (и в то же время реализуют) сущность метода, что в полной мере относится и к методам расследования. Таким образом, чтобы реализовать метод расследования, нужно провести определенную сумму следственных, оперативных и иных действий. Эта сумма тактических средств и является не чем иным, как тактической операцией. Последняя есть процесс реализации метода, который соотносится с операцией, как статика (закрепление сущности метода) с динамикой (реализацией тактической операции). При этом, конечно, нельзя забывать наличие различных условий применения методов расследования.

Поскольку тактические операции являются средством реализации метода расследования, возникает необходимость в каждой методике, располагающей специфическими методами расследования, разрабатывать свои тактические операции. К тому же построение их (последовательность действий, объем и т.д.) должно основываться на установленных правилах того метода расследования, который реализуется в данной тактической операции. Так, например, при разработке тактической операции «исследование функций деятельности должностного лица» надо учитывать требования реализуемого метода о выявлении нормативной основы осуществления функции, ее количественных и качественных показателей, системы взаимосвязей, складывающейся при осуществлении функций, системы документального отражения, способов и реального осуществления контроля за выполнением функции и т.д.

Разработка тактических операций, наиболее типичных для расследования преступлений, совершенных должностными лицами, прежде всего требует их общей классификации. Известно несколько вариантов построения классификации тактических операций. Причем все авторы при построении этой классификации исходят из тактических задач, разрешаемых в процессе расследования. Так, например,

С.В. Лаврухин разбивает все тактические задачи на три группы и отсюда определяет три основных вида тактических операций: направленные на собирание информации, направленные на создание нормальных условий для раскрытия и расследования и направленные на установление отдельных фактов[1]. Нетрудно заметить, что такая классификация не выявляет четко всей возможной совокупности задач, а потому и не создает полной системы тактических операций.

Самые общие группы процессуальных задач установлены законом, и они определяют систему тактических задач, разрешаемых через тактические операции. Согласно ст. 2 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, «задачами советского уголовного судопроизводства являются быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден». Из текста приведенной нормы видно, что законодатель четко отделяет задачу раскрытия преступлений от задачи изобличения виновного. Эти две процессуальные задачи служат основанием самой общей классификации тактических операций: направленные на раскрытие преступления и направленные на изобличение виновного.

В процессуальной и криминалистической литературе задаче раскрытия преступлений уделено большое внимание. Поэтому имеется достаточная основа для разработки системы операций, которые нужны для решения этой задачи. В первую очередь в систему тактических операций, направленных на раскрытие преступлений, входят операции, обеспечивающие сбор доказательственной информации. В процессе расследования возникает необходимость сбора и иной информации, которая должна помогать следователю допрашивать свидетеля, подозреваемого, обвиняемого (информация о личностных качествах), облегчать поиск документов в бухгалтерии и т.п. Однако целью тактической операции может быть только сбор доказательственной информации, т.е. такой, которая требуется для создания системы процессуальных доказательств. Именно через эту группу тактических операций реализуются методы криминалистического анализа функций деятельности, управленческих решений и т.д.

При решении задачи раскрытия преступлений используется и группа операций «поиск», направленная на обнаружение недостающих (скрытых) элементов криминалистической структуры данного преступления

[1] Лаврухин С.В. Выбор тактических операций в типичных ситуациях расследования умышленных убийств. – В кн.: Алгоритмы и организация решений следственных задач. Иркутск, 1982, с. 68.

(поиск скрывшейся с места происшествия автомашины, трупа, похищенных ценностей и др.). Содержание данной группы операций характеризуется высокой степенью неопределенности местонахождения искомого объекта, вследствие чего нужна разработка специальных методов поиска, реализация которых и составляет сущность этой тактической операции.

Наконец, имеется большая группа тактических операций, призванных обеспечить установление причинных связей между наступившими последствиями и действиями должностного лица. Это группы операций «отождествление», «проверка» и др.[1]

Несколько сложнее обстоит дело с определением системы тактических операций, призванных обеспечить задачу изобличения виновных. Прежде всего возникает вопрос, что понимается под изобличением, какие действия совершаются для достижения такого результата. К сожалению, в литературе на эти вопросы ответа нет. В учебниках по уголовному процессу, в комментариях к уголовно-процессуальному законодательству только делается ссылка на статью закона, гласящую, что задачами расследования являются «раскрытие преступлений» и «изобличение виновных». В то же время термин «изобличение» широко употребляется и в теоретических работах, и в практике органов расследования и суда для характеристики самых различных действий и результатов: окончательного итога расследования; собранной совокупности доказательств, которая, по мнению того или иного лица, свидетельствует об установлении виновности обвиняемого, и т.д. Термин «изобличение виновного» используют и как равнозначный терминам «раскрытие преступления», «доказывание», «разоблачение»[2].

Таким образом, прежде чем приступить к изложению сущности данной группы тактических операций, необходимо точно определить, что понимается под самим термином «изобличение», и уже на этой основе разрабатывать содержание тактических операций, обеспечивающих достижение цели.

В отличие от раскрытия преступления, что предполагает сбор, поиск, проверку доказательств, изобличение виновного – деятельность, которая должна проходить в контакте с ним. Изобличить можно только в процессе общения с тем, кто изобличается. Данный процесс включает: а) предъявление совокупности собранных доказательств; б) получение

---

[1] Имеются и другие группы тактических операций, на которых в настоящей работе мы не останавливаемся. Особенности их целей, содержания требуют специального рассмотрения. Полную систему тактических операций автор предполагает рассмотреть в отдельной работе.

[2] В качестве примера можно сослаться на работу И.Ф. Герасимова «Некоторые проблемы раскрытия преступлений» (Свердловск, 1975).

объяснений, возражений по поводу этих доказательств, его ходатайств о дополнительной их проверке; в) с учетом полученных и всесторонне проверенных объяснений обвиняемого окончательное использование для представления суду такой совокупности собранных фактов, которые полностью изобличают его в совершенном преступлении.

Изобличение виновного имеет большое нравственное значение. Оно означает, что все собранные доказательства должны быть предъявлены обвиняемому, должны быть получены по всем фактам его объяснения, которые обязательно проверяются, учитываются. Без решения этих задач судопроизводство не может быть осуществлено. Обвиняемый является участником общего процесса доказывания, часть которого реализуется в деятельности по изобличению.

Решение процессуальной задачи по изобличению закономерно приводит к появлению тактической задачи – получить правдивые показания от обвиняемого, убедив его совокупностью собранных фактов, доказывающих его виновность. Здесь начинает проявляться и профилактическая направленность судопроизводства. С признания своей действительной вины начинается перевоспитание лица, совершившего преступление.

Из сказанного видно, что решение задачи по изобличению виновного приводит к появлению целого ряда проблем и криминалистического характера. Возникают тактические задачи, а в связи с этим и проблемы их тактического решения. Среди последних надо назвать следующие: 1) как осуществлять процесс предъявления доказательств, чтобы это в наибольшей степени обеспечивало достижение целей изобличения? 2) как собирать доказательства, чтобы они оптимально обеспечивали выполнение задачи изобличения (убеждали обвиняемого, суд, всех присутствующих при судебном рассмотрении в полной доказанности обвинения)?

Поэтому и возникает потребность в разработке специальных тактических операций, направленных на изобличение виновного. Дело в том, что данная задача полнее решается в тех случаях, когда предъявленные доказательства свидетельствуют об установлении непосредственной связи действий обвиняемого с механизмом совершения преступления, с его результатом. Способом решения этой задачи является процессуальная фиксация взаимодействия субъекта с другими субъектами и с объектами, что и составляет содержание группы операций, которым можно дать общее название «фиксация».

При классификации тактических операций следует иметь в виду наличие еще одной процессуальной задачи. В соответствии со ст. 15^1 УПК БССР (ст. 21^1 УПК РСФСР) следователь, прокурор и суд обязаны выявить причины и условия, способствовавшие совершению преступления.

На тех же лиц возлагается обязанность осуществлять профилактическую деятельность. В тактическом плане это требует организации операций группы «профилактика». Все названные выше группы тактических операций используются и при расследовании преступлений, совершенных должностными лицами.

В настоящей работе более подробно будут раскрыты тактические операции, которые наиболее часто встречаются при расследовании преступлений, совершенных должностными лицами. Это операции «сбор информации», «фиксация» и «профилактика».

§ 2. Тактические операции группы «сбор информации»

Цель выделения данной группы операций – обеспечить сосредоточение внимания следователя на сборе информации о конкретном субъекте, объекте, процессе и разработать этапы этой деятельности, условия, средства для достижения цели. Первичная задача теоретической разработки заключается в определении путей получения информации об изучаемом субъекте, объекте, процессе в пределах, необходимых для полного расследования преступления. Основная особенность заключается в том, что сбор и изучение информации производятся следователем по заранее разработанной системе, собранная доказательственная информация группируется, обобщается по схеме, помогающей наиболее полно и правильно использовать все установленные факты для выяснения истины по расследуемому делу.

Обеспечение сбора доказательственной информации, находящейся в разных местах, построение общей системы из отдельных, разрозненных фактов – цель тактической операции «сбор информации». Это определяет и особенности методов, используемых при ее проведении. Они должны обеспечивать изучение сложных объектов, процессов (комплексное познание проявлений и сущности), а также сведение различных фактов в единую систему.

Субъекты, объекты, процессы изучаются целой группой наук. В зависимости от целей и объема фактов, подлежащих изучению в процессе расследования, и определяются те методы, которые используются при проведении тактической операции. Так, документы изучаются с использованием методов бухгалтерского, экономического анализа, другие объекты – методов товароведения, металловедения и т.д. Человек изучается с помощью методов психологической науки. Для сведения всех фактов в единую систему применяется метод моделирования.

Уже указывалось, что операция производится по программе, определяющей сбор информации. Создание такой программы обусловлено знанием закономерностей протекания процессов, функционирования

объектов, субъектов (общие правила документооборота, осуществления технологического процесса, строительства, выполнения той или иной функции и т.д.). Таким образом, тактическая операция по сбору информации отличается от других операций прежде всего тем, что следователю заранее известна структура тех взаимосвязей явлений, которые ему надлежит выяснить.

Предварительное знание схемы, по которой надо осуществлять сбор фактов, определяется:

а) знанием теоретических разработок криминалистической науки (превращенных в методические указания). Именно так производится осмотр места происшествия. Здесь знания из области криминалистики позволяют собирать факты с наибольшей полнотой. Конечно, эта схема никогда не может быть полной для каждого случая. Надежность схемы тем выше, чем больше степень ее абстрактности;

б) знанием выявленных закономерностей совершения определенного вида преступлений. Знание этих закономерностей дает следователю возможность ориентироваться в том, какие изменения преступники обычно вносят в изучаемый процесс, какие следы остаются на объектах от действий преступников, как развивается механизм совершения преступления и т.д.;

в) знанием организации изучаемых систем, процессов (технологических, управленческих, документооборота и т.п.).

Комплекс перечисленных выше знаний позволяет разработать четкую программу проведения тактической операции и обеспечивает практическое осуществление сбора информации. Пользуясь составленной программой, следователь собирает документы, изучает технологический процесс при расследовании уголовных дел о выпуске недоброкачественной продукции, о несчастных случаях на производстве, о нарушении правил техники безопасности и т.д. Благодаря имеющейся программе следователь заранее знает, какие документы составляются после совершения определенных действий, где эти документы находятся, какие надо искать следы-отражения. Все это существенно облегчает работу.

Следует рассмотреть некоторые принципы организации тактических операций по сбору информации.

1. Принцип предельного использования данных других наук. Это особенно важно в рассматриваемой группе операций, так как они могут быть разработаны только при наличии знаний о закономерностях протекания явления, в отношении которого будет собираться информация. В связи с этим здесь возрастает роль специалистов. Поскольку успех операции полностью зависит от знания схемы сбора информации, то в целом ряде случаев именно специалисты и обеспечивают следователю достаточное знание этой схемы. Так, специалист призван ознакомить

следователя с типовой схемой документооборота или технологического процесса на предприятии. Специалист может подсказать, где надо изымать те или иные документы, среди каких групп документов они находятся.

Специалисты также передают следователю сведения о сущности тех методов, которые можно или нужно применить для изучения объекта или процесса. Наконец, они помогают следователю своими непосредственными действиями изучать объект, процесс и тем самым обеспечивать сбор доказательственной информации.

При сборе совокупности фактов важно зафиксировать их по определенной схеме, в последовательности, облегчающей познание связей между ними. Но было бы неверно считать, что сбор информации заканчивается систематизацией фактов. Эта деятельность следователя в ходе операции значительно сложнее и многограннее. Кроме сбора фактов во всех случаях он анализирует их, выявляет противоречия между ними, ищет объяснения этих противоречий (что приводит к сбору новых, дополнительных фактов). Здесь анализ и синтез всегда переплетаются, вытекают один из другого, дополняют друг друга.

В процессе сбора информации надо установить и причинно-следственную связь между отдельными фактами, что требует специальных познаний об объективных закономерностях развития, функционирования данной группы явлений.

Во время операции часто возникает необходимость установления и других связей между фактами. Если это связи объектов через оставленные ими следы-отражения, то используются специальные знания в процессуальной форме судебной экспертизы, которая выполняет важную роль при выявлении многих сторон сущности процессов, объектов. При установлении связей между различными элементами изучаемой системы, между элементами и оставленными следами и т.д. специалисты обеспечивают создание целостной системы знаний из всех собранных отдельных фактов.

2. Принцип диалектической взаимосвязи тактических операций и возможности их перехода друг в друга. Операции группы «сбор информации» постоянно переходят в операции других групп, где собранная информация используется уже для решения иных тактических задач.

Данная группа тактических операций выполняет две основные функции: а) функцию решения тактической задачи по изучению субъекта, объекта, системы; б) функцию сбора ориентирующей информации, необходимой для успешного решения другой тактической задачи (уже при проведении тактических операций групп «воздействие», «отождествление» и т.д.).

3. Принцип обеспечения тайны действий по сбору информации[1]. Это обстоятельство во многом определяет процесс планирования операции. Надо подобрать такие тактические средства, определить такой порядок их использования, которые гарантируют сохранение тайны получения информации.

Представляется необходимым кратко остановиться на тактических средствах. В данной тактической операции используются следующие виды тактических средств: 1) тактические средства, обеспечивающие фиксацию и исследование объектов, процессов, их следов-отражений; 2) тактические средства, обеспечивающие установление связей между объектами, процессами, между ними и их следами-отражениями; 3) тактические средства, позволяющие проверить качество источников информации, качество самой информации.

В ходе тактической операции следователь изучает и изымает документы, осматривает и фиксирует состояние объектов, собирает сведения о событии путем допроса лиц, участвовавших в нем, исполнявших поручения должностного лица и т.д.

Сбор доказательственной информации может осуществляться самим следователем или по его поручению другим лицом. В связи с этим при проведении тактической операции существенная роль отводится органам дознания, а также инспекторским и контрольным органам. Они могут быть использованы при проведении тактической операции двояко: у них может быть получена информация, которой они уже располагают, и им может быть поручено собрать нужную следователю информацию.

Для проведения операции «сбор информации» важное значение имеет ревизия, назначаемая следователем. Последний определяет цели ревизии (т.е. цели сбора информации), согласовывает свои действия с действиями ревизоров, решает вопрос о предоставлении им данных, добытых при помощи иных тактических средств (материалов, обнаруженных следователем при обыске, заключений криминалистических экспертиз, протоколов допросов и др.).

Для повышения достоверности получаемых результатов целесообразно поручить сбор информации об одном и том же событии оперативному работнику (который будет действовать при помощи своих специфических методов и средств), бухгалтеру-ревизору (который будет изучать событие по сохранившимся документам), ведомственной инспекции и т.д. Такой параллельный процесс обеспечивает полноту

---

[1] Надо иметь в виду, что в процессе решения основной тактической задачи следователю кроме доказательственных фактов надо собирать и все другие виды необходимой информации: ориентирующей, вспомогательной и т.д., что требует повышенной тайны при ее сборе.

сбора информации, а также широкую возможность анализа, перепроверки каждого полученного факта для выявления противоречий, причинных связей и т.п.

Вместе с тем процесс сбора информации не может ограничиваться действиями контролеров, специалистов, производящих ревизию, обследование или экспертизу. Это только некоторые средства, используемые следователем при проведении тактической операции. Объем доказательственной информации, необходимой для расследования, всегда значительно шире, чем те факты, которые могут быть собраны узкими специалистами. Именно поэтому никогда нельзя ограничиваться материалами, собранными, например, инспектором по технике безопасности при расследовании обстоятельств несчастного случая на производстве. Весь объем доказательственной информации может быть собран лишь в результате разработки и проведения следователем следственных действий для решения возникшей тактической задачи – выяснения механизма происшествия.

С учетом изложенного для осуществления операции в любом случае следователю приходится решать вопросы:

1. Какая тактическая задача возникла? Она определяется анализом нормы уголовного закона, структуры преступления, собранных по делу материалов. Неопределенность цели приводит к отсутствию четкости в планировании операции, а это автоматически влечет за собой существенную затяжку сроков, дефекты и упущения, а иногда и вообще срыв тактической операции.

2. По какой схеме следует собирать информацию? Данный вопрос решается в основном при подготовке к операции. Это дает возможность правильно выбрать тактические средства, распределить работу по изучению и сбору информации между следователем и другими лицами. Для решения вопроса о схеме прежде всего надо использовать рекомендации, уже имеющиеся в методике расследования конкретного вида преступления. Именно в методике, например, расследования дел о выпуске недоброкачественной продукции излагается, какие именно сведения о продукции надо собирать для решения вопроса о ее качестве и т.д. Однако далеко не во всех случаях вопрос о схеме может быть решен так просто. Часто возникает необходимость выделения специального этапа тактической операции – выбора матрицы, по которой будет собираться информация. Уже указывалось, что при отсутствии матрицы сбор доказательств существенно замедляется, невозможно его четко планировать, появляется опасность упустить какие-либо важные факты.

Кроме выбора матрицы на этом этапе определяется последовательность действий по собиранию фактов. Можно выделить:

а) схему линейно-последовательного сбора информации. Подобная схема реализуется в тех случаях, когда только в результате установления первоначально одного факта можно выяснить наличие другого. По такой линейной схеме, например, устанавливается движение распоряжения вышестоящей организации через учреждения, через ряд должностных лиц. Разновидностью линейного является временной принцип сбора информации. Здесь сведения о фактах собирают, строго следуя хронологическому развитию события. Правда, и тут возможны варианты. Иногда надо вести исследование от события к фактам, предшествовавшим ему (от взрыва – к дефектному управленческому решению), а иногда к фактам, появившимся после события (от получения взятки – к последующим действиям должностного лица). Может быть и вариант одновременного сбора информации о фактах, предшествовавших событию, и фактах, развивающихся после него;

б) схему параллельно осуществляемого в разных местах сбора информации. Это, например, делается в целях проверки правильности и объективности фиксации фактов в управляющих и контролирующих системах;

в) схему сбора, зависящую от системы производства (системы технологии, управления, контроля);

г) схему сбора, определяемую механизмом происшествия и тем, какие объекты участвуют во взаимодействии. При подобной схеме собирается информация о развитии, движении каждого объекта к критической точке взаимодействия;

д) схему сбора, основанную на знании общих принципов изучения объекта. Так осуществляется изучение личности, где составление схемы определено интересующими следователя сведениями о психологической структуре личности;

е) схему сбора, основанную на знании общих закономерностей развития преступной деятельности;

ж) схему сбора, реализуемую в соответствии с требованиями закона. В целом ряде случаев прямо в законе указывается, какие сведения надо собрать о событии, факте, отдельном лице. Так, уголовный закон предусматривает необходимость точно установить сумму ущерба (ч. 3 ст. 91 УК БССР), выяснить, занимает ли должностное лицо ответственное положение (ч. 2 ст. 169 УК БССР).

Названные выше схемы переплетаются в едином общем плане сбора информации по конкретному уголовному делу.

3. Какую конкретно информацию и где можно собирать? Последнее обстоятельство имеет немаловажное значение. Документы со сведениями об одном и том же факте могут находиться во многих местах. Одни из них отражают проведенную хозяйственную операцию полностью,

другие – какие-то ее части или последствия. Надо стремиться собирать информацию из всех источников, что гарантирует полноту ее проверки. Не следует забывать и о возможности противодействия, что выражается, например, в стремлении уничтожить документы, скрыть часть их, внести в них изменения. С учетом этого надо не только устанавливать места, где будет произведен сбор документов, но и планировать порядок этого сбора: одновременность его осуществления в разных организациях, обеспечение присутствия при этих действиях надлежащих лиц (знающих, где находятся документы, как проверить их полноту и т.д.).

4. При помощи каких тактических средств собирать информацию, с чьим участием? Следователь заранее должен продумать, кого именно надо привлечь к участию в сборе информации. Это зависит и от предполагаемого ее дальнейшего использования. Если информация нужна для готовящейся тактической операции, то можно широко использовать такие средства, через которые поступает информация, и не закрепленная процессуально (она будет закреплена в ходе последующей операции). Именно такая ситуация складывается при сборе информации перед задержанием взяткополучателя с переданной ему взяткой.

Привлекая к операции других лиц, следователь должен обеспечить их активное участие в выполнении функций. Для этого надо добиться понимания общности целей деятельности, вызвать интерес к ней у всех лиц, которые будут выполнять какие-либо действия в ходе операции, разъяснить подлежащие выполнению функции. В этих же целях необходимо прогнозировать ход операции, все предстоящие общения, функции, отношение к ним (включая возможное противодействие).

5. Какими способами собирать информацию, чтобы сохранить тайну расследования? Существует общее правило: если сбор информации важен для проведения другой операции или для решения иной тактической задачи, то он должен быть проведен тайно. Соблюдение тайны создает последующее тактическое превосходство следователя – обеспечивает условия для изобличения виновных. Наличие организованного противодействия требует его упреждения, например, быстрым, с соблюдением тайны, изъятием изобличающих документов. С этой же целью организуется одновременное изъятие носителей доказательственной информации во всех местах их нахождения.

При подготовке операции по сбору информации всегда необходимо поставить вопрос, что является более целесообразным – осведомление подозреваемого об этом процессе или сбор ее в полной тайне от него. Решить этот вопрос без учета конкретных обстоятельств дела нельзя. В некоторых случаях наиболее правильно будет собирать важную для дела информацию в присутствии подозреваемого (например, осматривать забракованную партию изделий в присутствии главного

инженера предприятия), в других – целесообразнее осуществлять сбор документов в тайне от подозреваемого, используя их затем в ходе его допроса.

Для обеспечения тайны следователь производит изъятие документов в присутствии строго ограниченного числа лиц и затребование сведений через соответствующие каналы, ознакомляется с обстановкой, с нужными фактами через других лиц (через оперативных работников МВД) и т.д.

Процесс получения доказательственной информации должен быть предельно краток, так как в противном случае уменьшается ее ценность для организации всей деятельности по расследованию. Оперативность – важнейшее условие сбора информации в ходе расследования.

Планирование тактической операции по сбору информации должно обеспечивать: оперативность в получении информации; тайну сбора сведений; проверку собранных фактов для установления их достоверности и надежности; применение при сборе информации наибольшего числа тактических средств, что создает условия взаимопроверки сведений, добываемых из различных источников; синтез всех фактов и источников сведений о них в единой системе информации об объекте, процессе, явлении.

Собирая информацию, надо учитывать и законы психологии. В частности, важно обеспечить условия и время для переработки всей поступающей информации. К сожалению, по сложным хозяйственным делам при поступлении большого количества различных документов приобщение их к делу не всегда сопровождается тщательным изучением, анализом и сопоставлением этих документов следователем.

При сборе информации следователю надо решать и вопрос о способе ее отражения в материалах дела: можно ограничиться составлением протокола осмотра документа, а можно и приобщить его к материалам дела.

В целях предотвращения сокрытия следов преступления целесообразно незамедлительно произвести выемку документов, в которых отражены неправомерные действия должностного лица (трудовое соглашение с резолюцией директора об оплате работ, акты на списание ценностей, накладные, счета-фактуры, приемные акты, карточки или книги складского учета, инвентаризационные ведомости и другие документы). В этих же целях в ходе операции по сбору информации надо широко использовать технические средства фиксации.

Операция данной группы, как правило, оформляется не единым процессуальным документом, а целой серией процессуальных актов: протоколами осмотров, протоколами допросов, протоколами выемки и приобщения к делу документов и вещественных доказательств. Приобщаются

к делу и письменные документы, составленные различными лицами, привлеченными следователем к сбору информации и ее обобщению. Это акты ревизоров, инспекторов и другие письменные документы.

Поэтому может появиться необходимость в каком-то сводном документе, где бы излагалось общее представление о ходе и результатах тактической операции, где бы вся полученная информация сводилась в единую систему. В качестве такого документа может выступать сводная схема. На этой схеме, составляемой следователем, дается общая структура совокупности собранных документов, излагаются все проведенные действия, результаты изучения процессов (с показом их основных параметров) и т.д. Так, составление схем последовательности действий целесообразно в тех случаях, когда изучается технологический процесс предприятия, где изготовлялась неучитываемая продукция. Схема может отражать и установленные этапы движения технологического процесса, и этапы документального его отражения. Иногда на схеме воспроизводится несколько различных документальных систем, внешне не связанных между собой, но объединенных преступным действием должностного лица.

Большое значение имеет составление схемы и для изучения процесса принятия решения. На схеме наглядно видно, какие исходные документы были у должностного лица, какие документы были им затребованы, когда, по согласованию с кем было принято решение, как оно было оформлено, отражено в регистрационных документах и т.д.

Полученные сведения могут быть обобщены следователем и в графике. Обобщение всех сведений в едином графике дает возможность наглядно видеть тенденции развития качественных или количественных характеристик какого-либо явления, процесса. В виде схем могут быть представлены и установленное взаиморасположение отдельных объектов и связи между ними.

§ 3. Основные разновидности тактической операции «сбор информации»

При расследовании уголовных дел о преступлениях должностных лиц проводятся тактические операции по сбору информации самого различного характера. Среди них можно выделить тактические операции по сбору информации: о субъекте и его деятельности; о системах, в которых действовало должностное лицо; о механизме происшествия, повлекшего за собой тяжкие последствия. Такая классификация позволяет подробнее рассматривать содержание каждой из этих разновидностей операций.

Изучение конкретных разновидностей тактических операций необходимо в связи с тем, что каждая имеет свои особенности, которые надо

знать и учитывать при их проведении. Остановимся на некоторых разновидностях.

I. Операция «выявление системы документального отражения процесса, деятельности». При осуществлении этой операции важно последовательно ставить и решать следующие вопросы:

1. Цель сбора документов. Это может быть сбор документов для выявления корреляционных зависимостей в каком-либо процессе, в деятельности; сбор документов, фиксирующих один и тот же факт; сбор документов, отражающих развитие процесса (технологического, управленческого, распределительного и т.д.). Документы собираются и для определения матрицы, по которой будет изучаться деятельность должностного лица, работа учреждения, технологический процесс и т.д. Так, для четкого представления о полномочиях должностного лица (а отсюда – для правильного суждения о характере допущенных им нарушений) к делу в ряде случаев целесообразно приобщить выписки из нормативных актов, раскрывающих права и обязанности должностного лица, обвиняемого в злоупотреблении своим служебным положением[1].

2. Схема сбора документов. Четкая цель дает возможность решить и этот вопрос, который, в свою очередь, обеспечивает процесс планирования всех последующих действий.

3. Способы сбора документов.

4. Способы анализа и проверки документов. Сведение документов в единую систему должно сопровождаться изучением каждого документа по правилам метода криминалистического анализа документов. В этих же целях надо планировать допросы лиц, в ведении которых документы находились или у которых были изъяты при обыске на квартире, в служебном помещении, допросить лиц, изготовивших документы, принявших их к учету и т.д. Так, например, в случае сомнений в фактическом осуществлении транспортной операции, отраженной в документе на оплату, надо допросить шоферов, перевозивших груз, осмотреть путевые листы, товарно-транспортные накладные, пропуска, допросить заведующих складами, рабочих, занятых погрузкой и разгрузкой, и других лиц, имеющих отношение к данной операции. Если при изучении документа обнаружены признаки подделки или нужно установить исполнителя документа, назначаются криминалистические экспертизы.

5. Сопоставление документов, отражающих сведения об одной и той же технологической, управленческой или иной операции. На практике

---

[1] Конечно, могут быть и более сложные случаи, когда для составления подобной матрицы необходимо назначение судебной экспертизы, так как деятельность должностных лиц не всегда полно и четко определена нормативными актами, да и акты эти могут быть дефектными.

основными способами сопоставления документов являются встречная проверка и взаимный контроль. При встречной проверке сопоставляются разные экземпляры одного и того же документа или учетные записи, отражающие одну и ту же хозяйственную операцию на двух различных предприятиях. При взаимном контроле сопоставляются разные документы, отражающие одну и ту же операцию на разных ее этапах. Например, на льнозаготовительном пункте кроме накладной выписывается пропуск, разрешающий въезд на территорию заготовительного пункта, и поручение лаборатории на определение засоренности и влажности льна, а также производится запись в журнале о результатах взвешивания льна. Если при сопоставлении не окажется какого-либо из этих документов или в них будут противоречивые данные, проводится дальнейшая следственная проверка факта. Подлог удается выявить и при сопоставлении данных о весе, объеме, характере транспортируемых ценностей с данными о таре, в которой они перевозились. Так, по делу о злоупотреблениях на плодоовощной базе обвиняемый утверждал, что он вывез испортившиеся помидоры в старой железной бочкотаре. Следователь проанализировал документы о движении тары и выяснил, что на базе никогда не было металлических бочек. Сопоставление этих документов с актами о списании (где указана железная бочкотара) привело к выводу о фиктивности операции.

Осуществляя анализ документов, надо искать пути выхода за пределы обычных, установленных схем проверки документов, новые связи между различными системами документов, которые бухгалтерами, ревизорами не учитываются. В этом и проявляются особенности именно криминалистического метода исследования документов.

6. Использование приемов систематизации документов, что облегчает полноту восприятия собранной системы документов (графики, схемы, сводные таблицы и т.д.). Сбор документов по четкому плану обеспечивает полноту их исследования и использования.

II. Операция «сбор сведений о личности». Цели проведения этой операции могут быть различными. В одном случае надо устанавливать особенности образа жизни и связей, в другом – дефекты в выполнении служебных функций и т.д. Различие целей определяет и различный объем действий по изучению качеств личности должностного лица, его деятельности, что предполагает применение разных методов, тактических средств их реализации. Сказанное приводит к выводу, что единой цели у операции «сбор сведений о личности» не существует. Производится изучение личностных качеств, изучение образа жизни и связей, изучение функций деятельности.

Тактическая операция «изучение личностных качеств» производится в том или ином объеме по каждому уголовному делу. Более того,

без осуществления этих действий невозможно завершить расследование[1]. Тактическая операция предполагает необходимость определения круга сведений о личности, которые предстоит собрать, путей сбора этих сведений, средств, при помощи которых они будут собираться. При любом допросе ставится и цель изучения личности допрашиваемого. В ходе допроса можно наблюдать его реакции, действия, получать самые различные сведения о нем. Поэтому операция «изучение личностных качеств» может дать за короткий срок очень много разнообразных сведений. Изучение личности проводится в соответствии с общими рекомендациями судебной психологии с учетом намеченного объема сведений и условий их сбора, которые складываются в процессе расследования конкретного уголовного дела.

Применительно к должностному лицу во всех случаях надлежит собирать сведения о нравственных, интеллектуальных, волевых качествах его личности. Знание этих сведений поможет решить вопрос о действительных мотивах поведения, о степени опасности действий должностного лица. Следует собирать сведения и об объеме профессиональных, управленческих, юридических знаний должностного лица, что позволит сделать правильный вывод о его способности выполнять порученные ему функции. Важно также решить вопросы профилактического характера – о дефектах системы отбора должностных лиц в данном учреждении или на предприятии и мерах по их устранению.

Операция включает в себя как сбор сведений о личности за прошлое время, так и сбор сведений о проявлении качеств личности в период расследования. Для этого могут проводиться следственные эксперименты, направленные на проверку наличия у должностного лица определенных качеств, и сбор различных документов. В ходе тактической операции допрашиваются и лица, через которых можно получить сведения об изучаемой личности. При этом следует учитывать, что допрашиваемые могут находиться в зависимости от должностного лица, могут тенденциозно излагать факты. Собранные сведения дадут возможность правильно ответить на вопросы, возникающие в отношении личности подозреваемого или обвиняемого.

Тактическая операция может быть направлена и на изучение функций деятельности должностного лица (обеспечивать практическую реализацию метода анализа функций деятельности). Исследование процесса

---

[1] Важность и актуальность этой тактической операции подтверждается наличием целой серии монографических исследований, специально посвященных этому вопросу (см., напр.: Коршик М.Г., Степичев С.С. Изучение личности обвиняемого на предварительном следствии. М., 1969; Глазырин Ф.В. Изучение личности обвиняемого и тактика следственных действий. Свердловск, 1973; Матусевич И.А. Исследование личности обвиняемого в процессе предварительного расследования преступлений. Минск, 1975).

осуществления функций деятельности одновременно является продолжением общего изучения качеств личности. Личность проявляет себя в деятельности. В связи с этим следует помнить слова В.И. Ленина о том, что, «не понимая дел, нельзя понять и людей иначе, как... внешне»[1]. Данная операция строится в соответствии с требованиями и рекомендациями метода изучения функций деятельности.

Кроме сбора документов, рекомендуемых методом, для выяснения всех особенностей выполнения функций в ряде случаев следует допросить руководителей общественных организаций трудового коллектива. Практика показывает, что часто незаконные действия должностного лица в той или иной степени бывают известны в трудовом коллективе, но не всегда принимаются надлежащие меры к их прекращению. На допросе раскрывается обстановка, сложившаяся в организации, дается характеристика должностного лица, обвиняемого в злоупотреблениях, излагаются факты, свидетельствующие о его бюрократизме, грубости, нетерпимом отношении к критике и т.д. Подобные факты не только характеризуют выполнение функций должностным лицом, но и определяют направления разработки профилактических мероприятий.

Тактическая операция «изучение функций деятельности» может быть направлена и на исследование функций, выполнявшихся различными должностными лицами. Нередко преступный результат наступает вследствие дефектов, допущенных несколькими должностными лицами. В этих случаях надо собирать информацию о всей совокупности функций, приводящих к преступному результату, разграничивая ответственность каждого: кто какие конкретно положения, инструкции, приказы не выполнил.

Тактическая операция может быть и средством реализации метода анализа управленческого решения. Выделение такой самостоятельной тактической операции позволяет планировать необходимые действия, определять средства их осуществления, последовательность реализации. Так же, как и при проведении операции по изучению функций деятельности, здесь по соответствующей матрице проводится сбор документов, допросы лиц, причастных к процессу принятия решения, его реализации и т.д. Надо учитывать, что нередко распоряжения отдаются должностными лицами в устной форме. Поэтому большое значение для выяснения обстоятельств преступления имеет допрос подчиненных подозреваемого (обвиняемого): мастеров, бригадиров, рабочих.

При определении последовательности сбора сведений о фактах в ряде случаев целесообразно идти от наступивших последствий, выясняя

---

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 221.

(в обратном хронологическом порядке) действия каждого лица, его распоряжения, их обоснованность.

III. Операция «изучение структуры предприятия, учреждения». Расследование большинства уголовных дел о преступлениях должностных лиц может быть правильно осуществлено только в том случае, если достаточно полно изучена вся структура предприятия, учреждения, где совершено преступление.

Практика показывает, что следователи нередко поверхностно изучают структуру и характер деятельности предприятий. Эти недостатки будут изжиты, если изучение деятельности предприятия планировать как самостоятельную тактическую операцию. Задача методики – разработать общие принципы изучения деятельности предприятий. С этой целью и должна разрабатываться специальная тактическая операция по сбору сведений о структуре предприятия.

Основой такого изучения является системный подход. Он проявляется уже в постановке следующих вопросов, решение которых в совокупности обеспечивает возможность выявления всех особенностей структуры предприятия: 1) общие цели деятельности предприятия; 2) основные структурные подразделения предприятия, обеспечивающие достижение этих целей; 3) содержание деятельности структурных подразделений.

В зависимости от обстоятельств уголовного дела в одном случае больше внимания уделяется изучению организационной структуры, в другом – технологической, в третьем – сбытовой и т.д. Но всегда изучению подлежит система документооборота, отражающая и фиксирующая все процессы деятельности предприятия.

При изучении предприятия следует использовать метод матрицирования, для чего первоначально изучается типовая структура данного вида предприятия (нормативно определенные элементы и их параметры). На основе матрицы на конкретном предприятии изучаются установленные элементы, связи между ними. На следующей стадии изучения происходит сопоставление типовой структуры и структуры конкретного предприятия по отдельным элементам и их параметрам. Такая последовательность дает возможность не только получить общие сведения о структуре предприятия, но и определить все существующие в ней отклонения, а также начать исследование причин появления этих отклонений, выходить на деятельность конкретных должностных лиц.

С учетом сказанного данную разновидность тактической операции по сбору информации можно разбить на стадии: 1) сбор сведений о предприятии (или предприятиях), на котором совершено преступление (общая структура предприятия, его элементы, связи, экономические показатели и т.п.); 2) накопление сведений о дефектах в системе

предприятия; 3) сбор информации о лицах, причастных к появлению дефектов в деятельности предприятия.

Самостоятельные тактические операции по сбору информации могут быть проведены с целью изучения отдельных процессов предприятия: технологического, управленческого и т.д. Это определяет и необходимость использования в каждом отдельном случае различных методов для достижения целей тактической операции. Так, при изучении технологии используется метод технологического анализа, при изучении организационной структуры используются методы анализа функций деятельности, анализа процесса принятия решения и т.д.

При изучении организационной структуры предприятия исследуются: место данного предприятия в более общей системе, связи данного предприятия с другими (горизонтальные и вертикальные), все его структурные подразделения, системы связи между ними, системы функций должностных лиц.

В ходе проведения тактических операций группы «сбор информации» всегда нужно иметь в виду возможность изменения первоначально поставленной цели. Собранный, например, при изучении технологического процесса материал позволяет расширить рамки операции, направить ее прямо на сбор информации об отдельных элементах структуры преступления или даже о структуре в целом.

В качестве самостоятельного объекта операции «сбор информации» может быть выделена и система контроля за определенным видом деятельности. При таком изучении последовательно собираются сведения: о существующей общегосударственной системе контроля, системе контроля в данной отрасли промышленности, системе контроля, имеющейся на данном предприятии (организационная структура, технические средства, функции исполнителей, документальное отражение и т.д.).

Конкретность цели операции, ее условий в каждом случае позволяет уточнять все особенности ее подготовки.

§ 4. Тактические операции группы «фиксация»

Одной из существенных особенностей структуры преступлений должностных лиц является наличие сложных причинно-следственных связей между действиями должностного лица и наступившим преступным результатом. Поэтому приходится затрачивать значительные усилия на установление причинно-следственных связей, доказывать само их существование.

Доказывание значительно облегчается в тех случаях, когда должностное лицо непосредственно взаимодействует с объектами. Здесь существенно сокращаются цепи причинно-следственных связей, а тем самым

упрощается доказывание причастности должностного лица к наступившим последствиям, что очень важно для решения задачи изобличения.

Таким образом, становится ясно, что тактика следствия во многом должна направляться на обнаружение, установление в процессе расследования таких ситуаций, когда подозреваемое лицо вступает в непосредственный контакт с объектами, входящими в структуру преступления. Фиксация таких контактов обеспечивает доказывание причастности к совершенному преступлению, а тем самым и выполнение задачи изобличения.

Установление факта непосредственного контакта лица с объектами, являющимися элементами структуры преступления и участвующими в механизме взаимодействия, приводящего к вредным последствиям, и составляет содержание тактической операции «фиксация». Давно известен термин «взять с поличным», т.е. задержать в момент непосредственного контакта с объектом (средством совершения преступления, его результатами и т.д.). «Взять с поличным» – значит убедительнее, скорее, полнее доказать связь преступника с определенными действиями или их результатами. Изобличать можно по-разному. Но ясно одно – уменьшение числа посредствующих звеньев между действиями преступника и наступлением результата усиливает убедительность решения этой задачи.

Любое преступление всегда оставляет множество следов. Расследование чаще всего и понимают как процесс собирания, анализа и синтеза этих следов. И действительно, процесс расследования, как правило, строится на выявлении, фиксации, анализе и синтезе материальных и психических следов-отражений, оставшихся в настоящем времени от преступного события. Эти следы дают возможность установить объекты, субъекты, восстановить модель механизма взаимодействия и т.д.

Но наряду со сбором, анализом и синтезом следов, оставшихся от преступного события, можно устанавливать факт непосредственного совершения лицом явно преступного действия уже в ходе расследования уголовного дела и использовать это в качестве доказательства. Так, преступник может быть задержан в момент вывоза на автомашине строительных материалов с завода для своей дачи, в момент предъявления к оплате сфабрикованного документа. С подобной ситуацией часто приходится сталкиваться при расследовании уголовных дел о взяточничестве, хищении, мошенничестве и т.д. Следователь не является только регистратором, он обязан искать активные пути выявления фактов виновности должностного лица. Именно наличие задачи по изобличению обязывает его принимать меры к задержанию с поличным, если в ходе расследования должностное лицо продолжает совершать преступные действия, принимает меры к сокрытию преступления. Так, следователи

стремятся организовать задержание с поличным взяткополучателя в момент передачи ему взятки, задержать мошенника в момент продажи медного кольца вместо золотого, задержать валютчика в момент сбыта золота и т.п. К сожалению, эта специфическая направленность следственной деятельности по установлению доказательственных фактов мало разработана в криминалистической литературе, хотя при такой направленности криминалистическими средствами, через сокращение цепи причинно-следственных связей, обеспечивается решение процессуальной задачи по изобличению преступника.

Отсутствие разработок тактики изобличения в значительной степени вызвано отрицательным отношением к подобным действиям со стороны некоторых процессуалистов. С самого начала представляется необходимым четко определить отношение к такой направленности научных разработок советских процессуалистов, как охрана прав и интересов советских граждан, которая обусловлена общим процессом усиления гарантий законности в советском судопроизводстве и поэтому может вызывать только глубокое уважение. Но эта направленность деятельности требует и тщательного анализа ситуаций, складывающихся в ходе расследования, должна обеспечивать задачу действительного разоблачения лиц, совершивших преступления. Необходимо правильное процессуальное понимание задачи судопроизводства по изобличению виновных. Эта задача появилась не вследствие ошибочных воззрений криминалистов – она определена законом. Криминалисты, как и процессуалисты, должны заниматься поисками путей и средств решения этой задачи.

Поэтому надо не игнорировать действия по изобличению, а тщательно (и процессуально, и тактически) разрабатывать их осуществление, которое бы облегчало изобличение при полном в то же время соблюдении гарантий прав личности, делая невозможной провокацию в отношении должностного лица. Споры о допустимости фиксации действий преступника в процессе расследования возникают по разным основаниям. Чаще всего указывается, что подобные действия не соответствуют общей задаче предупреждения преступлений. При этом ссылаются на обязанность органа дознания, следователя, прокурора принимать меры к предотвращению или пресечению преступления. Но действия, например, по осуществлению задержания преступника в момент передачи взятки не противоречат этой важной задаче деятельности следователя, а, наоборот, способствуют предупреждению развития преступления, его законченному совершению.

Эти вопросы анализировались еще в 1963 г. Г.М. Миньковским[1]. На складывающейся при задержании взяткополучателя ситуации

[1] Миньковский Г.М. Некоторые уголовно-правовые и процессуальные вопросы расследования дел о взяточничестве. – В кн.: Следственная практика, вып. 60. М., 1963, с. 114–116.

останавливались Г.З. Анашкин и В.А. Образцов, которые писали: «В рассматриваемом случае речь как раз и идет не об искусственном создании преступления, а об определенном моменте пресечения преступной деятельности вымогателя взятки, с одной стороны, и в то же время о методе закрепления следов уже совершенного им и образующего самостоятельный состав преступления (вымогательстве взятки как опасной разновидности подстрекательства к совершению преступления) – с другой»[1]. Рассматривая ситуации, когда граждане обращаются с просьбой оградить их от вымогательства взятки, эти авторы писали: «При наличии данных, подтверждающих обоснованность сделанного заявления... обеспечивается контроль за передачей требуемых денег или ценностей. Квалифицированное, объективное проведение подобной операции дает возможность убедиться в реальности события, по поводу которого сделано заявление, всесторонне и полно его оценить и прийти к правильному решению»[2].

Таким образом, подобное задержание – средство пресечения преступной деятельности и, одновременно, средство получения доказательств, изобличающих в совершении преступления. Подобные действия могут производиться по делам не только о взяточничестве, но и о других преступлениях должностных лиц.

Интересно отметить, что проблема подобного изобличения преступников основательно ставилась и В.И. Лениным. В.И. Ленин неоднократно указывал, что преступников надо изобличать, «ловить за руку», что именно такой путь представляется наиболее убедительным, наиболее сильно воздействующим на окружающих граждан. В.И. Ленин по разным поводам вновь и вновь требовал изобличать преступников на конкретном поступке, действии, факте[3].

Тактическое изобличение есть активная деятельность следователя, направленная на выявление и процессуальную фиксацию связей субъекта с объектами, процессами, убедительно свидетельствующих о причастности должностного лица к механизму, к результату совершенного преступления. Такие факты устанавливаются задержанием с поличным, своевременной фиксацией взаимодействия объектов, фиксацией процессов их отражения. Тактическая операция «фиксация» призвана обеспечить решение задачи судопроизводства по изобличению виновного на предварительном и судебном следствии в ходе предъявления ему собранных доказательств.

---

[1] Анашкин Г.З., Образцов В.А. Некоторые актуальные вопросы расследования и рассмотрения дел о взяточничестве. – В кн.: Особенности расследования отдельных видов и групп преступлений. Свердловск, 1980, с. 68.

[2] Там же.

[3] Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 328; т. 50, с. 208; т. 52, с. 155.

Средством осуществления тактического изобличения и является операция «фиксация»[1]. Научная разработка тактических операций данной группы имеет целью создание специальных условий, разработку совокупности тактических средств, направленных на оптимальное достижение результата по процессуальной фиксации контактов и взаимодействий. Одновременно должны устанавливаться действия субъекта, его контакты с объектом посягательства и оставленные следы взаимодействия. Эта тактическая операция – всегда проведение следователем и другими лицами мероприятий по непосредственной фиксации подготовки и совершения тех или иных действий, что ведет к получению убедительных доказательств причастности должностного лица к совершению преступления. Это дает возможность и изобличать преступника, и не допускать наступления более тяжких последствий от его действий, а также служит средством воспитания трудящихся, наглядно демонстрирует принцип неотвратимости наказания.

Принято говорить о фиксации доказательств как стадии проведения следственного или судебного действия. С учетом этого под фиксацией понимают проводимую в установленном процессуальным законом порядке познавательную и коммуникативную деятельность следователя и привлеченных или допущенных к участию в ней лиц по объективизации фактических данных посредством условных знаков и приобщения к делу предметов и документов[2].

Чаще всего такая деятельность направлена на фиксацию объекта, следа и т.д. По некоторым категориям уголовных дел для того, чтобы зафиксировать определенный факт, надо провести большую подготовительную работу, и сама фиксация связана с осуществлением целого ряда функций следователем, оперативными работниками и другими лицами. В таких ситуациях фиксация может быть достигнута только путем проведения сложной тактической операции, которая и носит условное название «фиксация».

Можно выделить несколько разновидностей тактических операций данной группы.

1. Фиксация факта взаимодействия должностного лица с субъектами, объектами (документами, механизмами и др.). Подобный результат достигается при совершении действий по задержанию (организация и проведение операции «задержание»).

---

[1] Такой термин к подобного рода операции уже применяется, хотя существуют и другие. Так, только в одной уже цитированной статье Г.З. Анашкина и В.А. Образцова это действие именуется «контролируемая передача», «операция разоблачения», «операция изобличения» (с. 67, 69).

[2] Подголин Е.Е. Теория и практика фиксации доказательств на предварительном следствии: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1979, с. 9.

2. Фиксация факта совершения преступных действий. Выше уже указывалось, что одним из оснований разработки тактических операций группы «фиксация» является ситуация, при которой в процессе расследования еще продолжается преступная деятельность. Именно в подобных ситуациях и можно фиксировать сам факт совершения явно преступных действий. Такая операция проводится, например, для установления факта составления должностным лицом фиктивного документа – в момент внесения в него изменений.

3. Одновременная фиксация взаимосвязанных процессов, явлений. Иногда изобличить виновного можно только в том случае, если одновременно производится фиксация процессов в нескольких местах. Одной из особенностей структуры ряда преступлений должностных лиц является то обстоятельство, что они совершаются лицами, которым доверены материальные ценности и которые к тому же по своим функциям обязаны документально отражать процессы изготовления, хранения, транспортировки и т.д. Операция «фиксация» проводится с таким расчетом, чтобы действия по фиксации одновременно совершались в тех местах, где может быть осуществлено изменение в документах для сокрытия факта злоупотребления. В данной разновидности можно выделить варианты: одновременная фиксация фактов в двух (или более) местах (например, в технологической системе и системе распределения); фиксация процесса и документов, его отражающих; фиксация документов в разных местах; фиксация фактов на основных этапах технологического или иного процесса. Если при операции «фиксация» осуществляется и задержание должностного лица, то выполняются и все процессуальные требования, предусмотренные для этого действия. Этой операцией достигается также закрепление словесной информации. Изобличение – это фиксация не только действий, носящих явно преступный характер, но и словесной информации, которой обмениваются при взаимодействиях, относящихся к расследуемому событию.

Тщательная процессуальная и тактическая разработка операций данной группы, широкое и грамотное их применение в ходе расследования будет способствовать активизации борьбы с преступлениями, совершаемыми должностными лицами.

Глава VI
Профилактическая деятельность следователя при расследовании преступлений, совершенных должностными лицами

§ 1. Цели и принципы профилактической деятельности следователя

Осуществление профилактической деятельности еще во время расследования преступления имеет существенные преимущества. Именно в ходе расследования полнее выявляются все причины и условия, способствовавшие совершению преступления, что связано с широкими тактическими возможностями следственной деятельности. Кроме того, профилактическими мероприятиями, проведенными во время расследования, достигается более быстрое устранение этих причин и условий.

Для того, чтобы все преимущества профилактической деятельности в процессе расследования были эффективно реализованы, необходимо прежде всего определить ее цели. В общесоциальном плане профилактическая деятельность следователя должна обеспечивать: 1) воспитание чувства ответственности у советских граждан, формирование у них социалистического экономического мышления, понимание вреда бесхозяйственности, любых отклонений от норм нашей жизни; 2) эффективность контроля за деятельностью должностных лиц со стороны трудовых коллективов, вышестоящих организаций, общества в целом; 3) совершенствование управления всеми системами социалистического общества. При осуществлении профилактической деятельности следователь никогда не должен забывать перечисленных общесоциальных целей, строить содержание своей работы с учетом их наличия. Эти цели опосредованно обеспечиваются через достижение конкретных целей, поставленных уголовно-процессуальным законодательством. Это и определяет профилактическую деятельность следователя, при осуществлении которой: а) предупреждаются подготавливаемые и пресекаются уже начатые преступления; б) выявляются причины и условия, которые способствовали совершению преступления; в) принимаются меры к их устранению; г) предупреждается рецидив преступлений[1]. Эти общие цели конкретизируются по отдельным категориям уголовных дел.

---

[1] Лопушанский Ф.А. Следственная профилактика преступлений. Киев, 1980, с. 94.

Надо знать и принципы профилактической деятельности следователя по рассматриваемой категории уголовных дел, что существенно влияет на ее результативность. К таким принципам относятся следующие.

1. Выявление всех обстоятельств, способствовавших совершению должностным лицом преступления. Этот принцип требует обязательного осуществления всех возможных действий, при помощи которых устанавливаются причины и условия, способствовавшие совершению преступления. Практика свидетельствует, что следователи при разработке профилактических мероприятий учитывают далеко не все факторы, которые влияют на предупреждение преступлений. В представлениях следователей часто указывается лишь на необходимость усиления внимания к подбору кадров должностных лиц и на недостатки контроля за их деятельностью. Может ли этим ограничиваться профилактическая деятельность следователя? Конечно нет. Но чтобы расширить круг обстоятельств, на которые следует воздействовать, надо увеличить базу поиска причин и условий, способствовавших совершению преступления. Данный принцип требует выдвижения версий обо всех возможных причинах и условиях, приведших к преступлению.

2. Обеспечение полноты разработки доступных следователю мероприятий по устранению выявленных причин и условий, способствовавших совершению преступления. Профилактические мероприятия должны разрабатываться в отношении всех выявленных причин и условий вне зависимости от того, связано ли их возникновение с действиями привлеченных к уголовной ответственности или других должностных лиц. Выше указывалось, что последствия преступления могут наступить в результате деятельности (бездеятельности) нескольких должностных лиц. Причем их действия по-разному влияют на наступление последствий (несчастный случай на производстве, авария, экономический ущерб и т.д.) – одни непосредственно, другие опосредованно[1]. С учетом различного отношения к результату преступления по-разному может быть решен вопрос об ответственности. Одни должностные лица могут быть привлечены к уголовной ответственности, а другие – к административной или дисциплинарной. Но это не должно суживать рамки профилактической деятельности следователя. Он обязан разрабатывать профилактические мероприятия (или предложить их разработать соответствующим руководителям) в отношении всех выявленных дефектов.

3. Системный подход к выявлению и изучению всех обстоятельств, способствовавших совершению преступления должностным лицом. Соблюдение данного принципа достигается рассмотрением каждого

[1] Быков Л.А. Вопросы методологии учета и анализа общественно опасных последствий преступности. – В кн.: Вопросы борьбы с преступностью, вып. 29. М., 1978, с. 25–35.

преступления как системы, что обеспечивается знанием особенностей структуры преступления, всех его элементов, их взаимосвязей, условий, которые способствовали совершению преступления. Это позволяет выявлять причины и условия последовательно, применительно к каждому элементу структуры преступления, к каждой связи между элементами.

При выявлении причин и условий следует учитывать, что они могут составлять как бы несколько уровней: а) причины и условия, возникшие в конкретной деятельности данного должностного лица вследствие его личностных качеств; б) причины и условия, вызванные конкретной ситуацией, в которой действовало, принимало решение должностное лицо; в) причины и условия, порожденные особенностями данной системы, в которую входит учреждение, где работает лицо, совершившее преступление. Учет наличия этих уровней дает возможность правильно определить объем деятельности следователя, направленной на поиски обстоятельств, способствовавших совершению преступления. Каждый элемент структуры преступления должен быть изучен следователем для полного выявления обстоятельств, приведших к тому, что данный субъект стал носителем свойств, определивших его участие в преступлении. Последовательная концентрация внимания на каждом отдельном элементе структуры позволяет значительно полнее достигнуть целей профилактической деятельности. Поэтому системный подход требует выдвижения версий о причинах и условиях в отношении каждого элемента структуры (субъекта, объекта посягательства и т.д.). Так, надо концентрировать внимание: на содержании всех дефектов функций деятельности должностного лица, которые находятся в причинной связи с наступившими вредными последствиями; на установлении дефектов в деятельности государственного органа, общественной организации, где произошло преступление. В соответствии с данным принципом и профилактические мероприятия должны разрабатываться (предлагаться к разработке) применительно к этим отдельным элементам (документообороту учреждения, контролю за действующими механизмами, за хранящимися ценностями и т.д.). Элементы структуры преступления могут действовать в разных системах управления, и такой подход обеспечивает оптимальную результативность профилактической деятельности следователя.

4. Выявление всех последствий совершенного преступления. Категория последствий существует по отношению к каждому элементу структуры преступления. Так, его последствия могут проявляться в документообороте, нарушенном должностным лицом, в технологическом процессе, куда внесены изменения, приведшие к преступному результату. Последствия могут проявляться также в морально-психологическом состоянии потерпевшего и самого лица, совершившего преступление

(изменение отношения к выполнению определенных социальных ролей, тех или иных обязанностей). Это уже дает возможность решить вопрос о тех действиях, мероприятиях, которые надо осуществить самому следователю в ходе расследования (например, принять решение об избрании меры пресечения, отстранении от должности, что также является профилактическим мероприятием).

5. Изучение деятельности государственных органов и общественных организаций по контролю за деятельностью должностных лиц (инспекционные и ревизионные органы, профсоюзные организации и т.д.). Наличие такого принципа профилактической работы приводит к необходимости вооружать следователя основательным знанием методов и средств деятельности различных органов, выполняющих функции по контролю за деятельностью должностных лиц, по выявлению правонарушений.

6. Полнота выполнения воспитательной роли предварительным следствием. Следователь должен принимать меры к активизации воспитательной деятельности общественных организаций, трудовых коллективов, отдельных трудящихся. Работа следователя, проводимые им действия профилактического характера, в том числе вносимые представления, должны возбуждать активность трудящихся. Следователь обязан включать в свою профилактическую деятельность элементы воспитания трудовых коллективов. Такая направленность деятельности требуется по всем уголовным делам, но по данной группе дел это особенно важно. В каждом отдельном случае следует подсказать трудовому коллективу, какие меры надо принять для ликвидации причин и условий, способствовавших совершению преступления. В борьбе с данными преступлениями лучшее средство – всемерное развитие активности трудового коллектива.

7. Своевременное выявление подготавливаемых преступлений, их предотвращение и пресечение в процессе деятельности по расследованию. Профилактика – это не только следование за уже совершенными преступлениями, но и активная деятельность по их предотвращению.

8. Тактическая концентрация профилактической деятельности следователя. Реализация этой деятельности требует разработки целей, установления подлежащих изучению фактов и целенаправленной разработки их тактического обеспечения. Профилактическая деятельность должна быть четко организована, ее надо самостоятельно планировать и моделировать (устанавливать конечную цель, промежуточные этапы, средства, нужные на каждом этапе, и т.д.).

Все изложенное достигается организацией специфической тактической операции «профилактика». Это не просто совокупность действий, а единая тактическая операция, что вытекает из следующего:

а) профилактическая деятельность является составной частью расследования любого уголовного дела. Это всегда решение самостоятельной задачи, что определяет направленность использования следователем тактических средств;

б) для решения этой задачи следователь должен осуществить комплексы следственных действий, активно привлекая оперативных работников милиции, представителей инспекций, ревизионных служб, общественных организаций, направляя их на выявление причин и условий, способствовавших совершению преступления;

в) для решения поставленной цели все действия следователя и иных лиц должны осуществляться по единому плану.

Выделение самостоятельной тактической операции «профилактика» способствует достижению всех целей профилактической деятельности, что особенно важно по делам о преступлениях должностных лиц[1].

Одна из особенностей тактической операции «профилактика» заключается в том, что она проводится на протяжении всего расследования уголовного дела[2]. Операция «профилактика» имеет и ряд других особенностей, отличающих ее от иных групп тактических операций. Прежде всего, здесь существенно расширяется круг обстоятельств, подлежащих установлению при расследовании. Причины преступления, совершенного должностным лицом, нередко могут быть отдалены от события (механизма взаимодействия), приведшего к наступлению уголовно наказуемых результатов. Это требует расширения объема исследуемых обстоятельств.

Часто проявляется и еще одна особенность: причины и условия нередко могут быть установлены только с помощью специальных познаний в сфере деятельности привлекаемого к уголовной ответственности должностного лица. Поэтому в структуре тактической операции большая роль отводится различным специалистам. Для целей профилактики следователь может использовать и судебные экспертизы, ставя перед ними вопросы о наличии фактов, взаимосвязей между ними, на основании чего уже можно сделать вывод о причинах и условиях, способствовавших преступлению, что даст возможность разработать

---

[1] Конечно, это не исключает необходимости при проведении и других следственных действий иметь в виду выявление обстоятельств профилактического характера, вследствие чего решение данной задачи будет еще более полным.

[2] На то обстоятельство, что профилактическая деятельность следователя должна осуществляться на протяжении всего процесса расследования, указывалось многими авторами. Так, В. Братковская писала: «Эта работа следователя должна начинаться с момента принятия дела к производству и осуществляться на протяжении всего расследования параллельно с установлением других обстоятельств по делу» (Братковская В. Предупреждение хищений в сельском хозяйстве. – Соц. законность, 1972, № 3, с. 27).

мероприятия, направленные на предотвращение вредных последствий в будущем.

В данной тактической операции имеются особенности и в системе документального отражения совершаемых следователем действий. Информация о причинах и условиях, кроме закрепления ее в материалах конкретного уголовного дела, должна накапливаться и обобщаться в прокуратуре, отделе внутренних дел, что позволит выявлять причины и условия более общего характера, присущие промышленному объекту, отрасли промышленности, данному региону и т.д. Это расширяет диапазон проведения профилактических мероприятий.

Полнота профилактической деятельности будет достигнута только в том случае, если соблюдаются, практически реализуются все перечисленные принципы.

§ 2. Основные этапы профилактической деятельности следователя

Система принципов профилактической деятельности дает возможность выявить основные ее этапы, которые являются одновременно и этапами тактической операции «профилактика». Определение этапов весьма важно: оно позволит сконцентрировать внимание на более узких задачах и установить последовательность действий по их выполнению.

Перечисленные выше (§ 1) цели профилактической деятельности в сущности могут рассматриваться как своеобразные итоги отдельных ее этапов. Выявление причин и условий предшествует разработке мероприятий, направленных на ликвидацию вредных последствий от наступившего преступного результата, и мероприятий, предупреждающих повторение подобных преступлений.

Но можно назвать и еще более конкретные этапы профилактической деятельности. Для этого нужно руководствоваться общей схемой действий: анализ – диагноз – прогноз. Применительно к профилактической деятельности следователя использованием этой схемы выявляются следующие этапы:

1. Установление в ходе расследования отдельных фактов, которые находятся в причинной связи с преступным результатом и указывают (могут указывать) на причины и условия, способствовавшие совершению преступления. Эти факты создают логическую основу поиска причин и условий, которые следует устранять для предупреждения возможности повторения данного преступного результата.

2. Построение версий о путях поисков причин и условий, способствовавших совершению преступления должностным лицом. Полнота построения версий обеспечивается учетом всех элементов структуры

преступления, особенностей функционирования каждого элемента, конкретных обстоятельств, которые выявлены в процессе расследования, а также использованием наиболее типичных версий о причинах и условиях, разработанных методикой расследования определенной категории уголовных дел (по делам о взятках, хищениях и т.д.).

3. Планирование общей системы действий по установлению предполагаемых причин и условий. Эта система основывается на упомянутых выше отдельных фактах, на знании структуры деятельности данного предприятия или учреждения, на знании совокупности элементов структуры данного вида преступления. План следствия, конечно, может дополняться и изменяться в процессе совершения конкретных действий по выявлению причин и условий. Исследование, в соответствии с принципом системности, целесообразно планировать отдельно по каждому эпизоду, в отношении каждого элемента структуры преступления. Полностью спланировать выявление причин и условий следователь сможет лишь в том случае, если будет последовательно проверять варианты связей всех элементов. Эти связи могут находиться за пределами данного предприятия, учреждения, что потребует расширить сферу их поиска. Очень важно, чтобы выявление причин и условий начиналось на как можно более ранней стадии расследования. На этом этапе анализируется совокупность фактов, собранных в процессе выявления причин и условий, способствовавших совершению преступления. Такой анализ ведется постоянно. Каждый новый выявленный факт надо сопоставлять с уже известными фактами. Постоянный анализ и синтез есть условие полноты деятельности следователя по сбору информации.

4. Обнаружение стойких дефектов в тех или иных элементах, входящих в структуру преступления, исходных причинах их появления, условиях, способствовавших их развитию.

5. Прогнозирование развития выявленной причинно-следственной зависимости, приводящей данный элемент (должностное лицо, используемое средство и т.д.) к участию в структуре преступления. Такое прогнозирование дает возможность определить, не прекратится ли действие обнаруженного дефекта самим фактом выявления преступления и расследованием, какие условия, способствовавшие появлению дефекта, продолжают действовать, какова вероятность (закономерность) повторения преступного результата от продолжения действия выявленного дефекта. При проведении этих исследований необходимо ответить и на вопросы, почему преступники не были разоблачены раньше, полностью ли выполнили свой долг контролирующие органы, достаточно ли активной была деятельность трудового коллектива и его общественных организаций, что мешало их деятельности.

6. Разработка мероприятий, направленных на ликвидацию выявленных дефектов в деятельности предприятий и учреждений, на ликвидацию причин и условий, которые привели к совершению должностным лицом преступления. Разрабатываемые мероприятия могут быть реализованы самим следователем (например, предупреждение поступления в торговлю недоброкачественных продуктов, выпущенных заводом и находящихся на разных базах) или предложены (направлением представлений) для детальной разработки трудовым коллективам, вышестоящим организациям, контролирующим органам.

7. Осуществление следователем контроля за процессами выполнения предложенных профилактических мероприятий, за разработкой мер по ликвидации выявленных дефектов. Иногда контроль за представлениями сводится только к получению сообщений о том, что по ним приняты определенные меры. Такая форма контроля не обеспечивает действительного выполнения всех предложенных к разработке профилактических мероприятий. Нередки случаи, когда после внесения представления следователи получают ответ о том, что «приняты необходимые меры», «разработан план мероприятий по ликвидации выявленных дефектов» и т.д. Проверки, проводимые в порядке общего надзора прокуратурой, показывают, что подобные ответы иногда являются не чем иным, как отписками, и никакой работы по выполнению представления практически не велось. Целесообразно рассмотреть вопрос о законодательном предоставлении следователю права использовать все процессуальные средства для реальной проверки, приняты ли меры профилактики в соответствии с его представлением. Только добившись фактического проведения рекомендованных мероприятий, следователь может считать оконченной свою профилактическую работу по уголовному делу.

§ 3. Выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступлений должностными лицами

Как уже указывалось, в профилактической деятельности первоначально внимание следователя должно быть сконцентрировано на установлении фактов, которые в совокупности позволят сделать вывод о причинах, породивших данное преступление, и об условиях, способствовавших его совершению. Можно конкретизировать основные направления сбора доказательственных фактов, необходимых для полного установления всех причин и условий.

I. Выявление дефектов в осуществлении функций должностного лица и причин их появления. Изучение практики свидетельствует о том,

что дефекты чаще всего создаются теми условиями, в которых действует должностное лицо. Подлежащие изучению условия исключительно многообразны, и окончательно их совокупность можно установить, только зная обстоятельства конкретного дела.

Во всех случаях надо провести чисто юридический анализ основ деятельности должностного лица. Полнота правового регулирования его деятельности предопределяет четкость выявления совершенных преступных действий (бездействия). Для этого надо провести анализ инструкций, положений и иных правовых актов, предусматривающих права и обязанности должностного лица, в отношении которого расследуется уголовное дело. Могут быть случаи, когда в инструкции не полностью предусмотрены права и обязанности данного должностного лица. На этой основе можно выделить права и обязанности, закрепление которых в нормативном документе будет способствовать предупреждению преступления в подобной ситуации, для чего и нужно соответствующее представление. Точно так же следует изучить и все другие возможности образования дефектов в осуществлении функций должностного лица (условия выполнения функции, правильность совмещения одним лицом нескольких функций и т.д.). При изучении условий деятельности должностного лица надо выявлять факты, которые указывают на невозможность с его стороны совершить определенные действия (его распоряжение не было передана исполнителям другим должностным лицом, отсутствовали материалы, механизмы, нужные для качественного проведения работы, и т.д.). Установление подобных фактов требует расширять сферу поисков причин наступившего преступного результата – выявлять дефекты и в деятельности других должностных лиц.

В процессе расследования очень важно устанавливать такие личностные качества должностных лиц, которые явно свидетельствуют о невозможности осуществления ими необходимых функций. Дефекты личностных качеств могут быть самого различного свойства. Так, дефектными могут быть психические качества (волевые, интеллектуальные, эмоциональные и т.д.), моральные качества, профессиональные. Многие преступления должностных лиц начинаются с грубости с подчиненными, бюрократизма, волокиты, преследования за критику. Именно поэтому Коммунистическая партия постоянно указывает на настоятельную необходимость острой и непримиримой борьбы с этими явлениями в нашей жизни. Установление в процессе расследования таких фактов указывает на ошибки в подборе и воспитании кадров руководителей в определенном учреждении, на предприятии.

Одной из причин, порождающих совершение преступлений, является некомпетентность в тех проблемах, которые надо решать при осуществлении должностных функций. Совершенно правильно отмечал

первый секретарь ЦК Компартии Грузии Э.А. Шеварднадзе: «Некомпетентные работники неизбежно, волей-неволей, подменяют деловой подход к задаче делячеством, демагогией, фразерством. Теряется разница между рекомендацией и протекцией... на почве обычной служебной некомпетентности могут вырасти такие цветы зла, как бюрократизм, чинопочитание, подхалимство, карьеризм, кумовство, взяточничество»[1]. Поэтому деловые, профессиональные качества лица, привлеченного к уголовной ответственности, обязательно следует проверять.

В ходе расследования каждого уголовного дела о преступлении должностного лица надо решать и вопрос о правильности самого факта выдвижения лица на соответствующую должность. Это относится как к лицам, привлеченным к уголовной ответственности, так и к лицам, в отношении которых принято решение ограничиться мерами административного или дисциплинарного наказания. Следует изучать, не был ли нарушен существующий в учреждении, на предприятии порядок отбора кандидатов на те или иные должности (отсутствие аттестации, документов об образовании и т.д.)[2].

Партия постоянно учит, что успехи социалистического строительства во многом зависят от правильной расстановки кадров. Как отмечалось на ноябрьском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС, «нужно правильно расставить кадры с тем, чтобы на решающих участках стояли люди политически зрелые, компетентные, обладающие организаторскими способностями и чувством нового, без чего нельзя в наше время успешно руководить производством»[3]. Вопрос о работе с кадрами специально рассматривался и на заседании Политбюро ЦК КПСС в ноябре 1984 г.[4] Следователь, который ведет дело о преступлении, совершенном должностным лицом, обязан знать установки партии о подборе кадров.

Требуется выявлять критерии отбора, которые применялись при назначении конкретного должностного лица, изучать пути практического осуществления этого отбора. При решении этого вопроса иногда нужно выяснять существующую систему воспитания, обучения, переподготовки должностных лиц в данном учреждении, на предприятии. Последнее важно в связи с тем, что должностные лица обязаны постоянно совершенствовать свои знания, что гарантирует достаточную компетентность их действий.

---

1 Лит. газ., 1980, 17 сент.

2 При расследовании уголовных дел бывают случаи, когда устанавливается, что на должность главного бухгалтера назначались лица, не имевшие специального образования, на должность инженера по технике безопасности – лицо с восьмилетним образованием и т.д.

3 Коммунист, 1982, № 7, с. 21.

4 Правда, 1984, 19 окт.

Направление поиска обстоятельств, способствовавших совершению преступления должностным лицом, находится в зависимости от той разновидности структуры преступления, которая установлена расследованием. Так, по уголовному делу о взрыве газа в мостопереходе профилактические мероприятия потребовалось разрабатывать в отношении должностных лиц различных учреждений, причастных к взрыву. В соответствии с этим следователь принимал решения о проведении профилактических мероприятий применительно к каждой системе, причастной (хоть и в разной степени) к конечному результату. Отдельно изучались обстоятельства, связанные с проектированием газопровода в мостопереходе, условия ремонта, эксплуатации газопровода. В результате было составлено несколько представлений: в адрес проектирующих организаций (о пересмотре временного положения и отмене возможности проектирования прокладки газовых магистралей в мостопереходах), в адрес «Мостостроя» (о выявленных недостатках в организации текущего ремонта мостов), а также в адрес газоэксплуатационных организаций (о выявленных недостатках в инструкциях по приему и проверке газовых магистралей).

II. Исследование деятельности предприятия, учреждения, где было совершено должностным лицом преступление. Все элементы структуры предприятия, учреждения должны быть изучены с точки зрения того, каким образом они способствовали совершению данного преступления, почему оно своевременно не было выявлено. Конечно, в зависимости от конкретных функций должностного лица объем изучения деятельности предприятия или учреждения будет различным. Однако во всех случаях такой подход к изучению причин и условий должен быть обязательным принципом следственной деятельности. Так, надо выявлять причины и условия не только в технологическом процессе (и документах, его отражающих), но и в системах, взаимосвязанных с ним. Поэтому надо изучать систему управления предприятия, учреждения – каким образом она контролирует выполнение функций конкретным должностным лицом. Важно выявлять дефекты документального отражения технологического процесса в бухгалтерском учете, в ОТК и т.д. Надо иметь в виду, что дефекты в деятельности могут быть порождены ошибочным отражением отдельных действий в документах.

Большое значение для профилактики многих корыстных преступлений должностных лиц имеет изучение действующей на предприятии, в учреждении системы материального стимулирования. Так, надо изучать, не является ли сама система стимулирования объектом злоупотреблений со стороны определенных должностных лиц; насколько часто получало лицо, привлеченное к уголовной ответственности, деньги из фонда материального стимулирования; как и кем оформлялись документы. Именно

здесь кроется иногда причина нарушений правил техники безопасности, приписок, выпуска недоброкачественной продукции и т.п.

III. Изучение содержания и эффективности действий (в данном трудовом коллективе, ведомстве) по выявлению правонарушений, совершаемых должностными лицами. Изучение этих обстоятельств следует начать с выяснения того, какие государственные органы, ведомства, общественные формирования осуществляют контроль за деятельностью должностных лиц. Так, расследуя преступления, совершенные на предприятиях общественного питания, надо изучать, насколько эффективным был контроль за предприятием со стороны торговой инспекции, инспекторско-ревизионной группы вышестоящей организации и т.п. Дефекты могут проявиться в деятельности каждого контролирующего органа, в связи с чем следователю важно изучить: а) какие учреждения, организации, должностные лица контролируют конкретное предприятие, должностное лицо; б) какие функции выполняет каждый контролирующий орган, каков порядок, план проведения контроля; в) какие действия по контролю фактически совершались; г) какие меры принимались по результатам проверки. При изучении системы контроля представляется целесообразным выяснять, проверялись ли все функции должностного лица, какие применялись методы контроля и т.д. Все это дает возможность определить дефекты контроля, поставить вопрос об их устранении.

Следует обращать внимание и на систему стимулирования деятельности контрольно-ревизионной службы. Здесь нередко имеются дефекты, которые способствуют совершению преступлений. В качестве примера можно сослаться на существующие в некоторых торгующих организациях положения о премировании, в соответствии с которыми премиальное вознаграждение работники управления торга получают в том случае, если торг в целом выполнил план реализации и если в торге нет растрат и недостач. Нетрудно себе представить зависимость между таким положением о премировании и активностью действий ревизионного аппарата этого торга. Как только ревизоры выявят недостачу или растрату, они автоматически лишают себя и руководство торга премиального вознаграждения. Заинтересован ли ревизор такого предприятия вскрывать факты недостач и тем самым лишать себя премии? Как это ни парадоксально, пассивность ревизионной службы обусловливается иногда именно действующей системой ее материального стимулирования[1].

---

[1] Эти обстоятельства были правильно отмечены по результатам исследования проблем профилактики хищений социалистической собственности в Литовском НИИСЭ (Йовайшис К.И., Куклянскис С.С. Вопросы совершенствования мер по обеспечению сохранности социалистической собственности. – В кн.: Вопросы борьбы с преступностью, вып. 36. М., 1982, с. 34–38).

Исследуя причины и условия, способствовавшие совершению преступлений, следует выяснять и такой вопрос: насколько активно в данном учреждении, на предприятии действует система материального наказания за нарушения, допущенные должностными лицами, особенно материально ответственными? К сожалению, далеко не единичны факты явного попустительства лицам, наносящим ущерб государству. Именно в таких условиях мнимого гуманизма, когда с виновных одним росчерком пера вышестоящие руководители списывают причиненный ущерб, и появляются должностные лица, считающие возможным совершать тяжкие преступления, уверовав в то, что им все дозволено, все простится.

О злоупотреблениях привлеченных к уголовной ответственности должностных лиц часто и до возбуждения уголовного дела поступают письма, заявления, жалобы граждан. В связи с этим следователь обязан проверить, имелись ли заявления, сигналы о неблаговидных поступках, как на них реагировали, как их проверяли. При расследовании уголовных дел часто возникает вопрос, почему в данной системе привлеченный к уголовной ответственности работник мог достаточно долго совершать преступления. Причина этого нередко заключается в том, что некоторые руководители поступающие жалобы, заявления рассматривают сугубо формально или отправляют их «для проверки и сообщения заявителю» именно тому должностному лицу, на действия которого поступила жалоба. Выявленные недостатки работы с письмами трудящихся требуют направления представлений в вышестоящие организации[1].

Существенное значение для профилактики преступлений имеет борьба с зажимом критики, с преследованием за нее. Если такие факты выявляются, следует не только добиваться наказания зажимщиков критики, но и широко информировать граждан о результатах расследования действий должностных лиц, организующих травлю за критику, за попытки вскрыть их неблаговидную деятельность. Это будет иметь важное профилактическое значение, будет способствовать активизации деятельности трудового коллектива по своевременному выявлению, а тем самым предупреждению совершения преступлений должностными лицами.

§ 4. Основные профилактические мероприятия, осуществляемые следователем

При разработке и проведении профилактических мероприятий следователь а) информирует трудовые коллективы и вышестоящие

[1] Очень часто прокуратура сама принимает меры по наказанию за нарушение установленного порядка рассмотрения жалоб. Так, в Грузинской ССР только за два года привлечено к ответственности за нарушение сроков рассмотрения жалоб, за формализм при их рассмотрении 328 должностных лиц (Правда, 1982, 17 авг.).

организации, б) активизирует профилактическую деятельность других лиц учреждений и в) осуществляет собственные воспитательно-профилактические действия. Это предопределяет содержание его деятельности по проведению профилактических мероприятий.

Прежде всего надо указать на составление следователем представлений о ликвидации выявленных причин и условий, приведших к совершению преступления, что прямо предусмотрено ст. 15^2 УПК БССР (ст. 21^1 УПК РСФСР). Хотя сама операция «профилактика» проводится в процессе всего расследования дела, но представления, как правило, составляются при окончании расследования. Перед составлением документов, обобщающих предложения профилактического характера, подвергаются анализу все собранные материалы для решения вопросов, какие дефекты существуют и действиями какого органа или учреждения они могут быть устранены. Целесообразно обсуждение намечаемых профилактических мероприятий проводить с привлечением специалистов, принимавших участие в операции «профилактика».

При разработке профилактических мероприятий следователю важно руководствоваться определенными правилами. Прежде всего это соблюдение системного подхода, что обеспечит разработку всех профилактических мероприятий воспитательного, организационного, экономического, технологического характера, которые должны быть предложены следователем в тех случаях, когда предметом расследования является преступление, совершенное должностным лицом. При разработке профилактических мероприятий целесообразно руководствоваться принципом, что их надо осуществлять в отношении всех элементов (субъектов, объектов, систем взаимодействия), наличие дефектов у которых привело к их включению в структуру преступления. В соответствии с этим можно выделить:

1. Профилактические мероприятия, направленные на субъекта преступления. Сюда входят предложения об изменении порядка подбора лиц на соответствующие должности, их подготовки, об изменении некоторых функций должностных лиц, процессов их документирования и т.д. Подобные мероприятия следует разрабатывать для устранения условий, которые, развивая негативные качества у должностных лиц, постепенно приводят их к совершению преступления. В частности, надо выявлять и ликвидировать истоки бюрократизма. Борьба с преступлениями должностных лиц – это во всех случаях и борьба с бюрократизмом, который порождает эти преступления, создает условия для их существования и, в свою очередь, порождается ими. Живучести бюрократизма способствуют недостатки структурно-функционального характера, несовершенство отдельных звеньев государственного управления, недостаточность контроля масс за деятельностью должностных лиц, а также упущения в идейно-воспитательной работе.

2. Профилактические мероприятия, направленные на устранение выявленных недостатков нормативного регулирования деятельности должностного лица, предприятия, учреждения. В представлении может указываться на необходимость ликвидации дефектов нормативного регулирования деятельности конкретного должностного лица, контроля за его деятельностью, нормативных недостатков организации технологического процесса.

3. Профилактические мероприятия, направленные на ликвидацию вредных результатов и последствий совершенного преступления. Выше уже указывалось на наличие специфического свойства у преступлений должностных лиц, которое заключается в особых объективных и субъективных причинно-следственных связях между их действиями и наступившими преступными результатами. Каждое такое преступление образует три группы последствий: дезорганизацию системы управления, материальный ущерб и существенный моральный вред личности, морально-психологическому климату того учреждения, предприятия, где проходила деятельность должностного лица, привлеченного к уголовной ответственности. В соответствии с этим важно провести мероприятия, направленные на ликвидацию перечисленных последствий.

Развитие причинно-следственных связей во многих случаях не завершается наступлением вредного результата. Совершенное должностным лицом может продолжать оказывать отрицательное воздействие. Так, инструкция о производстве работ, содержащая дефекты, вследствие которых произошел несчастный случай, может продолжать действовать и на других объектах, где из-за этого вновь может произойти несчастный случай. При разработке профилактических мероприятий надо прогнозировать развитие событий и с учетом этого намечать свои действия.

По завершении операции «профилактика» могут быть составлены следующие письменные документы:

1. Информация в органы, руководящие деятельностью по выявлению и предупреждению преступлений в районе, области, а также в вышестоящую прокуратуру (в вышестоящий орган МВД) о выявленных дефектах в деятельности учреждения или предприятия, о способе преступления. Это позволит активизировать деятельность следствия и дознания, органов контрольно-ревизионного аппарата по выявлению аналогичных преступлений, поскольку вскрытый в ходе расследования способ преступления, выявленные недостатки в учете, хранении, в управлении могут иметь место и на других предприятиях, в учреждениях.

2. Представление руководству предприятия, учреждения или вышестоящего ведомства для принятия мер организационного, технологического, воспитательного характера, предупреждающих возможность

повторения подобных преступлений. В представлении прежде всего должны быть детально изложены те дефекты, которые вскрыты в ходе расследования, содержаться их анализ, вывод о необходимости их устранения в определенные сроки. Если дефекты вызваны нарушением нормативных предписаний, то в представлении предлагается привести состояние документации, технологического процесса и т.д. в соответствие с существующим положением. Предложения могут быть направлены и на устранение недостатков в воспитательной работе, в деятельности по подбору кадров и контролю за ними.

3. Представление в контролирующие, инспектирующие органы, дефекты деятельности которых вскрыты в ходе расследования уголовного дела. В качестве дефекта может быть названа и неполнота применяемых методов изучения деятельности предприятия, функций отдельного должностного лица. Кроме внесения представления следователь может оказать помощь этому органу ознакомлением с криминалистическими методами выявления дефектов в деятельности должностных лиц (криминалистический метод анализа функций деятельности, анализа управленческих решений и т.д.).

Все выводы и предложения, которые делаются следователем в этих документах, должны быть тщательно обоснованы, базироваться на точно установленных фактах. Недопустимо в представлении основываться на предположениях, догадках (пусть и правдоподобных) о связи тех или иных факторов с преступлением. Зависимость должна быть установлена твердо. Все предлагаемые мероприятия, рекомендации должны быть четкими и конкретными, изложены понятно для тех, кто будет их осуществлять.

Остановимся теперь на профилактических мероприятиях, которые должен осуществить следователь лично проведением процессуальных и тактических действий в процессе расследования. Эта работа может быть исключительно многообразной.

Начнем с того, что осуществление профилактических функций требует от следователя тщательной и напряженной работы с лицами, совершившими преступления или проступки. Их честный рассказ обо всех действиях, которые привели к наступлению преступного результата, раскаяние в совершенном, готовность своими активными действиями ликвидировать вредные последствия очень важны для общепрофилактической работы. Искреннее признание и раскаяние означает, что данное лицо не совершит больше подобных противоправных действий, а этим уже достигается одна из целей профилактики. Отсюда вытекает, что принятие всех законных мер к получению признания о совершенных преступных действиях есть и реализация профилактической функции следователя. Эта функция требует также рассмотрения вопроса

о дисциплинарной (а в некоторых случаях и уголовной) ответственности тех должностных лиц, которые были обязаны контролировать действия лица, привлеченного к уголовной ответственности. Наконец, следователь в пределах своей компетенции принимает меры для прекращения влияния последствий преступного результата, продолжения преступных действий (отстранение от должности, наложение ареста на недоброкачественную продукцию и т.д.).

Важно также при расследовании данной группы дел правильно ориентировать общественное мнение по поводу расследованных фактов. Это может быть выступление в печати, по местному радио, по телевидению. Конечно, в полном объеме совокупность фактов может быть предана гласности только после вступления в силу судебного приговора. Поэтому выступления следователя должны быть тщательно продуманы и являться предельно объективными[1].

Среди мероприятий, проводимых лично следователем, следует указать и на его участие в собрании членов трудового коллектива, где произошло преступление. В соответствии с Конституцией СССР трудовой коллектив призван выполнять важные функции по воспитанию своих членов, принимать меры к улучшению организации производства и т.д. Эти функции существенно конкретизированы в Законе о трудовых коллективах.

Однако эти функции могут успешно выполняться лишь в том случае, если коллектив информируется о фактах, выявленных в ходе расследования. Поэтому все больше распространяется практика выступления следователей в трудовых коллективах. Это дает возможность широко информировать трудящихся о выявленных в процессе расследования фактах, обсудить пути ликвидации установленных причин и условий (нередко вскрыть и новые факты в ходе обсуждения), мобилизовать усилия всего коллектива, а не только его руководителей на борьбу с недостатками.

Еще на XXIV съезде КПСС указывалось: «Общественное мнение надо более решительно направлять на борьбу с нарушениями трудовой дисциплины, стяжательством, тунеядством, хищениями, взяточничеством, пьянством»[2]. Надо всегда помнить о важности общепрофилактической работы. Следователь должен вести постоянную широкую пропаганду и внедрение в сознание трудящихся идеи о том, что без борьбы с подобными преступлениями невозможно обеспечить подлинную свободу

---

[1] В этом отношении представляется ценным опыт Прокуратуры Грузинской ССР, которая организовала специальный цикл передач по телевидению – «Бюрократизму – беспощадный бой» (Правда, 1982, 17 авг.); опыт Компартии Азербайджана, о котором говорил Г.А. Алиев (Алиев Г.А. Пусть справедливость верх берет. – Лит. газ., 1981, 18 нояб.).

[2] Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, с. 205–206.

каждого человека. «Высшая свобода человека труда – это свобода от паразитов, тунеядцев, спекулянтов, взяточников, от попыток переложить трудности с одних плеч на другие, а поэтому высшим проявлением заботы общества, Коммунистической партии о трудовом человеке и является организация всеобъемлющего контроля самих трудящихся за мерой труда и мерой потребления каждого, и в этом первейшее отличие и главное преимущество реальной социалистической демократии над формальной буржуазной»[1].

Работа следователя по формированию и активизации общественного мнения в трудовом коллективе и есть не что иное, как часть общесоциальной профилактической деятельности.

Сообщение следователя, весь ход собрания должны удовлетворять нравственные чувства членов трудового коллектива, присутствующих на собрании. Они должны убедиться в справедливости действий правоприменительных органов по выявлению и привлечению к ответственности лиц, совершивших преступление. При расследовании ряда уголовных дел выносятся постановления о прекращении уголовного преследования в отношении отдельных должностных лиц, о возможности в отношении некоторых ограничиться дисциплинарным наказанием, рассмотрением совершенного проступка коллективом и т.д. Эти решения следователя должны быть сообщены коллективу с такой аргументацией, которая бы полностью убеждала коллектив, отвечала его чувству социалистического гуманизма.

Однако недостаточно добиться только удовлетворения нравственных чувств граждан. Нужно еще помочь коллективу наметить систему активных действий по ликвидации нанесенного ущерба, помочь наладить профилактику правонарушений в будущем.

Прежде чем принять участие в собрании трудового коллектива, важно определить совокупность целей своего выступления. Надо решить, какую информацию и как именно следует сообщить коллективу, какие вопросы поставить перед присутствующими.

Участие следователя в собрании даст результаты только в том случае, если он тщательно подготовится к этому собранию, заранее продумает свое выступление[2]. Нередко в выступлении перед коллективом дается только информация о сущности предъявленного обвинения, перечисление фактов совершенных должностным лицом преступлений.

---

[1] Мазур В. Новые рубежи – новые задачи и проблемы. – Коммунист, 1981, № 5, с. 81.

[2] В связи с этим в литературе предлагается обсуждать план выступления совместно с прокурором, другими следователями (Яблоков Н.П. О методах следственной профилактической работы по делам о преступлениях в области охраны труда и техники безопасности. – Вестн. Моск. ун-та, сер. XII, 1970, № 6, с. 36; Володин В.Г. К вопросу о профилактической работе следователя при расследовании коммерческого посредничества. – В кн.: Проблемы уголовного процесса и криминалистики. М., 1976, с. 153).

В действительности же во всех случаях надо ставить и вопрос о дефектах контроля в коллективе, о состоянии критики и самокритики, а также о создании системы выявления обстоятельств, которые способствуют совершению преступлений должностными лицами. В каждом выступлении перед коллективом должны содержаться: 1) сообщение о конкретных фактах злоупотреблений, совершенных должностным лицом; 2) сообщение о тех обстоятельствах, которые были известны в коллективе, но по которым не принимались своевременные меры; 3) сообщение о тех формах контроля, которые могли бы предупредить преступную деятельность должностного лица, но не применялись в коллективе.

При осуществлении этого профилактического мероприятия надо не только отмечать недостатки, которые имели место в данном трудовом коллективе, но и показывать пути их ликвидации, раскрывая опыт деятельности других коллективов. Этим следователь будет способствовать распространению всего нового, испытанного на практике для борьбы с преступлениями в трудовых коллективах. Всегда надо помнить указание В.И. Ленина: «Тысячи форм и способов практического учета и контроля за богатыми, жуликами и тунеядцами должны быть выработаны и испытаны на практике самими коммунами, мелкими ячейками в деревне и в городе. Разнообразие здесь есть ручательство жизненности, порука успеха в достижении общей единой цели: *очистки* земли российской от всяких вредных насекомых... Чем разнообразнее, тем лучше, тем богаче будет общий опыт, тем вернее и быстрее будет успех социализма, тем легче практика выработает – ибо только практика может выработать – *наилучшие* приемы и средства борьбы»[1].

Результатами обсуждения во всех случаях должны стать серьезный нравственный урок коллективу и принятие мер к активной ликвидации выявленных дефектов.

Необходимо, чтобы собрание, не ограничиваясь одобрением действий следователя, приняло позитивное решение о проведении в жизнь мероприятий, активизирующих весь коллектив и направляющих его на преодоление наступивших вредных последствий.

Обстоятельная разработка и реализация всех профилактических мероприятий следователем – непременный элемент расследования уголовных дел о преступлениях, совершенных должностными лицами.

---

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 204.

Поисковый метод перебора вариантов при расследовании преступлений

Публикуется по статье: Дулов, А. В. Поисковый метод перебора вариантов при расследовании преступлений / А. В. Дулов // Тенденции и перспективы развития права и укрепления социалистической законности : сб. ст. / Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1990. – Вып. 4. – С. 227–229.

1. При расследовании преступлений нередко возникают ситуации, когда познавательная деятельность следователя не может проводиться по заранее определенной им схеме сбора доказательств, основанной на технологических, управленческих, причинно-следственных и иных связях, существующих между элементами восстанавливаемой модели прошлого преступного события. При отсутствии прямых выходов на отсутствующие элементы преступной структуры возникает необходимость построения поисковой модели расследования. Объектами поиска могут быть: человек, ценности, документы, орудия совершения преступления, свидетели события и т.п.

2. Поисковая модель расследования реализуется через систему методов поиска, среди которых можно перечислить: метод поиска связей; метод выявления зависимостей; метод включения спонтанных источников информации об искомом объекте; математические вычисления повышенной вероятности места нахождения объекта. В общую систему поисковых методов входит и метод перебора вариантов. Он является разновидностью метода проб и ошибок, причем каждый выход на отрицательный результат увеличивает шансы нахождения объекта в последующих частях постепенно убывающего множества. Однако для этого необходимо правильно и полно определить то множество, перебор которого гарантирует нахождение объекта.

Создание максимально полного первоначального множества обеспечивается изучением связей обвиняемого, его передвижений, изучением обстановки места совершения преступления и изучением свойств объекта поиска.

3. Важными факторами, обеспечивающими успешность реализации метода, являются: предварительный сбор всех возможных сведений об искомом объекте и разработка самого процесса поиска на каждом пункте из общего множества. Сбор сведений об объекте включает получение данных о его параметрах, свойствах, отражательных способностях, функциональных особенностях, мелких деталях, дефектах и т.д. Перед перебором вариантов должно быть твердо известно, что именно подлежит выборке из множества. Разработка процесса поиска включает в себя: определение участвующих субъектов, их функций; подбор и подготовку технических средств, приборов, с помощью которых будут устанавливаться признаки и свойства объектов, браться пробы для выявления следов пребывания объекта в определенном месте; определение тактических приемов, которые могут быть на каждом пункте поиска.

4. Применение метода перебора вариантов не исключает, а предполагает обязательное его сочетание с другими методами поиска. Комплексное применение методов поиска существенно повышает результативность деятельности, сокращает сроки ее осуществления, обеспечивает экономию сил на проведение поисков.

5. Метод перебора вариантов реализуется через следующие стадии: а) сбор информации об объекте поиска; б) определение полного множества, из которого должна осуществляться выборка места нахождения искомого объекта поиска; в) определение совокупности поисковых методов, которые могут или должны реализоваться одновременно (или последовательно) с методом перебора вариантов в ходе поиска; г) подготовка всех необходимых для осуществления поиска технических средств и приборов; д) определение тактических приемов, которые могут быть использованы при поиске объекта на каждом конкретном месте общего множества (наблюдение за психическими реакциями присутствующих лиц, выявление заинтересованных лиц, приемы активизации поиска и т.д.); е) определение необходимых участников поиска, их отбор, инструктаж; ж) практическая реализация поиска (применение технических средств, тактических приемов) на каждом определенном месте поиска; з) отражение хода и результатов поиска в процессуальных документах и приложениях к ним.

6. Метод перебора вариантов имеет конкретные особенности при поиске самого объекта, его следов и связей, а также при поиске объекта по следам.

Тщательная разработка всех поисковых методов, в том числе и метода перебора вариантов, существенно активизирует поисковую деятельность, повысит ее результативность.

Принципы построения науки криминалистики

Публикуется по статье: Дулов, А. В. Принципы построения науки криминалистики / А. В. Дулов // Право и демократия : сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1995. – Вып. 7. – С. 121–134.

Под принципами обычно понимают основное исходное положение какой-либо теории, закона, учения, взгляда на действительность, убеждения человека. В роли принципа выступают не всякие законы, а только те, которые организуют эмпирический материал, носят не локальный, а наиболее общий характер. Система принципов является коренной основой любой научной теории. Именно вокруг принципа синтезируются все понятия, суждения, законы науки.

Формулирование принципов предполагает систематизацию и обобщение предшествовавших научных знаний, органически связанных между собой и относящихся к необходимой совокупности явлений.

Однако надо иметь в виду, что, с одной стороны, принципы определяют, формулируют итоги познания, а с другой – исходные положения к осуществлению исследований, организуют предстоящие исследования. Они концентрируют в себе совокупность методологических и теоретических основ, которые надо знать, использовать в предстоящих научных исследованиях.

Решение задач, поставленных перед криминалистикой, возможно только в том случае, если соблюдаются исходные принципы, которые определяют, на какой основе надо проводить исследования, как их

проводить, что при этом надо учитывать. Установление таких принципов позволяет четко определить возможные пути исследования, необходимую для этого теоретическую и методологическую основу, последовательность изучения объектов, взаимосвязей между ними.

Основополагающие принципы развития криминалистики можно разбить на две группы.

Первую группу составляют методологические принципы. В самом общем виде под методологией принято понимать наиболее общее выражение способов решения теоретической или практической задачи. Методология есть активно действующая система основополагающих принципов и методов познания.

В XX в. складывается новый тип методологического знания – общенаучные концепции и направления, которые по своему масштабу выходят далеко за рамки отдельных научных дисциплин. Они выполняют в науке серьезные методологические функции. Таковы, например, методы и понятия кибернетики, методологические принципы системного подхода. Дело в том, что научное познание осваивает все более сложные объекты как природной, так и социальной действительности, а это ведет к возрастанию уровня его абстрактности и уменьшению наглядности. В результате вопрос о средствах исследования, о принципах изучения объекта становится одним из центральных и занимает относительно самостоятельное место в системе познавательной деятельности.

Применительно к конкретной науке совокупность этих методологических принципов (с учетом особенностей целей и объектов исследования) может быть различной, содержать различные уровни.

Методологические принципы необходимы не только в целом для науки криминалистики, но и для всех ее структурных разделов – криминалистической техники, следственной тактики и методики расследования отдельных видов преступлений. Содержание каждого из разделов криминалистики, основываясь на этих общих принципах, создает свою, более конкретизированную систему принципов.

Вторую группу составляют принципы, определяющие особенности проведения исследований в криминалистике, что зависит от конкретных задач, объектов этой науки. Для того, чтобы обеспечить высокий научный уровень всех исследований в криминалистике, необходимо знать и постоянно применять следующие методологические принципы.

I. Принцип обязательного использования всех основных подходов к научным исследованиям. Среди них надо назвать:

1. Системный подход. С общефилософской точки зрения принцип познания каждого предмета есть познание его составных частей и их взаимодействий, а также взаимодействия данного предмета с другими, его роли и места в объективном мире. Такой принцип познания

оптимально обеспечивается системным подходом к исследованию. В самом общем виде системный подход определяется как «направление методологии научного познания и социальной практики, в основе которого лежит рассмотрение объектов как систем: он ориентирует исследователя на раскрытие целостности объекта, на выявление многообразных типов связей в нем и сведением их в единую теоретическую картину»[1].

Системный подход при изучении объекта, события, деятельности требует выявлять все элементы системы, без которых не мог бы наступить подобный результат, не могла бы действовать определенная система. Выявление элементов предполагает и их обязательный функциональный анализ, т.е. выявление всех функций, которые осуществлялись ими в изучаемой системе. Элементы (и их функции) составляют систему только потому, что они соответствующим образом связаны между собой. Отсюда системный подход, в значительной степени, есть процесс выявления, исследования связей (их сущности, видов и т.д.) между элементами системы. Системное исследование выдвигает новые принципы подхода к объекту изучения, новой ориентации всего исследования, что выражается в стремлении построить целостную картину объекта.

Системный подход включает в себя и исследование объекта, явления (системы) в развитии. Системно исследовать – это значит изучать причины, условия, порождающие данное явление, познавать пути дальнейшего развития.

Основной акцент в системном исследовании делается на выявление многообразия связей и отношений, имеющих место как внутри исследуемого объекта, так и в его взаимоотношениях с внешним окружением, средой, другими системами. Общие свойства объекта как целостной системы определяются не только суммированием свойств его отдельных элементов, но и свойствами его структуры.

Системный подход можно рассматривать как общенаучную методологическую стратегию, которую необходимо использовать в качестве основы любого научного исследования, поиска. При этом обеспечивается и сочетание исследования по принципу «сверху – вниз» (замысел, анализ, выделение составляющих) и по принципу «снизу – вверх» (от выделения свойств составляющих к определению свойств системы как целого). Такой подход создает возможность представить многообразие исследуемых в криминалистике объектов в виде взаимосвязанных систем: преступление, его следы, деятельность по расследованию.

Системное исследование объекта, явления необходимо дополнять и другими подходами к исследованию. Ограничение только рамками изучения системообразования может привести к ограничению

---

[1] Большой энциклопедический словарь / Под ред. А.М. Прохорова. М., 1991. Т. 2. С. 355.

возможностей познания объекта, явления. Он всегда должен дополняться диалектическим подходом.

2. При проведении исследований в криминалистике обязательно должен использоваться и диалектический подход, который в основе своей является учением о наиболее общих законах развития природы, общества, человеческого мышления, реализует законы диалектической логики. Диалектический подход концентрирует в себе неразрывное единство теории и методологии, где достигнутый уровень теоретического познания становится составной частью методологии.

Материалистическая диалектика как методологическая основа познания определяет совокупность общих принципов научного мышления, таких как обязательность исследования и формы и содержания, сочетание индукции и дедукции, анализа и синтеза. Принципы диалектики устанавливают такую особенность процесса познания, как движение от явления к его сущности, что особенно важно учитывать в криминалистике.

Принципы диалектики требуют изучать любое явление в его развитии, учитывать системы взаимодействия, в которые вступает данное явление, противоречия, проявляющиеся в развитии, существовании, взаимодействии. Учет этой стороны диалектического подхода особенно важен в криминалистике в связи с тем, что здесь исследованию подлежит преступление, которое является результатом противоречий, осуществляется в их совокупности, порождает новые противоречия.

Требованием диалектического подхода является и следование при познании – мысленное восхождение от абстрактного к конкретному. Важно соблюдать этот подход и при проведении теоретических исследований в криминалистике, и в практической деятельности по расследованию преступлений. Он предполагает необходимость в любой конкретной ситуации использовать знания об общих закономерностях развития изучаемых явлений, установленных криминалистикой.

Диалектика теснейшим образом связана с системным подходом. Она раскрывает понятие закономерного как общего и повторяющегося: а) в элементах системы; б) в отношениях между этими элементами; в) в процессах развития (между этапами, фазами существования данной системы, превращения ее в иную систему).

Системный и диалектический подходы, определяя методологические основы и принципы познания, в то же время (и тем самым) являются непременной стороной его содержания, любого конкретного метода научного познания или практической деятельности.

3. Криминалистические исследования требуют использования и деятельностного подхода, т.е. соблюдения правил изучения деятельности человека. Криминалистика изучает деятельность по совершению

преступления, деятельность по расследованию и в связи с этим должна использовать и правила этого подхода. Правила требуют в каждом отдельном случае исследовать цели деятельности, выделять в ней функции, действия, операции, определять этапы деятельности, возникающие при этом взаимодействия, противоречия. Наконец, изучаются средства осуществления деятельности, особые ее условия, качества, необходимые для ее осуществления. Следование общим правилам, их последовательности обеспечивает полноту и объективность изучения конкретного вида деятельности человека.

4. Деятельностный подход влечет за собой необходимость использования и личностного подхода. Деятельность осуществляется личностями. Особенности личностных качеств могут подчас существенно влиять на содержание деятельности, ее результаты. Это особенно проявляется в преступной деятельности. Такой подход требует исследования психических процессов личности, выявления особенностей всех элементов психологической структуры личности, использования для этого всех необходимых методов психологического исследования (включая психологическую экспертизу).

Использование личностного подхода призвано обеспечить полноту изучения различных участников процесса расследования как при проведении теоретических исследований, так и в практической деятельности. При деятельностном и личностном подходах обязательно реализуются системный и диалектический подход.

Все изложенные подходы в их совокупности и создают важнейший методологический принцип криминалистики.

II. Принцип обязательного использования при проведении криминалистических исследований теории отражения.

В соответствии с этой теорией все объекты живой и неживой природы обладают свойством отражения. Таким же свойством обладают все явления в природе и социальной действительности. Это свойство проявляется в процессе взаимодействия с другими объектами, явлениями и оставляет материальные следы в окружающем мире или в психике человека. Методологическая роль данной теории заключается в том, что установленные его законы берутся за основу при углублении конкретных научных исследований. Теория отражения определяет правила изучения процессов действительности, мышления.

Объектом изучения криминалистики является прошлое преступное событие. К моменту расследования сохраняются только его следы – отражающие элементы, детали этого события. Чтобы правильно и полно по оставшимся следам строить модель прошлого события, необходимо постоянно применять общую теорию отражения.

Одной из особенностей деятельности по расследованию является то, что она начинается уже после завершения действий, носящих характер преступления. Остаются следы от этих действий, которые и являются объектом криминалистического исследования. Добиться результатов при расследовании можно только в том случае, если знать, как образуются отражения, что и как по этим отражениям можно установить, как сохраняются, отражаются эти действия и в сознании людей.

При разработке научных рекомендаций для выявления отражений, их анализа и синтеза надо использовать в качестве методологической основы общую теорию отражения. Необходимо это и для обеспечения самой деятельности по расследованию. Дело в том, что факты окружающей действительности воспринимаются и излагаются следователем в материалах дела. Он же закрепляет в протоколах и все сообщенное ему свидетелями, обвиняемыми, потерпевшими. Эти процессы таят в себе угрозу потери части информации, искажения ее при восприятии свидетелями, затем следователем, наконец, и при закреплении воспринятого в протоколе. Только глубокое знание всех процессов отражения может обеспечить осуществление действий, при которых потеря информации будет минимальной, обеспечивающей полноту восприятия и закрепления в деле фактов, воссоздающих модель прошлого преступного события.

Таким образом, теория отражения в криминалистике необходима как основа для:

а) познания особенностей отражения объектов и субъектов, являющихся элементами системы преступления;

б) построения систем отражения события преступления;

в) познания формы и содержания объектов и субъектов по их отражениям;

г) разработки способов и средств, обеспечивающих полноту объективного отражения в материалах уголовного дела субъективно воспринятых фактов действительности.

Проводить все эти направления исследований можно, только полностью используя все современные достижения общей теории отражения, которая является, таким образом, методологической основой криминалистики, а использование этой теории есть принцип данной науки.

III. Принцип обязательного использования при проведении в криминалистике исследований всей системы общих методов познания.

Общие методы познания находят свое применение во всех отраслях науки. Они призваны обеспечивать исследования и на эмпирическом, и на теоретическом уровне. В связи с многообразием объектов исследования в криминалистике возникает необходимость применять все разнообразие имеющихся методов.

Надо указать на следующие группы методов, которые требуется применять в криминалистике.

1. Общие методы эмпирического познания. К ним относятся методы наблюдения, измерения, описания, сравнения, эксперимента. Все они должны находить применение при проведении криминалистических исследований.

2. Формально-логические методы познания, обеспечивающие процессы мыслительной деятельности человека. Сюда относятся методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, аналогии, выдвижения гипотез, абстрагирования, установления причинно-следственных связей и др. Только овладение всеми этими методами обеспечивает правильную организацию мыслительной деятельности, полноту отражения действительности, ее познание.

3. Математические методы, призванные обеспечивать научную обработку, обобщение полученных эмпирических данных, познание и доказывание законов существования объективного мира, его развития. Уровень науки в значительной мере определяется использованием ею математического аппарата, что обеспечивает абстрагирование, познание скрытых от наблюдения законов существования и развития.

Немецкий философ Г. Клаус отмечал, что «перед множеством общественных дисциплин сейчас стоит непосредственная задача... выработать точные методы наблюдения и на этой основе отыскать закономерности, имеющие математический вид»[1].

Такая задача стоит и перед криминалистикой. За последние годы много сделано для расширения использования математических знаний в криминалистических исследованиях. В криминалистике применение математических методов прежде всего стало использоваться для повышения степени надежности заключений экспертов о криминалистическом тождестве исследуемых объектов, углубления теории криминалистической идентификации, нахождения новых путей практического применения ЭВМ в судебной экспертизе[2].

Сейчас все шире применяются геометрические, алгебраические, кибернетические методы исследования, теория вероятности, анализа корреляционных зависимостей, закон больших чисел, различные методы статистической обработки эмпирического материала.

Все эти методы в совокупности составляют методологическую основу криминалистики, сформулированную в данном принципе.

IV. Принцип постоянного выявления и использования в криминалистических исследованиях достижений всех других наук.

---

[1] Клаус Г. Кибернетика и общество. М., 1967. С. 428–429.

[2] Селиванов Н.А. Математические методы в собирании и исследовании доказательств. М., 1974.

Этот принцип требует соблюдения основных законов развития науки, каковыми являются:

а) закон непрерывности накопления научных знаний. Отсюда вытекает требование преемственности научных исследований, обязательного учета, использования всего уже достигнутого в науке.

Методологическую основу любой науки составляет и достигнутый уровень познания закономерностей изучаемых явлений, подходов к их изучению. В соответствии с этим достигнутый уровень развития теории криминалистики является методологической и теоретической базой для углубления, развития знания, разработки рекомендаций для практической деятельности;

б) закон дифференциации и интеграции научного знания. Взаимосвязанность и взаимозависимость всех явлений объективного мира приводят и к взаимосвязи всех наук, необходимости соблюдать данный методологический принцип во всех научных исследованиях. Развитие любой отрасли науки существенно зависит от полноты использования ею достижений в фундаментальных научных исследованиях закономерностей объективного мира.

Расширение сферы применения методов других наук, использование уже добытых знаний о закономерностях объектов, явлений являются обязательной составляющей любой науки. Для криминалистики же это является важнейшим методологическим принципом. Она создана для того, чтобы синтезировать, постоянно обобщать все научные знания, которые могут быть использованы для исследования явлений, объектов, изучаемых криминалистикой, для раскрытия, предупреждения преступлений. Выполнение синтезирующей функции возможно только при постоянном использовании данного методологического принципа. Именно в связи с изложенным криминалистика постоянно расширяет перечень наук, которые используются для углубления исследований, путем использования, преобразования их новейших открытий, возможностей.

Общий процесс развития закономерно приводит к расширению числа наук, изучаемых, приспосабливаемых в криминалистике в интересах познания преступления, систем его отражения, для усовершенствования деятельности по расследованию преступлений. Все формы взаимосвязи с другими науками используются в криминалистике для установления причинно-следственных связей между явлениями, фактами, имеющими отношение к расследуемому событию, для определения этапов, фаз развития явления, объекта, для изучения особенностей функционирования, отражения объектов, механизмов, приборов.

Данный принцип требует не только использования закономерностей и методов других наук. Необходимо взаимодействовать с ними проведением комплексных исследований одних и тех же объектов, явлений.

В соответствии с этим принципом роль методологической основы по отношению к криминалистике выполняет и вся система права. Она призвана осуществлять ценностно-регулятивную функцию. Знание права обеспечивает формирование новых задач научных исследований, поиск новых путей для их реализации, обеспечивает прогнозирование форм и методов практического использования разработок криминалистической науки. Все рекомендации должны разрабатываться с учетом прав человека, теории ответственности личности, основ правового регулирования жизни общества и государства;

в) закон связи и взаимовлияния науки и практики.

Связь с практикой – методологический принцип любой науки. Но особое значение она имеет для криминалистики, которая создана для обеспечения практической деятельности. Эту роль она сможет выполнять только в том случае, если ее исследования будут определяться потребностями практики, оцениваться, внедряться и восприниматься практикой. В соответствии с этим связи криминалистики с практикой значительно полнее и многообразнее.

Однако отношение теории к практической деятельности не должно быть догматическим. Иногда общую формулу о том, что практика – основа познания и критерий истины, превращают в фетиширование практики. Нельзя забывать, что не всякая практика, не на всяком этапе своего развития, не во всех условиях может быть действительной основой познания. К сожалению, следственная практика была и основой ошибок, да и просто фальсификацией доказательств, ареной применения незаконных методов, предвзятости, тенденциозности, прямой юридической и мировоззренческой безграмотности. Развитие криминалистики предполагает необходимость глубокого и тщательного критического анализа практики.

В методологической основе криминалистики практика выполняет несколько функций.

Прежде всего это проверка научных теорий, выводов. Значение практики как критерия правильности научных выводов широко известно. Проверка эффективности разработанных криминалистической наукой методических, тактических и технических приемов и средств осуществляется путем их непосредственного использования в деятельности по выявлению, расследованию и предупреждению преступлений.

Социальная практика борьбы с преступностью является основой и исходным пунктом познания для криминалистической науки, определяет ее цели, задачи, функции, разрабатываемые ею методы, приемы и средства. Практика является объектом исследования, дающим науке эмпирический материал, без использования которого изучение явлений, процессов (закономерностей), входящих в предмет криминалистики,

было бы невозможно. Практика является основой выявления фактов, необходимых для научного исследования, обобщения, построения теоретических положений. Именно в этой неразрывности и взаимообусловленности криминалистической теории и социальной практики состоит одна из характерных особенностей криминалистики, способной успешно развиваться только в результате обобщения опыта, исследования практики борьбы с преступностью.

Обобщив все сказанное, можно определить, что изучение практики для криминалистики дает возможность: 1) выявить проблемы, задачи, которые возникают при расследовании и требуют глубокого научного исследования для их разрешения; 2) создать эмпирическую базу для научных исследований; 3) обобщить имеющийся передовой опыт и использовать его в структуре научных исследований; 4) проверять в практической деятельности выявленные наукой закономерности и разработанные рекомендации по применению методов, средств, приемов расследования.

Такая значимость практики для развития криминалистики приводит к необходимости существенного расширения путей и методов ее изучения. Это могут быть социологические опросы участников процесса расследования (самых различных функций, с учетом и противоположных по интересам), изучение общественного мнения о деятельности по расследованию, обобщения изучения отдельных категорий уголовных дел, различных видов судебных экспертиз и полноты их использования в суде, обобщения результатов судебного рассмотрения уголовных дел различной категории и т.д.

Методы непосредственного исследования отдельных фактов дополняются их статистическим анализом. Возникает необходимость использовать и методы, позволяющие учитывать, обобщать восприятие изучаемой в криминалистике практики расследования различными субъектами деятельности. В качестве таких методов используются разнообразные методы социологических исследований. Все это расширяет методологическую основу криминалистики, обеспечивает всесторонность, полноту исследования предмета науки.

Особенность целей исследования, специфичность деятельности, для обеспечения которой производятся научные исследования, приводят к необходимости соблюдения ряда принципов проведения исследований. Можно определить следующую систему данной группы принципов:

1. Принципы, обеспечивающие надлежащую полноту исследований. Сюда относятся:

а) принципы обеспечения полноты решения задач, поставленных перед криминалистикой. Эта наука создана и существует для решения

задач борьбы с преступностью. В связи с этим при проведении любых исследований обязательно надо учитывать в системе поставленных целей возможность решения всего комплекса задач криминалистики. Задачи постоянно конкретизируются, углубляются, что и определяет постоянство действия данного принципа науки. Он включает и обязательность реализации всей совокупности функций науки, поскольку именно через них обеспечивается полнота решения задач криминалистики;

б) принцип обеспечения полноты и комплексности изучения закономерностей всех объектов криминалистики. Нельзя концентрировать внимание только на изучении преступления или на изучении отражений от преступных действий. Всегда надо помнить теснейшую взаимосвязь между всеми объектами криминалистического исследования.

Данный принцип конкретизируется в целом ряде других. В частности, надо указать на принцип постоянства изучения изменений в объектах криминалистики. Каждый объект существует в окружающей его действительности, изменяется от внешних условий, приспосабливается к ним. Это касается как преступления, так и деятельности по расследованию преступлений. Изучение факторов, влияющих на изменение в системе преступлений, на содержание деятельности по расследованию, является принципом науки криминалистики. Это влечет за собой и необходимость обновления разработок методов, средств выявления, раскрытия преступления, изобличения лиц, их совершивших. Данный принцип требует и постоянного углубления и расширения исследований отражательных особенностей объектов и субъектов, модернизации и изменения средств выявления, исследования этих отражений.

Возникает необходимость сформулировать и

в) принцип обязательного изучения процессов взаимовлияния различных закономерностей объектов друг на друга. Мало изучить процессы формирования материальной системы преступления, надо еще выяснить, как они влияют на закономерности формирования систем следов, на построение деятельности по расследованию.

Изучение подобных взаимосвязей должно обеспечить возможность установления психических качеств человека, уровня его профессиональных знаний, навыков и т.д. по совершенным им действиям, оставленным следам;

г) принцип обязательного изучения процессов трансформаций. Впервые его сформулировал профессор А.И. Винберг, который писал: «Синтезирующим принципом в криминалистике, по нашему глубокому убеждению, является принцип криминалистической трансформации. Вне понятия и сущности этого принципа криминалистика, возникшая как ответ науки на насущные вопросы следственной, судебной

и экспертной практики, не может развиваться... Решение этой ключевой задачи криминалистики возможно только на базе широкого, активного использования современных достижений естественных, технических и общественных наук, творчески переработанных в специальные познания»[1].

Этот принцип призван обеспечивать преобразование методов других наук в методы криминалистики; исследование процессов трансформации получаемой и воспринимаемой следователем информации в материалы уголовного дела. Особенность расследования заключается в том, что первоосновой формирования материалов уголовного дела, которые должны содержать объективное свидетельство о происшедшем событии, расцениваемом как преступление, является субъективное восприятие. Следователь получает сообщение от свидетелей, воспринимает факты через свои органы чувств, т.е. происходят чисто субъективные процессы. Задача заключается в том, и это призван обеспечить данный принцип, чтобы проводить научные исследования, гарантирующие на базе субъективных восприятий формирование объективной картины прошлого события и отражение этого в материалах дела. Криминалистика не только изучает процессы отражения, но и сама формирует формы этого отражения. Обязательным принципом науки является разработка путей трансформации полученной субъективной информации в объективные факты, закрепленные в материалах уголовного дела.

Данный принцип должен обеспечить разработку таких правил работы со свидетелем, с заключением эксперта, которые бы гарантировали объективность сообщенных фактов. Это же касается и правил работы самого следователя. Вся его деятельность по отражению должна быть предельно объективна.

2. Принцип обязательного учета при проведении научных исследований и разработке рекомендаций особых условий деятельности по расследованию.

Создание теоретической основы познания объективной действительности требует не только надлежащей методологической основы, но и выявления, учета всех объективных условий, особенностей, которые складываются в познавательной деятельности, в данном случае при расследовании преступлений. Процесс познания человеком объективной действительности имеет общие законы, но применительно к конкретным группам объектов, к конкретным целям познания может иметь существенные особенности. Это в значительной степени определяется условиями познания.

---

[1] Винберг А.И. Роль учения Е.Ф. Буринского в формировании отечественной криминалистики. Волгоград, 1981. С. 7.

Данный принцип требует учета специфических психологических условий, которые складываются в деятельности по расследованию. Эти условия приводят к затруднениям свидетелей полнее сообщить, что они видели, слышали, мешают следователю качественно воспринять наблюдаемое. Криминалистические исследования должны учитывать этот фактор, разрабатывать рекомендации по его преодолению.

Среди особых условий надо назвать и возможности противодействия со стороны лиц, совершивших преступления. Это приводит к необходимости специально разрабатывать методы, средства предупреждения противодействия, его ликвидации.

Имеются и условия, призванные повышать объективность познания. На это направлена повышенная формализованность познавательной деятельности, регламентация ее уголовно-процессуальным законодательством. Отсюда обязательным принципом криминалистики является полное соответствие всех рекомендаций существующей процессуальной форме.

3. Принцип системного построения всей совокупности научных исследований. Организовать научные исследования, обеспечить проведение всех необходимых исследований можно только в том случае, если имеется четкая внутренняя система науки, определяющая ее составные части, связи между ними. Системное построение – обязательное свойство науки, которое определяет ее развитие, процессы познания, изучение результатов научных исследований.

Метод криминалистического анализа

Публикуется по статье: Дулов, А. В. Метод криминалистического анализа / А. В. Дулов // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы : сб. науч. тр. / Науч.-исслед. ин-т проблем криминологии, криминалистики и судеб. экспертизы. – Минск, 1996. – Вып. 11. – С. 107–117.

Нельзя познать явление, объект, не осуществляя его анализ. Поэтому метод анализа является обязательным в любой науке. Однако в каждой науке этот метод имеет свои специфические особенности. Содержание метода зависит от объекта исследования, поставленной цели. Именно поэтому существуют метод химического анализа, метод биологического анализа и т.д.

Специфические объекты изучаются в криминалистике, что требует и особого метода их анализа.

Где и для чего необходим криминалистический анализ? Что может решаться с помощью метода криминалистического анализа? Эти вопросы, сфера применения этого метода исключительно обширны.

Данный метод должен обеспечивать изучение всех объектов криминалистики: преступления, систем отражения этого явления, деятельности по расследованию преступлений.

В частности, с помощью данного метода в криминалистике осуществляются:

1) познание совокупности элементов, составляющих структуру преступления, закономерности этого явления;

2) решение вопросов об относимости имеющейся информации к обстоятельствам расследуемого уголовного дела;

3) углубленное системное изучение особенностей каждого элемента (объекта, субъекта), входящего в структуру преступлений: их параметров, качеств, свойств, проявлений;

4) исследование отражений от изучаемых явлений, объектов;

5) исследование причинно-следственных связей между элементами структуры преступления, элементами и их отражениями.

Если обобщить все изложенное, можно сделать вывод, что метод криминалистического анализа призван реализовать системный подход при изучении преступления.

Метод криминалистического анализа обеспечивает и реализацию всех функций науки криминалистики. Так, познавательная функция осуществляется при предварительной систематизации (через анализ) всех необходимых для познания преступления обстоятельств, фактов, имеющей целью в конечном итоге полностью определить все криминалистически значимые параметры преступления, которые необходимо выявлять, исследовать, проверять, сопоставлять. Прогностическая функция реализуется при определении той совокупности фактов, которые на любой стадии расследования еще предстоит устанавливать. Отражательная функция действует в процессе анализа документов, имеющихся в уголовном деле. Применение метода криминалистического анализа позволяет (зная действительные криминалистические возможности каждого следственного действия, тактические требования к нему) определять уровень полноты отражения действительного хода и результатов следственных действий в материалах уголовного дела, полноту сбора доказательственного материала, а также не использованные в ходе расследования возможности.

Системность при изучении преступления, функциональная полнота, свойственные методу криминалистического анализа, приводят к широкому его применению в практической деятельности (при расследовании преступлений для изучения объектов, установления связей между ними).

Метод криминалистического анализа обязательно применяется в судебно-экспертной деятельности. Проведение судебной экспертизы должно сопровождаться не только применением метода анализа соответствующей науки (химии, физики и т.д.), но и применением метода криминалистического анализа, который позволяет вскрывать детали, параметры, свойства, связи, определяемые криминалистическим подходом к исследованию.

Данный метод теснейшим образом переплетается с синтезом получаемой информации, создает основу для систематизации теоретических представлений о преступлении, о системах следов-отражений, о деятельности по расследованию. Он создает теоретическую основу

для системного исследования всех объектов криминалистики, для разработки организации и методики расследования преступлений.

Но в то же время сам анализ не может быть осуществлен без определенных знаний о том общем, что должно подвергаться исследованию. Анализ всегда связан и с синтезом, обобщением. Нельзя анализировать отдельные элементы, не имея представления о структуре, к которой они относятся; отдельный элемент невозможно выделить без представления о том целом, частью которого он является. Отдельное не существует вне связи с общим. Именно поэтому методологическую основу метода криминалистического анализа преступления составляют знания криминологии, уголовного права, теоретических основ криминалистики, которые в совокупности обеспечивают определение основных принципов реализации этого метода, основные направления, пути исследования преступления.

Являясь средством изучения преступления, других объектов криминалистики, данный метод обязательно использует достигнутый наукой уровень познания преступления. Он основывается на тех теоретических познаниях о структуре преступления, которые определены уголовно-правовым анализом преступления, криминалистическим исследованием материальной структуры этого социального явления.

Можно прямо сказать, что сущность метода криминалистического анализа заключается в максимальном использовании знаний криминалистики для анализа и синтеза информации, которую приходится обрабатывать в процессе расследования уголовного дела. Для того, чтобы применение этих знаний формировалось в научный метод, необходимо разработать четкий порядок, последовательность применения средств, операций, что и создаст структуру метода криминалистического анализа.

Преступление – исключительно многообразное явление, где наличествуют субъекты, объекты с различными свойствами, многоплановые связи между ними. Это приводит к необходимости при формировании метода использовать элементы многих методов других наук.

Отсюда особенностью данного метода является его синтетичность – включение в его структуру элементов целого ряда методов других наук. Исследование преступной системы является примером обязательного, тесного взаимодействия естественных и социальных наук в процессе познания. Такое использование совокупности методов различных наук и создает качественно новый метод познания – метод криминалистического анализа преступлений.

Важной особенностью данного метода является и то обстоятельство, что его применение должно предшествовать возможному использованию всех других методов криминалистики. Не изучив преступление (не подвергнув его анализу), нельзя применять все другие методы.

Для исследования сознательно регулируемых функций человека в общей структуре преступления, в механизме его совершения явно недостаточно использовать только те возможности, которые дает общий метод структурного криминалистического анализа. Исследование функций человека в целях определения его виновного отношения к наступившему преступному результату требует сочетания различных методов, объединяемых в едином методе криминалистического субъектно-функционального анализа, который существенно отличается от общего функционального анализа преступления.

Данный метод обеспечивает установление причинной связи между особенностями осуществления действий (функций) человека и его психологическими качествами, особыми профессиональными навыками, умениями.

Для обеспечения подобного результата используется специфическая эмпирическая основа, которая создается изучением процесса осуществления и результата совершения конкретного преступления. Знание механизма совершения преступления (последовательности действий, применяемых средств и т.д.), проведенной подготовки для достижения намеченного преступного результата дает возможность выделить всю совокупность функций, которые должны быть выполнены его участниками для достижения преступных целей.

Данный метод имеет в своей основе общие принципы исследования любого вида профессиональной деятельности человека. Это значит, что изучается вся совокупность функций, которая реализуется в деятельности (при совершении преступления), определяется последовательность в их выполнении, качества, необходимые для выполнения каждой функции (объем необходимых знаний, физические качества, особые навыки, особые инструменты и т.д.), расчленение каждой функции на отдельные составные, что существенно углубляет изучение содержания каждой функции.

Исследование функции предполагает необходимость предварительного установления совокупности знаний, навыков, умений, которые нужны для фактического ее выполнения. Следует также осуществить ее расчленение на отдельные действия, операции, из которых складывается в конечном итоге преступная функция. Это в значительной степени обеспечивается исследованием отражений изучаемых действий, операций человека, сохранившихся и зафиксированных в материалах уголовного дела (свидетельства очевидцев, документы, фиксация оставленных следов, результатов преступных действий).

Анализ функций предполагает предварительное построение их криминалистической классификации. Так, выделяются функции по психическому, физическому воздействию, обеспечения связи между элементами

преступной структуры, сбора информации, применения технических средств и т.д.

Данный метод требует комплексного изучения всех отражений процесса реализации каждой функции, ее результатов. Учитывается и выявление тех изменений, которые закономерно наступают после выполнения данной функции у самого субъекта.

В зависимости от цели исследования структура данного метода включает в качестве составных элементов психологические, социологические методы, методы исследования отдельных действий, операций человека. В соответствии с этим можно выделить конкретные методы: функционально-двигательного, функционально-психологического, функционально-профессионального исследования.

При изучении результатов преступления используются возможности (закономерности, методы, приборы) наук, которые непосредственно изучают такие объекты. Только таким путем можно выявить дефекты, которые образовались в результате преступления на объекте, у субъекта, в деятельности технологической системы, механизма и т.д.

Представляется возможным выделить прямой и обратный генезисный анализ. Так, может производиться исследование от результата события к его причине и от результата события к его последствиям. Различие в направленности исследования временных характеристик приводит к необходимости изменения хронографического анализа, других элементов метода.

Элементы структуры преступления взаимосвязаны между собой. Собственно, именно в силу этого они и составляют структуру. Существуют и внешние связи системы «преступление» с другими системами. Эти внутренние и внешние связи обязательно должны быть изучены криминалистикой. Для этого используется **системно-коммуникационный анализ.** Имея в своей структуре все выше перечисленные направления общего метода криминалистического анализа, он направлен на установление и исследование содержания связей между элементами, системами.

Для обеспечения этой цели используется, в частности, классификация связей, которые подразделяются на: а) причинные, б) временные, в) технологические, г) документальные и т.д.

По содержанию определяют связи закономерные и спонтанные, постоянные и временные, нормативно обеспеченные и т.д. Исследование конкретных связей производится с помощью методов различных специальных наук.

Субъектно-функциональный анализ преступления. Все приведенные выше разновидности метода криминалистического анализа преступления используются для изучения материальных элементов преступления, процесса его развития. Но в ходе расследования необходимо исследовать и саму сознательную преступную деятельность:

формирование умысла, сознательные действия по подготовке к совершению преступления, формирование способа совершения преступления, анализ функций, осуществляемых для достижения преступного результата. Выше указывалось, что структурный криминалистический анализ имеет своей задачей и исследование функций каждого элемента. Однако исследование некоторых функций требует особого подхода. Одной из важнейших особенностей структуры преступления является обязательный элемент – человек. Именно установление сознательных волевых действий, проявление функций человека в наступивших вредных для общества последствиях – основная цель исследования.

Необходим метод, который дает возможность:

- выявлять полную совокупность функций человека, осуществлением которых и может совершиться данный вид преступления;
- изучать действительные возможности совершения отдельной функции конкретным лицом;
- изучать особенности выполнения функции при совершении преступления конкретным лицом;
- устанавливать психологические, профессиональные особенности, навыки, свойства, состояния человека в момент совершения преступления через анализ механизма, результата его действий;
- выделять такую совокупность взаимосвязанных действий человека, которые не могут быть произведены без предварительной сознательной подготовки, которые характеризуют реализацию заранее разработанного способа совершения преступления.

Генезисный анализ требует установления:

- начальных условий развития;
- главных этапов развития;
- важнейших тенденций, линий развития;
- результатов;
- прогнозирования возможных путей развития.

В связи с этим для углубленного исследования преступления выделяются основные этапы его развития: наличие объективных условий, подготовка к совершению преступления, механизм совершения преступления, результат, последствия.

В структуру данного метода включаются основы общего генезисного анализа (изучение последовательности причинно-следственных, пространственно-временных, временных связей), криминалистические (а также криминологические, уголовно-правовые) знания об этапах развития преступлений в целом, их отдельных видов; элементы деятельностного, личностного подходов, различных методов анализа технологических, управленческих процессов.

При изучении отдельных этапов преступления структура метода может еще более усложняться. Так, при изучении механизма преступления широко применяются математические методы, дающие возможность точно измерить временные и пространственные параметры происшедшего преступного события, определить его связи, тенденции и пути взаимодействия. Измерения, построение геометрических фигур, графиков, динамических рядов, проведение экспериментов с хронографическим анализом – обязательные составляющие процесса изучения механизма преступлений.

В процессе исследования используются различные виды анализа.

Структурный анализ позволяет изучать элементы, составляющие материальную структуру преступления (субъекты, объекты, орудия). Определение общей совокупности элементов криминалистической структуры достигается предварительным изучением уголовно-правового и криминалистического характера преступления. Именно эти знания создают основу для определения совокупности объектов, субъектов, которые необходимо наличествуют при совершении преступления (конкретизируясь по видам преступлений). В содержание данного метода наряду с общим структурным анализом включаются и элементы анализа различных объектов и субъектов. Это определяется множественностью объектов, изучаемых в криминалистике как элементы структуры преступления. При исследовании, например, трупа (наряду со структурным анализом) надо применять и специальные медицинские методы; при исследовании автомашины (опять же, кроме структурного метода) надо применять методы, используемые в автотехнике, и т.д.

Анализ, изучение каждого отдельного объекта связаны и с одновременным построением структурных связей объекта с другими, составляющими в совокупности систему элементов, входящих в прошлое событие-преступление.

Необходимо и углубленное изучение каждой группы объектов, которые постоянно являются элементами преступления (орудиями совершения преступления, объектами посягательства). Для такого углубленного исследования данный метод требует существенных дополнений: использования методов, технических средств, с помощью которых изучаются данные объекты в соответствующих науках (физике, химии, биологии и т.д.).

Такое углубленное изучение различных объектов – элементов структуры преступления – обеспечивается конкретизированием методов криминалистического анализа в разделе криминалистической техники (исследование оружия, документов, орудий взлома и т.д.). Основы общего метода криминалистического анализа определяют порядок

и содержание изучения параметров свойств, особенностей каждого изучаемого объекта.

Структурный анализ включает и исследование функциональных возможностей, особенностей каждого элемента, входящего в структуру преступления. А это, в свою очередь, предполагает изучение их действий. Свойства, функции, сущность полнее всего проявляются в действии, что и определяет такое расширение структуры метода криминалистического анализа.

Анализ элементов структуры включает в себя и направление, присущее только криминалистическому методу, – изучение их отражательных возможностей, свойств. Наличие такой задачи требует расширения структуры метода, содержания реализуемых при его осуществлении действий. Изучаются особенности условий, механизмов, способов отражения каждой группы объектов, проявляющих себя в качестве элементов структуры преступления.

Преступления необходимо анализировать и как процесс развития. В связи с этим метод криминалистического анализа преступления включает генезисный анализ, что дает возможность изучать преступление в динамике, в развитии, углубленно исследовать его этапы, связи между ними. Основой этого метода является принцип историзма, который необходимо соблюдать при изучении любого явления, события.

В то же время данный метод требует и обязательного предварительного определения социально полезного, необходимого, принятого в обществе порядка осуществления действий, технологии, документооборота и т.д. Только установив общепринятую норму, можно анализировать в структуре преступления дефекты, нарушения, их составляющие, совокупности причин, механизм формирования и развития этого дефекта.

Выше указывалось, что метод криминалистического анализа есть средство реализации в криминалистике системного подхода в исследовании. В соответствии с этим при построении общей структуры метода надо иметь в виду, что системный подход, в свою очередь, включает системно-структурный, системно-функциональный, системно-исторический (генезисный), системно-коммуникационный, системно-прогностический подходы.

Это определяет и содержание метода криминалистического анализа: его элементов, последовательность их применения. Важной особенностью данного метода является необходимость использования всех перечисленных составляющих системного в четко определенной последовательности.

Имеются различия в применении метода в зависимости от изучаемого объекта криминалистики (преступления, процессов его отражения, деятельности по расследованию). Каждая разновидность метода имеет

особенности в методологической основе, в структуре построения, в путях его реализации.

1. Метод криминалистического анализа преступления. Преступление имеет множество проявлений, взаимосвязей, специфические этапы своего развития. Метод криминалистического анализа должен обеспечивать исследование всех сторон преступления, всех его связей и проявлений, изучение преступления как специфического системного образования.

2. Метод криминалистического анализа процессов отражения. В криминалистике исследуются самые разнообразные отражения: материальных объектов, психические, отражения социальных процессов. В связи с этим возникает необходимость конкретизации метода их криминалистического анализа. При исследовании следов материального взаимодействия обязательно используют технические средства других наук, повышающие возможность восприятия малейших деталей в образовавшихся следах, обеспечивающие их измерения.

Криминалистическое содержание в этом методе определяется не только целями исследования, но и изучаемыми криминалистикой признаками, деталями в следах, установленным порядком их выявления, исследования.

Метод криминалистического анализа материальных отражений обеспечивает:

- порядок изучения отражения;
- систему поиска других отражений;
- установление связи между различными отражениями;
- выдвижение гипотез об объекте, оставившем след, прогнозирование его параметров, особенностей, свойств.

При исследовании отражений используются все разновидности общего метода криминалистического анализа: структурно-функциональный, генезисный, системно-коммуникационный.

Материальные отражения подразделяются на статические, динамические, технологические. В зависимости от вида отражения конкретизируется метод их криминалистического анализа, совокупность изучаемых факторов. Так, различия технологических процессов, в результате которых появляются следы на продуктах деятельности, приводят к появлению специфических следов, свойств, приобретаемых именно в данном процессе (специфические следы на пуле от действия оружия, специфические следы на изделии при обработке на данном станке и т.д.).

Исследование результатов психических отражений (сообщений очевидцев о событии) требует широкого использования психологических, физиологических методов, особого инструментария, разработанного в этих науках для повышения объективности хода и результатов

изучения отражений. Анализ здесь имеет целью установление особенностей психических свойств и качеств воспринимающего информацию (процессов восприятия, памяти, воспроизведения), изучение условий приема информации, наличие интереса, профессиональный навык и т.д.

При проведении криминалистических исследований возникает необходимость изучать и многообразные процессы социального отражения.

Как уже указывалось, социальные процессы отражаются разнообразными техническими средствами (фотография, киносъемка, видео- и звукозапись и т.д.), системами документов, результатами технологических процессов, изучением общественного мнения. В практической деятельности по расследованию может возникнуть необходимость анализа каждой из перечисленных форм социального отражения. Здесь особенность метода криминалистического анализа заключается в том, что с его помощью осуществляется исследование объектов, отражающих прошедшие социальные процессы, и субъективное отношение к ним лиц, обеспечивавших, участвовавших в формировании процессов социального отражения (в составлении документов, в использовании технических средств, фиксировавших отражение социальных процессов). Такая усложненность цели метода требует изменения его структуры: включения элементов методов технических наук, психологии. При изучении каждой группы явлений социального отражения возникают свои специфические цели, а в соответствии с этим и особенности в структуре метода. Так, анализ отражений, полученных при помощи технических средств, предполагает использование методов анализа, разработанных в соответствующих технических науках.

Существенные особенности имеются в методах криминалистического анализа таких продуктов социального отражения, как документы. В криминалистических целях используются все разработанные в различных науках методы анализа документов: контент-анализ, лингвистический, логико-системный, временной анализ и т.д. Элементы перечисленных методов включаются в общую структуру криминалистического анализа документов, который определяет стадии исследования, их последовательность, дополняется чисто криминалистическими исследованиями элементов документа (почерка, машинописного текста, бумаги и т.д.). Для различных групп документов данный метод может существенно изменять свою структуру. Так, при изучении документов личной переписки используются закономерности, установленные в криминалистическом почерковедении, в юридической психологии, в психолингвистике. При изучении экономических, бухгалтерских документов используются знания этих наук и т.д.

В качестве разновидности данной группы методов следует указать на метод криминалистического анализа материалов уголовного дела.

Последние являются результатом отражения в документах деятельности следователя и других участников, формируются в процессе приобщения к делу документов, фотокопий, описаний объектов, действий и т.д.

Как специфический продукт социального отражения изучается общественное мнение. Анализ этих явлений обеспечивается включением методов социологии. При использовании их в криминалистических целях эти методы обязательно дополняются, уточняются факторами криминалистического характера (отношением к преступлению, уровнем взаимодействия, участия в процессах расследования и т.д.).

3. Метод криминалистического анализа деятельности по расследованию преступлений. Он основан на общих принципах изучения любой деятельности человека, что предполагает выяснение и самостоятельное исследование целей, функций, средств, результатов, условий деятельности.

С учетом этого в криминалистике раздельно анализируют деятельность по раскрытию преступления, изобличению лиц, совершивших преступления, профилактике преступлений. Для углубления анализа перечисленные направления деятельности подразделяются на составные элементы. Так, деятельность по раскрытию преступления включает: сбор информации, поисковую деятельность, ликвидацию противодействия и т.д.

Анализу подвергаются функции следователя, все осуществляемые следственные действия.

Тщательная и деятельная разработка методов осуществления криминалистического анализа необходима еще и по той причине, что вся их совокупность может быть использована не только для целей теоретического исследования. Все перечисленные методы должны широко применяться и в практической деятельности по выявлению и расследованию преступлений.

Метод криминалистического анализа является основой для разработки целой системы методов, используемых в практической деятельности по расследованию.

Актуальные проблемы развития криминалистической науки

Публикуется по статье: Дулов, А. В. Актуальные проблемы развития криминалистической науки / А. В. Дулов, Г. А. Шумак // Проблемы криминалистического обеспечения борьбы с преступностью : сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т ; науч. ред. Г. А. Шумак. – Минск, 1998. – С. 3–9.

В настоящее время государство и общество нуждаются в существенной активизации деятельности правоохранительных органов. Это обусловлено всей совокупностью экономических, социальных, политических условий и резким увеличением преступности, что связано с этими изменившимися условиями.

Развитие и совершенствование деятельности правоохранительных органов, в свою очередь, зависят от многих факторов объективного и субъективного характера. Это техническая вооруженность, системы управления и взаимодействия, качественный состав сотрудников и многое другое. Существенное значение имеет и состояние науки криминалистики, которая призвана обеспечивать практическую деятельность научными разработками, основанными на глубоком познании процессов подготовки, осуществления, сокрытия преступлений. Особенно важна роль криминалистики в связи с развитием и активизацией организованной преступности, что ставит перед правоохранительными органами новые сложные задачи.

Изложенное требует тщательного изучения современного состояния криминалистики с целью определения путей ее дальнейшего развития в интересах общества и построения правового социального государства.

Изучению должна быть подвергнута каждая составная часть криминалистики, что углубит возможности анализа и обеспечит полноту установления направлений дальнейшего развития криминалистической науки.

В последние годы существенно активизировались исследования общей теории криминалистики, без чего невозможно и развитие всех ее составных частей.

В общей теории криминалистики сформировался системный подход к изучению преступления. Определены пути и методы исследования структуры преступления, этапов его развития, связей, механизмов. Это создает теоретическую основу для совершенствования криминалистической техники, развития конкретных криминалистических экспертиз. Однако в общей теории осталась нерешенной проблема криминалистического исследования самой деятельности по расследованию. Изучение процессов расследования в уголовном процессе, юридической психологии и ряде других наук не снимает необходимости основательного изучения деятельности по расследованию преступлений и в науке криминалистике. Именно здесь в концентрированном виде должны быть использованы исследования материальной, психологической, процессуальной структуры деятельности по расследованию преступлений. Комплексный криминалистический подход обеспечивает, направляет, конкретизирует изучение содержания этой деятельности, имеющей специфические цели, функции, взаимосвязи и т.д.

Разработка криминалистической теории деятельности по расследованию является настоятельной необходимостью, что во многом способно определить дальнейшее развитие криминалистической тактики, методики расследования преступлений.

Все в большей степени ощущается и необходимость формирования в системе криминалистики нового раздела – «криминалистическая стратегия».

Разработка теории криминалистической стратегии определяется всем ходом развития криминалистической науки. Нетрудно заметить, что в процессе развития науки постоянно появляются направления, которые первоначально не находят своего места в существующей системе этой науки и по этой причине не входят в учебники, не используются достаточно полно практическими работниками. В доказательство этому можно привести несколько примеров. Так, разрабатываются проблемы взаимодействия следователя с оперативными органами, с общественностью, но эти темы не имеют четкого места в общей системе криминалистической науки. Иногда их включают во введение в криминалистику, иногда в тактику, а чаще всего вообще игнорируют. Существенные

разработки имеются по организации работы следователя, что опять же не находит места в учебниках.

Но основным доводом в необходимости формирования раздела «стратегия» является отставание криминалистики в развитии множества исследований, крайне необходимых для практической деятельности по расследованию преступлений. Особенно негативно это отставание сказывается при расследовании организованной преступности. Следует разрабатывать общую теорию расследования преступлений, принципы следственной деятельности, модели расследования. Особенно важно разрабатывать общие методы расследования. Это специфическая деятельность, и она нуждается в особых, приспособленных только для этой деятельности методах. Здесь нельзя ограничиться, как это пытаются делать во многих работах по криминалистике, только общими методами познания. Нужны методы поиска зависимостей, связей, исследуя которые следователи имели бы возможность устанавливать обстоятельства события преступления, причастных к ним лиц. Нужны методы предупреждения и ликвидации противодействия расследованию, сохранения информации, обеспечения безопасности свидетелей и потерпевших и др.

В рамках раздела «стратегия» найдет свое развитие и криминалистическая профилактика. Значение профилактической деятельности постоянно возрастает. Это должно стать самостоятельной структурной частью криминалистики, что существенно повысит социальную значимость данной науки.

В этом разделе должны изучаться также проблемы организации расследования на всех уровнях, процессы накопления информации, необходимой для расследования уголовных дел, содержание процессов взаимодействия следователя со всеми государственными органами и многое другое.

Формирование такого раздела в криминалистике соответствует общей закономерности развития социальных наук, изучающих процессы, связанные с борьбой, преодолением противоречий. Самостоятельное существование такого раздела аккумулирует многие уже осуществленные исследования и явится стимулом развития других актуальных направлений научных исследований, необходимых в борьбе с преступностью.

В области криминалистической техники усилия ученых-криминалистов должны быть направлены на преодоление объективных и субъективных препятствий эффективному использованию технических средств в борьбе с преступностью. Необходимы разработка и внедрение новых приборов и инструментов криминалистического назначения (поисковых, фиксирующих, исследовательских).

Следственная и судебная практика все в большей степени нуждается в усилении синтезирующей функции судебной экспертизы. Современные экспертные методики отражают комплексные достижения в развитии криминалистической техники, в использовании ею новейших достижений других отраслей науки. Необходимо, чтобы криминалистические экспертизы давали следователю не только информацию о свойствах объекта исследования, об идентификации следа и объекта, но и дополнительные сведения о лице, оставившем след, орудиях и механизме преступления. Многие новые методические разработки в области судебных экспертиз позволяют устанавливать действия преступника в механизме происшествия, его физиологические, анатомические, профессиональные и даже психологические особенности, что оказывает существенную помощь следствию в розыске преступника, в его изобличении. Это направление надо всемерно развивать. В свою очередь, это требует создания научных коллективов криминалистов, психологов, математиков и т.п.

Для успешного развития криминалистической техники не менее важно в настоящее время решение ряда вопросов организационного характера: о налаживании производства уже разработанных технических средств; об организации взаимодействия и взаимопомощи в использовании криминалистической техники различных правоохранительных органов, в том числе судебно-экспертных учреждений; о привлечении для решения криминалистических задач технической базы предприятий, учреждений, организаций. В числе субъективных факторов, отрицательно сказывающихся на эффективности использования технико-криминалистических средств, – нигилистическое отношение к криминалистической технике, сложившееся у многих следователей в последние годы. Собственное неумение пользоваться техническими средствами, в том числе ЭВМ, неумение привлечь и организовать работу специалистов следователи нередко прикрывают рассуждениями о технической отсталости правоохранительных органов, неэффективности применения технических средств при проведении следственных действий, процессуальными проблемами в использовании результатов применения криминалистической техники для доказывания.

Нуждается в дальнейшей научной разработке и криминалистическая тактика. Необходимо уточнить само понятие и содержание криминалистической тактики в связи с формированием раздела криминалистической стратегии. Вся тактика должна четко строиться на результатах научных исследований в общей теории криминалистики, криминалистической стратегии, криминалистической технике. Это будет способствовать полноте исследования проблем тактики.

В совокупности проблем криминалистической тактики на первое место выдвигаются задачи разработки тактических средств организации расследования в условиях усиливающегося противодействия со стороны мафиозных и коррумпированных структур. Необходимо научное обоснование рекомендаций законодателю по совершенствованию процессуальных норм с целью обеспечения оптимального сочетания защиты прав лиц, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства, и неотвратимости ответственности за совершенное преступление. Очевидно, что оказываемое в настоящее время организованное, согласованное противодействие процессу выявления и расследования преступлений требует и новых процессуальных гарантий правоохранительной деятельности, новых средств получения полноценных доказательств. Попытки совершенствования тактики расследования без создания благоприятных процессуальных условий борьбы с преступностью приводят к выработке рекомендаций, заведомо не реализуемых в условиях материально-технической и правовой незащищенности органов, ведущих борьбу с преступностью, к злоупотреблению процессуальными гарантиями и свободами преступных элементов.

Возникает необходимость существенно расширить теоретическую и методологическую основу для разработки рекомендаций в тактике расследования. С этой целью следует глубже использовать при проведении исследований имеющиеся научные достижения в области психологии, теории управления, теории игр, прогностики, социологии. Только такой путь даст возможность разработать подлинно научные методы осуществления различных следственных действий, воздействия на лиц, дающих ложные показания, обеспечит правильные рекомендации по принятию тактических решений.

Требуется обратить внимание и на необходимость разработки проблем моделирования расследования, отдельных следственных действий. В работах по криминалистике часто ограничиваются изложением вопросов планирования расследования, хода отдельного следственного действия. Но качественное планирование можно произвести только в том случае, если предварительно моделировалась та деятельность, которую предстоит провести. Чем тщательнее проведено моделирование (с учетом различных вариантов), тем полнее будет осуществлено планирование. В связи с этим и следует направить усилия в научных разработках процессов формирования первичных информационных моделей, определения принципов их разработки и дополнения по ходу расследования.

Наиболее сложные и ответственные задачи возникают в области методики расследования отдельных видов преступлений. Являясь концентрированным выражением эффективности криминалистической науки, методика предполагает тесную увязку научных исследований

с постоянно меняющимися условиями деятельности по выявлению, расследованию и предупреждению отдельных видов преступлений. Основные направления развития криминалистической методики: криминалистическое обеспечение новых составов преступлений, включенных в Уголовный кодекс Республики Беларусь; совершенствование традиционных криминалистических методик на основе учета реальных социально-экономических условий переходного периода; разработка криминалистических средств предупреждения преступлений и преодоления противодействия правоохранительной деятельности со стороны организованных преступников.

Существенное развитие должна получить теоретическая часть криминалистической методики. До сих пор не изжито представление о методике как использовании криминалистической техники и тактики для расследования конкретных видов преступлений. Это далеко не так. Она имеет свою теоретическую часть, которая призвана изучать закономерности формирования, существования, проявления каждого отдельного вида преступлений. Невозможно разработать научно обоснованную методику расследования, не изучив перед этим закономерности данного вида преступлений. Многие недостатки существующих методик расследования вызваны именно этим обстоятельством. Рекомендации разрабатывались без достаточно прочной основы исследования самого преступления. Это относится к изучению особенностей криминалистической структуры конкретного вида преступлений и к системе следов, характерных для данного вида преступлений.

В методиках расследования необходимо изучать и те особенности системы знаний, которые нужны для расследования данной категории уголовных дел. Так, следует целенаправленно изучать нормативную основу и систему документооборота в методике расследования уголовных дел, связанных с банковскими операциями и другими преступлениями в области финансов и кредита. Вся система необходимых следователю знаний должна содержаться в методике расследования данного вида преступлений.

Наконец, методика должна разработать и самостоятельные методы расследования. Как указывалось, существуют и должны развиваться общие методы расследования. Но по каждой категории уголовных дел, с учетом особенностей структуры преступления, совокупности оставляемых следов, системы, в которой произошло преступление, возникает необходимость разработки и специальных методов расследования. Так, расследование налоговых преступлений требует своих методов, борьба с наркобизнесом – своих и т.д.

Разработка самостоятельных методов расследования приведет и к необходимости формирования специфических моделей расследования, присущих именно данной категории уголовных дел.

Рассматривая проблемы методики расследования, нельзя не указать и на настоятельную необходимость разработки целого ряда новых криминалистических методик. Современные условия хозяйствования породили такие преступления, как финансовые мошенничества, сокрытие налогов, финансовые банкротства и ряд других. Требуется разрабатывать и методики расследования различных видов деятельности организованной преступности. Это требует разработки новых видов криминалистической техники, изменения процессов взаимодействия оперативных и следственных органов, внесения изменений в процессы организации расследования.

Основы формирования криминалистической теории доказывания

Публикуется по книге: Дулов, А. В. Основы формирования криминалистической теории доказывания / А. В. Дулов, А. С. Рубис. – Минск : Харвест, 2005. – 263 с. (введ.; гл. 1, 1.1, 1.4; гл. 2; гл. 3, 3.3; закл.).

Введение

Доказывание в юридической практике есть «искусство собирать факты, их констатировать, приводить в порядок, в котором они взаимно выясняются, и приводить в известность их связь и последствия», отмечает в своей знаменитой работе «О судебных доказательствах» английский философ, юрист И. Бентам[1]. Оно является основой науки по собиранию, исследованию, проверке и оценке доказательств при реализации основной и неизменной задачи уголовного судопроизводства – установления преступления и определения наказания за его совершение. Проблема доказывания имеет непреходящее значение и со временем приобретает все большую остроту.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что постоянно увеличивается количество тяжких преступлений, появляются их новые виды, совершенствуется техническая оснащенность и профессионализм преступников, в связи с чем растет латентная преступность. С другой

[1] Бентам И. О судебных доказательствах. Киев, 1876. С. 9.

стороны, социально-экономические изменения в жизни общества, бурное развитие науки и техники неизбежно обусловливают увеличение круга источников доказательственной информации, существенно расширяют и в то же время усложняют осуществление процессов доказывания.

Деятельность по выявлению, предварительному расследованию преступлений, по осуществлению судом правосудия является постоянно развивающимся процессом доказывания. Доказывание происходит при проведении каждого проверочного, оперативного и следственного действия, принятии каждого процессуального решения как при выявлении и расследовании преступлений, так и при рассмотрении уголовного дела в суде. Это и определяет необходимость постоянного внимания и научного исследования проблемы доказывания.

В последнее время существенно активизировались исследования в области криминалистики. Разработаны новые пути использования системного и деятельностного подходов, активно ведется разработка методов практической деятельности при проведении расследования, разрабатываются более совершенные технологии и тактические средства выявления и расследования преступлений. Все это не только позволяет, но и обязывает искать новые пути и средства осуществления доказывания.

Доказывание – творческий процесс, но, чтобы он правильно, производительно развивался, следует постоянно искать пути для повышения уровня его организации и активизации, улучшения методов и средств осуществления. Надо углублять и совершенствовать процесс познания истины по каждому уголовному делу. Нет истины – нет правосудия. А без правосудия нет правового государства – реализации постоянной мечты человечества, направленной на формирование и эффективную деятельность свободного, справедливого, нравственно развивающегося общества.

Для совершенствования творческого процесса доказывания при выявлении, расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел совершенно недостаточно только знания закона. Уголовно-процессуальное законодательство устанавливает, что по каждому делу должно быть осуществлено доказывание, что оно должно проводиться уже во время сбора доказательств, что каждое доказательство должно быть проверено и оценено. Но закон не может устанавливать, **как** организовывать процесс сбора доказательств, **какие** методы надо использовать для их проверки, **какие** процессы надо осуществить для оценки каждого доказательства и их совокупности. Это уже задача науки, изучающей процессы доказывания при выявлении преступлений, их расследовании и рассмотрении судом уголовных дел. Такой наукой и является криминалистика.

При организации исследования процессов доказывания в криминалистике надо учитывать весь путь их формирования и развития, обязательность изучения проблем доказывания через использование доказательств. Если ретроспективно посмотреть на историю исследования понятий доказательств и доказывания в научной литературе, то последовательность изучения указанного вопроса можно представить по следующей восходящей:

- построение системы **формальных доказательств** как процессуального института (с появлением гласного суда система формальных доказательств в значительной степени теряет свое значение);
- возникновение и развитие процессуальной **теории доказательств** (проведена большая работа по определению понятия доказательств, установлению различия между источниками доказательств и доказательственными фактами и т.д.; при этом исследование доказательств уже привело к изучению проблемы **доказывания**).

Доказывание есть обязательный элемент деятельности по осуществлению правосудия. Значит, оно должно изучаться прежде всего как специфическая деятельность, которая имеет особую научную основу.

Прежде чем начинать анализ **теории доказывания,** научных источников по доказыванию преступлений, а также законодательства, регулирующего этот процесс, необходимо определить методологический подход к изучению указанной проблемы, «угол зрения» на ее изучение, объем и глубину исследования процесса доказывания.

Разработка методических основ оказалась процессом длительным и сложным. Доказательства и доказывание изучались в основном в рамках науки уголовного процесса. Представляется, что именно такой путь обеспечивает действенность познания процессов доказывания, однако изучение данного вопроса с позиций только одной науки недостаточно и неэффективно. Нормы материального права в этой связи либо не изучались и не «привязывались» к проблеме совсем, либо рассматривались только через призму уголовно-процессуального законодательства. Нельзя сказать, что данный подход в корне не верен, так как именно уголовный процесс является основной формой познания при осуществлении правосудия. Но, с нашей точки зрения, представляется очевидным, что изучение процесса доказывания необходимо вести одновременно с позиций и материального, и процессуального права.

Первоначально следует остановиться на соотношении «материального» и «процессуального» в праве. Применительно к процессу доказывания нормы материального права представляют собой, по сути, предмет доказывания, и поэтому определение соотношения предмета

доказывания и процесса его реализации является важным элементом в понимании соотношения формы и содержания исследуемого процесса, так же как и в познании его в единстве. Отождествляя «процессуальную форму» с понятием «юридический процесс» (как явлением собирательным), следует учитывать, что «юридический процесс – синтетическое научное понятие, означающее превращение юридических идеальных моделей, закрепленных... в законодательстве, в реальную систему правоотношений»[1]. В связи с этим механически разделить нормы правовой системы (которой, несомненно, является система доказывания преступлений. – *Авт.)* на материальные и процессуальные (с отнесением каждой конкретной нормы только к одной из групп) невозможно[2]. «Процессуальность – это такая регулятивная функция юридических норм, которую они приобретают только по отношению к определенным („материальным“) нормам права, только сотрудничая „с последними“ в процессе регулирования поведения... „Материальность“ и „процессуальность“ юридических норм – это условные термины, которые отражают определенные функциональные свойства норм, обусловленные их ролью в правовом регулировании»[3]. «Материальность» и «процессуальность» – функциональные характеристики правовых отношений[4] при доказывании фактов преступной деятельности и виновности лиц, их совершивших.

Сложную систему урегулированных правом общественных отношений, юридических фактов или их элементов можно выразить путем построения научной юридической конструкции – идеальной модели, отражающей эту систему отношений[5]. Доказывание – это также создание идеальной модели подобного рода отношений, сложная юридическая конструкция. По сути, *это деятельность по установлению соответствия и тождества между данной (наличной, построенной) криминалистической моделью системы «преступление» (то есть выявленными следами-отражениями преступной деятельности и преступного поведения в соответствующих средах) и его уголовно-правовой (материальной) матрицей посредством реализации уголовно-процессуальных норм и правил.* Поэтому отграничение материального от процессуального

---

1 Осипов А.В. Реализация права и толкование его норм // Курс лекций по теории государства и права: Пособие: В 2 ч. Ч. 2. М., 1994. С. 89.

2 Баландин В.Н. Проблема соотношения «материального» и «процессуального» в праве и ее значение для определения понятия «юридический процесс» // Журн. рос. права. 2002. № 6. С. 101.

3 Рабинович П.М. Упрочнение законности – закономерность социализма. Львов, 1975. С. 274.

4 Вопленко Н.Н. Социалистическая законность и применение права. Саратов, 1983. С. 98.

5 Черданцев А.Ф. Юридические конструкции и их роль в науке и практике // Правоведение. 1972. № 3. С. 12.

не позволяет правильно определить предмет исследования процесса доказывания.

Вместе с тем признание необходимости изучения проблемы доказывания с позиций только комплекса материального и процессуального права оказывается недостаточным. Следует разрабатывать методическую основу реализации процессов доказывания на практике, чего невозможно сделать без исследования его содержания.

В первую очередь необходимо доказывать факт совершения преступления, которое может (и должно) рассматриваться как система. В этом случае изучение данного явления будет осуществляться по тем же принципам, основаниям, путям, что и любое системное образование, с использованием научных достижений. И первое, что необходимо сделать, – привлечь для этой цели все новейшие достижения криминалистики.

Преступление как системное образование наиболее полно изучается в криминалистике. Поэтому при формировании методических основ исследования проблемы доказывания обязательным является использование этой науки.

Уже отмечалось, что доказывание – это деятельность. Опять же деятельностный подход полнее всего используется в криминалистике.

Эта наука изучает и процессы отражения преступления, что предполагает обязательное их рассмотрение при исследовании процессов доказывания.

Изложенное приводит к бесспорному выводу, что без всестороннего использования науки криминалистики изучать проблемы доказывания нельзя. Но и криминалистика не может развиваться без привлечения положений общей теории доказывания, без модернизации ее для своих целей. На всех этапах борьбы с преступностью обязательно осуществляются процессы доказывания. Содержание этой деятельности постоянно расширяется.

В настоящее время в материалах уголовного дела в качестве доказательств все чаще используются результаты отражения (технического документирования) тех или иных элементов совершенных преступлений – соответствующие материалы оперативно-розыскных мероприятий, заключения экспертов и т.д., то есть тех видов деятельности, которые призваны исследовать материальное содержание преступления, его отражение в окружающем мире. Доказывание преступления состоит, в частности, в выявлении и исследовании материального содержания и следов-отражений, оставшихся после совершения преступления и характеризующих его как явление, событие прошлого. На основе этого могут строиться предположения о сущности и динамике преступной деятельности. Мотивы преступления, его этапы, способы, прогнозируемые результаты, деятельность по противодействию расследованию могут

быть познаны только через установление и изучение совокупности исследуемых материальных объектов, их элементов, связей, системы взаимодействия, следов-отражений, то есть через доказывание. *Доказательства появляются только в процессе доказывания.* Значит, необходимо разработать и постоянно использовать теорию именно криминалистического доказывания.

Несмотря на то, что в юридической литературе достаточно подробно освещены общие гносеологические и методологические аспекты соотношения криминалистики (отождествляемой практически всегда с процессом предварительного расследования) и доказывания[1], ощущается явно недостаточная разработанность общих положений теории доказывания в криминалистической деятельности субъектов доказывания и наоборот.

Таким образом, конкретизация общетеоретических вопросов доказывания на всех этапах борьбы с преступностью, определение и разработка принципов и методов криминалистического анализа преступлений под углом зрения практических нужд субъектов доказывания, бесспорно, является острейшей и настоятельной необходимостью сегодняшнего дня.

Криминалисты, верно определяя суть содержания деятельности по доказыванию преступлений как симбиоза практической реализации положений гносеологии, системного подхода, теории отражения, фактически сводили ее к методологии эффективного проведения отдельных следственных и иных действий, к применению метода криминалистического моделирования.

Стройной криминалистической теории, позволяющей синтезировать все действенные предложения по активизации содержания процесса доказывания, пока, по нашему мнению, сформулировано не было. Не исследованы в полном объеме и само криминалистическое содержание доказывания, и его структура, четко не определены критерии, методика и принципы построения криминалистической модели отражения преступления как системного образования и, соответственно, установления факта его совершения. Не выработаны эффективные критерии построения криминалистической модели доказывания как самого факта преступления, так и преступного поведения подозреваемого и обвиняемого на всех этапах борьбы с преступностью, а также критерии идентификации указанных моделей с уголовно-правовой моделью преступления.

---

[1] Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика и доказывание. М., 1969; Ларин А.М. Работа следователя с доказательствами. М., 1966; Лузгин И.М. Расследование как процесс познания. М., 1969; Белкин А.Р. Теория доказывания. М., 2000.

В связи с изложенным можно констатировать, что потребность в разработке проблем криминалистики применительно к доказательственной деятельности исключительно велика. Несмотря на имеющиеся достижения в этой области, явно недостаточно исследовано содержание процессов доказывания на досудебных стадиях, и в первую очередь доказывание, осуществляемое в деятельности субъектов выявления преступлений и, в частности, в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Процесс осуществления данной деятельности имеет множество особенностей, так как она специфически сочетается с реализацией других функций субъектов доказывания как при выявлении преступлений, так и при производстве процессов предварительного расследования.

Анализ практики свидетельствует, что в работе по собиранию, исследованию, проверке и оценке доказательств имеют место существенные недостатки:

- указанная деятельность не всегда своевременно, эффективно, последовательно и системно осуществляется **на всех** этапах борьбы с преступностью;
- для собирания и исследования доказательств все еще редко, а порой и неумело, применяются современные методики, научно-технические методы и средства, которые комплексно должны использоваться **на всех** этапах доказывания, а не только на этапе предварительного расследования;
- не всегда принимаются меры по системному и действенному выявлению необходимых фактических данных, их закреплению и фиксации. Некоторые факты просто упускаются из виду, а добытые сведения о них недостаточно эффективно трансформируются в процессуальные доказательства, которые также не всегда незамедлительно и всесторонне исследуются на предмет определения пространственно-временных связей и отношений между элементами системы «преступление».

Все эти недостатки не позволяют надлежащим образом:

- осуществлять построение полной криминалистической модели доказывания преступной деятельности;
- определять характер ее функционирования и параметры взаимодействия с другими системами и т.д., то есть осуществлять доказывание.

В силу недостаточной исследованности всей совокупности материальных объектов и их отражений познание такого явления, как преступление, нередко происходит не в полном объеме. Вследствие этого допускаются ошибки при определении допустимости, достоверности и достаточности доказательств, имеют место просчеты в использовании

и оценке данных, полученных оперативным путем, не в полном объеме осуществляется борьба с латентной преступностью. Потребность в разработке и внедрении в практику доказывания современных научных методов и средств (наряду с преодолением имеющихся недостатков в проведении данной работы) обусловливает настоятельную необходимость серьезного исследования криминалистических проблем деятельности по доказыванию преступлений.

Представляется очевидным, что процесс доказывания происходит на всех этапах борьбы с преступностью – на стадиях выявления преступлений, их раскрытия (предварительного следствия) и судебного доказывания при рассмотрении уголовного дела в суде. При этом доказывание является последовательной и перманентной совокупностью процессов доказывания преступлений, осуществляемых на всех указанных этапах (в допустимых формах и с применением средств, характерных для каждого из них), но ни в коей мере его нельзя рассматривать как некую арифметическую совокупность или сумму данных процессов. Доказывание является обязательной функцией всех видов деятельности по борьбе с преступностью.

Все это и побудило авторов данного исследования попытаться сформировать основы теории криминалистического доказывания, которая призвана разрабатывать не только организационно-технологический процесс, но и, главное, – содержание исследуемой деятельности, особенности криминалистического доказывания на всех этапах борьбы с преступностью.

Исследование перечисленных выше проблем позволило определить *криминалистическое доказывание как деятельность по прогнозированию, моделированию и осуществлению системы действий с целью сбора, проверки и оценки доказательств при выявлении и расследовании преступлений*.

Роль криминалистики в формировании методологических основ реализации процесса доказывания, особые условия, цели, методы и средства доказывания на всех этапах борьбы с преступностью создают в совокупности основание для формирования самостоятельной теории криминалистического доказывания. Разработка такой теории позволяет более глубоко исследовать процессы доказывания на этапе выявления преступлений и на предварительном следствии, обеспечивая тем самым расширение возможностей осуществления доказывания в суде, куда уже поступают материалы, собранные на указанных выше этапах и фиксирующие процессы собирания, проверки и оценки доказательств, положенных в основу обвинения.

Таким образом, теория криминалистического доказывания имеет особое значение и для совершенствования деятельности прокурора

при реализации им своих полномочий по осуществлению государственного обвинения в суде. *Здесь необходимо использовать ее (теории) методологические основы для полноты и правильности установления криминалистической структуры преступления и, соответственно, криминалистической структуры его отражений, установленных на этапах выявления и раскрытия преступлений; определять соотношение и тождество созданной криминалистической модели системы «преступление» с его уголовно-правовой моделью, что и является, по сути, криминалистической основой доказывания преступлений.*

Таким образом, чем более детально разработана настоящая теория, тем в большей степени обеспечивается полная и правильная реализация доказывания при осуществлении правосудия.

В силу этого следует констатировать, что теория криминалистического доказывания не только призвана обеспечивать все этапы борьбы с преступностью, но и, кроме этого, позволяет оптимизировать деятельность суда по осуществлению правосудия.

Авторы осознают, что в представляемой работе только намечены многие пути исследования проблемы доказывания на этапе выявления преступлений и на предварительном следствии. Но даже современное состояние теоретических положений по этой проблеме, а также имеющийся комплекс нерешенных вопросов, возникающих при реализации процессов доказывания на практике (а тем более сознание настоятельной необходимости расширения данных исследований), создают убедительные основания для формирования теории криминалистического доказывания, в рамках которой и будут проводиться дальнейшие исследования. Формирование самостоятельной теории позволяет концентрировать научные достижения, четче, детальнее определять проблемы, отдельные задачи, подлежащие решению в пределах этой теории.

Любая теория, а тем более направленная на деятельность человека, нуждается в разработке самостоятельных методологических основ. Это имеет особое значение для теории криминалистического доказывания, находящейся на стыке нескольких наук, нескольких видов практической деятельности.

Необходимо углубленно изучить возможности системного подхода при сборе доказательств, перспективы деятельностного подхода при их проверке и особенно при оценке доказательств на предварительном следствии.

Уже сейчас видно, что пристальное внимание предстоит уделить тщательному изучению мыслительной деятельности при осуществлении доказывания на предварительном следствии.

Важно исследовать процесс формирования собственного убеждения в процессе доказывания, знать, как формулируются его результаты,

как следует формировать доказательства для убеждения других лиц и т.д. Решением этих важнейших проблем процесса доказывания занимались многие ученые-юристы. Большой вклад в разработку проблемы формирования убеждения, передачи его другим людям внесли еще в XIX веке В.Д. Спасович, И.Я. Фойницкий, Л.Е. Владимиров. В советский период особо следует отметить исследования А.Р. Ратинова, А.А. Эйсмана. Работа последнего «Логика доказывания» еще далеко не полностью используется в науке и практике.

Однако все перечисленные и многие другие ученые работали над отдельными проблемами организации мыслительной деятельности при осуществлении доказывания. Сейчас же нужны комплексные исследования с полным охватом всех проблем, связанных с формированием убеждения в процессе доказывания как на этапе выявления преступлений и на предварительном следствии, так и в суде.

Приведенный круг проблем, которые необходимо исследовать, далеко не полный.

Использование теории криминалистического доказывания требует также четкой разработки понятийного аппарата этой деятельности. Необходимо определить, что же следует подразумевать под содержанием этого процесса с точки зрения криминалистики, равно как и под понятием «доказательство», так как до настоящего времени в литературе имеются существенные разночтения в их трактовке.

Деятельность по доказыванию, как и любая деятельность, должна располагать совокупностью методов, обеспечивающих:

- достижение искомых целей;
- решение задач, возникающих в процессе реализации указанного процесса на практике.

В представляемой работе авторы указывают на необходимость использования при доказывании общих методов познания и методов криминалистики. Закономерность развития этих методов неминуемо приводит к выводу, что для доказывания должны применяться и специальные методы, оптимально приспособленные именно для этой специфической деятельности.

Авторами было установлено, что специальные методы доказывания реализуются через осуществление особой формы деятельности – тактические операции. Необходимо сформировать отдельную группу операций – «доказывание». Однако в полном объеме и методы доказывания, и разновидности тактических операций, применяемых для их реализации, остались пока не раскрытыми. Нужна большая работа по изучению оперативной и следственной практики, по созданию методологических основ доказывания для формирования и системы методов, и системы тактических операций, реализующих эти методы.

Так, следует специально разрабатывать методы доказывания, необходимые для выявления латентных преступлений и осуществления деятельности по изобличению виновных в них лиц (реализации оперативных материалов в ходе проведения следственных действий, тактических операций и т.д.). Необходимо детально исследовать особенности процессов доказывания при сборе доказательств, их проверке, оценке.

Актуальность создания теории криминалистического доказывания состоит, с нашей точки зрения, в том, что она является как бы венцом, результатом всех проведенных в криминалистике научных исследований. В основу этой теории обязательно должны быть положены общеметодологические теории криминалистики. К ним относятся прежде всего теория криминалистического отражения и теория криминалистической системности.

Кроме этих основных методологических криминалистических теорий доказывание основывается и на использовании всей совокупности теорий, разработанных при криминалистическом исследовании материальной структуры преступления.

Особо следует подчеркнуть, что, по нашему убеждению, одной из основных составляющих криминалистической теории доказывания преступлений должна стать криминалистическая теория их выявления, то есть теория, позволяющая создать научные основы системной борьбы с латентной преступностью и обеспечивающая алгоритм эффективного выявления следов-отражений совершенных преступлений, достаточных как для начала уголовного преследования, так и для реализации процесса их доказывания на всех этапах борьбы с преступностью.

Теория криминалистического доказывания имеет исключительно важное значение для дальнейшего совершенствования борьбы с преступностью и обеспечения деятельности суда по осуществлению правосудия. Настоящее исследование рассматривается авторами только как определенный шаг в создании теории криминалистического доказывания. Эта теория находится в стадии формирования и становления. Она должна постоянно развиваться, совершенствоваться, что требует участия в данной работе многих ученых и научных коллективов.

Весь комплекс указанных проблем авторы предполагают рассмотреть в отдельной работе, которая готовится к изданию.

1.1. Закономерность и необходимость создания криминалистической теории доказывания

С того момента, как человечество осознало необходимость создания и соблюдения норм права и обязательности реагирования на нарушения существующего правопорядка, и прежде всего на совершение преступлений, оно неизбежно столкнулось с проблемой доказательств и доказывания содеянного как безусловной предпосылкой реализации соответствующих нравственных императивов и существующих в тот или иной исторический отрезок времени стандартов справедливости и норм закона – наказания виновных.

Не останавливаясь на достаточно интересном опыте, накопленном в решении проблемы доказывания, в качестве своеобразной точки отсчета нашего исследования возьмем судебные реформы России 1864 года как переломный момент перехода от инквизиционного процесса к процессу состязательному. Именно судебная реформа дала толчок широкому развитию научного понимания проблемы уголовно-процессуального доказывания в России. Заложенные в реформенном законодательстве положения и принципы, а также идеи, воспроизведенные в фундаментальных трудах виднейших ученых того времени – Л.Е. Владимирова, В.Д. Спасовича, И.Я. Фойницкого, Н.Н. Розина, Д.Т. Тальберга, В. Случевского, А.Ф. Кони и других, не только повлияли на развитие уголовного судопроизводства и системы доказательств в дореволюционной России, но и явились в известной степени основой построения аналогичной системы в Советском Союзе, а также на этапе современной истории в Республике Беларусь.

До указанной реформы уголовный процесс в целом и система построения доказательств при осуществлении правосудия прошли в России фактически те же стадии и ступени, что и их западноевропейские типы.

Средневековое судопроизводство периода Русской Правды (XI–XIII вв.) было в своей основе обвинительным. Доказательства имели характер подтверждения формальными средствами заявленных перед судом требований.

Для этого периода использовались такие средства доказывания, как признание, испытание (ордалии) железом и водой, поле (судебный поединок), «послухи» (соприсяжники), «рота» (очистительная присяга), крестное целование. Однако применялись и такие средства доказывания, которые требовали свободной оценки: «видоки» (свидетели, очевидцы) и поличные (вещественные доказательства, найденные у подозреваемого

лица). Практиковались также своеобразные средства доказывания, использующие презумпцию виновности последнего владельца похищенного – «свод» и круговую поруку общины, в которую приведет след («гонение следа»). «Свод» и «гонение следа» можно рассматривать как способ отыскания истцом своего имущества и надлежащего ответчика для судебного разбирательства. Вместе с тем данные понятия нельзя рассматривать как некий прообраз розыскного процесса, так как функции преследования в данном случае не принадлежали судье. Уголовный процесс в Киевской Руси в некотором роде носил состязательный характер, свойственный эпохе раннего феодализма. Обязанность доказывания вины лица, совершившего преступление, возлагалась на потерпевшего. Потерпевший назывался истцом, а подозреваемый в совершении преступления – ответчиком. Процесс не подразделялся на гражданский и уголовный, и суд разрешал дело по существу, оценивая соответствующие доказательства, представленные сторонами, в зависимости от содержания иска.

Существенным отличием розыскного процесса от состязательного является то, что при розыскной форме процесса функция обвинения возлагалась на представителей суда, а в состязательном процессе та же функция реализовывалась независимыми от суда органами, специально созданными для этого.

Таким образом, розыскной процесс состоит в совмещении функций доказывания инкриминируемого преступления и разрешения дела, то есть в совмещении функций уголовного преследования и судебного рассмотрения дел. Безусловно, уголовно-процессуальный институт доказывания преступления органом, процессуально независимым от суда, мог возникнуть только в рамках состязательного процесса.

Создание централизованного Московского государства, так же как и образование государств в Западной Европе XIV–XVII вв., сопровождалось развитием процесса розыскного типа («сыска»), то есть ординарно обвинительного, который стал действовать параллельно с «судом», а после этого, с отходом от ордалий и судебных поединков, появилось и частно-исковое судопроизводство. Как подчеркивал И.Я. Фойницкий[1], розыск возник в России без всяких иноземных влияний, а лишь вследствие выяснившихся потребностей. Вместе с тем поразительное сходство основных черт развития розыскного процесса в Западной Европе и в Московской Руси не случайно[2], так как оно связано с тем, что социально-политические условия России и Западной Европы до XVI в. расходились еще не слишком разительно[3].

---

1 Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: В 2 т. Т. 1. СПб., 1996. С. 33.

2 История России и мировые цивилизации / Под ред. М.В. Рубана. М., 1997. С. 42.

3 Там же.

По судебникам Ивана III 1497 года, основными методами доказывания были обыск и пытка. Уложением царя Алексея Михайловича 1649 года был закреплен розыскной порядок, который окончательно вытеснил остатки состязательного процесса. Этот порядок просуществовал в законодательстве до судебной реформы середины XIX века. Неоднократно предпринимавшиеся попытки либерализировать процесс путем отмены пыток и телесных наказаний не изменили сути этого процесса, который остался закрытым не только для общественности, но и для участвующих в нем сторон.

Вместе с тем следует констатировать, что, несмотря на отмеченное выше обстоятельство, вопросы доказывания постепенно становились доминирующими в уголовном процессе в России. Так, первый уголовно-процессуальный закон Российской империи 1832 года назывался «О судопроизводстве по преступлениям». В обязанность полиции этим законом вменялось собирание доказательств, открытие и обличение виновных, предписывалось вести следствие с возможной скоростью, полнотой и ясностью[1].

Судебными Уставами 1864 года судебная власть была отделена от исполнительной. В этот период были учреждены бессословные суды и введен состязательный судебный процесс с четким процессуальным разграничением функций доказывания преступлений и их судебного разрешения.

При этом на прокуратуру возлагалась обязанность надзора за производимым дознанием, предварительным расследованием и поддержанием публичного обвинения, то есть фактически – за процессом доказывания.

Из ст. 260 Устава Уголовного Судопроизводства (далее – УУС) следует, что судебный следователь должен своевременно принимать меры, необходимые для собирания доказательств, и в особенности не допускать никакого промедления в обнаружении и сокращении таких следов и признаков преступления, которые могут излагаться.

Глава четвертая второго раздела УУС (ст. 315–320) «Об исследовании события преступления» содержит перечень следственных и иных действий, используемых в процессе доказывания, а ст. 519 и 520 третьего раздела УУС «О действиях окружного суда и состоящего при нем Прокурора» гласят, что заключение прокурора о предании обвиняемого суду излагается в форме обвинительного акта, в котором должна быть означена, кроме прочего, сущность доказательств и улик, собранных по делу против обвиняемого.

---

[1] Уголовный процесс: Учеб. / Под ред. В.П. Божьева. М., 2002. С. 65.

Имеющиеся в Уставе пробелы в освещении проблемы доказательств пытались восполнить ведущие ученые-процессуалисты того времени, которые на основе имеющегося законодательства стремились построить стройную систему доказательств.

В своем классическом труде «Учение об уголовных доказательствах» Л.Е. Владимиров определил последние как «всякий факт, имеющий назначением вызывать в суде убеждения в существовании или несуществовании какого-либо обстоятельства, составляющего предмет судебного исследования»[1]. Автором дано определение уголовно-судебной достоверности, очерчены общие условия представления доказательств, определен перечень доказательств и улик и т.д.

Используя современную процессуальную терминологию, Л.Е. Владимиров полно и обстоятельно исследовал в рамках действовавшего тогда законодательства практически все вопросы, входящие в предмет изучения имевшей место процессуальной теории доказательств.

Под несколько иным углом зрения рассматривал эти вопросы В.Д. Спасович. В своей «Теории судебно-уголовных доказательств»[2] автор впервые предпринял попытку исследования проблемы через призму криминалистической науки.

М.В. Духовский в 1905 году определял уголовный процесс как деятельность государственных или общественных органов, направленную на раскрытие совершившегося уголовного преступления и выяснение, какие меры должны быть приняты для удовлетворения нарушенных им интересов потерпевшего и для законной ответственности виновного. По его мнению, процесс имеет одну цель – раскрыть истину[3].

В этот же период русские юристы (А.Ф. Кони[4], А.Х. Сабинин[5], Л.Е. Владимиров[6], А.Н. Бобрищев-Пушкин[7]) начали изучать психологию лиц, проходящих перед следователем и судом; предпринимались попытки на основании обобщения судебного опыта создать даже определенную психологическую классификацию лиц, которые встречаются в суде. Весьма основательно стали разрабатываться различные психологические проблемы процесса судопроизводства. В литературе появляется

---

1 Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. СПб., 1910.

2 Спасович В.Д. Теория судебно-уголовных доказательств // Соч. Т. 3. СПб., 1890.

3 Хрестоматия по уголовному процессу России. М., 1999. С. 13, 49.

4 Кони А.Ф. Избранные произведения. Обвиняемые и свидетели. М., 1956.

5 Сабинин А.Х. Об исследовании личности обвиняемого // Судеб. газ. 1894. № 51.

6 Владимиров Л.Е. Суд присяжных. Условия действия института присяжных и метод разработки доказательств. Харьков, 1873; Он же. Психологические исследования в уголовном суде. М., 1902.

7 Бобрищев-Пушкин А.Н. Эмпирические законы деятельности русского суда присяжных. М., 1896.

термин «психология уголовного процесса», который вводит профессор Л.Е. Владимиров[1].

Раскрытие преступлений как цель производства следствия прослеживалось в Положении о народном суде РСФСР от 21 октября 1920 года[2].

УПК РСФСР 1922 года (в новой редакции – 1923 года) требовал от следователя выяснять и исследовать доказательства, как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а равно все обстоятельства, как усиливающие, так и смягчающие степень и характер его ответственности (ст. 111)[3].

Главенство вопросов доказывания четко выражено в основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 года и УПК БССР 1961 года. Этими документами определялись задачи уголовного судопроизводства (ст. 2): быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона, с тем чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден. Такие же подходы к вопросам доказывания характерны и для УПК Республики Беларусь 1999 года.

При этом следует отметить, что в советский период первоначально получила развитие процессуальная теория доказательств, в которой, если говорить обобщенно, доказывание сводилось к формально-логическому исследованию доказательств. В наиболее концентрированном виде данная теория была сформулирована в классическом труде «Теория доказательств в советском уголовном процессе» (М., 1973), в котором вопросы доказывания преступлений освещались в основном с точки зрения уголовно-процессуальной науки. Подробный анализ данной теории не входит в предмет нашего исследования. Он занял бы много времени. Однако в ходе дальнейшего рассмотрения процессов доказывания мы, бесспорно, *будем исходить из общепринятых уголовным процессом понятий и норм, выработанных доказательственным правом*. Впоследствии осознание исключительной важности процессов доказывания привело к постепенной трансформации теории доказательств в процессуальную теорию доказывания, в которой для выявления, фиксации, проверки и оценки доказательств также использовались в основном логические операции.

Одним из первых процессуалистов, попытавшихся сформулировать «основы теории доказывания в советском правосудии», был С.В. Курылев, издавший в 1969 году одноименное монографическое исследование.

---

1 Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. СПб., 1910. С. 191.

2 СУ РСФСР. 1920. № 83. Ст. 407.

3 СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 111.

По ходу настоящей работы нам придется неоднократно ссылаться либо полемизировать с положениями и постулатами процессуальной теории доказывания, однако первоначально попытаемся проследить, как исследовались вопросы доказывания преступлений в криминалистике. В этой связи следует отметить, что изучение вопросов доказывания теснейшим образом пересекается с проблемой определения предмета криминалистики. Причем дискуссии на эту тему не утихают до настоящего времени. Но каким бы ни виделся предмет криминалистики ученым на различных этапах ее развития, он неразрывно связан с процессом доказывания преступлений. Хотя нередко доказывание фактически приравнивалось к процессам «исследования» преступлений либо к установлению судебных доказательств, то есть указанные понятия отождествлялись (что делается иногда и в настоящее время). Но в любом случае криминалистика принципиально рассматривалась как наука, направленная на обеспечение процесса доказывания. На деле так оно и есть, но мы попытаемся представить свое видение процесса доказывания и практической роли криминалистики в обеспечении этого процесса.

Чуть более ста лет назад Альфонс Бертильон разработал для расследования преступлений первый научный (антропометрический) метод идентификации личности. Несколько позже был создан значительно более прогрессивный и рациональный метод дактилоскопической идентификации, позволяющий не только устанавливать, привлекалось ли определенное лицо ранее к ответственности, но и идентифицировать неизвестного преступника по отпечаткам пальцев, обнаруживаемым на месте преступления. Стала зарождаться система научных знаний о расследовании преступлений, которые одним из первых обобщил австрийский ученый и комиссар полиции Ганс Гросс в «Руководстве для судебных следователей». В 1908 году в России вышел полный перевод 4-го немецкого издания этой работы под названием «Руководство для судебных следователей как система криминалистики», после чего российская наука о расследовании преступлений приобрела использовавшееся за рубежом наименование – криминалистика.

Уже в предисловии к указанной работе Ганс Гросс писал: «Криминалистика по природе своей начинается лишь там, где уголовное право, также по своей природе, прекращает свою работу: материальное уголовное право имеет своим предметом изучение преступного деяния и наказания, формальное уголовное право (процесс) заключает в себе правила применения материального уголовного права. Но каким именно способом совершаются преступления?

Как исследовать эти способы и раскрыть их, какие мотивы совершения такового, какие имелись в виду цели – обо всем этом нам

не говорят ни уголовное право, ни процесс. Это составляет предмет криминалистики»[1].

За это время криминалистика прошла путь от прикладной технической дисциплины, именуемой не только криминалистикой, но и «полицейской техникой», «научной полицией», «уголовной техникой», до полноценной правовой науки, имеющей свой, присущий только ей предмет изучения.

По мере развития криминалистики менялись, модифицировались, трансформировались и воззрения на сам предмет этой науки.

В 1921 году Г.Ю. Манис понимал под криминалистикой «во-первых, способы совершения преступлений, профессиональные особенности и быт преступников (их жаргон, их суеверия и т.д.) и, во-вторых, приемы расследования преступлений, включая идентификацию преступников»[2].

«Исследование» преступлений путем применения «методов естественных наук и технических знаний» при расследовании преступлений относит к предмету криминалистики один из пионеров советской криминалистики С.Н. Трегубов[3].

В работах И.А. Якимова[4], В.И. Громова[5], С.М. Потапова[6] и других ученых и практиков неоднократно упоминается об исследовании способов совершения преступлений, обстановки места происшествия, различных видов следов, орудий преступления, предметов преступного посягательства и иных вещественных доказательств методами и средствами криминалистики.

В 1940 году Б.М. Шавер определил криминалистику как науку о приемах и методах обнаружения и исследования доказательств, используемых в целях раскрытия преступления, обнаружения и опознания преступника.

В 1950 году А.И. Винберг[7], определяя предмет криминалистики, также говорит уже не только о познании способов совершения преступления, но и о технических и тактических приемах и средствах обнаружения, собирания, фиксации и исследования судебных доказательств.

---

1 Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики: Пер. с нем. СПб., 1908.

2 Цит. по: Баев О.Я. Российская криминалистика начала XXI в.: направления развития, современные проблемы // Вестник криминалистики. М., 2000. Вып. 1. С. 5.

3 Трегубов С.Н. Основы уголовной техники. Пг., 1915.

4 Якимов И.А. Криминалистика. Руководство по уголовной технике. М., 1955.

5 Громов В.И., Лаговнер Н. Искусство расследования преступлений. Достижения и недочеты розыскной и следственной практики. М., 1927.

6 Потапов С.М. Принципы криминалистической идентификации // Сов. государство и право. 1940. № 1. С. 69–71.

7 Винберг А.И., Шавер Б.М. Криминалистика: Учеб. для юрид. шк. 4-е изд., доп. М., 1950.

В середине 60-х годов А.В. Дуловым и А.Р. Ратиновым[1] начата разработка проблем психологической сущности деятельности по осуществлению правосудия в целом и деятельности по доказыванию в частности; психологических особенностей всех ее участников и разработки на основе познанных психических закономерностей специальных судебно-психологических методов, необходимых в практической деятельности для достижения целей правосудия.

В этот же период Р.С. Белкин и Ю.И. Краснобаев пришли к выводу о том, что в основе предмета криминалистики лежит группа изучаемых ею закономерностей, а именно «закономерности возникновения судебных доказательств и закономерности их обнаружения, исследования, оценки и использования»[2].

В дальнейшем Р.С. Белкин усовершенствовал определение, указав, что криминалистика изучает не только закономерности возникновения, сбора, исследования, оценки и использования доказательств, но и основанные на познании данных закономерностей средства и методы их судебного исследования, а также предотвращения преступлений[3].

Формулируя свои тезисы, автор указывал, что определение предмета криминалистики позволит четко обозначить «сферу познания», в которой происходит отражение объективной действительности[4].

В исследуемом плане[5] мы считаем знаменательным появление в 1966 году работы Р.С. Белкина «Собирание, исследование и оценка доказательств». Фактически это было первое монографическое исследование в криминалистике, посвященное формированию основ криминалистической методологии доказывания.

Главное заключалось в том, что Р.С. Белкин подошел к трактовке собирания, исследования и оценки доказательств с позиции общей теории познания. Иначе говоря, он в точном соответствии с одним из определений методологии применил принципы формирования мировоззрения к процессу познания как в науке криминалистике, так и в практике использования достижений этой науки. В работе впервые подробнейшим образом раскрыта сущность таких общенаучных методов, как наблюдение, измерение, описание, сравнение, эксперимент, применительно к задачам, решаемым криминалистикой.

---

1 Дулов А.В. Судебная психология. Мн., 1970; Он же. Введение в судебную психологию. М., 1970; Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М., 1967.

2 Белкин Р.С., Краснобаев Ю.И. О предмете советской криминалистики // Изв. вузов. Правоведение. 1967. № 4. С. 90–94.

3 Криминалистика: Учеб. для вузов МВД СССР / Под ред. Р.С. Белкина. М., 1987.

4 Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М., 1970.

5 См.: Корухов Ю.Г. Значение творческого наследия Р.С. Белкина в развитии отечественной криминалистики // Вестник криминалистики. М., 2002. Вып. 1 (3). С. 5.

Таким образом, Р.С. Белкиным впервые было предложено принципиально новое представление о предмете науки криминалистики как феномене, охватывающем в первую очередь закономерности, лежащие в сфере судебного исследования преступлений.

Указанное определение предмета криминалистики послужило причиной особой дискуссии в юридической литературе. При этом часть криминалистов (И.М. Лузгин, Г.Г. Зуйков и др.) приняли определение Р.С. Белкина. Другие (Н.А. Селиванов, И.Ф. Пантелеев, Ф.Ю. Бердичевский и др.) согласились с ним с учетом внесения в это определение ряда корректив. Третьи (А.Н. Васильев, В.П. Колмаков и др.) категорически его отвергли.

Дальнейший существенный сдвиг в формировании теории криминалистического доказывания произошел опять же благодаря выдающимся криминалистам Р.С. Белкину и А.И. Винбергу, издавшим монографию «Криминалистика и доказывание». В этой работе они выполнили несколько задач.

Во-первых, было показано наличие неразрывной связи теории доказательств и криминалистики, подтверждающей, что теория доказательств содержательно не может развиваться в отрыве от науки криминалистики.

Во-вторых, авторы теоретически обосновали необходимость отличать понятие доказательств от деятельности по их собиранию, исследованию, оценке, то есть от деятельности по доказыванию.

Наконец, в-третьих, ими было обосновано, что деятельность по доказыванию не может осуществляться без применения специальных криминалистических методов[1].

Эти положения легли в основу дальнейших разработок проблемы криминалистического доказывания.

Оригинальную попытку изменить представление о познавательной деятельности в процессе доказывания преступлений предпринял Ф.Ю. Бердичевский, который связал роль криминалистики в процессе расследования преступлений с обнаружением и выявлением информации о преступлении и о совершивших его лицах, а также о средствах и методах обнаружения такой информации в целях использования ее в качестве доказательств по уголовному делу[2].

И.Ф. Пантелеев[3] роль криминалистики в доказывании видит в определении закономерностей, характеризующих процесс раскрытия преступлений. Н.А. Селиванов[4] – в установлении закономерностей

---

[1] Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика и доказывание. М., 1969.

[2] Бердичевский Ф.Ю. О предмете советской криминалистики // Изв. вузов. Правоведение. 1967. № 4.

[3] Криминалистика. М., 1993. С. 7.

[4] Криминалистика. М., 1994. С. 6.

возникновения, собирания и использования следов преступления. В.Я. Колдин[1] – в определении закономерностей движения уголовно-релевантной информации при совершении и расследовании преступлений. В.А. Образцов[2] – в исследовании закономерных особенностей преступлений и некоторых других связанных с ними явлений, а также закономерных особенностей, возникающих в результате отражения информации.

Как справедливо в связи с этим отмечает Н.П. Яблоков[3], каждое из указанных мнений небесспорно, но интересно и заслуживает серьезного внимания. Их главное достоинство в том, что названные авторы пытались придать исследуемому вопросу истинно криминалистическую специфику. Более того, в позициях этих ученых явно просматривается деятельностный подход к определению предмета криминалистики (как основы процессуального доказывания), который делает их рассуждения вполне убедительными.

Вместе с тем до настоящего времени, по нашему мнению, нет четкого (системного) разграничения в соотношении криминалистики и уголовного процесса. Данная проблема стала причиной серьезных научных дискуссий, обострившихся после того, как в 1977 году А.И. Винберг выдвинул положение, согласно которому наука уголовного процесса в части, относящейся к собиранию и исследованию доказательств, познанию соответствующих закономерностей (теория доказательств), составляет раздел науки криминалистики и поэтому должна изучаться в рамках последней[4]. Свое мнение по этому поводу высказали Р.С. Белкин, А.Н. Васильев, Г.М. Миньковский, А.Р. Ратинов, И.Ф. Пантелеев и другие ведущие криминалисты и процессуалисты. Рассматриваемая в таком аспекте проблема в самом общем виде может быть сформулирована следующим образом: теория доказательств или криминалистика либо теория доказательств и криминалистика[5].

Цель исследования информационных закономерностей теорией доказательств – это учет их самих и результатов их проявления в возникновении и развитии норм доказательственного права, его институтов

---

[1] Криминалистика социалистических стран. М., 1986. С. 4.

[2] Образцов В.А. О совершенствовании некоторых криминалистических определений в свете интеграции и дифференциации знаний в криминалистике // Актуальные проблемы советской криминалистики. М., 1980. С. 24.

[3] Яблоков Н.П. Объект и предмет криминалистического изучения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11, Право. 1997. № 1. С. 23.

[4] Винберг А.И. Теория доказательств в науке советской криминалистики // Сов. государство и право. 1977. № 12. С. 75.

[5] См.: Баев О.Я. Российская криминалистика начала XXI в.: направления развития, современные проблемы // Вестник криминалистики. М., 2000. Вып. 1. С. 6.

и систем[1]. На этой основе теория доказательств исследует процесс доказывания как динамическую систему правоотношений, регулируемых принципами и нормами уголовно-процессуального права[2].

Но процессуальные отношения и процессуальные институты не охватывают и в принципе не могут охватить всей многогранной, далеко не инвариантной деятельности по собиранию, исследованию, использованию и оценке уголовно-релевантной информации. В силу этого среди специалистов сложилось мнение, что возникновение криминалистики, ее постоянное и наступательное развитие как раз и обусловлены необходимостью познания средств и методов, структуры информационно-познавательной деятельности в данной специфической области, а в первую очередь – закономерностей, лежащих в ее основе. Иными словами, криминалистика видится наукой, изучающей закономерности возникновения, сохранения, переработки информации при доказывании, но изучающей их в иных целях, чем теория доказательств, а именно – в целях оптимизации средств и методов информационно-познавательной деятельности при судебном исследовании преступлений. В целом можно согласиться с данной оценкой.

Действительно, доказывание, по существу, включает в себя и познавательную, и коммуникативную, и удостоверительную деятельность как его неотъемлемые структурные компоненты. Как нет доказывания без познания, так нет его и без фиксации и удостоверения самих доказательств и процесса их собирания и исследования, то есть без сопровождения процесса познания коммуникативной и удостоверительной деятельностью.

Познавательные, коммуникативные и удостоверительные акты субъекта доказывания образуют органическое единство и представляют собой качественно новую деятельность – доказывание[3]. С.А. Шейфер в этой связи отмечает, что процесс извлечения знаний есть в то же время и процесс их подтверждения, обоснования. Познавательная и удостоверительная стороны доказывания – это не чередующиеся, а взаимодействующие элементы деятельности по собиранию доказательств[4].

Именно поэтому, по нашему мнению, до настоящего времени сохраняют свою силу и значение основополагающие идеи Р.С. Белкина о том, что «процесс извлечения знаний» как основа доказывания – это результат отражательных процессов, поскольку событие преступления,

---

1 Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973. С. 28.

2 Колдин В.Я. Предмет криминалистики // Сов. государство и право. 1979. № 4. С. 93.

3 Тертышник В.М. Проблемы теории и практики доказывания на судебных стадиях современного уголовного процесса. Сумы, 1995. С. 87.

4 Шейфер С.А. Доказывание по уголовному делу как единство практической и мыслительной деятельности // Доказывание по уголовным делам. Красноярск, 1986. С. 21.

отражаясь в окружающей среде, оставляет в ней следы, несущие в себе информацию о породившем их событии, а они, в принципе, правильно отражаются в сознании познающего субъекта[1]. На базе представлений о том, что с гносеологической точки зрения следами преступления являются любые изменения среды, возникшие в результате совершения в этой среде преступления (как материальные, так и идеальные следы отражения), в процессуальной науке оказалось возможным конкретизировать структуру познавательных процессов.

Однако следы – это еще не доказательства, и чтобы стать таковыми (то есть «вторичными отражениями» или «производными отражениями»[2]), они должны быть восприняты субъектом доказывания, отображены в его сознании, преобразованы им и в таком измененном виде зафиксированы в материалах дела. Именно «представленность» исследуемых фактических данных субъекту доказывания, как результат специальной познавательно-коммуникативной деятельности последнего, и составляет содержание процесса формирования доказательства как такового, равно как и определяет направленность процесса доказывания с позиций, выработанных криминалистикой. При этом следует помнить, что уголовно-процессуальный закон регулирует не сами методы познания, как категории гносеологические, а форму их применения[3]. **Именно поэтому криминалистике в процессе доказывания отведена системообразующая, конструктивная роль.** Все это обусловливает необходимость исследования не только внутренней конструкции следственных действий с точки зрения эффективности их проведения (так как каждое их них приспособлено к получению и фиксации доказательств определенного вида), но и внутренней конструкции процесса доказывания как основы процессуального познания.

Уместным будет отметить, что справедливо высказанная А.И. Винбергом и Р.С. Белкиным мысль о том, что фиксация (закрепление) доказательств является органической частью их собирания в процессе доказывания, а не некой технической процедурой, позволила вывести теорию доказывания на новый виток развития. Фиксация доказательств фактически охватывает гносеологический, информационный, процессуальный и криминалистический аспекты. Содержательному определению фиксации способствует определение объектов, подлежащих запечатлению:

---

[1] Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М., 1970. С. 18.

[2] Белкин Р.С. Курс криминалистики: В 2 т. Т. 2. М., 1997. С. 119.

[3] Белкин Р.С. Собирание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. М., 1966. С. 111.

- это фактические данные;
- действия по их обнаружению и фиксации;
- условия, средства и способы их обнаружения.

Согласно мнению С.А. Шейфера[1], с учетом того, что фиксация (закрепление) доказательств всегда представляет собой их преобразование (перекодировку), под фиксацией правомерно понимать систему осуществляемых в соответствии с уголовно-процессуальным законом действий следователя, направленных на преобразование воспринятой им доказательственной информации, а также информации об источниках, условиях и способах ее получения, в форму, обеспечивающую эффективное (максимально полное) сохранение и использование полученных данных в целях доказывания.

С нашей точки зрения, не вызывает сомнения, что классические положения теории криминалистической идентификации, теории отражения и учения о фиксации доказательственной информации являются основой криминалистической составляющей теории доказывания. При этом, осознавая, что исследования отдельных следственных действий в целях наиболее эффективного извлечения необходимой доказательственной информации недостаточно, криминалисты разрабатывали положения методики и тактики проведения расследования по различным категориям уголовных дел, а также способы и приемы наиболее действенного отыскания и фиксации криминалистически значимой информации.

Новым шагом в исследовании криминалистического содержания процесса доказывания стала дальнейшая разработка А.В. Дуловым, А.Р. Ратиновым[2] и другими учеными ряда основополагающих психологических основ осуществления доказывания в ходе проведения следственных действий.

Но и этого оказалось недостаточно. В 70-х годах была высказана идея о проведении тактических операций в ходе производства предварительного расследования по уголовным делам, что позволило вывести теорию доказывания на очередную ступень развития, а с другой стороны – в значительной степени активизировать доказывание преступлений в процессе практической деятельности[3].

В конце 70-х годов получила дальнейшее развитие теория криминалистического моделирования как метода познания и средства получения новой, значимой для доказывания информации. Авторы данной

---

[1] Шейфер С.А. Роль и значение Р.С. Белкина в становлении современной криминалистики // Материалы междунар. науч. конф. М., 2002. С. 36.

[2] Дулов А.В. Судебная психология. Мн., 1975; Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М., 1967; Дулов А.В. Основы психологического анализа на предварительном следствии. М., 1973.

[3] Дулов А.В. Судебная психология для следователей. М., 1967.

теории (И.М. Лузгин[1], М.Н. Хлынцов[2], Г.А. Густов[3], В.В. Куванов[4] и др.) опирались на определение модели, предложенное В.А. Штоффом[5], который под последней понимал такую мысленно представляемую или материально реализованную систему, которая, отображая или воспринимая объект исследования, способна заменить его так, что ее изучение дает возможность получить новую информацию об этом объекте. Если суммировать тезисно, то целями моделирования были определены:

- установление направлений доказывания, выбор оптимальных средств и методов доказывания;
- выявление связей между доказательствами, построение систем доказательств;
- систематизация и пополнение знаний об обстоятельствах, явлениях и процессах, имеющих значение для дела (о механизме преступления, личности виновных, поведении проходящих по делу лиц и т.д.);
- создание условий и предпосылок для проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий[6].

С нашей точки зрения, разработка общей теории моделирования и ее преломление на тактику и методику расследования отдельных видов преступлений являются приоритетным направлением как для теоретических исследований, так и практического применения результатов этих исследований в процессе доказывания. Однако моделирование – это только один из инструментов деятельности по доказыванию, выполняющий в нем, по нашему мнению, такую же системообразующую роль, как и указанные выше основополагающие учения криминалистики.

В целях оптимизации процесса доказывания рядом авторов были предприняты продуктивные попытки реализации в доказывании положений таких теорий, как: криминалистическая теория причинности[7];

---

1 Лузгин И.М. Моделирование при расследовании преступлений. М., 1981.

2 Хлынцов М.Н. Криминалистическая информация и моделирование при расследовании преступлений. Саратов, 1982.

3 Густов Г.А. Моделирование в работе следователя. Л., 1980.

4 Куванов В.В. Реконструкция при проведении криминалистических экспертиз. Караганда, 1974.

5 Штофф В.А. Моделирование и философия. М.; Л., 1966. С. 197.

6 Белкин А.Р. Теория доказывания. М., 2000. С. 277.

7 Соколовский З. М. Проблемы использования в уголовном судопроизводстве специальных знаний при установлении причинной связи явлений: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1968; Кузнецов И.В. Категория причинности и ее познавательное значение // Теория познания и современная наука. М., 1967; Налетов И.З. Причинность и теория познания. М., 1975; Соколовский З.М. Экспертное исследование причинной связи по уголовным делам. Киев, 1970.

криминалистическая теория временных отношений[1]; теория криминалистического прогнозирования[2]; учение о криминалистической регистрации[3]; криминалистическое учение о розыске[4]; теория оперативно-розыскной деятельности[5] и другие, что в совокупности явилось мощным стимулом оптимизации практической деятельности по доказыванию. Дальнейшее углубленное исследование тактики и методики доказывания на базе указанных теорий **бесспорно необходимо**, но изучение процесса доказывания (прежде всего его криминалистической составляющей) только в свете существующих положений теории и практики не дает, по нашему мнению, того эффекта, который необходим при осуществлении данной деятельности на современном этапе.

А.Р. Белкин, определяя закономерности собирания, исследования, оценки и использования доказательств, лежащих в основе и определяющих, по его мнению, содержание этого процесса, писал, в частности, что специфика закономерностей оценки и использования доказательственной информации, заключается:

- во-первых, в специфике самой доказательственной информации;
- во-вторых, в единичном, как правило, неповторимом «рисунке» связей между доказательствами, образующими систему доказательств по конкретному делу;
- в-третьих, в условиях протекания информационных процессов, определяемых процессуальными правилами доказывания[6].

---

1 Шиканов В.И. «Пространство» и «время» как структурные элементы криминалистической характеристики преступлений // Пространственно-временные факторы в расследовании преступлений. Иркутск, 1988; Федоров Ю.В. Пространственно-временные факторы, связанные с совершением преступлений, и их место в методике расследования // Методика расследования преступлений. М., 1976; Мешков В.М. Основы криминалистической теории временных связей. М., 1994.

2 Горшенин Л.Т. Основы теории криминалистического прогнозирования. М., 1993; Афанасович В.Е. Некоторые вопросы прогнозирования в процессе расследования // Теоретические и практические проблемы прогнозирования процесса расследования преступлений. Свердловск, 1989.

3 Белкин А.Р. Теория доказывания. М., 2000. С. 321–325.

4 Закатов А.А. Криминалистическое учение о розыске. Волгоград, 1989; Коновалов Е.Ф. Розыскная деятельность следователя. М., 1973.

5 Розенцвайг В.Е. К вопросу об использовании возможностей ОРД в расследовании преступлений // Методика расследования преступлений. М., 1976; Кореневский Ю.В. Доказывание в уголовном процессе. Традиции и современность. М., 2000; Доля Е.А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. М., 1996; Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / Под ред. А.Ю. Шумилова. М., 1997; Бедняков Д.И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений. М., 1991; Робозеров А.Ф. Оперативно-розыскные меры в системе судебного доказывания // Правоведение. 1978. № 6. С. 106–108; Статкус В. Ответ «реформаторам». О предварительном следствии и прослушивании телефонных разговоров // Новое время. 1990. № 33. С. 28–30.

6 Белкин А.Р. Теория доказывания. М., 2000. С. 47.

При этом в основу определения стадий процесса доказывания был опять же положен не вызывающий сомнений тезис Р.С. Белкина о том, что отражение преступления есть результат взаимосвязи объектов, участвующих в акте отражения, есть конечная фаза этого процесса.

Изучение закономерностей, обусловливающих процесс возникновения отражений следов преступлений и соответственно деятельности по их выявлению и фиксации, предполагает следующее.

Во-первых, исследование закономерности повторяемости процесса возникновения следов события. Она заключается в том, что при наличии определенных условий процесс отражения, в итоге которого возникают следы преступления и преступника, необходимо повторяется.

Во-вторых, исследование логики связи между действиями преступника и наступлением преступного результата, который будет являться доказательством по делу. Это означает, что преступный результат доказывает наличие преступного деяния и его характер, что закономерность наступления данного преступного результата позволяет отправляться от него к доказываемому событию.

В-третьих, исследование закономерности связи между способом совершения преступления и следами применения этого способа, то есть возможность, исходя из знания способа совершения преступления, судить о тех следах преступления, которые неизбежно возникают при совершении преступления данным способом.

В-четвертых, исследование закономерной зависимости выбора способа совершения преступления от конкретных, известных обстоятельств субъективного и объективного характера, зависимости, позволяющей, отправляясь от способа, устанавливать эти обстоятельства и, наоборот, по обстоятельствам, определяющим выбор способа и выступающим в качестве доказательств по делу, судить о способе преступления[1].

Трудно не согласиться с указанными доводами. Бесспорно, что дальнейшее исследование доказывания с точки зрения изучения его как процесса собирания, исследования, оценки и использования доказательств, а также возникающих в ходе этого закономерностей и взаимозависимостей, определения методики и тактики деятельности субъектов доказывания в исследуемом направлении необходимо и продуктивно. Оно осуществляется в традиционном русле критериев изучения данного процесса, предложенных процессуальной теорией доказывания.

Безусловно, нельзя создать универсальную теорию доказывания, которая позволила бы решить все проблемы в этой, по сути, крайне индивидуальной, «штучной» и специфической деятельности, изобрести

---

[1] Белкин Р.С. Курс криминалистики: В 2 т. Т. 1. М., 1997. Гл. 2.

некую универсальную формулу ее применения, дать практическим работникам ключ к раскрытию любого преступления.

Однако попытаться **исследовать закономерности процесса доказывания не только в границах и с позиций, выработанных уголовно-процессуальной наукой, но и с точки зрения последних достижений криминалистики как науки, изучающей содержательную сторону деятельности по доказыванию; определить принципы и единый алгоритм осуществления этой деятельности, а также этапы, закономерности и структуру криминалистического доказывания преступлений всеми субъектами на всех этапах борьбы с преступностью, а не только на этапе предварительного следствия – это настоятельная потребность сегодняшнего дня.**

В заключение следует подчеркнуть, что единственным инструментарием деятельности по доказыванию являются доказательства. В теории уголовного процесса, пожалуй, нет более трудноразрешимой проблемы, чем определение понятия доказательства. Один лишь перечень вполне убедительных, но разноречивых мнений по этому поводу потребовал бы много времени. Не пытаясь поставить точку в споре процессуалистов, постараемся все же определить криминалистическое понимание (но не определение) понятия «доказательство», так как без этого достаточно сложно будет охарактеризовать содержательную (то есть криминалистическую) сторону самого процесса доказывания.

1.4. Криминалистическое доказывание в общем процессе уголовно-процессуального познания

Говоря о криминалистическом содержании процесса доказывания, необходимо, прежде всего, определить, что же следует понимать под этапами и содержанием данного процесса с точки зрения процессуального права.

Вопрос о структуре и содержании процесса доказывания является спорным в теоретической литературе и представляет несомненный интерес для практики правоохранительных органов.

Традиционно процесс доказывания принято рассматривать как собирание, проверку и оценку доказательств[1].

Некоторые авторы подразделяют процесс доказывания на собирание, закрепление, проверку и оценку доказательств[2]; обнаружение, собирание, закрепление, проверку и оценку доказательств[3]; выдвижение версии, собирание, проверку, оценку и обоснование вывода[4] и т.д.

В этой связи мы полагаем, что необходимо тезисно остановиться на тех положениях классической теории доказывания, которые характеризуют данный процесс с точки зрения этапов, изложенных в ст. 102 УПК Республики Беларусь.

Прежде всего следует отметить, что в криминалистической литературе[5] сложилась определенная точка зрения на основные методы и средства собирания, проверки и оценки доказательств. При этом последние, с криминалистической точки зрения, являют собой единичные акты познания (или доказывания) искомых фактических данных, представляющих собой совокупность элементов, необходимых для построения криминалистической структуры системы «преступление». В этой связи невозможно не упомянуть и об основных целях деятельности субъектов доказывания, характеризующих, по мнению

---

1 Арсеньев В.Д. Вопросы общей теории судебных доказательств в советском уголовном процессе. М., 1964. С. 15–16; Белкин Р.С. Собирание, исследование и оценка доказательств. М., 1966. С. 29; Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве. М., 1976.

2 Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1969.

3 Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973. С. 287.

4 Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1976. С. 14.

5 Наиболее системно, последовательно и объемно вопросы доказывания изложены в монографии А.Р. Белкина «Теория доказывания», на положения которой мы будем ссылаться при характеристике методов и средств собирания, проверки и оценки доказательств. См.: А.Р. Белкин. Теория доказывания. М., 2000. С. 139–207.

подавляющего большинства авторов, содержание указанных процессуальных этапов – собирания, проверки и оценки.

В литературе собирание доказательств представляется как комплексное понятие, включающее в себя их обнаружение (розыск, поиск), получение, фиксацию и сохранение. Собрать можно только то, что разыскано, обнаружено, стало известным субъекту доказывания. На данной стадии субъект доказывания (по существующему мнению) фактически имеет дело не с доказательствами, а с фактическими данными, которые, по его предположению, еще только могут стать доказательствами, то есть отпечатками события, пока не имеющими процессуального статуса доказательств.

На стадии собирания доказательств происходит выявление доказательственной информации, ее передача и накопление. В зависимости от используемого метода познания меняются и пути движения информации, изменяется круг и роль тех факторов, которые определяют возможность и степень ее искажения при передаче. При этом разные методы познания играют разную роль в этом процессе.

Фиксация доказательств – это закрепление, то есть запечатление, фактических данных в установленном законом порядке, что только после этого и позволяет считать их доказательствами по делу. При этом в криминалистике акцент делается не на «процессуальном удостоверении и документировании собранных доказательств» или закреплении доказательств в установленных процессуальных формах[1], а на указании объектов фиксации – преимущественно на материальных образованиях, а также на средствах и методах фиксации.

С гносеологической точки зрения фиксация доказательств представляет собой отражение предварительно оцененного их содержания. Результат отражения должен давать максимально полное представление об отражаемом объекте, адекватно передавать те его свойства и признаки, которые делают его доказательством. Отражение при фиксации носит избирательный характер: отражается только то и в таком объеме, что представляется необходимым субъекту фиксации. В информационном аспекте речь идет о переносе информации с одного объекта на другой: с доказательства на материальное средство фиксации. Информационная сущность фиксации доказательств заключается в следующем:

- производится перекодировка доказательственной информации, содержащейся в материальном носителе, и перенос ее на средство доказывания;
- обеспечивается сохранение доказательственной информации в целях неоднократного использования ее в процессе доказывания;

[1] Трусов А.И. Основы теории судебных доказательств. М., 1960. С. 84.

- благодаря сохранению зафиксированной порции информации обеспечивается ее накопление до пределов, обозначающих полное установление предмета доказывания, то есть до момента доказанности всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания;
- получает свое материальное выражение отбор информации о событии: фиксируется не вся информация, поступающая к субъекту доказывания, а лишь та, которая относится к предмету доказывания (относимая информация), допускается законом (допустимая информация) и существенна с точки зрения предмета доказывания.

Определение относимости и допустимости доказательств на данной стадии также носит предварительный характер.

В процессуальном плане фиксация доказательственной информации есть выражение удостоверительной деятельности субъекта доказывания. Фиксация доказательств – это прежде всего система действий по запечатлению в установленных законом формах фактических данных, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела, а также условий, средств и способов их обнаружения и закрепления. Из этого следует:

1. Фиксация доказательств – это, в известном смысле, физическая деятельность, система действий, а не чисто мыслительная процедура запоминания каких-то фактов, явлений, процессов.

2. Объектом фиксации выступают не всякие фактические данные, а лишь те, «на основе которых орган, ведущий уголовный процесс, устанавливает наличие или отсутствие общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, виновность лица, совершившего это деяние, либо его невиновность и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения уголовного дела» (ст. 88 УПК Республики Беларусь).

3. Эта деятельность направлена на запечатление объекта фиксации в определенных (процессуальных) формах. Следовательно, не всякая, пусть даже материальная, форма запечатления удовлетворяет требованиям фиксации доказательств, отвечает этому понятию, а только установленная процессуальным законом.

4. В понятие фиксации доказательств входит запечатление не только самих фактических данных, но и действий по их обнаружению, ибо допустимость доказательств зависит от допустимости их источников, средств и способов обнаружения как тех, так и других. Для суждения же об их (доказательств) допустимости необходима соответствующая информация, запечатление которой и осуществляется при фиксации доказательств.

5. Наконец, поскольку фиксация доказательств есть облечение фактических данных в соответствующую процессуальную форму,

необходимо запечатлеть информацию о самом процессе фиксации (об условиях, применяющихся средствах и способах фиксации), без чего невозможно достаточно полно и объективно оценить ее результаты, то есть решить вопрос о полноте и адекватности отражения.

Объектами запечатления при фиксации доказательств являются:

- сами фактические данные;
- действия по их обнаружению и фиксации;
- условия их обнаружения и фиксации;
- средства и способы обнаружения и фиксации фактических данных и остальных объектов запечатления.

Процессуальный порядок фиксации, как правило, жестко регламентирован законом. Предусматривается процессуальная форма, в которую должны быть облечены результаты фиксации, ее реквизиты, последовательность, способ приобщения к делу результатов фиксации, способ их удостоверения, порядок последующего использования их в процессе доказывания. Но в законе отсутствует перечень технических средств фиксации.

Существуют следующие формы фиксации доказательственной информации:

- вербальная (словесная);
- графическая;
- предметная;
- наглядно-образная.

Основными методами фиксации из числа общенаучных методов познания являются измерение, описание и моделирование.

Техническими приемами реализации этих методов служат:

- при вербальной форме фиксации – протоколирование, звукозапись;
- при графической форме – графическое отражение (схематические и масштабные планы, чертежи, рисунки, в том числе и рисованные портреты);
- при предметной форме – изъятие предмета в натуре и его консервация, изготовление материальных моделей (реконструкция, в том числе макетирование, копирование, получение слепков и оттисков);
- при наглядно-образной форме – фотографирование (в видимых и невидимых лучах), киносъемка, видеомагнитофонная запись, голография.

Однако собирание доказательств не является самоцелью. Они нужны для того, чтобы оперировать ими в процессе доказывания. Прежде чем использовать доказательства как средства доказывания, их надо изучить, исследовать.

Исследование доказательств – это познание субъектом доказывания их содержания, проверка достоверности существования тех фактических данных, которые составляют это содержание, определение относимости и допустимости доказательств и установление согласуемости со всеми остальными доказательствами по делу.

Из этого следует, что целями исследования доказательств служат:

- познание, раскрытие содержания доказательств;
- проверка достоверности доказательств;
- выяснение относимости и допустимости доказательств;
- установление согласуемости доказательств.

При этом следует подчеркнуть, что один из важнейших элементов исследования – *проверка доказательств.*

Она может заключаться в:

- анализе, исследовании источника доказательств с точки зрения содержания и достоверности содержащихся в нем данных;
- выяснении относимости и допустимости доказательств;
- сопоставлении с другими источниками доказательств и доказательствами в целях определения согласуемости их друг с другом;
- специальных проверочных действиях с целью обнаружения новых доказательств, подтверждающих или опровергающих достоверность имеющихся.

Оценка доказательств – это логический процесс, позволяющий определить наличие и характер связей между доказательствами, роль, значение, достаточность и пути использования доказательств для установления истины.

Целью оценки доказательств является выяснение:

- в какой связи находится данное доказательство с другими собранными по делу доказательствами, каков характер и значение этой связи;
- каково значение данного доказательства и совокупности доказательств для обнаружения истины, является ли совокупность доказательств достаточным основанием для признания доказанными тех или иных обстоятельств дела, для принятия того или иного процессуального решения по делу;
- как может быть использовано данное доказательство в процессе дальнейшего доказывания.

Узловыми моментами, с которыми связана оценка собранных к этому моменту фактических данных, являются:

- решение вопроса о возбуждении уголовного дела;
- выдвижение исходных версий и определение направления расследования;
- привлечение конкретного лица к уголовной ответственности и избрание меры пресечения;

- принятие мер по преодолению противодействия расследованию;
- принятие решений о производстве принудительных следственных действий;
- приостановление или окончание производства по делу.

Особо следует сказать о целях использования доказательств. К ним относятся:

- проверка:
  - версий,
  - иных доказательств,
  - ориентирующей и розыскной информации на предмет ее оценки;
- обоснование:
  - принимаемых решений,
  - итогового документа по делу;
- моделирование:
  - следственной ситуации,
  - механизма преступления,
  - психологического портрета и внешности преступника;
- получение новых доказательств, новой оперативной и розыскной информации;
- формирование комплексов доказательств;
- демонстрация доказательств участникам процесса в целях:
  - устранения существенных противоречий между доказательствами,
  - изобличения в даче ложных показаний и получения новых доказательств,
  - убеждения в бессмысленности противодействия расследованию, а также в целях преодоления круговой поруки соучастников.

Можно оспаривать или соглашаться с какой-либо из предложенных выше концепций, определяющих процессуальные этапы доказывания, множить количество точек зрения на этот вопрос, но его суть останется неизменной. Теория доказывания исследует данный процесс как собирание, проверку, оценку и использование фактических данных, запечатленных в соответствующих источниках доказательств. *Попытаемся осветить только те аспекты, которые имеют отношение к криминалистическому содержанию процесса доказывания именно как перманентной совокупности процессов доказывания, протекающих на всех этапах борьбы с преступностью.* При этом следует отметить, что исследование данного вопроса носит, на первый взгляд, несколько условный характер, так как механическое разделение процесса доказывания на две составляющие – процессуальную и криминалистическую – неверно ни с научной, ни с практической точки зрения. Это то же самое, что разделять философские категории формы и содержания. Тем не менее мы хотели бы обратить внимание на такую особенность *содержательной деятельности*

процесса доказывания, как конструирование формы указанного процесса посредством присущих только криминалистике методов и средств. Это, несомненно, позволит оптимизировать работу всех участников уголовного судопроизводства, участвующих в реализации основной его задачи – достижения объективной истины в правоприменительной деятельности.

Схематично суть криминалистического содержания доказывания как эмпирической составляющей процессуального познания можно попытаться вывести из содержания изложенного нами ранее криминалистического понятия «доказательство», в котором понятие «представленность субъекту доказывания» определяет собой, по сути, познавательно-коммуникативную составляющую деятельности по отысканию, исследованию и фиксации элементов материальной структуры системы «преступление». При этом в структуре понятий «доказательство» и «доказывание» имеется такое их свойство, как **коммуникативность,** *которое определяет, в частности, содержание и характер деятельности субъектов доказывания, направленной на процесс трансформации полученной информации в соответствующие процессуальные формы для обеспечения процессуального познания.* В связи с этим необходимо конкретизировать с позиций криминалистики понятие «познание» при достижении истины, определить этапы (а также совокупный этап) осуществляемого процесса, его объем и пределы.

Как мы уже отмечали, криминалистическая деятельность по доказыванию – это его эмпирическая составляющая, которая по своему объему значительно шире процессуального доказывания. В этой связи доказывание с криминалистической точки зрения можно определить как осуществляемую на всех этапах борьбы с преступностью комплексную деятельность субъектов доказывания по выявлению, исследованию, проверке, оценке и фиксации элементов объекта познания – следов-отражений материальной структуры системы «преступление», *необходимых для решения задач уголовного судопроизводства.* (Об этом мы подробнее остановимся в следующем разделе.)

Вопрос о том, в какой степени деятельность по фиксации и оценке выявленных фактических данных является элементом криминалистического доказывания, лежит в плоскости исследования категорий абсолютной и относительной истины, необходимой для характеристики и использования этих понятий в правоприменительной деятельности.

На первый взгляд, надлежащее процессуальное оформление выявленной в процессе доказывания информации является деятельностью чисто процессуальной, «в известной степени, физической системой

действий». По форме – да. Но, согласно утвердившемуся взгляду, целостный процесс доказывания имеет два аспекта, две неразрывно связанные между собой стороны.

Первая связана с деятельностью по добыванию информации об обстоятельствах расследуемого события. В этом смысле доказывание носит познавательный характер.

Вторая связана с документированием установленных обстоятельств в определенной законом форме. В этом плане доказывание носит удостоверительный характер.

Познавательная и удостоверительная стороны процесса доказывания трансформируются, как указывалось выше, в сущностной характеристике понятия «доказательство», которая также имеет два аспекта: познавательный и удостоверительный. Первый выражен в добытых сведениях о фактах исследуемого преступного события, второй – в надлежащем источнике, фиксирующем эти знания. Естественно, ни одна из сторон не может существовать раздельно, ибо тогда не существовало бы ни судебного доказательства, ни процесса доказывания как такового. Более того, так как процесс сбора доказательств обязательно связан с процессом доказывания установленных фактов, любой доказательственный факт должен быть проверен. При этом (что особо следует подчеркнуть) *проверка закладывается уже в процессе фиксации доказательств.* Необходимо отметить следующие особенности доказывания при фиксации различных видов отражения преступлений:

1. Фиксация материальных отражений.

Это использование всех существующих видов фиксации:

- фотографирование;
- аудио- и видеосъемка;
- слепки материальных отражений;
- словесное описание отражений;
- измерение деталей отражений;
- изъятие объектов носителей следов-отражений.

В этом случае действуют достаточно подробно описанные в криминалистике правила фиксации всех аналогичных следов-отражений (дорожка следов, система следов и т.д.):

- фиксация (и поиск) других видов следов от данного объекта;
- сопоставление материальных следов от одного объекта (с целью диагностики их качеств, свойств объекта (субъекта) при его отсутствии на месте);
- фиксация следов на взаимодействующих объектах (субъектах) для получения вывода о содержании процесса взаимодействия, о внесенных изменениях на одном из объектов (субъектов).

2. Фиксация интеллектуальных отражений.

Это использование всех возможных действий субъектов доказывания по воспроизведению наблюдаемых явлений:

- запись речи, уточнение показаний через постановку вопросов, приложение зарисовок к устным показаниям;
- доказывание полноты показаний с воспроизведением и фиксацией установленных данных на месте, сопоставление показаний с отдельными следами, их системами;
- экспериментальная проверка показаний (с фиксацией условий, механизма действий, с проверкой возможности совершать те или иные действия, наличия физиологических, психологических особенностей).

Здесь действует правило полноты выявления и фиксации всех возможных интеллектуальных отражений исследуемого события, правило сопоставления их с иными установленными данными в ходе проведения следственных действий – допросов, очных ставок, опознаний.

3. Фиксация документальных отражений (социальных, личностных, технологических и т.д.) – это:

- применение правила, согласно которому использование любого документа предполагает построение системы его проверки. Это прежде всего поиск и проверка документа через различные информационные системы. Документ – это «информатор» о всех системах, через которые он может быть проведен;
- проверка документа через интеллектуальные отражения: составителей, фиксаторов, пользователей, предъявителей и т. д.;
- построение систем документального отражения, вызванное необходимостью разработки субъективной системы относимости к каждому документу:
  - по технологии его применения,
  - по схемам проверки документа;
- проверка документа через материальные процессы, которые в нем отражены, через действия, зафиксированные в документах.

В связи с изложенным представляется, что в процессе дальнейшего развития криминалистической теории доказывания специалистам еще **предстоит разработать теорию построения и оценки содержания документальных систем**.

С оценкой добытых сведений о фактах дело обстоит несколько сложнее. При этом необходимо увязывать несколько задач. Во-первых, это определение этапов процесса доказывания и разделение этого, по сути, перманентного процесса на дискретные составляющие, образующие совокупность процессов доказывания, протекающих на разных этапах борьбы с преступностью. Отсюда вытекает другая задача: установив

предмет и пределы выявления материальной структуры преступления на этих этапах, определить моменты достижения как промежуточных целей, так и основной цели уголовного судопроизводства – познания истины в ходе процессуального доказывания, то есть «законного, обоснованного и справедливого разрешения уголовного дела» (ч. 1 ст. 102 УПК Республики Беларусь).

Для теории и практики борьбы с преступностью наибольший интерес представляет вопрос о повышении эффективности функционирования субъектов доказывания по выявлению, исследованию, фиксации, проверке и оценке криминогенной информации как системы следов-отражений преступлений и преступной деятельности, а также наиболее полному и эффективному ее трансформированию в процессуальные формы. Последнее является предметом изучения и уголовного процесса, и криминалистики. Но только к задачам криминалистического исследования относится разработка правил, методов, средств отождествления объектов по оставленным следам, поскольку ни одна из существующих наук не исследует материальные процессы отражения такого специфического явления, как преступление. Наличие указанной задачи и создает базу для формирования самостоятельной науки криминалистики[1], равно как и обоснования криминалистической составляющей деятельности по доказыванию.

Уголовный процесс разрабатывает и доказательственное право – наиболее целесообразный порядок, обеспечивающий установление истины: обобщение, синтез, оценку фактов, собранных при предварительном расследовании и судебном рассмотрении дела. Доказательственное право учит, как оценивать конкретные факты и как их сопоставлять, как оценивать систему фактов, которые в совокупности и устанавливают событие совершенного преступления[2]. Однако есть еще одна сторона, которая остается за пределами доказательственного права, – это умение находить факты, важные для установления истины по уголовному делу. Мало знать, как оценивать и сопоставлять факты, прежде всего их надо **отыскать.** Необходимо создать теоретические основы поиска доказательственных фактов. Задачу разработки научных основ выявления, исследования, фиксации, проверки и оценки фактических данных, необходимых для обеспечения процесса доказывания системы «преступление», и призвана решать криминалистика вообще и криминалистическая теория доказывания в частности.

Если рассматривать эту системообразующую задачу и одновременно функцию криминалистики через призму ранее определенного нами понятия «доказательство» и, соответственно, «доказывание», то можно

---

1 Дулов А.В. Криминалистика. Мн., 1996. С. 6.

2 Там же. С. 7.

с уверенностью констатировать, *что в процессе доказывания задача криминалистики состоит (концептуально) в том, чтобы:*

- *во-первых, в структуре понятия «доказательство» появились процессуально закрепленные сведения об искомых фактах посредством* ***представленности*** *субъекту доказывания исследуемых объектов познания как явлений объективной действительности. Именно этот связующий компонент между объектом исследования и его процессуальным оформлением как деятельность по выявлению, исследованию, фиксации, проверке и оценке материальных, интеллектуальных и социальных следов-отражений совершенного преступления является важнейшим элементом криминалистической составляющей процессуального доказывания;*
- *во-вторых, чтобы путем установления следов-отражений преступления в соответствующих средах была построена криминалистическая модель их доказывания как основной элемент криминалистического метода познания истины в процессе уголовного судопроизводства*[1].

Таким образом, резюмируя сказанное, можно утверждать, что *по своему содержанию доказывание – это процессуальная реализация криминалистически установленных материальных следов преступления и процессов его отражения в материальных средах, показаниях, документах, перманентно осуществляемая субъектами доказывания на всех его этапах (этапах борьбы с преступностью) с целью достижения объективной истины в процессе уголовного судопроизводства – установления обстоятельств, имеющих значение для «законного, обоснованного и справедливого разрешения уголовного дела»* (ч. 1 ст. 102 УПК Республики Беларусь).

При этом под достижением объективной истины с позиций криминалистической теории доказывания следует понимать установление соответствия и тождества между уголовно-правовой матрицей данного вида преступления и построенной субъектами доказывания криминалистической моделью конкретного преступления, достигаемых посредством осуществления процесса доказывания с применением уголовно-процессуальных норм и правил.

Особо следует остановиться на особенностях криминалистического доказывания.

По сравнению с другими способами и видами доказывания в различных науках криминалистическое доказывание имеет следующие основные особенности:

---

[1] Суть метода состоит в отождествлении и идентификации элементов данной модели с аналогичными элементами ранее построенной уголовно-правовой матрицы преступления.

1. Доказывание обязательно реализуется в процессе выявления преступлений. Само выявление преступлений должно быть доказано для того, чтобы имелись основания для возбуждения уголовного дела.

2. Доказывание осуществляется в процессе сбора доказательств (характерных для того или иного этапа борьбы с преступностью). Сбор доказательств не может вестись без параллельно осуществляемого непрерывного процесса доказывания. Все доказательства становятся таковыми только в том случае, если они процессуально доказаны. Но этого недостаточно. Доказательственные факты в их совокупности, выявляемые в процессе сбора доказательств, обязательно должны проходить и через процесс их доказывания.

3. Сбор доказательств и доказывание происходят при наличии очень часто развивающихся процессов противодействия со стороны лиц, совершивших преступление. Это противодействие нередко становится причиной формирования систем фальсификации доказательств, которые надо разоблачать, предупреждать, ликвидировать. Такая направленность доказывания создает совершенно специфичную структуру криминалистического доказывания на предварительном следствии.

4. Процесс доказывания требует неуклонного соблюдения уголовно-процессуальной формы. Эта форма включает в себя четкие требования к фиксации фактов, к этапам осуществления доказывания.

5. Важной особенностью доказывания на стадии выявления преступлений, а также на предварительном следствии является то, что вся деятельность по доказыванию состоит преимущественно только в сборе и подготовке материала для обеспечения деятельности по осуществлению правосудия, то есть для обеспечения деятельности прокурора и суда.

6. Особенностью деятельности по доказыванию на предварительном следствии является обязанность следователя в необходимых случаях обеспечивать участие в процессах доказывания других субъектов предварительного расследования (обвиняемого, его адвоката и т.д.). Это направление деятельности включает в себя:

- привлечение заинтересованных лиц к производству действий по доказыванию, их проверке и оценке;
- создание условий для самостоятельного осуществления этими субъектами сбора необходимых сведений и представления доказательств (ч. 3 ст. 103 УПК Республики Беларусь; ч. 2 п. 9, 14 ст. 43 УПК Республики Беларусь и др.);
- оценку следователем этих действий.

К важнейшим особенностям криминалистического доказывания принадлежит и обязательность реализации процессов доказывания в течение всего хода осуществления борьбы с преступностью. Постоянное доказывание – основная движущая сила данного процесса. Деятельность

по доказыванию обязывает постоянно осмысливать собранную информацию, определять пути ее дальнейшего сбора и фиксации, а также устанавливает способы и методы проверки и оценки собранной, анализируемой информации.

Говоря о содержательной сущности и особенностях процесса криминалистического доказывания, нельзя не остановиться на активно обсуждаемом в криминалистике понятии «криминалистическая характеристика преступления». Изучение причин «отставания» криминалистической организации процесса доказывания показало, что оно в значительной мере связано с подменой криминалистического анализа преступлений (который осуществляется с целью разработки рекомендаций по расследованию) изложением уголовно-правовых и уголовно-процессуальных аспектов характеристики отдельных видов преступлений. Методические рекомендации, разработанные на такой основе и без учета криминалистически значимых признаков преступлений, не отличались достаточной конкретностью и поэтому в определенной мере не соответствовали потребностям следственной практики. Именно для того, чтобы исправить это положение, и родилась идея криминалистической характеристики преступлений[1].

Криминалистическую характеристику преступлений (КХП) обозначают как:

- информационную модель типичных признаков определенного вида (группы) преступлений[2];
- идеальную модель типичных связей и источников доказательственной информации[3];
- вероятностную модель события[4];
- систему данных (сведений) о преступлении, способствующих раскрытию, расследованию[5];

---

1 Басалаев А.Н., Гуняев В.А. Криминалистическая характеристика преступлений (общее понятие и практическое значение) // Методика расследования преступлений. М., 1976. С. 100.

2 Салтевский М.В. Криминалистическая характеристика: структура, элементы // Специализированный курс криминалистики. Киев, 1987. С. 310; Образцов В.А. Учение о криминалистической характеристике преступлений // Криминалистика / Под ред. В.А. Образцова. М., 1987. С. 38.

3 Бахин В.П., Гора И.В. «Контркриминалистика», или Новые задачи криминалистики // Актуальные проблемы государства и права. Одесса, 1998. Вып. 5. С. 5.

4 Аверьянова Т.В. и др. Концептуальные положения криминалистической методики // Криминалистика: Учеб. / Под ред. Р.С. Белкина. М., 1999. С. 688.

5 Пантелеев И.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений // Криминалистика: Учеб. / Под ред. И.Ф. Пантелеева, Н.А. Селиванова. М., 1984. С. 336; Матусовский Г.А. Криминалистическая характеристика преступлений // Криминалистика: Учеб. / Под ред. В.Ю. Шепитько. Харьков, 1998. С. 144.

- систему обобщенных фактических данных, знание которых необходимо для организации раскрытия и расследования преступлений[1];
- систему особенностей вида преступлений, имеющих значение для расследования[2];
- систему описания криминалистически значимых признаков преступлений с целью обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений[3].

Перечень различных и во многом сходных с понятием КХП определений можно было бы продолжить. Мы в общей сложности насчитали около сорока подобного рода определений[4], в которых в том или ином виде отмечаются:

- совокупность обобщенных данных о признаках определенного вида преступлений;
- установление и учет закономерных взаимосвязей между этими данными;
- предназначенность для использования в расследовании конкретных видов преступлений.

В КХП выделялись, кроме прочего, личность преступника, соучастники, потерпевшие, цель и мотив преступления, способ совершения преступления, его место и время, обстановка, которая складывается при совершении преступления. В число элементов преступления включали уголовно-правовые, криминалистические, психологические, виктимологические и иные признаки.

В связи с этим возникает вопрос: разве раньше для обеспечения расследования преступлений не проводились обобщения практики, не использовались данные о способах совершения преступлений, их следах, характеристики личности преступника и т.п.? Очевидно, что учет элементов, относимых теперь к криминалистической характеристике преступлений, осуществлялся при разработке частных методик с момента их зарождения[5].

При этом нельзя не отметить, что подавляющее количество авторов КХП объявили своей методологической основой системный подход. Однако фактически системой стала именоваться искусственно

---

[1] Возгрин И.А. Криминалистическая характеристика преступлений // Криминалистика: Учеб. / Под ред. Т.А. Серовой, А.А. Эксархопуло. СПб., 1995. С. 273.

[2] Филиппов А.Г. Общие положения методики расследования отдельных видов и групп преступлений // Криминалистика: Учеб. / Под ред. А.Г. Филиппова и А.Ф. Волынского. М., 1998. С. 333.

[3] Яблоков Н.П. Понятие криминалистической характеристики преступлений // Криминалистика / Под ред. Н.П. Яблокова, В.Я. Колдина. М., 1990. С. 324.

[4] Лаврухин С. В. Проблемы криминалистического исследования преступлений // Вестник криминалистики. М., 2002. Вып. 2 (4). С. 29–37.

[5] Белкин Р.С. Курс криминалистики: В 3 т. Т. 3. М., 1997. С. 310–311.

определяемая совокупность разнообразных фактов, оценок, явлений, и в то же время системно не упоминались такие обязательные элементы преступления, как средства, орудие совершения преступления, специфические связи между элементами преступления. При конструировании криминалистических характеристик отсутствовал единый системный стержень, который позволял бы во всех случаях строить исследование по единому плану.

О несостоятельности КХП свидетельствуют следующие факты:

1) отсутствует не только общее определение, но и убедительная, целостная концепция данного понятия;

2) нет четкого разграничения между КХП и уголовно-правовым криминалистическим понятием преступления;

3) КХП в полной мере не удовлетворяет принципам системного и деятельностного подходов;

4) отсутствует должная методологическая основа составления КХП в связи с тем, что недостаточное внимание уделяется методам его изучения.

Представляется очевидным, что КХП в достаточной степени не способна обеспечить его полное криминалистическое изучение.

Как отмечает в этой связи В.П. Бахин[1], поскольку функциональное назначение КХП – обеспечение раскрытия и расследования – не вызывает сомнений, а ее теоретические основы в целом разработаны, настала пора перейти к созданию ее практической части. КХП станет рабочим инструментом расследования только тогда, когда предстанет в виде системного обобщения данных расследования значительного массива уголовных дел по каждой категории преступлений и будет установлена взаимосвязь всех криминалистически значимых признаков этих видов преступлений. Без этого все описания КХП будут восприниматься практиками как очередные «отвлеченные научные дискуссии» и углублять их нигилистическое отношение к науке.

В целом разделяя позицию В.П. Бахина по исследуемой проблеме, все же необходимо отметить, что никакие системные обобщения данных уголовных дел не позволят обеспечить реализацию функционального назначения КХП, указанную выше. С чем безоговорочно можно согласиться, так это с тем, что если вести речь о КХП, то только с тех позиций, где автор говорит о создании практической части криминалистической характеристики. А выполнению этой задачи, по нашему мнению, может способствовать *только создание положений криминалистической теории доказывания с четким определением целей, предмета, структуры, содержания, принципов осуществления доказательственной деятельности на всех этапах борьбы с преступностью.*

---

[1] Бахин В.П. Криминалистическая характеристика преступления как элемент расследования // Вестник криминалистики. М., 2000. Вып. 1. С. 21.

2.1. Доказывание – самостоятельная цель криминалистики

Содержание любой науки, предметом которой, в частности, является деятельность человека, полнее всего определяется целями этой деятельности. Криминалистика – наука, изучающая деятельность по борьбе с преступностью. Значит, для познания ее содержания необходимо определить цели указанной деятельности, а тем самым и цели науки.

Криминалистика сформировалась и развивалась как наука, призванная консолидировать и разрабатывать пути использования различных научных знаний в борьбе с преступностью. Система этих знаний постоянно совершенствовалась. Чем выше поднимался уровень развития общества, тем более организованной, научно обоснованной становилась и система борьбы с преступностью. Обязательным условием развития этой системы было формирование и совершенствование целеполагания. Определение целей, которые должны достигаться в процессе деятельности системы, обусловливают само содержание этой системы: ее структуру, этапы развития, контроль, результаты. Чем четче и полнее сформулированы цели, тем действеннее система борьбы с преступностью.

В определениях предмета криминалистики всегда содержалось указание и на цели этой науки. Первоначально подчеркивалось, что целью криминалистики является раскрытие и расследование преступлений.

По мере развития этой науки становилось ясно, что ее цель не может ограничиваться только процессами раскрытия и расследования преступлений. Было доказано, что для успешной борьбы с преступностью прежде всего надо определить причины и условия, порождающие преступления, и разработать меры, средства, воздействующие на эти причины и условия. Без этого борьба с преступностью не приносит успеха – организовать ее эффективную работу невозможно. Нет сомнений, что необходимо развивать деятельность по **профилактике, предупреждению** преступлений, в том числе и в рамках науки криминалистики.

В соответствии с этим общим направлением в борьбе с преступностью в определениях криминалистики стали указывать и на такую цель, как профилактика преступлений.

Криминалистическая профилактика имеет исключительно важную социальную направленность, она призвана обеспечивать безопасность всех сфер жизнедеятельности общества, каждой личности.

К сожалению, до настоящего времени данное направление криминалистики не имеет необходимой научной разработки, что, конечно, негативно сказывается и на практической реализации этой цели криминалистики.

В процессе развития криминалистики в ее определениях стали указывать и еще на одну цель: **выявление преступлений.** Действительно, для того чтобы расследовать преступление, необходимо прежде всего его **выявить.** Изучение практики показывало, что преступность становится все более изощренной, все более латентной. Криминалистическими исследованиями было установлено, что по многим видам преступлений латентность достигала 90–95 %. При таких условиях говорить о действенной борьбе с преступностью, конечно, было нельзя. Следовало предельно активизировать именно выявление преступлений, что и привело к появлению такой цели в определениях криминалистики[1].

Наука должна изучить и обучить, как выявить преступления, как обеспечить действительную неотвратимость наказания.

В то же время анализ содержания криминалистики дает основание сделать вывод, что и эти три цели не исчерпывают всего содержания этой науки. Изучение ее развития, появление новых технических и тактических средств убедительно свидетельствуют о том, что в число целей криминалистики входит и **доказывание.**

Криминалистика с самого начала своего возникновения и по настоящее время постоянно занимается разработкой проблем доказывания преступлений. Методы фиксации доказательственных фактов, их исследования и другие направлены именно на доказывание преступлений. Но в то же время какой-либо специальной теории доказывания в криминалистике, по существу, еще не было.

Доказывание есть обязательный элемент **мышления** при осуществлении любой деятельности человека. Это необходимое условие деятельности, которое надо соблюдать перед принятием решения, в процессе формирования убеждения.

Доказывание в равной степени есть и обязательный элемент **такой деятельности** человека, где надо формировать собственное **убеждение** (для совершения действий, принятия решений, управления технологическими процессами, действиями других лиц и т.д.).

Уже с появлением гласного суда стало ясно, что в процессе расследования преступлений надо не только устанавливать истину, но и обязательно ее доказывать.

Доказывание – это движущая сила процесса расследования.

Важнейшей целью предварительного расследования является предоставление суду возможно более полного объема доказательственных фактов, на основании которых суд сможет сформировать свое убеждение по всем перечисленным позициям и принять решение – осуществить правосудие.

---

[1] Криминалистика / Под ред. А.В. Дулова. Мн., 1998. С. 17.

Именно для того, чтобы на предварительном следствии был собран и передан суду весь необходимый доказательственный материал, необходимо проводить большую работу по сбору, проверке, оценке этого материала, по формированию убеждения в его истинности, полноте, доброкачественности.

Доказывание формирует убеждение следователя, которое он передает суду посредством всех собранных фактов, их анализа и синтеза, осуществляемых в процессе предварительного расследования. Именно поэтому доказывание выполняет особую роль в деятельности по осуществлению правосудия. Суд должен **убедиться** в том, что преступное событие, в котором обвиняют подсудимого, действительно имело место, что совершил его именно подсудимый. Суд должен быть **убежден** в степени его виновности в действиях, в наступившем преступном результате. Суд, наконец, должен быть **убежден,** что подсудимый понесет за это справедливое наказание, уровень которого опять же устанавливает суд. *Убеждение в каждом из перечисленных случаев производится через процесс доказывания.*

Таким образом, одной из функций доказывания является оказание помощи суду в формировании убеждения. Внутреннее убеждение у судьи, необходимость которого определяет Уголовно-процессуальный кодекс, должно сформироваться только через процесс доказывания.

В итоге можно констатировать, что доказывание:

- активизирует весь процесс познания на предварительном следствии (равно как и на стадиях выявления преступлений и судебного следствия);
- обеспечивает полноту сбора, исследования, проверки, оценки всех доказательственных фактов, их закрепление в материалах проверки либо уголовного дела;
- предоставляет в распоряжение суда результаты всей работы по доказыванию, проведенной на предыдущих этапах борьбы с преступностью.

В то же время в законодательстве указание на необходимость доказывания при осуществлении правосудия появилось сравнительно недавно.

Еще в УПК БССР 1961 года в числе задач уголовного судопроизводства было указано на необходимость «изобличения виновных». Однако что следует понимать под процессом изобличения – не разъяснялось. Только в некоторых комментариях изобличение трактовалось как установление всех эпизодов преступной деятельности, полное выяснение причин и условий, способствовавших преступлению[1]. Хотя совершенно ясно, что изобличить – это и значит прежде всего неопровержимо

[1] Комментарий УПК РСФСР. М., 1965. С. 6.

доказать факты, связи между ними, виновность обвиняемого. Никаких упоминаний о процессах доказывания ни в самом законе, ни в его комментариях еще не было.

В подтверждение сказанного достаточно сослаться на статьи УПК БССР 1961 года, трактующие доказательства. Законодателем выделялась статья о собирании доказательств (ст. 70), статья об оценке доказательств (ст. 71), но не освещался процесс доказывания, даже термин такой в законе не значился. В этом вопросе проявлялось одно из отставаний законодательства от развития теоретических исследований проблем права.

Положение кардинально изменилось с принятием в 1999 году нового Уголовно-процессуального кодекса. Статья 102 УПК Республики Беларусь определяет понятие доказывания: «Доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств с целью установления обстоятельств, имеющих значение для законного, обоснованного и справедливого разрешения уголовного дела».

Наличие такой статьи в законе уже просто обязывает осуществлять разработку теоретических и практических проблем борьбы с преступностью, используя понятие «доказывание».

Совершенно ясно, что доказывание является важнейшей и обязательной частью деятельности уполномоченных субъектов и на этапе выявления преступлений, и на предварительном и судебном следствии, а отсюда – и целью научных разработок в криминалистике.

Появление в криминалистике такой цели, как доказывание, – это закономерный результат развития самой науки и расширения ее связей с уголовным правом и процессом, что, в свою очередь, является следствием общего развития демократических преобразований в системе правосудия. Именно благодаря доказыванию на предварительном следствии суд получает в свое распоряжение проверенные и уже оцененные участниками процесса доказательства, собранные с соблюдением всех условий и гарантий, предусмотренных для деятельности по осуществлению предварительного расследования.

Являясь целью криминалистики, криминалистическое доказывание одновременно является и обязательной составляющей общей деятельности по осуществлению правосудия, призвано обеспечивать указанную функцию суда.

Как обязательная функция науки криминалистики и криминалистической деятельности доказывание выполняет очень важную общесоциальную функцию – убеждает все общество в действенности и справедливости правосудия в целом.

Особенности доказывания, к примеру, на предварительном следствии значительно расширяют функции следователя. Он обязан не только

собирать доказательства, но и принимать все необходимые меры для их сохранности (и формы, и содержания).

Наличие доказывания в системе основных целей криминалистики вносит существенные изменения в структуру деятельности субъектов доказывания на всех этапах борьбы с преступностью, в частности на предварительном следствии. Расширяются обязанности следователя. Он должен:

- осуществлять доказывание при принятии каждого процессуального решения;
- требовать проведения деятельности по доказыванию от субъектов, осуществляющих действия по выявлению преступлений, оперативного установления ими всех обстоятельств, необходимых для реализации процессов доказывания на предварительном следствии;
- в необходимых случаях обеспечивать возможность осуществления действий по доказыванию (сбору, проверке, оценке фактов) со стороны заинтересованных участников расследования (обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца);
- предпринимать действия по исследованию и проверке замечаний, возражений, высказанных заинтересованными участниками процесса расследования, по исполнению их ходатайств.

Доказывание – основа реализации процессуальных функций следователя. С другой стороны, оно расширяет возможности следователя при воздействии на обвиняемого, дающего ложные показания, пытающегося противодействовать процессу сбора доказательств. Убеждаясь в наличии определенных фактов, связей между ними, следователь может использовать результаты своей деятельности по доказыванию и для убеждения обвиняемого в необходимости прекратить противодействие следствию и дать согласие на сотрудничество в целях установления истины.

Доказывание, кроме прочего, есть еще и процесс организации деятельности по выявлению уголовно-релевантных фактов на этапах выявления преступлений, предварительного и судебного следствия. Этот процесс существенно углубляется через процессуальное понимание доказывания как сбора, проверки, оценки доказательств, что позволяет выделять эти стадии при «конструировании» доказательств на каждом из этапов борьбы с преступностью.

Доказывание сочетает в себе все виды деятельности по достижению целей криминалистики и одновременно является частью содержания всех этих видов деятельности и их результатом. Без доказывания нельзя досконально установить обстоятельства преступного события, выявить преступление, осуществить действия по профилактике и предупреждению подобного преступного поведения в будущем.

Например, нельзя разрабатывать профилактические мероприятия, не установив всей криминалистической структуры преступления, всех систем связей между элементами этой структуры. В то же время нельзя оценить действенность разработанных профилактических мер, не изучив всех собранных по делу фактов, связей между ними, то есть не осуществив доказывания. Это в полной мере относится и к деятельности по установлению фактов, имеющих отношение к делу, выявлению латентных преступлений и т.д.

Таким образом, деятельность по доказыванию:

- является самостоятельным видом криминалистической деятельности;
- обязательно входит составным элементом во все другие виды криминалистической деятельности.

В системе целей субъектов уголовного преследования *криминалистическое доказывание выполняет особую функцию – оно служит связующим элементом для всех остальных целей.*

Познание всех обстоятельств, характеризующих преступление, производится через собирание доказательств. Собирание доказательств в целях обеспечения деятельности по осуществлению правосудия реализуется как процесс доказывания. Доказывание не существует само по себе. Оно предполагает собирание доказательств.

Но в то же время нельзя собирать доказательства, опять же не имея в виду одновременное осуществление процесса доказывания.

Эти цели теснейшим образом связаны между собой, так как:

- сбор доказательств предполагает осуществление процесса доказывания убеждения в полноте, достоверности, взаимосвязанности полученных доказательств;
- доказывание обеспечивается определенным порядком сбора доказательств;
- доказательства должны собираться на такой основе и в таком порядке, который дает возможность достичь полноты, правильности, достоверности проведения последующего доказывания. Другими словами, процесс сбора доказательств должен строиться на принципе обеспечения полноты последующего проведения доказывания.

Сказанное означает, что доказывание характеризуется исключительно многосторонней значимостью. Оно важно для:

- реализации всех целей криминалистической деятельности;
- собирания всех необходимых доказательственных фактов на стадии расследования;
- реализации функции обвинения на предварительном следствии и в суде;

- обеспечения неотвратимости наказания за совершенное преступление;
- обеспечения прав обвиняемого на предварительном следствии;
- предоставления суду всех доказательственных фактов, необходимых для осуществления правосудия.

Достижение каждой из целей криминалистики требует последовательной разработки следующих проблем:

- создания «дерева» целей, конкретизирующих содержание и пути достижения основной цели;
- формирования задач, которые следует решить для достижения основной цели, элемента «дерева» целей;
- создания методов решения задач, стоящих перед субъектом доказывания;
- формирования средств реализации этих методов;
- моделирования и организации практических действий по реализации методов и средств решения поставленных целей.

Весь этот путь необходимо пройти и при разработке рекомендаций для осуществления деятельности по криминалистическому доказыванию.

В соответствии с этим практическая реализация каждой из перечисленных целей криминалистики может быть обеспечена только посредством формирования и разработки специальных теорий. Это в полной мере относится и к обеспечению целей доказывания.

Общей целью криминалистического доказывания являются собирание доказательств, их проверка и оценка для обеспечения последующей деятельности суда по использованию доказательств, формированию убеждения, на основе которого и осуществляется правосудие.

При этом особенность доказывания проявляется в его направленности. Следователь (или иной субъект доказывания) не только сам обязан убедиться в наличии доказательственных фактов, связях между ними, но и должен убедить в этом надзирающего прокурора и, главное, суд. В силу этого доказывание требует, чтобы все установленные факты были процессуально зафиксированы, закреплены, отражены в материалах уголовного дела. Мало того, требуется и соблюдение таких мер предосторожности, чтобы все установленные факты, связи между ними могли быть воспроизведены, проверены в суде при осуществлении правосудия, то есть при реализации процесса доказывания в ходе судебного следствия.

Для того чтобы эта общая цель обязательно была достигнута в процессе расследования, ее необходимо конкретизировать и сформировать систему («дерево») целей. Перечислим их:

1. Построение и реализация уполномоченными субъектами уголовно-правовой матрицы преступления с целью обеспечения законности при разрешении дела.

Реализация доказывания на всех этапах борьбы с преступностью, при производстве действий по установлению обстоятельств расследуемого события (собирании доказательственных фактов, их проверке, оценке и проч.), осуществляется на основе уголовно-правовой матрицы, конкретизируемой для каждого вида преступлений.

Обязательность собирания доказательств во время предварительного следствия на основании уголовно-правовой матрицы подтверждена и уголовно-процессуальным законом. Статья 89 УПК Республики Беларусь 1999 года получила наименование «Обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу». Часть 1 этой статьи предусматривает, что «доказыванию подлежат:

- наличие общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом (место, время, способ и другие обстоятельства его совершения);
- виновность обвиняемого в совершении преступления;
- обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности обвиняемого (обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность, характеризующие личность обвиняемого);
- характер и размер вреда, причиненного преступлением».

Последняя группа фактов свидетельствует о необходимости установления не только материального ущерба (как это указывалось в уголовно-процессуальных кодексах ранее), но и физического, морального.

Собирание перечисленных сведений обязательно должно сопровождаться их доказыванием. Все факты, обстоятельства должны обобщаться в системы фактов, на основании которых и делаются выводы о наличии элементов уголовно-правовой матрицы.

2. Осуществление доказывания на каждом этапе борьбы с преступностью с целью установления всех обстоятельств, необходимых для принятия процессуальных решений субъектами доказывания, прокурором, судом.

Процессы выявления преступлений, раскрытия их средствами оперативной деятельности, дознание и предварительное расследование обязательно должны являться и процессами доказывания с принятием соответствующих процессуальных решений. Доказывание должно параллельно развиваться на всех этапах борьбы с преступностью. Только следование такой цели (и такому обязательному принципу) обеспечит и полноту собираемых доказательств, и их доказанность уже на начальных стадиях их собирания. Практика убедительно показывает, что в тех случаях, когда цель доказывания не ставится на этапе

выявления преступления, то на следующих этапах (и особенно на этапе судебного следствия) это упущение в достаточной мере восполнить уже нельзя.

3. Реализация на каждом этапе борьбы с преступностью всех стадий доказывания, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, с целью достижения обоснованного и справедливого разрешения уголовного дела.

➲ Доказывание необходимо осуществлять *при собирании* доказательств. Данный процесс обеспечивается:

- исследованием обнаруженных доказательственных фактов, их систематизацией;
- установлением причинно-следственных связей между отдельными доказательственными фактами;
- особыми способами получения доказательственных фактов. Например, в результате проведения тактической операции «изобличение».

➲ В процессе доказывания должна широко использоваться *проверка* установленных фактов:

- прежде всего проверяется источник сообщения сведений;
- кроме этого, каждый полученный факт обязательно всесторонне оценивается и соотносится с другими доказательственными фактами с учетом развития событий, их результатов, последствий и т.д.

➲ Проверка доказательственных фактов необходима для:

- устранения сомнений в источнике получения сведений о фактах;
- построения систем связей между различными фактами;
- построения систем имеющихся фактов с целью разработки действий по поиску новых элементов криминалистической структуры системы «преступление», а также решения иных задач криминалистического доказывания.

➲ Следует постоянно осуществлять *и оценку* фактов.

Оценка доказательств – это не только функция суда, но и обязательный элемент деятельности всех органов, выявляющих, фиксирующих, исследующих доказательственные факты. Оценка должна осуществляться:

- при принятии всех тактических и процессуальных решений;
- по результатам проведения всех оперативных, следственных действий;
- при построении систем оперативных и следственных действий, систем доказательственных фактов;
- при составлении планов решения тактических задач и по результатам их решения.

Исследуя процессы доказывания, надо иметь в виду, что все его стадии теснейшим образом связаны между собой.

Процессуальные стадии доказывания, реализуемые на предварительном следствии, находятся во взаимосвязи благодаря постоянному процессу моделирования и реализации общей модели деятельности по расследованию. Это и определяет содержание связей между стадиями доказывания.

При каждом действии, совершаемом с целью сбора доказательств, одновременно производится их проверка и оценка. В свою очередь, проверка доказательств связана с необходимостью сбора дополнительных доказательственных фактов. Это же относится и к деятельности по оценке доказательств и т.д.

4. Создание условий для участия в процессах доказывания на предварительном следствии всех заинтересованных участников уголовного процесса.

Выше было указано, что в уголовном процессе принимают участие те субъекты, которые заинтересованы в ходе и результатах деятельности предварительного следствия по доказыванию фактов, события преступления, виновности определенных лиц. Процессуальный закон обязывает органы предварительного расследования обеспечить при необходимости их участие в процессах установления доказательственных фактов, их проверке и т.д. Следователь в ряде случаев обязан обеспечить участие обвиняемого при фиксации доказательственных фактов. Например, в ходе обыска в квартире обвиняемого самому обвиняемому и его защитнику предоставляется право ходатайствовать о проверке выявленных доказательственных фактов, принимать участие в процессах их проверки (ст. 43 и 48 УПК Республики Беларусь). Но процессуальные права могут быть реализованы только через действия следователя. Отсюда возникает проблема разработки тактики взаимодействия с обвиняемым и его защитником в процессе доказывания. Наличие такой особой цели порождает формирование специального направления в общей теории криминалистического доказывания.

5. Криминалистическое доказывание позволяет достичь еще одной важной комплексной цели – формирования целостного представления (мысленного воссоздания) о событии преступления, о действиях, умысле и мотивах поведения обвиняемого.

Доказывание – необходимый элемент деятельности, направленной на формирование собственного убеждения следователя, убеждения других участников, в том числе и обвиняемого. Такое представление о событии преступления криминалистическое доказывание обеспечивает путем последовательного установления различных видов связей между

фактами, действиями, событиями. Для достижения этой цели в процессе криминалистического доказывания разрабатываются и фиксируются:

- связи – следы-отражения системы «преступление»;
- системные связи установленных и устанавливаемых фактов (элементы структуры);
- причинно-следственные связи между действиями и результатами, различными событиями, явлениями и т.д.

Достижение каждой из перечисленных целей происходит через разработку и разрешение систем задач, что также определяет предмет теории криминалистического доказывания.

Таким образом, формирование системы целей доказывания, а также определение и анализ задач, которые надо решать для достижения каждой цели, позволяют еще раз убедиться в необходимости разработки и развития специальной теории криминалистического доказывания, в рамках которой и должно осуществляться исследование указанных проблем.

2.2. Предмет теории криминалистического доказывания

Ранее мы уже кратко останавливались на исследовании вопроса о предмете криминалистики. С нашей точки зрения, он коренным образом связан с определением предмета криминалистического доказывания, так как имеет с ним, по сути, одну и ту же цель, природу, субъектов и, в значительной степени, объект исследования. Поэтому правомерным будет установить, что же следует понимать под предметом исследования как таковым и как он соотносится с понятием «объект» исследования. Изучение любой науки, равно как и разрабатываемых в ней теорий, начинается с определения указанных выше понятий. Это не излишнее теоретизирование, а настоятельная необходимость предварительного упорядочения процесса познания науки, а также практической деятельности, использующей эти познания. В этой связи необходимо выяснить, что же изучает наука криминалистика и уже в соответствии с этим определить предмет исследуемой нами криминалистической теории доказывания преступлений. Для этого попытаемся еще раз совершить экскурс в историю.

Первые работы по криминалистике не содержали ее определения, в них ставилась задача изложить фактические рекомендации по отысканию следов преступления, применению технических средств в ходе расследования. Постепенно происходило расширение границ криминалистического исследования. Стали излагаться рекомендации тактического характера: о производстве осмотра, обыска, допроса. Дальнейшее развитие криминалистики в самостоятельную науку потребовало и определения ее предмета. Первоначально определения были предельно краткими: «криминалистика – наука о расследовании преступлений»; «криминалистика – наука, которая разрабатывает технические средства и тактические приемы для расследования преступлений»; «криминалистика – наука, призванная разрабатывать рекомендации для практической деятельности по расследованию». Такие формулировки не отвечали общим требованиям определения предмета науки и приводили к суждениям о том, что криминалистика является не самостоятельной наукой, а только частью науки «уголовный процесс».

Если говорить обобщенно, то предметом криминалистического исследования, по мнению большинства криминалистов (с момента появления в 1967 году знаменитой статьи Р.С. Белкина и Ю.И. Краснобаева «О предмете советской криминалистики» ряд ученых под этим термином понимают объективные закономерности действительности, изучаемые

данной наукой[1]. В дальнейшем Р.С. Белкин уточнил, что это закономерности: а) возникновения и развития связей и отношений внутри механизма преступления; б) формирования и реализации способа преступления; в) возникновения и течения связанных с преступлениями явлений до и после криминального порядка, имеющих значение для следственной, судебной, оперативно-розыскной и экспертной практики[2]. При этом различные авторы называли закономерности: возникновения информации о преступлении и совершивших его лицах[3]; характеризующие процесс раскрытия преступлений[4]; возникновения, собирания и использования следов преступлений[5]; движения уголовно-релевантной информации при совершении и расследовании преступлений[6]; а также закономерные особенности преступлений и некоторых других, связанных с ними явлений, а также закономерные особенности, возникающие в результате отражения информации[7]), являются определенные объективные закономерности изученной действительности, а объектом – соответствующая объективная действительность. Иными словами, в этой связке понятий предмет исследования представляет собой отображаемый объект.

Однако, как справедливо, по нашему мнению, отмечает С.В. Кузьмин[8], объективные закономерности действительности сами по себе не могут быть ни предметом, ни объектом теоретической схематизации (построения теории). Достаточно развитая теория (как результат научной деятельности) должна точно и полно описывать и объяснять познанные в процессе исследования объективные закономерности действительности. В результате такого описания и объяснения они становятся основной частью теории, поэтому наличие в ней сведений об объективных закономерностях действительности – это не что иное, как один из критериев научной зрелости теории. Кроме того, в процессе построения теорий ученый оперирует не самими выявленными закономерностями, а всего лишь информацией о них, то есть он сначала создает, а затем описывает модель, отображающую с определенной степенью точности

---

1 Белкин Р.С., Краснобаев Ю.И. О предмете советской криминалистики // Правоведение. 1967. № 4. С. 90–94.

2 Белкин Р.С. Криминалистика. Проблемы, перспективы, тенденции. М., 1987. С. 61.

3 Бердичевский Ф.Ю. О предмете и понятийном аппарате криминалистики // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1976. Вып. 24. С. 140.

4 Криминалистика. М., 1993. С. 7.

5 Криминалистика. М., 1994. С. 6.

6 Криминалистика социалистических стран. М., 1986. С. 4.

7 Образцов В.А. О совершенствовании некоторых криминалистических определений в свете интеграции и дифференциации знаний в криминалистике // Актуальные проблемы советской криминалистики. М., 1980. С. 24.

8 Кузьмин С.В. Предмет и объект научно-криминалистического исследования // Правоведение. 2001. № 6. С. 149.

изучаемый объект или объекты. Уже только поэтому познанные закономерности не могут быть предметом теории.

С точки зрения философии предмет любой науки включает в себя «зафиксированные в опыте и включенные в процесс практической деятельности человека стороны, свойства и отношения объектов, исследуемые с определенной целью в данных условиях и обстоятельствах»[1]. Самостоятельность науки имеет место в том случае, если наличествует особый объект исследования и специфическая цель познания этого объекта (построение теорий и формирование путей их использования в практической деятельности), существуют специфические методы исследования, учитывающие особенности объекта и целей исследования.

Как в связи с этим верно отметил В.А. Образцов[2], в теоретических основах криминалистики формируется целая теория объекта криминалистического изучения. При этом в качестве объекта или объектов этой науки различные авторы рассматривают:

- либо преступную деятельность и деятельность по ее раскрытию и расследованию;
- либо процессы отражения преступной деятельности и познавательные процессы деятельности следователя;
- либо поисково-познавательную деятельность в уголовном судопроизводстве;
- либо обстоятельства, связанные с криминалистической деятельностью и событием, в том числе и с деятельностью преступников[3].

Таким образом, фактически (хотя и очень опосредованно) происходит разделение понятий объекта и предмета криминалистического познания. Под объектом исследования в этом случае понимают некую познавательную реальность, действительность, а под его предметом – ту сторону объекта, которая рассматривается в данном исследовании.

Другими словами, объект исследования всегда выступает как часть объективной действительности, которая вступила в практическое и познавательное взаимодействие с познающим субъектом и противостоит ему в познавательной действительности. Это то, что изучается. При этом объект исследования может быть как материальным, так и идеальным. В понятие объекта входит не только то, что существует вне и независимо от субъекта, но и сознание человека и его деятельность, если они выступают в качестве предмета познания. Объект как реальность всегда более сложен, чем то содержание, которое зафиксировано в сознании на том

---

[1] Философский словарь. М., 1986. С. 379.

[2] Образцов В.А. Объект и дидактические проблемы криминалистики: Тез. докл. М., 1995.

[3] Яблоков Н.П. Объект и предмет криминалистического изучения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11, Право. 1997. № 1. С. 25.

или ином этапе познания объекта либо его части. Поэтому движение познания от исходных чувственных данных к идеальному воссозданию объекта в виде системы понятий, от эмпирического уровня знаний к теоретическому, выступает как движение «по слоям» самого объекта, от поверхностных к более глубоким, от сущности первого порядка к сущности второго порядка и т.д. В силу этого предмет познания можно рассматривать как часть объекта, его определенный срез, аспект, сторону. Если объектом всех криминалистических наук считать преступление (преступность), то его изучают: уголовное право, уголовный процесс, криминология, судебная психология, исправительно-трудовая педагогика, статистика, судебная медицина и психиатрия, оперативно-розыскная деятельность и ряд других наук, в том числе и, собственно, сама криминалистика. И каждая из указанных выше наук (имея, повторяемся, один и тот же объект) изучает только интересующие ее свойства «стороны преступления и преступности», где она имеет свой конкретный предмет изучения. Другими словами, если объективная реальность – нечто общее либо более общее, объект – особенное, специальное, а предмет – отдельное, характерное[1]. В чем же это отдельное выражается? Р.Т. Домбровский[2], к примеру, проанализировав взгляды на предмет криминалистики, выделяет при этом два аспекта – гносеологический и социологический. Правда, говоря о социальном плане, он обосновывает тезис о том, что предмет науки криминалистики находится между объектом познания (преступность) и субъектом познания (члены общества, ведущие борьбу с преступностью), которые связаны так называемыми криминалистическими отношениями. Последнее утверждение, с нашей точки зрения, является небесспорным, так как, отмечает Ю.И. Краснобаев[3], под криминалистическими отношениями понимаются не только отношения между людьми, но и связи между действиями. Поэтому можно утверждать, что криминалистика изучает *не один объект, а несколько, или, вернее будет сказано, что предмет криминалистики образуют несколько составляющих.* Здесь следует отметить, что каждая составляющая данного предмета представляет собой сложное системное образование и находится в поле зрения других наук. Изучение преступления включает в себя рассмотрение и анализ всех его элементов (субъекта, орудия, места, времени и т.д.), без которых нет данного явления и механизма его совершения.

---

[1] Каирджанов Е.И. К методологии предмета науки криминалистики // Проблемы совершенствования законодательства и практика борьбы с преступностью: Сб. науч. тр. Алма-Ата, 1992. С. 79.

[2] Домбровский Р.Т. Предмет криминалистики. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1974. С. 19–20.

[3] Краснобаев Ю.И. Совершенствование предварительного следствия и предмет советской криминалистики. Волгоград, 1979. С. 36.

Наконец, сюда же входит и познание разнообразных действий преступника, особенностей его преступной деятельности. Каждое преступление оставляет многочисленные следы, отражается в окружающем мире, сознании людей. Предмет криминалистики должен включать в себя исследование и такой составляющей объекта исследования, как процессы отражения преступления. С этой целью должны изучаться отражательные способности и возможности каждого элемента преступления.

Каждая наука в той или иной степени занимается изучением процессов отражения своего основного объекта исследования, но только одна наука – криминалистика – вводит исследование всех сторон, форм, видов, уровней отражения изучаемого объекта (преступления) в содержание предмета науки. В этом проявляется ее исключительность.

Для успешной и эффективной реализации целей правосудия мало разработки и принятия действенного материального и процессуального законодательства. Обществом создается специальная система деятельности уполномоченных субъектов для борьбы с преступностью. Чем выше уровень развития общества, тем более научно обоснованной и организованной является эта система. Но такая система может быть создана только в том случае, если ей предшествует прежде всего определение четких целей деятельности по ее реализации.

Изучение криминалистики свидетельствует о том, что она с самого своего возникновения и до настоящего времени постоянно занимается разработкой проблем доказывания преступлений. Методы фиксации доказательственных фактов, их исследование и другие действия направлены именно на доказывание преступлений. Но в то же время какой-либо специальной теории доказывания до сих пор в криминалистике, по существу, не было.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что криминалистика имеет и такой объект изучения, как **деятельность по доказыванию** преступлений. **Изучение преступления и изучение процессов доказывания взаимосвязаны.** Нельзя рассматривать деятельность по доказыванию, не зная особенностей и закономерностей преступления, которые надо выявить и доказать в процессе совокупной деятельности по доказыванию, осуществляемой на всех этапах борьбы с преступностью. Кроме того, **объем и содержание изучения преступления определяются целями доказывания, а также задачами, которые необходимо решить в ходе этой деятельности.** При этом следует особо подчеркнуть, что, говоря о предмете криминалистического исследования, имеют в виду в основном расследование преступлений. Но ведь это всего лишь этап установления истины в процессуальном познании. *Криминалистика изучает деятельность по доказыванию на всех его этапах, в том числе и в ходе производства предварительного расследования.*

В силу этого в числе параметров изучения преступления криминалистикой следует указать на:

1) необходимость установления материальных процессов, указывающих на совершение факта преступления;

2) необходимость установления процессов его отражения в окружающей действительности – материальных, социальных, интеллектуальных отражений;

3) особенности деятельности по доказыванию фактов совершения преступлений и виновности лиц, его совершивших, на всех этапах борьбы с преступностью.

Целесообразно еще раз подчеркнуть, что ранее при определении *объектов* криминалистического изучения в литературе речь шла практически только о деятельности по расследованию преступлений. Правильнее будет говорить об определении объектов криминалистического изучения в деятельности по доказыванию на всех этапах борьбы с преступностью. Преступление и процессы его отражения должны изучаться на всех стадиях борьбы с преступностью: выявления преступлений, их раскрытия (предварительного расследования), судебного разбирательства, то есть в результате совокупной деятельности субъектов доказывания по обеспечению процесса уголовно-процессуального познания.

На основании изложенного можно сделать вывод, что криминалистика в целях обеспечения процесса доказывания должна разрабатывать:

1) разнообразные методы, технические и тактические средства, обеспечивающие выявление, исследование, фиксацию, проверку и оценку сведений о фактах, необходимых для построения криминалистической модели доказывания системы «преступление» и имеющих значение для конструирования системы процессуальных доказательств, достаточных для разрешения дела по существу;

2) методы, средства, приемы, облегчающие указанную деятельность;

3) рекомендации по организации доказывания преступлений на всех этапах борьбы с преступностью.

Таким образом, криминалистическая теория доказывания призвана обеспечивать коммуникативно-познавательную составляющую процессуального доказывания и решать задачи, возникающие в процессе осуществления данной деятельности, путем изучения:

- *преступления;*
- *процессов его отражения в окружающем мире и сознании человека;*
- *содержания деятельности по доказыванию в целях познания закономерностей процессов отражения преступлений и связей между объектами исследования для разработки методов, средств, приемов и рекомендаций по организации практической деятельности субъектов доказывания в процессе выявления, предварительного*

расследования, судебного следствия и профилактики преступлений.

Именно с этих позиций необходимо подходить и к определению *предмета* криминалистического доказывания преступлений.

Здесь уместным будет отметить, что в уголовно-процессуальной литературе, равно как и в криминалистике, не разработана однозначная и устоявшаяся концепция понятия «объект познания в уголовном процессе». Если взять за аксиому, что уголовно-процессуальное доказывание представляет собой разновидность познания[1], то доказывание, естественно, имеет свой объект и предмет, каждому из которых соответствует определенное понятие. Объекту доказывания – «объект познания», понимаемый как часть объективного мира и находящийся во взаимодействии с субъектом. Предмету доказывания – «предмет познания», понимаемый как целостность, выделенная субъектом из объективного мира. Причем различия между указанными понятиями относительны, так как они являются характеристиками единого субъектно-объектного отношения, в рамках которого характером объекта предопределяется содержание предмета таким образом, что последний отражает лишь наиболее существенные свойства первого[2].

Как отмечает Н.Г. Стойко[3], с познавательной стороны объектом доказывания могут быть как обстоятельства уголовного дела (объективная реальность), так и доказательства (объективно реальные отражения преступления). В познавательном аспекте объект доказывания – это обстоятельства дела и доказательства как объективные реальности; предмет – их наиболее существенные свойства (связи и отношения). В предметно-практическом аспекте объект доказывания – это обстоятельства уголовного дела, а предмет - доказательства. В работах же по криминалистике, повторимся, об объекте познания говорится, в частности, как об отражающей материальной системе. Как указывал Р.С. Белкин[4], отражаемые объекты в процессе возникновения доказательств являются элементами состава преступления. По нашему мнению, жестко различать предмет познания и предмет доказывания нет основания. Но обязательно следует различать, как мы уже подчеркивали, объект и предмет познания. Объектом познания в уголовном процессе

---

1 Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973. С. 36–38.

2 Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 35–38.

3 Стойко Н.Г. Идеальные модели в уголовном процессе. Проблемы доказательственной деятельности по уголовным делам // Проблемы доказывания по уголовным делам: Межвуз. сб. Красноярск, 1987. С. 28–36; Стойко Н.Г., Барабаш А.С. Доказывание и его цель при прекращении уголовных дел по реабилитирующим и нереабилитирующим основаниям // Проблемы доказывания по уголовным делам: Межвуз. сб. Красноярск, 1988. С. 38–50.

4 Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М., 1970. С. 9.

выступает событие преступления как факт объективной действительности, явление социальной жизни; предмет доказывания (познания) – это определенный «срез» свойств, отношений преступления, познание которых необходимо для решения задач доказывания.

Отсюда, как отмечает В.А. Банин, решение вопросов истины должно быть корректным содержанию предмета доказывания, исходя из гносеологического отношения объект – предмет – субъект познания[1]. В силу изложенного, не вдаваясь в анализ множественных точек зрения по данному вопросу, *к предмету доказывания с позиций криминалистики следует отнести осуществляемую в интересах правосудия деятельность субъектов доказывания по выявлению, исследованию, проверке, оценке и фиксации элементов объекта познания – материальных элементов криминалистической структуры системы «преступление», а также совокупности его (преступления) материальных, интеллектуальных и социальных отражений, необходимых для решения задач уголовного судопроизводства.*

Таким образом, суммируя сказанное, можно сделать вывод о том, что теория криминалистического доказывания преступления призвана изучать:

- особенности содержания процессов доказывания, реализуемых на всех этапах борьбы с преступностью;
- особенности деятельности субъектов доказывания в процессе реализации ими своих полномочий;
- все взаимоотношения, возникающие в процессе доказывания между его субъектами;
- все факторы, которые влияют на процессы доказывания, а также:
- разрабатывать рекомендации, призванные обеспечивать полноту, правильность, результативность осуществления деятельности по доказыванию.

Реализация теории криминалистического доказывания предполагает обязательное использование теоретических и методологических основ и результатов исследований общей теории криминалистики. *Теория криминалистического доказывания является частью общей науки криминалистики и, следовательно, должна строиться на общих достижениях науки в целом.*

1. Прежде всего, следует указать на обязательность дальнейшей разработки и использования методологических основ криминалистики.

Развитие теории криминалистического доказывания основывается на использовании системного подхода, разработкой которого в криминалистике занимается методология этой науки.

Криминалистика характерна тем, что ее целью является построение системы прошлого преступного события, то есть познание систем, подвергшихся преступному воздействию, технологических систем, систем

[1] Доказывание по уголовным делам. Красноярск, 1986. С. 35.

документального отражения самых различных процессов, которые важно исследовать в процессе расследования. Во всех этих (и во многих других) случаях применение системного подхода имеет особые криминалистические отличия, которые изучаются, разрабатываются криминалистикой. Без знания специальной теории осуществлять криминалистическое доказывание невозможно, оно заранее обречено на дефектность, пробелы. Доказывание на основании системного подхода осуществляется путем построения систем доказательственных фактов. Теория доказывания должна разрабатывать правила построения систем доказательств, что является содержанием деятельности по доказыванию. Эти правила различны для построения систем отражений, систем деятельности, структуры преступления.

Коль скоро доказывание является процессом установления полной системы преступления, то очевидно, что этот процесс должен строиться на основе последовательного построения криминалистических структур преступления.

Здесь возможны различные варианты в зависимости от особенностей преступления и первоначальной информации о нем.

Системный подход в теории криминалистического доказывания может использоваться в различных целях. А именно:

- для построения в ходе доказывания криминалистических структур (преступление, объекты преступного посягательства и т.д.);
- построения прогнозируемых элементов и механизмов события преступления;
- построения системных связей события преступления, субъектов преступления, этапов преступной деятельности и т.д.;
- построения пространственно-временных связей, событий, преступных технологий, преступных действий и т.д.

Из методологических основ криминалистики теория криминалистического доказывания обязательно должна использовать и теорию криминалистического отражения и построения, базироваться на ней. Каждое преступление оставляет многочисленные следы, отражается в окружающем мире, сознании людей. Следовательно, предмет криминалистики должен охватывать и такую составляющую объекта исследования, как процессы отражения преступления. Для этого изучаются отражательные способности и возможности каждого элемента преступления, его механизма, результата и т.д.

Основой криминалистического познания является установление элементов структуры преступления, их связей и взаимодействий через закономерно оставляемые отражения всех перечисленных процессов в соответствующих средах. Общая теория отражения ставится на службу правосудию, через отражение осуществляется процесс познания.

Эти следы-отражения выполняют и функцию доказывания фактов, действий, поступков, которые были совершены. Таким образом, только знание и использование теории криминалистического отражения позволяет обеспечить действительно полное доказывание происшедшего события и определить роль обвиняемого в нем.

Доказывание может рассматриваться как деятельность по формированию специфических систем отражения прошлого преступного события.

В процессе доказывания используются системы материального, интеллектуального и документального отражения.

При этом важнейшая особенность процесса криминалистического доказывания состоит в том, что все перечисленные выше системы отражения формируются в единую систему.

Теория криминалистического отражения включает в себя:

- изучение всех процессов отражения преступления и преступной деятельности;
- разработку методов «воссоздания» преступления и преступной деятельности на основе выявленных систем отражения;
- разработку процессов осуществления практической деятельности по формированию систем отражения в процессе расследования преступлений.

Используя методологические основы криминалистики, теория криминалистического доказывания должна углублять, расширять возможности их применения с учетом своих специфических задач и в целях повышения эффективности процессов доказывания.

В рамках методологии теории доказывания должны разрабатываться и **гарантии полноты, правильности** осуществления доказывания.

В качестве таких гарантий выступают:

- развитие систем контроля, расширение прав участников уголовного процесса, защищающих свои или представляемые права и интересы;
- четкая поэтапная организация деятельности по осуществлению доказывания, обеспечение полной проверяемости всех произведенных действий и принятых решений судом при осуществлении правосудия.

2. Теория криминалистического доказывания призвана исследовать материальность содержания процессов доказывания.

Это означает изучение следующих особенностей доказывания:

- Доказывание, как и весь процесс познания, должно начинаться (основываться) с построения уголовно-правовой и уголовно-процессуальной матриц.
- Доказывание происходит при наличии часто развивающихся процессов противодействия со стороны лиц, совершивших преступление.

Вследствие этого противодействия формируются системы фальсификации доказательств, которые надо разоблачать, предупреждать, ликвидировать. Такая направленность доказывания формирует особую его структуру на предварительном следствии.

- Процесс доказывания требует неуклонного соблюдения уголовно-процессуальной формы. Эта форма включает в себя четкие требования к фиксации фактов, к поэтапной организации осуществления доказывания.
- Важной особенностью доказывания на этапе выявления преступлений и на предварительном следствии является сознание того, что в целом деятельность по доказыванию является в значительной степени только сбором и подготовкой материала для обеспечения деятельности по осуществлению правосудия, то есть **для** обеспечения деятельности прокурора и суда на завершающем этапе доказывания на этапе судебного следствия.
- Особенностью деятельности по доказыванию на предварительном следствии является обязанность следователя обеспечить участие в этих процессах других заинтересованных участников предварительного расследования (обвиняемого, его адвоката и т.д.). Это направление деятельности по доказыванию включает в себя несколько составляющих:
  - при необходимости привлечение заинтересованных лиц к производству действий по доказыванию, их проверке и оценке;
  - создание условий для самостоятельного представления доказательств заинтересованными лицами;
  - оценку следователем этих действий.
- Важнейшей особенностью криминалистического доказывания на этапе предварительного расследования является обязательность его осуществления в процессе всего расследования дела. Постоянное доказывание – основная движущая сила этого процесса. Обеспечивая, в частности, непрерывное осмысление собранной информации, доказывание определяет пути ее дальнейшего поиска, определяет способы проверки установленных фактов и т.д.

Криминалистическое доказывание – это не одноактное действие. Оно реализуется, развивается в процессе всей деятельности по борьбе с преступностью, включая и ее непроцессуальные составляющие.

- Особенность деятельности по доказыванию состоит в обязательном изучении:
  - не только всех отражений данного доказательственного факта,
  - но и источников получения сведений о каждом факте.

Криминалистическое доказывание обеспечивается лишь при условии обязательного учета перечисленных особенностей.

➲ Исключительной особенностью процессов доказывания является также постоянная тенденция к сбору, анализу и синтезу информации, лежащей в основе доказательственных фактов и их отражений.

Тщательное изучение этих особенностей, разработка путей их реализации являются одним из направлений теории криминалистического доказывания.

3. Теория криминалистического доказывания призвана изучать именно содержание исследуемого процесса (содержание понятий, этапов, структурных элементов и т.д., его составляющих).

Для определения криминалистического содержания указанных понятий следует использовать **системный** подход, так как только он дает возможность в полной мере определить с указанных позиций структурные элементы доказывания, системы связей, их объединяющие, отдельно изучать системы функций, реализуемых в процессе доказывания, и т.д.

Остановимся на проблеме формирования и использования структурных элементов, определяющих деятельность по доказыванию.

Прежде всего следует разработать содержание этих элементов. При этом требуется четко определить, какие направления деятельности характерны для доказывания на каждом этапе борьбы с преступностью.

В самом общем виде элементы доказывания определены Уголовно-процессуальным кодексом. Это, как указывалось, стадии собирания доказательств, их проверки и оценки. *В рамках теории криминалистического доказывания каждый из элементов нуждается в существенном детальном исследовании* ***содержания*** *этих понятий с учетом целей доказывания и возможностей деятельности уполномоченных субъектов по доказыванию преступлений.*

Так, к примеру, с криминалистической точки зрения (уровня развития криминалистики, возможностей этой науки) в общем понятии «собирание доказательств» необходимо выделить ряд составляющих.

➲ *Поиск доказательств.*

Поиск является специфическим способом сбора доказательств, применение которого фактически возможно только на стадиях выявления и предварительного расследования преступлений. Понятие поиска, в свою очередь, включает в себя:

- поиск объектов;
- поиск носителей информации о доказательственных фактах;
- поиск субъектов, совершивших преступление;
- поиск связей между элементами системы «преступление»;
- поиск зависимостей между различными событиями, действиями.

Даже из перечисленного видно, какие разнообразные исследования необходимо проводить в рамках теории доказывания. Но проблемами

поиска все не ограничивается, так как необходимо осуществлять следующее:

➲ *Проводить исследования каждого доказательственного факта.*

Это означает изучение его формы и содержания, анализ и синтез содержания его связей. Исследованию следует подвергать и каждый источник получения сведений о доказательственном факте.

➲ *Разрабатывать системы установленных фактов: объектов, их отражений, связей между ними.*

Установление системных связей, системного отношения различных элементов есть обязательный элемент деятельности по доказыванию.

➲ *Обеспечивать фиксацию в материалах дела каждого из выявленных фактов, их совокупностей.*

Без этого процесс сбора доказательств не имеет, как известно, доказательственного значения для суда.

➲ *Предупреждать и ликвидировать попытки уничтожения, изменения доказательственных фактов.*

Особенность познания и доказывания на всех этапах борьбы с преступностью заключается в том, что здесь существует, подчас очень сильное, противодействие процессу сбора доказательств. Преодоление этого противодействия входит в общий процесс собирания доказательств,

➲ *Формировать такие условия, комплексы доказательств и т.д., которые направлены на изобличение, то есть на выявление дополнительных фактов, доказывающих вину обвиняемого.*

Все перечисленные действия в совокупности и приводят к тому, что процесс собирания доказательств, осуществляемый и на этапе выявления преступлений, и на предварительном следствии, оказывается значительно более глубоким и многообразным, чем это может показаться при формальном изучении уголовно-процессуального закона. Для доказывания надо использовать все возможности указанных этапов. Для этого их, опять же, необходимо тщательно изучить и разработать рекомендации по их применению, что также входит в предмет теории криминалистического доказывания. Подобный криминалистический анализ следует осуществить и в отношении понятий «проверка», «оценка» доказательств. Что можно сделать, учитывая криминалистические средства и методы, для проверки и оценки доказательств? По-видимому, ответ на этот вопрос дает дополнительное изучение возможностей тактических операций, проведения криминалистических экспертиз.

Все указанные выше обстоятельства также входят в предмет изучения теории криминалистического доказывания.

Наряду со структурным анализом в доказательственной деятельности представляется необходимым осуществить и **генезисный анализ** системы доказывания. Это в значительной степени позволит определить содержание этапов осуществления деятельности по доказыванию.

В числе этапов доказывания (об этом мы подробно остановимся в третьей главе) можно выделить следующие:

- Построение криминалистической матрицы уголовного и уголовно-процессуального закона применительно к доказыванию при расследовании конкретного уголовного дела.
- Моделирование деятельности по доказыванию. Оно представляет собой весьма многообразную деятельность, которая развивается на протяжении всего доказывания.

Это процесс подготовки, определения и обеспечения средств, целей и задач доказывания, реализации мыслительной деятельности при его осуществлении.

В целях доказывания используются следующие разновидности моделей:

- моделирование матриц: определение целей и содержания всей деятельности;
- моделирование процессов прогнозирования доказывания;
- моделирование деятельности по осуществлению конкретных действий в процессе доказывания;
- моделирование процессов взаимодействия с другими участниками предварительного расследования;
- моделирование процессов проверки доказательств;
- моделирование процессов оценки доказательств и осуществления действий в ходе этой оценки;
- моделирование результатов реализации доказывания.

- Реализация процессов отражения криминалистической структуры системы «преступление» на соответствующих этапах борьбы с преступностью.
- Включение других участников в процессы доказывания на этапе выявления преступлений и на предварительном следствии.
- Систематизация устанавливаемых доказательственных фактов.
- Проверка доказательств.
- Реализация системы контроля за процессом криминалистического доказывания.
- Оценка доказательств.
- Формулирование результатов проведенного доказывания на этапе выявления преступлений и на предварительном следствии.

Последнее обеспечивается систематизацией всех материалов деятельности уполномоченных субъектов: составлением схем, графиков и, наконец, итоговой справки. Однако все перечисленные процессы требуют основательного научного исследования.

Системный подход, кроме прочего, включает в себя и возможность осуществления коммуникативного анализа. Это означает проведение

исследования связей доказывания с другими видами криминалистической деятельности.

Выше говорилось о наличии тесных связей доказывания с другими видами деятельности, осуществляемой его субъектами. Однако мало указать на наличие таких связей. Их необходимо тщательно исследовать, определить их содержание и пути реализации. Самостоятельные криминалистические связи проявляются при выявлении преступлений, в процессе их раскрытия оперативно-розыскными методами и средствами, в ходе предварительного расследования. При этом надо еще иметь в виду, что при доказывании по разным категориям уголовных дел эти связи имеют различное содержание.

Наконец, системный подход включает и **функциональный анализ.** Для осуществления деятельности по доказыванию необходимо изучить содержание процессов взаимодействия всех участников доказывания, характер реализуемых ими функций, объем их действий (их правила).

Надо исследовать не только процесс доказывания – действия, но и тех **субъектов, которые эти действия производят,** участвуют в совершении действий.

Доказывание неизбежно порождает огромное число разнообразных функций, которые имеют различное содержание. При выявлении преступлений доказывание создает одну систему функций, при разработке и реализации профилактических мероприятий – другую. Во всех случаях реализация функций должна регулироваться правом. Однако окончательно оформившейся системы правового регулирования реализации указанных функций в настоящее время еще нет. Это и определяет исключительную важность данного направления теоретических исследований. Они необходимы и для активизации деятельности по выявлению преступлений, и для развития деятельности по осуществлению криминалистической профилактики, в процессе которой одновременно реализуется и доказывание.

Фактически законом в ряде случаев (как уже отмечалось) предусмотрено право обвиняемого, его защитника, гражданского истца и ответчика на участие в процессах собирания доказательств, их проверки и оценки на предварительном следствии. Это возлагает на следователя обязанность предоставлять им данное право. Он обязан принимать меры по реализации заявленных ходатайств об участии перечисленных лиц в собирании доказательств, их проверке (или знакомить их с полученными результатами). Соблюдение указанных прав порождает многочисленные взаимодействия между участниками процесса и субъектами доказывания, определяет тактические действия последних по реализации ходатайств. Все эти вопросы нуждаются в тщательном научном исследовании, результатом которого должна стать разработка рекомендаций для следователя.

Изучение деятельности всех участников доказывания и выполняемых ими при этом функций диктует необходимость исследования и проблем тактики взаимодействия следователя с каждым из перечисленных выше субъектов.

В предмет теории криминалистического доказывания входит и исследование **содержания функций, прав и обязанностей различных субъектов уголовного процесса, принимающих участие в контроле за процессами доказывания** на предварительном следствии. Это особо необходимо подчеркнуть, имея в виду существенные изменения, внесенные в УПК Республики Беларусь 1999 года. Круг лиц, контролирующих процесс доказывания на предварительном следствии, расширился, появились два новых субъекта процессуальной деятельности: начальник следственного подразделения (предусмотрен также помощник начальника, наделенный процессуальными правами) и начальник органа дознания (процессуальными правами наделяются и их заместители). В Законе представлен только общий перечень прав этих процессуальных субъектов. Надлежит глубоко изучить и определить содержание их деятельности именно в целях обеспечения процессов доказывания, усиления гарантий правильности и полноты реализации всех этапов проведения данной работы.

Все это также объекты изучения криминалистической теории доказывания.

4. Криминалистическая теория доказывания призвана разрабатывать те условия, которые в наибольшей степени обеспечивают результативность этой деятельности.

Можно перечислить целую группу вопросов, которые важно решить для разработки этого направления теории.

1) Прежде всего это определение комплекса знаний, необходимых для осуществления практической деятельности по доказыванию.

Обязательным условием этой деятельности является знание теории криминалистики, в частности ее методологии: криминалистической систематики, основ криминалистического применения теории отражения.

В перечень этих знаний входит умение выявлять, формировать, исследовать материальные следы; использовать и создавать систему отражения; получать необходимую информацию от свидетелей, потерпевших, обвиняемых по делу и многое другое, что составляет понятие «криминалистическое знание».

Цели и задачи доказывания решаются прежде всего через построение и постоянное исследование матрицы закона – уголовного и уголовно-процессуального.

Для практического осуществления доказывания недостаточно знать общую матрицу уголовного закона. Следует создавать и матрицу

конкретного преступления. Эта проблема также должна разрабатываться теорией криминалистического доказывания.

Надо располагать знаниями о правилах построения матрицы, «перевода» уголовно-правовых терминов, понятий в криминалистические, что и определяет расширение возможностей их использования в практической деятельности по доказыванию.

2) Дальнейшая разработка психологических основ процессов доказывания.

Важным условием деятельности по осуществлению доказывания является и наличие у следователя особых качеств мыслительной деятельности. Специфика процессов доказывания требует определенной направленности и проявления многих качеств этой деятельности.

Мыслительная деятельность направлена на:

- познание прошлого события;
- деятельность субъектов, связанных с этим событием, а также являющихся участниками их познания, доказывания;
- реализацию всех этапов процесса доказывания.

При этом надо оперировать множеством событий, фактов, прогнозировать процессы их развития, изменения, учитывать как явное, так и скрытое противодействие деятельности по познанию и доказыванию на всех этапах борьбы с преступностью.

Эту проблему также следует разрабатывать в числе прочих условий. Перечислим некоторые мыслительные качества, которыми должен обладать следователь.

- **Достаточно развитое «матричное» мышление.** Оно предполагает не только знание матриц, которые являются основой организации всей деятельности по доказыванию, но и наличие у следователя способности постоянно корректировать, направлять свою деятельность, постоянно учитывать при ее планировании наличие матрицы, согласно которой выстраивается процесс собирания доказательств, их проверки и оценки. «Матричное» мышление – это формирование у следователя потребности во всех своих действиях и решениях руководствоваться законом, как уголовно-процессуальным, так и уголовно-правовым, учитывать его при анализе фактов. «Матричное» мышление предполагает также умение следователя постоянно пользоваться в своей деятельности матрицами тех систем, видов деятельности, в которых произошло расследуемое событие.

«Матричное» мышление постоянно обеспечивает деятельность по доказыванию, так как помогает прогнозировать факты, которые надо устанавливать, искать связи между ними. Оно должно осуществляться на всех стадиях доказывания: при сборе доказательств, их проверке и оценке.

- **Матричное моделирование как часть общей способности следователя к мыслительному моделированию,** которое проявляется в умении связывать факты между собой, определять связи явлений, выстраивать их в единые причинно-следственные, истинные, временные, пространственные связи. Мыслительное моделирование тесно связано с постоянным стремлением закреплять его результаты в реальных моделях. Процесс непрерывного моделирования является отличительной особенностью мыслительной деятельности следователя при осуществлении доказывания.
- **Развитое рефлексивное мышление.** Наличие противодействия следствию, в частности фальсификация доказательств, приводит следователя к необходимости постоянно осуществлять мыслительные процессы «за предполагаемого противника». Он должен стремиться предвидеть, что может сделать обвиняемый в целях противодействия собиранию доказательств и доказыванию, и знать, как предупредить, ликвидировать эти попытки. Предупреждение и ликвидация противодействия могут осуществляться только при наличии развитого рефлексивного мышления.

Рефлексивное мышление позволяет **прогнозировать:**

- что предпринял или предпримет обвиняемый после того, как получит информацию о действиях следователя и об установленных им фактах;
- как обвиняемый может опровергнуть установленный следователем факт, а также связи его с другими доказательственными фактами по делу;
- как можно использовать действия обвиняемого по опровержению доказательственного факта, связи этого факта с другими фактами для получения дополнительных доказательств, изобличающих обвиняемого.

Рефлексивное мышление необходимо и для постоянного **мысленного прогнозирования** путей использования осуществляемого следователем процесса доказывания в последующей деятельности прокурора и суда. Такое мысленное прогнозирование обязательно связано с рефлексивным мышлением и дает возможность постоянно обеспечивать развитие моделирования всей деятельности по доказыванию.

Рефлексивное мышление обязательно должно дополняться и **комбинаторной направленностью мыслительной деятельности**. Перед следователем всегда стоит задача не только предвидеть действия (варианты действий) обвиняемого, но и уметь строить системы действий, направленные на предупреждение действий обвиняемого и позволяющие использовать его действия в целях установления дополнительных фактов и связей между имеющимися фактами.

- **Комбинаторное мышление**. Оно позволяет следователю совершать действия, которые:
  - не дадут подозреваемому, обвиняемому возможности реализовать свои цели, предупредят их действия;
  - позволят использовать действия обвиняемого (иных лиц) в качестве дополнительного средства его изобличения.
- В мыслительной деятельности следователю необходимо развивать и **«опережающее отражение»** (Н. Амосов).

Опережающее отражение позволяет заранее видеть все возможные действия, которые необходимо произвести для закрепления (а тем самым для доказывания) устанавливаемых доказательственных фактов.

Опережающее отражение дает возможность установить:

- какие отражения (материальные, интеллектуальные, документальные) образовались при взаимодействиях, осуществлении различных действий;
- какие отражения могут образоваться в результате предполагаемых действий преступника;
- какие условия можно (и нужно) создать для наиболее полного проявления и фиксации этих отражений.

Конечно, это далеко не полный перечень тех особенностей мыслительной деятельности, которыми должен обладать следователь, чтобы осуществлять деятельность по доказыванию.

Эта важная комплексная проблема также, несомненно, должна изучаться в рамках теории криминалистического доказывания для разработки рекомендаций по практической реализации исследуемых процессов.

Разработка указанных рекомендаций связана также с обеспечением всех функций по доказыванию **надлежащим правовым регулированием,** с формированием системы взаимодействия государственных органов при осуществлении доказывания, с созданием стройной системы организации данной деятельности.

3) Разработка комплекса требований, направленных на оптимизацию исследуемого процесса.

Наряду с перечисленными условиями в настоящей теории нуждаются в разработке и *общие требования, которые следует предъявлять к процессу доказывания.* Можно определить основную направленность этих требований:

- процесс доказывания должен строиться на четкой логической и методологической основе;
- доказывание должно осуществляться с обязательным использованием системного подхода к изучению соответствующего объекта познания, то есть системной организации процесса доказывания, системного изложения его результатов;

- процесс доказывания должен осуществляться на всех этапах борьбы с преступностью, и в частности на протяжении всего процесса расследования: при осуществлении всех процессуальных действий, при принятии всех процессуальных и тактических решений, при всех взаимодействиях с субъектами источниками информации о доказательственных фактах;
- деятельность по доказыванию во всех случаях должна быть предварительно организована (с внесением поправок в процессе ее осуществления);
- процессы доказывания обязательно должны процессуально закрепляться и сохраняться в материалах дела;
- процесс доказывания должен завершиться действиями, направленными на убеждение всех участников уголовного процесса в объективности и законности установленных фактов и обстоятельств.

4) Детальная разработка целей деятельности субъектов доказывания.

Познание целей деятельности, ее направленности позволяет разработать крайне важные для практики принципы осуществления деятельности по доказыванию. Причем важно разрабатывать не только общие, но и конкретные принципы сбора доказательств, их проверки, исследования, оценки. В качестве примера можно определить один из принципов сбора доказательств. Им является принцип соблюдения криминалистических методов:

- индукции – собирания и исследования фактов, свидетельствующих о совершении и других преступлений, об участии в преступлении и других лиц;
- дедукции – сбор всех отражений доказательственного факта для исключения всяких сомнений в его существовании. (Рассмотрению проблемы принципов в настоящей работе посвящается отдельная глава.)

5) Разработка методов осуществления деятельности по доказыванию.

Представляется, что система методов должна состоять из четырех уровней:

- Общие методы познания.
- Методы криминалистики.
- Общие методы доказывания.

К примеру, для обеспечения такой цели, как формирование общего представления о преступлении, следует широко использовать методы индукции и дедукции, которые обеспечивают систематизацию фактов, собранных по делу, в общую картину преступного события. Для этого применяется и метод **ретроспекции** во всех его разновидностях. Использование указанного метода дает возможность наиболее полно формировать общее представление о процессах развития механизма преступления, преступной деятельности в целом.

- Методы, применяемые на каждой стадии доказывания (при собирании доказательств, проверке, оценке).

6) Разработка технических и тактических средств обеспечения деятельности по доказыванию.

В качестве средств доказывания используются следующие:

- Вся система следственных действий.
- Система оперативно-розыскных действий.
- Тактические операции – комплексы следственных, оперативных и иных действий.
- Судебные экспертизы в качестве особых средств криминалистического доказывания.

Из приведенного выше совершенно ясно, что в качестве средств доказывания должны применяться все возможные технические средства обеспечения выявления искомых фактов, технические и тактические средства и методы, обеспечивающие изобличение преступника, наблюдение за ним (визуальное, изотопное и т.д.), средства систематизации, построения информационных систем и многое другое. Концентрация усилий на разработке всего комплекса технических и тактических средств и методов, направленных на доказывание преступной деятельности в рамках единой теории, безусловно, будет способствовать повышению уровня организации и активизации научных исследований.

Подводя итог изложенному, можно заключить, что **теория криминалистического доказывания, основной целью которой является организация и оптимизация деятельности органов, осуществляющих борьбу с преступностью, призвана обеспечивать разработку и внедрение в практику:**

- *научно обоснованных, проверенных, соответствующих закону и принципам права методов, средств, приемов, которые должны применяться при выявлении и расследовании преступлений;*
- *научно обоснованных рекомендаций, направленных на организацию деятельности по осуществлению доказывания в борьбе с преступностью;*
- *научно и процессуально обоснованных гарантий полноты и правильности осуществления деятельности по доказыванию преступлений;*
- *научно обоснованных методов, форм и содержания действий, обеспечивающих полноту доказывания в деятельности суда при осуществлении правосудия.*

Такое многообразие направлений научных исследований, необходимых для реализации практической деятельности, еще раз убеждает, что, действительно, должна формироваться и активно развиваться, реализовываться самостоятельная теория криминалистического доказывания, предметом которой и являются все перечисленные направления.

3.3. Доказывание факта совершения преступления

Говоря о принципе перманентности и структурного единства осуществления деятельности по выявлению и криминалистическому доказыванию преступлений на всех этапах борьбы с преступностью, мы уже обосновывали тезис о том, что на всех этапах предварительного и судебного следствия деятельность субъектов доказывания едина. Она направлена в первую очередь на выявление и доказывание наличия факта совершения преступления, то есть установление элементов криминалистической структуры преступления по его различным проявлениям в материальных средах, показаниях, документах, или, иными словами, на установление изменений в существующих системах под воздействием противоправного деяния.

Последовательное и перманентное выявление материальных процессов, которые приводят к совершению преступления, развиваются в ходе его совершения, реализуют его результаты, а также их отражений является одновременно содержательной составляющей нескольких понятий. С одной стороны, данная деятельность представляет собой содержание первого этапа борьбы с преступностью – этапа выявления преступлений и, следовательно, процесса доказывания, протекающего на данном этапе в соответствии с установленными формами, методами и средствами. Но, с другой стороны, это и структурный элемент криминалистического доказывания, в обязательной степени присутствующий на всех этапах доказывания.

Таким образом, можно констатировать, что криминалистическое доказывание факта преступления как результат установления системы его следов-отражений – необходимая составляющая каждого этапа борьбы с преступностью и, соответственно, протекающего в его пределах этапа доказывания.

На этапе выявления преступлений – это установление достаточных фактических данных, необходимых для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

На этапе предварительного расследования – это удостоверение факта преступления, зафиксированного при помощи процессуальных (в смысле ст. 88 УПК Республики Беларусь) доказательств.

На этапе рассмотрения уголовного дела в суде, то есть судебного доказывания, установление факта преступления приобретает форму достоверного знания, объективной истины, выраженной в акте постановления приговора по делу.

Возникает вопрос: почему именно криминалистическое установление факта совершения преступления является системообразующим структурным элементом процесса доказывания?

В литературе преступление совершенно обоснованно рассматривается как вид деятельности, которую В.Я. Колдин[1] предложил исследовать на той же основе, что и любую другую деятельность, выделяя:

1) мотив, цель, установку;
2) способы деятельности;
3) орудия и средства деятельности;
4) результат деятельности.

Такой подход к исследованию преступления вполне оправдан, однако изучение преступления не тождественно изучению преступной деятельности[2].

Чтобы изучить преступную деятельность, первоначально надо выявить и исследовать совокупность материальных объектов (элементов), следов, характеризующих преступление как явление, событие. Но до этого прежде всего необходимо определить (или выявить) то или иное событие или явление как преступление. Мотивы, способы, прогнозируемые преступником результаты могут быть познаны только через опосредствование установленной и изученной совокупности материальных объектов, следов, познание которых обеспечивает полное выявление исходных объективных факторов, а исследование последних может иметь место (опять же) только после признания изучаемых фактов преступлением. Только системный подход к познанию природы преступления дает возможность определить основные этапы, направления, пути криминалистического исследования преступления, и, как результат, процесс его доказывания.

Таким образом, как установление отдельного элемента криминалистической системы «преступление» (являющегося, по сути, содержательной основой единичного доказательства либо доказательственного факта), так и доказывание факта совершения преступления представляют собой выявление совокупности материальных следов и системы следов-отражений этого преступления:

1) материального отражения;
2) интеллектуального отражения;
3) социального отражения.

Установление данной структуры происходит через выявление следов-отражений этого преступления в материальных средах, показаниях, документах адекватно этапу борьбы с преступностью. При этом следует отметить, что криминалистическое изучение структурных элементов системы «преступление» как основы доказывания факта его совершения возможно только посредством метода структурного анализа

---

[1] Типовые модели и алгоритмы криминалистического исследования. М., 1990. С 19–26.

[2] Дулов А.В. Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. Мн., 1995. С. 50–51.

преступления. Известно, что в любом преступлении наличествуют следующие структурные элементы:

- субъект (лицо, совершившее преступление);
- объект (предмет, совокупность материальных объектов, лицо, на которое направлены преступные действия);
- орудие совершения преступления;
- связи, определяющие взаимодействие и взаимообусловленность между указанными структурными элементами.

На каждом этапе борьбы с преступностью указанные структурные элементы выявляются с различной полнотой.

Вместе с тем криминалистическое исследование каждого элемента структуры преступления в отдельности и в их взаимосвязи предполагает тщательное изучение точных и четких пространственно-временных характеристик каждого элемента, особенностей и параметров его взаимодействия с другими элементами. Очень важно подчеркнуть то обстоятельство, что *и объект преступного посягательства, и субъект, и орудие совершения преступления практически всегда исследуются с точки зрения их отражательных возможностей. Этим занимается только криминалистика. Именно поэтому процессы «конструирования» отдельных доказательств, а также определения их совокупности для установления (доказывания) искомых фактов, в том числе и факта совершения преступления, можно без всяких натяжек называть криминалистическими, так как только через скрупулезное и тщательное выявление отражений преступления посредством соответствующей целенаправленной деятельности субъектов доказывания можно в полном объеме установить все элементы структуры данного преступления* (либо сами элементы, либо совокупность их следов, по которым можно воссоздать параметры, свойства, другие особенности конкретных объектов, субъектов, орудий совершения преступлений).

В совокупности это позволяет установить следующее:

- этапы развития преступления (следы подготовки, механизм, результаты, последствия);
- факты взаимодействия элементов структуры преступления с другими системами;
- криминалистическую структуру отражений этой преступной деятельности.

Указанный перечень задач конкретизирует и последовательность криминалистической деятельности субъектов исследования при установлении как отдельных элементов, так и всей структуры преступления. Эта деятельность включает в себя выявление, исследование, проверку, фиксацию и оценку фактических данных, без которых невозможно:

- возбуждение уголовного дела на этапе выявления преступлений;
- раскрытие преступлений на этапе предварительного расследования;
- судебное доказывание – рассмотрение уголовного дела в суде по существу.

На всех стадиях борьбы с преступностью криминалистическое доказывание фактических данных, необходимых для установления искомых фактов, и в первую очередь – факта совершения преступления, является первой и основной вехой в процессе доказывания, предпосылкой для дальнейшего исследования преступной деятельности и решения вопросов, связанных с уголовной ответственностью за совершение преступления.

Нет необходимости в повторной мотивации и тезиса о том, что именно алгоритм установления факта преступления по его следам-отражениям в соответствующих средах определяет дальнейшее направление деятельности по выявлению всех последующих элементов криминалистической структуры системы «преступление» и ее процессуальной реализации (в том числе и выявление элементов криминалистической структуры преступного поведения; построение криминалистической модели доказывания указанных систем; проверку криминалистических средств и методов доказывания; оценку добытых фактов, а также весь дальнейший процесс уголовно-процессуального познания).

Сказанное выше дает основание в первую очередь исследовать вопрос о выявлении элементов криминалистической структуры преступления, достаточных для установления его факта и, соответственно, обоснования принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела на этапе выявления преступлений. Это позволит соотнести содержание деятельности по доказыванию факта совершения преступления на указанном этапе с аналогичной деятельностью на стадиях предварительного расследования и судебного следствия.

Установление факта преступления на этапе предварительного расследования осуществляется преимущественно посредством производства проверки и оценки следователем криминалистических средств и методов доказывания преступного факта, которые применяются соответствующими субъектами на этапе возбуждения уголовного дела. Это происходит в основном путем использования системы следственных действий и проведения необходимых тактических операций.

На стадии судебного следствия доказывание факта преступления происходит уже благодаря использованию системы ранее осуществленных государственным обвинителем тактических приемов и действий по проверке и оценке криминалистических средств и методов доказывания, которые были задействованы как в результате установления и доказывания факта совершения преступления на этапе его выявления

(возбуждения уголовного дела), так и в ходе процессуального установления и фиксации данного факта на стадии предварительного расследования.

Особо следует отметить, что проверка криминалистических средств доказывания в процессе установления факта совершения преступления является самостоятельным и важнейшим элементом данного этапа. Именно проверка установленных источников криминалистической информации в ходе ее процессуальной фиксации и исследования соответствующих следов-отражений системы «преступление», то есть соотнесение полученных результатов с другими источниками информации, содержащими соответствующие сведения о фактах, их совокупный анализ, синтез и, как результат, конструирование процессуальных доказательств и принятие на их основании процессуальных решений, является одной из важнейших составляющих процесса доказывания не только факта совершения преступления, но и всего процесса доказывания как познавательной деятельности. К тому же результаты комплексной проверки криминалистических средств доказывания являются, кроме прочего, и источником информации для построения криминалистической модели доказывания.

Таким образом, мы считаем, что процесс доказывания факта преступления на этапах предварительного и судебного следствия в значительной степени следует рассматривать с позиций исследования методов и способов проверки и оценки криминалистических средств доказывания, направленных на реализацию указанной цели.

Поэтому в первую очередь, как уже отмечалось, необходимо исследовать процесс доказывания факта совершения преступления именно на первом этапе борьбы с преступностью – на этапе выявления преступлений.

Заключение

Необходимость введения самостоятельной теории криминалистического доказывания определена тем, что на предварительном следствии установленные уголовно-процессуальным законом этапы доказывания осуществляются посредством применения криминалистических методов, через реализацию криминалистических средств. Теория криминалистического доказывания является результатом всех проведенных в криминалистике научных исследований. Она основывается на общеметодологических теориях криминалистики, к которым относятся теория криминалистического отражения и теория криминалистической системности.

Доказывание основывается и на использовании всей совокупности знаний, установленных при криминалистическом исследовании закономерностей материальной структуры преступления.

Одной из обязательных составляющих криминалистической теории доказывания преступлений должна стать криминалистическая теория их выявления, позволяющая создать научные основы системной борьбы с латентной преступностью и обеспечивающая эффективное выявление следов-отражений совершенных преступлений, достаточных как для начала уголовного преследования, так и для реализации процесса их доказывания на всех этапах борьбы с преступностью.

Все выше перечисленное и образует основу формирования теории криминалистического доказывания.

Создание общей теории криминалистического доказывания дает возможность объединить все имеющиеся в криминалистике теории, учения, направления для достижения общей цели – доказывания преступления.

Формирование общей теории является стимулом, средством дальнейшего развития в криминалистике исследований, обеспечивающих полное доказывание преступления при осуществлении правосудия.

Методологические теории криминалистики

Публикуется по статье: Дулов, А. В. Методологические теории криминалистики / А. В. Дулов // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2008. – № 1 (15). – С. 131–135.

Рассмотрены проблемы методологических теорий криминалистики, дополнена их классификация, отражены тенденции формирования и развития новых методологических теорий, их взаимосвязь и влияние друг на друга. Раскрывается необходимость научного обоснования и разработки методологических теорий криминалистики таких, как теория отражения, теория криминалистического познания, теория криминалистической систематизации, теория криминалистического моделирования.

Развитие криминалистики постоянно сопровождалось развитием теорий этой науки. Формирование теорий и определяло становление криминалистики из комплексов практических навыков в самостоятельную науку. В настоящее время в комплексе теорий криминалистики принято перечислять следующее:

- криминалистическое учение о навыках;
- криминалистическое учение о способах совершения и сокрытия преступлений;
- криминалистическое учение о механизмах следообразования;
- криминалистическое учение о признаках;
- криминалистическое учение о фиксации доказательственной информации;

- учение о криминалистической регистрации;
- теория криминалистической идентификации;
- криминалистическое учение о розыске;
- общие принципы методики криминалистических экспертных исследований;
- криминалистическая теория причинности;
- учение о криминалистической версии и планировании расследования;
- теория криминалистического прогнозирования[1].

Перечень этих теорий криминалистики специально воспроизводится для того, чтобы можно было их наглядно воспринять и оценить. Оценка этого перечня приводит, на первый взгляд, к неожиданным выводам. Прежде всего возникают сомнения в научной обоснованности перечня. Почему в одну группу сведены теории и учения, принципы? По-видимому, это разные понятия. Некоторые приведенные теории в настоящее время объединены теорией более общего уровня. Так, навыки преступной деятельности, способы совершения преступлений объединены в криминалистическом изучении преступления. Учения о признаках, механизмах следообразования являются элементами общей теории криминалистической идентификации.

Сразу же обращается внимание на явную неполноту теорий. От теории идентификации криминалистика перешла на более высокий уровень теоретического знания. Так, Р.С. Белкин разработал основы использования в криминалистике теории отражения. В работах А.И. Винберга, Р.С. Белкина, Н.П. Яблокова и многих других всесторонне изучается возможность применения системного подхода в криминалистике. Почему на это не указывается в привычном перечне теорий криминалистики?

Возникает настоятельная необходимость сформировать другую систему теорий криминалистики, которая полностью отражала бы действительный уровень современного состояния этой науки. Но и это не самое главное. Теория – это не только итог проведенных исследований. Самое главное ее свойство – формирование процессов практической деятельности человека: разработка методов практической деятельности (на основе познаний закономерностей формирования развития, изменений объекта, явлений, процессов, программ и технологий деятельности). Теория – это постоянно действующий, развивающийся, совершенствующийся продукт науки. Значит, совокупность теорий науки (в данном случае криминалистики) должна обеспечивать познание закономерностей объектов, процессов, изучаемых наукой, обеспечивать

[1] Белкин, Р.С. Курс криминалистики / Р.С. Белкин. М., 2001. С.34–35.

управление, воздействие на эти явления и процессы, разработку методов и средств осуществления практической деятельности.

Практическая деятельность не только использует теории науки, но и определяет (в связи с изменением условий, особенностей объекта, субъекта воздействия) необходимость разработки новых теорий. К сожалению, практика подчас значительно отстает в формировании потребности в разработке новых теорий. Первоначально должен накопиться значительный эмпирический материал, опыт, который свидетельствует о недостатках существующих теорий. Общий закон развития науки – реализация процессов интеграции и дифференциации – полностью относится к процессу формирования и развития теорий криминалистики. Формирование частной теории закономерно влечет развитие процессов, тенденций к поиску путей, возможностей, обобщений установленной закономерности более высокого уровня, действующей на значительно большее число объектов (переход от частного к группам, видам, классам). Так, установление признаков объекта от их совокупности привело к формированию теории идентификации объекта по его следам, идентификация по форме (следу) привела к формированию идентификации по элементам содержания (материальной структуры).

В настоящее время в криминалистике сформировалось и развивается несколько групп теорий этой науки. Эти теории формируют и реализуют методологические основы криминалистики, обеспечивают познание закономерностей, которые необходимы для осуществления борьбы с преступностью, наконец, группы теорий, которые обеспечивают процессы организации деятельности по борьбе с преступностью.

В настоящей статье кратко будут определены только методологические теории криминалистики, составляющие основу для всех других групп теорий, определяющие основные направления для общего развития науки криминалистики. Они имеют особое значение для криминалистики. Именно они составляют ядро этой науки. Нередко в настоящее время в учебниках по криминалистике под методологией понимают только систему методов, к тому же весьма ограниченно излагают их совокупность. В действительности создание и изучение методологических основ значительно шире. Они должны обобщать, обеспечивать интеграцию наук, которые впоследствии должны быть использованы для осуществления познания в определенной области научного знания. Еще в середине XX в. В.В. Ядов писал: «Методологию определенного исследовательского процесса вообще нельзя представить себе в отрыве от теоретической системы знаний, в сфере которой ведется научный поиск»[1].

---

[1] Ядов, В.В. Роль методологии в определении методов и техники конкретного социологического исследования / В.В. Ядов // Вопр. философии. 1966. № 10. С. 29.

Но методология не только концентрирует используемые научные знания, на их основе методология сама разрабатывает теории, которые призваны на этой теоретической основе создавать новые комплексные знания, обеспечивающие познание особых явлений, процессов, изучаемых в определенной отрасли деятельности человека. Н. Стефанов указывал, что методология является системой теорий, исполняющих роль руководящего принципа, орудия научного знания, средства реализации требований этого анализа[1].

Для формирования методологических основ наук, изучающих, обеспечивающих определенный вид деятельности человека, а именно к таким наукам относится криминалистика, предварительно необходимо знать и учитывать:

1) цели деятельности. Без полного определения системы целей криминалистики невозможно сформировать ее научные и методологические основы;

2) эмпирическую базу исследования – особенности объектов, субъектов, явлений, процессов, которые надо исследовать в данной науке;

3) общие законы развития наук, на которых надо основываться при формировании методологических основ;

4) общие законы развития общества.

Только такая теоретическая основа является необходимой гарантией действительно научного подхода к созданию методологии исследования. Методология есть преобразование накопленных теоретических знаний в средство дальнейшего научного обоснованного исследования деятельности, разработки средств, методов, условий осуществления этой деятельности.

Необходимо учитывать особую значимость категории «цели науки». С одной стороны, цели являются первым необходимым этапом разработки методологических основ науки. С другой стороны, все цели сами нуждаются в глубокой научной разработке для обеспечения полноты достижения необходимых результатов. В криминалистике должна существовать и уже формируется целая система методологических теорий, которые необходимо развивать и широко использовать в практической деятельности по борьбе с преступностью. К сожалению, эти теории, как правило, не указываются в общих перечнях теорий криминалистики, поэтому целесообразно хотя бы кратко их перечислить.

I. Теория криминалистического отражения.

Общая теория отражения призвана объяснять, обеспечивать исследование свойств объектов, явлений, процессов, их развития в самых различных сферах природы, сознательной деятельности человека, социальных

---

[1] Стефанов, Н. Теория и метод в общественных науках / Н. Стефанов. М., 1967. С. 138.

процессах. В соответствии с этим выделяют отражение материальных объектов, отражение биологических объектов, отражение окружающего мира сознанием человека (интеллектуальное отражение), социальное отражение (отражение деятельности человека в социальной сфере общественных процессов). Огромный вклад в разработку основ теории криминалистического отражения внес Р.С. Белкин[1]. Им заложены теоретические основы создания этой методологической теории. Задача состоит в том, чтобы существенно расширить применение этой теории не только при исследовании вещественных доказательств (сейчас это в основном сфера идентификационных исследований в криминалистической экспертизе), но и во всех разделах тактики и методики расследования преступлений. Общая теория криминалистического отражения, безусловно, должна породить ряд других теорий, изучающих отдельные направления этого общенаучного исследования. Уже используется фиксация и исследование отражения мыслительной деятельности человека, наблюдается формирование теорий документального отражения: исследование документальных систем, отражающих финансовую деятельность, экономическую деятельность, процессы управления. Выявление закономерностей формирования документальных систем при реализации социальных процессов привело к множеству теорий, при помощи которых исследуются экономические, финансовые и иные процессы. Они широко используются при выявлении и расследовании преступлений через производство ревизий, судебных экспертиз. Но криминалистика, используя комплексы этих знаний, может и должна сформировать свои теории исследования систем документального отражения.

По нашему мнению, имеются необходимые предпосылки для формирования криминалистической теории исследования зависимостей, которые очень часто проявляются при совершении преступных действий, особенно в тех случаях, когда преступная деятельность проявляется через множество отдельных эпизодов, каждый из которых порождает системы материальных, интеллектуальных и социальных отражений (в системах учета, контроля, разрешения и т.д.). При совершении преступлений независимо от воли и желания преступника формируются различные зависимости, которые нередко используются следователями для выхода на доказательства по расследуемому делу. Но все эти факты не обобщены в общую теорию криминалистического исследования зависимостей.

В 1983 г. нами была сделана попытка изучить некоторые виды корреляционных зависимостей и возможность их использования для выявления латентных хищений. Это и привело к мысли о необходимости

[1] Белкин, Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики / Р.С. Белкин. М., 1970.

создания общей криминалистической теории выявления и исследования зависимостей. Возникла необходимость формирования основанной на теории отражения криминалистической теории выявления латентных преступлений.

В настоящее время произошло существенное изменение качественных характеристик преступности. Многие виды преступлений стали обладать повышенной латентностью. Они не оставляют видимых результатов, скрыты механизмы их совершения. Это потребовало существенного изменения организационной структуры органов, осуществляющих борьбу с преступностью. Достаточно указать на органы финансовых расследований. Практикой разрабатываются методы выявления скрытых от глаз способов совершения преступных действий. Изучение практики показывает, что оперативные работники и следователи все успешнее вскрывают, разоблачают такие латентные преступления. Конечно, это требовало бы меньших усилий и времени, если бы практика располагала четкими научными методами, рекомендациями, разработанными в соответствующей теории. Теория оказалась в огромном долгу перед практическими органами. Именно поэтому необходимо разработать теорию, создающую прочную базу для разработки стратегий борьбы с организованной преступностью. Разработка теории выявления латентных преступлений, а на основе ее и разработка стратегий борьбы с латентными преступлениями внесут существенный вклад в совершенствование практической деятельности правового государства по ликвидации преступности и тем самым будут способствовать дальнейшему экономическому и социальному развитию общества. Теория криминалистического отражения является методологической основой для всей системы теорий данной науки. Каждая теория призвана изучать все процессы отражения исследуемого объекта науки. Причем должны изучаться как отражения, воспринимаемые объектом в ходе взаимодействия, так и отражения, образуемые объектом в процессе взаимодействия с другими объектами, системами.

II. Теория криминалистической систематизации. Появление теории системного подхода оказало огромное влияние на развитие всех наук. Конечно, это проявилось и в криминалистике. Системный подход стали пытаться применять при рассмотрении буквально всех проблем криминалистики. К сожалению, во многих случаях авторы работ ограничивались только указанием в методологических основах исследования на применение ими системного подхода. Особенно наглядно это просматривается при изучении авторефератов по криминалистике, но одно лишь упоминание системного подхода не обеспечивает действительного развития научных исследований.

Для того чтобы создать основу глубокого, плодотворного использования системного подхода в криминалистике, и следует сформировать криминалистическую теорию системности. Особенность целей, задач

этой науки, ее связи с уголовным правом и процессом, разновидности интеграционных связей каждого раздела криминалистики с различными науками (техническими, экономическими, психологическими и др.) могут не только быть интерпретированы в виде систем, а действительно углубить процессы исследования, обеспечить необходимую глубину познания. Но для этого необходимо общий системный подход преобразовать в методологическую систему криминалистики. Здесь формируются своеобразные системы, имеются особые законы построения структурных элементов, связей между ними. Одним словом, нужна общая, исследующая проблемы криминалистики теория системности.

Появились исследования данной проблемы на уровне диссертаций на соискание ученой степени доктора юридических наук (как в теории права, так и в криминалистике). Это залог того, что потребность в такой теории будет обеспечена, а тем самым и практика борьбы с преступностью будет обогащена системой методов организации познания, решения всей совокупности практических задач.

III. Теория криминалистического познания. Сама постановка вопроса о создании такой самостоятельной теории, на первый взгляд, может вызывать недоумение. Как же так? Существует только одна общая теория диалектического материалистического познания, но если вникнуть в проблему, то становится ясно, что формирование теории криминалистического познания уже давно происходит в криминалистике. Более того, развитие этой теории является крайне необходимым не только для самой криминалистики, но и для процесса осуществления правосудия. Особенности познания (о целях, методах, средствах) давно уже замечены и используются при изучении различных видов деятельности человека. Особенно много таких особенностей именно в деятельности по осуществлению борьбы с преступностью. Следует указать на следующие особенности:

1) определение целей, результатов познания уголовным законом. Точно определяется, какие факты должны быть установлены, какие связи между ними надо выяснять, какое отношение к ним имеет определенный человек и т.д.;

2) регламентация процесса познания, осуществляемая уголовно-процессуальным законодательством. Как устанавливать факты, как их фиксировать, кто обязательно должен при этом присутствовать и какие функции выполнять. Все эти и другие требования к процессу познания создают существенную особенность познания в данном виде деятельности;

3) необходимость не только в установлении совокупности фактов, их фиксации, но и в доказывании их правильности;

4) осуществление процессов познания в отрицательно влияющей на процессы познания обстановке (отрицательные эмоции, физиологические перегрузки, отвлекающие раздражители и т.д.). Наконец,

надо учитывать, что процессы познания происходят в условиях противодействия, целенаправленного, нередко тщательно организованного.

Все перечисленное учитывается при разработке криминалистических рекомендаций. Но настало время на базе этих разрозненных рекомендаций создать общую теорию криминалистического познания, которая крайне необходима в деятельности по выявлению преступлений, в оперативной деятельности, в процессе расследования. Эта теория будет широко использоваться и при осуществлении правосудия для оценки собранных материалов на предварительном следствии.

Теория криминалистического познания станет прочной основой для разработки всей системы методов познания, организации познания, ликвидации противодействия.

Общая теория криминалистического познания должна стать основой для целого ряда теорий, конкретизирующих эти процессы. Здесь можно указать прежде всего на криминалистическую теорию поиска. Сейчас разрабатывается поиск преступника, трупа, похищенных ценностей. Но потребность в специальной поисковой деятельности значительно шире. Надо устанавливать системы связей, поиск систем отражения (установление места совершения преступления, поиск документов, документальных систем, отражающих этапы совершения преступления, и т.д.). Только при формировании общих основ поисковой деятельности можно правильно разработать систему поиска конкретных объектов, субъектов, процессов.

В самостоятельные теории следует преобразовывать организацию деятельности по ликвидации противодействия установлению истины, реализацию требований о доказывании осуществленного познания. Первые подходы к созданию последней уже осуществлены.

VI. В самостоятельную криминалистическую теорию должна сформироваться и теория криминалистического моделирования. Проблемы моделирования давно уже разрабатываются в криминалистике. Начало этой разработке было положено в трудах И.М. Лузгина. Однако проблема использования моделирования постоянно разрасталась. Если первоначально рассматривали только модели объектов, потом перешли на модели места происшествия, механизма совершения преступления, то в настоящее время моделирование изучается как средство организации деятельности, прогнозирования ее на всех этапах и уровнях деятельности по борьбе с преступностью. Вся деятельность обязательно должна развиваться в четкой последовательности. Моделируются требования уголовного закона, уголовно-процессуального закона, на их основе моделируются результаты расследования, первичная информационная модель, прогностическая модель преступной деятельности, моделирование процессов решения каждой задачи расследования (с их подразделением

на стратегические, тактические, организационные). Без моделирования не реализуется теория криминалистического отражения, теория криминалистической системности, криминалистического познания.

Особенность построения криминалистических моделей деятельности заключается в том, что их построение обязательно основывается на системе знаний, методов, программ, разработанных в методологических теориях отражения, системности, познания. Это и приводит к выводу о необходимости формирования методологической теории криминалистического моделирования. Эта теория должна создать общие принципы моделирования в криминалистике, разработать все направления моделирования, связи между ними, конкретные методы моделирования применительно к целям и задачам криминалистики. Даже краткое рассмотрение в настоящей статье проблем формирования и развития методологических теорий криминалистики убеждает в настоятельной необходимости глубокого внимания к ним ученых-криминалистов и их тщательной разработке. Именно это является залогом развития криминалистики и ее социальной значимости в борьбе с преступностью.

Из изложенного следует еще один вывод. Все перечисленные теории взаимосвязаны между собой, каждая из них влияет на развитие всех других. Они нуждаются в комплексном исследовании, внедрении в практику. Возникла настоятельная потребность выделения всего комплекса теорий криминалистики (поскольку они комплексно влияют и на развитие теоретических основ всех разделов криминалистики, на процессы организации и осуществления практической деятельности) в самостоятельный раздел криминалистики – криминалистическую стратегию.

Разработка криминалистической стратегии наиболее активно началась именно в Республике Беларусь. Это обстоятельство подчеркивалось и Р.С. Белкиным[1]. Белорусские ученые-криминалисты давно указывают на необходимость формирования криминалистической стратегии. Разработки в этом направлении содержатся в работах И.И. Басецкого[2], Г.А. Зорина[3] и др. В этом направлении работал и автор настоящей статьи. Настало время глубокой, обстоятельной разработки криминалистической стратегии, что знаменует выход криминалистики на качественно новый уровень своего развития. Комплексная разработка теорий криминалистики является необходимым этапом формирования действительной стратегии криминалистики.

---

[1] Белкин, Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня / Р.С. Белкин. М., 2001. С. 76–80.

[2] Басецкий, И.И. Преступность: опыт координации противодействия / И.И. Басецкий, И.В. Капелько, Ю.А. Сиваков. Минск, 2001. С. 11–75.

[3] Зорин, Г.А. Криминалистическая эвристика / Г.А. Зорин. Гродно, 1994. С. 23–25.

Взаимосвязи уголовного права и криминалистики

Публикуется по статье: Дулов, А. В. Взаимосвязи уголовного права и криминалистики / А. В. Дулов // Инновационные проблемы и перспективы развития правоприменительной деятельности : материалы междунар. науч.-практ. конф., Гродно, 27–28 марта 2009 г. / Грод. гос. ун-т ; редкол.: Г. А. Зорин (отв. ред.) [и др.]. – Гродно, 2009. – С. 12–13.

В криминалистической литературе постоянно отмечается, что развитие криминалистики зависит от содержания уголовного права. Еще основатель криминалистики Г. Гросс образно отмечал: там, где кончается уголовное право, – начинается криминалистика. Этим подчеркивалось, что криминалистика может создаваться только на базе уголовного права.

Недостаточно только констатировать наличие такой общей зависимости между уголовным правом и криминалистикой. Следует детально разобраться в содержании всех связей, которые реализуют эту зависимость. Только такой путь даст дальнейшее научное развитие криминалистики, повышение уровня ее служения целям уголовного права путем создания системы криминалистики, полностью обеспечивающей реализацию идей уголовной политики правового социального государства.

Для того чтобы обеспечить научный подход к изучению процессов связей уголовного права и криминалистики, представляется необходимым рассматривать уголовное право как матрицу, которая определяет путь ее дополнения, установление связей между элементами матрицы, чем и должна заниматься криминалистика.

Установление связей между элементами уголовно-правовой матрицы, определение систем фактов, действий для установления элементов матрицы через научные исследования создают криминалистическую модель преступления. Это и составляет основную сущность криминалистики.

Познание уголовно-правовой матрицы происходит через выделение в ней целей и задач, необходимых для разработки более полной модели.

Как же следует для этого изучать уголовное право? Прежде всего, надо изучать общую часть уголовного права, которая определяет основные элементы преступления, наличие преступного результата, действий человека, приведших к преступному результату, причинной связи между действиями человека и результатом, виновного отношения человека при совершении действий.

Все эти элементы и создают совокупность целей криминалистики, которые она обязательно должна обеспечивать в процессе реализации научных исследований и разработки рекомендаций для практической деятельности по расследованию. Цели эти следующие: установление факта преступления, виновности человека, причинной связи между его действиями и наступившим результатом.

Определение этих целей криминалистики уже позволяет сделать вывод, что современная структура этой науки не обеспечивает достижения всех этих целей. В криминалистике изучаются пути познания преступного результата, причинные связи, действия лица, совершившего преступление. Однако до настоящего времени мы не имеем системы рекомендаций по установлению виновности в совершенном преступлении. Это приводит к целому ряду недостатков в процессе расследования преступлений. Достаточно указать, что нередки случаи переквалификации умышленного хищения на халатность именно в связи с тем, что в криминалистике не разрабатываются четкие рекомендации по определению совокупности действий, обязательно совершаемых при умышленном преступлении.

Кроме системы целей, уголовное право определяет для криминалистики также систему задач. Можно выделить общие и частные задачи.

К общей задаче следует отнести изучение личности обвиняемого. Решение такой общей задачи при расследовании каждого уголовного дела важно не только для определения меры наказания, но и для решения вопроса о неприменении наказания.

Формулирование такой задачи позволяет опять же прийти к выводу, что в настоящее время в криминалистике нет специального раздела, который был бы специально посвящен разработке рекомендаций по изучению личности обвиняемого, по совершению совокупности необходимых действий, формулированию выводов и суждений о личности обвиняемого. И в данном случае формулирование общей задачи уголовного

права дает основание для внесения изменений в структуру построения криминалистики.

Уголовное право формирует для криминалистики и систему частных задач, которые также необходимо решать для построения криминалистической модели преступления. К таким задачам можно отнести: установление материального ущерба, морального ущерба, неоднократность совершения преступных действий, особые способы совершения преступных действий (жестокость) и другие.

Решение всех перечисленных целей, общих и частных задач уже позволяет в криминалистике, базируясь на уголовном праве, как матрице, сформировать общую криминалистическую модель преступления. Она будет значительно полнее элементов матрицы и в то же время будет направлена на обеспечение этой уголовно-правовой матрицы.

Криминалистическая модель преступления включает в себя и изучение процессов отражения каждого из перечисленных выше элементов модели. Это существенно увеличивает общую совокупность элементов криминалистической модели и обеспечивает существенное повышение ее роли в реализации уголовно-правовой матрицы.

Уголовное право влияет на развитие криминалистики и всем содержанием особенной части. Каждый состав уголовного преступления формирует свою матрицу, которая требует соответствующей криминалистической модели преступления. Эти вопросы также должны более глубоко разрабатываться криминалистикой в разделе «Криминалистическая методика расследования отдельных видов преступлений».

Такое изложение, конечно, изменит подходы к содержанию криминалистики, но главное, более полно обеспечит решение целей и задач уголовного права, а тем самым и повышение уровня правосудия.

Основы формирования общей теории борьбы с преступностью

Публикуется по статье: Дулов, А. В. Основы формирования общей теории борьбы с преступностью / А. В. Дулов // Сохраняя прошлое, определяя настоящее, предвосхищая будущее : сб. науч. тр., посвящ. 90-летию д-ра юрид. наук, проф., заслуж. деятеля науки Респ. Беларусь А. В. Дулова / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Г. А. Шумак (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2014. – С. 11–24.

Развитие науки осуществляется на основе уже познанных закономерностей. К таким закономерностям относятся процессы интеграции и дифференциации. Интеграция проявляется в постоянно развивающихся закономерных связях между различными науками. Углубление и расширение целей научного исследования неминуемо приводит к тому, что для их достижения необходимо использовать данные других наук, тесно взаимодействовать с ними. Взаимодействие постоянно порождает новые методы, средства исследования, что и позволяет расширять сферу познания явлений, процессов.

В развитии современной науки все больше проявляются интеграционные процессы. Усложняются объекты исследования, что требует взаимодействия ряда уже сложившихся наук, создания новых отраслей знаний. Усложняющиеся процессы изучения объективного мира, социальной действительности делают интеграционные процессы обязательным условием развития наук. Такая же тенденция происходит и в праве.

Появление новых объектов исследования (космос, экология и т.д.), новых углубленных задач исследований приводит к формированию новых отраслей права.

Но интеграционные процессы проявляют себя и в тенденции формирования циклов, блоков наук. Необходимость этого определяется наличием общей цели, единого объекта воздействия. Такая тенденция проявляется и в праве, в частности в формировании комплекса наук, призванных обеспечить борьбу с преступностью.

Изучение взаимосвязей между науками уголовно-правового цикла постепенно становится постоянным объектом их исследования. Наиболее часто упоминают о связях между уголовным правом и уголовным процессом.

К. Маркс отмечал, что судебный процесс рассматривают только как «надежный конвой, который должен препроводить противника в тюрьму, простое приготовление к экзекуции, а где процесс желает быть чем-то большим, там его заставляют молчать»[1]. Далее К. Маркс, развивая свой анализ, писал: «Если судебный процесс сводится к одной только бессодержательной форме, то такая пустая формальность не имеет никакой самостоятельной ценности. С этой точки зрения китайское право стало бы французским, если бы его втиснули в форму французской процедуры; материальное право, однако, имеет свои необходимые, присущие ему процессуальные формы. Как в китайском праве обязательно фигурирует палка; как с содержанием средневекового уголовного уложения, в качестве процессуальной формы, неразрывно связана пытка, – подобно этому гласный, свободный процесс составляет необходимую принадлежность гласного по своей природе содержания, продиктованного свободой, а не частным интересом. Судебный процесс и право так же тесно связаны друг с другом, как, например, формы растений связаны с растениями, а формы животных – с мясом и кровью животных. Один и тот же дух должен одушевлять судебный процесс и законы, ибо процесс есть только форма жизни закона, следовательно, проявление его внутренней жизни»[2].

По поводу этой цитаты М.С. Строгович в своем «Курсе уголовного процесса» писал: «Эта яркая и выразительная характеристика очень хорошо показывает роль и значение процессуальных форм и их связей с материальным правом. Они неотделимы друг от друга, так как через уголовный процесс находит свое осуществление и применение в жизни уголовное материальное право»[3].

В действительности же приведенная цитата, образно характеризуя зависимость уголовного процесса и уголовного права, совершенно не претендует на раскрытие связей между этими науками. Да такая

---

1 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. I. С. 157.

2 Там же. С. 158.

3 Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. С. 86.

задача тогда и не стояла. Совершенно ясно, что исследование связей между науками требует глубокого раздельного исследования их содержания, выяснения общих задач этих наук, путей их разрешения.

В настоящее время без глубокого изучения связей нельзя развивать дальше ни уголовный процесс, ни уголовное право. Как они влияют друг на друга, какое влияние эти связи оказывают на конечный результат – борьбу с преступностью, как можно и следует регулировать эти связи? Эти и многие другие вопросы еще требуют внимательного исследования.

В юридической литературе рассматривались взаимосвязи уголовного права и криминологии. Но детально исследование целей, сущности, методов взаимосвязей не осуществлялось.

Имеются указания общего характера на взаимосвязь уголовного права и криминалистики. Интересно отметить, что наиболее точно сущность этой взаимосвязи определил еще Г. Гросс при формировании новой науки криминалистики. Он писал: «Криминалистика по природе своей начинается лишь там, где уголовное право, также по своей природе, прекращает свою работу: материальное уголовное право имеет своим предметом изучение преступного деяния и наказания, формальное уголовное право (процесс) заключает в себе правила применения материального уголовного права. Но каким именно способом совершаются преступления? Как исследовать эти способы и раскрывать их, какие были мотивы совершения такового, какие имелись в виду цели – обо всем этом нам не говорит ни уголовное право, ни процесс. Это составляет предмет криминалистики»[1].

Впоследствии это общее указание оказалось забытым, и об уголовном праве в криминалистике упоминают лишь в разделе «Методика расследования отдельных видов преступлений» как об обстоятельстве, конкретизирующем направленность различного содержания методик расследования.

Обращалось внимание и на связь уголовного процесса и криминалистики. Так, П.С. Элькинд делала вывод, что «дальнейшее развитие уголовно-процессуальной науки и законодательства, как и дальнейшее совершенствование технико-криминалистических средств в уголовном судопроизводстве, возможно только при условии взаимообогащения науки уголовного процесса и криминалистики»[2]. Но на какой теоретической основе должно происходить это взаимообогащение, в чем оно заключается, как должно реализовываться?

Обычно ограничиваются указанием, что при осуществлении следственных действий обязательно должны выполняться все требования

---

[1] Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики / пер. с нем. СПб., 1908. С. 8.

[2] Элькинд П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976. С. 109.

уголовно-процессуального законодательства. Но это только одна из сторон связи уголовного процесса и криминалистики. Проблема изучения связей стала настоятельно необходимой с появлением термина «науки уголовно-правового цикла». Значит, имеется целая группа наук, которые тесно связаны между собой. В чем заключаются эти связи, как их надо развивать и совершенствовать? Какое влияние они оказывают на развитие каждой науки, на достижение общей цели – борьбы с преступностью?

Ответить на эти и многие другие вопросы можно только в том случае, если целенаправленно, системно выявить, а затем комплексно исследовать все их связи.

К сожалению, цикл уголовно-правовых наук в комплексе пока не изучается. В то же время совершенно очевидно, что проблема активизации борьбы с преступностью настоятельно требует проведения таких исследований. Это, безусловно, выявит новые горизонты в управлении общим процессом борьбы с преступностью, откроет и новые возможности в развитии каждой из наук, входящих в этот цикл.

Практика крайне нуждается в подобных исследованиях. Такая потребность существует на тактическом и стратегическом уровнях. И следователь, и судья при расследовании, судебном рассмотрении уголовных дел комплексно применяют знания уголовного права, уголовного процесса, криминалистики и других наук. Эти знания используются и при разработке государственных программ, мероприятий, направленных на организацию борьбы с преступностью. Отсюда требуется и комплексное изучение этих наук.

Что же надо делать для такого комплексного изучения? Прежде всего, возникает необходимость формирования методологической основы исследования. Такая база имеется у уголовного права, процесса, криминалистики. Но, когда ставится задача исследовать комплекс в целом, методологическая основа каждой из этих наук уже недостаточна. Новая методологическая основа прежде всего обеспечивается применением структурного подхода. Совокупность наук всего цикла должна рассматриваться как система. Это дает возможность определить содержание данной системы: какие науки должны входить в совокупность ее элементов. Причем важно установить, какие науки-элементы являются системообразующими, а роль каких определяется только решением конкретных практических или теоретических проблем, возникающих в ходе борьбы с преступностью на отдельных ее этапах.

При изучении системы необходимо:

Определить общую цель формирования, действия создаваемой системы. Такой общей целью является борьба с преступностью. Часто считается достаточным ограничиться указанием на то, что общность

цикла уголовно-правовых наук определяется их относимостью к единой цели – борьбе с преступностью. Но определение общей цели является только первоначальным этапом исследования. Если мы хотим использовать все положительные свойства общности этих наук, управлять процессом воздействия этой общности на борьбу с преступностью, следует значительно глубже изучать их в комплексе, устанавливая роль каждой науки, определяя, как каждая из наук дополняет, влияет на другие для достижения общей цели – усиления борьбы с преступностью.

2. Общая цель создает «дерево» целей, которые, в свою очередь, конкретизируют ее, определяют основные пути ее достижения. В связи с этим научные исследования постоянно направлены на выявление новых элементов в общей системе целей, на выявление всех составляющих, из которых складывается обеспечение общей цели (сбор информации, предупреждение преступления, пресечение преступлений, расследование, судебное рассмотрение, исполнение наказания, ресоциализация и т.д.).

3. Определение всей системы функций, которые реализуются в деятельности по осуществлению борьбы с преступностью.

4. Определение всех видов связей в изучаемой системе.

Науки рассматриваемого цикла определяют, что является преступлением, как его можно предупреждать, выявлять, доказывать, определять вину и т.д. В этом их общая логическая связь. Но надо устанавливать и всю совокупность научно необходимых и обоснованных связей. Это составная часть системно-структурного подхода, так как структура состоит не только из элементов (наук), но и из связей между ними, отдельными функциями, действиями.

Для исследования связей в изучаемой системе уголовно-правовых наук предварительно необходимо иметь достаточно полное представление о самом понятии «связи».

Следует основываться на том, что философские исследования процессов отражения и многочисленные исследования естественных и социальных наук, подтвержденные экспериментальным изучением большого эмпирического материала, убедительно показали, что связи между явлениями проявляются как взаимодействие. Значит, уголовное право воздействует на процесс, а уголовный процесс, в свою очередь, влияет на формирование уголовного права. И так во всех дисциплинах, входящих в данную систему наук.

Взаимосвязи создаются специально для достижения намеченных целей, для решения поставленных задач, имеют различные уровни, виды. Взаимосвязи могут быть причинно-следственными, выступать в виде прогнозируемых зависимостей, могут определяться результатами исследования. Они могут проявлять себя как взаимозависимости, взаимодействие, взаимовлияние (непосредственное, опосредованное), наконец,

различными могут быть и цели взаимодействия: установление методологической или теоретической основы, взаимодействие при осуществлении функций, реализации средства, создании условий для явления, действия.

Все это указывает на исключительное многообразие роли взаимосвязей, а отсюда и сложности их изучения.

При реальном существовании множества отдельных наук формирование целостного комплекса может осуществляться только через изучение систем связей.

Для проведения подобных исследований представляется необходимым сформулировать основные методологические принципы их осуществления. Можно указать на следующие принципы:

1) изучение всех видов связей: системных, структурных, генезисных, функциональных, коммуникативных;

2) изучение всех форм проявления связей: причинно-следственных, зависимостей, спонтанных, внешне случайных и т.д.;

3) изучение связи каждой науки с основной целью образования системы. Конкретизируются цели, функции каждой науки по отношению к общей цели системы, ее функциям. Цели и функции конкретной науки основываются на общесистемных целях и функциях и в то же время конкретизируют, обогащают, совершенствуют их. Причем этот процесс может идти по следующим направлениям: а) осмысление и углубленное исследование реально существующих, функционирующих связей; б) поиски следов возможно существующей, но скрытой связи для исследования ее действительной значимости и ее полной легализации в системе наук; в) выдвижение гипотез о связях, которые надо развивать для формирования системы наук, развития каждой науки;

4) изучение всех связей с другими науками, входящими в изучаемую систему. Надо изучать связи со всеми науками, все виды связи. Только такой подход обеспечит достижение общей цели системы – организацию и активизацию борьбы с преступностью, развитие вклада каждой науки в достижение этой общей цели. Пока эти связи полностью не сформулированы, что и приводит к тому, что они изучаются недостаточно. Так, в науке уголовного права разрабатываются связи с криминологией, исправительным правом, в меньшей степени – с уголовным процессом, совсем мало – с юридической психологией, юридической этикой, теорией профилактики, криминалистикой.

В криминологии изучение внешнесистемных связей развито еще меньше. Так, не исследуются связи с уголовным процессом, криминалистикой. В то же время именно криминалистика изучает материальную сторону преступления, которая во многом определяется социальными связями, отношениями. Отсюда ясно, что использование результатов криминалистического изучения материальной структуры преступления

крайне важно для исследования и тех социальных факторов, которые изучает криминология.

Можно выделить три основные группы связей, которые надлежит изучить при исследовании системы уголовно-правовых наук.

Первая группа – системообразующие связи. Они формируют цели, методологические основы, функции системы, т.е. все то, что создает базис любой интеллектуальной системы. Здесь создается основа связей между всеми науками: формируется их общая цель (древо целей), функции, выполняемые системой.

Вторая группа – внешние связи системы наук. Система не существует сама по себе. Это относится и к системам наук: они определяются и зависят от потребностей общества (тех экономических, социальных, технологических систем, которым призваны служить); от других групп наук и т.д.

Внешние связи влияют на формирование теоретической, методологической основы наук, условия их развития, цели и направления предмета наук. Эти связи двухсторонние: система наук через них обогащается и в то же время обогащает их своими знаниями. Связи между науками позволяют устанавливать общие методологические основы исследования образуемой системы наук.

Только анализ и синтез всех внутренних и внешних связей каждой науки позволит правильно определить общую методологию исследования, сформировать в конечном итоге эффективно действующую систему борьбы с преступностью.

Третья группа – это связи внутри системы. Они существуют между всеми элементами, системами (науками) и направлены на взаимообогащение каждой науки. Эти связи обеспечивают формирование методологической и теоретической основы каждой науки, возможность использовать уже разработанные в других науках методы, средства, рекомендации. Связи создаются для выполнения общесистемных целей, функций, что, в свою очередь, формирует системообразующие связи с целями, функциями общей системы.

Реализация системного подхода и изучение группы уголовно-правовых наук закономерно должны привести и к углубленному изучению каждой науки, входящей в систему. Каждая из них, в свою очередь, рассматривается как система и изучается по вышеизложенным принципам. Это значит, что должны изучаться: 1) все внешние связи конкретной науки, которые определяют, влияют на ее содержание и развитие, и те, которые обеспечивают воздействие содержанием, результатами своих исследований на другие науки; 2) связи, формирующие самостоятельность науки; 3) связи, формирующие систему данной науки.

Конкретное изучение связей между науками, безусловно, откроет еще много нового и неожиданного. Самое главное, что это определит новые горизонты исследования, будет способствовать развитию общей системы научного обеспечения борьбы с преступностью.

Так, исследование связей закономерно приводит к созданию условий для более углубленного исследования функций как системы в целом, так и применительно к каждой науке.

Особенность цикла уголовно-правовых наук проявляется в том, что каждая из них обязательно оказывает влияние, обеспечивает, помогает становлению, развитию всех других наук своего цикла. Именно поэтому они и создают единую систему. Такая специфическая взаимосвязь наук приводит к формированию в каждой из них методологической функции. Каждая наука обязана обобщать, систематизировать свои теории, методы, средства, содержание таким образом, чтобы эта информация как можно полнее могла быть воспринята другими науками.

Методологическая функция уже прочно определилась в юридической психологии, юридической этике за счет тесных связей с такими науками, как психология, этика, теория права. Но эта функция существует и у уголовного права, уголовного процесса, криминалистики, что определяется исследуемым содержанием, связями с социальными науками, общей теорией познания, отражения и т.д. Выделение такой функции будет способствовать консолидации и развитию каждой науки цикла, системы в целом.

Целостное исследование системы уголовно-правовых наук приведет к существенному обогащению методологических основ и каждой из них. Это обеспечивается внутренними связями каждой науки, общими целями и функциями, связями с другими науками, входящими в систему уголовно-правового цикла. Так, существенное развитие методологических основ закономерно ожидается от связей с развитием юридической психологии, юридической этики. Они изучают психологические, нравственные отношения в обществе, их влияние на правовую систему. Соответственно, эти знания, уже в качестве методологической основы, будут использоваться в уголовном праве, исправительном праве, уголовном процессе, криминалистике.

Исследование связей позволит существенно активизировать изучение профилактической деятельности. У права имеется общая цель – предупреждение возникновения дефектов, опасностей, конфликтов в обществе. Решение этой задачи присуще в той или иной мере уголовному праву, уголовному процессу, криминалистике, юридической психологии. Таким образом, каждая наука выполняет профилактическую функцию.

Выявление связей, образующихся сочетанием функций профилактики в каждой науке, приводит к выводу о наличии общесистемной функции профилактики преступлений, которая уже определяет, организует,

конкретизирует реализацию этой функции в уголовном праве, уголовном процессе, криминалистике и т.д. Множественность связей по функции профилактики между всеми науками требует их упорядочения, т.е. создания самостоятельной общей теории (а возможно, и самостоятельной науки) профилактики преступлений.

Изучение систем связей способно выделить еще одну функцию – предсказательную. Появляется возможность предвидеть, какие науки, теории следует разрабатывать в пределах системы уголовно-правовых наук.

Выявление всех видов связей между науками уголовно-правового цикла является необходимым средством развития каждой науки и всей системы в целом.

Изучение связей, объединение их в группы может привести к необходимости формирования новых отраслей в существующей системе уголовно-правовых дисциплин. Это происходит в тех случаях, когда цели установленных взаимосвязей не могут быть обеспечены существующим комплексом наук. Так, последовательное применение системного подхода к изучению целей и связей позволяет сделать вывод о необходимости формирования науки управления процессами борьбы с преступностью, комплексно исследующей возможности уголовно-правовых наук в реализации общей задачи правового государства по обеспечению безопасности общества и каждой личности во всех сферах жизни.

Изучение связей может привести и к изменению системы построения отдельных наук данного цикла. Они должны в большей степени учитывать необходимость исследования всех систем связей, последовательность в их изучении. Возникает необходимость более четко определять основные блоки каждой науки (например, выделять общую и особенную часть) и изучать связи, зависимости между этими блоками. Это должно стать обязательным принципом развития всех наук уголовно-правового цикла. Так, например, в криминалистике последовательное применение системного подхода к изучению связей привело к формированию нового раздела - криминалистической стратегии.

Изложение значимости и путей исследования системных связей позволяет сделать вывод о том, что появилась потребность в формировании и разработке общей теории действия уголовно-правовой системы. Создание такой общей теории (а значит, и системы методов, средств) должно осуществляться самостоятельной наукой – теорией системы уголовно-правовых наук. Формирование такой теории явится существенным вкладом в развитие всех наук цикла, в повышение их роли в активизации практической деятельности по борьбе с преступностью, повысит системность, организованность, управляемость этой деятельностью.

Библиографический список трудов А.В. Дулова, опубликованных в настоящем издании

1. Дулов, А. В. Вопросы теории судебной экспертизы в советском уголовном процессе / А. В. Дулов. – Минск : Изд-во Белорус. гос. ун-та, 1959. – 187 с.
2. Годунов, В. Н. О проблемах подготовки юридических кадров в Республике Беларусь / В. Н. Годунов, А. В. Дулов // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3, Гісторыя, эканоміка, філасофія, псіхалогія, паліталогія, права. – 1994. – № 2. – С. 69–72.
3. Дулаў, А. В. Судовая або прававая (юрыдычная) псіхалогія / А. В. Дулаў // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3, Гісторыя, філасофія, эканоміка, права. – 1970. – № 1. – С. 77–80.
4. Дулаў, А. В. Павага да права, да закону павінна стаць асабістым перакананнем кожнага вучня / А. В. Дулаў // Нар. асвета. – 1977. – № 4. – С. 64–68.
5. Дулаў, А. В. І абавязвае, і выхоўвае : [аб адзінстве сац. права і маралі] / А. В. Дулаў // Чырв. змена. – 1981. – 6 мая. – С. 3.
6. Дулов, А. В. Правовая норма и нравственность / А. В. Дулов // Суд. весн. – 1992. – № 2. – С. 20–23.
7. Дулов, А. В. Нам не надо доказывать право на Победу / А. В. Дулов // Юстыцыя Беларусі. – 2005. – № 4. – С. 16–17.
8. Дулов, А. В. Нравственные основы культуры судебной деятельности / А. В. Дулов // Юстыцыя Беларусі. – 2000. – № 1. – С. 12–14.

9. Дулов, А. В. Основы расследования преступлений, совершенных должностными лицами / А. В. Дулов. – Минск : Университетское, 1985. – 168 с.
10. Дулов, А. В. Поисковый метод перебора вариантов при расследовании преступлений / А. В. Дулов // Тенденции и перспективы развития права и укрепления социалистической законности : сб. ст. / Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1990. – Вып. 4. – С. 227–229.
11. Дулов, А. В. Принципы построения науки криминалистики / А. В. Дулов // Право и демократия : сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1995. – Вып. 7. – С. 121–134.
12. Дулов, А. В. Метод криминалистического анализа / А. В. Дулов // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы : сб. науч. тр. / Науч.-исслед. ин-т проблем криминологии, криминалистики и судеб. экспертизы. – Минск, 1996. – Вып. 11. – С. 107–117.
13. Дулов, А. В. Актуальные проблемы развития криминалистической науки / А. В. Дулов, Г. А. Шумак // Проблемы криминалистического обеспечения борьбы с преступностью : сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т ; науч. ред. Г. А. Шумак. – Минск, 1998. – С. 3–9.
14. Дулов, А. В. Основы формирования криминалистической теории доказывания / А. В. Дулов, А. С. Рубис. – Минск : Харвест, 2005. – 263 с. (введ.; гл. 1, 1.1, 1.4; гл. 2; гл. 3, 3.3; закл.)
15. Дулов, А.В. Методологические теории криминалистики / А.В. Дулов // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2008. – № 1 (15). – С. 131–135.
16. Дулов, А.В. Взаимосвязи уголовного права и криминалистики / А. В. Дулов // Инновационные проблемы и перспективы развития правоприменительной деятельности : материалы междунар. науч.-практ. конф., Гродно, 27–28 марта 2009 г. / Грод. гос. ун-т ; редкол.: Г. А. Зорин (отв. ред.) [и др.]. – Гродно, 2009. – С. 12–13.
17. Дулов, А.В. Основы формирования общей теории борьбы с преступностью / А.В. Дулов // Сохраняя прошлое, определяя настоящее, предвосхищая будущее : сб. науч. тр., посвящ. 90-летию д-ра юрид. наук, проф., заслуж. деятеля науки Респ. Беларусь А.В. Дулова / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Г. А. Шумак (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2014. – С. 11–24.

Научное издание

Наследие права

ДУЛОВ Андрей Васильевич

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

Ответственный за выпуск
Е. С. Стрига

Редакторы
В. Л. Ксюк, Е. С. Шагун

Компьютерная верстка
О. П. Карасюк

ЮрСпектр
Правовые информационные технологии
ilex podpis.by

Подписано в печать 30.08.2024. Формат 60x90/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 32,5. Уч.-изд. л. 28,59. Тираж 300 экз. Заказ 1977.

Общество с ограниченной ответственностью «ЮрСпектр».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/531 от 27.06.2018.
Ул. Ф. Скорины, 40, к. 328 (адм. корп.), 220141, г. Минск.

Общество с ограниченной ответственностью «Поликрафт».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий № 2/14 от 21.11.2013.
Ул. Кнорина, 50, корп. 4, к. 401а, 220103, г. Минск.